

2045

К

ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО,
состоящее при Императорскомъ Техническомъ Училищѣ.

P. Khudiakov

ПУТЬ КЪ ЦУСИМЪ.

Посвящается памяти товарищей-
техниковъ погибшихъ въ Цусим-
скомъ бою.

П. К. Худяковъ,

профессоръ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища.

Издание 2-е, существенно дополненное. Съ отдѣльной картой
Цусимскаго боя.

Цѣна два рубля.

МОСКВА.—1908.

Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.

62052

Путь къ Цусимѣ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Цусимскомъ сраженіи погибли *шесть инженеровъ*, окончившихъ курсъ въ Московскомъ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ и работавшихъ во флотѣ въ качествѣ механиковъ. Въ кругу ихъ товарищей, составляющихъ Политехническое Общество при И. Т. У-щѣ, возникла мысль—почтить ихъ память: 1) путемъ образованія при Политехническомъ О-вѣ капитала имени нашихъ Цусимскихъ героевъ, доходы съ котораго пойдутъ при О-вѣ на доброе благотворительное дѣло, 2) путемъ составленія и напечатанія біографическаго очерка ихъ жизни и работы во флотѣ.

Выполненіе этой второй задачи выпало на мою долю. Матеріаломъ для составленія этого біографическаго очерка могли послужить мнѣ главнымъ образомъ данныя тѣхъ лицъ, которыя ближе меня знали въ отдѣльности каждаго изъ погибшихъ героевъ, т.-е. данныя, которыя можно было получить отъ ихъ родственниковъ, друзей, знакомыхъ, а также—и отъ участвовавшихъ соплавателей по эскадрѣ. Ко всѣмъ этимъ лицамъ было сдѣлано мною обращеніе на страницахъ *Вѣстника Политехническаго О-ва*.

Получая отъ нихъ этотъ матеріалъ и разбираясь въ немъ, я очень быстро увидалъ, что, говоря о дѣятельности нашихъ товарищей-героевъ во флотѣ, нельзя не обратить вниманія и на ту, *общую для всѣхъ нихъ*, обстановку труда, среди которой протекли ихъ послѣдніе скорбные часы.

При ближайшемъ знакомствѣ съ этой обстановкой все болѣе и болѣе выяснялось попутно также и то, *съ чѣмъ, съ кѣмъ и какъ* они шли на Д. Востокъ. А совокупность всего этого съ каждымъ шагомъ все яснѣе и яснѣе обрисовывала *коренныя причины*, отъ которыхъ зависѣли наши неудачи въ бою. Указанія на эти причины оказались въ наличности въ большомъ количествѣ также и въ нашей прессѣ, и въ технической литературѣ. Тогда у меня явилась мысль собрать воедино весь этотъ безпорядочно разбросанный матеріалъ, обработать его и въ сжатой формѣ передать въ видѣ вступленія къ біографіи нашихъ товарищей, погибшихъ въ бою.

Собравши и обработавши этотъ матеріалъ, мы сплетемъ лучший нетлѣнный вѣнокъ нашимъ безвременно погибшимъ товарищамъ. Мы сдѣлаемъ это въ сознаніи того, что, тщательно не изучивши всѣхъ нашихъ и чужихъ ошибокъ въ прошломъ, нельзя побѣждать и въ

будущемъ. Забвеніе этой истины никому не проходитъ даромъ; а въ такомъ дѣлѣ, какъ морское и военное, оно ведетъ къ катастрофамъ, за которыя больше всего расплачиваются ни въ чемъ неповинные.

Такого рода подготовительныя главы вступленія позволили мнѣ потомъ совсѣмъ не повторять однѣхъ и тѣхъ же печальныхъ подробностей во всѣхъ отдѣльныхъ біографическихъ очеркахъ. Кромѣ того, эти главы попутно выяснили общую картину нашей неподготовленности и нашей неумѣлости въ дѣйствіяхъ, этого застарѣлаго недуга нашей бюрократіи, которая за свои дѣйствія и за бездѣйствіе фактически у насъ никогда не несла и до сихъ поръ еще не несетъ ни передъ кѣмъ никакой отвѣтственности. Выясненіе этого недуга, при наличности полученнаго мною матеріала, позволило мнѣ освѣтить его такими данными, которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы совсѣмъ никогда не сдѣлаться общимъ достояніемъ; а умышленное или случайное замалчиваніе такихъ данныхъ могло бы только потворствовать дальнейшему распространенію недостатковъ, показавшихъ себя на дѣлѣ подъ Цусимою уже достаточно скорбно, тяжело и дорого для нашей родины.

Разработка этихъ главъ вступленія нѣсколько расширила первоначально поставленную мною себѣ задачу, но зато ея рѣшеніе получило болѣе общій интересъ.

Первое изданіе этой работы въ смыслѣ ея распространенія имѣло довольно солидный успѣхъ. Кромѣ того, благодаря главнымъ образомъ этой именно работѣ, Политехническое О-во въ короткое время имѣло возможность собрать капиталъ имени Цусимскихъ героевъ, о которомъ говорилось выше. На 1-е января 1908 г. въ этомъ капиталѣ числилось уже около 4250 рублей, собранныхъ изъ большого числа очень некрупныхъ отдѣльныхъ пожертвованій. Въ этотъ же капиталъ поступила и далѣе будетъ поступать также и вся выручка отъ продажи этой книги; эта вторая доля и теперь составляетъ уже приблизительно около половины всего этого капитала. Пріемъ пожертвованій въ этотъ капиталъ продолжается и далѣе. Выдачи дивиденда на этотъ капиталъ пойдутъ въ помощь нашимъ товарищамъ-техникамъ, нуждающимся въ пособіи, на воспитаніе и образованіе дѣтей ихъ.

Рецензіи объ этой работѣ помѣстили у себя „Русскія Вѣдомости“, „Камскій Край“, „Moskauer Deutsche Zeitung“.

Журналъ „Вѣстникъ Европы“ въ X-й книжкѣ за 1907 г. въ своемъ литературномъ обзорѣ выразился такъ: „Годъ назадъ вся читающая Россія съ содроганіемъ прочитала книгу профессора Худякова „Путь къ Цусимѣ“, одинъ изъ самыхъ потрясающихъ мартирологовъ, какой когда-либо былъ написанъ“...

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 278 отъ 14 ноября 1906 г.) рецензія о книгѣ была написана въ такихъ выраженіяхъ:

„Книгу эту нельзя читать безъ глубокаго волненія, безъ чувства глубокой скорби о погибшихъ, безъ ненависти къ виновникамъ столькихъ смертей, такого ужаса... Болѣе полутора года прошло съ тѣхъ поръ, какъ русскій флотъ пріять смерть подъ Цусимою. Время дѣлаетъ свое дѣло; и то, что было писано тогда про страшное пораженіе, начало забываться въ суетѣ текущихъ событій. Но вотъ заговорили тѣни безвременно погибшихъ русскихъ моряковъ. По письмамъ этихъ героевъ, павшихъ жертвою бюрократическаго строя, написаннымъ не для газетъ, а къ родителямъ и близкимъ друзьямъ, восстановлена въ разбираемой книгѣ картина всего того ужаса, безалаберности, своеволія, самодурства, пьянства и невѣжества, съ которыми пришлось

уживаться до момента гибели почившимъ. Къ этимъ яркимъ описаніямъ добавили свѣдѣнія кое-кто изъ участниковъ Цусимскаго боя, вернувшихся изъ японскаго плѣна. Высокій интересъ придаетъ помѣщенное въ книгѣ описаніе Цусимскаго боя, составленное американскимъ лейтенантомъ Уайтомъ по подробнѣйшимъ матеріаламъ, доставленнымъ Уайту однимъ изъ участниковъ Цусимскаго боя⁴.

Журналы, имѣющіе тѣсное соприкосновеніе съ морскими сферами, предпочли обойти мою работу молчаніемъ; имъ это выгодно; иначе пришлось бы или кривить душой, или огорчить начальство и цѣлый рой нужныхъ имъ людей; поэтому въ своемъ библиографическомъ отдѣлѣ они довольствуются по преимуществу разборомъ такого историческаго матеріала, въ которомъ о Россіи и помину нѣтъ, и при обращеніи съ которымъ настроеніе начальства не будетъ испорчено. А если когда выйдетъ изъ-подъ пера своихъ единомышленниковъ такая книга, къ которой начальство благоволитъ, такъ оно и само укажетъ на нее и сообщитъ даже адресъ, гдѣ ее можно купить (см. приказъ № 135 Главнаго Морского Штаба отъ 7 апрѣля 1907 г., напечатанный въ „*Морскомъ Сборникѣ*“ и предупредительно сообщающій о выходѣ въ свѣтъ одной изъ такихъ книгъ).

Тѣмъ не менѣе и безъ такого содѣйствія эта работа сдѣлалась извѣстною нашимъ морякамъ¹); старшіе изъ нихъ, наиболѣе виновные въ подготовкѣ Цусимской катастрофы, разумѣется, очень недовольны книгою, какъ весьма полнымъ сборникомъ всѣхъ фактовъ и свѣдѣній, обрисовка которыхъ нашими товарищами была сдѣлана въ свое время со всею откровенностью и нелицепріятностью, не предполагая, что обстоятельства времени позволяютъ сдѣлать ихъ сообщенія когда-либо достояніемъ печати и раскрыть русской читающей публикѣ глаза на дѣянія той замкнутой касты, содержаніе которой все время ложилось на бюджетъ Россіи такимъ тяжелымъ бременемъ²) и непроизводительнo отнимало народныя средства отъ удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей страны, надолго обрекая главныя массы ея народонаселенія на безграмотность и на полунищенское существованіе...

Послѣ выхода изъ печати этой моей работы я получилъ изъ морскихъ сферъ отъ участвовавшихъ участниковъ Цусимскаго боя цѣлый рядъ писемъ, которые только еще ярче и опредѣленнѣе позволяютъ мнѣ теперь освѣтить многія отрицательныя стороны всей подготовительной работы, предшествовавшей бою, а также самаго боя и послѣдовавшаго за нимъ возвращенія на родину. Эти новыя данныя во множествѣ введены мною въ этомъ второмъ изданіи книги какъ въ основной текстъ ея, такъ и въ сноски, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ. Возраженій по существу сдѣланнаго мною изложенія предмета и вообще какихъ-либо вѣскихъ мнѣ возраженій въ этихъ письмахъ не содержится. Имѣлъ впрочемъ претензію оспаривать наличность сильнаго развитія алкоголизма въ русскомъ военномъ флотѣ лейтенантъ *Штеръ*, убитый впослѣдствіи во Владивостокѣ въ 1907 г. во время октябрьскаго бунта; но и его возраженіе сводилось все къ тому, что „во флотѣ и въ сухопутной арміи у насъ пьютъ одинаково;

¹) Объявленіе о моей книгѣ въ „*Нов. Времени*“, напр., было помѣщено случайно какъ разъ подъ объявленіемъ отъ выпуска Морского Училища 1887 г., который по случаю XX-лѣтія устраивалъ товарищескій обѣдъ въ ресторанѣ у Контана въ СПб.

²) За 10 послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ войнѣ, морской бюджетъ Россіи достигъ 900 милліоновъ рублей, увеличившись къ концу этого краткаго періода почти вдвое.

нельзя сказать гдѣ больше, гдѣ меньше“... Оспаривать это мнѣніе человека, такъ долго жившаго въ П.-Артурѣ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ нѣкоторыми сухопутными частями нашей арміи я не стану.

При подготовкѣ матеріала для 2-го изданія этой книги явился возможность сдѣлать и помимо этого весьма много существенныхъ добавленій. Они разбросаны почти по всѣмъ страницамъ книги (и въ основномъ текстѣ, и въ сноскахъ). Особенно много ихъ приходится на отдѣлы II-й, IV-й, V-й и VI-й этой книги. Въ первомъ изданіи книги фактическій матеріалъ относился главнымъ образомъ къ броненосцамъ; а для 2-го изданія счастливо удалось пополнить прежній матеріалъ и добыть богатые, цѣнные, вполне правдивыя данныя, касающіяся отряда Добровольскаго, вспомогательныхъ крейсеровъ и транспортовъ.

Использовать весь доставленный мнѣ матеріалъ въ подлинникахъ не пришлось и теперь: одну часть его можно было взять только въ извлеченіи; на основаніи другой была сдѣлана провѣрка ранѣ добытыхъ данныхъ; на основаніи третьей были усилены или ослаблены сдѣланныя въ разныхъ мѣстахъ характеристики, выводы; для многаго не пришло еще время сдѣлаться общимъ достояніемъ въ печати; нѣкоторые подробности надо было оставить пока въ резервѣ...

Безъ надобности я не даю въ этой книги ни одной фамиліи дѣйствующихъ лицъ, ни одного названія судна, гдѣ происходило дѣйствіе; но весь этотъ матеріалъ имѣется у меня въ наличности въ черновикахъ, записанныхъ и провѣренныхъ такими участниками въ работѣ нашей Цусимской эскадры, которые смотрятъ на дѣло вполне здраво, объективно, нелицеприятно, и къ которымъ я имѣю полное основаніе относиться съ довѣріемъ и уваженіемъ.

Содержаніе всей этой работы распадается на нѣсколько главъ:

- I. Островъ Цусима, нашъ памятникъ у братской могилы.
- II. Цусимская катастрофа и ея неизбежность.
- III. Боевая мощь русскаго и японскаго флота во время войны 1904—5 г.
- IV. Наша Балтійско-Цусимская эскадра и ея недостатки.
- V. Личный персоналъ эскадры и его *полная неподготовленность* къ отвѣтственной работѣ, когда понадобилось проявить ее на дѣлѣ.
- VI. Переходъ эскадры отъ Кронштадта до Цусимы.
- VII. Цусимскій бой.
- VIII. Разборъ дѣла Небогатова на судѣ.
- IX. Цусимскіе герои.

Составленіе III-й главы, по моей просьбѣ, любезно принялъ на себя нашъ уважаемый сочленъ и мой дорогой другъ, инженеръ-механикъ Владиміръ Григорьевичъ Шуховъ. Какъ отличный знатокъ иностранной литературы предмета, разобраннаго въ этой главѣ, Вл. Гр. съ поразительной пунктуальностію пророчески предсказывалъ исходъ всѣхъ пережитыхъ нашей родиной печальныхъ событій задолго до ихъ практическаго осуществленія нашей бюрократіей. При его же добромъ содѣйствіи составлена также и значительная часть главы VII-й.

Кромѣ этого сотрудника, пришли мнѣ на помощь въ этой работѣ и другія уважаемыя лица, опубликованіе фамилій которыхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, я пока не могу сдѣлать. Всѣмъ лицамъ, которыя пожелали оказать мнѣ содѣйствіе при выполненіи этой отвѣтственной работы и доставили мнѣ въ изобиліи какъ разработанный, такъ и черновой, вспомогательный фактическій матеріалъ, приношу мою искреннюю и глубокую благодарность.

При указаніи на литературные источники, которыми я пользовался при составленіи этой книги, въ сноскахъ мною допущены слѣдующія сокращенія:

- 1) „*Изданіе В. К. А. М.*“—это значить изданіе Великаго Князя Александра Михайловича. „*Военные флоты и морская справочная книжка*“, 1906 г.
- 2) „*Политовскій*“—это значить посмертное изданіе корабельнаго инженера Е. С. Политовскаго, описывающее переходъ эскадры „*Отъ Либавы до Цусимы*“, 1906 г.
- 3) „*А. Затертый*“—это значить брошюра А. Затертаго, бывшаго матросомъ броненосца „*Орелъ*“, подъ названіемъ „*Безумцы и безплодныя жертвы*“, 1907 г.
- 4) „*Капитанъ Семеновъ*“—это значить брошюра капитана Вл. Семенова изъ штаба Рожественскаго подъ названіемъ „*Бой при Цусимѣ*“, 1906 г.

Всѣ указанія на мои недосмотры въ этой работѣ, а также и всѣ дополненія къ ней, будутъ приняты мною всегда съ благодарностію.

Профессоръ Московскаго Императорскаго Техническаго У-ща

П. К. Худяковъ.

Островъ Цусима,

нашъ памятникъ у братской могилы.

„Не вѣрю я въ эскадру, какіе бы корабли въ ней ни были, и сколько бы ихъ ни насчитывали! Мало—имѣть боевые суда, надо еще умѣть использовать ихъ силу“... ¹⁾).

Островъ Цусима... До 1904 г. наши моряки могли проходить мимо этого острова такъ же равнодушно, какъ и мимо многихъ другихъ, разсѣянныхъ въ этомъ архипелагѣ. Но теперь.... теперь это — нашъ единственный пока народный памятникъ, приковывающій къ себѣ ихъ вниманіе, самую природою воздвигнутый на краю той братской могилы, въ которой погребены и русская эскадра, и болѣе четырехъ тысячъ русскихъ воиновъ...

Въ теченіе минувшей войны около этого острова наши морскія силы два раза терпѣли неудачу.

Сначала наши владивостокскіе крейсера вели здѣсь несчастливый бой съ эскадрою Камимуры. Это было 1-го августа 1904 года. Здѣсь нами былъ потопленъ тогда храбро сражавшійся съ непріателемъ „Рюрикъ“...

Всемирную же и печальную извѣстность это мѣсто приобрѣло послѣ историческаго сраженія 14 и 15 мая 1905 г., окончившагося полнымъ и безпримѣрнымъ въ исторіи разгромомъ нашего флота.

Надъ созиданіемъ его Россія работала болѣе двухъ десятилѣтій, и особенно громадныя суммы она затратила на это въ послѣднія 5—6 лѣтъ. На постройку и ремонтірованіе эскадры, потопленной подъ Цусимою, было нами истрачено всего около двухсотъ милліоновъ рублей. Эскадра снаряжалась и готовилась къ отплытію долѣе восьми мѣсяцевъ и почти столько же времени пробыла въ походѣ. На среднемъ ходу эскадра сжигала ежедневно до 200.000 пудовъ угля. Этотъ неслыханный доселѣ переходъ громадной эскадры на разстояніе многихъ десятковъ тысячъ верстъ безъ своихъ угольныхъ станцій на пути былъ сдѣланъ эскадрою съ громадными затратами и трудностями, но довольно успѣшно.

¹⁾ Мнѣніе погибшаго подъ Цусимою корабельнаго инженера *Политовскаго* послѣ шести мѣсяцевъ его походной работы на судахъ нашей Балтійско-Цусимской эскадры (см. посмертное изданіе его работы „Отъ Либавы до Цусимы“, 1906 г., стран. 178).

Вся эта колоссальная работа въ концѣ концовъ оказалась однако выполненною нами на „авось“, безъ опредѣленнаго конечнаго плана и безъ достаточнаго знанія силъ противника. Черезъ пять часовъ послѣ нашей встрѣчи съ нимъ въ бою участь нашей эскадры была уже рѣшена; гибель ея была неизбежна. Отъ мѣтко направленаго огня и отъ разрушительной силы японскихъ снарядовъ, градомъ обсыпавшихъ нашу эскадру, ее не могли спасти ни храбрость, ни мужество и стойкость отдѣльныхъ защитниковъ, которые работали съ немощными усилиями въ душной, ядовитой атмосферѣ и тяжелой боевой обстановкѣ. На боевую силу и умѣнье управлять ею надо было отвѣчать тѣмъ же, а у насъ не было въ этомъ сраженіи ни того ни другого; и пораженіе нашего флота было неизбежно... Одинъ за другимъ отъ превосходной и превосходно использованной японской артиллеріи гибли наши лучшія суда, гибли и люди...

Иначе и быть не могло. И только одни мы, русскіе граждане, были такъ не освѣдомлены; мы совсѣмъ не знали, что нашъ флотъ былъ завѣдомо не готовъ къ современному эскадренному бою, что Японцы его навѣрняка разстрѣляютъ прежде, чѣмъ онъ успѣетъ подойти на разстояніе, съ котораго наши плохіе снаряды могутъ вредить противнику...

Просторная братская могила вмѣстила въ себѣ всѣхъ и все,—и достойныхъ, и недостойныхъ, и хорошее, и дурное...

Тамъ легли многіе самоотверженные работники въ своемъ дѣлѣ; они погибли каждый на своемъ отвѣтственномъ служебномъ посту, погибли за работою, воодушевленные ею въ сознательной борьбѣ за честь и достоинство родины; они по своему слѣпо вѣрили въ могущество Россіи на морѣ; они всегда готовы были своими слабыми силами оберегать его и своей неустанной работою доказывать его всему міру: но только, къ ихъ несчастію, они почти безплодно затрачивали свою цѣнную работу среди окружавшаго ихъ безбрежнаго моря карьеризма, безучастнаго отношенія къ дѣлу, нежеланья работать и неумѣнья работать...

Тамъ погребены радость и надежды на лучшее будущее у многихъ тысячъ семействъ, лишенныхъ навсегда своихъ работниковъ, кормильцевъ и дорогихъ сердцу людей. Понесенная ими контрибуція слезъ и горя дороже всѣхъ милліардовъ, брошенныхъ нашей родиной на вѣтеръ и на дно морское...

Тамъ погребены многія тысячи тѣхъ, утрата которыхъ обильно орошается горькими народными слезами во всѣхъ обездоленныхъ и разбитыхъ семьяхъ.

Тамъ смерть нашла многихъ и тѣхъ, кто смотрѣлъ на русскій флотъ, только какъ на мѣсто призрѣнія для дѣтей потомственныхъ дворянъ и для дѣтей чиновъ морского вѣдомства.

Тамъ нашли свой удѣлъ многіе и тѣ, кто не любилъ морского дѣла, кто не слѣдилъ за его развитіемъ, кто самъ его не совершенствовалъ, кто другимъ не давалъ этого дѣлать, кто смотрѣлъ на него, какъ на красивую, веселую, пріятную и выгодно оплачиваемую забаву, какъ на привилегію той касты, къ которой принадлежалъ онъ самъ, къ которой иногда принадлежалъ его отецъ, и къ которой во всякомъ случаѣ могутъ принадлежать его сыновья, хотя бы къ работѣ, связанной съ серьезной морской службой, у нихъ не оказалось вполнѣтвѣніи ни малѣйшаго призванія.

Вмѣстѣ съ эскадрою тамъ, подъ Цусимой, опущены на дно морское также многочисленные, годами копившіеся, прошлые грѣхи на-

шей самовластной и безконтрольной бюрократіи въ области судостроенія; неразрывно съ нимъ были связаны у насъ и нерадѣніе къ казенной работѣ, и выполнение ея всегда дорого, не всегда хорошо, но со всей показной канцелярской волокитой, безнаказанной, позволявшей на долгіе годы затягивать работу и, при наличности всѣхъ показныхъ, оправдывающихъ ее, формальностей и документовъ, обильно „питать“ ею всѣхъ и вся, сообразно чину, рангу, выслугѣ лѣтъ, и особенно— благодаря протекціи, связямъ и степени опытности.

Тамъ, передъ этимъ народнымъ памятникомъ, наша бюрократія морского вѣдомства чистосердечно и всенародно должна была покаяться, и передъ всѣмъ міромъ сознаться, что, не взирая на сдѣланныя у насъ миллиардныя затраты на развитіе морского дѣла, „военнаго флота, какъ боевой силы, въ Россіи еще не существуетъ ²⁾, и что напрасны будутъ всѣ усилія созидать новый флотъ на прежнихъ началахъ“...

„Боевого флота до войны у насъ не было вовсе“, пишетъ лейтенантъ Вердеревскій спустя полтора года послѣ Цусимскаго разгрома ³⁾; у насъ было до этого „только случайное собраніе кораблей, которые довольствовались весьма немногимъ: лишь бы перемѣщаться по земному шару, получая чины, ордена, морское довольствіе и т. п.“. На этихъ корабляхъ работалъ офицерскій составъ, получившій свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, о которыхъ сами же моряки теперь пишутъ, что „за послѣдніе XXV лѣтъ въ нихъ почти ничему не учили ³⁾, а чему и учили, то плохо...“ На этихъ корабляхъ довольствовались „доморощенными электротехниками изъ минныхъ офицеровъ ³⁾, которые въ электрической сѣти своего корабля зачастую бродили, какъ въ лѣсу“; тамъ довольствовались „артиллеристами, не имѣвшими никакого понятія о стрѣльбѣ на морѣ“; тамъ довольствовались „штурманами, получившими на это отвѣтственное званіе свое право³⁾, не сходя съ набережной Васильевского острова въ городъ С.-Петербургъ...“

О качествахъ личнаго состава нашего небоевого флота адмиралъ Рожественскій откровенно пишетъ теперь въ такихъ выраженіяхъ ⁴⁾:

„Система образованія личнаго состава у насъ настолько устарѣла, что, если бы лучшими нашими людьми укомплектовать въ настоящее время эскадру изъ кораблей типа „Dreadnought“, являющагося послѣднимъ словомъ англійской кораблестроительной техники, если бы эти наши корабли были идеально построены и образцово снаряжены за границей, то и тогда, вслѣдствіе недостаточнаго развитія и навыка личнаго состава, такая эскадра настолько много теряла бы отъ этого въ своемъ боевомъ значеніи, что при столкновеніи съ равнымъ числомъ старыхъ линейныхъ кораблей любого изъ первоклассныхъ флотовъ, она была бы разбита на голову...“

Результатъ столкновенія нашей небоевой эскадры съ японскою въ 1905 г. другимъ и быть не могъ. Теперь это признаетъ и самъ Рожественскій. Но какая же для Россіи отъ этого польза, какое и кому въ этомъ утѣшеніе!...

²⁾ „Морской Сборникъ“, 1906, № 5, стран. 89.

³⁾ „Морской Сборникъ“, 1907, № 1, стран. 99.

⁴⁾ См. его статью „О направленіи развитія русскаго флота“ напечатанную въ „Морск. Сборн.“, 1907 г., № 1.

Цусимская катастрофа...

Мы шли къ этому!... Исторія не ждетъ; переэкзаменовокъ она не даетъ никому; съ нею нужно всегда быть готовымъ...
Вас. И. Немировичъ-Данченко.

„Ужасна была наша неподготовленность къ войнѣ, и ужасны преступленія бюрократіи передъ народомъ¹⁾... Цусима—преступленіе“...

Цусимская катастрофа... Если разобрать дѣло по существу, эта катастрофа произошла не случайно. Ее надо было ждать рано или поздно. Мы шли къ ней съ закрытыми глазами. Наша бюрократія, ослѣпленная своимъ самовластіемъ, вела Россію къ этой катастрофѣ исподволь, въ теченіе долгаго періода времени. Непроизвольны были только наши послѣдніе шаги, когда насъ заставили идти туда, куда мы не хотѣли бы, когда насъ заставили дѣлать то, къ чему мы вовсе не были приготовлены...

Первые зародыши пережитого нами великаго бѣдствія Россія добровольно начала выращивать еще около полувѣка тому назадъ, когда ее соблазнили, и она присоединила къ своимъ владѣніямъ „богатѣйшій“ *Амурскій край* съ его „непочатыми естественными богатствами“, но не имѣвшій тогда ни малѣйшей культуры и почти вовсе не заселенный. Это произошло сначала при содѣйствіи смѣлыхъ частныхъ предпринимателей и авантюристовъ и было закрѣплено послѣ многихъ дорого стоящихъ и не всегда удачныхъ военныхъ операцій съ нашей стороны²⁾.

Этотъ „золотой край“ впоследствии втянулъ Россію въ омутъ крайнихъ экспериментовъ бюрократіи; а они неудержимо вели насъ къ войнѣ, къ Мукдену и Цусимѣ.

Сдѣлавши это приобрѣтеніе, мы начали культивировать тамъ „наши интересы“, но чисто канцелярскимъ путемъ, разумѣется. Чи-

¹⁾ Изъ рѣчи депутата *И. П. Алексинскаго*, вынѣ профессора Москов. Универс., въ засѣданіи первой Государственной Думы 3 мая 1906 г.

²⁾ См. статью *П. Надина—Пятидесятилѣтіе Амурскаго края*, помѣщенную въ „*Вѣстн. Европы*“, 1905, №№ 5 и 6.

Въ 1901 г. въ Амурской области приходилась одна душа населенія на 3¹/₂ квадратныхъ версты территоріи, а въ Приморской области—одна душа на 4 квадр. версты (см. брошюру „*Оттепель*“, изданіе С. Ф. Шарапова, 1901 г.). Это было, слѣдовательно, спусти почти полвѣка нашей „культурной“ работы въ этомъ краѣ.

новники за счет казны должны были организовать заселение края, насаждение в нем промышленности, использование водных путей сообщения, основание городов, постройку крепостей и т. п. На далекой и не нужной нам окраине, относительно которой мы решительно ничего не знали и знать не хотели, истинные интересы которой нам были далеки и чужды, создалось обширное поле для неудачных экспериментов бюрократии и для приведения в исполнение разного рода фантастических кабинетных предначертаний. Постепенно развивались прихоти и аппетиты приобретающей силу местной бюрократии; незаметно поощрялось неподдающееся контролю хозяйничанье ее в расходовании все больших и больших сумм, отпускаемых из СПб. „на местные нужды края“. Вслед за чиновниками двинулись туда же и целые стаи ловких хищников из всех сословий.

„Богатейший край“ от России все время требовал только крупных приплат к своему бюджету, доходивших до 20 миллионов рублей в год, не считая экстра-ординарных затрат на военные надобности. „Наши интересы на Д. Восток“, искусственно навязанные России группой смелых авантюристов, на самом деле оказались и в дальнейшем по преимуществу интересами только кучки ловких предпринимателей, искавших для себя выгодного дела, искавших со стороны казны только разного рода пособий и за это выручавших бюрократию в ее безсильных и безплодных потугах насадить культуру в край³⁾.

Мы бросали в этот край одну за другою сотни миллионов народных денег в то время, когда русский народ был обречен на голодовки, когда мы его оставляли в положении нищего, невежественного и неграмотного, когда мы его оставляли без проезжих дорог, без предметов первой необходимости, обложенных высокими пошлинами⁴⁾.

Началась затея и разработка „непечатых естественных богатств края“, но это вело в конце-концов опять только к выманиванию от правительства новых ассигновок на оживление края; а „естественные богатства“ или продолжали оставаться неразработанными, как, напр., уголь на о-ве Сахалин, или же в случае разработки львиная доля барышей незаметно перекладывалась в карманы предпринимателей и разных случайных хищников (русских и китайских), живших в дружбе с местной бюрократией.

Своим чередом шло также и случайное развитие промышленности, торговли, путей сообщения и всех военных затей в крае; но на всем этом лежала печать общения с людьми, которые заботились только о своем собственном благе, а никак не о благе края и страны, которую немилосердно сосет этот край. В глазах местной бюрократии интересы края нерядко широко отождествлялись с интересами кучки этих ловких людей, которые представляли ей всевозможные проекты, долженствовавшие показать в СПб., что тут, на месте, широкою волною идет „культурная работа“, но скрывав-

³⁾ Знаток Амурского края и его интересов, М. Н. Васильев, исчислил, что „счастливое обладание этим золотым краем“ по 1901 год принесло России чистого убытка триста четыре миллиона рублей (см. брошюру „Оттепель“, издание С. Ф. Ша-рапова, 1901 г.); и обещанный России чудный, богатейший рынок для всей ее обрабатывающей промышленности оказался только в воображении гг. авантюристов.

⁴⁾ „Вестник Евр.“, 1905, № 11, стр. 380.

шіе искусно, куда эта волна смыкает барыши отъ нея; а основные, насущные интересы и нужды поселенцевъ и мѣстныхъ инородцевъ оставались совершенно неизслѣдованными и неудовлетворенными.

Съ этой „культурной работой“ мы шли съ годами все далѣе, все смѣлѣе. И все это дѣлалось подъ благовиднымъ предлогомъ, что „у насъ есть тамъ своя культурная миссія, что насъ стихійно влечетъ къ Тихому океану, что мы должны стать твердою ногою на его побережьяхъ и распространить свое культурное, политическое и военное вліяніе на сопредѣльныя съ нами страны“. А миссію сдѣлать свой народъ, если и не вполне культурнымъ, такъ хоть немного грамотнымъ, мы такъ и просмотрѣли. Надъ безграмотнымъ гарнизономъ, попавшимъ въ плѣнъ изъ П.-Артурской крѣпости, сжалились великодушные Японцы; по окончаніи войны во многихъ своихъ городахъ они устроили для нихъ школы грамотности ⁵⁾...

Мало-по-малу создавалась на Д. Востокъ хорошо организованная „школа“ бюрократическаго своеволія и безконтрольнаго хозяйничанія ⁶⁾.

Дѣльцы просили новой работы; и бюрократіи надо было расширять поле своей дѣятельности. Болѣе 40 лѣтъ мирно существовали и широко удовлетворялись казною „интересы Амурскаго края“. Затѣмъ они мало-по-малу отошли въ сторону; и вдругъ нахлынула новая могучая бюрократическая волна „русскихъ интересовъ въ Манчжуріи и на Квантунскомъ полуостровѣ“, интересовъ, еще болѣе убыточныхъ для страны, еще болѣе расточительныхъ, чѣмъ всѣ прежнія затѣи бюрократіи.

Эта новая волна мощно захлестнула собою и потопила всю, случайно возникшую и случайно проведенную, предшествовавшую этому 40-лѣтнюю „работу по оживленію Амурскаго края“; и самый этотъ край оказался послѣ этого въ положеніи заброшеннаго и застрялъ передъ войною на обсужденіи своихъ „неотложныхъ нуждъ“ въ созданныхъ правительствомъ комиссіяхъ и на съѣздахъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей ⁷⁾.

⁵⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1906 г., № 10, стр. 571 и 810.

⁶⁾ Въ октябрѣ 1907 г. парижская газета „*Libre parole*“, разоблачая дѣянія Витте и его сотрудниковъ по дальне-восточнымъ культурнымъ насажденіямъ, опубликовала данныя, что въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ передъ войною русское правительство все время отпускало на содержаніе арміи въ 300.000 человекъ на Д. Востокъ; а когда была объявлена война, со всѣхъ концовъ Манчжуріи, какъ извѣстно, съ трудомъ удалось собрать намъ только около 60.000 человекъ... Опроверженій этого сообщенія еще не было.

⁷⁾ По окончаніи войны комитетъ государственной обороны принялся за разрѣшеніе вопроса о созданіи канонерской флотіи на р. Амуръ и остановился на мысли о постройкѣ 10—12 канонерскихъ плоскодонныхъ лодокъ; водоизмѣщеніе ихъ должно быть въ 900 тоннъ, артиллерія ихъ должна состоять изъ двухъ шестидюймовыхъ орудій, двухъ пятидюймовыхъ орудій и вѣсколькихъ скорострѣлокъ. И въ печати, и въ засѣданіяхъ „морского союза“ было выяснено, что при нынѣшнихъ условіяхъ морской техники значеніе этихъ рѣчныхъ канонерокъ въ боевомъ отношеніи будетъ совершенно ничтожно, что тратить на созданіе этихъ игрушекъ сумму около 20 миліоновъ рублей не слѣдуетъ; и тамъ, гдѣ идетъ дѣло о сдачѣ заказа на такую кругленькую сумму, торопиться съ подписаніемъ контракта тоже не слѣдуетъ. Но ужъ очень интересно было сдать заказъ; съ этимъ дѣломъ торопились, и готовилось подписаніе контракта; намѣтили уже и заводъ (Путиловскій заводъ), который возьметъ... *дороже встѣхъ*, который... не имѣлъ тогда и приспособленій, необходимыхъ для вы-

Оглядываясь теперь назадъ, мы видимъ, что наша попытка насажденія культуры на восточно-сибирскомъ побережьи канцелярскимъ путемъ повела только къ сформированію цѣлой арміи чиновниковъ, которыхъ манили на эти окраины ничуть не интересы задуманнаго правительствомъ дѣла, а главнымъ образомъ „установленныя по службѣ особыя льготы, пенсіи, усиленные прогоны и подъемныя пособія“; мы видимъ, что вся наша полувѣковая „культурная миссія“ въ этомъ краѣ была сведена бюрократіей въ концѣ-концовъ въ сущности только къ постановкѣ цѣлой серіи насосовъ для непрерывнаго откачиванія денежныхъ средствъ изъ СПб. къ благопріобрѣтенной нами окраинѣ...

„Богатѣйшій край“ послужилъ только удобнымъ мѣстомъ для широкаго культивированія колоссальнаго „бюрократическаго нарыва“ на бѣдномъ нашемъ народномъ хозяйствѣ... Рано или поздно этотъ нарывъ долженъ былъ прорваться и залить ядомъ своего содержимаго весь организмъ, который его питалъ... И онъ наконецъ прорвался, поглотивъ на свое выращиваніе многія сотни милліоновъ трудовыхъ денегъ въ ущербъ той части населенія, которая ихъ добывала... Прорвался, когда мы этого совсѣмъ не ожидали...

Перечислимъ здѣсь нѣсколько наиболѣе яркихъ и характерныхъ примѣровъ изъ темной области бюрократическихъ экспериментовъ на Д. Востокѣ.

То мы заселяли тамъ побережье рѣки Амура казенными крестьянами, силою заставляя ихъ жить на мѣстахъ, заранѣе выбранныхъ чиновниками, неумѣло застроенныхъ руками солдатъ и совершенно неудобныхъ ни для жилья, ни для хлѣбопашества и земледѣлія, и приводя поселенцевъ въ окончательное разореніе...

То мы начинали тамъ поспѣшно производить громадныя затраты на устройство и оборудованіе морского военного порта и арсенала при устьѣ Амура въ *Николаевскѣ*...

То мы бросали эту дорогую затѣю, оказавшуюся неудачной, и начинали ежегодно тратить многіе десятки милліоновъ сначала на постройку новаго военного порта и первоклассной крѣпости во *Владивостокѣ*, а затѣмъ на соединеніе ея рельсовымъ путемъ съ нашей общей сѣтью желѣзныхъ дорогъ...

То мы брались за созиданіе „великаго сибирскаго пути“ протяженіемъ около 8000 верстъ и осуществляли его... въ одинъ путь, съ непомѣрно легкими и слабыми рельсами, не приспособленными къ пропуску по нимъ тяжеловѣсныхъ паровозовъ и вагоновъ съ большою скоростью; то „бросали вполнѣ законченное изысканіе по проведенію амурскаго рельсоваго пути къ Владивостоку, стоимостью 70.000 руб. на версту,“ и начинали вести путь черезъ Манчжурію, увеличивъ стоимость его въ два съ половиною раза“... Объявили въ 1901 году, что великій сибирскій путь готовъ; а при началѣ войны съ неимоверными переплатами спѣшно заканчивали забайкальскій участокъ, всѣ работы на которомъ офиціально считались существующими и давно уже законченными...

полненія этого заказа. Но тутъ всполошились конкуренты и быстро подали свои заявленія съ разницей въ пользу казны на сумму около *семи милліоновъ рублей*. „Совѣтъ министровъ, узнавши о комбинаціи съ Путиловскимъ заводомъ, былъ чрезвычайно смущенъ... Одинъ изъ министровъ даже назвалъ это дѣло „новой ливадіей“; и только по настоянію предсѣдателя совѣта министровъ контрактъ съ Путиловскимъ заводомъ не былъ оформленъ“ (см. „*Русск. Вѣдом.*“, 1907 г., №№ 64 и 65 отъ 20 и 21 марта).

То заботы о Владивостокской крѣпости, сполна еще не оборудованной, мы отводили на второй планъ, а съ лихорадочной поспѣшностью въ расходованіи колоссальныхъ суммъ начинали созидать на арендованной землѣ новую крѣпость *П.-Артуръ* и военный портъ при ней. Этотъ портъ былъ слишкомъ малъ, у него не было обширнаго закрытаго рейда; а вслѣдствіе рѣзкаго прилива и отлива, онъ былъ совершенно непригоднымъ для пребыванія въ немъ гигантовъ-броненосцевъ и большихъ крейсеровъ...

То мы спѣшно занялись сооруженіемъ международнаго коммерческаго порта въ городѣ *Дальнемъ*, истративши на эту ненужную и вредную для интересовъ самой Россіи затѣю отъ 20 до 30 милліоновъ рублей, истративши ихъ прежде окончанія необходимѣйшихъ фундаментальныхъ работъ въ Артурской крѣпости и ея портъ ⁸⁾...

То мы начали широко содѣйствовать развитію частныхъ лѣсныхъ промысловъ въ Корей на р. Ялу, захваченныхъ промышленниками и авантюристами при помощи нашихъ военныхъ отрядовъ, отданныхъ въ полное распоряженіе этихъ господъ мѣстною властію...

Южная часть острова Сахалина, обладающая богатѣйшими горными и рыбными промыслами и отнятая теперь отъ насъ Японіей, была отдана раньше въ руки нашей бюрократіи; но она не использовала этотъ островъ съ его природными богатствами для насажденія тамъ культурной работы и для удовлетворенія всего нашего восточнаго побережья и нашей тихоокеанской эскадры своимъ сахалинскимъ каменнымъ углемъ, имѣющимъ хорошія качества; она ограничилась только устройствомъ на немъ... ссыльно-каторжной колоніи, все время лежавшей тяжелымъ бременемъ на государствѣ... ⁹⁾.

⁸⁾ Военное министерство настаивало на необходимости закрыть доступъ въ Портъ-Артуръ иностраннымъ судамъ; а между тѣмъ, согласно принятымъ на себя международнымъ обязательствамъ, мы должны были, приобрести портъ въ китайскихъ водахъ, сдѣлать его открытымъ для судовъ всѣхъ націй. Постройка коммерческаго порта наряду съ военнымъ была такимъ образомъ обязательной; и генералъ Куропаткинъ, въ бытность военнымъ министромъ, ни только не возражалъ противъ сооруженія вообще коммерческаго порта, но и вполне одобрялъ сдѣланный для него выборъ мѣста. (Изъ заявленія, сдѣланнаго въ печати графомъ Витте во время судебного процесса по поводу сдачи П.-Артурской крѣпости).

⁹⁾ По окончаніи войны, когда лучшая часть острова отошла къ Японіи и когда ссыльная роль его сама собой покончилась, тѣ копи этого острова, которыя остались за Россіей, сейчасъ же сдѣлались предметомъ вожделѣнія иностранныхъ капиталистовъ; они нашли ихъ и удобнымъ, и выгоднымъ эксплуатировать. По этому поводу въ газетѣ „Голосъ Правды“, въ январѣ 1907 г. писалось слѣдующее:

„Островъ Сахалинъ, который всегда являлся чернымъ пятномъ въ годовомъ бюджетѣ — сначала министерства внутреннихъ дѣлъ, а потомъ министерства юстиціи, имѣетъ двѣ каменноугольныя копи — владимірскую и дуэскую. Обѣ эти копи уже въ теченіе многихъ лѣтъ разрабатывались ссыльно-каторжными, и въ годовыхъ отчетахъ сахалинскихъ губернаторовъ постоянно упоминалось и доказывалось, что копи эти имѣютъ исключительно характеръ мѣста для работъ, какъ исправительныя и карательныя мѣры, но было бы странно придавать имъ какое-нибудь экономическое значеніе. Съ этимъ взглядомъ совершенно свымысли. Но въ настоящее время дѣло разомъ вдругъ мѣняется: бывший сахалинскій губернаторъ, ген. Ляпуновъ, находящійся подъ судомъ за сдачу Сахалина Японцамъ, и представитель нѣмецкой фирмы Артуръ Коппель подали въ горный департаментъ прошеніе о томъ, чтобы имъ отдали въ аренду упомянутыя выше копи на 36 лѣтъ“. Обѣ этомъ же хлопотали послѣ войны и русскіе предпри-

На постройку восточно-китайской желѣзной дороги было нами истрачено до 800 миллионѣвъ рублей. Эта страшная уйма народныхъ денегъ необыкновенно ловко была пропущена изъ казны чрезъ наше министерство финансовъ почти безконтрольно. Тогдашнее министерство Витте посылало въ государственный контроль только результаты того, что безповоротно уже совершилось... ¹⁰⁾. Эта „золотая“ дорога была проведена по китайской территоріи. Пришлось дорогу охранять. Для устройства надежной охраны надо было занять страну русскими войсками и быть готовымъ ко всѣмъ послѣдствіямъ, отсюда происходящимъ...

„Оккупация Манчжуріи стоила Россіи большихъ денегъ, и ничего намъ не приносила. Это была одна изъ затѣй самовластнаго режима и хищной бюрократіи. Нѣкоторое время мы ублажали себя мыслию, что все обойдется одними расходами, и что кровопролитіе не послѣдуетъ. Но вдругъ весною 1900 г. разнеслась вѣсть о боксерскомъ возстаніи въ Китаѣ и о бомбардировкѣ фортовъ Таку. Вѣсть объ этихъ неожиданныхъ событіяхъ произвела такое впечатлѣніе на графа М. Н. Муравьева, бывшаго тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, что его хватилъ параличъ, и онъ внезапно скончался; говорили даже о самоубійствѣ... Нашей дипломатіи предстояла послѣ этого сложная задача: ей предстояло убѣдить Китай—ничего не предпринимать противъ нашей жел. дороги, которая проходитъ по его территоріи, а Японію—снисходительно смотрѣть, какъ въ П.-Артурѣ мы сосредоточиваемъ эскадру, которая, по задуманной нами программѣ, въ 1905 г. должна была стать сильнѣе японской“. За разрѣшеніе этой дипломатической задачи взялись двѣ группы дѣятелей, которыя работали одновременно въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: во главѣ одной группы, державшейся системы уступокъ (Китай—въ Манчжуріи, а Японіи—въ Корей), стояли представители правящихъ вѣдомствъ, а именно—Витте, какъ министръ финансовъ, гр. Ламздорфъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, и Куропаткинъ, какъ военный министръ; а другая группа, придворная, имѣла во главѣ статсъ-секретаря Безобразова и считала, что у Россіи есть одно только средство предотвратить войну съ Японіей—это держать ее въ страхѣ, парализовать ея воинственные замыслы, сосредоточивши на Д. Востокѣ грозную силу. Какъ эти двѣ группы дѣятелей „работали“ каждая въ своемъ направленіи, иногда не выполняя даже и Высочайшихъ повелѣній, и какъ подъ видомъ „интересовъ Россіи“ на Д. Востокѣ культивировались, на самомъ дѣлѣ, интересы банкировъ Ротштейна и Ротшильда, рассказъ объ этомъ помѣщенъ въ журналѣ „Море“, 1906 г., №№ 43 и 44, въ статьѣ дипломатическаго агента Ю. Карцова.

ниматели; но, благодаря стараніямъ и связямъ Ляпунова, копи отданы въ аренду иностранцамъ.

Разработка этихъ шахтъ теперь уже началась; и надо думать, что углемъ изъ этихъ именно шахтъ и будетъ снабжаться на Востокѣ нашъ тихо-океанскій флотъ: при разрѣшеніи этого вопроса въ январѣ 1908 г. фирма Коппель между всѣми другими соперниками явилась однимъ изъ главныхъ конкурентовъ; и за нее опять хлопочетъ все тотъ же генералъ Ляпуновъ, находящійся подъ судомъ...

¹⁰⁾ Одно изъ такихъ сообщеній кратко гласило, напр., слѣдующее: — „Переведено главному инженеру сорокъ одинъ миллионъ рублей...“ На какія надобности и какъ были истрачены эти миллионы, это такъ и осталось во мракѣ (см. „Утро Россіи“, 1907 г., № 9 отъ 26 сентябля).

На Д. Востокъ не всегда была у насъ на высотѣ своего положенія и высшая мѣстная исполнительная власть, удаленная отъ призрачно повелѣвающегоъ ея центра на многіе десятки тысячъ верстъ ¹¹⁾: она шла сюда рѣдко на работу, а чаще на беззаботное и привольное житье; она развивала и поощряла стремленіе къ наружному, показному блеску и представительству вмѣсто полезной дѣятельности; она сквозь пальцы смотрѣла на многое, явно вредное для государства; она откровенничала и свободно показывала „будущему врагу“ нашему и то, что ему вовсе не слѣдовало знать; она потворствовала стремленіямъ чиновныхъ и высокопоставленныхъ авантюрисовъ къ захвату ими нужной собственности, снабжая ихъ для этого даже отрядами военной силы; а главное она всегда смотрѣла на кошелекъ народный, какъ на чудодѣйственный и неисчерпаемый источникъ, изъ котораго можно брать сколько угодно и вовсе не заботиться съ своей стороны о его пополненіи..

Лѣтъ за восемь передъ войною „интересы Россіи“ на Д. Востокъ очутились въ полномъ распоряженіи группы безотвѣстныхъ царедворцевъ—контръ-адмирала Абаза, статсъ-секретаря Безобразова, егермейстера Балашева и адмирала Алексѣева ¹²⁾. Политика, которую они повели на далекихъ восточныхъ окраинахъ, была ими навязана Россіи вопреки публично заявленнымъ взглядамъ министерства иностранныхъ дѣлъ..

Смѣлые эксперименты и авантюры нашей наступательной политики на Д. Востокъ начали, въ это время, затрогивать жизненные интересы и самолюбіе нашихъ сосѣдей, Японцевъ. Мы затрогивали ихъ безцеремонно, часто даже безъ надобности, но къ войнѣ съ ними однако серьезно не готовились; ничуть не болѣе готовились мы къ ней даже и послѣ отнятія нами у Японцевъ П.-Артура, который долженъ былъ бы къ нимъ перейти послѣ ихъ войны съ Китайцами, но который былъ взятъ нами у Китая въ долгосрочную аренду по соглашенію съ Англіей и Германіей и какъ бы въ компенсацію захваченныхъ уже ими передъ этимъ концессій, портовъ и угольныхъ станцій на восточно-китайскомъ побережьи вблизи Квантунскаго полуострова.

Въ этомъ самомъ П.-Артурѣ, какъ извѣстно, при проектированіи фортовъ изъ экономіи ¹³⁾ было приказано рассчитывать ихъ лишь

¹¹⁾ „Въ то время какъ Японія напрягала всѣ свои силы для войны, мы держали на Д. Востокъ людей, мало способныхъ и скорѣе случайныхъ, чѣмъ достойныхъ исполнителей государевой задачи“. „Нов. Вр.“, 1905 г., 16 марта, № 10.427, статья Суворина-отца.

¹²⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1906 г., № 1, стр. 362.

¹³⁾ Данные о томъ, что надо было выполнить въ Артурѣ для полной его обороны и что было на самомъ дѣлѣ тамъ выполнено при ежегодныхъ урѣзкахъ смѣтъ за всѣ шесть лѣтъ нашего тамъ строительства, можно почерпнуть въ работѣ г. Тимченко-Рубана—„Ничто о П.-Артурѣ“. На приведеніе крѣпости и порта предполагалось израсходовать по смѣтѣ 59,5 милліоновъ рублей, а было отпущено всего 21,5 милл. руб. Въ то же время на городъ Дальній, или какъ звали его у насъ въ Москвѣ, на городъ „Тишиній“, съ легкимъ сердцемъ было истрачено 43 милліона руб. А въ концѣ концовъ этотъ городъ оказался не только „Тишинимъ“, какъ ненужная для Россіи роскошь, но и „Вреднымъ“, т. е. подготовка нами всѣхъ его сооружений только помогла Японцамъ скорѣе обложить и взять П.-Артуръ.

Недѣли за полторы до паденія нашихъ позицій въ Бинъчжоу градоначальникъ порта Дальняго инженеръ Сахаровъ обратился къ генералу Стессею съ представле-

на дѣйствіе снарядовъ шести-дюймовыхъ орудій, т. к. орудій большаго калибра нашъ азіатскій противникъ имѣть не можетъ („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 4, стр. 54); а вѣроломный азіатскій противникъ явился на поле битвы съ 11-дюймовыми орудіями; 2-го декабря 1904 г. ихъ снаряды разрушили намъ казематъ одного изъ такихъ фортвъ, а мы понесли при этомъ ничѣмъ невознаградимую утрату въ лицѣ умнаго, честнаго и доблестнаго работника, генерала Романа Исидоровича Кондратенко, который являлся какъ бы душою всей осажденной крѣпости.

Еще задолго до войны съ нами Японцы изучили до тонкостей всю нашу восточную морскую базу, всѣ слабости и особенности нашихъ морскихъ силъ, находящихся въ Тихомъ океанѣ; они знали слабости нашихъ начальниковъ и команды; они изучили нашъ языкъ, наши сигналы, наши обычаи. Мы же, когда это понадобилось знать, оказались почти въ полномъ невѣдѣніи всего этого у Японцевъ. Въ П.-Артурѣ мы устроили безконтрольное владычество надменныхъ бездарностей; тамъ мы создали городъ, въ которомъ, по словамъ спеціального французскаго военнаго корреспондента *Людвика Нодо*, царилъ эпическій развратъ, смѣхъ и непристойныя пѣсни; тамъ, въ этомъ городѣ, мы сорили безъ счета и безъ пользы для Россіи народныя деньги; тамъ мы широко и усердно демонстрировали по завѣту предковъ, что „веселіе Руси есть пиѣ“, и безпечно проглядыли¹⁴⁾ даже и то, какъ нашъ врагъ, передъ этимъ давшій понять намъ свое озлобленіе, замышлялъ своимъ набѣгомъ — вывести изъ строя лучшія боевыя силы нашего флота, и какъ онъ подъ покровомъ ночи безпрепятственно приводилъ свои коварныя замыслы въ исполненіе.

Самый сигналъ о приготовленіи къ отраженію этой роковой минной атаки на рейдѣ въ П.-Артурѣ считали сначала просто за сигналъ къ ученію.

Эскадра была усыплена мирными дипломатическими телеграммами изъ СПб.; она совсѣмъ не ожидала минныхъ атакъ со стороны Японцевъ и не готовилась къ ихъ отраженію. Только что за нѣсколько дней передъ этимъ изданъ былъ даже приказъ—при такихъ тревогахъ большихъ орудій не заряжать, т. к. безъ выстрѣла ихъ разрядить нельзя. А нѣкоторыя береговыя наши батареи въ Артурѣ не могли принять участія въ стрѣльбѣ даже еще и 27 января 1904 г., когда къ намъ подступала уже вся японская эскадра, п. ч. „орудія у

ніемъ — разрѣшить ему перевезти въ Портъ-Артуръ дальнинское населеніе и вывести изъ Дальняго запасы угля, строительныхъ матеріаловъ, продовольствія и вообще всего, что было возможно перевезти, но Стессель рѣзко отклонилъ это предложеніе и такъ отвѣтилъ Сахарову на его докладъ: „Дальнему ничто не угрожаетъ, и населенію тамъ будетъ житъ спокойно, чѣмъ въ Портъ-Артурѣ“. А потомъ, когда палъ Бинцзюу, задумали все это перемѣщеніе осуществить въ одну ночь; но время было уже упущено; вывести изъ Дальняго намъ ничего не удалось, для видимости только кое-что наспѣхъ попортили въ гавани; а жители Дальняго бѣжали изъ него пѣшкомъ, пробираясь горами и оставивъ на мѣстѣ всѣ свои пожитки (см. сообщеніе Черниховскаго въ газетѣ „*Раннее Утро*“, 1907, № 17, отъ 7 декабря).

¹⁴⁾ Намѣстнику на Д. Востокъ, адмиралу Алексѣеву, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ СПб. были впрочемъ преподаны инструкціи — „избѣгать всего, что могло бы возбудить подозрительность Японцевъ и дать имъ поводъ къ открытію военныхъ дѣйствій“ (см. статью Карцова — „*О причинахъ нашей войны съ Японіей*“, напечатанную въ журналѣ „*Море*“, за 1906 г.).

нихъ были все еще смазаны по зимнему (см. „Морской Сборникъ“, 1906 г., № 5, стран. 32, 36).

26-го января былъ день именинъ супруги адмирала Старка, командовавшаго тихо-океанской эскадрой. По заведенному обычаю, этотъ день былъ отпразднованъ торжественнымъ собраніемъ моряковъ у адмирала. Японцы знали, чѣмъ кончались бывало подобныя собранія въ предшествовавшіе годы и учли это обстоятельство въ свою пользу, избравши временемъ нападенія на нашу эскадру именно эту ночь съ 26 на 27 января. На этотъ разъ возліяніе было дневнымъ; и одни свидѣтели утверждаютъ, что оно было закончено официально къ 4 час. дня, а другіе настойчиво говорятъ, что тѣмъ не менѣе многіе наши офицеры, возвращаясь изъ города, не могли попасть на свои суда, когда японскіе миноносцы открыли свои дѣйствія...

Командиръ эскадры *Старкъ* еще днемъ 26-го января имѣлъ свѣдѣнія о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей; онъ тогда же посѣтилъ ¹⁵⁾ „владыку Русскаго Востока“, адмирала Алексѣева, и просилъ у него разрѣшенія: 1) опустить на судахъ противоминныя сѣтки, 2) развести пары, 3) выслать ночью миноносцы на развѣдки. Но разрѣшенія не послѣдовало:—„Преждевременно!.. Мы никогда не были такъ далеко отъ войны, какъ сегодня!..“ Командиръ эскадры не посмѣлъ ослушаться, и никакихъ мѣръ предосторожности не было принято ¹⁶⁾; японскіе миноносцы приблизились къ П.-Артуру и взорвали стоявшія на внѣшнемъ рейдѣ лучшія суда нашей эскадры—„*Цесаревичъ*“, „*Ретвизанъ*“, „*Палладу*“.....

Лучшая и наиболѣе надежная часть нашего флота на Дальнемъ Востокѣ въ самомъ началѣ войны оказалась тоже совсѣмъ не тамъ, гдѣ ей слѣдовало быть по долгу охранной службы: броненосцамъ и большимъ крейсерамъ надо было имѣть стоянку во Владивостокѣ, а они всѣ тѣснились на Портъ-Артурскомъ рейдѣ, съ его рѣзкими приливомъ и отливомъ, на рейдѣ, годномъ только для малыхъ крейсеровъ и миноносцевъ. Кромѣ того, передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій была сдѣлана еще другая ошибка: наличнымъ числомъ истребителей миноносцевъ Россія на Дальнемъ Востокѣ имѣла перевѣсъ передъ Японіей приблизительно въ отношеніи 25:20; но тутъ кому-то пришла несчастная мысль,—отрядъ истребителей, составившій около четверти всего состава ихъ, отослать изъ Портъ-Артура во Владивостокъ ¹⁷⁾; наши силы, безъ всякой надобности и безъ малѣйшей пользы для дѣла, были раздроблены, и одного изъ нашихъ преимуществъ какъ не бывало...

Такимъ образомъ нашъ флотъ на Д. Востокѣ былъ использованъ до войны только какъ дорогая, пышная декорація въ дополненіе ко всей другой роскоши, блеску и шику, которыми была тамъ окружена праздная жизнь широко веселившагося на народныхъ деньги начальства.

Исправленіе этихъ основныхъ и трудно поправимыхъ стратегическихъ ошибокъ повело сначала къ бою 28 іюля 1904 г. для нашей Портъ-Артурской эскадры, а впослѣдствіи—къ бою 14 мая 1905 г. для нашей Цусимской эскадры.

¹⁵⁾ „Море“, 1906 г., № 21, стран. 730.

¹⁶⁾ *Старкъ* былъ смѣщенъ и вытребованъ въ Спб.; его объясненіями тамъ были, повидимому, удовлетворены; и вмѣсто кары онъ получилъ орденъ св. Владимира 2-й степени за дневной бой 27 января.

¹⁷⁾ „Море“, 1906 г., № 16, стран. 560.

Но и эту лучшую часть нашей тихо-океанской эскадры на рейдѣ П.-Артура мы совсѣмъ не держали въ боевой готовности и нисколько не берегли ее не только до открытія Японцами враждебныхъ дѣйствій, но также и послѣ этого. Цѣлый рядъ доказательствъ этихъ положеній приводитъ капитанъ 1-го ранга Бубновъ въ его интересной статьѣ „Портъ-Артуръ“ (см. „Морск. Сборн.“, 1906, № 5): „на словахъ“ готовились къ миннымъ атакамъ Японцевъ, а предохранительныхъ сътокъ не привязывали; а „чтобы не возбуждать тревоги“, на „Полтавѣ“ была снята и подвезанная ранѣе сѣть; на одномъ изъ большихъ судовъ вплоть до вечера 26 января 1904 г., „ни разу не было ученій по отраженію минныхъ атакъ“; сторожевымъ миноносцамъ былъ отданъ весьма странный приказъ—„отнюдь не стрѣлять, если увидятъ что-нибудь подозрительное, а возвращаться и докладывать адмиралу“; такъ и поступили наши сторожевые миноносцы, подойдя поэтому къ своимъ кораблямъ почти въ одно время съ непріятельскими миноносцами; докладъ на флагманскомъ кораблѣ былъ сдѣланъ тогда, когда „Паллада“ была уже взорвана; а когда офицеръ, посланный съ нея въ городъ для донесенія адмиралу, сообщилъ ему о взрывѣ Японцами „Паллады“, „начальникъ эскадры вначалѣ не хотѣлъ этому вѣрить“..., счелъ его за сумасшедшаго. Пришлось посылать съ докладомъ второго посланнаго...

На столько не готовы мы были въ П.-Артурѣ къ войнѣ, что тамъ не закончена была, напр., даже и организація сигнальныхъ станцій; поэтому ни батареи, ни суда въ гавани не могли стрѣлять по невидимой ими цѣли: „въ концѣ декабря 1903 г., несмотря на опасное положеніе дѣлъ на Д. Востокѣ, увольняли въ запасъ лучшихъ специалистовъ, а суда по расписанію ставили въ резервъ“. „Отозваніе японскихъ посланниковъ изъ С.Пб. держалось *подъ большимъ секретомъ для всего Артура* ¹⁸⁾; многіе начальники отдѣльныхъ частей узнали объ этомъ только 26 января вечеромъ“.

Но самая главная и опасная ошибка ¹⁹⁾, которая была допущена въ Артурѣ на эскадрѣ, по мнѣнію капитана Кладо, состояла яко бы въ томъ, что даже въ ночь подъ 27 января „вся она не была подъ парами, за исключеніемъ двухъ дежурныхъ крейсеровъ“; и если бы Японцы только знали объ этомъ, съ большимъ числомъ своихъ миноносцевъ они легко могли бы произвести полный разгромъ нашей Артурской эскадры. Но Японцамъ, очевидно, и въ голову не приходила возможность такой чудовищной безпечности съ нашей стороны...

И въ С.Пб., и въ главномъ морскомъ штабѣ, и въ штабѣ начальника на Д. Востокѣ, и въ штабѣ эскадры въ Артурѣ въ первые дни войны чувствовалась потерянная, отсутствіе инициативы; неудачныя распоряженія ²⁰⁾ слѣдовали одно за другимъ. Были сейчасъ же опубликованы во всеобщее свѣдѣніе не только имена поврежденныхъ кораблей, но даже и характеръ полученныхъ ими поврежденій, и сроки вѣроятной готовности кораблей послѣ ихъ исправленія. Во все время войны и далѣе въ этомъ родѣ продолжалось то же самое, такъ что Японцы всѣ необходимыя имъ свѣдѣнія самымъ скорымъ и

¹⁸⁾ „Морск. Сборн.“, 1906, № 5.

¹⁹⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стран. 22 приложенія.

²⁰⁾ Изд. „В. К. А. М.“, 1906, стран. 23 прил.; „Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стр. 47.

достовернымъ путемъ получали изъ нашихъ же официальныхъ сферъ. Такая „простота“ отношеній дѣлала положеніе нашего противника исключительно выгоднымъ...

Въ Артурѣ же послѣ 27 января воцарились не только потерянности, но и паническій страхъ, и боязнь отвѣтственности за каждый дальнѣйшій самостоятельный шагъ, и бездѣятельность, и апатія. И все это продолжалось въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль, вплоть до пріѣзда адмирала Макарова. За это время, вслѣдствіе нераспорядительности и непредусмотрительности мѣстнаго начальства ²¹⁾, въ Артурѣ мы успѣли уже значительно испортить крейсеръ „Новикъ“ и 4 миноносца, изъ коихъ одинъ совсѣмъ затонулъ.

Теперь, послѣ разбора дѣла о сдачѣ крѣпости П.-Артура, для всѣхъ сдѣлались еще болѣе понятными и наша тогдашняя растерянность, и нашъ страхъ за судьбу этой крѣпости: въ П.-Артурѣ были допущены весьма большіе недочеты въ его вооруженіи; по свидѣтельству генерала Куропаткина, данному на судѣ, крѣпость была вооружена устарѣлыми орудіями, такъ какъ... Обуховскій заводъ не могъ доставить нужнаго количества ихъ, заказъ же орудій за границей признавался нежелательнымъ; какъ будто не орудійные заводы должны были приспособляться къ нуждамъ государственной обороны, а наоборотъ, эти нужды должны были урѣзываться примѣнительно къ интересамъ отечественныхъ заводовъ. Но это—все-таки только отговорка; полного запрещенія заказовъ за границей для военнаго въдомства не было, и послѣднее не рѣдко сообщало министерству финансовъ о сдѣланныхъ за границей заказахъ, какъ о совершившемся фактѣ. Какъ бы тамъ ни было, ¹ но вооруженіе П.-Артура было и не полно, и плохо. Но это ничуть не помѣшало военному министру Куропаткину въ свое время успокаивать правительство въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы можемъ быть вполне спокойны за участь Приамурскаго края. Мы нынѣ можемъ быть спокойны за судьбу Портъ-Артура“. Это — подлинныя слова записки, представленной Куропаткинымъ по возвращеніи съ Дальняго Востока почти наканунѣ войны. Эти данныя были опубликованы графомъ Витте въ декабрѣ 1907 г.

Послѣ гибели адмирала Макарова, послѣ высадки Японцевъ на берегу полуострова выше Дальняго, г. намѣстникъ покинулъ Артуръ, когда вновь назначенный командующій флотомъ не прибылъ еще на мѣсто и не могъ уже прибыть туда раньше обложенія крѣпости Японцами; и въ результатъ въ Артурѣ послѣ этого не оказалось болѣе и единовластія. Приказы оставшемуся въ Артурѣ начальнику флота, адмиралу Витгефту, приходили только случайно и не всегда удачно. Прежде всего началось замазываніе промаховъ и ошибокъ. сдѣланныхъ до войны. „Слабость артурскихъ укрѣпленій“ ²²⁾ дала себя знать немедленно послѣ высадки Японцевъ; распоряженія намѣстника о *передачѣ орудій съ кораблей на сухопутный фронтъ* слѣдовали одно за другимъ; устраненіе одной ошибки порождало другую ошибку, еще болѣе серьезную и роковую. Благодаря этимъ распоряженіямъ извнѣ, когда эскадра Витгефта по Высочайшему приказу должна была идти изъ Артура во Владивостокъ 28 іюля 1904 г., она могла это сдѣлать только уже съ неполнымъ числомъ орудій. Корабли заранее

²¹⁾ „Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стр. 47.

²²⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стр. 36.

лишены были слѣдующаго числа орудій (см. изданіе „В. К. А. М.“, 1906 г., стр. 44):

Размѣръ орудій.	Ретвизанъ.	Побѣда.	Пересвѣтъ.	Аскольдъ.	Діана.	Паллада.
6 дюйм.	2	3	1	2	2	2
3 „	—	2	—	—	4	8

Въ письмѣ ко мнѣ, написанномъ послѣ выхода 1-го изданія книги, лейтенантъ Штеръ, служившій на крейсерѣ „Новикъ“, сообщилъ мнѣ, что „для полноты картины здѣсь слѣдовало бы помѣтить не только крупныя орудія, но и мелкую артиллерию, снятую съ кораблей, число которой надо считать сотнями“...

Вмѣстѣ съ орудіями были свезены на берегъ въ соотвѣтственномъ числѣ и личный составъ, и запасъ снарядовъ. При выходѣ изъ Артура 28 іюля, флоту было поставлено главной задачей—не разбить флотъ противника, а только прорваться во Владивостокъ. Это наложило извѣстный отпечатокъ на весь планъ боя и вызвало извѣстный его исходъ: одна часть кораблей вернулась въ Артуръ, другая вошла въ нейтральные порты, а третья рѣшила самостоятельно прорваться во Владивостокъ, но закончила свою самостоятельность тоже постановкою кораблей въ нейтральные порты. Въ результатѣ—*артурская эскадра распалась*, и остатки ея, вернушіеся въ Артуръ, обречены были на гибель.

По этому поводу капитанъ Кладо писалъ въ свое время слѣдующее:—„Разоружили флотъ, состоявшій изъ новыхъ кораблей, для того только, чтобы поддержать агонію слабѣющей крѣпости, свое назначеніе уже исполнившей и все равно обреченной на паденіе; погубили артурскій флотъ не въ открытомъ морѣ, не въ бою съ противникомъ, а совершенно даромъ, не причинивъ никакого вреда японскому флоту, который сохранилъ всю свою силу, чтобы обрушиться на эскадру Рождественскаго...²³⁾“.

Въ Артурѣ мы то дѣлали одна за другой „ошибки“, а то и просто... спали. Капитанъ 1-го ранга Бубновъ рассказываетъ по этому поводу слѣдующій любопытный эпизодъ (см. „Морск. Сборн.“, 1906, № 12, стран. 31): „Въ ночь съ 8 на 9 іюня 1904 г. отъ насъ высланы были въ море для крейсерства 8 миноносцевъ. Въ эту же ночь подошелъ къ Артуру японскій заградитель для постановки минъ. Наши миноносцы его не встрѣтили въ пути и не увидали. Между тѣмъ на батареяхъ этотъ парходъ былъ замѣченъ; надо было бы его сейчасъ же разстрѣлять, но безъ разрѣшенія командующаго эскадрой открывать огонь не смѣли. А когда съ батарей по телефону сообщили объ этомъ на „Цесаревичъ“ и просили разрѣшенія открыть огонь, то изъ штаба командующаго былъ полученъ отвѣтъ, что... „адмиралъ спитъ, и его будить они не будутъ“...

Передъ сдачей П.-Артура матросы и младшіе морскіе офицеры сражались на сухопутныхъ позиціяхъ, и всѣ о нихъ отзывались съ большой похвалою; адмиралы же сидѣли на берегу въ блиндажахъ; суда стояли въ бассейнѣ, какъ бы приготовленные къ разстрѣлу ихъ

²³⁾ „Новое Время“, 1905 г., № 10.361, 10.367.

непріятелемъ; уголь у нихъ былъ, много его было... Адмиралы въ крѣпости никому подчинены не были; ихъ начальство (Скрыдловъ) сидѣло за 1000 миль отъ Артура; на совѣтъ адмираловъ еще 6 дек. 1904 г. былъ подписанъ ими протоколъ, что флотъ изъ Артура не выйдетъ...

За три дня до сдачи П.-Артура въ военномъ совѣтѣ изъ всѣхъ генераловъ, адмираловъ и начальниковъ отдѣльныхъ частей было выяснено, что крѣпость имѣетъ еще въ своемъ распоряженіи ²⁴⁾:

7.000 крупныхъ снарядовъ (по 100 штукъ на каждое орудіе),

70.000 мелкихъ снарядовъ противостурмовыхъ (полуторадюймовыхъ и трехдюймовыхъ),

провизіи—на мѣсяцъ (60.000 пуд. муки, около 3000 лошадей и проч.),

болѣе 11.000 штыковъ, при чемъ больныхъ и раненныхъ около 13.000 человекъ, изъ которыхъ около половины было цыганскихъ.

А въ день собранія этого военнаго совѣта генераль Стессель послалъ Государю телеграмму, что крѣпость находится въ критическомъ положеніи и болѣе пяти дней не продержится.

Пославши эту телеграмму, генераль Стессель единолично рѣшилъ сдать П.-Артуръ Японцамъ, не предупредивъ объ этомъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. О сдачѣ крѣпости никто еще тогда и не думалъ, къ ней не готовились, и самое извѣстіе о сдачѣ застало всѣхъ върасплохъ. Начали рвать броненосцы, но... мины не взрывались ²⁵⁾: проводники, долго лежавшіе въ водѣ, испортились; а ихъ считали исправными. Въ такихъ случаяхъ пробовали рвать суда снарядами, пуская въ нихъ метательныя мины, но и эта работа вышла неудачной. Поэтому-то въ послѣдствіи Японцы такъ легко и справились съ подъемомъ изъ воды большинства нашихъ судовъ въ П.-Артурѣ, полузатопленныхъ передъ сдачей. Еще неудачнѣе обстояло дѣло на береговыхъ батареяхъ и въ фортахъ. Тамъ и на другой день совсѣмъ еще ничего не знали о совершившейся сдачѣ крѣпости. Объ этомъ узнали тамъ въ одно время съ полученіемъ приказа генерала Стесселя о томъ, что „виновные въ уничтоженіи боевого матеріала будутъ преданы суду“... Поэтому всѣ приморскія батареи были сданы непріятелю съ неповрежденными установками пушекъ ²⁶⁾. Еще при скорбѣе былъ самый финалъ сдачи. Въ комиссію для выработки условій капитуляціи крѣпости были посланы съ нашей стороны такіе лица; большинство которыхъ было незнакомо съ японскимъ языкомъ и поголовно всѣ не знакомы съ международнымъ правомъ: безъ возраженій наша комиссія приняла все то, что ей было предложено съ японской стороны въ ущербъ нашимъ интересамъ и вопреки постановленіямъ Гааской конференціи. Солдатское имущество, принадлежавшее по праву военнопленнымъ, благодаря неумѣлымъ дѣйствіямъ этой комиссіи, досталось Японцамъ почти цѣликомъ; а наши нижніе чины, доблестные защитники П.-Артура, были выпущены изъ крѣпости только съ ручнымъ багажомъ... Пока ихъ водворили въ Японію, прошло отъ 2 до 3 недѣль. Изнуренные и наголодавшіеся въ крѣпости по чужой винѣ, они продолжали страдать и тутъ, лишен-

²⁴⁾ „Морской Сборникъ“, 1907, № 7, статья капитана 1-го ранга М. Бубнова—„Портъ-Артуръ“.

²⁵⁾ „Морской Сборникъ“, 1907, № 7, статья капитана 1-го ранга М. Бубнова, стран. 5—6.

²⁶⁾ Тамъ же, стран. 8.

ные защиты отъ холодныхъ ночныхъ вѣтровъ: у морского экипажа походныхъ палатокъ не было; но ихъ не оказалось и у сухопутнаго войска...

Давно призракъ войны на Д. Востокъ носился уже въ воздухѣ, а у насъ еще совсѣмъ не было достаточнаго комплекта настоящаго боевого флота, отвѣчавшаго современнымъ требованіямъ. До войны съ Японіей, еще лѣтъ за восемь, наше морское министерство выработало успокоительный планъ постепеннаго усиленія флота съ такимъ расчетомъ (на бумагѣ), чтобы нашъ флотъ по числу боевыхъ судовъ всегда былъ сильнѣе японскаго въ водахъ Дальняго Востока. Этотъ впослѣдствіи забытый нами планъ состоялъ въ *своевременной* постройкѣ и затѣмъ къ *своевременной* ²⁷⁾ отправкѣ туда извѣстнаго числа броненосцевъ, крейсеровъ и миноносцевъ въ зависимости отъ числа изготовляемыхъ японскихъ военныхъ судовъ. Но хитрый и дѣятельный противникъ нашъ, вездѣ и все зорко высматривавшій, все во время выслѣживавшій, знавшій всѣ наши приказы, всѣ наши промахи и недочеты, заставилъ насъ выступить на бой задолго до окончательнаго выполнения нами „предначертанной строительной программы“.

И намъ пришлось выступить на бой рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ неподготовленными...

Въ день объявленія войны мы заказывали докъ для П.-Артура, а первыя работы по укрѣпленію Владивостока съ суши были начаты уже во время разгара войны и были выполнены дорогимъ, непродуманнымъ способомъ...

Цусимская катастрофа—это одна изъ послѣднихъ картинъ послѣдняго акта трагедіи,—борьбы—не на жизнь, а на смерть,—борьбы, къ которой одна изъ борющихся сторонъ относилась все время свысока, несерьезно,—и до начала борьбы, и во время ея.

Въ *Высочайшемъ* рескриптѣ, пожалованномъ г-ну министру иностранныхъ дѣлъ графу Муравьеву, 1 января 1900 г., упоминалось, что онъ способствовалъ „осуществленію завѣтнаго стремленія Россіи—имѣть на Крайнемъ Востокѣ свободный доступъ къ открытому, незамерзающему морю“, и указывалось на то, что уступка въ наше пользование Квантунскаго полуострова съ портами Артуръ и Дальній „отвѣчаетъ насущнымъ потребностямъ Россіи, какъ великой морской державы, и создаетъ въ Тихомъ океанѣ новый центръ для торгово-промышленныхъ предпріятій всего міра“...

Въ соотвѣтствіи съ этимъ въ періодъ 1898—1904 гг. изъ свободной наличности государственнаго казначейства было отпущено *девятью миллионѣвъ рублей* главнымъ образомъ для усиленія нашего Тихо-Океанскаго флота, независимо отъ увеличенія размѣра ассигнованій на обыкновенные расходы морскаго вѣдомства ²⁸⁾.

И дѣйствительно, составъ нашей тихо-океанской эскадры въ П.-Артурѣ и Владивостокѣ передъ войною все время увеличивался

²⁷⁾ На дѣлѣ эта *своевременность* свелась къ тому, что мы регулярно опаздывали противъ Японцевъ, сознательно опаздывали на три года, и при томъ всѣ наши эскадренные броненосцы ничѣмъ не превосходили спущенные ранѣе японскіе, неизмѣнно уступая имъ въ силѣ (см. изданіе „В. К. А. М., Военные флоты“, 1906, стр. 8—10 приложения). Скорость судостроенія въ среднемъ у насъ въ три раза менѣе, чѣмъ въ Англіи: такіе слабые крейсера, какъ *Диана*, *Аврора*, строились по 6 лѣтъ; при чрезвычайномъ напряженіи силъ *Бородино* строили 5 лѣтъ, *Орель*—4½ года.

²⁸⁾ „Морской Сборникъ“, 1907, № 2, стран. 6.

боевыми единицами, но „изъ кораблей, стоившихъ многіе миллионы каждый, мы умудрились тамъ сдѣлать только гостинницы“²⁹⁾ для пріѣзжавшихъ на цензовыя гастроли адмираловъ, штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ... А затѣмъ къ началу войны, у насъ оказались на лицо вораха исписанной бумаги съ надписями „дѣло“ о томъ и томъ, а самое дѣло было или кое-какъ выполнено,—только „для видимости“, или запоздало исполненіемъ, или же и вовсе не сдѣлано, хотя и „проведено“ чрезъ всѣ стадіи рукописной отчетности и фиктивного контроля; такъ было, напр., во Владивостокѣ, гдѣ... „пропалъ докъ“, могущій, по доставленнымъ въ министерство свѣдѣніямъ о его законченной постройкѣ якобы вмѣщать въ себѣ суда до 12.000 тоннъ водоизмѣщенія, а на самомъ дѣлѣ вовсе не оказавшійся въ наличности („Рус. Бог.“, 1905 года, № 9), когда надо было ввести въ него для починки испорченный Японцами нашъ крейсеръ.

Это послѣднее сообщеніе не было опровергнуто. Нельзя думать, чтобы оно прошло незамѣченнымъ, такъ какъ въ журналѣ „Рус. Бог.“ оно вошло въ составъ обширной сенсационной замѣтки, въ которой со всеми подробностями и цифровыми данными былъ обрисованъ цѣлый рядъ колоссальнѣйшихъ хищеній, происшедшихъ въ Россіи до войны и во время войны въ вѣдомствахъ морскомъ, военномъ, интендантскомъ, путей сообщенія и др. Это были по истинѣ образцовые примѣры хищеній, умѣло проведенныхъ опытными въ этомъ дѣлѣ людьми, которые благополучно здравствуютъ и по нынѣ.

Броненосцы „Суворовъ“, „Бородино“, „Александръ III-й“ и „Орелъ“, должны были быть въ Тихомъ океанѣ еще въ 1903 г. какъ это предполагалось при ихъ закладкѣ³⁰⁾, а они не были готовы къ отплытію изъ Балтійскаго моря даже и въ половинѣ 1904 года, несмотря на всю спѣшку при окончаніи работъ въ этомъ году. А если бы дѣлать пріемку какъ слѣдуетъ, „Бородино“ съ его неудовлетворительными машинами не могло бы пойти и въ 1904 году.

При составленіи нашей строительной программы, въ одной части ея мы „прозѣвали“³¹⁾ переворотъ, совершившійся на западѣ въ сторону усиленія брони, и жили все еще тѣмъ самымъ, что въ культурныхъ странахъ считалось необходимымъ дѣлать лѣтъ двадцать тому назадъ: всѣ европейскія государства, Соединенные Штаты Америки и Японія давно уже строили крейсера, исключительно большіе и броненосные, а мы, — только одни мы строили въ это время почти исключительно крейсера небронированные и средняго водоизмѣщенія... Передъ самой войной число броненосцевъ у Россіи и Японіи было почти одно и то же (семь и шесть соответственно), но число бронированныхъ крейсеровъ было много выше на сторонѣ Японіи; у нея ихъ было восемь, а у насъ только два—„Баянъ“ и „Громобой“; а вся остальная масса (девять новыхъ крейсеровъ³²⁾) была выстроена у насъ небронированною; и все, что доканчивалось работой въ послѣдніе годы передъ войной (еще шесть новыхъ крейсеровъ³³⁾), тоже не

²⁹⁾ „Море“, 1906 г., № 5, стран. 177.

³⁰⁾ „Новое Время“, 1904 г., № 10.308.

³¹⁾ См. статьи капитана Кладо въ „Нов. Времени“, 1905 г., №№ 10.364 (январь), 10.404, 10.405, 10.406 (февраль).

³²⁾ Варягъ, Бояринъ, Богатырь, Аскольдъ, Рюрикъ, Россія, Паллада, Діана, Новикъ.

³³⁾ Аврора, Светлана, Олегъ, Жемчугъ, Изумрудъ, Алмазъ шли въ Цусимскій бой, а Очаковъ и Кагуль оставались дома.

было у насъ бронировано. Японскіе бронированные крейсера вошли съ составъ непріятельскаго боевого ядра, а наши новые, дорогіе ³¹⁾ крейсера несли въ бою сторожевую службу при транспортахъ и съ трудомъ отбивались отъ легкихъ японскихъ крейсеровъ.

При выполненіи нашей показной строительной программы мы возлагали надежду и увѣренность главнымъ образомъ на свои внутренние силы и средства; но у насъ никогда не было единства плана въ выполненіи техническихъ работъ, никогда не было свободной критики плохо осуществленнаго, не было и плана такихъ критическихъ изслѣдованій, не было и послѣдовательнаго совершенствованія конструкций; вслѣдствіе этого послѣ хорошо выработанныхъ и удачныхъ конструкцій мы потомъ начинали снова осуществлять плохія, считаясь съ какими-нибудь совершенно побочными для дѣла соображеніями и капризами... Словомъ, у насъ не было ни настоящаго дѣла, ни отвѣтственнаго, работающаго хозяина въ дѣлѣ. Хозяиничали многіе, а никакой серьезной отвѣтственности ни передъ кѣмъ они у насъ никогда не несли...

Въ морскомъ вѣдомствѣ, кромѣ *Генеральнаго Штаба*, изучающаго морскія силы непріятеля и готовящаго,—больше на бумагѣ, конечно,—къ борьбѣ съ нимъ наши морскія силы, существовалъ еще особый *Техническій Комитетъ* съ совершенно самостоятельнымъ управленіемъ технической стороною морского дѣла. Не справляясь съ общими нуждами страны, которыя могли быть болѣе извѣстны и исполнѣны ясны только Генеральному Штабу, этотъ Техническій Комитетъ самъ себѣ задавалъ „строительныя задачи“, „строительныя программы“, и самъ ихъ осуществлялъ, ни откуда не встрѣчая своей работѣ свободной, разумной, безпристрастной критики и не поддерживая выполненіе своихъ работъ на высотѣ современнаго ихъ уровня въ другихъ, передовыхъ въ этомъ дѣлѣ странахъ. Дѣятели Техническаго Комитета сами не плавали,³²⁾ а только строили, а затѣмъ каковы были результаты ихъ строительства на дѣлѣ, въ плаваніи, въ бою, и чего требовала сама жизнь, это мало кого интересовало... Пакеты съ самыми срочными донесеніями отъ лицъ, командированныхъ за границу для изученія на мѣстѣ послѣднихъ новостей, многіе мѣсяцы лежали въ забвеніи пераспечатанными, какъ сообщалъ по этому поводу въ прессѣ капитанъ Кладо объ одномъ случаѣ, который былъ съ нимъ самимъ и который случайно лишь удалось обнаружить черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сдачи пакета. Создалась мало-по-малу „постройка для постройки“, существовавшая почти внѣ времени и опредѣленныхъ цѣлей. Не мудрено поэтому, что, когда закончилась эта несчастливая для насъ война, показавшая намъ на дѣлѣ безцѣльность нашего увлеченія строительствомъ легкихъ, небронированныхъ крейсеровъ, полтора года спустя послѣ нашего разгрома мы усердно обсуждали вопросъ о будущемъ „обновленіи флота“, а дѣлали въ это время на самомъ дѣлѣ... цѣлую партію всѣхъ тѣхъ же ни для чего не нужныхъ въ ближайшемъ будущемъ легкихъ крейсеровъ; съ совершенно спокойной совѣстью мы тратили на это разрѣшенные и утвержденныя ассигновки въ расходованіи громаднхъ суммъ.

По поводу взаимныхъ отношеній передъ войною и во время войны между различными самодовлѣющими учрежденіями одного и того

³¹⁾ Крейсеръ *Аврора* обошелся, напр., болѣе пяти съ половиною миллионъ рублей.

³²⁾ „*Морск. Сборн.*“, 1906, № 12, стран. 64.

же вѣдомства, т.-е. между морскимъ министерствомъ, морскимъ штабомъ, строительнымъ комитетомъ и отдѣломъ интендантскимъ, на публичной лекціи въ Москвѣ въ концѣ 1906 г. одинъ престарѣлый адмиралъ „острилъ“, сравнивая результаты ихъ дѣятельности съ „работою“ персонажей извѣстной басни Крылова, гдѣ одинъ изъ нихъ все время рвется въ облака, другой же пятится назадъ, а третій тянетъ въ воду. Уподобляя этому работу отдѣльныхъ учреждений вѣдомства, адмиралъ выразился о нихъ такимъ образомъ, что одно изъ нихъ не вѣрило въ войну и не готовилось къ ней, другое ея не желало и не симпатизировало работамъ по ея осуществленію, третьему это было безразлично, — была бы только работа, да ассигновки — а четвертое сочувствовало всѣмъ строгостямъ односторонняго нейтралитета, о необходимости котораго кричали и Японія, и ея друзья, и при наличности котораго можно было „работать“ во всю и съ настроеніемъ...

„Погромъ флота мы сами себѣ подготовили“, чистосердечно сознаются теперь наши моряки ³⁶⁾: „мы строили суда безъ всякаго разбора въ типахъ, на которые кидались безъ всякой системы; мы строили суда, но въ то же время не подготовляли опытнаго, хорошаго личнаго состава; роняли дисциплину и забывали о совершенствованіи орудій, брони и снарядовъ“. Японія все время фактически усиленно готовилась къ войнѣ съ нами, а мы—вяло; мы за минуту передъ войной еще не были увѣрены, что она будетъ, а окончательную подготовку противника и вовсе проглядѣли.

„Благодаря выдающимся качествамъ нашего военно-морского агента въ Японіи, — капитана 2-го ранга Русина, морское вѣдомство и г.-нъ намѣстникъ на Д. Востокъ были исполнѣ точно освѣдомлены ³⁷⁾ о прекрасномъ состояніи японскаго флота, о неустанной его практикѣ и подготовкѣ къ войнѣ, о широкой оборудованности японскихъ портовъ и наконецъ о неизбежности войны, начало которой Русинъ предсказалъ *точно еще въ декабрь 1903 г.*“; и тѣмъ не менѣе передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы вели себя легкомысленно, а „въ сравнительной оцѣнкѣ нашего и японскаго флотовъ на Д. Востокъ была сдѣлана *ошибка*, было сдѣлано заключеніе, что наша тихо-океанская эскадра приблизительно по силѣ *равна* ³⁸⁾ японскому флоту, что побѣда для насъ *возможна*“.

При разборѣ дѣла о сдачѣ Японцамъ крѣпости П.-Артура генералъ Куропаткинъ заявилъ, что въ основу всѣхъ расчетовъ для опредѣленія силъ, нужныхъ для борьбы съ Японіей, въ СПб. клали слѣдующія соображенія изъ официальнаго доклада намѣстника на Д. Востокъ ³⁹⁾:

„При настоящемъ соотношеніи силъ нашего и японскаго флотовъ пораженіе нашего флота японскимъ не признается возможнымъ“...

На этомъ и было основано *заблужденіе*, что Японія не рѣшится объявить намъ войну, и создавалась увѣренность, что войны не будетъ. Таково было „мнѣніе морского министерства ⁴⁰⁾, представленное правительству и министру иностранныхъ дѣлъ“. А вступивши на путь отрицанія слабости нашей эскадры въ Тихомъ океанѣ, морское мини-

³⁶⁾ „Морск. Сборн.“, 1906, № 4, стр. 59.

³⁷⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906 г., стр. 16 приложенія.

³⁸⁾ Тамъ же, стр. 17—18.

³⁹⁾ „Русск. Вѣд.“, 1907, № 276, отъ 2 декабря.

⁴⁰⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стран. 17.

стерство заранее отрѣзало себѣ возможность своевременно потребовать кредиты на спѣшную подготовку подкрѣпленій, въ которыхъ такъ нуждались наши морскія силы на Д. Востокѣ.

При выясненіи состава эскадры, которая будетъ для этого послана, руководились главнымъ образомъ мнѣніемъ самого Рождественскаго ⁴¹⁾, а когда онъ ушелъ со своей эскадрой, пошли разговоры объ усиленіи ея, началось снаряженіе новыхъ отрядовъ изъ оставленнаго имъ старья, начались хлопоты о приобрѣтеніи крейсеровъ у Чили и Аргентины, не увѣнчавшіяся успѣхомъ... Но тутъ уже сразу наступаетъ такая темная путаница во всѣхъ отношеніяхъ между инстанціями, разбросанными по всѣмъ частямъ земного шара, что говорить объ этомъ считается еще пока несвоевременнымъ ⁴²⁾.

Когда пришло время отправлять эскадру Рождественскаго, морской путь изъ Россіи на Д. Востокъ былъ совсѣмъ не обезпеченъ угольными станціями. Начали выработывать концессіи на доставку угля въ пути, но выработали только обычные образцы интендантской «работы».

Ежегодный бюджетъ нашего морского вѣдомства достигалъ въ послѣднее время до 115 милліоновъ рублей. Это почти *вчетверо больше* соотвѣтственнаго бюджета въ Японіи... И не мудрено. Въ составъ этого бюджета у насъ входитъ цѣлая масса тратъ непроизводительныхъ, баснословно высокихъ и прямо невѣроятныхъ съ точки зрѣнія не бюрократической. Въ морскомъ вѣдомствѣ, да и въ другихъ, крупныя бюрократическія единицы у насъ получаютъ полностью свои сверхъ-оклады, присвоенныя должности, будучи не только на службѣ, но и потомъ, много лѣтъ спустя послѣ этого, перѣдко даже послѣ упраздненія соотвѣтственной должности ⁴³⁾. Благодаря этому, напр., должность морского министра въ Россіи оплачивается теперь шестикратнымъ окладомъ на сумму въ общей сложности около 115.000 рублей, — пятикратнымъ окладомъ за ея безславное прошлое и затѣмъ за настоящее ⁴⁴⁾.

⁴¹⁾ Изданіе „В. К. А. М.“ стр. 61.

⁴²⁾ Тамъ же, стр. 67.

⁴³⁾ Въ газетѣ „Русь“, 1907 г., № 98, отъ 8 апрѣля въ статьѣ *Морскіе трутны* сообщено, напр., что „бывшій намѣстникъ на Д. Востокѣ *Алексеевъ*, устроившій намъ Японскую войну съ потерей Манчжуріи, Квантунга, П.-Артура и всего русскаго флота, говорятъ, продолжаетъ получать чуть не 140,000 руб. въ годъ; точно также бывшій московскій генералъ-губернаторъ *Дубасовъ*, говорятъ, тоже продолжаетъ получать 75,000 руб. да еще 2,000 руб. ежегодной аренды“ и т. д.

⁴⁴⁾ Въ той же самой статьѣ газеты „Русь“, 1907 г., № 98, помѣщены слѣдующія данныя:

1) Бывшій управл. морск. мин. *Уихачевъ*, богатѣйшій человекъ въ Россіи, продолжаетъ получать то же самое вознагражденіе, что и прежде, т.-е. 18,000 р., хотя министерствомъ давно уже не управляетъ. Кромѣ того, онъ получаетъ еще соотвѣтственное вознагражденіе въ Государственномъ Совѣтѣ.

2) Бывшій управл. морск. мин. *Авеланъ*, за кратковременное и..... пребываніе на своемъ посту, продолжаетъ получать не только свои 20,412 руб., но еще 4,000 руб. ежегодной аренды, да еще то, что слѣдуетъ по Государственному Совѣту.

3) Бывшій морской министръ *Бирилевъ*, очень богатый человекъ, за свою..... дѣятельность получаетъ бывшее содержаніе 18,540 рублей и, вѣроятно, еще по Государственному Совѣту.

4) Бездѣтная вдова бывшаго управл. морскимъ министерствомъ, *Шестакова*, вышедшая потомъ замужъ за состоятельнаго директора морского корпуса Доможирова

Изъ этого бюджета до 40 миллионовъ рублей у насъ тратилось ежегодно на судостроеніе и на *ремонтъ судовъ*. И не взирая на это, нашъ флотъ въ Балтійскомъ морѣ оказался въ началѣ войны въ невозможно запущенномъ видѣ: когда понадобилось *спѣшно отправить эскадру* на Дальній Востокъ, сдѣлать это было рѣшительно нельзя; понадобилось мѣнять котлы, чинить и мѣнять отвѣтственные части паровыхъ машинъ, ставить новые аппараты, вооруженіе, доканчивать работы, запоздавшія на годъ и болѣе ⁴⁵⁾...

По мнѣнію адмирала Бирилева ⁴⁶⁾, изложенному имъ въ письмѣ, которое было напечатано въ газетѣ „*Нов. Времѣ*“, въ отмѣченныхъ выше неурядицахъ виноваты были всѣ, и начальники, и подчиненные, и всѣ они „таскаютъ головы на плечахъ только по неисчерпаемой милости Императора“.

Вся организація морского вѣдомства, по словамъ адмирала Беклемишева, у насъ была „*приспособлена къ мирной бюрократической дѣятельности*“; а когда открылись военныя дѣйствія съ Японіей, то взаим-

и снова овдовѣвшая, получаетъ, по слухамъ, совершенно незаконно пенсію въ размѣрѣ вознагражденія ея перваго мужа, т.-е. 18,000 р. въ годъ.

5) Богатой дочери бывшаго управл. морскимъ мин. *Тыртовой* тоже будто бы оставлена пенсія въ размѣрѣ полнаго содержанія ея отца, что уже совершенно непонятно, такъ какъ..... Далѣе слѣдуетъ перечень „заслугъ“ *Тыртова*.

Въ этомъ же перечнѣ указанъ рядъ другихъ удивительныхъ ассигновокъ лицамъ, незаконно (за другія услуги) произведеннымъ въ адмиралы и т. д.

⁴⁵⁾ Вотъ что пишетъ лейтенантъ Д. Вердеревскій о томъ, какъ у насъ производится ремонтъ судовъ (см. „*Морск. Сборн.*“, 1907 г., № 1, стр. 84): „Боевой корабль приходитъ въ портъ; команду съ него разгоняютъ; вытаскать изъ него котлы, машины и тому подобное; а затѣмъ портъ съ ничтожными средствами, съ помощію десятка нигкуда негодныхъ мастеровыхъ, начинаетъ якобы ремонтировать, а на самомъ дѣлѣ — только изводить казенныя деньги и портить судно. Въ результатѣ ремонтъ нигкуда не годится, судно на 3 — 4 года выведено изъ строя, команда и офицеры разогнаны, и флотъ надолго лишился боевой единицы“...

⁴⁶⁾ Когда его назначали у насъ морскимъ министромъ, за границей были очень удивлены этому; и многіе журналы и газеты немало злорадовались по поводу назначенія на такой важный постъ „адмирала, который не плавать“... А когда мы погубили нашъ флотъ подъ Цусимой, журналъ „*Lustige Blätter*“ выпустилъ специальный номеръ (1905, № 29) подъ названіемъ „*Helden*“, посвященный нашимъ „героямъ“, сухопутнымъ и морскимъ.

Въ этомъ альбомѣ адмиралъ *Алексѣевъ* изображенъ въ игривой бесѣдѣ съ кокеткой. Текстъ гласитъ: „*Geld habe ich keins, ma chère; die Kasse von Rothen Kreuz ist erschöpft*“.

Для характеристики адм. Скрыдова, который былъ посланъ замѣнить собою трагически погибшаго адмирала Макарова, не понадобилось никакого текста: адмирала изобразили въ „веселомъ“ настроеніи въ компаніи съ цѣлой „флотиліей“ изъ опорожненныхъ бутылокъ шампанскаго...

Подъ портретомъ Рождественскаго, изображеннаго въ японскомъ одѣяніи, съ повязкой на головѣ и съ вѣромъ, была помѣщена подпись: „*Den „Potemkin“ hätte ich haben müssen;—da sind wenigstens die Matrosen tapfer!*“...

А подъ портретомъ „неплававаго морского министра“ Бирилева было подписано: „*Ich kann die Freiheit verlieren; ich kann die Hose verlieren;—ein Schiff kann ich nicht verlieren*“...

Небогатовъ въ этомъ альбомѣ изображенъ въ положеніи отчаянно страдающаго морской болѣзнію, а текстъ гласитъ: „*Ich muss mich sofort „übergeben!*“ Кто знаетъ нѣмецкій языкъ, тотъ пойметъ эту фразу.

ныя отношенія главныхъ частей управленія въ вѣдомствѣ, по словамъ того же адмирала, у насъ могли быть кратко охарактеризованы слѣдующимъ изреченіемъ, бывшимъ въ Кронштадтѣ у всѣхъ на устахъ: „Штабъ воюетъ съ Японцами по неволѣ, Техническій Комитетъ держитъ нейтралитетъ, а Кораблестроеніе и Снабженіе явно намъ враждебны“ ⁴⁷⁾...

Передъ войной съ Японіей мы не держали въ Средиземномъ морѣ никакого резерва; поэтому мы такъ сильно и запоздали съ посылкою подкрѣпленія Артурской эскадрѣ. Раньше такой резервъ, хотя и слабый, у насъ тамъ былъ. Надо было его развить, усилить ⁴⁸⁾; вмѣсто того осенью 1903 г. мы его совсѣмъ расформировали... А съ 1905 года, опираясь на нашъ опытъ, такой резервъ въ Средиземномъ морѣ стала держать даже и Германія.

Благодаря этимъ непорядкамъ, мы послали нашу Балтійско-Цусимскую эскадру на Д. Востокъ не тогда, когда Японцы минною атакою обрушились на лучшія суда наши въ П.-Артурѣ;—не тогда, когда, на виду у международнаго флота въ Чемульпо, Японцы издѣвались надъ безпомощностію „Варяга“ и „Корейца“, которымъ растерявшаяся бюрократія въ теченіе двухъ дней не давала знать о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей;—не тогда, когда нашъ тихо-океанскій флотъ требовалъ себѣ поддержки извнѣ, а только *восемь мѣсяцевъ спустя послѣ этого и два мѣсяца спустя его полнаго разгрома...*

Въ параллель съ этимъ слѣдуетъ привести примѣръ полной мобилизаціи англійскаго флота. Въ послѣдній разъ, послѣ извѣстнаго столкновенія эскадры Рождественскаго съ флотиліей гульскихъ рыбаковъ у „Доггербанки“ (въ ночь съ 8 на 9 окт. 1904 г.), англійская эскадра по изданному приказу была мобилизована въ 24 часа. Вотъ тамъ есть активная морская оборона страны, а у насъ ея, безспорно, вовсе не было ⁴⁹⁾...

Эскадра Рождественскаго не успѣла еще миновать Атлантическій океанъ, а уже начались толки о необходимости посылки подкрѣпленія для нея. Адмиралъ Бирилевъ подалъ объ этомъ докладную записку, и содержаніе ея на страницахъ „Новаго Времени“ было предано гласности капитаномъ Кладомъ въ цѣломъ рядѣ статей. Эти статьи въ свое время надѣляли много шума и принесли не мало вреда Россіи: благодаря этой шумихѣ, эскадра Рождественскаго была задержана въ пути и стала ждать подкрѣпленій; Японцы получили возможность провѣрить всѣ имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи данныя о нашемъ флотѣ и о новыхъ вспомогательныхъ эскадрахъ; они могли довольно вѣр-

⁴⁷⁾ „Море и его жизнь“, 1905, № 23, стр. 427.

⁴⁸⁾ Докладъ капитана Клада о необходимости усиленія этого резерва былъ слѣланъ имъ 26. III. 02. Его предложеніе отвергли тѣ самые дѣятели, которые потомъ изготовляли къ плаванію Б.-Ц. эскадру (см. „Нов. Вр.“, 1906, № 10.760).

⁴⁹⁾ Періодомъ плаванія военныхъ судовъ официально у насъ считалось только время, примѣрно, съ половины мая до половины сентября; въ остальное время механизмы разбирались, части ихъ сдавались въ портовые магазины, команда переселялась въ казармы, офицерство разбредалось кто куда. Такъ называемый „вооруженный резервъ“ судовъ, на которыхъ, въ вышеуказаннаго періода, оставалось около четверти личнаго состава и большая часть запасовъ, заведенъ былъ только въ П.-Артурѣ, на Черномъ морѣ и отчасти въ Либавѣ. Стало быть, все-таки къ началу мая, а не къ началу октября, суда должны были бы быть готовы къ отплытію изъ Либавы и въ 1904 году...

но разсчитать время прибытія Балтійско-Цусимской эскадры къ берегамъ Японіи и могли использовать это неожиданно-негаданно явившееся въ ихъ распоряженіи время для ремонта судовъ, для замѣны разстрѣлянныхъ пушекъ новыми, частію для отдыха, частію для спокойнаго обученія личнаго состава боевой стрѣльбы⁵⁰⁾.

Совокупность перечисленныхъ выше фактовъ изъ области нерадѣнія является тѣмъ болѣе странною, что все время у насъ былъ на Д. Востокъ явный избытокъ начальствующихъ силъ, которыя должны были бы нести на себѣ обо всемъ этомъ заботы⁵¹⁾.

А между тѣмъ во время самой войны всѣ наши подготовленія оказались или запоздалыми, или недостаточными или недоброкачественными...

Цусимская катастрофа поэтому предвидѣлась и открыто предсказывалась въ Кронштадтѣ еще до выхода передового отряда нашей Балт.-Цусимской эскадры на Дальній Востокъ, но тѣмъ не менѣе обязательность выполнения для нея похода была рѣшена морскимъ вѣдомствомъ въ положительномъ смыслѣ.

Но вотъ пришли и къ Мадагаскару... „Выяснились во время плаванія эскадры значительные недостатки ея лучшихъ кораблей⁵²⁾; ясно было, что во время плаванія личный составъ эскадры не можетъ быть обученъ стрѣльбѣ... за недостаткомъ снарядовъ, которые и сюда не были посланы“; опредѣлился и духъ эскадры, и отсутствіе нравственной сплоченности личнаго состава между собою и съ своими начальниками... Надо было отозвать эскадру назадъ; но инициатива въ этомъ направленіи, конечно, должна была исходить изъ СПб.; нельзя было ждать ея отъ адмирала, который самъ же первый настаивалъ на отправленіи эскадры...

Въ „Новомъ Времени“ (№ 10.506, отъ 3-го іюня 1905 г.), чрезъ 3 недѣли послѣ Цусимскаго боя, Суворинъ-отецъ рассказывалъ о томъ, что произошло въ его присутствіи за 10 мѣсяцевъ передъ этимъ во время прощальнаго обѣда на эскадренномъ броненосцѣ „Императоръ

⁵⁰⁾ „Море“, 1906 г., № 5, стран. 179.

⁵¹⁾ Передъ выступленіемъ Балтійско-Цусимской эскадры въ походъ на Д. Востокъ, тамъ на мѣстѣ былъ адмиралъ, командующій несуществовавшей въ то время тихо-океанскою эскадрою, надъ нимъ—главнокомандующій сухопутными и морскими силами въ Манчжуріи, далѣе—намѣстникъ, управляющій всѣми восточно-азиатскими дѣлами; а незадолго до Цусимскаго сраженія въ подкрѣпленіе къ нимъ на Д. Востокъ былъ командированъ еще адмиралъ Бирилевъ со своимъ особымъ штабомъ для командованія тою будущею „соединенною эскадрою“, которая могла бы получить отъ сліянія эскадры Рождественскаго, если бы ей удалось прорваться во Владивостокъ, съ находящимися тамъ миноносцами и двумя крейсерами. Так. обр. заботы о своевременномъ, и даже преждевременномъ, замѣщеніи должностей съ крупными окладами, подъемными и сѣточными въ пути, но безъ соотвѣтственныхъ этимъ окладамъ обязанностей, въ морскомъ вѣдомствѣ у насъ стояли, очевидно, на первомъ планѣ. А въ результатъ бывало и такъ, что дорого оплачиваемый „начальникъ эскадры въ П.-Артурѣ“ ничего не хотѣлъ брать на свою отвѣтственность; свои права онъ свелъ къ нулю и только прислушивался къ указамъ намѣстника; такъ воспитывались и воспитываются цѣлыя поколѣнія моряковъ; и всѣ боялись взять что-либо на свою отвѣтственность,—даже обязанность держать свой корабль въ полной боевой готовности для отраженія врага въ любой моментъ“. („Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стран. 35, 32).

⁵²⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стран. 66 приложенія.

Александръ III-й“ въ августѣ 1904 г. въ Кронштадтѣ, передъ уходомъ эскадры адмирала Рожественскаго на Дальній Востокъ. Въ отвѣтъ на всеобщія пожеланія счастливаго пути и пожеланія побѣды, командиръ этого броненосца, капитанъ I-го ранга *Бухвостовъ*, откровенно говорилъ:

„Россія—совсѣмъ не морская держава; русскіе никакого серьезнаго влеченія къ морю не имѣютъ; они никогда не были настоящими моряками и никогда ими не будутъ; постройка этихъ громадъ-броненосцевъ только разореніе каякъ и нажива строителямъ, и къ добру она никогда не поведетъ. Вы смотрите и думаете, какъ тутъ все хорошо устроено. А я Вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ея желаемъ. Но побѣды не будетъ!.. Я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры на пути; а если этого и не случится, то насъ разобьютъ Японцы: у нихъ и флотъ исправнѣе, и моряки они настоящіе. За одно я ручаюсь: мы всѣ умремъ, но не сдадимся“...

Н. М. Бухвостовъ считался во флотѣ однимъ изъ лучшихъ морскихъ командировъ. При другомъ строѣ и режимѣ въ странѣ во многомъ правдивыя и пророческія слова раздались бы не въ этой обстановкѣ, не въ этомъ обществѣ и не въ это время. Тутъ надо было съять мужество, бодрость духа и вѣру въ свои силы, а не уныніе и апатію. Въ данномъ же случаѣ только и оставалось деликатно замѣять рѣчь, что и сдѣлалъ старшій офицеръ *Племянниковъ*; присутствовавшіе на обѣдѣ старались объяснить ее „случайнымъ настроеніемъ“; и всѣ замалчивали ее въ теченіе цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, пока наконецъ пророчество сбылось...

Нужно къ этому прибавить только, что правдивый *Н. М. Бухвостовъ* не сказалъ ничего новаго и неожиданнаго въ той части своей рѣчи, гдѣ онъ говоритъ о „наживѣ строителей“ и о томъ, что тутъ совсѣмъ не все хорошо“...

Объ этихъ не порядкахъ въ З. Европѣ знали всѣ, о нихъ было все извѣстно и нашему врагу; но о нихъ до послѣдняго времени однако нельзя было ничего сообщать въ русской прессѣ. Этого требовали стыдливые интересы той касты, того обширнаго муравейника, который былъ занятъ своимъ дѣломъ, а не дѣломъ страны, гдѣ онъ расположенъ...

Но вотъ послѣ Цусимскаго погрома всю напу столичную прессу обходитъ извѣстное сообщеніе газеты „*Echo de Paris*“, что у насъ тѣ лица, отъ которыхъ зависѣла раздача казенныхъ заказовъ морского вѣдомства, получали отъ нѣкоторыхъ поставщиковъ и подрядчиковъ постоянное жалованье въ размѣрѣ отъ 12 до 15 тысячъ рублей въ годъ, а затѣмъ „комиссіонныя“, въ узаконенномъ обычаѣ размѣрѣ 10%, съ валовой стоимости заказовъ... Никакихъ опроверженій этого сообщенія ни отъ кого не послѣдовало ⁵³⁾.

⁵³⁾ Одинъ изъ русскаxъ извѣстныхъ адмираловъ въ письмѣ къ г. Меншикову, корреспонденту „*Новаго Времени*“ (1905, № 10.599), разъясняетъ ему, почему и теперь опять заказы на новые броненосцы будутъ сдѣланы предпочтительно за границей. Не потому, что заграничныя заводы ихъ выстроятъ лучше и надежнѣе, а потому, что „заграничныя заказы даютъ 10—15% дохода со стоимости заказа, а у себя дома не получишь ни гроша... Впрочемъ, пишетъ онъ далѣе, и наши заводы теперь начали практиковать этотъ способъ, но болѣе 3—4% на это еще не отчисляютъ“...

Не только не послѣдовало опроверженія этого, но явились какъ бы подтвержденія, что это дѣло и въ будущемъ, повидимому, обѣщаетъ обстоять не лучше: когда въ *июнь 1905 г.* заговорили о „возрожденіи русскаго флота“ и сдѣлалось извѣстнымъ, что предположено истратить на это дѣло ни много ни мало 525 милліоновъ рублей въ теченіе семи лѣтъ, за границей появилась масса агентовъ, зондировавшихъ почву относительно возможности полученія и распредѣленія ожидаемыхъ милліонныхъ цифръ куртажа. Такіе агенты появлялись тогда и въ Парижѣ. По этому поводу постоянный парижскій корреспондентъ „*Нов. Времени*“, г-нъ Яковлевъ, сообщилъ, что выборъ строительныхъ фирмъ былъ поставленъ прямо и откровенно въ зависимость отъ величины взятокъ³⁴⁾, какъ это было всегда и раньше. „Слышалъ я, говорить онъ, объ этихъ отвратительныхъ фактахъ много разъ и прежде, о нихъ же пришлось услышать и теперь; слышалъ объ этомъ отъ депутатовъ, друзей Россіи, въ коридорахъ Бурбонскаго дворца, слышалъ съ полными именами дѣйствующихъ лицъ, со всѣми подробностями дѣла; и эти рассказы всегда передавались этими лицами съ глубокимъ негодованіемъ; слышалъ объ этомъ отъ и множества коммерсантовъ, предпринимателей и коммерческихъ агентовъ, предлагавшихъ свои услуги различнымъ нашимъ вѣдомствамъ на всевозможныя поставки до войны и во время войны“...

Въ отвѣтъ на это г. Меншиковъ въ „*Нов. Вр.*“ (1905, № 10.609) написалъ слѣдующія строки:

„Среди нашихъ старыхъ адмираловъ есть, несомнѣнно, почтенные люди. Они заканчиваютъ свою долгую жизнь, присутствуя при гибели флота и глубоко въ бѣдствіи отечества, вызванномъ этой гибелью. У заслуженныхъ адмираловъ нѣтъ заслугъ, которыя перешли бы въ исторію. Но вотъ подвигъ, который самъ напрашивается. Почему бы этимъ почтеннымъ людямъ не стать на защиту чести русской отъ тѣхъ, кто продаетъ ее? Почему бы имъ не объявить открытую войну низости, прикрываемой Андреевскимъ флагомъ? Преслѣдованіе хищниковъ—государственное дѣло; но всего приличнѣе было бы инициативу въ немъ взять на себя старому адмиралтействъ-совѣту. Только открытая борьба съ предателями въ состояніи вернуть уваженіе страны къ ея флоту и дать ей хоть какую-нибудь надежду на его будущее. Только такая борьба сдвинула бы реформы во флотѣ съ ихъ мертвой точки“...

Но и эти золотыя слова оказались только гласомъ вопіющаго въ пустотѣ.

Само собою разумѣется, что по меньшей мѣрѣ на величину суммы, получающейся отъ сложенія этихъ „добавочныхъ жалованій“, „комиссіонныхъ“ и всѣхъ „благодарностей“ раздатчикамъ заказовъ и пріемщикамъ работы разныхъ наименованій, нашъ флотъ обошелся Россіи дороже, чѣмъ бы то слѣдовало. Исчисляя теперь эту сумму самымъ скромнымъ образомъ, не трудно подсчитать, что въ составѣ нашей Балт.-Цусимской эскадры не доставало въ бою по крайней мѣрѣ *двухъ* броненосцевъ типа „*Цесаревичъ*“, стоимость которыхъ немалѣнко для самихъ хищниковъ распозлалась по карманамъ въ разныхъ инстанціяхъ³⁵⁾...

³⁴⁾ „*Нов. Вр.*“, 1905, №№ 10.601, 10.609.

³⁵⁾ Характеризуя различные виды взяточничества, „*Русск. Вѣд.*“ (1907, № 169 отъ 25 іюля) приводятъ слѣдующія указанія: „Одинъ довѣренный торговаго дома, передавая свою должность новому, далъ ему слѣдующія данныя въ видѣ ру-

Въ 1905 г. въ Англіи вышла въ свѣтъ весьма интересная брошюра полковника *Wellesley*³⁶⁾, бывшаго англійскаго военнаго *attaché* при дворѣ въ СПб., который занималъ это мѣсто въ теченіе шести лѣтъ, изучилъ русскій языкъ и сдѣлалъ съ нашей арміей русско-турецкую кампанію. По своему положенію автору этой брошюры пришлось быть въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ бюрократіи военнаго и морскаго вѣдомствъ и видѣть предъ собою всю организацію показного благополучія, которое значилось на бумагахъ, но на которое въ дѣйствительности иногда не было и намека. Авторъ между прочимъ передаетъ возмутительные факты, характеризующіе постановку нашего хвастливо поставленнаго судостроенія, которое совершенно насъ удовлетворяло на всѣхъ официальныхъ смотрахъ, на всѣхъ парадахъ, и въ основу котораго были положены тогда не серьезные, а иногда и явно преступные принципы. Привычныя упражненія во лжи доходили до того, что на одномъ смотрѣ, послѣ многихъ лѣтъ постройки броненосца, бюрократія дерзко осмѣлилась показать Государю якобы въ готовомъ видѣ совершенно незаконченный еще броненосецъ съ невошедшею ни въ какія смѣты бутафорской подѣлкой у него тѣхъ частей его, которыя должны быть бронированы. Но и этотъ смотръ сошелъ благополучно: всѣ рубки и все показное устройство были тщательно закончены отдѣлкою, а флаги, декорація

ководства относительно нѣкоторыхъ лицъ, съ которыми придется часто сталкиваться по дѣламъ фирмы:

NN... (беретъ 5%). (Въ чистомъ конвертѣ, завернуть деньги въ чистый бланкъ фирмы)... Главный минеръ; свидѣтельствуетъ электрическія принадлежности по ихъ качествамъ...

NN... (около 2½%). Его главный помощникъ; получаетъ отъ времени до времени нѣсколько десятковъ, а при большихъ партіяхъ и сотенъ...

NN... (беретъ 5% + ½% надбавки). Дѣлопроизводитель управленія по техническимъ поставкамъ. Даетъ всѣ справки и насчетъ другихъ нашихъ дѣлъ...

NN... (отъ 2%). Дѣлопроизводитель приѣмной комиссіи. Ускоряетъ приѣмку, получку и квитанціи. Необходимо съ него энергично требовать, не давая заранѣе...

NN... (около 1%). Смотритель одного изъ магазиновъ. Очень услужливъ. Главнымъ образомъ ускоряетъ приѣмку товара и получку денегъ.

NN... (5%). На домъ въ конвертѣ. Дѣлопроизводитель управленія по съѣстнымъ припасамъ и т. д. Надо подталкивать для усиленія получки ассигновки...

Замѣчаніе. Старшій помощникъ командира порта и главный смотритель магазиновъ (NN... и NN...) оба помогаютъ мнѣ. Первый иногда даетъ отзывы насчетъ того, нуженъ ли товаръ; другой выдаетъ окончательныя квитанціи⁴.

Въ дополненіе къ этому одинъ изъ товарищей сообщаетъ мнѣ слѣдующее: „Разсказы о томъ, что такой-то или такой-то, будучи только ревизоромъ, „нажилъ“ въ такомъ-то портѣ въ короткое время 10 — 15 тысячъ, приходилось слышать часто. Затѣмъ въ портахъ у насъ постоянно идетъ тысячная картежная игра. А кто они, эти игроки? Да, это просто... только малкіе содержатели портовыхъ складовъ“. Но это все еще только „цвѣточки“; а вотъ одна изъ спѣлыхъ „ягодокъ“. Покидая Россію осенью 1906 г., извѣстная въ свое время въ морскихъ сферахъ „особа“, одна изъ военно-морскихъ „звѣздъ“ первой величины, *М-ше Б...*, пріѣзжала въ Москву продавать свою „бронировку“, часть своихъ брилліантовъ. Московскіе ювелиры, покупая ихъ за безцѣнокъ, вручили ей за нихъ *девятьсотъ восемьдесятъ тысячъ рублей* и не остались въ накладѣ. Не взирая на „безденежье“, очень быстро нашлись охотники и охотницы и на эти брилліанты; они были перепроданы ювелирами... за 1.300.000 рублей.

³⁶⁾ With the Russians in Peace and War, by Wellesley. London, 1905.

и парадные мундиры заслонили собою все остальное... А между тѣмъ на этомъ броненосцѣ была поставлена поддѣльная броня, такъ какъ настоящая была еще совсѣмъ не готова; точно также и вращающіяся башни орудій были сдѣланы изъ выкрашеннаго подъ сталь полотна, искусно натянутаго на рамы. Это усмотрѣлъ между прочимъ зоркій глазъ герцога Эдинбургскаго, бывшаго на смотру; но Государю обо всемъ этомъ, конечно, не доложили. Начали пробную стрѣльбу, и... полетѣли головки заклепокъ у многихъ скрѣпленій. Паровое отдѣленіе тоже далеко еще не было закончено; котлы не всѣ были еще установлены, но бутафорскій дымъ валилъ исправно изъ всѣхъ трубъ; запустили въ ходъ одну изъ наскоро собранныхъ машинъ и кое-какъ на короткое время довели скорость до 8 узловъ въ часъ... Характеризуя „дѣятелей“ той среды, въ которой *attaché* вращался, корректный авторъ-англичанинъ, въ общемъ весьма сдержанный въ своихъ выраженіяхъ, подчеркиваетъ ихъ „неумѣлость, самоувѣренность, хвастливость, поразительное взяточничество и продажность“; а честное отношеніе къ дѣлу онъ могъ наблюдать тогда только въ видѣ исключеній ⁵⁷⁾.

Съ тѣхъ поръ прошло 15—20 лѣтъ времени; мы, конечно, старались совершенствоваться за это время, но довели Россію все-таки... только до позора подъ Цусимой.

Видя безремонтное отношеніе къ казенному сундуку, которое проявляютъ „верхи“, невольно подражали и подражаютъ имъ и всѣ инстанціи ниже. Для иллюстраціи этого положенія мнѣ были присланы для 2-го изданія книги, между прочимъ слѣдующія строки:

„Закончилась война... Случайно уцѣлѣвшія суда наши начали возвращаться съ Д. Востока обратно въ Россію. Но и тутъ оказывается есть особая тактика невидимаго залѣзанія въ народный карманъ. Рѣдкій изъ командировъ рѣшался вернуться изъ-за границы въ Россію *въ концѣ мѣсяца*, хотя бы къ этому была полная возможность; большинство норовило прійти въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца, чтобы и за него получить морское довольствіе по заграничному. Съ этою цѣлью одни задерживаютъ ходъ судна; другіе, чтобы выиграть время, совершенно зря заходятъ въ такіе порты, куда и не надо было бы совсѣмъ заходить. Для достиженія своекорыстныхъ матеріальныхъ выгодъ не задумываются накладывать на казну и добавочные расходы на лоцмановъ, санитаровъ и т. п. Одинъ изъ крейсеровъ, напр., предпочелъ вернуться въ Россію не въ самыхъ послѣднихъ числахъ мѣсяца, а на четыре дня позднеѣ и непременно въ началѣ слѣдующаго мѣсяца. Для этого своевременно зашли въ Алжиръ, куда совсѣмъ не зачѣмъ было заходить, и нагнали эти лишніе четыре дня, поддерживая на остальномъ пути вполне приличный ходъ. Эта „выдумка“ командировъ стоила казнѣ въ данномъ случаѣ побольѣ 5000 р. Командиръ „Лены“ сдѣлалъ еще лучше; онъ такъ явно неприлично шелъ назадъ въ Россію, что наконецъ и министерство потеряло терпѣніе; навстрѣчу былъ посланъ капитанъ II-го ранга Пономаревъ съ приказомъ „привести „Лену“ въ Либаву“...

„Когда на обратномъ пути въ Россію мы пришли въ Сайгонъ, къ намъ явился инженеръ съ механическаго завода. Свою рѣчь къ старшему механику онъ началъ съ того, что у нихъ принято изъ суммы заказа, полученнаго на ремонтъ механизмовъ, отчислять 10% командиру и 10% старшему механику. Затѣмъ онъ перечислилъ намъ

⁵⁷⁾ „*The honest man was exception*“ (страница 137).

суда, гдѣ они так. обр. работали въ послѣднее время, назвавши имена одного крейсера и нѣсколькихъ транспортовъ. За всѣ представленные заводомъ счета казна платила, разумѣется, полнымъ рублемъ. Для поддержанія чести нашего крейсера (приведено его имя) я долженъ сказать“, пишетъ товарищъ, „что мы въ данномъ случаѣ не дали на заводъ никакой работы“.

Все веденіе хозяйства въ морскомъ вѣдомствѣ было поставлено у насъ весьма незавидно и сложно, съ многократнымъ контролемъ. Въ свое время эта сложность постановки дѣла объяснялась необходимостью *предупреждать злоупотребленія и оградить интересы казны...* На самомъ же дѣлѣ эта сложность и запутанность отчетности увеличила только накладные расходы по организаціи воображаемаго контроля и породила массу злоупотребленій. По мнѣнію свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей, на совершенно легко устранимые неполадки въ организаціи веденія хозяйства въ морскомъ вѣдомствѣ тратится не менѣе 25% всего расхода по матеріальной части флота (см. „Морск. Сборникъ“, 1906, № 10, стр 92, статья Георгіевскаго). А вѣдь расходъ вѣдомства по этому отдѣлу годами достигалъ до 40 милліоновъ рублей въ годъ...

Изъ всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ наше морское вѣдомство и по своему особому положенію, и по своей полной изолированности, находилось всегда въ самыхъ благоприятныхъ условіяхъ для развитія въ немъ недостатковъ бюрократическаго режима и доведенія ихъ до высшей своей мѣры. Стоящее совершенно въ сторонѣ даже отъ того небольшого общественнаго контроля, отъ котораго, къ счастью, не могло вполнѣ избавиться вѣдомство военное, въ тиши своихъ кабинетовъ морское вѣдомство дѣлало все, что хотѣло и какъ хотѣло; это было царство „бумагъ“, а не дѣла; „бумаги“ придавали всему здѣсь совершавшемуся „приличную“, „дѣловитую“, достаточно запутанную форму; слова „отчетность“ и „контроль“ здѣсь порою употреблялись прежде какъ бы въ насмѣшку надъ здравымъ смысломъ и возможностью установить какую-нибудь отчетность, согласованную съ дѣйствительностью, или произвести чему-нибудь фактическій контроль; въ этомъ царствѣ „бумагъ“, далекіе отъ дѣйствительныхъ нуждъ и запросовъ, „бумажные“ люди создавали строительныя „программы“... съ жирными смѣтами, получали ассигновки на осуществленіе этихъ программъ и... дѣлали расходованіе этихъ ассигновокъ по установленнымъ формамъ казенной отчетности, той самой сказочной отчетности, по которой почти всегда выходитъ непременно, что работаетъ себѣ въ убытокъ и казенный заводъ, и казенная желѣзная дорога, и казенный рудникъ на островѣ Сахалинѣ въ былое время; „бумаги“ собою заслоняли здѣсь людей, душили въ нихъ энергію, желаніе работать и совершенствоваться; „бумаги“ мало-по-малу воспитывали убѣжденіе во всемъ, окружающемъ ихъ, что важенъ не конечный результатъ, а только форма, сама „бумага“. Недаромъ и до сихъ поръ въ морскомъ вѣдомствѣ съ одними и тѣми же нравоучительными добавленіями изъ устъ въ уста живо передается поучительный разсказъ о томъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, передъ войною, послѣ долгаго плаванія за границей, энергичный командиръ одного большого корабля долженъ былъ сдѣлать у себя на суднѣ въ значительномъ количествѣ нѣкоторую вещь для обихода своего корабля. Прибывши въ портъ и взявши у русскаго консула въ портъ „справочныя цѣны“, командиръ заказалъ въ портъ на пробу первую партію этой вещи; а затѣмъ онъ сообразилъ, что, если сдѣлать всѣ другія партіи этихъ вещей хозяйственнымъ способомъ, это будетъ и не хуже, и много дешевле. Такъ

и было сдѣлано. А въ результатъ вышло вотъ что: министерство взыскало съ командира въ пользу казны всю разницу въ стоимости, которая оказалась *на первой партіи* вещи между „справочной цѣной“ порта и тою стоимостью вещи, которая была достигнута при послѣдующей хозяйственной заготовкѣ!.. Другими словами, вмѣсто похвалы, вмѣсто поощренія своей работы, своихъ разумныхъ поступковъ, честный и дѣятельный работникъ за всѣ его труды и хлопоты былъ какъ бы подвергнутъ большому денежному штрафу!.. При такой своеобразной постановкѣ дѣла въ этомъ царствѣ бумагъ развѣ возможно было проявленіе тамъ какой-нибудь ненаказуемой разумной инициативы, или какой-нибудь творческой дѣятельности?

„Бумага“ и „бумажный контроль“, какъ средство для учрежденія хлѣбныхъ мѣстъ и для разведенія чиновниковъ, заѣли все дѣло, исказили дѣйствительный смыслъ его; и въ концѣ концовъ существующій контроль и соблюденіе „разумной экономіи“ порою не стоили на дѣлѣ и ломанаго гроша... „Старые комосники“,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ,—„кидаются съ корабля за бортъ, а никому не нужны и ни для чего негодныя, худыя, старыя рукавицы кочегаровъ тщательно сохраняются... „для сдачи“; кидается за бортъ длинная, цѣнная часть весла, а коротенькая ручка отъ него хранится... „для сдачи“; за бортъ кидаются цѣнные бочки изъ-подъ масла, хотя ими ~~свободно можно было бы~~ отапливать камбузъ (кухню) и т. д. Лѣтомъ 1906 г. вернулись обратно домой нѣкоторые крейсера и уцѣлѣвшіе транспорты; и надо было видѣть, что здѣсь происходило. Съ одной стороны былъ предъявленъ самый строгій бумажный контроль, посыпались миллионы „исходящихъ“ бумагъ и „входящихъ“... А рядомъ, гдѣ вся контрольная вакханалія была уже позади, и гдѣ все было уже „оформлено“, принятые портомъ суда оставались на произволъ судьбы безъ офицеровъ. И начинался тогда стремительный дневной грабежъ: летѣло все цѣнное и удобопереносимое; исчезала мѣдь, — да не только мелочь, а и главныя паровыя трубы; за 80 р. въ Либавѣ продавали водолазный аппаратъ съ крейсера „Х...“, стоящій около 1000 р., и только слѣпой случай помогъ открыть эту кражу“...

Насажденіе и расширеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ заводовъ, обслуживающихъ морское и военное вѣдомство, безъ сомнѣнія, мотивировалось въ свое время желаніемъ—производить постройку и снаряженіе судовъ нашего морского вѣдомства *у себя*, своими силами производить ихъ *безъ помѣхи, скоро, надежно, хорошо и дешево*. Какою же глубокою и обидною ироніею звучитъ все это послѣ войны съ Японіею вообще и особенно послѣ сраженія подъ Цусимой!.. И какъ поздно и мало въ Россіи мы, граждане, узнаемъ о всѣхъ такихъ свершающихся уклоненіяхъ въ сторону!..

При полномъ отсутствіи гласности и контроля со стороны страны, десятки лѣтъ безпрекословно отдававшей морскому вѣдомству изъ своего бюджета львиную долю, условія для развитія въ немъ всякаго рода непорядковъ были въ высшей степени благоприятны. О дѣятельности столповъ и главныхъ заправилъ этой касты по цензурнымъ условіямъ печать до сихъ поръ еще не говорила со всею откровенностью; но публика открыто выражала это имъ иногда въ глаза въ театральномъ зрительномъ залѣ, на улицѣ... А мелкая сошка, о которой говорили вслухъ и писали, творила свое узаконенное обычаемъ дѣло, только подражая „верхамъ“ и получая на свою долю по чину и рангу. Но и эти „мелкія доли“ въ сущности были не крупны только при отсчетѣ ихъ въ масштабѣ вѣдомства.

Взять хотя бы постройку механизмовъ для современнаго броненосца или большого крейсера. Стоимость такихъ механизмовъ, машинъ и котловъ, построенныхъ для одной только боевой единицы, обходилась нашей казнѣ около трехъ миллионовъ рублей. Умѣло „провести“ такой заказъ было выгоднѣе, чѣмъ имѣть самый счастливый билетъ внутренняго съ выигрышами займа.

Ничуть не обижены бывали при этомъ и заводы. Правленія ихъ ждали и ждутъ такихъ заказовъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Да и есть изъ-за чего: установленная вѣдомствомъ попудная цѣна издѣлій такова, что хорошіе *частные заводы*, съ благодарностью взявшіеся за исполненіе такихъ заказовъ, при выполненіи мѣдныхъ издѣлій, а также большихъ поковокъ и валовъ, могли получить *прибыли* болѣе 100%, а при выполненіи литыхъ издѣлій (съ преобладаніемъ въ нихъ чугуна)—много болѣе 300% (!).

А на большихъ казенныхъ заводахъ, гораздо лучше оборудованныхъ, чѣмъ частные заводы, имѣющихъ возможность во время и выгоднѣе пріобрѣтать всѣ сырые матеріалы, не стѣсненныхъ кредитомъ, неужели прибыль получалась менѣе? А если нѣтъ, то *куда же шла* эта прибыль? И почему она давно уже не вызвала удешевленія, значительнаго удешевленія попудной цѣны издѣлій?

При такихъ расцѣнкахъ на готовыя издѣлія „благодарность“ даже и болѣе 10% въ результатѣ ничего, кромѣ удовольствія, принести заводамъ не можетъ. Но и эти вышеприведенныя мною, изъ жизни взятая, „скромныя“ цифры относятся уже къ послѣднимъ годамъ, когда цѣны оказались „сбитыми“, уменьшенными въ недавнее время на цѣлыхъ 25%, уменьшенными впрочемъ не столько вслѣдствіе технической конкуренціи заводовъ на почвѣ усовершенствованія и удешевленія ими производства, сколько вслѣдствіе конкуренціи „благодарностей“ и другихъ побочныхъ обстоятельствъ.

Во время войны, при спѣшномъ окончаніи старыхъ заказовъ и возникновеніи новыхъ, вѣдомство привлекло къ сотрудничеству также и многіе частные заводы. Неопытныя и наивныя правленія нѣкоторыхъ изъ заводовъ предварительно командированнымъ къ нимъ чиновникамъ на первыхъ порахъ вздумали было дѣлать свои заявленія, что никому никакихъ взятокъ давать у нихъ принципиально не принято, и что поэтому они имѣютъ возможность выполнить заказъ дешевле. А это вовсе не требовалось... Тогда командированное лицо уныло выслушивало такія заявленія, а затѣмъ представляло по начальству рапортъ, что этотъ заводъ „не въ состояніи справиться“ съ такимъ серьезнымъ заказомъ. Вслѣдствіи правленіе завода приходило въ понятіе; окольнымъ путемъ, съ приплатою „за урок“, устанавливались „добрыя отношенія“; и заводъ обыкновенно прекрасно „справлялся“ съ отданнымъ ему заказомъ...

Лицъ, которыя все это видѣли, обо всемъ подобномъ знали, которыя могли бы и по своему положенію *должны были бы* предавать такія дѣла гласности, ловили и обезоруживали другимъ способомъ: какъ бы цѣня ихъ техническій и научный авторитетъ, умѣло привлекали ихъ къ участию въ работахъ безчисленныхъ комиссій—по техническимъ экспертизамъ, по техническимъ расчетамъ, консультациямъ, по разработкѣ разныхъ проектовъ, нужныхъ и ненужныхъ заинтересованнымъ заводамъ⁸⁸⁾. Эти частныя работы, которыя такой проч-

⁸⁸⁾ Чтобы несуразныя цифры прибыли у паразитныхъ заводовъ вѣдомства сразу не бросались въ глаза тѣмъ, кому это не слѣдуетъ видѣть, заводы принимали для

ной сѣтью опутывали всѣ взаимныя отношенія и связи заводовъ, учреждений и лицъ, оплачивались обыкновенно настолько щедро, что плата за нихъ дѣлалась у чиновника не подсобнымъ его заработкомъ, а главнымъ; независимость нужнаго человѣка была такъ обр. парализована, на его уста и руки, невидимо для его окружающихъ, была наложена печать бюрократіи...

На многомъ въ нашей странѣ лежитъ еще эта печать. Ее въ своей послѣдующей работѣ можетъ снять только Государственная Дума. Еще въ самомъ началѣ русско-японской войны ректоръ Московскаго Университета покойный С. Н. Трубецкой свой очеркъ⁵⁹⁾ бюрократическаго строя нашей многострадаальной родины заканчивалъ слѣдующими словами:

„Допустимъ на минуту, что въ Россіи существуетъ народное представительство. Вѣдь несомнѣнно, что при немъ вся эта война и вся предшествующая позорная манчжурская эпопея были бы просто немислимы, такъ какъ всѣмъ было бы до очевидности ясно, что никакихъ реальныхъ интересовъ у насъ въ Манчжуріи нѣтъ, и что расточать на нее народныя средства, столь нужны дома, бессмысленно и преступно. Было-ли бы возможно тогда пресловутое строительство манчжурской дороги, эта наглая вакханалія безнаказаннаго воровства, стоившая милліарды и вовлекшая насъ въ дальнѣйшія затраты народныхъ средствъ и народной крови? Руководствовалась-ли бы русская политика на Дальнемъ Востокѣ темными происками случайныхъ проходимцевъ? И, наконецъ, даже если бы Россія дѣйствительно, съ вѣдома и согласія народныхъ представителей, рѣшилась утвердиться въ Портъ-Артурѣ, этомъ новомъ не замерзающемъ портѣ, то развѣ была бы мыслима теперешняя полная неподготовленность къ оборонѣ, эти правительственныя сообщенія о нашемъ миролюбіи, помѣшавшемъ намъ предупредить войну? Развѣ возможенъ былъ бы этотъ флотъ, это преступное судостроительство съ его чудовищными злоупотребленіями, это воровство морского и артиллерійскаго вѣдомствъ?..“

При широкой постановкѣ у насъ всего аппарата государственнаго контроля всѣ такія дѣянія кажутся со стороны совершенно невѣроятными и прямо невозможными, а въ жизни нашей страны все это превосходно укладывалось въ рамки возможнаго: контроль существовалъ, чины контроля получали присвоенное имъ жалованье, карали мелочныя упущенія, а въ случаѣ крупныхъ и явныхъ перерасходовъ подавали даже протесты куда слѣдуетъ; этимъ и кончалось дѣло, дальнѣйшіе кредиты разрѣшались помимо государственнаго контроля, которому изъ любезности посылалась только иногда отписка. Напр., было время, когда Ижорскій заводъ изготовлялъ корабельную броню по 4 р. 40 к., за пудъ, а морское министерство отдало заказъ Мариупольскому заводу по девять рублей 90 коп. за пудъ⁶⁰⁾.....; контроль обратилъ вниманіе министерства на такую крупную разницу въ цѣнѣ; но изъ министерства былъ полученъ отвѣтъ, что „заказъ уже состоялся и не можетъ быть отмененъ“... А то бы-

этого свои мѣры: съ періодами проведенія „хлѣбнаго заказа“ совпадали у нихъ то постройка новыхъ мастерскихъ, то болѣе или менѣе усиленное обновленіе заводскаго инвентаря машинъ-орудій, то смѣна старыхъ двигателей и котловъ, то погашеніе долговъ и т. п. Въ результатѣ предпріятіе обогащалось, но показная прибыль его разсыропливалась до „приличной“, не очень бьющей въ глаза нормы.

⁵⁹⁾ Напечатанъ въ *Московск. Ежедневникѣ*, 1906, № 7.

⁶⁰⁾ „*Утро Россіи*“, 1907, № 9 отъ 26 сентября.

вало и такъ, что неспокойныхъ контролеровъ, какъ „вредныхъ“ для дѣла людей, по просьбѣ чиновниковъ вѣдомства, которымъ они мѣшали „работать“, нерѣдко и удаляли за излишнее рвеніе.

Горько думать, что передъ войною и во время войны были украдены такъ безстыдно сотни милліоновъ трудовыхъ народныхъ денегъ; ихъ собирали по грошамъ, а сколачивали эти гроши съ трудомъ и лишеніями. Но еще больнѣе при мысли о всемъ, потерянномъ Россією, благодаря Цусимѣ. Потеряны, погублены ея слава, ея положеніе Великой Державы, обаяніе ея военной силы, плоды трудовъ прежнихъ поколѣній. На долгіе годы „Россія обратилась въ ничто“⁴¹⁾ и не только на Дальнемъ Востоцѣ, но и на Ближнемъ, и передъ З. Европой“.

Тяжела и велика была та жертва, которую принесла наша родина подъ Цусимой, но дорогой, кровавый урокъ, полученный здѣсь нами, сразу раскрылъ всей мыслящей Россіи глаза и наглядно доказалъ ей всю несостоятельность безконтрольныхъ бюрократическихъ „порядковъ“ даже и въ той области, гдѣ наша бюрократія считала себя особенно свѣдущей, непогрѣшимой и незамѣнимой, и гдѣ она съ особеннымъ усердіемъ и заботливостію охраняла свои дѣянія отъ постороннихъ взоровъ. Несостоятельность дѣяній бюрократіи въ области военной и морской равно, какъ и въ области международныхъ сношеній, оказалась до очевидности самая полная и застарѣлая... Дорогой цѣною досталась намъ эта горькая увѣренность. Посмотримъ же, что было нами сдѣлано, кромѣ однихъ безплодныхъ сожалѣній, и какія мѣры были приняты для выясненія коренныхъ причинъ пережитого нами бѣдствія, которое мы сами на себя навлекли.

Нашей первой Государственной Думѣ, усердно занимавшейся разслѣдованіемъ современныхъ частичныхъ погромовъ внутри страны, слѣдовало вникнуть и въ этотъ недавній, великій, всероссійскій историческій погромъ, тяжелыя послѣдствія котораго съ болью въ сердцѣ и теперь еще переживаетъ вся Россія. Хотя на старыхъ основаніяхъ управленіе арміей и флотомъ было поставлено и внѣ вѣдѣнія Государственной Думы, но своимъ вѣскимъ авторитетнымъ словомъ и своимъ нравственнымъ вліяніемъ, несомнѣнно, она могла бы и должна была бы добиться того, чтобы произведено было подробное и гласное разслѣдованіе всего, что предшествовало нашему позору подъ Цусимой, начиная съ постройки эскадры, ея снаряженія, ея укомплектованія личнымъ составомъ, ея снабженія всѣмъ необходимымъ ей въ пути, и кончая ея необученіемъ и ея небоевыми планами.

Нельзя не пожалѣть, что наша первая Государственная Дума за два мѣсяца ея существованія не нашла времени въ своемъ распорядкѣ, чтобы сказать по этому поводу свое авторитетное слово; а пользуясь этимъ именно обстоятельствомъ наше морское вѣдомство, во время самаго разгара преній о мѣстномъ погромѣ въ Бѣлостокѣ, назначило въ Кронштадтѣ судебный процессъ о привлеченіи Роженскаго и его штаба къ отвѣтственности... по дѣлу объ умышленной сдачѣ ими Японцамъ безъ боя того самаго миноносца „Вѣдовый“, на которомъ, покинувши остатки нашего флота подъ Цусимой на произволъ судьбы, они думали уйти во Владивостокъ. Въ этомъ процессѣ, который и всѣмъ своимъ ходомъ, и своимъ финальнымъ аккордомъ производилъ на всѣхъ весьма странное впечатлѣніе, въ роли обвинителей и судей выступили такія лица, которыя подчинены глав-

⁴¹⁾ „Нов. Время“, 1906, № 10.738 отъ 4 февраля.

ному дѣятелю, строившему и снаряжавшему нашу Балтійско-Цусимскую эскадру въ походъ;—а къ лицамъ, которыя были посажены на скамью подсудимыхъ, было предъявлено обвиненіе не по существу той отвѣтственности, которую они передъ всею родиной на себя взяли, обязавшись обучить эскадру, подготовить ее къ предстоявшему бою, разумно использовать всѣ ея силы въ походъ и въ бою, сберечь изъ нихъ все, что можно было не подвергать явной опасности и гибели... На судѣ объ этомъ и рѣчи не заходило; а изъ всей громады актовъ, закончившихся печальной трагедіей подъ Цусимой, былъ взятъ для выполненія правосудія одинъ только малый эпизодъ, на которомъ гг. судьи имѣли возможность проявить по отношенію къ обвиняемымъ сначала съ формальной стороны,—всю свою строгость, а затѣмъ по житейскимъ мотивамъ—всю полноту своего милостиваго отношенія... Этотъ непрошенный комическій финалъ къ народной трагедіи не могъ, конечно, внести ни удовлетворенія, ни успокоенія въ тѣ многія тысячи пострадавшихъ и осиротѣлыхъ семей, гдѣ еще такъ недавно ручьями слезъ оплакивалась первая вѣсть о семейномъ горѣ, связанномъ съ событіемъ 14 мая 1905 года.

Затѣмъ позднѣе въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ былъ проведенъ процессъ Небогатовъ; еще больше всколыхнулась бюрократическая гуща въ процессъ артурскихъ самозванныхъ героевъ⁶²⁾. Но все это еще не то, что нужно. Разсмотрѣны дѣянія „стрѣлочниковъ, машинистовъ, начальниковъ депо“, но надо же заглянуть и въ „управленіе“ и въ „контроль“. Надо освѣтить и понять *систему* управленія, породившую дѣянія отдѣльныхъ лицъ,—систему „цусимлянъ“, заставлявшую видѣть благополучіе тамъ, гдѣ и намека на него не было и быть не могло,—систему, вводившую въ обманъ всѣхъ и вся...

Не подлежитъ сомнѣнію, что подробный разборъ всей нашей Цусимской катастрофы отъ начала до конца, при участіи въ этой работѣ выборныхъ представителей отъ народа, непременно будетъ имѣть мѣсто. Эта работа еще впереди... До 17-го октября 1905 г. бюрократіи удавалось держать народъ вдали отъ общихъ интересовъ страны, силою внушая ему, что это не его дѣло, ибо его дѣло только платить налоги, а государственные интересы зорко охраняють знающіе дѣло и надежные люди... Но теперь такія внушенія болѣе не дѣй-

⁶²⁾ Нельзя не отмѣтить здѣсь, что мало удачными оказались до сихъ поръ и всѣ тѣ попытки, которыя въ СПб. проявили нѣкоторые ученые общества, чтобы всколыхнуть эту гущу. Это и понятно. Для этого нужна другая среда, болѣе властная, независимая, обложенная народнымъ довѣріемъ и широкими полномочіями.

Въ IV-мъ Отдѣлѣ Императорскаго Русск. Технич. О-ва въ СПб. 31 января 1906 г. читался докладъ „О мировомъ положеніи Россіи и о значеніи ея флота“. Послѣ выслушанія доклада послѣдовалъ общій мнѣній. Нѣкоторые ораторы высказывали упрекъ морскому вѣдомству за несообщеніе желательныхъ, вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи вещей и за существованіе хозяйственныхъ злоупотребленій при постройкѣ и вооруженіи флота. Другіе ораторы высказывались о злоупотребленіяхъ еще сильнѣе; по поводу распространенности ихъ у насъ не въ одномъ морскомъ вѣдомствѣ, а и въ другихъ, приводилось господствующее за границей мнѣніе, что они признаются какъ бы „національной особенностію русскихъ“ („Море“, 1906 г., № 13, стр. 476). Затѣмъ говорили о томъ, что для устраненія преступниковъ существуютъ прокуроры; и рѣшились тѣмъ, что подъ влияніемъ общественнаго мнѣнія даже и самыя бюрократическія вѣдомства въ послѣднее время „стали принимать мѣры къ самоочищенію и упорядоченію хозяйственныхъ операцій“...

ствуютъ. Всѣ наши бюрократическія затѣи въ Манчжуріи и Корей, всѣ наши положенія на сушѣ и на морѣ въ кампанію 1904—1905 г.г. ясно показали всему міру, насколько наши „знающіе дѣло“ люди были мало освѣдомлены въ дѣлѣ, насколько наши „надежные“ люди были на самомъ дѣлѣ ненадежны, нерадивы, когда дѣло касалось общегосударственныхъ интересовъ, и насколько они были самовластны и предприимчивы, когда дѣло касалось ихъ личныхъ интересовъ, ихъ жизненныхъ удобствъ и окружавшей ихъ роскоши, добытой на средства безграмотнаго, нищаго народа. Этотъ самый народъ чрезъ своихъ выборныхъ представителей теперь долженъ узнать, куда, на что и какъ тратились милліарды рублей его кровныхъ средствъ, и что именно, идя къ Цусимѣ, получили за нихъ въ свое распоряженіе защитники достоинства и могущества нашей родины...

Только разобравши этотъ вопросъ по существу дѣла, народъ русскій уразумѣетъ настоящую цѣнность того унижительнаго для насъ историческаго урока, который не случайно, а логически неизбежно былъ полученъ въ 1905 году нашей страной подъ Цусимой...

Спокойное и безпристрастное разслѣдованіе этого вопроса необходимо сдѣлать для того, чтобы полученный Россією урокъ былъ въ то же время и *последнимъ*... Прошлаго не вернешь; но будущее находится до извѣстной степени въ нашихъ рукахъ, въ рукахъ народа, который, безъ сомнѣнія, отнынѣ пожелаетъ учиться не во время борьбы, а до нея. Это будущее можно улучшить и опредѣленным образомъ направить *только путемъ сознательнаго отношенія къ ошибкамъ прошлаго, только путемъ всесторонняго освѣщенія этого прошлаго свѣтомъ правды, — только путемъ подчиненія всѣхъ будущихъ дѣйствій въ этой области общественному контролю.* Въ этихъ условіяхъ можетъ сколько угодно разъ повториться все одна и та же скучная, старая и вѣчно юная исторія о старомъ мѣхѣ и новомъ винѣ; а „уроки“ будутъ слѣдовать одинъ за другимъ, не спрашивая насъ, готовы ли мы къ нимъ...

Это разслѣдованіе надо было бы и лучше всего было бы сдѣлать, конечно, прежде, чѣмъ создавать новую „программу“, по которой будетъ дѣлаться „возрожденіе нашего флота“; но... бюрократическимъ путемъ удовлетворительно разрѣшить этотъ вопросъ нельзя. Этимъ способомъ можно только расписать предполагаемое употребленіе милліоновъ, если они у насъ будутъ въ рукахъ, на постройку дорогихъ броненосцевъ, крейсеровъ и т. д.; комплектъ адмираловъ для выполненія этой работы у насъ болѣе нежели достаточенъ; а дѣло — совсѣмъ не въ этомъ расписаніи. Для новаго дѣла нужны и новые люди, свѣжія силы... Наши старые „дѣятели“ устали отъ бездѣйствія; они держались только умѣньемъ задрапировать свою непригодность для веденія живого дѣла и въ этомъ направленіи достигли колоссальныхъ результатовъ... Но и призвавши для созданія этого новаго, живого дѣла живыхъ, рабочія силы, способныя проявить большую, длительную и напряженную работу, нужно было бы сначала всетаки *принципіально* рѣшить вопросъ, нужно ли Россіи думать о возрожденіи ея флота *въ первую очередь*, опять оставивши въ тѣни разрѣшеніе другихъ, еще болѣе насущныхъ нуждъ, которыя терпѣливо ждутъ своей очереди вотъ уже многіе десятки лѣтъ, какъ, напр., вопросъ о народномъ образованіи, вопросъ о широкой помощи трудящемуся крестьянству, выбившемуся изъ силъ на своихъ голодныхъ надѣлахъ.

Могущество государства и готовность его къ отраженію нападеній извнѣ измѣряются не суммою тѣхъ затратъ, которыя дѣлаются

страною на ея армию и флотъ. Это положеніе Россія доказала уже подъ Мукденомъ и Цусимой... А съ другой стороны и уровень экономического обнищанія народа, и уровень упадка производительныхъ силъ въ странѣ не могутъ быть понижаемы произвольно низко. Всему есть свой предѣлъ; его и должны имѣть въ виду народные представители при обсужденіи въ Думѣ той части бюджета страны, которая касается ассигновокъ на поддержаніе и развитіе военнаго и морского дѣла. Указанія въ этомъ направленіи можетъ и должна сдѣлать Государственная Дума при обсужденіи бюджета; а иначе Россія снова можетъ очутиться въ бюрократической трясиной. Если мы начнемъ опять строить свой флотъ съ цѣлію отправки его во Владивостокъ и задиранія тамъ нашихъ сосѣдей, мы приготовимъ себѣ *вторую Цусиму* раньше, чѣмъ мы думаемъ. Мысль о томъ, чтобы превзойти силами Японію на морѣ, намъ нужно теперь совершенно оставить. Для этого упущено и время, и благопріятныя обстоятельства... Пропали моментъ, котораго не вернешь.

Ни о какомъ реваншѣ, ни о какихъ затѣяхъ на Д. Востокъ и рѣчи быть теперь не можетъ. Россія должна теперь собрать всѣ свои силы, чтобы справиться съ кореннымъ общимъ вопросомъ, одинаково затрагивающимъ интересы всего ея населенія: она должна въ первую очередь насадить и заботливо выростить конституціонныя начала жизни и въ то же время поднять уровень матеріальной, умственной и нравственной жизни большинства своего населенія, т.-е. народа. Въ этомъ—теперь главная, основная забота нашей страны.

Никакихъ приготовленій, могущихъ повести къ повторенію Цусимской катастрофы, быть не должно. Въ первую очередь нужна работа не надъ созиданіемъ флота, а надъ подготовкою *работниковъ* для этого флота.

Флота у насъ теперь нѣтъ, денегъ на его быстрое возрожденіе тоже нѣтъ; но есть у насъ громадный личный персоналъ, оставшіяся не у дѣла; есть у насъ магазины и склады, въ которыхъ мы хранимъ *на колоссальныя суммы* комплекты и запасы для несуществующихъ болѣе судовъ, для несуществующихъ болѣе машинъ и механизмовъ. Толково разобраться въ утилизированіи всего этого, что у насъ есть, очень не мѣшаетъ еще до возрожденія флота ⁶³⁾.

„Нравственный долгъ передъ родиной“, говорится въ *Высочайшемъ* рескриптѣ 29 іюня 1905 г., „обязываетъ всѣхъ чиновъ флота и морского вѣдомства разобраться въ нашихъ ошибкахъ и безотлагательно, съ горячимъ рвеніемъ приняться за работу надъ возрожденіемъ тѣхъ морскихъ силъ, которыя нужны Россіи, и надъ воспитаніемъ и подготовкою требуемаго личнаго состава флота“.

⁶³⁾ Неизвѣстно для какихъ цѣлей, въ портовыхъ учрежденіяхъ скапливались громадные имущества, ровно никакого отношенія не имѣющія къ боевой силѣ флота, напр.: столовое серебро, посуда, мебель, ковры, разное старое желѣзо, запасы сухой провизіи и т. д. Оттого и выходило зачастую такъ, что стоимость, напр., простого стакана съ монограммой, при первоначальной цѣнѣ его въ 20—30 коп., чрезъ 5—6 лѣтъ храненія его на складахъ въ портахъ достигала до трехъ рублей; и эта искусственная разниа въ цѣнахъ вызывалась необходимостью покрывать расходы по сохраненію имущества („*Морской Сборникъ*“, 1906 г., № 10, стран. 94, статья Георгіевскаго). И это идетъ еще рѣчь о 20 копѣечномъ стаканѣ... Съ формальной стороны здѣсь „все въ порядкѣ“, и самый зубастый контроль придаться ни къ чему не могъ бы; но вѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ очевидно, что тутъ нѣтъ никакого порядка...

Въ іюнѣ же 1905 г. въ военно-морскомъ ученомъ отдѣлѣ начались засѣданія комиссіи по разрѣшенію вопроса о возрожденіи нашего флота. Въ составъ этой спеціальной комиссіи вошли исключительно старцы-адмиралы, не участвовавшіе въ бояхъ войны 1904—5 гг. ⁴⁾. Эта компетентная въ старыхъ порядкахъ комиссія довольно быстро разрѣшила вопросъ о необходимости ассигнованія 525 милліоновъ рублей на возстановленіе нашего флота въ теченіе семи лѣтъ. А что, какъ и гдѣ будетъ дѣлаться, — это, конечно, по прежнему останется секретомъ для русскаго народа, но... только не для Японцевъ.

Когда результатъ этого спеціального совѣщанія сдѣлался извѣстнымъ, началось повтореніе знакомыхъ уже картинъ: гуськомъ потянулись куда слѣдуетъ стаи агентовъ мѣстныхъ и заграничныхъ заводовъ и „благодѣтелей“; посылались заманчивыя предложенія изъ всѣхъ промышленныхъ уголковъ З. Европы и Америки, повисли въ воздухѣ милліонныя цифры куртажа, бросающія „дѣятелей“ въ жаръ и ознобъ... Знатоки консервативныхъ порядковъ въ вѣдомствѣ утверждаютъ, что новыми въ дальнѣйшемъ будутъ только цифры отдѣльныхъ ассигновокъ, а ихъ возникновеніе и проведеніе въ жизнь останется въ тѣхъ же рукахъ бюрократіи, сильной своими связями, традиционными пріемами взаимнаго воздѣйствія и проч. А способы работы этихъ рукъ достаточно хорошо извѣстны.

Для характеристики веденія дѣла нашей бюрократіей приведу однако еще слѣдующій фактъ. Когда наша Балтійско-Цусимская эскадра ушла въ походъ, въ СПб. были отданы крупныя заказы на выполненіе запасныхъ котловъ, которые надо было бы поставить на суда эскадры, какъ только она прибудетъ во Владивостокъ, взамѣнъ испорченныхъ въ пути. Пока эскадра Рождественскаго свершала свой переходъ на Д. Востокъ, отдѣльныя части этого заказа были выполнены и подготовлены къ отправкѣ по желѣзной дорогѣ. Одна изъ послѣднихъ частей заказа была на заводѣ готова въ тотъ день, когда въ СПб. были получены уже вполне опредѣленные данныя о Цусимской катастрофѣ и о размѣрахъ нашей потери въ судахъ. На днѣ морскомъ были тѣ суда, для которыхъ исполнялся заказъ; но тѣмъ не менѣе заводомъ было получено распоряженіе, — отправить „большую скоростію“ во Владивостокъ и эти запасные котлы, ни для чего тамъ болѣе ненужные... Отправлено и съ плечъ долой; заказъ очищенъ, счета проведены „по хорошему“; а тамъ пускай вѣдается съ дѣломъ Владивостокъ; надо и тамъ дать „работу“... Позорный для страны разгромъ подъ Цусимой — совершившійся фактъ, а... „Васька слушаетъ да ѣстъ“...

Въ какомъ направленіи въ будущемъ можно ожидать возрожденія нашего флота, пока все это дѣло остается въ рукахъ того же „дѣятельнаго ядра“ бюрократіи морского вѣдомства, въ послѣднее время ясно показываетъ сама жизнь; — показываетъ эта недавняя посадка двойного комплекта адмираловъ на тѣ мѣста, на которыхъ прежде нечего было дѣлать и одинарному составу; — показываетъ эта недавняя „дѣятельность“ ядра по сдачѣ заказовъ на амурскія канонерки, по продажѣ вспомогательныхъ крейсеровъ, вернувшихся съ войны, за границу, по расчетамъ съ интендантскимъ поставщикомъ Гинзбургомъ и т. д. Порою кажется и до сихъ поръ, что кровавый урокъ

⁴⁾ См. „Новое Время“, 1905 г., № 10.539. „Одинъ изъ видныхъ адмираловъ, участниковъ японско-русской войны, не попалъ въ составъ этой комиссіи только за молодостію лѣтъ; ему нѣтъ еще пятидесяти“...

подъ Цусимую какъ будто ничему не научилъ насъ, что мы начинаемъ уже предавать его забвенію, что вся старая закваска опять быстро оживаетъ въ морскомъ вѣдомствѣ... Да и какъ ей не оживать, когда было такое положеніе, что двѣ Государственныя Думы не существовали уже болѣе, а о будущемъ бюджетѣ морского вѣдомства народные представители не успѣли сказать еще ни слова.

Не горячка дорогого строительства новыхъ дорого стоящихъ броненосныхъ судовъ флота должна занимать вниманіе морского вѣдомства и всей страны на первомъ планѣ, а нѣчто другое, ясно отмѣченное *Высочайшею* властію, а именно: 1) тщательное изученіе ошибокъ прошлаго, 2) принципиальное выясненіе свѣдущими людьми при участіи представителей народа „тѣхъ морскихъ силъ, которыя нужны Россіи“, и 3) воспитаніе и подготовка личнаго состава. Нельзя сказать, чтобы съ 1905 г. мы далеко продвинулись впередъ по всѣмъ этимъ тремъ рубрикамъ.

Въ первую очередь надо бы подготовить оставшуюся безъ дѣла офицерскую молодежь; а иначе и *на возрождающійся флотъ* она будетъ поступать столь же мало освѣдомленною и невѣжественною въ своемъ дѣлѣ, какъ и раньше.

Адмиралъ Рожественскій, знающій лучше, чѣмъ кто-либо небоевые качества личнаго состава нашего военнаго флота, набросавши схему необходимыхъ мѣропріятій для устраненія этого коренного недостатка, пришелъ къ заключенію, что для перехода къ радикальному обновленію личнаго состава нашего флота и для полученія первой группы работниковъ, „первой группы новыхъ людей, способныхъ разумно обслуживать новые типы судовъ“, нуженъ *періодъ времени никакъ не менѣе десяти лѣтъ* ⁶⁵⁾. „А ранѣе этого срока“, — добавляетъ адмиралъ, „было бы преступно бросать деньги на постройку крупныхъ броненосцевъ, такъ какъ числомъ и силой ихъ могущество флота опредѣляется лишь при условіи соотвѣтственно подготовленнаго личнаго состава“...

Практическую подготовку молодежи можно было бы организовать посылкою ея *на службу* въ иностранные флоты, — французскій, нѣмецкій, американскій, а если примуть, то и въ англійскій, и даже въ японскій. *На гастроли* ихъ, конечно, не примуть; а на службу, для работы, съ хорошею платою за обученіе, не откажутся принять — если не всѣ, то по крайней мѣрѣ дружественно расположенныя къ намъ державы. Так. обр. было бы положено хорошее начало возрожденію личнаго состава, омовенію его отъ грѣховъ прошлаго путемъ погруженія въ настоящую, дѣловую, рабочую атмосферу.

Ничего унизительнаго въ этомъ „погруженіи“ нѣтъ и быть не можетъ. Наши „береговые“ инженеры разныхъ специальностей всегда считали и теперь считаютъ для себя за честь и за счастье — получить возможность устроиться въ подобныхъ же условіяхъ, чтобы *поработать* подъ руководствомъ людей, болѣе опытныхъ, серьезно работавшихъ всю свою жизнь, знающихъ свое дѣло до тонкостей и умѣющихъ работать. Поучимся у другихъ, тогда и у насъ во флотѣ будутъ настоящіе работники, имѣющіе интересъ ко ввѣренному имъ дѣлу. Оно сдѣлается для нихъ знакомымъ „вдоль и поперекъ“; бѣгать отъ него имъ будетъ не нужно, чтобы не краснѣть за свое въ немъ невѣжество... Флота мы не возродимъ, если этого не сдѣлаемъ. Безъ этого корабли могутъ быть и новые, но порядки на нихъ будутъ только старые, и

⁶⁵⁾ См. статью Рожественскаго въ „*Морск. Сборн.*“, 1907 г., № 1.

поучиться работѣ будетъ не у кого; вѣдь не научишься же этому у „цензовыхъ гастролеровъ“, способныхъ прикрывать свое невѣжество только дисциплиной и жестокостями...

Не стыдятся же Нѣмцы такой подготовки даже и сейчасъ. Во время войны они прислали къ нашей эскадрѣ на „угольщикахъ“ своихъ офицеровъ, которые согласились нести службу помощниковъ у капитановъ этихъ пароходовъ ⁶⁶⁾. Эти офицеры были присланы для того, чтобы сдѣлать наблюденія нашего плаванія, чтобы полезное перенести въ свой флотъ, чтобы познакомиться съ нашими ошибками, поучиться за нашъ счетъ и не повторять этихъ ошибокъ у себя.

До войны съ нами еще болѣе была распространена такая практическая подготовка у Японцевъ.

И всѣ, кромѣ насъ, это дѣлають, считая долгомъ совѣсти трудиться и учиться. Не найти примѣра, гдѣ бы допускалось и поощрялось тунеядство за счетъ нищаго народа.

Отъ того, что у насъ не было *работающихъ* людей, добросовѣстно работающихъ людей и неподготовленность наша къ войнѣ, нами же вызванной, была самой полной. У насъ не было въ критическій моментъ ассортимента доброкачественныхъ боевыхъ кораблей; незавидна была наша артиллерія; недоброкачественны были наши снаряды,— да и тѣхъ, оказалось, не было припасено въ достаточномъ количествѣ; снабженіе эскадры углемъ на пути слѣдованія ея было организовано и крайне дорого, и не вездѣ хорошо, съ показной отчетностью, не соотвѣтствовавшей дѣйствительности...

Главное же то, что въ концѣ концовъ оказалось некому ввѣрить суда эскадры; не было избытка надежныхъ, опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ людей, любящихъ его, подготовленныхъ къ работѣ и слѣдившихъ за всѣми нововведеніями и усовершенствованіями. И въ довершеніе всего всякая попытка начать осмысленную работу непременно сталкивалась съ интересами касты и парализовалась густо раскинутой кругомъ „паутиной“, охраняющей чьи-нибудь „интересы“, освященные обычаями, традиціями, жизненнымъ укладомъ...

Не было людей... Много было чиновниковъ, но рѣдко среди нихъ выдвигались ⁶⁷⁾ работники, знающіе, опытные, надежные. Поэтому броненосцы мы проектировали и строили съ „перегрузкой“, снаряжали ихъ съ „экономіей“, принимали ихъ „со всей строгостію“, посылали ихъ въ страны дальнія, незнакомыя, отдавали ихъ въ руки холенныя, непривычныя къ труду вообще,—и особенно къ труду черному, къ труду скучному, каждодневному... И случилось это въ вѣдомствѣ, на содержаніе котораго Россія ежегодно тратила болѣе сотни миллионъ рублей... И оказалось это въ странѣ, гдѣ за послѣднюю четверть вѣка съ такимъ легкимъ сердцемъ губились и хоронились таланты, отвага и правдивая честность...

На основаніи всего вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что катастрофа была неизбежна; и она не заставила себя ждать...

⁶⁶⁾ Политовскій, 1906, стран. 112.

⁶⁷⁾ Тѣ, кто выдвигался, не хотѣли работать и не умѣли работать. А тѣхъ, кто могъ бы работать и жалелъ бы работать, въ морскомъ вѣдомствѣ не выдвигали; надъ ними были люди, которые ненавидѣли знаніе, презирали таланты, имѣли на своей сторонѣ силу и право душить ихъ, мѣшать имъ выйти на свѣтъ Божій (статья Яковлева въ „Нов. Вр.“, 1905, № 10.627).

„Цусимская катастрофа есть послѣдній актъ народной драмы, гдѣ героемъ является дворянинъ, смѣнившій боярина“, пишетъ въ „Нов. Времени“ (1906 г., № 11.041) бывший морякъ. „Послѣ реформы оскудѣвшее передовое сословіе толпами бросилось на казенное содержаніе, въ армію, во флотъ, въ чиновники. И всюду оно внесло съ собою крѣпостную лѣнь, обломовщину и безпечность ко всему на свѣтѣ. Быстро, точно какимъ-то заговоромъ наша государственность превратилась въ дворянскую вотчину. За сорокъ лѣтъ чиновничество увеличилось въ невѣроятной степени. На казенныя мѣста стали смотрѣть какъ на законную добычу служилыхъ людей, какъ на предметъ кормленія. Высшіе интересы націи были постыдно забыты. Оскудѣвшее сословіе сочло себя обиженнымъ и предъявило государству право на казенный хлѣбъ— хотя бы въ стѣнахъ канцеляріи. Въ самые жизненные, въ самые отвѣтственные центры правленія внесенъ были принципъ родства, свойства, кумовства, протекціи, угодничества; начала господствовать формула „рука руку моетъ“. Быстро установился отборъ худшихъ тамъ, гдѣ нужны были сильные и могучіе. Въ обществѣ ахаютъ и изумляются, что на такіе-то и такіе, почти диктаторскіе по власти, посты назначаются разные „клячи“ и паралитики. Всѣ поражены, что завѣдомо органиченныя и невѣжественныя люди, не только Рюриковичи, но иной разъ—сыновья лакеевъ, достигаютъ головокружительной высоты. Но что жъ тутъ удивительнаго? Разъ выше всего стояло кормленіе, разъ армія, флотъ, администрація существуютъ исключительно для окладовъ, пенсій и арендъ,—естественно, что самые жирные куски достаются тому, „кому бабушка ворожить“. Если все сплошь приспособлено къ этому и только къ этому, то не смѣшно ли ждать геройства? Не странно ли посылать изнѣженныхъ, распущенныхъ и слабыхъ, слабыхъ до жалости помѣщиковъ такого-то департамента въ великія битвы, гдѣ нужно совсѣмъ иное, не наемное благородство, гдѣ нужна была бы „богатырская застава“? Богатырей захотѣли!..“

Разразилась небывалая катастрофа; позоръ и униженіе пали на Россію, потрясены, какъ никогда, экономическія основы страны, но сливки нашей высшей бюрократіи при этомъ какъ будто вовсе не всколыхнулись,—тѣ сливки, которыя находились въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи со всей совокупностью работъ по осуществленію этой катастрофы; долго спустя послѣ нея они спокойно оставались тамъ, гдѣ отстоялись, а затѣмъ они только увеличили свою мощную толщу или за счетъ получаемого ими колоссальнаго жалованія, или за счетъ наградъ всѣхъ видовъ и наименованій: не только послѣ своего выѣзда изъ П.-Артура, но даже и послѣ перехода этой крѣпости во власть Японцевъ, адмиралъ *Алексѣевъ* спокойно продолжалъ получать полностью все свое жалованье въ 140.000 р. по должности намѣстника на Д. Востокъ, приставленнаго къ управленію всѣми дѣлами, казавшимися Квантунскаго полуострова; графъ *Ламздорфъ*, министр иностранныхъ дѣлъ, не сумѣвшій предотвратить войны съ Японіей и допустившій передъ войною возможность осуществленія самовольныхъ бюрократическихъ экспериментовъ на Д. Востокъ, которые больно затрогивали интересы и самолюбіе нашихъ сосѣдей, долго и спокойно продолжалъ оставаться на своемъ посту, какъ будто Россія при его содѣйствіи въ управленіи странюю все время пользовалась благами довольства, мирнаго благополучія и дружбы со всѣми державами; вице-адмиралъ *Рожественскій*, одинъ изъ главныхъ вдохновителей отправления нашей Балтійско-Цусимской эскадры въ походъ и въ бой,

одинъ изъ главныхъ виновниковъ безпримѣрной полноты ея разгрома подъ Цусимой, по своемъ возвращеніи на родину изъ плѣна получилъ повышение въ чинѣ, почетную отставку и денежную награду въ видѣ усиленной пенсіи; вице-адмиралъ *Бирилевъ*, принимавшій главное участіе въ запоздалой и безалаберной постройкѣ отвѣтственныхъ боевыхъ единицъ эскадры Рождественскаго, приимавшій главное участіе въ плохомъ снаряженіи и запоздалой отправкѣ всѣхъ частей эскадры, спокойно продолжалъ оставаться во главѣ управленія морскимъ вѣдомствомъ болѣе полутора года послѣ окончанія войны, вплоть до 11-го января 1907 г., когда послѣдовала его почетная отставка, награжденіе адмиральскимъ чиномъ и назначеніе членомъ Государственнаго Совѣта, т.-е. новая денежная награда съ сохраненіемъ прежняго содержанія въ 18,540 р.; контръ-адмиралъ *Абаза*, одинъ изъ главныхъ дѣятелей по развитію нашей нелѣпой наступательной политики на Д. Востокѣ, не въ примѣръ прочимъ контръ-адмираламъ, получаетъ и понынѣ усиленное содержаніе въ 13.333 р. и небывало усиленную для его ранга аренду ⁶³⁾ въ 3000 р. и т. д., и т. д.

Съ неумолимой послѣдовательностью совершилось подъ Цусимой все то, что было къ этому акту подготовлено, что не могло не совершиться при столкновеніи съ непріателемъ, у котораго ~~возведена въ~~ культъ честное исполненіе ~~каждымъ своимъ обязанностей~~ на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи, — не случайное исполненіе, не показное, а проникнувшее въ плоть и кровь народа. Да, все это совершилось; но извлечь изъ этого урокъ для себя мы какъ-будто и не собираемся. Въ корень подрѣзано на многіе десятки лѣтъ наше народное благосостояніе, а мы продолжаемъ расточать его даже и не попрежнему, а съ введеніемъ новыхъ, небывалыхъ прежде непроизводительныхъ расходовъ: своимъ чередомъ мы оплачиваемъ всѣ неимоверно тяжкіе плоды катастрофы; въ усиленной степени мы оплачиваемъ всѣ прошлые разрушительные труды крупныхъ единицъ нынѣ находящейся не у дѣль сановной бюрократіи; послѣ окончанія войны мы продолжали все по той же старой системѣ дотрачивать кредиты, ассигнованные на постройку такихъ судовъ флота, которыя въ современной войнѣ оказались ненужнымъ балластомъ и число которыхъ у насъ и безъ того было уже достаточно велико; мы составляемъ уже программу возрожденія нашего флота, хлопчемъ о назначеніи новыхъ головокружительныхъ ассигновокъ на это дѣло. Съ прошлымъ мы еще не покончили; а между тѣмъ авторитетно и глубокомысленно мы дѣлаемъ уже видъ, что Цусима—это роковая случайность, а не результатъ системы. Порожденная бюрократіей высшаго ранга, породившая и сейчасъ еще порождающая бюрократовъ всѣхъ другихъ ранговъ по нисходящимъ степенямъ, эта система не только не осуждена еще въ должной мѣрѣ народными представителями, но прежніе безславные дѣятели этой системы уже возвеличены, не принеся повинной передъ народомъ, не отдавши странѣ отчета въ своихъ дѣяніяхъ, — въ тѣхъ дѣяніяхъ, которыя въ результатъ не могли дать для Россіи ничего другого, кромѣ позорнаго пораженія нашего флота въ Корейскомъ проливѣ...

Оцѣпенѣніе и безграничный ужасъ, которые охватили собою сразу все населеніе Россіи при первыхъ извѣстіяхъ о Цусимѣ, отодви-

⁶³⁾ См. „Русь“, 1907 г., 8 апрѣля, № 98, статья подъ названіемъ *Морскіе труды*.

гаясь въ прошлое, мало-по-малу ослабѣваютъ и заслоняются новымъ длительнымъ ужасомъ, который вслѣдъ за этимъ былъ порожденъ непрерывной цѣпью политическихъ событій, въ послѣдніе два года разившихся во внутренней жизни всей Россіи. Но это ничуть не умаляетъ самого событія у береговъ Цусимы, имѣющаго отнынѣ міровое значеніе...

Цусимская катастрофа была... Русскій флотъ сознательно великъ ней... Предать эту катастрофу забвенію и вытравить ее изъ памяти народной никто и ничто не въ силахъ... Принесенныя нашей родиной колоссальныя кровавыя и матеріальныя жертвы вопіютъ о всестороннемъ освѣщеніи коренныхъ причинъ этой катастрофы, о вдумчивомъ, открытомъ ихъ изученіи, объ устраненіи этихъ коренныхъ причинъ навсегда...

Боевая мощь русскаго и японскаго флота во время войны 1904-5 г.¹⁾

1. Наше морское дѣло *есегда* было секретомъ только для насъ, Русскихъ, но для Японцевъ—*никогда*...

2. Морскія сраженія нынѣ выигрываетъ не героизмъ, а культура...

Просматривая общіе техническіе журналы Западной Европы, читатель находитъ въ нихъ обширный матеріалъ по вопросамъ судостроенія, какъ торговаго флота, такъ и военнаго. Особенно въ этомъ отношеніи выдѣляются журналы англійскіе и амераканскіе.

„*Engineering*“ и „*Engineer*“ непрерывно знакомятъ техническій міръ съ прогрессомъ судостроенія и держатъ читателя въ курсъ развитія военно-морскихъ силъ своей страны. Популярно изложенныя статьи съ хорошими фотографіями общихъ видовъ, съ чертежами деталей создаютъ у читателя совершенно ясное понятіе о военномъ судѣ, возбуждаютъ у самага мирнаго техника размышленіе о неразрѣшенныхъ еще задачахъ по вопросамъ военнаго судостроенія и оборудованія. Такое ознакомленіе читателя-техника съ вооруженіемъ его государства вполне понятно. Если за арміей стоитъ весь народъ, и если армія считается внѣшнимъ выраженіемъ свойствъ и силъ народа, то за флотомъ главнымъ образомъ стоитъ совокупность реальныхъ знаній и технического развитія народа. Современный броненосецъ и его вооруженіе—это результатъ знанія и технической культуры. Было бы удивительно, если бы образованный англійскій инженеръ не интересовался этимъ сооруженіемъ уже по одному тому, что въ его цѣломъ и деталяхъ прилагаются самыя послѣднія изысканія техники и строительнаго искусства. Такой естественный интересъ къ дѣлу судостроенія отражается и на литературѣ этого предмета, дающей возможность наблюдать поучительную для техника картину,—какъ масса развитыхъ техническихъ силъ путемъ теоретическихъ разужденій и практической дѣятельности созидаетъ прогрессъ морского судостроенія, эволюцію технической культуры. Ознакомленіе съ такой эволюціей составляетъ существенную необходимость для правильнаго сужденія о достоинствахъ или недостаткахъ разсматриваемаго технического сооруженія.

¹⁾ По моей просьбѣ эту главу написалъ нашъ уважаемый сочленъ инж.-мех. В. Г. Шуховъ.

Если техникъ захочетъ, напримѣръ, рассмотретьъ паровую машину даннаго типа судовъ, то онъ долженъ знать исторію соотношеній вѣса и силы у котловъ и машинъ, прогрессъ въ расходѣ топлива на индикаторную силу, вліяніе исполненія деталей машины на отношеніе индикаторныхъ и дѣйствительныхъ силъ и т. п.

Или если техникъ пожелаетъ критически отнестись къ вооруженію военныхъ судовъ, то онъ долженъ прежде всего познакомиться съ эволюціей отношенія вѣса орудій и живой силы выпущеннаго изъ него снаряда. Литература журнала „*Engineering*“ даетъ технику возможность въ короткое время познакомиться съ этимъ вопросомъ, а равно и съ устройствомъ современныхъ орудій, не прибѣгая къ спеціальнымъ источникамъ.

Въ нашей русской общей технической литературѣ наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Никакихъ статей по вопросу о нашемъ судостроеніи, особенно военно-морскомъ, не встрѣчается, несмотря на то, что до войны Россія по числу военныхъ судовъ и тоннъ ихъ водоизмѣщенія занимала третье мѣсто въ мірѣ. И такое отсутствіе интереса къ судостроенію свидѣтельствуеетъ о полной отчужденности нашего флота, а слѣдовательно и о полной неподготовленности русскихъ техниковъ, не служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, къ сужденію о томъ, въ чемъ замѣчались недостатки русскаго флота, и какова причина его гибели.

Конечно, неподготовленность къ сужденію, по свойству человѣческаго разсудка, еще не можетъ останавливать самого процесса сужденія; но необходимо предвидѣть, что таковое сужденіе не будетъ отличаться необходимой для технического журнала полнотой и точностью.

Отсутствіе ознакомленій въ данномъ вопросѣ, какъ раньше, такъ и теперь, порождаетъ иногда самыя несообразныя разсужденія о плохихъ качествахъ нашего флота; многіе склонны видѣть причину гибели его исключительно въ бюрократическомъ строѣ нашей страны и на этомъ успокаиваются, не давая сколько-нибудь ясной картины будущаго, при которомъ уменьшилась бы возможность повторенія несчастныхъ для родины случаевъ.

Въ виду всего сказаннаго позволяю себѣ обратить вниманіе прежде всего на тѣ источники, изъ которыхъ могутъ быть почерпнуты необходимыя данныя для сужденія читателя-неспециалиста о состояніи и дѣйствіи флотомъ обѣихъ сторонъ, враждовавшихъ на Дальнемъ Востокѣ.

На русскомъ языкѣ имѣется очень хорошее изданіе „*Военные флоты и морская справочная книжка В. К. А. М.⁴*“.

Въ этой книгѣ, напр., на 1897 годъ и позднѣйшіе, описаны флоты всѣхъ странъ, исключая русскаго. Описаніе выдающихся иностранныхъ судовъ сопровождается чертежами, съ подробнымъ указаніемъ размѣщенія брони, вооруженія и машинъ. Для нашего флота данныхъ этихъ не приводится. Русскіе суда только перечислены и сопровождаются краткими таблицами размѣровъ корпуса, машинъ и вооруженія.

Въ отдѣлѣ этой книги, посвященномъ Японскому флоту, въ изданіи 1897 г. говорится слѣдующее: „Война съ Китаемъ возвеличила Японію на степень первоклассной державы и показала, что можетъ сдѣлать флотъ, имѣющій отличную организацію и слѣдящій за всѣми техническими усовершенствованіями; флотъ доказалъ, что онъ находится на высотѣ своего призванія. За все время войны, длившейся

съ іюля 1894 по май 1895 г., ни одно судно не вышло изъ строя для какихъ-либо исправленій. Результатъ блестящій, полученный, благодаря постояннымъ плаваніямъ, а не засиживанію на берегу; это съ особенной яркостью выступаетъ при сравненіи японскаго флота съ китайскимъ до войны; при чемъ оказывается, что китайскій флотъ, какъ по численности судовъ, такъ и по боевымъ ихъ качествамъ, значительно превосходилъ японскій флотъ; за то по боевой готовности и по состоянію личного состава флота, проникнутаго чувствомъ долга и морскимъ духомъ, Японцы стояли неизмѣримо выше своихъ противниковъ и сумѣли доказать, что при энергіи и основательномъ знаніи морского дѣла и съ плохими судами можно сражаться и поражать врага. Окончательнымъ результатомъ этой войны была почти полная потеря Китайцами своего флота, отчасти уничтоженнаго (*Динь-Юань, Лой-юань, Цзинь-юань, Чинь-юань*, и т. д.), отчасти же взятаго Японцами (*Того-Кіангъ, Чинъ-іенъ, Цзи-юань, Хагень, Кохій, Чинто* и т. д. и около 10 миноносцевъ и нѣсколько пароходовъ). Кромѣ того уничтожены первоклассныя укрѣпленія въ портахъ Артуръ и Вейхавей, откуда всѣ орудія и всевозможные боевые запасы взяты Японцами“.

Это—замѣчательныя строки. Онѣ являются пророчествомъ исхода Русско-Японской войны. Прочтите ихъ еще разъ со вниманіемъ, замѣните слово Вейхавей словомъ Дальній, поставьте на мѣсто чуждыхъ вашему слуху названій китайскихъ судовъ хорошо извѣстныя имена: *Петропавловскъ, Севастополь, Ослябя, Бородино, Суворовъ, Александръ III-й* и другія въ послѣдовательности какъ ихъ гибели, такъ и перехода въ обладаніе Японцевъ и вы получите краткую, но содержательную картину Русско-Японской морской войны, съ объясненіемъ ближайшей причины нашего пораженія.

Ограничиваясь вышеприведенной цитатой, замѣчу, что въ упоминаемой книгѣ дается описаніе дѣятельности японскаго флота во время Китайской войны, описаніе назидательное не только для моряка, но и для обыкновеннаго читателя; послѣднему оно показываетъ, насколько трудны задачи, возлагаемыя на флотъ во время войны, и заставляетъ его проникнуться глубокимъ уваженіемъ къ дѣятельности флота.

Далѣе тамъ же изложена подробная программа на судостроеніе Японскаго адмиралтейства, и перечисленъ составъ флота, который Японія должна была имѣть къ 1902 году. Слѣдовательно, судя по цитируемой книгѣ, дѣятелямъ нашего Морского Министерства былъ хорошо извѣстенъ составъ японскаго флота и качества его персонала *задолго до войны*.

Такъ какъ въ цитируемой книгѣ описанія Русскаго флота нѣтъ, и ничего не упоминается о программѣ русскаго судостроенія, то, не имѣя возможности обратиться къ спеціальнымъ источникамъ, мы не можемъ сказать, насколько въ это время Россія подготовлялась къ предстоящей морской борьбѣ.

Японцы закончили поставленную ими программу судостроенія, и въ 1903 году были опубликованы въ Японскомъ 0-вѣ Судостроенія (*Society Naval Architect's*) два доклада: одинъ—контръ-адмирала *Sasow*—„современныя суда Японскаго флота“, а другой—контръ-адмирала *Miyabara*—„современное развитіе машиннаго дѣла и военнаго флота“.—Оба доклада въ переводѣ помѣщены въ журналъ „*Engineering*“ за 1906 г. и представляютъ собою самое полное описаніе всѣхъ деталей каждаго судна, съ указаніемъ подробныхъ размѣровъ и вѣса каждой

существенной части. Описание каждого судна сопровождается графиками его моментовъ и цифрами напряженія матеріаловъ. Таблицы элементовъ судовъ настолько хорошо составлены, что неспециалистъ можетъ съ легкостью замѣтить разницу, напр., въ расположеніи брони судовъ одинаковаго водоизмѣщенія, но построенныхъ въ разное время. Насколько же полно составленъ и докладъ по машинной части, сопровождаемый указаніемъ вѣса и размѣровъ машинъ и котловъ, таблицами испытаній механизмовъ, расхода топлива и т. п. Словомъ, каждый Японецъ, прочтя такой докладъ, могъ съ удовольствіемъ поблагодарить составителей за ихъ трудъ и остаться увѣреннымъ, что флотъ его государства находится въ прекрасномъ состояніи. Здѣсь кстати замѣтить, что въ Японіи всѣми силами старались популяризировать значеніе флота. Многимъ, вѣроятно, приходилось видѣть фотографіи обстановки элементарныхъ школъ Японіи съ моделью броненосца, по которой учитель объясняетъ что-то окружающимъ его мальчуганамъ.

Имѣются ли у насъ такіе отчеты о состояніи нашего флота, мнѣ не извѣстно.

Вслѣдствіе незнакомства нашего общества съ флотомъ, циркулируетъ удивительный слухъ, что постройка и свойства нашихъ судовъ составляютъ секретъ министерства. Лично я этому не вѣрю. Въ нашъ вѣкъ, когда пытливость человѣческаго ума раскрыла свойства радія, было бы странно до наивности скрывать отъ пытливыхъ умовъ свойства русскаго броненосца.

Наканунѣ войны въ американскомъ журналѣ „*Cassier's Magazine*“ появилась статья „*Военные флоты Японіи и Россіи*“ съ подробнымъ перечисленіемъ судовъ и указаніемъ на нѣкоторыя ихъ особенности. Статья во многихъ отношеніяхъ интересная, но мы не будемъ останавливаться на техническихъ ея подробностяхъ, а воспользуемся изъ нея матеріаломъ съ точки зрѣнія неспециалиста, при чемъ расположимъ списокъ судовъ, участвовавшихъ въ морскихъ бояхъ 1904-5 г., по годамъ ихъ спуска на воду.

Броненосцы.

Россія.	Японія.
1889. Николай I-й 9600 <i>tn</i> .	Чень-иень, спущенный въ
1891. Наваринъ 9500 „	1882 г. и взятый у Китайцевъ,
1893. Ушаковъ 4100 „	7000 <i>tn</i> .
1894. Сисой Великій . . . 9000 „	—
1894. Сенявинъ 4100 „	—
1895. Апраксинъ 4100 „	—
1894-5 Полтава 11000 „	—
„ Севастополь 11000 „	—
„ Петропавловскъ . . 11000 „	—
—	—
1898. Ослябя 12700 <i>tn</i> .	1896. Фуджи 12400 <i>tn</i> .
1899. Пересвѣтъ 12700 „	„ Яшима 12400 „
„ Побѣда 12700 „	1898. Шикишима . . . 15000 „
1900. Ретвизанъ 13000 „	1899. Асахи 15000 „
1901. Цесаревичъ 13000 „	„ Хатцузе 15000 „
„ Бородино 13500 „	1900. Миказа 15000 „
	—

Россія.

1901. Александръ III-й.	13500 "
1902. Суворовъ.	13500 "
" Орель	13500 "
Всего 18 броненосцевъ (изъ нихъ три—береговой обороны) съ общимъ водоизмѣщеніемъ 191.500 tn. и съ общимъ числомъ круп- ныхъ орудій:	
12 дюйм.	66 орудій.
10 "	15 "
9 "	12 "

Японія.

Всего 7 броненосцевъ съ
общимъ водоизмѣщеніемъ въ
92.000 tn. и съ общимъ числомъ
крупныхъ орудій.
12 дюйм. 28 штукъ.

Изъ приведенной таблицы для броненосцевъ видно, что при со-
оруженіи новаго типа броненосцевъ, Русскіе находились въ болѣе
выгодныхъ условіяхъ сравнительно съ Японцами, а именно: указаніе
опыта Испано-Американской (1898 г.) войны Русскіе могли внести въ
девять броненосцевъ, Японцы же только въ четыре; а главное, послѣ
постройки „Миказа“, образцоваго броненосца японскаго флота, Рус-
скіе построили еще пять броненосцевъ. Слѣдовательно, при равныхъ
условіяхъ ознакомленія съ техническимъ прогрессомъ судостроенія,
Русскіе должны были бы имѣть лучший флотъ сравнительно съ Японцами.

Крейсера броненосные.

Россія.

1882. Владиміръ Моном.	5600 tn.
1883. Дмитрій Донской	6200 "
1885. Нахимовъ.	8500 "
1892. Рюрикъ.	11000 "
1896. Россія	12000 "
—	—
1899. Громобой	12300 "
—	—
1900. Баянъ	7700 "
—	—

Всего 7 крейсеровъ съ общимъ
водоизмѣщеніемъ 63.300 tn. съ об-
щимъ числомъ крупныхъ орудій:
8 дюйм. 24 орудія.

Японія.

1889. Чйода	2400 tn.
—	—
1898. Токива	9800 "
" Азама.	9800 "
1899. Адзума.	9500 "
" Идзумо	9800 "
" Якумо.	9800 "
1900. Иватэ.	9800 "
1902. Кассуга.	7500 "
1903. Ниссинъ	7500 "

Всего 9 крейсеровъ съ общимъ
водоизмѣщеніемъ 75.900 tn. съ об-
щимъ числомъ крупныхъ орудій:
10 дюйм. 1 орудіе.
8 " 31 "

Крейсера бронепалубные.

Россія.

—
—
—

Японія.

1883. Идзуми.	3000 tn.
1885. Нанива.	3700 "
" Такачихо.	3700 "

Россія.	Японія.
—	1889. Идзукушима . . . 4300 "
—	1890. Матсушима. . . 4300 "
—	1891. Хашидате. . . 4300 "
—	1892. Акицуцу . . . 3100 "
—	1895. Сума . . . 2700 "
1896. Свѣтлана. . . . 2700 tn.	—
—	1897. Акаши . . . 2800 tn.
—	1898. Касаги . . . 4700 "
1899. Діана. . . . 6700 tn.	" Читозе . . . 4700 "
" Варягъ . . . 6500 "	—
" Паллада . . . 6700 "	—
1900. Аскольдъ. . . 5200 "	—
" Новикъ. . . 3000 "	—
" Аврора . . . 6700 "	—
1901. Богатырь . . . 6600 "	—
" Бояринъ . . . 3200 "	—
—	1902. Нидатака. . . 3400 tn.
—	" Цусима. . . 3400 "
1903. Жемчугъ. . . 3000 tn.	1903. Отава. . . 3000 "
" Изумрудъ. . . 3000 "	—
" Олегъ . . . 6600 "	—
Всего 12 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 60.900 tn.	Всего 14 крейсеровъ съ общимъ водоизмѣщеніемъ 51.100 tn.

Русскія суда этого типа значительно лучше японскихъ; они относятся у насъ къ 1-му рангу, а японскія — ко 2-му и даже 3-му рангу.

Въ отношеніи броненосныхъ крейсеровъ программа и исполненіе таковой для нашего флота и японскаго были совершенно различны. Послѣ 1898 года у насъ построено два крейсера „Громобой“ и „Баянъ“. Японцы построили 6 крейсеровъ и наканунѣ войны прибавили къ нимъ еще 2 новыхъ крейсера итальянскаго завода. За то въ теченіе періода 1899—1902 г. русскіе построили много бронепалубныхъ крейсеровъ. Чѣмъ объясняется прекращеніе постройки большихъ крейсеровъ и усиленный выпускъ малыхъ, трудно сказать. Роль этихъ нашихъ многочисленныхъ судовъ въ данной войнѣ совершенно не ясна. Боевого же значенія они имѣть не могли ²⁾.

²⁾ Наиболее правдоподобное объясненіе постройки нами не боевыхъ, небронированныхъ, быстроходныхъ крейсеровъ иностранцы видѣли въ томъ, что Русскіе, готовясь къ войнѣ съ Японіей, хотѣли во время побѣдоносной войны производить *лишіе молодецкіе набѣги* на торговые суда японцевъ. *Вл. III.*

Такъ это, вѣроятно, и предполагалось ранѣе. Но въ тотъ же самый день, когда послѣдовало назначеніе Рождественскаго командующимъ Б.-Ц. эскадрой (12 апр. 1904 г.), былъ выясненъ составъ эскадры и была сдѣлана *отмѣтка* (см. „Нов. Вр.“, 1905, № 10:502) очень широко и обстоятельно задуманныхъ крейсерскихъ операцій въ водахъ Д. Востока; на это были уже ассигнованы и средства; къ этому были сдѣланы уже всѣ подготовительныя работы и распоряженія.

Еще напѣтъ была исторія съ пароходами Добровольнаго Флота—„Петербургъ“ и „Смоленскъ“. Въ началѣ войны они были посланы для крейсерскихъ операцій и перехвата военной контрабанды, которую отовсюду везли въ Японію. Морскія власти послали ихъ на работу; и начали уже сказываться ея результаты. Но въ концѣ

Въ общемъ изъ разсматриваемой нами статьи „*Cassier's Magazine*“ видно, что русскій флотъ по численности, водоизмѣщенію и количеству орудій передъ войною значительно превосходилъ японскій. Казалось очевиднымъ, что для Японіи борьба съ могущественнымъ русскимъ флотомъ окажется непосильной. Имѣлось полное основаніе думать, что даже въ случаѣ пораженія нашей Дальне-Восточной эскадры, громадный резервъ Балтійскаго флота долженъ былъ уничтожить возможные остатки побѣдоносной эскадры Японцевъ.

Дѣйствительный ходъ войны не оправдалъ этихъ предположеній. Флотъ нашъ былъ разбитъ, не нанеся противнику ущерба.

Послѣ войны 1904-5 г.

Россія.

Японія.

Броненосцы.

Изъ 18 броненосцевъ остался одинъ—Цесаревичъ . . 13000 *tn*.

Изъ 7 броненосцевъ потеряно два:

Хатцузе. 15000 *tn*.

Яшима. 12400 „

Всего 27.400 „

Перешли въ обладаніе Японцевъ:

Орель—Iwami.

Ретвизанъ—Hizen.

Побѣда—Suwo.

Пересвѣтъ—Sagami.

Полтава—Tango.

Николай—Iki.

Апраксинъ—Ikinoshima.

Сенявинъ—Minoshima.

8 судовъ . . 80.700 *tn*..

Так. обр. за время войны Японцы увеличили свою флотилію броненосцевъ на 53.300 *tn*.; при этомъ въ качественномъ отношеніи вслѣдствіе приобрѣтенія двухъ прекрасныхъ броненосцевъ *Орель* и *Ретвизанъ* японскій флотъ уллучился.

Крейсера броненосные.

Изъ семи крейсеровъ осталось только два.

Потерь нѣтъ, приобрѣтеній нѣтъ.

концовъ пришлось возвращать захваченную этими судами контрабанду, а персоналу ихъ выпало на долю—перенести самыя грубыя издѣвательства и оскорбленія въ портахъ, куда они заходили, и отъ кораблей, съ которыми они встрѣчались.—„Вы—пираты!“—бросали имъ въ лицо; и флотъ Россіи умышленно и безнаказанно оскорблялся... А все дѣло оказалось въ томъ, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ и морское министерство *позабыли* оповѣстить иностранныя правительства о зачисленіи этихъ судовъ въ нашъ военный флотъ... II. X.

Крейсера бронепалубные.

Изъ двѣнадцати крейсеровъ
осталось *шесть*.

Потери неизвѣстны; перешли
въ обладаніе Японцевъ:

Паллада—Tsugagu.

Варягъ—Soya.

Въ теченіе всей войны мы не знаемъ ни одного факта, который позволилъ бы приписать неудачу нашихъ морскихъ операцій несовершенству конструкцій судовъ, скверной ихъ постройки и плохому состоянію машиннаго дѣла. Одно время, послѣ гибели „Петропавловска“, стали было говорить о плохихъ перегородкахъ въ судахъ, но послѣ гибели японскаго броненосца „Хатцузе“ отъ одинаковыхъ съ „Петропавловскою“ причинъ толки замолкли.

Лучшимъ доказательствомъ хорошей постройки нашихъ судовъ, по моему мнѣнію, служатъ описаніе Цусимскаго боя, которое помѣщается далѣе въ этихъ запискахъ. Ужасная картина, даваемая авторомъ этого описанія, является концомъ, вполне гармонирующимъ съ приведенными мною ранѣе строками изъ книги В. К. А. М.

Описаніе Цусимскаго боя развертываетъ ходъ состязанія 12-ти судовъ (8 эскадренныхъ броненосцевъ, 3 броненосца береговой обороны и 1 крейсеръ) съ 12-ю японскими (4 броненосца, 8 броненосныхъ крейсеровъ).

По броневой защитѣ русскія суда были надежнѣе японскихъ; крупными орудіями русскіе и японскіе корабли располагали (по статьѣ *Cassier's Magazine*) такими:

	Русскіе	Японскіе
12 дюйм. . . .	26 штукъ	16 штукъ
10 " . . .	7 штукъ	1 штука
9 " . . .	12 штукъ	ни одного
8 " . . .	8 штукъ	31 штука.

Слѣдовательно, русская артиллерія должна была быть не слабѣе японской. А если принять во вниманіе, что рѣшающимъ бой элементомъ являются 12-дюймовыя и 10-дюймовыя орудія, то сила русскихъ орудій *должна была быть* вдвое больше японскихъ ³⁾.

Результатъ битвы, можно сказать, потрясающій. Русскія суда разстрѣляны, японскія — почти не пострадали, благодаря отсутствію попаданія снарядовъ врага...

При чемъ же тутъ качество броненосцевъ и крейсеровъ? Вѣдь невольно возникаетъ мысль: а что если при томъ же персоналѣ и артиллеріи Японцы выступили бы противъ насъ въ Цусимѣ на деревянныхъ паровыхъ судахъ? И невольно напрашивается отвѣтъ: *при описанныхъ условіяхъ Цусимскаго боя русскій броненосный флотъ былъ бы разбитъ*.

³⁾ Данныя изъ книжки В. К. А. М. еще болѣе благоприятны для русскихъ; по этимъ даннымъ у насъ было въ бою девяти-дюймовыхъ орудій—четыре, а десяти-дюймовыхъ—пятнадцать.

Въ этихъ словахъ, „должна была быть“ все и дѣло. Должна была, это—такъ; но была ли, вотъ въ чемъ вопросъ. П. Х.

Намъ не извѣстно, предусматривается ли при проектированіи морскихъ битвъ коэффициентъ попаданія боевыхъ снарядовъ ⁴⁾. Но факты показываютъ, что въ Китайско-Японскую войну битва при Ялу была проиграна благодаря непопаданію китайскихъ снарядовъ; Японцы проиграли бой при Сантъ-Яго потому, что ихъ снаряды не попадали въ суда Американцевъ. Все это, конечно, было извѣстно адмиралу Рождественскому лучше, чѣмъ намъ. Насколько помнится, адмиралъ Рождественскій былъ извѣстенъ, какъ организаторъ правильнаго обученія канонировъ. Но можетъ ли стоящій во главѣ адмиралъ силой своей воли и знанія заставить команду во время ужаснаго боя

⁴⁾ *Попаданіе въ цѣль.* Не слѣдуетъ смѣшивать умѣнья стрѣлять съ умѣньемъ попадать въ цѣль. Обучить стрѣльбѣ можно въ мирное время, и приобретенный так. обр. навыкъ остается и въ бою. Но попадать въ цѣль при осыпаніи снарядами врага— это другое дѣло. Тутъ нужно имѣть именно культурный духъ, который не колеблется въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей при всевозможныхъ перемѣннхъ условіяхъ вѣшной обстановки. По свидѣтельству иностранцевъ, въ японскомъ флотѣ во время активныхъ дѣйствій его, употребленіе спиртныхъ напитковъ запрещено. Конечно, это запрещеніе имѣетъ цѣлью сохранить самообладаніе въ моментъ наивысшаго проявленія духовныхъ силъ воина, сражающагося на данномъ разстояніи отъ врага. Повидимому, Японцы понимаютъ, что воинъ долженъ руководить не подогрѣваемая виномъ ненависть, а глубоко и вѣрно воспитанное чувство любви къ родинѣ и вѣра въ людей, стоящихъ во главѣ ихъ дорогого отечества.

У насъ почти нѣтъ данныхъ судить о степени культуры Японцевъ. Иностранцы, ихъ восхваляющіе, описываютъ больше красоту природы, необыкновенную ихъ вѣтливостъ, разнообразіе нѣжныхъ красокъ ихъ обстановки, но ничего не говорятъ почему-то о культурности ихъ общественныхъ отношеній и о высокомъ проявленіи ихъ духа въ наукахъ и искусствѣ. Враги Японцевъ порицаютъ ихъ за холодность, неискренность, за ненависть къ иностранцамъ; они указываютъ на то, что у нихъ не было и быть не можетъ Ньютона, Шекспира, Канта, Толстого и др. мыслителей, на которыхъ воспитанъ умъ европейца. Но какъ тѣ, такъ и другіе отмѣчаютъ самую прекрасную отличительную для нихъ черту — *любовь къ родинѣ*. Эта любовь вмѣстѣ съ моралью (въ элементарныхъ японскихъ школахъ посвящаютъ особые часы преподаванію морали) прививается дѣтямъ въ школахъ съ самаго ранняго возраста.

Здѣсь считалось нужнымъ сдѣлать существенную оговорку о любви къ родинѣ. Христіанская мораль, по которой воспитаны народы Европы, не допускаетъ истребленія другихъ народовъ ради любви къ родинѣ. Война, вѣдь, есть проявленіе звѣрской природы людей, не достигшихъ умѣнья рѣшить вопросъ мирнымъ путемъ. Какъ бы побѣдоносна ни была война, но отечество отъ нея всегда проигрываетъ. Она выдвигаетъ героевъ, порождаетъ лже-патріотическіе рассказы; но народъ въ общемъ долго еще продолжаетъ нести бремя подвиговъ своихъ воинственныхъ представителей, а иногда отъ побѣдоносной войны впадаетъ прямо въ одичаніе...

Трудно допустить, чтобы морально развитой или высокообразованный человѣкъ, могущій сочувствовать страданію человѣчества, предался бы охотѣ на людей въ трезвомъ состояніи ради любви къ родинѣ. Излишнее потребленіе вина, ослѣпляющее человѣка, всегда понижаетъ его природу. Не этимъ ли объясняется и то, что у христіанскихъ народовъ солдатъ нерѣдко подпиваютъ виномъ для обращенія ихъ въ звѣрей передъ массовыми убійствами. Если это такъ, то русскій солдатъ въ его нравственномъ обликѣ, по моему мнѣнію, стоитъ неизмѣримо выше японскаго. Въ трезвомъ состояніи онъ не можетъ поднять своего духа до убійства ближняго. Японецъ же спокойно разстрѣливаетъ Русскихъ, будучи совершенно трезвъ.

И въ мирное время, знакомясь съ описаніемъ подвиговъ нашихъ войскъ при усмиреніяхъ, всегда читаемъ и о водкѣ. Это—великая вещь. Слава намъ, что это не дѣлается въ трезвомъ состояніи. *Вл. Шуховъ.*

стоять на высотѣ ея задачи? ⁵⁾ Да, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда задача поставлена по силамъ того народа, изъ котораго взята команда. Въ томъ-то и дѣло, что культура народовъ вырабатываетъ великую защиту отъ внѣшняго врага. Эта защита лежитъ въ умѣннѣ владѣть современнымъ оружіемъ при современномъ состояніи боя. Умѣніе же это приобрѣтается развитіемъ и образованіемъ массы народа во всѣхъ его слояхъ.

Морскія сраженія нынѣ выигрываетъ не героизмъ ⁶⁾, а культура. Это надо было знать и твердо помнить. И Цусимскій бой долженъ называться не побѣдою Японцевъ надъ Русскими, а безпощадной казнью ни въ чемъ неповинныхъ Русскихъ за грѣхи своихъ ближайшихъ предковъ.

Инженеръ Вл. Шуховъ.

⁵⁾ Сомнѣваюсь, чтобы можно было воспитывать духъ войскъ. Кто утверждаетъ это, пусть подумаетъ, возможно ли, напр., зулусовъ или другое подобное племя вести къ побѣдамъ надъ культурнымъ врагомъ, отбирая изъ нихъ въ армію лучшихъ въ физическомъ отношеніи представителей и обучая ихъ по современнымъ уставамъ владѣть новѣйшимъ вооруженіемъ. В. III.

⁶⁾ Специально военный героизмъ очень красивъ, но неизвѣстно, зачѣмъ онъ нуженъ въ современной войнѣ. При описаніи битвы при р. Ялу авторы изображаютъ геройство Китайцевъ; Испанцы въ битвѣ при С.-Яго тоже были настоящими героями; въ Цусимскомъ бою особенно поразителенъ героизмъ Русскихъ на „Ослябя“. Но къ чему этотъ героизмъ въ современной войнѣ? В. III.

Наша Балтійско-Цусимская эскадра.

„При последнем передъ боемъ обученіи эскадры маневрированію, происходившемъ 13 мая 1905 г., пришлось вспомнить старую истину¹⁾, что „эскадра“ создается въ мирное время долгими годами практическаго плаванія (плаванія, а не стоянки въ резервѣ); а составленная насѣхъ изъ разнотипныхъ кораблей, даже совмѣстному плаванію начавшихъ учиться только по пути къ театру военныхъ дѣйствій, это—не эскадра, а случайное сборище судовъ“...

НАША БАЛТІЙСКО-ЦУСИМСКАЯ ЭСКАДРА. По числу главныхъ боевыхъ единицъ своего состава и по числу большихъ орудій эскадра *Рождественскаго* не только не уступала эскадрѣ *Того*, но даже и превосходила ее. Но дѣло—не въ одномъ числѣ кораблей и числѣ орудій, а и въ качествахъ ихъ, а главное—въ умѣнii наилучшимъ образомъ использовать эти качества; а вотъ этого именно умѣнья у насъ совсѣмъ и не оказалось.

Боевыя качества всего состава нашей эскадры оставляли желать очень многого; и посылать ее съ такими качествами въ современный эскадренный бой значило заранѣе обречь ее на вѣрную гибель. Къ сожалѣнію, все это выяснилось уже слишкомъ поздно, вслѣдствіе несуществовавшей у насъ свободы печати. Здѣсь идетъ рѣчь, конечно, не о томъ старѣѣ, которое было послано нами „въ бой“ и на которое въ эскадренномъ бою Японцы не особенно рьяно тратили даже и снаряды: старая и слабая артиллерія такихъ судовъ не могла нанести имъ серьезнаго вреда; они открыто считались съ ними въ главномъ бою скорѣе какъ съ бутафорщиной²⁾. Рѣчь идетъ здѣсь объ этихъ „великолѣпныхъ“, „съ иголки“, броненосцахъ и крейсерахъ, результатъ воздѣйствія которыхъ на непріятеля оказался весьма слабымъ, а сами они или вовсе погибли въ бою, или сочли за лучшее своевременно пойти наутекъ...

¹⁾ Изъ брошюры капитана Семенова—„Цусимскій бой“, 1906, стр. 7.

²⁾ „Сенявинъ“ и „Апраксинъ“ такъ и въ плѣнъ попали съ цѣлыми трубами и съ цѣлыми мачтами („Нов. Вр.“, 1905, № 10560). Это—едва ли не единственный примѣръ, который можно было наблюдать на русскихъ броненосцахъ, участвовавшихъ въ бою 14 мая.

Адмиралъ *Того*, восемь лѣтъ не спуская флага, командовалъ постоянной эскадрой. Пять вице-адмираловъ и семь контръ-адмираловъ, которые участвовали со стороны Японцевъ въ Цусимскомъ сраженіи въ качествѣ начальниковъ отрядовъ и младшихъ флагмановъ, а также и командиры судовъ,—все это были товарищи и ученики *Того*, воспитавшіеся подъ его руководствомъ... А съ нашей стороны и въ этомъ смыслѣ была полная неподготовленность. Никакихъ постоянныхъ эскадръ подъ Цусимой у насъ не было. Весь составъ пришедшей туда эскадры образовался за двѣ недѣли до боя; сводныхъ учений всей эскадры было очень мало, и самыя серьезныя изъ нихъ, измучившія команду донельзя, были наканунѣ самого боя. Младшіе флагманы нашей эскадры были только *слѣпыми орудіями* въ рукахъ адмирала и совершенно не были посвящены въ его планы.

Благодаря нашей хронической неподготовленности,—и „сверху“ и „снизу“, Балтійско-Цусимская эскадра была составлена и отправлена въ походъ въ три приема: сначала нами была послана главная часть эскадры подъ командой Рожественскаго (2 окт. 1904 г.); вслѣдъ за нимъ въ догонку былъ высланъ отрядъ Добровольскаго; и, наконецъ, подъ давленіемъ совершенно некомпетентнаго въ такомъ дѣлѣ общественнаго мнѣнія, опиравшагося только на слѣданныя авторитетнымъ тономъ заявленія капитана Кладо³⁾, помѣщенный въ „*Нов. Времени*“, былъ отправленъ хвостъ эскадры подъ командой Небогатова (1 февр. 1905 г.).

Отправка этого третьяго отряда не могла, конечно, оказать серьезнаго вліянія на исходъ боя; и его, дѣйствительно, не оказалось. Въ составъ отряда Небогатова могло уже войти по преимуществу только старье изъ состава броненосцевъ береговой обороны, построенныхъ въ періодъ 1889—1895 г., съ малымъ водоизмѣщеніемъ (отъ 4100 до 9600 *tn*), съ артиллеріей или слабой, или устарѣлой⁴⁾, съ броней, ушедшей въ воду ниже ватерлинии, отъ 2 до 3 фут.,—съ изношенными и несовершенными машинами, которыя могли развивать не болѣе 12 узловъ хода. Комплектованіе личнаго состава для этого отряда совершалось чисто канцелярскимъ способомъ; подъ могучимъ

³⁾ За эти печатныя заявленія сейчасъ же послѣдовало и возмездіе; 27.XI.04 было опубликовано распоряженіе: „Капитанъ 2-го ранга Кладо помѣстивъ въ газетѣ „*Нов. Вр.*“ рядъ статей, въ которыхъ позволилъ себѣ дерзко обвинять морское ведомство, искажая при этомъ факты. За такой крупный дисциплинарный проступокъ предписываю подвергнуть кап. 2-го ранга Кладо аресту съ содержаніемъ на гауптвахтѣ на 15 сутокъ. Подписалъ *Ген.-Адм. Алексѣй*“. Кладо ходатайствовалъ о преданіи его суду. Вмѣсто этого, еще до конца высылки, его, какъ специалиста-эксперта, отправили въ командировку въ Парижъ для дачи показаній въ международной слѣдственной комиссіи, разбиравшей Галльскій инцидентъ.

⁴⁾ Незадолго передъ отправкою Балт.-Цусимской эскадры на Д. Востокъ, адмиралъ Бирилевъ, снаряжавшій эту эскадру, совершилъ плаваніе на „*Николай I-омъ*“ изъ Кронштадта въ Либаву и зналъ всѣ „качества“ этого корабля. На прощальномъ обѣдѣ, который давали ему офицеры этого броненосца, этой „старой калоши“, была рѣчь и объ этихъ „качествахъ“. Неодобрительно отзывался о нихъ и самъ адмиралъ. О смѣнѣ артиллеріи на этомъ кораблѣ затѣвъ не возникало однако и рѣчи, а самая „калоша“ была слѣдана... флагманскимъ кораблемъ въ эскадрѣ Небогатова. Взятый Японцами въ плѣнъ, „*Николай I-й*“ не удостоился у нихъ чести попасть хотя бы въ число броненосцевъ береговой обороны; они его обратили просто въ корабль брандвахтенной службы, которая обыкновенно возлагается на самыхъ отчаянныхъ инвалідовъ.

напоромъ протекціи, вліяній, давленій и т. д., было особенно широко допущено у этого персонала отсутствіе предварительной подготовки къ исполненію принимаемыхъ имъ на себя обязанностей. Въ составъ команды этого отряда было зачислено особенно много запасныхъ, штрафныхъ, алкоголиковъ, но не потому, чтобы не было лучшихъ... Отрядъ былъ выпущенъ изъ Либавы въ далеко незаконченномъ видѣ, и многія работы доканчивались уже въ пути... Любопытно, однако, что, какъ ни смѣялись и ни издѣвались на эскадрѣ Рождественскаго надъ этимъ отрядомъ Небогатова, въ мѣру своихъ силъ, отрядъ сдѣлалъ больше, чѣмъ отъ него всѣ ожидали: переходъ отъ Либавы до Суеца онъ сдѣлалъ быстрѣе всѣхъ (Доброворскій постыдно плелся и путался въ пути—58 дней, Фелькерзамъ—44 дня⁵⁾), Небогатовъ—39 дней); до соединенія съ эскадрой Рождественскаго онъ дошелъ въ надлежащемъ видѣ и *заслужилъ похвалу адмирала*; въ дорогѣ научился плавать безъ огней и въ такомъ видѣ прошелъ проливы у Гибралтара и Сингапура; безъ огней же онъ шелъ и ночь съ 14 на 15 мая 1905 г. въ Цусимскомъ проливѣ, а потому онъ вовсе и не пострадалъ отъ повторныхъ (до 50) минныхъ атакъ японскими миноносцами въ то время, какъ суда, оставшіяся отъ эскадры, которую ранѣе велъ самъ Рождественскій, неистово свѣтили эту ночь всѣми своими прожекторами и за это жестоко поплатились; въ бой пошелъ этотъ отрядъ, какъ и другіе, по приказу адмирала, съ громадной перегрузкой углемъ, но безъ дерева, которое заранѣе было сброшено съ кораблей по личной инициативѣ Небогатова, а потому его отрядъ въ бою и не горѣлъ такъ неугло, какъ другіе; въ бою этотъ отрядъ велъ себя прилично и, по свидѣтельству адмирала Того, „*Николай*“ вывелъ изъ строя крейсеръ „*Касаги*“, флагманское судно контръ-адмирала Дэва, сдѣлавъ ему серьезную пробоину, съ которою крейсеръ тотчасъ же и скрылся въ бухтѣ Абурайя; но покинутый нашими крейсерами въ ночь съ 14 по 15 мая, этотъ отрядъ, къ сожалѣнію, не ушелъ ночью обратно, чтобы укрыться хотя бы въ Шанхаѣ, а самъ пришелъ 15 мая въ ловушку, еще болѣе крѣпкую, чѣмъ та, которую Того на канунѣ этого дня разставилъ для всей эскадры Рождественскаго. Не сдѣлавши оцѣнки силъ непріятеля даже и послѣ дневного боя, и не проанализировавъ уже никакой инициативы послѣ того, какъ былъ полученъ приказъ потерявшаго голову адмирала, Небогатовъ, очевидно, дѣлалъ ошибку, большую, непоправимую: самъ дался въ руки своему вчерашнему противнику-борцу...

Боевое ядро нашей эскадры въ сраженіи 14 мая должны были составлять три отряда; 1-й изъ нихъ—подъ командой Рождественскаго, 2-й—Фелькерзама⁶⁾, а 3-й—Небогатова.

Въ составъ перваго отряда входили 4 однотипныхъ броненосца („улучшеннаго“ типа „*Цесаревичъ*“, какъ величали ихъ до войны; или же—типа „*Бородино*“, какъ принято говорить теперь), а именно: „*Бородино*“ (спущенъ въ 1901 г.), „*Александръ III-й*“ (1901 г.), „*Суворовъ*“ (1902 г.), „*Орелъ*“ (1902 г.). Скорость хода у нихъ отъ 16 до 18 узловъ; броня по борту защищала весь корпусъ судна; артиллерія новая, почти однородная на всѣхъ четырехъ корабляхъ относительно орудій

⁵⁾ Изданіе В. К. А. М., 1906, стр. 67 приложенія.

⁶⁾ Но въ бою участвовалъ только флагъ Фелькерзама, а самъ онъ умеръ за 4 дня до боя. Бо дни всѣ такъ привыкли въ эскадрѣ Рождественскаго, что и эта новая, послѣдняя лодка никому не показалась чудовищной.

крупнаго калибра; водоизмѣщеніе около 13.500 тп; запасъ угля 1100—1250 тп. но грузили ихъ и до 2500 тп.

Машины на броненосецъ „Бородино“ оказались ненадежными еще передъ отправленіемъ въ походъ; этотъ корабль не могъ развить такого же хода, какъ и остальные суда его типа ⁷⁾. Въ походѣ это выразилось нѣсколькими послѣдовательными аваріями ⁸⁾.

Въ составѣ второго отряда былъ скомбинированъ всякій „разнобой“. На эскадрѣ этотъ отрядъ звали также „разношерстной публикой“, или съ явно ироническимъ оттѣнкомъ—„компаніей“. Ее составляли:

1) „Ослябя“, спуска 1898 г., *плохо бронированный ⁹⁾*, строился въ казенномъ адмиралтействѣ болѣе семи лѣтъ... Водоизмѣщеніе около 13.000 тп, скорость хода до 19 узловъ, запасъ угля 2000 тп; 4 орудія 10-дюймовыхъ, 11 скорострѣльныхъ 6-дюймовыхъ. Вновь это былъ недурной броненосный крейсеръ, но у насъ его „произвели“ въ эскадренные броненосцы. *Машины у него были плохія, изношенныя, къ тому же и очень плохой сборки. Бронировка слабая и не полная.*

2) Эскадренный броненосецъ 2-го класса „Сисой Великій“, спуска 1894 г., *плохо бронированный*; водоизмѣщеніе около 10400 тп; дѣйствительная скорость—не болѣе 12—13 узловъ; артиллерія новая, но немногочисленная; *машины „отерательныя“*; изъ-за машинъ въ походѣ о немъ думали, *не бросить ли его лучше гдѣ-нибудь въ нейтральномъ порту Индѣйскаго океана.*

3) Эскадренный броненосецъ 2-го класса „Наваринъ“, спуска 1891 г., *плохо бронированный*; водоизмѣщеніе около 9500 тп, скорость 12—13 узловъ; *артиллерія старая*; низкобортный, по виду сильно напоминающій собою мониторъ; *съ очень плохими котлами...*

4) Броненосный крейсеръ „Адмиралъ Нахимовъ“, спуска 1885 г.; „произведенъ“ въ эскадренные броненосцы въ 1904 г.; *артиллерія старая, бронированіе слабое; ходъ 13—14 узловъ.*

Даже и по внѣшнему виду корабли этого 2-го отряда рѣзко отличались другъ отъ друга во всемъ. Взять хотя бы число трубъ: у высокобортнаго красавца „Ослябя“, дававшего прекрасную цѣль для непріятеля, было 3 трубы, у „Сисоя“—двѣ трубы, „Наваринъ“ былъ съ 4-мя трубами (по угламъ прямоугольника въ планѣ), у „Нахимова“ была одна труба.

⁷⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стр. 77 приложенія.

⁸⁾ Политовскій, стр. 38, 41.

⁹⁾ У „Ослябя“ и „Сисоя“ броневыя плиты были изъ стали Гарвея, а у „Наварина“ броня была обыкновенная стальная, а не крупковская; разница между ними такова, что если при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ крупковскую броню пробиваетъ только 10-дюймовый снарядъ, то обыкновенную броню той же толщины и при тѣхъ же условіяхъ пробьетъ уже и шести-дюймовый снарядъ, а для брони Гарвея нуженъ девяти-дюймовый снарядъ. Кроме того, бронировка этихъ кораблей была не полной; оконечности ихъ были не покрыты броней.

Въ декабрѣ 1906 г. въ газетѣ „Berliner Tagblatt“ (№ 651, 23. XII. 06) были помѣщены нѣкоторые эпизоды Цусимскаго боя въ извлеченіи изъ брошюры капитана Семенова. Передавая содержаніе этихъ эпизодовъ, переводчикъ, *Hauptmann Madlung*, возмѣтилъ намѣреніе перевести также и названія нашихъ судовъ. Предстояло перевести названіе „Ослябя“. Пунктуальный нѣмецъ порылся въ лексиконѣ и съ легкимъ сердцемъ перевелъ „Der Schwachmachende!..“ Хотя это остроуміе проявилось и нечаянно, но зато вышло необыкновенно удачно и мѣтко. II. X.

Броненосцы отряда Небогатова, вооруженные не хуже(!) „Наварина“ и „Нахимова“, вошли въ составъ 3-го отряда, который въ главномъ бою долженъ былъ идти наравнѣ со всѣми, но сильно отставалъ и задерживалъ всѣхъ (см. „Нов. Время“, 1905 г., № 10.588, статья капитана де-Ливрона). Въ началѣ боя „Николай“ былъ на 9-мъ мѣстѣ, черезъ одинъ только часъ ему пришлось занять уже 5-е мѣсто; а въ пятомъ же часу дня 14 мая, сломивъ гордость, „Александръ“ шелъ за „Сенявинимъ“...¹⁰⁾ Такъ плохо въ бою у насъ обстояло дѣло.

Составъ нашей эскадры, не подготовленной къ работѣ въ бою, былъ весьма неоднороденъ. Первый, второй и третій отряды адмиралъ поставилъ работать совмѣстно: *скороходы должны были войти въ положеніе тихоходовъ и не убѣгать отъ нихъ; корабли съ новой дальнобойной артиллеріей попадали въ одну рабочую группу съ „компаніей“, слабо бронированной и слабо вооруженной.*

При такомъ боевомъ ядрѣ наша эскадра не могла вести серьезную активную борьбу съ весьма однородной японской эскадрой; поэтому наша эскадра заранее обрекалась только на пассивное сопротивленіе въ случаѣ нападенія непріятеля; а относительно возможности подобнаго нападенія на насъ со стороны Японцевъ, у командующаго нашимъ флотомъ неоднократно прорывались въ походѣ увѣренныя возгласы, что Японцы „не посмѣютъ“ (!..) этого сдѣлать. Въ надеждѣ на это съ собою въ бой мы потащили и военные транспорты.

Передъ тѣмъ какъ сдѣлать послѣдній переходъ на пути къ Владивостоку, одна часть транспортовъ была нами оставлена у Сайгона¹¹⁾; другую за два дня до боя Рождественскій отослалъ въ Шанхай; а затѣмъ съ собою въ дальнѣйшій путь эскадра повела еще *шесть* транспортовъ. Они были нагружены отчасти углемъ, а главнымъ образомъ тѣми матеріалами и запасами, которые могли понадобится самой эскадрѣ *только по прибытіи ея во Владивостокъ*; сухопутною доставкой ихъ морское вѣдомство, деликатничая съ вѣдомствомъ военнымъ, не пожелало обременять сибирскую желѣзную дорогу, которая и безъ того была якобы занята непосильнымъ обслуживаніемъ манчжурской арміи. Благодаря этой деликатности, эскадра оказалась обремененной въ высокой степени; для нея были созданы весьма значительныя и со-

¹⁰⁾ По этому поводу въ письмѣ одного изъ нашихъ товарищей находимъ слѣдующія строки: „Передъ шестью часами вечера линія нашихъ броненосцевъ представляла что-то чрезвычайно необычное. Главнымъ былъ „Бородино“; онъ шелъ, держа сигналъ: „имѣть 8 узловъ; курсъ нордъ-остъ 23 градуса“; за нимъ близко былъ „Орелъ“, нѣсколько отставали „Сисой“, „Наваринъ“, еще больше отсталъ „Николай“, непосредственно за нимъ шелъ сильно подбитый „Александръ“, и совсѣмъ вдали отъ нихъ шли броненосцы береговой обороны. Съ самаго начала боя они почти всегда бывали внѣ сферы огня. Что это было? Преднамеренный планъ?... Сговоръ съ Японцами?... Или же просто это надо объяснить плохимъ состояніемъ машинъ у нихъ“.—Это послѣднее—самое вѣрное, а затѣмъ нападать на нихъ Японцамъ не было никакого интереса, пока у насъ были еще на лицо другія, болѣе серьезные силы. П. Х.

¹¹⁾ Тамъ былъ оставленъ запасъ, состоящій изъ 58 судовъ съ углемъ и матеріалами („Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 212). Рождественскій оставлялъ ихъ на тотъ случай, если бы наша эскадра, съ перваго раза не прорвавшись во Владивостокъ, могла уйти отъ Японцевъ цѣлою и невредимою и вернуться обратно на югъ. Эти предположенія адмирала оказались однако вполне фантастическими.

вершенно излишнія затрудненія и помѣхи какъ въ походѣ, такъ особенно и въ бою.

Крейсеры „Олеъ“, „Аврора“, „Дм. Донской“ и „Вл. Мономахъ“ въ бою 14 мая специально были заняты не активной помощью эскадръ, а только защитой транспортовъ отъ японскихъ крейсеровъ. Но это мало ихъ защитило. Они сразу попали подъ перекрестный огонь, сбились въ кучу, стояли носами въ разныя стороны и двигались безъ толку въ разныхъ направленіяхъ, вызывая кругомъ всеобщее замѣшательство и мѣшая только свободному перемѣщенію главныхъ силъ эскадры ¹²⁾.

Да и этой защитой транспортовъ занимались далеко не всѣ наши крейсера. Для разъясненія этого вопроса ко 2-му изданію книги одинъ изъ нашихъ товарищей со словъ очевидцевъ-офицеровъ передалъ мнѣ слѣдующій фактъ: „командиры нѣкоторыхъ крейсеровъ, въ особенности „Святланы“, старательно прятали свои суда за другія, болѣею частію за транспорты „Анадырь“, пока, наконецъ, командиръ послѣдняго, выведенный изъ терпѣнія такими неприглядными маневрами, „въѣжливо“ не пригласилъ этихъ господъ—не прятаться и не подвергать излишней опасности „Анадырь“, на которомъ было между прочимъ до 300 тоннъ пироксилина“...

Изъ семи военныхъ судовъ („Анадырь“, „Иртышъ“, „Камчатка“, „Корея“, „Русь“, „Свирь“ и „Уралъ“), взятыхъ Рожественскимъ съ собою въ бой, блестяще выполнили возложенную на нихъ адмираломъ задачу только три корабля—„Анадырь“, „Корея“ и „Свирь“: они спасли почти всю команду съ „Урала“, разстрѣляннаго Японцами. Этотъ крейсеръ, съ его громаднымъ запасомъ пловучести, въ бою былъ покинутъ начальствомъ и командой, когда могъ еще свободно держаться на водѣ; и подъ вечеръ 14 мая онъ былъ окончательно разстрѣлянъ и *добитъ уже своими русскими снарядами*, чтобы не достался Японцамъ.

За 4 дня до боя транспорты „Иртышъ“ сообщилъ, что больше 9,5 узловъ хода онъ дать не можетъ ¹³⁾. „Камчатка“ могла развивать 10 узловъ, но вести ее за собою въ бой было прямо неумѣстно: на ней было полтораста вольнонаемныхъ цеховыхъ рабочихъ, *не имѣвшихъ ровно никакого отношенія къ бою и приведенныхъ сюда на смерть совершенно неосмотрительно*. „Корея“ не могла идти и 9-ю узлами ¹⁴⁾.

Непонятно, зачѣмъ Рожественскій согласился присоединить къ своей эскадрѣ бремя этихъ транспортовъ. Непонятно и то, зачѣмъ въ главномъ штабѣ особенно настаивали на этомъ. *Никакой необходимости въ этомъ не было*, такъ какъ въ это время у насъ вагоны довольно свободно отдавались подъ частные грузы; существовала даже торговля свидѣтельствами, которыя давали право на отправку частныхъ грузовъ въ Сибирь и на Д. Востокъ, и которыя перепродавались изъ рукъ въ руки съ преміями въ сотни и тысячи рублей ¹⁵⁾.

Какія несбыточныя надежды возлагали въ СПб. на транспорты, показываютъ слѣдующія строки *официальной докладной записки* коман-

¹²⁾ „Нов. Вр.“, 1905, № 10588, капит. де-Ливронъ.

¹³⁾ „В. К. А. М.“ Военные Флоты.

¹⁴⁾ „Нов. Вр.“, 1906, № 10.745.

¹⁵⁾ Выдано около 70.000 свидѣтельствъ; котировка ихъ колебалась отъ 600 до 2000 руб. Отправлялись по нимъ въ вагонахъ, главнымъ образомъ, предметы „первой необходимости“—вина, шампанское, гастрономія... Значительная часть грузовъ была расхищена до прибытія ихъ на мѣсто назначенія и была перепродана скупщикамъ краденаго. Черезъ годъ началось разсѣдованіе... „Дѣло“ благополучно сдано въ архивъ. („Рус. Богат.“, 1905, № 9).

дующаго флотомъ, поданной кому слѣдуетъ передъ отправкой эскадры на Д. Востокъ и опубликованной затѣмъ капитаномъ *Кладо*: „Послѣ боя транспорты принимаютъ раненыхъ, буксируютъ поврежденные суда и т. п.“ (*Нов. Вр.*, 1904, № 10319). Но чтобы выполнить этотъ фантастичный параграфъ, надо было послѣ ожесточеннаго боя имѣть транспорты цѣлыми и невредимыми, — а это зависѣло не отъ насъ; надо было, кромѣ того, вручить эти транспорты опытному персоналу, способному проявить инициативу дѣйствій, а они оказались въ рукахъ персонала, совершенно растерявашагося въ бою и вовсе не умѣвшаго съ ними даже и маневрировать¹⁶⁾.

Въ результатъ большую часть взятыхъ съ собою въ бой транспортовъ Рождественскій погубилъ, — меньшинство изъ нихъ случайно спаслось, дѣйствуя въ концѣ-концовъ по собственной инициативѣ; крейсера, даже и большіе, и быстроходные, бесплодно толклись въ бою, охраняя только транспорты и ничуть не помогая главной боевой силѣ, ни въ началѣ боя, ни въ срединѣ его, ни въ концѣ его...

„Пройти нашей эскадрѣ во Владивостокъ съ побѣдой и овладѣть моремъ¹⁷⁾ — нельзя и думать! Можно ей только проскочить!..“ Такъ думали оптимисты, къ числу которыхъ принадлежалъ, конечно, и самъ адмиралъ. „Проскочить“ задумали подъ покровомъ густаго тумана, идя по кратчайшему пути чрезъ Корейскій проливъ. Надѣяться на это значило, однако, ни во что не ставить трезвую бдительность, энергію, ловкость и проницательность нашего противника. А развѣ это было возможно? Къ тому же и всѣ даже чисто внѣшнія преимущества были на сторонѣ японской эскадры: она ихъ имѣла и въ скорости хода, — это мы знали; она была болѣе однородна по своему составу въ отдѣльныхъ отрядахъ, — это мы испытали на опытѣ въ сраженіи 28 іюня 1904 г.; она не сдѣлала кругосвѣтнаго перехода кто въ 30.000 верстъ, кто въ 14.000 в.; она не обросла ракушками и водорослями на стоянкахъ подъ тропиками въ теченіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ, — это мы хорошо знали; японская эскадра чинилась, и персоналъ ея имѣлъ передышку въ теченіе девяти мѣсяцевъ; а наша эскадра въ походѣ и на стоянкахъ все время только ухудшалась въ своихъ качествахъ, и нашъ персоналъ физически и морально былъ измученъ; измученъ и трудностями перехода, и климатическими перемѣнами, и томительной неизвѣстностью, и постояннымъ страхомъ предъ мин-

¹⁶⁾ А маневрировать у насъ не всегда умѣли, не только въ бою но и въ походѣ, не только транспорты, но и суда съ болѣе опытнымъ персоналомъ. У Политовскаго въ его книгѣ „Отъ Либавы до Цусимы“ можно отмѣтить слѣдующія мѣста: 1) въ первый же день похода миноносецъ „Быстрый“ потаранилъ броненосецъ „Ослябя“, самъ получилъ пробойны, испортивъ свой минный аппаратъ (стр. 2); 2) въ водахъ Мадагаскара во время ученія при маневрированіи броненосцы „Бородино“ и „Александръ III-й“ два раза чуть-чуть не столкнулись (стр. 111); 3) тамъ же во время маневровъ въ открытомъ океанѣ самъ „Суворовъ“ чуть-чуть не таранилъ транспортъ „Кубань“ (стр. 128); 4) въ бухтѣ Камрань ночью два миноносца ходили осматривать шедшій мимо чужой пароходъ; съ „Суворова“ вздумали освѣщать ихъ прожекторами; при ходѣ около 20 узловъ, миноносцы замѣтили одинъ другого только въ нѣсколькихъ саженьяхъ; тогда, несмотря на спѣшно принятые мѣры, „Блестящій“ распоролъ бортъ „Безупречному“ (стр. 212) и попортилъ ему руль; работа оказалась огромной; въ штабъ заявили, что ее выполнять черезъ двѣ недѣли; Политовскій взялся сдѣлать ее въ двое сутокъ (стр. 213); 5) въ бухтѣ Дакера „Суворовъ“ чуть-чуть не ударилъ ночью „Орла“ (стр. 37) и т. д.

¹⁷⁾ Семеновъ, *Цусимскій бой*, стр. 15.

ными атаками, которыхъ въ походѣ ждали непрерывно съ часу на часъ,—и это мы знали отлично. И тѣмъ не менѣе мы готовились не къ бою при наиболѣе благоприятныхъ для насъ условіяхъ, а только къ тому, чтобы какъ-нибудь проскочить... Только эта задача кому-нибудь изъ всей эскадры какъ-нибудь проскочить и была съ грѣхомъ пополамъ выполнена нашей Цусимской эскадрой.

Взявшись за рѣшеніе этой задачи, мы забыли о транспортахъ, мы забыли, что въ составъ боевого ядра у насъ должны были входить такіе старые тихоходы и „самотопы“¹⁸⁾, какъ „Николай I-й“, „Семявинъ“, „Апраксинъ“, „Ушаковъ“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и др., которые, когда они были новыми и въ исправномъ видѣ, работая хорошимъ углемъ, могли развивать на пробѣ скорость не болѣе 12—14 узловъ въ часъ. Но это было давно и только на пробѣ¹⁹⁾... Съ тѣхъ поръ они уже успѣли перейти въ разрядъ старья; оно было мало полезно и въ бою, и въ отрядѣ, который задумалъ бы „проскочить“.

Да не только „проскочить“ во время боя не могла наша эскадра, ей не подъ силу было развитъ порядочный ходъ даже и на мирныхъ переходахъ въ открытомъ океанѣ: она не могла этого сдѣлать изъ-за постоянныхъ поломокъ то въ машинѣ, то въ рулѣ, и не только у изношеннаго и пораздерганнаго старья, — въ родѣ „Семявина“ или „Сисоя“, а и у новыхъ броненосцевъ, какъ „Бородино“, „Орелъ“.

Вокругъ Африки до Мадагаскара, еще не обросшая ракушками, эскадра, шла въ среднемъ со скоростію 10 узловъ въ часъ; а отъ Мадагаскара пошли уже со скоростію восьми узловъ, а мѣстами она спускалась и до 5 узловъ²⁰⁾; на этомъ послѣднемъ переходѣ эскадра должна была останавливаться 112 разъ изъ-за поломокъ въ машинахъ²¹⁾.

Трудно было незамѣтно „проскочить“ нашей эскадрѣ не только изъ-за ея тихоходовъ и транспортовъ, но также и благодаря плохому дымному топливу, которымъ, „соблюдая экономію“, какъ напишется объ этомъ въ реляціяхъ, снабдили нашу эскадру: Японцы покупали лучшей бездымный кардифскій уголь по 13 шиллинговъ за тонну, а мы ухитрились приобрести плохой валлійскій уголь по 138 шиллинговъ за тонну²²⁾; да и условія для судовъ-угольщиковъ были состав-

¹⁸⁾ Семеновъ, стр. 6. Такъ прозвали на эскадрѣ корабли отряда Небогатова.

¹⁹⁾ На судѣ при разборѣ дѣла Небогатова въ ноябрѣ 1906 г. командиръ броненосца „Апраксинъ“, капитанъ 1-го ранга Лишинъ, подчеркивалъ, что его броненосецъ могъ развивать не болѣе 11 или 11¹/₂ узловъ хода. („Нов. Врѣмя“, 1906, № 11.035).

²⁰⁾ Политовскій, стр. 165.

²¹⁾ „Наша Жизнь“, 1905, № 118.

²²⁾ „Рус. Бог.“, 1905, № 9, статья Энгельгардта о колоссальныхъ хищеніяхъ до войны и во время войны. Северный шанхайскій и сиднейскій уголь доставлялся по цѣнѣ отъ 90 до 110 шиллинговъ за тонну, т.-е. отъ 67 до 82 коп. за пудъ („Рус. Вѣд.“), 1905, № 137.

Не лучше этого были порядки и въ мирное время въ П.-Артурѣ. Тамъ снабженіе флота углемъ было отдано единственному поставщику, „благодѣтелю“; и всѣ другія поставки были организованы также. А въ результатѣ вышло вотъ что: за японскій уголь, стоимость котораго за тонну, какъ максимумъ, можно было бы назначить 7 р. 50 к., въ отчетахъ стояло по 12 р.; а за кардифъ, который оставлялъ свой слѣдъ только въ таблицахъ отчетовъ, выписывалось туда по 22 р. за тонну. Четырехъ-пяти рублевое машинное масло проходило по отчетамъ по 18 р. за пудъ и т. д. („Нов. Вр.“, 1905, № 10.508).

лены такъ неудачно, что этимъ судамъ гораздо выгоднѣе было на пути слѣдованія ихъ на Д. Востокъ какъ бы попадаться Японцамъ и считаться захваченными ими; тогда они получали для себя отъ насъ болѣе выгодную премію...

Подходя къ Мадагаскару, транспортъ „Камчатка“ получилъ однажды около 150 тоннъ никуда негоднаго угля, не могъ поддерживать болѣе паровъ и началъ замѣтно отставать отъ эскадры. Командиръ транспорта сигналами просилъ разрѣшенія выкинуть этотъ негодный уголь за бортъ ²³⁾, чтобы скорѣе добраться въ угольныхъ ямахъ опять до хорошаго угля. Адмиралъ же въ паденіи паровъ усмотрѣлъ злой умыселъ; угля выкинуть онъ не разрѣшилъ, а „позволилъ выкинуть за бортъ только злоумышленника“...

Нѣкоторые угольщики доставили нашей эскадрѣ на Мадагаскарѣ такіе сорта угля, съ которыми нерѣдко происходило *самовозгараніе*... Хорошо еще, что этотъ ²⁴⁾ „проклятый уголь нѣмецкой доставки“ попалъ также и на флагманскій корабль, гдѣ тушеніе его паромъ происходило передъ глазами начальства; и поэтому для „злоумышленниковъ“ ничего жестокаго не было придумано и не было провозглашено адмираломъ. Приходилось только тратить этого горѣлаго и тушеннаго паромъ угля процентовъ на 20—30 болѣе противъ нормы.

На основаніи данныхъ, полученныхъ мною отъ нашихъ товарищей, благополучно вернувшихся изъ-подъ Цусимы, нужно впрочемъ оговориться, что „механическая часть въ нашемъ флотѣ стояла все-таки выше всего остальнаго; 12-узловымъ ходомъ на короткихъ переходахъ доползали и ходили даже и такія „калоши“, какъ „Наваринъ“ и „Сисой“, для которыхъ, по отзывамъ механиковъ, такой ходъ считался только пробнымъ“.

Но одно дѣло для корабля развивать скорость въ его свободномъ прямолинейномъ движеніи, и совершенно другое дѣло—развитіе скорости корабля при боевыхъ маневрахъ его, когда всѣ движенія корабля дѣлаются до извѣстной степени несвободными и подчиненными общему движенію отряда. Боевая скорость главнаго ядра нашей эскадры въ бою подъ Цусимою колебалась и доходила до 9—10 узловъ, а для японской эскадры она была отъ 15 до 16 узловъ, т.е. приблизительно въ полтора раза болѣе.

Не имѣя преимуществъ въ скорости хода судовъ передъ Японцами, мы должны были довольствоваться въ бою тѣми только позиціями, которыя намъ давали, на которыя насъ ставили Японцы, подставляя насъ часто и подъ вѣтеръ, обдававшій прицѣлы брызгами, и подъ лучи солнца, пробивавшіеся иногда черезъ мглу и тоже мѣшавшіе правильности прицѣла. Изъ-за этого недостатка (тихоходности), усугуб-

Кромѣ того, много контрактовъ было сдѣлано еще въ ноябрѣ 1904 г. на доставку угля во Владивостокъ, чтобы имѣть тамъ запасъ его къ приходу Балт.-Цусимской эскадры. Контръ-агентъ морского вѣдомства передалъ выполненіе этихъ контрактовъ въ англійскія руки, при помощи которыхъ была разыграна слѣдующая комедія: англійскія суда, которыя шли съ углемъ якобы во Владивостокъ и снабжены были для этого пропусками нашего морского вѣдомства, избавлявшими ихъ отъ досмотра крейсерами Балт.-Цусимской эскадры, аккуратнѣйшимъ образомъ попадали въ руки Японцевъ, которымъ они предназначались. Не взирая на эти непрерывные „захваты“, Англія не заявила ни одного протеста... („Нов. Время“, 1905, №№ 10.504 и 10.507).

²³⁾ Политовскій, стран. 74.

²⁴⁾ Капитанъ Семеновъ, стран. 22.

лившагося взятыми съ собою въ бой транспортами, наша эскадра утратила значительную долю свободы и гибкости въ своихъ перемѣщеніяхъ, въ парированіи ударовъ; и каждый нашъ шагъ, который выказывалъ въ бою стремленіе проявить нѣкоторую инициативу дѣйствій съ нашей стороны, очень скоро и предупредительно оказывался парализованнымъ быстрыми перемѣщеніями непріятеля, опять уже успѣвшаго выбрать себѣ болѣе удобную позицію для нападенія на насъ.

Были впрочемъ примѣры и того, что мы начинали развивать ходъ кораблей, но такъ неудачно, что результаты получались отъ этого самые плачевные. Такъ было, напр., послѣ захода солнца 14 мая, когда „Николай I-й“, флагманскій корабль Небогатова, уходилъ впередъ на сѣверъ со скоростью 12-ти узловъ, а его спутники:—„Нахимовъ“, „Сисой“, „В. Мономахъ“ и „Наваринъ“, получившіе въ дневномъ бою поврежденія, совсѣмъ не могли за нимъ поспѣть, отстали и были потоплены Японцами посредствомъ минныхъ атакъ. Отсталъ потомъ отъ „Николая“ и броненосецъ „Орелъ“, на которомъ оказались перебитыми въ бою все прожекторы и который долго не могъ ориентироваться, потерявши „Николая“ изъ вида. „Куда идти, никто не зналъ; достали карты, никто въ нихъ разобраться не могъ (см. стран. 52—53 брошюры А. Затертаго—*„Везуицы и безплодныя жертвы“*); предложили старшему офицеру, тотъ сознался начистоту, что ничего въ нихъ не смыслить; другіе офицеры или прикидывались при этомъ нездоровыми, или попросту отмахивались; командиръ и оба штурманскихъ офицера были серьезно ранены... Шли наобумъ. Могли забрести въ японскій портъ... „Орелъ“ догналъ и напелъ „Николая“ въ ночь съ 14 на 15 мая, только благодаря счастливой случайности... Былъ передъ этимъ моментъ, когда „Орелъ“ принялъ „Изумрудъ“ за непріятельскій крейсеръ и началъ въ него палить. Тотъ счастливо отдѣлался только потому, что мы не утѣли стрѣлять...

КОНСТРУКЦІЯ НАШИХЪ НОВЫХЪ БРОНЕНОСЦЕВЪ, стоящихъ каждый по 11½ миллионѣвъ рублей, на дѣлѣ оказалась однако такою, что подъ Цусимой среди бѣла они гнили одинъ за другимъ *не отъ минъ*, а прежде всего и больше всего отъ превосходной японской артиллеріи.

Въ этомъ бою у насъ было 4 совершенно новыхъ, 3—4 года тому назадъ построенныхъ въ Россіи, броненосца „улучшеннаго“ типа „Цесаревичъ“, какъ объ этомъ сообщалось въ литературѣ. Но, построенный за границу, краса нашего флота, „Цесаревичъ“, подвергшійся коварной минной атакѣ 27 января 1904 г., вынесъ на себѣ въ сраженіи 28 іюля 1904 г. всю тяжесть артиллерійскаго боя, былъ весь избитъ снарядами, подвергся затѣмъ новымъ миннымъ атакамъ и все-таки не потонулъ, а самъ дошелъ до Кіаочао со скоростью 4—5 узловъ. А броненосцы, построенные по его образцу нашимъ морскимъ вѣдомствомъ и „улучшенные“ имъ, одинъ за другимъ горѣли и тонули 14 мая 1905 г. послѣ перваго же часа сосредоточеннаго артиллерійскаго боя.

Послѣдніе годы передъ войною, мы, не спѣша, заканчивали постройку этихъ нашихъ новыхъ броненосцевъ, заранѣе любовались ими и утѣшали себя мыслию, что ²⁵⁾ „если принять во вниманіе защиту броненосца и силу его артиллеріи, то нашъ типъ „Бородино“ по своей силѣ превосходитъ все японскіе броненосцы, исключая развѣ одинъ только броненосецъ „Миказа“...

²⁵⁾ „Новое Время“, 1904 г., № 10.272.

А на дѣлѣ, въ современномъ эскадренномъ бою, у нихъ не оказалось ни „защиты“, ни „силы“.

„Всѣ наши броненосцы продолжали управляться и стрѣлять до самаго послѣдняго момента и пошли ко дну съ неповрежденными у нихъ механизмами и еще годною къ бою артиллеріей; пошли ко дну изъ-за того только (!..), что не могли больше держаться на водѣ ²⁶⁾, т.-е. потеряли свою пловучесть“. Случилось это, вслѣдствіе нашей *неумѣлой постройки ихъ* ²⁷⁾, или, какъ это мягко и туманно выражаютъ въ официальныхъ донесеніяхъ и рапортахъ, вслѣдствіе „перегрузки“ ихъ. Но эта перегрузка дѣлалась такимъ грузомъ, который появлялся не внезапно, а считался на кораблѣ безусловно нужнымъ для его жизненныхъ отправленій и всю величину котораго можно и должно было бы предусмотрѣть при постройкѣ, если ужъ не перваго броненосца, то по крайней мѣрѣ всѣхъ остальныхъ, съ нимъ однотипныхъ, начиная со второго. Благодаря этой „перегрузкѣ“, судно садилось бортами много глубже, чѣмъ это было предположено въ проектѣ, настолько глубже, что весь броневой поясъ судна уходилъ иногда въ воду; и судно дѣлалось поэтому сильно уязвимымъ въ самомъ началѣ боя, когда происходитъ только еще разстрѣлъ корабля издали, и когда заливаніе волнъ чрезъ громадные пробойны (10—20 квадр. фут. площадью) выше броневой палубы ведетъ непремѣнно къ дальнѣйшей перегрузкѣ судна, но уже большею частію однобокой; а эта послѣдняя можетъ иногда вызвать уже и перевертываніе корпуса судна килемъ вверхъ.

Такъ называемая „перегрузка“ судна является вслѣдствіе *ошибки* въ опредѣленіи вѣса судна при составленіи его проекта. Разница между проектнымъ вѣсомъ и дѣйствительнымъ у различныхъ судовъ нашей Балт.-Цусимской эскадры была, по даннымъ капитана Кладо, отъ 8 до 20%.

Японскіе броненосцы „*Миказа*“ и „*Асахи*“ съ водоизмѣщеніемъ 15000—15200 тоннъ имѣли длину 400 фут., ширину 75 ф. 6 д., наибольшее углубленіе 27 ф. 6 д. Нашъ „*Суворовъ*“ при длинѣ 393 ф., ширинѣ 76 ф. и углубленіи 26 ф. долженъ былъ бы имѣть водоизмѣщеніе только 13500 тоннъ, а оно было доведено тоже до 15000 тоннъ ²⁸⁾. Эта разность 15000—13500, т.-е. 1500 тоннъ или 93000 пуд. (!) и есть „перегрузка“ его. Благодаря ей, онъ сѣлъ глубже предположеннаго въ расчетѣ; вся броня оказалась въ водѣ, и корабль оказался бронированнымъ только на словахъ.

Благодаря подобной же перегрузкѣ, даже при небольшой волнѣ 6-дюймовыя орудія на броненосцѣ „*Орелъ*“ *чертали воду*; всѣ амбразуры 3-дюймовыхъ орудій приходилось закрывать наглухо, чтобы чрезъ нихъ не вливалась вода, иначе командѣ пришлось бы во время работы *стоять въ водѣ*; а между тѣмъ эти 3-дюймовыя пушки являются наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для отраженія миноносцевъ.

На каждомъ изъ „улучшенныхъ“ броненосцевъ было поставлено нами по двадцать 3-дюймовыхъ пушекъ („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9),

²⁶⁾ „*Морск. Сборн.*“, 1906, № 2, стран. 178.

²⁷⁾ Строитель японскаго флота передъ Китайско-Японской войной, французскій инж. Бертензъ, указываетъ, что изобрѣтеніе — дѣлать корабли непотопляемыми — лѣтъ восемь тому назадъ было сдѣлано русскимъ корабельнымъ инженеромъ Гуляевымъ, но наше морское вѣдомство не обратило должнаго вниманія на его работу; и онъ отправился съ нею за границу („*Новое Время*“, 1905, № 10.627).

²⁸⁾ См. „*Новое Время*“, 1905, № 10.498, статья Кладо.

но изъ нихъ *работать въ бою*, оказывается, можно было *только чепырня*, находящимися на верхней палубѣ... Изъ двадцати—только чепырня!

По свидѣтельству капитана Кладо, какъ разъ *наканунъ* ухода 2-й тихо-океанской эскадры изъ Либавы, съ особымъ курьеромъ изъ министерства къ адмиралу Рожественскому была прислана бумага, въ которой указывалось ему, что *вслѣдствіе перегрузки остойчивость вѣтряемыхъ ему броненосцевъ оказалась (!) гораздо меньше, чѣмъ бы ей слѣдовало быть*, а потому предписывалось то-то и то-то... до самыхъ подробныхъ мелочей. Легко было составить на бумагѣ такое предписаніе, но не легко было отправляться съ нимъ въ путь, скрывая его отъ команды; не легко было исполнять его подъ боевымъ огнемъ и при сильной качкѣ во время боя... У перегруженныхъ судовъ „улучшеннаго нами типа“ броневой поясъ уходилъ въ воду, примѣрно, на *два фута* ниже ватеръ-линіи, т.-е. этотъ броневой поясъ обращался въ бою так. обр. только въ лишній грузъ на корабль... А у „Бородино“ погруженіе оказалось на 2,4 фута.

Но къ этой, такъ сказать, повседневной „перегрузкѣ“ броненосцевъ передъ самымъ Цусимскимъ боемъ была прибавлена еще „адмиральская свержъ-перегрузка“ въ видѣ добавочныхъ запасовъ угля, которыхъ хватило бы на переходъ не 900 миль, сколько именно и оставалось до Владивостока при проходѣ Корейскимъ проливомъ, а на 3000 миль. Благодаря этому, напр., на „Апраксинъ“ утромъ 15 мая оставался запасъ угля все еще на 20% болѣе противъ нормы, какая ему полагалась²⁹⁾. Исполняя волю командующаго флотомъ, на „Николай“ погрузили угля столько, что онъ занялъ собою всѣ площадки въ кочегарняхъ, рундуки, жилыя помѣщенія, баттары, каюты офицеровъ и верхнюю палубу...

Благодаря такой значительной осадкѣ броненосцевъ, надводные минные аппараты тоже уходили въ воду, и пользоваться ими было при этомъ невозможно *даже въ штиль* при 9-узловомъ ходѣ³⁰⁾. Такихъ минныхъ аппаратовъ было у насъ на эскадрѣ 70 штукъ; всѣ они были обречены на бездѣйствіе; и для чьего удовольствія были поставлены неизвѣстно...

Перегрузка нашихъ судовъ отчасти происходила еще не только отъ того, что на нихъ безъ толку было понаставлено черезчуръ много „убійственныхъ“ по своимъ названіямъ приборовъ, вовсе не использованныхъ въ бою, но еще и потому, что эскадра должна была везти съ собою массу всевозможныхъ предметовъ и запасовъ, легко воспламеняющихся; *въ походъ*, конечно, удобно и хорошо было имѣть ихъ подъ рукою, но *въ бою* ничего, кромѣ вреда, они съ собою не принесли и дали только пищу для возникновенія на кораблѣ пожаровъ, которые вызывали смятеніе, сумятицу и лишнія жертвы. Японцы же, будучи почти у себя дома, заранѣе сбросили съ своихъ судовъ весь легко

²⁹⁾ См. „Нов. Врѣмя“, 1906, № 10.725, 10.744—показанія Небогатова и др. Официальными данными другой стороны возможность такой неумѣренной перегрузки якобы не подтверждается. Въ *сигнальной книжкѣ „Анадыря“* показанъ суточный 14 мая утренній рапортъ адмиралу. Изъ этого рапорта видно, что всѣ суда первыхъ двухъ отрядовъ имѣли или нормальный запасъ угля, или только не много большій нормальнаго. Такъ значилось на бумагѣ...

³⁰⁾ Изъ писемъ кораб. инж. Полятовскаго, опубликованныхъ послѣ его гибели подъ Цусимомъ въ „Нов. Вр.“, 1906, № 10.726.

воспламеняющийся комфортъ, но взяли съ собою достаточный запасъ и хорошаго угля, и боевыхъ снарядовъ.

Нашей эскадрѣ надо было сдѣлать то же самое, но Рождественскій слишкомъ понадѣялся на видимую мощностъ своей эскадры, понадѣялся на то, что Японцы „не посмѣютъ“ напасть на нее, и рѣшилъ оставить на ней все дерево, всю легко воспламеняющуюся обстановку корабельнаго жилья. Это была одна изъ крупныхъ ошибокъ Рождественскаго, за которую и его эскадра, и вся Россія жестоко поплатились: въ бою нашъ флотъ прежде всего былъ сожженъ Японцами ³¹⁾... Значительная часть рабочихъ силъ нашей эскадры была отвлечена отъ дѣла непрерывнымъ тушеніемъ пожаровъ, которые производили на команду еще и неблагоприятное моральное воздѣйствіе...

Доля вины въ перевертываніи броненосцевъ въ бою могла падать отчасти также на трюмныхъ и старшихъ механиковъ. Возникаетъ вопросъ, „хорошо ли они слѣдили за распредѣленіемъ тяжести угля на броненосцахъ, полными ли они держали между-донныя пространства, и наконецъ (это уже не дѣло механиковъ) задраены ли были въ нужное время полупортики у 3-дюймовыхъ орудій. Этотъ вопросъ ставить одинъ изъ нашихъ товарищей, близко знающихъ это дѣло: Онъ отмѣчаетъ затѣмъ, что въ своей „исповѣди“ ³²⁾ Небогатовъ приписывалъ перевертываніе броненосцевъ также и вліянію пожаровъ. Этому товарищу извѣстно далѣе, что „броненосецъ „Орелъ“ имѣлъ въ бою на верхней и баттарейной палубахъ до 80 тоннъ заплеснутой туда воды (понятно, со свободнымъ уровнемъ), и остался цѣль, а „Бородино“ и „Александръ III-й“ перевернулись“. Къ этому онъ добавляетъ, что „въ Кронштадтѣ на пробахъ броненосцы типа „Бородино“ при положеніи руля на бортъ кренились на 7—8°. Прибавимъ сюда возможность неправильнаго распредѣленія тяжести угля, возможность стоянія воды въ между-донномъ пространствѣ со свободной поверхностью; прибавимъ сюда еще кренъ, вызванный пробойной, медленное заполненіе водою отсѣка, парализующаго это бѣдствіе, а въ худшемъ случаѣ — негерметичностъ переборокъ или даже и неправильное, второпяхъ сдѣланное, заполненіе водою не того отсѣка, который слѣдовало бы заполнить; просуммируемъ несчастное, случайное совпаденіе всѣхъ этихъ фатальныхъ „возможностей“, получается кренъ въ 15—16°, и перевертываніе готово“...

При разборѣ дѣла Небогатова на судѣ въ ноябрѣ 1906 г. лейтенантъ Шамшевъ рассказывалъ, что въ бою 14 мая 1905 г. броненосецъ „Орелъ“ два раза ложился на бокъ подобно однотипному съ нимъ „Бородино“ и перевернулся бы непременно также, какъ и онъ, если бы у трюмныхъ механиковъ и у команды его не было опыта въ борьбѣ съ водой: затопленіе, которому передъ отходомъ изъ Россіи „Орелъ“ подвергся на рейдѣ въ Кронштадтѣ научило ихъ, какъ бороться съ большимъ креномъ (см. „Новое Время“, 1906 г. № 11.032).

Сильнымъ вѣтромъ на прямомъ ходу въ океанѣ „Суворовъ“ наклоняло на бокъ градуса на три; такъ съ этимъ наклономъ онъ иногда и шелъ въ пути. Изъ новыхъ броненосцевъ на зыби и на вѣтру въ походѣ лучше всѣхъ держался ³³⁾ „Бородино“.

³¹⁾ Вопреки распоряженіямъ Рождественскаго, по своей инициативѣ, сбросили съ кораблей большію часть дерева весь отрядъ Небогатова, затѣмъ броненосцы „Нахичеванецъ“ и „Орелъ“; они меньше и горѣли.

³²⁾ Полный текстъ ея въ „Нов. Врем.“, 1906, №№ 10.744 и 10.745.

³³⁾ Политовскій, стр. 10, 73, 188.

„Суворовъ“ въ бою 14 мая затонулъ правымъ бокомъ вверхъ. „Ослябя“, „Александръ III-й“ и „Бородино“, всѣ опрокинулись передъ тѣмъ, какъ затонуть. Передъ битвой каждый изъ новыхъ броненосцевъ имѣлъ перегрузку до 1800 тоннъ (около 115.000 пуд.). Однѣ шлюпки на этихъ броненосцахъ вѣсили около 100 тоннъ и помѣщались на высотѣ 40 фут. надъ ватерлиніей. Это уменьшало высоту метацентра, примѣрно, на 4 дюйма. Дальнѣйшее уменьшеніе этой критической высоты происходило во время боя непрерывно, вслѣдствіе расхода угля (до 200 тоннъ) и расхода снарядовъ (до 180 тоннъ), т. к. этотъ грузъ брали со дна броненосца. Дальнѣйшее уменьшеніе этой высоты дѣлала вода, вливающаяся чрезъ пробоины надъ ватерлиніей, а также и вода изъ пожарныхъ рукавовъ, которую качали для тушенія пожаровъ, и которая чрезъ пробоины въ палубѣ лилась внизъ и собиралась на батарейной палубѣ. Какое вліяніе на кренъ судна имѣетъ вода, выбрасываемая пожарными рукавами, показываетъ слѣдующій примѣръ: „Когда „Орелъ“ 14 мая вечеромъ прекратилъ огонь, онъ имѣлъ кренъ въ 10°; но когда выкачали воду, набѣжавшую на батарейную палубу, кренъ уменьшился до 6 градусовъ“ ²⁴⁾.

Броненосецъ „Ослябя“ отъ второго же 12-дюймоваго снаряда, попавшаго въ него близъ ватерлиніи („Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 221), и пробившаго его броню, въ бою 14 мая первымъ опрокинулся и... навсегда скрылъ подъ водою постыдные результаты многолѣтней постройки его нашимъ морскимъ вѣдомствомъ.

Гибель нашихъ броненосцевъ подъ Цусимю являлась вначалѣ какъ бы неожиданною и загаочною. Наша первая эскадра, застигнутая передъ войною въ П.-Артурѣ и вынужденная къ бою 28 іюля 1904 г., не потеряла въ этомъ жестокомъ бою отъ артиллеріи ни одного корабля. Суда этой эскадры были тѣхъ же типовъ, что и въ Цусимской нашей эскадрѣ, но... только большинство заграничной постройки. Условія для работы въ бою 28 іюля были крайне тяжелы („Рус. Слово“, 1905, № 142):

Броненосецъ „Полтава“, имѣя уже въ кормѣ пробоины, продолжалъ бой и вернулся въ П.-Артуръ, несмотря на затопленные у него отсеки.

„Ретвизанъ“ наканунѣ боя 28 іюля получилъ подводную пробоину. Въ друхъ затопленныхъ у него отдѣленіяхъ находилось до 500 тоннъ (болѣе 30.000 пуд.) воды; но это не помѣшало ему принять въ бою 28 іюля самое живое участіе наравнѣ со всѣми; а когда былъ сильно поврежденъ „Цесаревичъ“, и надо было дать время ему оправиться, „Ретвизанъ“ благополучно защищалъ его собою и былъ тогда единственною мишенью для всего японскаго флота.

То были настоящіе броненосцы, а у „Ослябя“ носовая часть оказалась незабронированною вовсе. Первый же крупный снарядъ, попавшій въ нее, затопилъ 1-й и 2-й отсеки, носовой погребъ 6-дюймовыхъ снарядовъ и динамо-машины... Броненосецъ осѣлъ уже носомъ, и для его выпрямленія мы сами искусственно начали затоплять патронные погреба правой стороны. Затѣмъ достаточно было одного снаряда, разрушившаго переборку въ 3-й носовой отсѣкѣ, и гибель броненосца была уже неизбежна. Когда результаты первой носовой пробоины такъ чувствительно дали себя знать, среди машинной команды на „Ослябя“ началась паника... Офицерамъ съ трудомъ удалось удержать людей на своихъ мѣстахъ, занявши всѣ выходы оттуда съ оружіемъ въ ру-

²⁴⁾ Scientific Amer. Suppl., 1906, № 1598, pg. 25.600.

кахъ... Но мѣра эта, въ концѣ концовъ, увеличила только число жертвъ на броненосцѣ, т. к. второй роковой ударъ не заставилъ себя долго ждать; и тогда ни машинная команда, ни офицеры, удерживавшіе ее на мѣстѣ, не успѣли уже выбраться наружу.

Въ какой мѣрѣ гибель нашихъ броненосцевъ типа „Бородино“ зависѣла отъ насъ самихъ, т. е. отъ неумѣлой постройки ихъ и неосмысленной перегрузки ихъ въ пути,—особенно передъ боемъ, на этотъ вопросъ совершенно опредѣленно отвѣчаетъ докладная записка корабельнаго инженера Р. А. Матросова, поданная имъ куда слѣдуетъ въ половинѣ сентября 1906 г. и содержащая въ себѣ всѣ данныя для теоретическаго разъясненія этого явленія, которое мы демонстрировали въ Корейскомъ проливѣ на удивленіе всего міра... Оказалось, что *рѣшительно ничего загадочнаго въ этомъ явленіи не было*; а было только непозволительное незнаніе адмираломъ самыхъ элементарныхъ, но тѣмъ не менѣе непреложныхъ, законовъ механики, и была вполне естественная, неизбежная расплата за невниманіе къ нимъ...

Экземпляръ этой интересной записки инженера Матросова мы получили только три мѣсяца спустя послѣ выхода въ свѣтъ перваго изданія этой книги. Неостанавливаясь на изложеніи всѣхъ техническихъ подробностей, расчетовъ и вычисленій, сдѣланныхъ въ этой запискѣ, мы передадимъ здѣсь изъ нея только самую суть дѣла, которая вполне доступна пониманію и неспеціалистовъ.

Пловучесть судна зависитъ отъ внѣшнихъ обводовъ его корпуса и отъ нагрузки.

Внѣшніе обводы судна, разъ корпусъ его готовъ, не могутъ быть измѣнены безъ капитальной ломки всего сооруженія.

Нагрузка же судна нерѣдко измѣняется сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ, напр., вслѣдствіе различныхъ новыхъ требованій и „усовершенствованій“, которыя желаютъ провести въ техническомъ устройствѣ корабля послѣ его закладки.

„Подобной участи,—пишетъ инженеръ Матросовъ, т. е. измѣненію первоначальной нагрузки, броненосцы типа „Бородино“ подвергались нѣсколько разъ“.

По первоначальному проекту 1899 г. „Бородино“, при полномъ запасѣ топлива, должно было имѣть водоизмѣненіе въ 13.940 тоннъ. и его такъ называемая *метацентрическая высота*, эта основная мѣра остойчивости судна, ожидалась около 4 футовъ“.

„Но во время постройки, по особымъ требованіямъ, послѣдоваль рядъ измѣненій первоначальнаго проекта“.

„Въ 1903 г. съ броненосцемъ „Императоръ Александръ III-й“, однотипнымъ съ „Бородино“, были произведены испытанія и было опредѣлено, что при полномъ запасѣ топлива водоизмѣненіе судна будетъ равно 14.500 тоннъ, а его метацентрическая высота будетъ 3,88 фут.“.

„Эта высота являлась нѣсколько большей по сравненію съ такими же у броненосцевъ въ иностранныхъ флотахъ, т. е. остойчивость нашихъ броненосцевъ обезпечивалась вполне удовлетворительно“, если бы только дальнѣйшее использованіе ихъ было вполне разумнымъ.

„Но сборы нашей эскадры на Д. Востокъ въ 1904 г., происходившіе при совершенно необычныхъ условіяхъ похода безъ промежуточныхъ базъ, вызвали новую нагрузку броненосцевъ“.

„Находившіеся въ полномъ распоряженіи адмирала Рождественскаго, броненосцы нагружались имъ всевозможными запасами *внѣ всякихъ нормъ*“...

Эта необычная нагрузка серьезно беспокоила Морской Технический Комитетъ, и съ его стороны „передъ г-мъ управляющимъ Морскимъ Министерствомъ были возбуждены неоднократныя ходатайства—объ опредѣленіи положенія центра тяжести броненосцевъ съ ихъ новой нагрузкой путемъ непосредственнаго опыта ³⁵⁾“. Эти просьбы Комитета *не были удовлетворены*, и адмиралъ Рожественскій ни разу не удостоилъ ихъ даже отвѣтомъ“.

„Только благодаря особой настойчивости, которую проявилъ покойный главный инспекторъ кораблестроенія генералъ-лейтенантъ Кутейниковъ, было получено отъ Рожественскаго разрѣшеніе произвести въ Ревелѣ испытанія башенныхъ установокъ при кренѣ судна въ 8 градусовъ. При этихъ опытахъ случайно удалось получить данныя и о положеніи центра тяжести судна. Водоизмѣщеніе броненосцевъ типа „Бородино“ съ полнымъ запасомъ угля было равно 15.275 тоннъ, а метацентрическая высота была уже только 2,5 фута“.

„Морской Технический Комитетъ, находя эту величину высоты *слишкомъ малой*, 28 сентября 1904 г. сдѣлалъ докладъ (№ 1047) г-ну управляющему Морскимъ Министерствомъ и съ своей стороны рекомендовалъ принять для этихъ броненосцевъ рядъ мѣръ предосторожности. Между прочимъ рекомендовалось не только не принимать новыхъ запасовъ, но выгрузить на транспорты возможно большую часть и тѣхъ запасовъ, которые уже погружены были на броненосцы, хотя и не составляли ихъ нормальной нагрузки; затѣмъ рекомендовалось также не держать въ трюмѣ жидкихъ грузовъ, способныхъ переливаться“.

Разумность и необходимость проведенія въ жизнь этихъ мѣръ предосторожности, вызываемыхъ самою природою вещей и яснымъ пониманіемъ технической стороны этого вопроса; была какъ будто слабо понята лицами, стоявшими во главѣ морского вѣдомства; и все дѣло съ ихъ стороны ограничилось „инструкціей“, посланной Рожественскому, который въ этомъ вопросѣ руководился, повидимому, однимъ только принципомъ,—„я такъ хочу“, и какъ будто старался даже подчеркнуть, что законы механики писаны не для него...

„По полученіи этой инструкціи, 18 декабря 1904 г. Рожественскій донесъ съ Мадагаскара, что, не взирая на предостереженія Морского Техническаго Комитета, онъ принялъ на броненосцы запасъ угля въ 2200 тоннъ (вмѣсто 787 тоннъ нормальнаго запаса), засыпавши углемъ батареи трехъ-дюймовыхъ орудій, помѣщенія минныхъ аппаратовъ и верхнюю палубу каютъ“...

Если бы на минуту предположить что такое донесеніе возможно было когда-либо въ Англіи, и что оно на самомъ дѣлѣ было бы сдѣлано, подобный адмиралъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы оставленъ во главѣ эскадры, какъ лицо, несомнѣнно утратившее полную ясность пониманія непреложности законовъ природы и безъ надобности подвергающее явной опасности ввѣренныхъ ему людей, имущество и корабли... Наши же спокойные, равнодушные бюрократы, получивъ это донесеніе, стали только выжидать, „что будетъ дальше“...

³⁵⁾ Отношеніе отъ 27 іюня 1904 г. за № 1745 главному командиру флота и портовъ Балтійскаго моря.

Докладъ г-ну управляющему Морскимъ Министерствомъ 10 августа 1904 г.

Телеграмма главному командиру флота и портовъ Балтійскаго моря отъ 10 августа 1904 г. Телеграмма ему же отъ 13 августа 1904 г.

Отношеніе ему же отъ 23 августа 1904 г. за № 1888.

А дальше было что: мадагаскарскую нагрузку броненосцевъ Ро-
жественскій и не думалъ считать предѣльной, хотя въ это время
среднее углубленіе „Бородино“ было уже 30 фут. 4 дюйма. Сдѣлавши
свое изслѣдованіе, инженеръ Матросовъ находить, что при этихъ усло-
віяхъ въ бою достаточно было броненосцу „Бородино“ получить кренъ въ
7—8 градусовъ, чтобы природа вещей властно и неумолимо напо-
мила о себѣ Рождественскому и дала ему понять, что броненосецъ мо-
жетъ быть перевернуть не только непріателемъ...

Тѣмъ не менѣ Рождественскій неудовлетворился и этимъ. „Передъ
самымъ боемъ онъ приказалъ принять на броненосцы запасы машин-
ныхъ матеріаловъ на 75 ходовыхъ дней, а провизіи—на четыре мѣсяца.
По его же приказу броненосцы держали подъ конецъ по 500 тоннъ
прѣсной воды вмѣсто 120 тоннъ нормальнаго запаса. Вопреки инструк-
ции, эта вода была помѣщена во всѣ междудонныя пространства, для
того специально не приспособленныя, и могла тамъ свободно перели-
ваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ Рождественскій рѣшительно отклонялъ хода-
тайства нѣкоторыхъ командировъ о частичной разгрузкѣ броненосцевъ“.

Получить кренъ въ 7—8 градусовъ броненосцу совсѣмъ не трудно,
напримѣръ, отъ положеннаго на бортъ руля. Спрашивается, почему
же скорбные результаты изслѣдованій корабельнаго инженера Матро-
сова не подтвердились еще въ походѣ.

Причина очень простая. Инженеръ Матросовъ сдѣлалъ свои вы-
численія, взявши тѣ самыя условія работы броненосцевъ, которыя имѣли
мѣсто въ бою, т.-е. „предполагая непроницаемость судна только до ба-
тарейной палубы, такъ какъ въ бою порта трехъ-дюймовыхъ орудій
были открыты, и небронированный бортъ былъ разрушенъ“.

„Въ походѣ же небронированный бортъ былъ цѣль, а порта были
наглухо закрыты и проконапачены“. Вотъ почему въ походѣ адми-
ральская сверхперегрузка сходилась намъ съ рукъ, а въ бою она же по-
вела броненосцы, оставшіеся въ строю, къ катастрофѣ. „Неизбѣжность
такой именно катастрофы доказывалась и предсказывалось погибшимъ на
„Бородино“ корабельнымъ инженеромъ Шангинымъ въ его походныхъ ра-
портахъ въ штабъ адмирала“, но послѣдній еще разъ доказалъ только
то, что самый глухой человѣкъ есть именно тотъ, который ничего не
хочетъ слушать... „На сигналъ „Сисоя“, что онъ не можетъ больше при-
нять угля, не рискуя перевернуться, упрямый и неумолимый въ по-
добныхъ случаяхъ Рождественскій отвѣчалъ сигналомъ, что „лучше пе-
ревернуться съ углемъ, чѣмъ безъ угля?“... Въ другой разъ, когда, на
приказъ Рождественскаго—принять 300 тоннъ угля, съ броненосца „Бо-
родино“ ему отвѣтили, что согласно инструкціи на броненосецъ при-
нято 298 тоннъ и больше быть принято не можетъ; адмиралъ сигна-
лизировалъ: „принять 400 тоннъ“... Желая какъ бы подчеркнуть свое
самовластіе и свое пренебрежительное отношеніе къ „инструкціи“
изъ СПб., адмиралъ распорядился послѣ этого, чтобы по 400 тоннъ
угля было принято на всѣ броненосцы ³⁶⁾ типа „Бородино“.

Увлеченіе Рождественскаго возможностью перегрузить суда и
черезъ это властно исказить и ослабить присущія имъ боевыя качества
распространялось не только на броненосцы, но и на крейсера. Въ
письмѣ одного изъ нашихъ товарищей читаемъ по этому поводу
слѣдующее:

„Когда „Олегъ“, послѣ долгихъ-долгихъ усилій—заставить его
машину работать какъ слѣдуетъ, началъ наконецъ давать почти пол-

³⁶⁾ Показаніе корабельн. инж. Костенко при разборѣ дѣла Небогатова на судѣ.

ный ходъ, нашъ отрядъ присоединился къ эскадрѣ Рождественскаго... Здѣсь мы сразу вступили въ область... увлеченій адмирала погрузкою угля. На „*Олега*“ раньше грузили не больше 800 тоннъ угля, а тутъ по приказу Рождественскаго погрузили на него до 1300 тоннъ; но ему и этого показалось мало; будутъ доводить запасъ угля до 2000 тоннъ. Водонизмѣщеніе „*Олега*“ вмѣсто 6750 тоннъ будетъ доведено почти до 8000 тоннъ; о 23-хъ узлахъ хода тѣгда не можетъ быть болѣе и рѣчи; ходъ спустится до 18—19 узловъ; и эскадра приобрѣтетъ въ лицѣ этого новаго крейсера не „глаза и уши“, какъ трубятъ у васъ газеты, а несомнѣнно... другую часть тѣла, болѣе тяжеловѣсную“...

Ознакомившись съ докладной запиской корабельнаго инженера Р. А. Матросова, нельзя не признать, что, довѣривши нашу Балтійско-Цусимскую эскадру одному лицу, не имѣвшему ни серьезной технической подготовки, ни правильнаго пониманія вопроса о наивыгоднѣйшемъ использованіи тѣхъ боевыхъ единицъ, которыми располагала эскадра, наше морское вѣдомство свершило весьма крупную основную ошибку въ самомъ началѣ; и затѣмъ оно не озаботилось исправитъ эту ошибку даже и послѣ „боевыхъ“ экспериментовъ его у Доггербанки (бл. Гулля), стоившихъ Россіи много болѣе милліона рублей, даже и послѣ „знаменитыхъ“ донесеній его съ Мадагаскара, когда личность флотоводца для самого вѣдомства обрисовалась уже вполне ясно...

Во время боя 14 мая море было очень бурное, поэтому на низкорботныхъ нашихъ броненосцахъ — „*Наваринъ*“, „*Апраксинъ*“, „*Сенявинъ*“, „*Ушаковъ*“, — не могли дѣйствовать даже и башенныя орудія, т. к. ихъ жерла заливались волнами (см. „*Рус. Вѣдом.*“, 1905, № 131). Небольшіе броненосцы „*Николай I-й*“ и „*Сисой*“ могли работать своими башенными орудіями; но ихъ орудійныя платформы, вслѣдствіе сильной качки, не могли имѣть устойчивости; и мѣткости стрѣльбы ждать отъ нихъ было нельзя. Такимъ образомъ, злополучная погода какъ бы заранѣе вывела изъ боевого строя шесть нашихъ старыхъ броненосцевъ, и адмиралъ Рождественскій болѣе надежно могъ располагать только 5-ю высокорботными броненосцами — „*Александръ III-й*“, „*Бородино*“, „*Орель*“, „*Ослябя*“, „*Суворовъ*“.

Что касается до оборудованія механической части нашихъ новыхъ броненосцевъ, то, по отзывамъ нашихъ товарищей, работавшихъ на этихъ броненосцахъ, можно отмѣтить слѣдующее:

„Паровыя машины на „*Суворовъ*“, „*Александръ III-й*“ и „*Орель*“, исполненныя Балтійскимъ заводомъ, были хороши“. Объ одной изъ нихъ даже былъ данъ отзывъ, что она работала превосходно и въ походѣ, и въ бою. На пробѣ, вслѣдствіе недостатка давленія въ котлахъ, одна изъ нихъ впрочемъ могла развить работу только въ 14.900 индикаторныхъ силъ вмѣсто требуемыхъ 15.800...

„Сплоховали машины, построенныя Франко-русскимъ заводомъ для „*Бородино*“. На пробѣ броненосецъ далъ только 16 узловъ хода вмѣсто контрактныхъ 18; для переборки машинъ совсѣмъ не было времени, и... машины были приняты. Въ походѣ съ ними было не мало возни: онѣ портились и порознь, и обѣ вмѣстѣ, задерживая ходъ всей эскадры“.

„Котлы системы Бельвиля на этихъ 4 броненосцахъ были вполне удовлетворительны. Но и тутъ не обошлось безъ курьеза. Кронштадтскій портъ снабдилъ корабли такими „казеннаго образца“ банниками для чистки кипяtilьныхъ трубокъ, что они совсѣмъ не лѣзли въ трубки. По счастью, достигнутое уходомъ хорошее состояніе котловъ

не требовало частой помощи банника; а то кочегары въ случаѣ нужды перефасонивали эту казенщину зубиломъ и ручникомъ, или же искали настоящихъ банниковъ, заготовленныхъ Балтійскимъ заводомъ, и берегли ихъ затѣмъ на экстренный случай, какъ зѣницу ока³⁷.

„На нѣкоторыхъ броненосцахъ попадались неудачныя донки *Блэка* для котловъ на 600 фут. рабочаго давленія пара, а на другихъ донки того же завода работали вполне исправно“.

На „*Орлѣ*“ оказались никуда негодныя мѣдныя трубы, соединяющія котлы съ главной магистралью. „Изъ 20 трубъ шесть взорвались во время похода. Одна изъ нихъ взорвалась около 5 часовъ 14 мая во время Цусимскаго боя. Эти трубы, расположенныя наверху кочегаренъ, около вентиляторовъ, рвались однако еще довольно счастливо: никто не былъ сильно обваренъ; минутъ чрезъ 40 давленіе спускалось до 35—40 фунтовъ, тогда кое-какъ пробирались къ клапанамъ и закрывали ихъ. Въ бою изъ-за этого пришлось пережить тяжелыя минуты... Если автоматическіе клапаны прикипали, взрывъ такой трубы могъ быть роковымъ, такъ какъ могъ повлечь за собою остановку главныхъ машинъ. Эти трубы оказались изъ пережженной мѣди. Если не было новыхъ трубъ для замѣны испорченныхъ, ихъ паяли на транспортѣ „*Камчатка*“ и обматывали стальной проволокой“.

„Съ электрическими передачами къ рулю была въ плаваніи большая возня; ихъ считали *ненадежными*, и на нихъ *не рассчитывали*. Передача электромоторами къ шестернямъ и далѣе къ румпелю негодна была съ самаго начала; плохой конструкціи былъ приводъ, показывающій сколько положено руля; его исправляли, а черезъ часъ работы онъ опять ломался“...

Когда въ Кронштадтѣ затонулъ „*Орелъ*“, на немъ оказалась испорченной установка паро-динамо; ее взяли съ недоконченнаго броненосца ³⁷⁾ „*Слава*“; но тамъ онъ были приспособлены для работы пара при давленіи 220—200 фунтовъ, а на „*Орлѣ*“ на вспомогательной магистрали *красной чертой* было отмѣчено 180 фунтовъ“... Этимъ не смущались.

„Въ трюмной части броненосцевъ во время плаванія стали появляться большія прорухи. Мѣдныя трубы (осушительныя, пожарныя и др.), гдѣ была соленая вода, давали постоянно свищи; и команда буквально съ ногъ *сбивалась*, ставя бугеля на эти трубы. Самое же главное, изъ-за частыхъ погрузокъ угля стала страдать *непроницаемость*. Горловины угольныхъ ямъ ставились на резинѣ; отъ частаго хлопанья во время погрузокъ, перегрузокъ, отъ попадающаго на нее угля—резина портилась ³⁸⁾; достать же новой было не откуда, ея не

³⁷⁾ Одинъ изъ нашихъ товарищей передъ 2-мъ изданіемъ книги сообщилъ мнѣ, что заводъ, строившій броненосецъ „*Слава*“, передъ уходомъ эскадры предлагалъ и его закончить постройкою ...за добавочныхъ полмилліона рублей, но предложеніе за вода не прошло; не столковались...

³⁸⁾ На судахъ крейсерскаго отряда—„*Уралъ*“, „*Кубань*“, „*Терекъ*“, снаряженіе которыхъ было подчинено Великому Князю *Александру Михайловичу*, этого явленія не наблюдалось, какъ сообщаетъ другой изъ нашихъ товарищей. Тамъ для предохраненія резины на горловинахъ имѣлись особыя желѣзныя рамы, которыя всегда ставились на мѣсто послѣ отдравиванья горловинъ. Благодаря этому „въ бортовыхъ горловинахъ, часто открывавшихся и находившихся у этихъ крейсеровъ всегда въ водѣ даже и во время легкой качки, не было ни одного случая просачиванія воды“. Назначеніе судовъ этого отряда въ походъ было — идти немного впереди „*Суворова*“ вмѣстѣ съ крейсеромъ „*Святлана*“. Когда эскадра грузилась

хватало; и въ бою это сильно сказалось: вода съ верхней и батарейной палубъ (отъ тушенія пожаровъ и поддаваемая въ полупортики и пробойны) устремлялась по разбитымъ снарядами шахтамъ, чрезъ „недержачія“ горловины, прямо въ угольные ямы и заполняла ихъ; при отдраиваньи горловинъ въ кочегарняхъ для доставанія угля, вода потокомъ бросалась изъ ямъ на площадки передъ котлами... Впечатлѣніе было такое, какъ-будто корабль получилъ пробойну въ угольную яму: такъ-сильны были эти потоки пришлой воды, смущавшіе кочегаровъ. Присутствіе здѣсь воды и возможность для нея при кренѣ перекачиваться по дну угольной ямы (въ центральныхъ ямахъ — это „полъ“ самого корабля) уменьшало, конечно, и остойчивость броненосца. Затѣмъ уголь „выливался“ вмѣстѣ съ водой на площадки; попадая въ топки, онъ загорался не сразу, сильно дымилъ; держать паръ становилось труднѣе“...

Неудовлетворительна и во многомъ нерадива была постройка судовъ у насъ въ смыслѣ конструктивномъ, но неудовлетворительна была также и приѣмка работъ, произведенныхъ на судахъ, какъ объ этомъ говорятъ теперь многіе, кому приходилось и приходится имѣть дѣло съ поставками этого рода. Показная строгость приѣмки была непомѣрна, но — не по существу дѣла, а на почвѣ формалистики, прижимокъ. Впрочемъ это было большею частію до тѣхъ только поръ, пока при первомъ же „дѣловомъ“ разговорѣ, за особые труды изъ рукъ въ руки передаваемая, „благодарность“ не возрастала до желаемой цифры... А то бывало и такъ, что механизмы собирались и ставились на мѣсто въ водахъ Балтійскаго моря, а специалистъ въ-домства, приставленный для наблюденія за этой работой, за полторы тысячи верстъ отъ нея преспокойно жилъ себѣ, какъ на дачѣ, на берегу одной изъ большихъ рѣкъ внутренняго плаванія...

На крейсерѣ „Изумрудъ“, какъ сообщаетъ одинъ изъ нашихъ товарищей, оказалось слѣдующее: одинъ изъ флянцевъ трубопровода, посредствомъ котораго охлаждають подшипники на ходу, оказался поставленнымъ не на болтахъ, а на *деревянныхъ затычкахъ*; фланецъ былъ расположенъ въ угольной ямѣ и засыпанъ углемъ; съ этими затычками такъ и въ походѣ пошли; въ походѣ ямы начали затопляться водою; долго не обращали на это серьезнаго вниманія и не могли найти причины затопленія; а когда начали освобождать ямы отъ угля и добираться до злополучнаго флянца, вода въ кочегарнѣ поднялась до колосниковыхъ рѣшетокъ у котловъ...

Во время похода эскадры обнаружилось, что сдѣланныя изъ гофрированнаго желѣза переборки на нижней броневой палубѣ крайне слабы и не смогутъ удержать напора воды, когда будетъ пробитъ бортъ. Затѣмъ всѣ такъ называемыя водонепроницаемыя двери и горловины считались таковыми только на бумагѣ, въ отчетѣхъ техническихъ агентовъ морского вѣдомства, ихъ принимавшихъ „со всей строгостью“, а на самомъ дѣлѣ онѣ оказались очень даже проницаемы...

А неисправность руля... Ею страдали многія суда и въ бою; а броненосецъ „Орелъ“ на переходѣ отъ Либавы до Мадагаскара испыталъ со своимъ рулемъ двѣ серьезныя аваріи, заставившія броненосецъ оба раза выйти изъ строя.

Исправленіе серьезныхъ поврежденій у рулей на крейсерахъ „Изумрудъ“ и „Жемчугъ“ потребовало въ бухтѣ Нози-бей весьма не-

углемъ среди океана, они отходили отъ нея на 5—7 миль въ сторону и стояли насторожѣ, пока эскадра не кончитъ нагрузки угля.

легкой и мѣшкотной работы. Надъ ней водолазныя команды (изъ 14 человекъ) провозились одиннадцать сутокъ, работая день и ночь на большой зыби и подъ угрозой подвергнуться нападенію акулъ, отъ которыхъ часовые ограждали водолазовъ выстрѣлами изъ винтовокъ³⁹⁾.

Серьезныя поврежденія руля имѣли мѣсто въ походѣ также на броненосцѣ „Бородино“, на многихъ крейсерахъ, миноносцахъ и транспортахъ⁴⁰⁾, не исключая даже и флагманскаго корабля.

На переходѣ вокругъ Африки до Мадагаскара весь экипажъ морально былъ измученъ постоянными остановками изъ-за поломки машинъ у транспорта „Малайя“, который неоднократно пришлось вести на буксирѣ⁴¹⁾; дойдя до Мадагаскара, рѣшились наконецъ этотъ транспортъ разгрузить и отправить назадъ въ Россію.

На переходѣ отъ Мадагаскара до Аннама ту же печальную роль по части остановокъ сыгралъ броненосецъ 2-го класса „Сисой“ съ его растрепанными машинами⁴²⁾; думали оставить и его на пути въ какомъ-нибудь порту, если бы только это не было такъ скандально...

Большія аваріи и неоднократно терпѣли также машины на броненосцѣ „Бородино“, на транспортѣ „Камчатка“, на миноносцѣ „Прозорливый“ и на многихъ другихъ судахъ⁴³⁾. Большая часть такихъ аварій происходила обыкновенно въ ночное время; и остановки всей эскадры изъ-за этого были тягостны особенно тѣмъ, что въ это время съ часу на часъ ожидались ночныя минныя атаки на эскадру со стороны весьма подозрительныхъ соплавателей; наши развѣдчики-крейсера почти каждую ночь открывали ихъ въ сторонѣ отъ эскадры, линія строя которой въ походѣ иногда растягивалась до 10 верстъ⁴⁴⁾.

Послѣ сдѣланнаго нашей эскадрою громаднаго перехода, механизмы на нѣкоторыхъ судахъ имѣли много дефектовъ; паровыя и разныя другія трубы⁴⁵⁾, недоброкачественно исполненныя, постоянно лопались; поэтому приходилось держать на нѣкоторыхъ судахъ не полное давленіе пара, зарегистрированное для нихъ на бумагахъ, и убавлять изъ-за этого скорость хода для всей эскадры.

Различныя другія, такъ называемыя, техническія „мелочи“ также не мало способствовали пониженію боевыхъ качествъ нашего флота.

Скорость заряжанія 12-дюймовыхъ орудій, наприм., у насъ оказалась почти вдвое меньшей, чѣмъ у Японцевъ („Морск. Сборн.“, 1906, № 3, стр. 191), а это при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ для насъ было равносильно какъ бы уменьшенію у насъ числа работающихъ въ данный моментъ тяжелыхъ орудій почти вдвое.

Разница въ числѣ прислуги, съ которой обходятся при заряжаніи орудій—нашихъ стараго образца и японскихъ новаго—такова: при нашихъ старыхъ необходимо было имѣть 4—5 человекъ, при японскихъ новыхъ—одно лицо; и, несмотря на это, благодаря совершенству механизма, была возможна такая разница въ скорости заряжанія.

Затѣмъ сложныя установки различныхъ соціальныхъ приборовъ на разныхъ судахъ тоже были различны, а главное они были вовсе

³⁹⁾ „Морск. Сборн.“, 1906, № 5, стр. 127—130.

⁴⁰⁾ Политовскій, стр. 5, 20, 41, 50, 56, 75, 142, 160, 166, 173, 178, 180 и др.

⁴¹⁾ Онъ же, стр. 28, 38, 40, 52, 56, 61, 73, 104 и др.

⁴²⁾ Онъ же, стр. 165, 180 и др.

⁴³⁾ Политовскій, стр. 5, 7, 38, 41, 64, 67, 70, 79, 85, 162, 165, 196.

⁴⁴⁾ Онъ же, стр. 165.

⁴⁵⁾ Случаи съ паровыми трубами были даже на „Суворовѣ“ и на „Орлѣ“ (Политовскій, стр. 78 и 196).

незнакомы персоналу другого судна. Части этихъ приборовъ, если и были иногда одинаковы по конструкции, не могли быть взаимно замѣняемы по калибрамъ. Къ какимъ практическимъ неудобствамъ въ дѣлѣ ведутъ всѣ такія „мелочи“, отлично понимаетъ каждый инженеръ.

Не особенно надежна въ бою была главная доморощенная часть нашей эскадры; не лучше того были и тѣ вспомогательныя боевыя единицы, которыя во время войны наскоро были куплены нами готовыми у гамбургской компаніи изъ ея старья. Эти, бывшіе когда-то бы-строходными, пассажирскіе океанскіе пароходы были приобрѣтены морскимъ вѣдомствомъ со всею роскошью отдѣлки ихъ пассажирскихъ салоновъ. Была полная возможность приобрѣсти ихъ безъ этого, со скидкой въ стоимости; но отъ этого уклонились; уплата по счету была бы тогда меньше, и куртаж во всѣхъ инстанціяхъ чрезъ это уменьшился бы... На мѣстѣ перестройки этихъ пароходовъ, часть ихъ роскоши, среди бѣла дня, постепенно исчезла съ кораблей, часть передана была на „Иртышъ“ и „Анадырь“, а значительную часть перенесли просто на берегъ на храненіе. Спѣшно перестроенныя, спѣшно отремонтированныя и весьма слабо вооруженныя, „съ игрушечной артиллеріей“, эти суда оказали эскадрѣ слабую помощь въ походѣ, и никакой—въ бою: ихъ старья, не у всѣхъ экономично работавшія машины, въ походѣ пожирали массу топлива; для дальнихъ и обстоятельныхъ развѣдокъ ихъ не употребляли; держась на близкомъ разстояніи отъ эскадры, они узнавали очень немногое; своими неполными, иногда тревожными донесеніями, они часто поддерживали панику на эскадрѣ, и этимъ мучили ее немилосердно; а въ бою эти суда активно не участвовали; нѣкоторымъ изъ нихъ передъ боемъ 14 мая Рождественскій далъ довольно фантастическія порученія и отослалъ ихъ подальше отъ эскадры. Это хорошо было сдѣлано. Также надо было поступить и съ транспор-тами и съ кораблями, сопровождавшими эскадру подъ коммерческимъ флагомъ.

Крейсеръ „Дикпиръ“, когда стояли въ водахъ Аннама, былъ высланъ Рождественскимъ навстрѣчу подходившему къ эскадрѣ и долго ожидавшемуся Небогатову; къ его отряду крейсеръ и долженъ былъ присоединиться; ночью „Дикпиръ“ увидалъ огни отряда Небогатова, шедшаго ему навстрѣчу, но подумалъ, что это Японцы, убоялся; не исполнивъ порученія, онъ вернулся назадъ ⁴⁶⁾...

„Уралъ“ совсѣмъ не рѣшались пускаться въ крейсерскія операціи, т. к. его командиръ открыто мечталъ о разоруженіи ⁴⁷⁾... Мечта его не осуществилась: въ бою крейсеръ былъ разстрѣлянъ и потопленъ Японцами... Кромѣ вреда, въ бою этотъ крейсеръ ничего не принесть: транспорты и крейсера, ихъ охранявшіе, во время боя сбились въ кучу и безпорядочно перемѣщались; крейсеръ „Жемчугъ“ отдѣлился отъ остальныхъ, чтобы подать помощь броненосцу „Александръ III-й“, который горѣлъ съ кормы и носа; но при выполненіи этого маневра „Уралъ“ неожиданно полѣзъ на корму „Жемчуга“, свернулъ ему мину и кормовой аппаратъ, смялъ правый бортъ, погнулъ правый винтъ и остановилъ машину „Жемчуга“ съ полного хода. По счастью, мина лежала въ аппаратѣ безъ чеки; зарядное отдѣленіе отломилось и утонуло безъ взрыва; а то дѣло это могло бы кончиться плачевно ⁴⁸⁾...

⁴⁶⁾ Политовскій, стр. 251.

⁴⁷⁾ Политовскій, стр. 247, 259.

⁴⁸⁾ Командиръ крейсера „Уралъ“ былъ спасенъ „Свирью“ и доставленъ въ Шанхай. Тамъ онъ обратился къ командиру „Аскольда“ съ просьбою принять отъ

Передъ боемъ „Ріонъ“ и „Днѣпръ“ были отправлены вмѣстѣ съ транспортами въ Шанхай, какъ бы „для охраны“ послѣднихъ въ пути... „Кубань“ и „Терекъ“ тоже были отосланы и не были въ бою.

„Ріонъ“ и „Днѣпръ“—это переименованные быстроходные пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“. Ихъ снаряжали въ Севастополь, вывели изъ Чернаго моря подъ торговымъ флагомъ. Въ Красномъ морѣ они сняли съ себя личину и начали ловить и разстрѣливать англійскія суда, провозившія военную контрабанду для Японіи. Это не понравилось Англичанамъ, и они сдѣлали по этому поводу внушительное представленіе русскому правительству. Въ Спб. начали отрещиваться отъ этихъ самозванныхъ „пиратовъ“. Англичане взялись изловить ихъ и вручить имъ офиціальную бумагу, призывающую ихъ въ Кронштадтъ къ отвѣту. Такъ все и было: въ Индѣйскомъ океанѣ Англичане ихъ изловили, передали имъ бумагу и попросили отправляться во свояси... „Пираты“ были водворены въ Кронштадтъ; а затѣмъ начальство помогло гнѣвъ на милость, переименовало ихъ и въ отрядъ Добровольскаго отправило ихъ на Д. Востокъ. („Море“, 1906 г., № 19, стран. 694—695).

Относительно судовъ крейсерскаго отряда „Урала“, „Кубани“ и „Терека“—для 2-го изданія книги одинъ изъ нашихъ товарищей сообщилъ слѣдующія интересныя подробности:

„Служить настоящими развѣдочными судами они не могли: жизненные части корабля у нихъ были не защищены, вооруженіе на нихъ было слабое, цѣль для непріятеля они давали громадную; ихъ котлы простого пароходнаго типа не давали возможности въ случаѣ надобности быстро развить полный ходъ; да и состояніе какъ котловъ, такъ и трубопроводовъ было такое, что форсировать ихъ работу было въ высшей степени опасно. Самый полный ходъ ихъ не превышалъ 17,5—18 узловъ. Къ тому же верхнее дно у нихъ никуда не годилось: мѣстами дно было залатано брезентомъ, а поверхъ брезента было залито тонкимъ слоемъ цемента. „Водонепроницаемая“ переборки мѣстами можно было продавить у нихъ пальцемъ... При совокупности такихъ данныхъ посылать эти суда на болѣе чѣмъ вѣроятную встрѣчу съ какимъ бы то ни было непріятельскимъ кораблемъ было болѣе чѣмъ рискованно; и адмиралъ передъ боемъ отправилъ ихъ ловить контрабанду, отправилъ на такіе рейсы, гдѣ мало было шансовъ встрѣтить военныя суда. Болѣе удовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ были „Ріонъ“ и „Днѣпръ“; имъ адмиралъ давалъ и болѣе рискованные рейсы“.

„Уралу“, „Кубани“ и „Тереку“ за нѣсколько дней передъ боемъ было дано порученіе—отконвоировать 4 транспорта въ Сайгонъ, а въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ „выкинуться на берегъ“. Встрѣчи не было, и конвоиры благополучно вернулись назадъ къ эскадрѣ“.

„За недѣлю передъ боемъ „Кубань“ и „Терекъ“ были посланы въ крейсерство вокругъ береговъ Японіи. Передъ этимъ адмиралъ лично посѣтилъ эти суда, приглашалъ къ командиру старшаго механика, дѣлать разспросы, давалъ указанія, но открыто не говорилъ, куда и когда пойдетъ каждое судно. Приказы на эти суда, собственноручно написанные адмираломъ, со всѣми необходимыми указаніями были

него деньги. При вскрытіи шкатулки онъ схватилъ лежавшую въ ней свертку большую пачку денегъ со словами — „это мои“, хотя по уставу полагается, чтобы на частныхъ, хранимыхъ въ шкатулкѣ, деньгахъ была надпись о принадлежности ихъ такому-то (сообщено ко 2-му изданію книги).

получены командирами заблаговременно, но вскрытие их послѣдовало только въ день отплытія (8 мая) чрезъ два часа послѣ сигнала — „идти по назначенію“. Такимъ образомъ ни въ Россіи, ни на эскадрѣ Рождественскаго, ни въ Японіи не было извѣстно, гдѣ находятся эти суда. Въ крейсерованіи вокругъ Японіи эти суда должны были оставаться до тѣхъ поръ, пока по расчету не останется на нихъ угля ровно столько, чтобы дойти до Камрана. Дольше всѣхъ крейсировала „Кубань“, которая узнала о результатахъ боя только 25 мая уже на обратномъ пути въ Камрань. Переловить эти суда Японцамъ не удалось, такъ какъ о мѣстонахожденіи ихъ они не могли попытаться даже и отъ тѣхъ изъ нашихъ, кто попалъ въ плѣнъ. Но съ другой стороны и самое это крейсерство не принесло намъ никакихъ положительныхъ результатовъ. На уходъ этихъ крейсеровъ отъ эскадры Рождественскаго Японцы не обратили никакого вниманія и своихъ силъ изъ-за этого дробить, разбивать на части не стали. Будь это крейсера какой-либо другой націи, враждебной Японцамъ, они могли бы выудить и перерубить телеграфный кабель между Японіей и Америкой. Помимо переполоха въ Японіи это нанесло бы тогда ей и значительныя матеріальныя потери. Средства для производства этой операціи у нашихъ крейсеровъ были, всѣ приготовленія къ этому на „Кубани“ были сдѣланы, только не было предписанія отъ начальства; а по своей инициативѣ командиръ такъ и не рѣшился этого сдѣлать“...

По окончаніи войны тѣ изъ купленныхъ пароходовъ, что не пошли на дно Корейскаго пролива или не попали въ руки Японцевъ, были проданы такъ же баснословно дешево, какъ баснословно дорого были куплены; и притомъ они попали, разумѣется, не въ русскія руки. Между тѣмъ одновременно тѣмъ же вѣдомствомъ уплачивались прямо небывалые фрахты за перевозку плѣнныхъ, которыхъ съ успѣхомъ можно бы было перевозить на этихъ же судахъ и потомъ продать ихъ. Не менѣе странною была вообще исторія ихъ продажи. Русскій коммерческій флотъ далекъ отъ многочисленности, нашъ Добровольный флотъ далекъ отъ совершенства. Если купленные пароходы были плохи, — почему ихъ покупали, а коли хороши, то почему ихъ задаромъ отдали, и почему они попали исключительно въ руки главнаго конкурента нашего же Добровольнаго флота? Пароходы были въ рукахъ морского вѣдомства, Добровольный флотъ (сѣдающій по-прежнему 600-тыс. субсидію) также у него въ рукахъ; слѣдовательно, и отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть полученъ только изъ этого источника, но... онъ молчитъ. („Рус. Вѣд.“, 1906, № 297).

Еще болѣе странною является исторія ремонта этихъ пароходовъ вслѣдъ за прибытіемъ ихъ послѣ войны въ Либаву. Съ cadaго парохода, какъ полагается, здѣсь подавались „дефектныя вѣдомости“, въ которыхъ дѣлалось полное описаніе того, что именно слѣдовало бы исправить въ механизмахъ, котлахъ, паропроводахъ, угольныхъ ямахъ и т. д. Общая стоимость ремонта показывалась щедрою рукою въ десяткахъ тысячъ рублей съ точностью непремѣнно до отдѣльныхъ копѣекъ. Нельзя же!.. Ремонтъ разрѣшался очень скоро; на него прямо, можно сказать, набрасывались, не ожидая рѣшенія общаго вопроса о томъ, останется ли въ военномъ флотѣ тотъ или другой изъ этихъ пароходовъ, или нѣтъ, не ожидая рѣшенія вопроса и о томъ, стоитъ ли ремонтировать нѣкоторыя изъ этихъ злосчастныхъ судовъ даже и просто, какъ коммерческіе пароходы, есть ли для этого расчетъ? Печальный опытъ съ „Дономъ“, ремонтъ котораго стоилъ больше милліона рублей и за который въ отремонтированномъ видѣ не давали и 800.000 р.,

повидимому, ничему не научил морское министерство, и оно продолжало тратить обильныя средства на ремонтъ и другихъ прибывавшихъ пароходовъ. Когда разрѣшены извѣстные кредиты, о разумномъ использованіи ихъ въ казнѣ-матушкѣ не всегда заботятся...

Еще обиднѣе и циничнѣе оказалась исторія съ *милліономъ рублей*, который, въ порывѣ патріотическаго воодушевленія, графъ Строгановъ пожертвовалъ на приобрѣтеніе быстрогонаго крейсера-развѣдчика. Изъ доклада въ высшія сферы, открыто написаннаго тогда бывшимъ г-мъ управляющимъ морскимъ вѣдомствомъ, адмираломъ Бирилевымъ, и обошедшаго въ печати всѣ журналы, видно, что на эти средства былъ купленъ вѣдомствомъ старый, изношенный, нѣмецкій пассажирскій пароходъ „*Lahn*“, который на его родинѣ прослужилъ 17 лѣтъ, за негодностью ⁴⁹⁾ давно былъ переведенъ на береговую службу и представлялъ собою „хламъ, заключающійся въ ломѣ желѣза и дерева“... Его поремонтировали, покрасили, снарядили и тоже отправили въ походъ; но отъ Скагена пришлось вернуть его назадъ.

Передъ самымъ началомъ войны у итальянскихъ заводчиковъ оказались готовыми два хорошихъ броненосныхъ крейсера. Они намъ предлагали взять ихъ на льготныхъ условіяхъ ⁵⁰⁾. Морскому вѣдомству, опиравшемуся на мнѣніе Рождественскаго, они показались „неподходящими“... Итальянцы, повидимому, очень желали, чтобы эти крейсера были приобрѣтены именно Россіей, а не Японіей; но дѣло не состоялось... Эти крейсера подъ именемъ „*Ниссина*“ и „*Касуги*“ участвовали въ войнѣ съ нами и оказались превосходными.

Какъ бы въ насмѣшку надъ нами „*Касуга*“ подъ Артуромъ одинъ громилъ цѣлые отряды нашихъ крейсеровъ съ разстоянія до 12 верстъ, на которое не могъ стрѣлять ни одинъ изъ нашихъ кораблей; и это обстоятельство нерѣдко ставило наши отряды въ трагикомическое положеніе ⁵¹⁾. Тотъ же самый „*Касуга*“ передъ сдачей отряда Небогатова 15 мая одинъ безнаказанно началъ обстрѣливать „*Николая I-го*“ съ разстоянія въ 8,5 верстъ; и опять никто въ этомъ нашемъ отрядѣ не могъ отвѣчать на такой разстрѣлъ; а весь остальной боевой составъ эскадры Того, окруживъ Небогатова со всѣхъ сторонъ, въ это время стоялъ вдали, величавый въ своей грозной мощи ⁵²⁾... Такъ вотъ такіе корабли намъ были не подходящи, а „*Lahn*“ и др. рухлядь—очень кстати. И этотъ „*Lahn*“ съ его 250-ю заплатами, которыя пришлось поставить на его котлахъ передъ отправкою его въ походъ, цинично называли еще „*Русью*“...

Ко 2-му изданію книги одинъ изъ нашихъ товарищей собралъ дополнителныя свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ, которыя морское вѣдомство предприняло въ свое время, чтобы дать этому судну „приличную“ показную внѣшность:

⁴⁹⁾ Наше морское вѣдомство чуть было не купило также у Чили и Аргентины ихъ старыя суда изъ остатковъ ихъ военнаго флота. Лучшія боевыя единицы его въ свое время были приобрѣтены Англіей и Японіей, а эти остатки были ими забранованы. Спасла насъ отъ этого, говорятъ, только случайность, только черзачуръ робкая, длительная и неясная разработка продавцами вопроса о величинѣ „благодарности“ въ промежуточныхъ инстанціяхъ. А рѣчь шла о затратахъ на это приобрѣтеніе до 75 милліоновъ рублей (см. „*Рус. Богат.*“, 1905, № 7). Въ Цусимскомъ проливѣ нашлось бы мѣсто и для этого хлама.

⁵⁰⁾ „*Нов. Вр.*“ 1906, № 10.744.

⁵¹⁾ „*Морск. Сборн.*“, 1906, № 2, стр. 156.

⁵²⁾ „*Scientific American Suppl.*“, 1906, № 1598.

„Корпусъ судна у „Руси“ не имѣетъ второго дна... Кочегарка на ней одна и безъ внутренней пореборки... Машина была одна. Вновь поставленная вѣдомствомъ на суднѣ вертикальная паровая машина оказалась *ниже всякой критики*: на паровомъ цилиндрѣ и на станинѣ—трещины, крышка цилиндра—вся въ свищахъ; сборка и установка машины таковы, что при пусканіи ея въ ходъ верхняя крышка цилиндра давала колебанія около *одного вершка* (!) при высотѣ машины въ восемь фут... На суднѣ были поставлены также новыя лебедки для обратнаго притягиванія къ судну тѣхъ воздушныхъ шаровъ, которые предполагали использовать для развѣдокъ. Но эти лебедки были такъ умѣло разсчитаны на прочность и такъ хорошо построены „специалистами“ вѣдомства, что тормазной аппаратъ лебедки разлетѣлся при первой же пробѣ, и затѣмъ дальше не имѣлось никакихъ другихъ средствъ остановить вращеніе барабана, съ котораго свивался проволоочный тросъ, идущій къ шару. Къ счастью, изломъ тормазного аппарата лебедки, т.-е. самой отвѣтственной его части, случился еще на пробѣ, а то было бы неизбѣжно очень крупное несчастіе съ людьми... Цѣлый фоліантъ „рапортовъ“, „актовъ“, „донесеній“ и т. д. въ одинъ голосъ свидѣлствуютъ о томъ, что „Русь“—никуда негодное судно. Но продать его, какъ „патріотическое пожертвованіе“, не рѣшаются и до сихъ поръ“...

И хорошо дѣлають, прибавлю отъ себя. Это—сугубо печальный и назидательный историческій памятникъ, который надо сохранить. А съ другой стороны, какъ вещественное доказательство и какъ цѣнный и яркій образчикъ негодности тѣхъ средствъ, съ которыми мы шли къ Цусимѣ, „Русь“ должны видѣть непременно и тѣ избранники народа, которые рано или поздно будутъ разслѣдовать всю полноту великаго Цусимскаго грѣха нашей бюрократіи, имѣвшаго своимъ неизгладимымъ послѣдствіемъ невиданное дотошъ наше морское пораженіе и величайшій позоръ для Россіи.

Нельзя пройти молчаніемъ также и того, какъ зафрахтовывались министерствомъ пароходы подъ грузы для эскадръ Рождественскаго и Небогатава. Ко 2-му изданію книги удалось получить фактическія данныя и по этому вопросу. Такихъ пароходовъ было четыре—„Корея“, „Германъ Лерхе“, „Курунія“, „Ливонія“. Въ контрактахъ, совершенно одинаковыхъ для всѣхъ этихъ пароходовъ, подробно было высчитано, сколько изъ суточной платы, доходящей до 1000 р. безъ угля, причитается компаніи, облагодѣтельствовавшей министерство, въ видѣ процентовъ, сколько въ видѣ жалованья служащимъ, сколько на погашеніе и т. п.; но зато въ контрактахъ ничего не было оговорено насчетъ естественнаго износа частей механизмовъ и довольно глухо было сказано, что казна должна сдать суда въ исправности и въ томъ видѣ, какъ она ихъ приняла... А въ какомъ видѣ она ихъ приняла, объ этомъ не оказалось при контрактахъ никакихъ актовъ. Зачѣмъ беспокоить себя такими мелочами?.. Но вотъ наступилъ и день возврата пароходовъ „благодѣтелямъ“. Казалось бы, разъ казна платитъ погашеніе стоимости пароходовъ, она не обязана платить еще особо за естественный сносъ частей у механизмовъ, а должна оплатить ремонтъ только тѣхъ поврежденных, которыя произошли отъ специальныхъ условій этого плаванья. Тѣмъ не менѣе, опираясь на то, что суда должны быть возвращены въ исправности, былъ потребованъ полный ремонтъ этихъ пароходовъ. Капитанъ „Кореи“ требовалъ даже замѣны двухъ якорныхъ канатовъ новыми стоимостью около 5000 р. на томъ основаніи, что „можетъ быть, они въ неисправно-

сти"... Общая сумма претензій отъ всѣхъ четырехъ пароходовъ оказалась свыше 200.000 рублей. Всѣ работы, конечно, расцѣнивались по цѣнамъ портовымъ, которыя невѣроятно высоки. Словомъ, и здѣсь разыгрались аппетиты, съ избыткомъ, казалось бы, удовлетворенные въ походѣ. Министръ передалъ все дѣло объ этихъ претензіяхъ на разсмотрѣніе особой комиссіи. Пока она, не торопясь, разбирала это „дѣло“, всѣ четыре парохода, стоявшіе въ Либавѣ, исправно получали свои суточные... Большинствомъ голосовъ комиссія поддерживала претензіи „благодѣтелей“, но министръ Бирилевъ не согласился съ ея рѣшеніемъ. Тогда компанія пошла на сдѣлку и очень быстро помирилась приблизительно на половинѣ своихъ претензій“...

Нельзя не пожалѣть также, что сенсаціонная исторія продовольственной фирмы Лидваль съ товарищемъ министра Гурко, приковавъ къ себѣ все вниманіе печати и общества осенью 1906 г., совершенно заслонила собою одно важное дѣло, касавшееся полученія бывшимъ поставщикомъ военнаго и морского министерства во время войны Гинзбургомъ 1½ милл. рублей отъ морскаго министерства въ счетъ слѣдующихъ ему еще 3½ милл. рублей. „Противъ этой выдачи энергично высказался государственный контролеръ Шванебахъ, находя, что не только Гинзбургу не слѣдуетъ производить никакой уплаты по предъявленной имъ претензіи въ 5 милл. рублей, но еще слѣдуетъ потребовать отъ него отчета въ выданныхъ ему морскимъ министерствомъ авансахъ, такъ какъ при ревизіи въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ Шванебаха представленныя Гинзбургомъ оправдательныя документы въ израсходованіи авансовыхъ денегъ возбудили подозрѣніе ³³⁾ членовъ комиссіи изъ числа чиновъ государственнаго контроля. Къ тому же и подписи на документахъ носили слѣды свѣжихъ чернилъ. Между тѣмъ члены комиссіи отъ морскаго министерства настаивали на немедленной уплатѣ Гинзбургу всей суммы претензіи, т.-е. всѣхъ 5-ти милл. рублей. Въ виду же разногласія со Шванебахомъ, категорически отказавшимся дать согласіе на полный расчетъ съ Гинзбургомъ, въ августѣ была образована вторая комиссія подъ предсѣдательствомъ сенатора Череванскаго, которая, несмотря на неточность документовъ и на другіе многоразличные дефекты счетовъ Гинзбурга ³³⁾, разрѣшила выдать ему въ счетъ его требованій авансомъ пока 1½ милл. рублей. И вотъ тутъ-то проявилась небывалая на практикѣ поспѣшность въ уплатѣ Гинзбургу 1½ милл. рублей со стороны высшихъ чиновъ отдѣла заготовленій. Такъ, въ самый же день подписанія рѣшенія комиссіи о выдачѣ этого аванса былъ изготовленъ талонъ и отослана ассигновка въ казначейство, и Гинзбургъ успѣлъ получить деньги въ день подписанія рѣшенія. Подобная поспѣшность изготовленія и полученія въ одинъ день ассигновки и денегъ при существующихъ неизбѣжныхъ формальностяхъ представляется для свѣдущихъ людей *необычнымъ* явленіемъ. Въ то же время ни для кого изъ служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ не представлялось тайной, что въ скорѣйшемъ полученіи Гинзбургомъ денегъ были заинтересованы нѣкоторые лица ³³⁾, принадлежащіе къ наличному составу этого вѣдомства“.

Итакъ, несомнѣнно плохи были и посланные нами эскадра, и условія ея снаряженія. Часть нашей вліятельной прессы, наиболѣе освѣдомленной въ морскихъ сферахъ, устами своихъ корреспондентовъ, выдававшихъ себя за специалистовъ въ морскомъ дѣлѣ, тѣмъ не

³³⁾ „Рус. Вѣд.“, 1906, № 285.

менѣ позволяла тогда себѣ успокаивать нашу страну и хвастаться передъ всѣмъ міромъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, приводимыхъ здѣсь дословно:

„Эскадра наша свѣжѣе, новѣе, лучше обученная и имѣетъ прекрасную артиллерію; тогда какъ Японцы, ослабленные боями 28 іюля и 1 августа, имѣющіе такія поврежденія на судахъ, исправитъ которыхъ потребуется полгода и болѣе, почти лишенные орудій крупныхъ калибровъ, должны будутъ избѣгать открытаго боя“ (см. „Нов. Время“, 1904 г., № 10308, отъ 10 ноября).

Во всемъ этомъ не оказалось даже и намека на правду.

Артиллерія, наша и японская, если судить о нихъ по числу орудій, поставленныхъ на судахъ, которыя встрѣтились подъ Цусимой, можетъ быть охарактеризована данными, приведенными въ изданіи „В. К. А. М., Морскіе Флоты“, 1906, на стр. 71 приложения:

Калибръ	12	10	9	8	6 дюймовъ
у Японцевъ	16	1	—	30	179 орудій
у Русскихъ	26	15	4	8	91 „

По числу большихъ и дальнобойныхъ орудій *перевѣсъ въ артиллеріи былъ*, какъ видно изъ этихъ данныхъ, *на нашей сторонѣ*. Но въ бою главную роль играютъ:

- 1) качества орудій и снарядовъ,
- 2) установка орудій на корабляхъ,
- 3) умѣнье использовать орудія для той цѣли, для которой они предназначены.

Тутъ мы пасовали во всемъ.

Новой артиллеріей русской военной флотъ началъ обзаводиться съ 1894 г. У старыхъ пушекъ, которыя передъ войною такъ и не успѣли перемѣнить на „Николай I-мъ“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“, длина канала была въ 30 и 35 калибровъ; и орудіе дѣлало одинъ выстрѣлъ въ 1½—2 минуты. У новыхъ орудій длина канала была въ 40—45 калибровъ; скорострѣльность пушки была весьма значительно увеличена, живая сила снаряда также.

Но артиллерійское дѣло—живое дѣло, прогрессирующее необыкновенно быстро. За развитіемъ этого дѣла за границей надо было очень зорко слѣдить и не отставать.

Артиллерійскій же отдѣлъ при Техническомъ Комитетѣ Морского Вѣдомства у насъ все время „запаздывалъ“⁴¹⁾ съ введеніемъ тѣхъ усовершенствованій въ артиллерію, которыя въ западныхъ государствахъ давно вошли уже въ жизнь“.

Мы никакъ не могли справиться съ „перегрузкой“ броненосцевъ, поэтому у насъ все стремились выработать болѣе легкій типъ пушекъ, но получили изъ-за этого типъ болѣе слабый⁴²⁾, чѣмъ у Англичанъ и Японцевъ, дающій на большихъ разстояніяхъ сравнительно малую пробивную силу.

Утромъ 2-го апрѣля 1904 г. въ виду П.-Артура появился весь японскій флотъ. Начался обстрѣлъ нашихъ судовъ, расположенныхъ на внутреннемъ рейдѣ. Отвѣчали и наши суда изъ своихъ 12-дюйм. орудій. Во время этой стрѣльбы на броненосцѣ „Севастополь“ при первомъ же выстрѣлѣ изъ 12-дюйм. орудія носовой башни сломалась станина у этого орудія, и оно совершенно вышло изъ строя до кон-

⁴¹⁾ „Нов. Вр.“, 1905, № 10.519, статья Кладо.

⁴²⁾ Изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, стр. 57.

ца войны, т. к. въ Артурѣ не было возможности ни починить станину, ни получить ее изъ СПб. (см. „Морск. Сборн.“, 1906, № 8, стран. 10).

Всѣхъ снарядовъ до 1892 года у насъ было много больше, чѣмъ у Японцевъ, а затѣмъ въ послѣдніе годы подъ шумокъ мы его уменьшили и въ войну 1904—5 г. имѣли его много меньше, чѣмъ у Японцевъ ⁵⁶⁾.

Калибръ орудій.	Всѣхъ русскихъ снарядовъ:		Всѣхъ японскихъ снарядовъ 1904 г.
	до 1892 г.	на войнѣ 1904 г.	
12 д.	1004 анг. фнт.	736 анг. фнт.	850 анг. фнт.
8 д.	204 „	195 „	250 „
6 д.	123 „	92 „	100 „

Любопытно, какимъ образомъ, помимо экономіи, объясняется теперь это уменьшеніе всѣхъ нашихъ снарядовъ:

Мы имѣли легкіе снаряды въ войну 1904 г. потому, что ожидали ⁵⁷⁾ боя на разстояніи до 30 кабельт. (до 5 в.)⁵⁸⁾. Но странно было этого ожидать; разстояніе для боя можетъ выбирать только тотъ, у кого есть преимущества и въ скорости хода кораблей, и въ умѣньи владѣть орудіями, а у насъ не было ни того, ни другого, и не было никакихъ основаній разсчитывать на превосходство во всемъ этомъ и въ будущемъ. Это объясненіе отчасти напоминаетъ собою образецъ нашихъ строительныхъ распоряженій въ П.-Артурѣ, при проектированіи фортовъ (см. главу II-ю).

Начиная съ 1892 г., въ артиллерійскія заготовки была внесена у насъ *принципіальная ошибка* ⁵⁹⁾: „Предполагалось, что кораблямъ безполезно будетъ тратить свои снаряды для стрѣльбы съ большихъ разстояній, такъ какъ, все равно съ этихъ разстояній брони пробить было нельзя, машины и котлы пробить нельзя, башенъ пробить нельзя и т. д. Если бы до войны 1904 г. были высказаны предположенія о гибели кораблей отъ артиллерійскаго огня съ цѣлою броней, цѣлыми машинами и котлами, никто бы этому не повѣрилъ... Но война, этотъ ужасный экзаменъ, показала, что корабли тонутъ и безъ пробитія брони, тонутъ отъ надводныхъ пробоинъ, если эти пробоины достаточныхъ размѣровъ“...

Въ бою 28 іюля 1904 г. съ разстоянія 30—35 кабельт. (до 6 в.) Японцы своими 12-дюймовыми орудіями могли пробивать броню въ 8½ д., а самыми новѣйшими орудіями, даже 9½ д. ⁵⁹⁾, тогда какъ наши пушки при тѣхъ же условіяхъ могли бы пробивать броню не толще 8 д.

Въ дальнѣйности наши пушки также уступаютъ англійскимъ и японскимъ (теоретически въ отношеніи 8:9 и даже 7:8, а практи-

⁵⁶⁾ „Морск. Сб.“, 1906, № 7, стр. 126.

⁵⁷⁾ Тамъ же, 1906, № 7, стр. 128.

⁵⁸⁾ Тамъ же, 1906, № 7, стр. 129, статья полк. Меллера.

⁵⁹⁾ Броненосецъ „Побѣда“ получилъ пробоину въ его 9-дюймовой бронѣ съ разстоянія 30—32 кабельт.

чески—много болѣе). Подъ Артуромъ Японцы изъ большихъ орудій насъ громили иногда съ разстоянія 80—95 кабельт. (ок. 14—16 в.), ничѣмъ не рискуя сами, т. к. у насъ въ началѣ войны прицѣлы были разбиты для полученія радіуса дѣйствія никакъ не болѣе 65 кабельт. (11 в.); но и на такія разстоянія мы никогда еще и не пробовали стрѣлять...

Дальномѣры лучшей конструкціи *Barr & Stround* существовали уже лѣтъ восемь, а мы начали ими обзаводиться только въ началѣ войны. На японскихъ броненосцахъ въ бою 14 мая ихъ было штукъ по 12—13, а у насъ по 2—3. На отрядъ Небогатова ихъ сдали прямо въ закупоренныхъ ящикахъ ⁶⁰⁾, не проверенными...

На судѣ по дѣлу Небогатова въ ноябрѣ 1906 г. свидѣтельскими показаніями было выяснено, что на „*Николай*“ дальномѣровъ было три, одинъ хуже другого. Обращаться съ ними никто не умѣлъ. Лейтенанты и мичманы начали знакомиться съ однимъ изъ нихъ на Варшавскомъ вокзалѣ передъ отходомъ поѣзда, увозившаго моряковъ изъ СПб., бесѣдуя съ изобрѣтателемъ... Прицѣлы другой системы оказались на дѣлѣ такими, что послѣ первыхъ же выстрѣловъ въ бою наводчики просили разрѣшенія сбить ихъ топорами; и когда это было сдѣлано, наводка на глазъ оказалась вѣрнѣе, чѣмъ по прицѣлу... („*Нов. Время*“, 1906 г., № 11029).

Въ концѣ концовъ пользоваться дальномѣрами наши боевыя суда не научились. Доказательствомъ тому можетъ служить приказъ Рождественскаго, изданный имъ незадолго передъ боемъ. Адмиралъ отдалъ боевымъ судамъ распоряженіе—опредѣлить скорость хода крейсера „*Уралъ*“ между 11 и 12 часами дня, а крейсеръ въ это время долженъ былъ идти строго однимъ курсомъ. Въ поученіе всей эскадры результаты наблюденій были опубликованы адмираломъ. Крейсеръ шелъ со скоростью въ 10 узловъ, но оказались наблюдатели, которые опредѣлили ее въ 17 узловъ, а другіе, наоборотъ, показали ее только въ 8 узловъ... (Сообщено нашими товарищами ко 2-му изданію книги).

Поэтому мы стрѣляли, такъ сказать, больше на вѣтеръ, напрасно и безрезультатно только разбрасывая снаряды. Да иначе и быть не могло. Вотъ что, напр., пишетъ по этому поводу А. Затертый, бывшій матросъ:

„На броненосцѣ „*Орель*“ имѣлось всего только два барструда (дальномѣра); изъ нихъ одинъ находился въ боевой рубкѣ, а другой—на заднемъ мостикѣ. Первый изъ нихъ еще въ началѣ боя былъ разбитъ вдребезги; а второй остался невредимъ, да пользоваться имъ было некому, всѣ дальномѣрщики были ранены. Его можно было бы использовать, перенеся въ боевую рубку, но старшій артиллеристъ не позволилъ этого сдѣлать, говоря, что „его надо поберечь на завтра“... Такъ и сдѣлали, поберегли... Разстояніе начали опредѣлять на глазъ. Но этимъ ничуть не помогали наводчикамъ, а скорѣе мѣшали; не давали имъ пристрѣляться самимъ. Еще до боя было объявлено, что всей артиллеріей будутъ командовать изъ боевой рубки по циферблатамъ. Такіе электрическіе приборы находились въ каждой башнѣ, во всѣхъ казематахъ и въ батарейной палубѣ. Посредствомъ стрѣлокъ, эти приборы могли давать различные сигналы; напр., они сообщали о начатіи или прекращеніи стрѣльбы; они указывали номеръ неприятельскаго корабля, въ который надо было стрѣлять; они

⁶⁰⁾ „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.744.

отмѣчали разстояніе до этого корабля и родъ снарядовъ, которые надо было употребить въ дѣло. При нашей практической стрѣльбѣ, командуя артиллеріей, всегда пользовались этими приборами; и къ нимъ достаточно всѣ привыкли. Но во время сраженія съ самаго же начала почему-то вовсе не пользовались этими приборами. Ихъ замѣнили переговорными трубами. Но передача сигналовъ по этимъ трубамъ была сопряжена съ большими затрудненіями и неудобствами. Да это такъ и должно было быть: старшій артиллеристъ отдавалъ приказаніе; но оно однако же шло не прямо по назначенію, а проходило сначала черезъ три промежуточныхъ лица, стоявшихъ на передачахъ въ разныхъ мѣстахъ корабля; отсюда происходила значительная потеря времени при отдачѣ и приѣмкѣ приказаній, а быстроходный непріятель не ждалъ насъ и быстро утекалъ, или столь же быстро приближался къ намъ; а главное, при этой сложной передачѣ, особенно же во время усиленной стрѣльбы, когда безпрерывно грохотала наша артиллерія, когда поднимался крикъ при тушеніи пожаровъ, сигналы доходили до мѣста своего назначенія не только запоздалыми, но часто искаженными, превратно понятыми; а то и вовсе ничего нельзя было разобрать. Вотъ и образчикъ переговоровъ:

— Стрѣлять по непріятельскому судну типа „Аврора“!—отдается приказаніе.

— Въ „Аврору“?—переспрашиваютъ изъ башни.

— Типа „Аврора“!...

— Да зачѣмъ же въ „Аврору“, коли это нашъ корабль?—опять недоумѣваютъ въ башнѣ.

— Болваны! Слушайте ухомъ, а не...

А непріятельское судно типа „Авроры“ во время этихъ дѣловыхъ переговоровъ успѣвало уйти изъ-подъ выстрѣла. Въ плѣну нашимъ потомъ рассказывали, что японскіе офицеры, глядя на отвѣтные наши выстрѣлы, не разъ говаривали съ ироніей: „Нашъ противникъ, вѣроятно, изволить шутить! А когда же онъ начнетъ по настоящему драться?..“ Но они этого такъ и не дождались. Пользованіе единственнымъ уцѣлѣвшимъ дальномѣромъ мы все откладывали на „завтра...“ А „завтра“, т.-е. 15 мая 1905 г., и вовсе не пришлось использовать дальномѣра: сдавались безъ боя...

Началась уже война, а оптическихъ прицѣловъ для стрѣльбы въ такую цѣль, которой нельзя разсмотрѣть простымъ глазомъ, у насъ не было ни одного. Едва успѣли снарядить ими эскадру Рожественскаго; выручили Нѣмцы... Отверстія въ башенныхъ крышкахъ для постановки этихъ прицѣловъ однако все еще не существовали даже и при выходѣ эскадры изъ Либавы⁶¹⁾. „Ковыряла“ эти отверстія въ походѣ вплоть до испанскихъ береговъ судовая машинная команда...

Установки оптическихъ прицѣловъ передъ выходомъ эскадры въ походъ не всѣ были провѣрены у насъ на полигонахъ,—не успѣли (!) этого сдѣлать. Въ рукахъ людей, не умѣющихъ осторожно обращаться съ этими деликатными приборами, прицѣлы не рѣдко портились. При уходѣ эскадры изъ Кронштадта ни офицеры, ни комендоры не были практически знакомы съ употребленіемъ оптическихъ прицѣловъ при дальнобойныхъ орудіяхъ⁶²⁾.

⁶¹⁾ „Нов. Вр.“, 1905, № 10.519.

⁶²⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 230.

Въ пути почти ежедневно шли упражненія въ наводкѣ орудій съ этими прицѣлами; для практической же стрѣльбы представилось въ пути только два случая (въ бухтѣ Нози-бей на Мадагаскарѣ): стрѣляли въ пловучіе щиты на разстояніи 20—30 кабельтовъ при скорости хода въ 10 узловъ. Результатъ стрѣльбы оказался очень плохой: *все щиты остались не тронутыми* ⁶³⁾...

Во время одного изъ этихъ морскихъ ученій снарядъ, пущенный съ флагманскаго корабля „Суворовъ“, угодилъ въ крейсеръ „Дмитрій Донской“; снарядъ ударилъ въ мостикъ, испортилъ его, ранилъ челобѣкъ 10 и полетѣлъ дальше ⁶⁴⁾...

„Суворову“ вообще сильно не везло. При встрѣчѣ нашей эскадры возлѣ Гуллы съ флотиліей англійскихъ рыбаковъ, флагманскій корабль первый открылъ по нимъ огонь, но разстрѣлялъ не только ихъ, а и нашъ крейсеръ „Аврору“; этому крейсеру изрѣштели бортъ и трубы, смертельно ранили на немъ священника, контузили одного комендора, и сдѣлали крейсеру 4 подводныхъ пробоины 6-дюймовыми снарядами ⁶⁵⁾...

О нашихъ оптическихъ прицѣлахъ въ бою одинъ изъ товарищей получилъ слѣдующія свѣдѣнія отъ комендоровъ:

„Установка прицѣловъ была закончена окончательно въ плаваніи; при повѣркахъ установки, сдѣланной въ Россіи, оказывались порядочныя уклоненія. Пользоваться прицѣлами въ бою приходилось очень мало: послѣ первыхъ же выстрѣловъ стекла оказывались покрытыми копотью, брызгами воды. Благодаря этому прицѣлы дѣлались бесполезными ⁶⁶⁾; и все время боя стрѣляли такимъ образомъ безъ оптическихъ прицѣловъ“...

„Русскіе плѣнные офицеры старались разузнать, въ какомъ положеніи было это дѣло на японскихъ корабляхъ, и однажды спросили японскаго морского штабъ-офицера, бывшаго въ бою 14 мая,—не оптическимъ ли прицѣламъ обязаны Японцы мѣткостью своей стрѣльбы; но тотъ уклончиво засмѣялся и только похлопалъ себя по правому глазу. Отрицалъ ли онъ употребленіе у нихъ оптическихъ прицѣловъ, или же хотѣлъ дать понять, что и при этихъ прицѣлахъ главнымъ остается все-таки сноровка и вѣрный глазомѣръ,—сказать трудно“.

„Съ разстоянія въ 40—50 кабельт. (до 8,5 верстъ) Японцы не только свободно попадали въ корабль, но попадали въ самыя жизненные его части, заклинивали башни, руль, пробивали и валили мачты, трубы. Они вообще привыкли стрѣлять на большихъ дистанціяхъ. Разстояніе между эскадрами въ бою 14 мая не было меньше 30—22 кабельт. (5—3,5 в.), но оно увеличивалось иногда до 50—60 кабельт. (8,5—10 в.); тѣмъ не менѣе воздѣйствіе на насъ непріятельскаго огня ничуть не ослабѣвало даже и въ этомъ случаѣ; а 15 мая подъ вечеръ

⁶³⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стран. 230.

⁶⁴⁾ Политовскій, стр. 118, 119, а также письмо А. М. Плѣшкова.

⁶⁵⁾ Политовскій, стр. 11. Показавшись на горизонтѣ въ сторонѣ отъ главнаго отряда нашей эскадры, „Аврора“ навела свой прожекторъ на „Суворова“ и тоже готова была въ него стрѣлять (стр. 44), но во время спохватилась.

⁶⁶⁾ Можетъ быть, въ этомъ бою среди тумана и дыма отъ нашихъ пожаровъ, и Японцы полагались на прицѣлы только отчасти. Капитанъ де-Ливронъ въ „Нов. Времени“ (1905, № 10.588) писалъ по этому поводу слѣдующее: „пристрѣлявшись къ разстоянію, Японцы, не теряя времени, начинали громить наши головные корабли настоящимъ градомъ снарядовъ, такъ что вода вокругъ насъ буквально кипѣла. А наша стрѣльба была вялая“...

два японских крейсера свободно разстрѣляли нашъ старый броненосецъ „Ушаковъ“ съ разстоянія 70—80 кабельт. (около 13 верстъ) и пустили его ко дну... Наши комендоры въ артиллерійскихъ отрядахъ учились стрѣлять на 10—12—16 кабельт. (2—3 в.) Одинъ офицеръ, плававшій въ артиллерійскомъ отрядѣ въ 1904 г., утверждалъ, что они *однажды стрѣляли на 22 кабельт. (4 в.)*; но другіе офицеры, плававшіе въ томъ же самомъ артиллерійскомъ отрядѣ, чистосердечно сознавались, что *отрядъ никогда не стрѣлялъ еще на 22 кабельтовыхъ...* А это было уже тогда, когда Японцы „выучили“ нашу Артурскую эскадру стрѣлять на 60 кабельтовыхъ (10,5 в.); но это „ученье“ для насъ, какъ видится, прошло совершенно даромъ. Это платились тогда своей головой, вѣдь, въ другой русской эскадрѣ, не въ нашей“...

Затѣмъ наша Балт.-Цусимская эскадра вообще весьма немного *училась маневрированію и стрѣльбѣ на большомъ ходу („Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 229).* А въ этомъ—вся суть дѣла въ бою; и противникъ, который прекрасно умѣлъ это дѣлать, сразу получилъ надъ нами большія преимущества. Мы не занимались этимъ въ походѣ, чтобы не разрабатывать паровыхъ машинъ и дальнобойныхъ орудій, чтобы не тратить угля и не тратить боевыхъ снарядовъ, такъ какъ достаточно запаса ихъ на это не было и *выдано въ Кронштадтъ.*

Времени для обученія стрѣльбѣ на стоянкахъ было цѣлыхъ три съ половиною мѣсяца, но имъ толково не воспользовались, и наша команда въ концѣ-концовъ оказалась очень небрежно обученной стрѣльбѣ („Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 225).

Въ результатъ отъ всего этого вышло вотъ что: на бумагѣ у Японцевъ въ бою было всего только 16 штукъ 12-дюймовыхъ орудій противъ 26 штукъ у Русскихъ; но въ дѣйствительности, вслѣдствіе мѣткости ихъ стрѣльбы, практическаго умѣнья быстро пристрѣливаться съ дальнихъ разстояній, съ которыхъ мы совсѣмъ никогда не учились стрѣлять, это отношеніе вмѣсто 16:26 обратилось въ 64:26 („Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 226), такъ какъ попаданіе у нихъ было въ 3—4 раза лучше, чѣмъ у насъ. Примѣрно такое же отношеніе попаданій выстрѣловъ оказалось и для болѣе легкой артиллеріи (*тамъ же, стр. 226).*

А если принять во вниманіе *удвоенную быстроту заряжанія японскихъ большихъ орудій противъ нашихъ,* то это отношеніе могло обратиться уже въ 128:26, т.-е. почти въ пять. Итакъ, на судахъ нашей эскадры мы имѣли тяжелыхъ орудій на 60% больше, чѣмъ Японцы, а изъ-за ихъ несовершенства и неумѣнья владѣть ими, какъ слѣдуетъ, *наши главныя боевыя силы были почти въ 5 разъ слабѣ японскихъ.* Но и это было бы въ томъ только случаѣ, если бы Японцы совсѣмъ не выводили нашей прислуги при орудіяхъ изъ строя; а объ этомъ благоприятномъ случаѣ въ бою намъ даже и помечтать не пришлось: ихъ снаряды въ самомъ началѣ боя прилетали къ намъ „съ промежутками менѣе одной секунды“ („Морск. Сборн.“, № 9, стр. 215) и обрушивались прежде всего на орудія и команду при нихъ.

„Послѣ капитуляціи П.-Артура, въ ожиданіи нашей Балт.-Цусимской эскадры, Японцы начали готовиться къ ея встрѣчѣ⁶⁷⁾; каждый японскій комендоръ выпустилъ изъ своего орудія при стрѣльбѣ въ цѣль пять боевыхъ комплектовъ снарядовъ (около 300 штукъ). Затѣмъ износившіяся пушки были всѣ замѣнены новыми“.

⁶⁷⁾ Брошюра капитана Вл. Семенова—Цусимскій бой, стран. 45.

„Наши же комендоры на новыхъ броненосцахъ почти совсѣмъ не стрѣляли изъ своихъ орудій, если не считать ночныхъ событій возлѣ Гуллы. На стоянкѣ же у Мадагаскара было выпущено только по три боевыхъ снаряда ⁶⁸⁾ на орудіе“... При этомъ были попорчены установки крупныхъ орудій; все это потомъ спѣшно пришлось чинить на „Камчаткѣ“.

Затѣмъ слѣдуетъ подчеркнуть, что на нѣкоторыхъ старыхъ броненосцахъ поставили у насъ новыя орудія, а размѣры портовъ для нихъ не увеличили настолько, чтобы можно было использовать всю дальнѣйшую новаго орудія ⁶⁹⁾. Благодаря этому, при большихъ дистанціяхъ и новыми орудіями на выстрѣлъ непріятеля мы не могли отвѣчать...

Въ устройствѣ боевыхъ рубокъ и башенныхъ установокъ оказался у насъ на новыхъ броненосцахъ цѣлый рядъ недосмотровъ въ такъ называемыхъ „мелочахъ“, порождающихъ весьма серьезныя послѣдствія ⁷⁰⁾. Полупортики 3-дюймовыхъ орудій оказались слабы, задраивались со щелями до полдюйма; и въ эти прорѣзы, расположенныя близъ ватерлиніи, свободно захлестывалась вода еще за долго до полученія кораблемъ непріятельскихъ пробоинъ. Башенныя стойки 12-и 6-дюймовыхъ батарей были поставлены такъ близко къ борту, что, при ударѣ снаряда въ бортъ и его отгибѣ внутрь, башня неминуемо должна была выходить изъ строя. Въ боевыхъ рубкахъ у насъ было не безопасно отъ осколковъ японскихъ снарядовъ и т. д.

„На флагманскій броненосецъ „Николай I-й“ въ отрядѣ Небогатова была принята настолько плохая по своимъ качествамъ кожа для гидравлическихъ установокъ орудій, что съ нею совсѣмъ нельзя было добиться герметичности въ соединеніяхъ ⁷¹⁾; съ нею весь походъ бились, но... кое-какъ работали; въ бою 14-го мая „Никола-Угодникъ помогъ“, гидравлическія установки текли, но сносно, и работать было можно; ночью надѣялись привести ихъ въ порядокъ, да сдѣлать съ ними ничего не удалось, все ждали нападеній; а утромъ 15-го мая все потекло, но въ виду непріятеля мѣнять кожаныя набивки было уже поздно“...

ЯПОНСКІЕ СНАРЯДЫ И НАШИ. Въ снарядномъ дѣлѣ мы и вовсе отстали отъ Японцевъ. Да и само по себѣ это дѣло было поставлено у насъ совершенно неправильно. Разрывнымъ, фугаснымъ дѣйствіемъ снаряда у насъ пренебрегали, о примѣненіи сильно взрывчатыхъ веществъ не позаботились: „наводили экономію“ въ стоимости снарядовъ, и требуемаго запаса ихъ не имѣли. Завели броненосцы по 11¹/₂ миллионѣвъ рублей штука, но вздумали обойтись на нихъ снарядами почти бутафорскими: взрывчатого вещества — поменьше, оболочка — подешевле.

⁶⁸⁾ Эта цифра взята мною изъ письма одного изъ нашихъ товарищей-техниковъ. Въ американскомъ флотѣ считается нужнымъ, чтобы каждый изъ комендоровъ при обученіи его сдѣлалъ 60—70 выстрѣловъ изъ крупныхъ орудій. Обученіе происходитъ не передъ боемъ, не въ походномъ плаваніи, а въ родныхъ водахъ, на свободѣ. П. X.

⁶⁹⁾ „Scientific Amer Suppl.“, 1906, august 18; а также „Нов. Вр.“, 1906, № 10.744, исповѣдь Небогатова.

⁷⁰⁾ Изъ писемъ кораб. инж. Политовскаго. „Нов. Вр.“, 1906, № 10.726.

⁷¹⁾ Эти фактическія данныя со словъ офицеровъ-очевидцевъ были сообщены мнѣ нашими товарищами для 2-го изданія книги.

Количество взрывчатого вещества, затраченного на изготовленіе снаряда, въ процентахъ отъ вѣса снаряда выражается слѣдующими цифрами:

Снаряды.	Бронебойныя:		Фугасныя:	
	12-д.	6-д.	12-д.	6-д.
Русскіе . . .	1%	2%	2%	3,4%
Англійскіе .	5 "	5,5 "	9,5 "	9,5—13 "

Только до 1887 г. оболочка снарядовъ дѣлалась у насъ изъ вальцованной стали высокихъ качествъ, а затѣмъ съ 1891 г., ради дешевизны ⁷²⁾, мы перешли къ литымъ толстостѣннымъ снарядамъ. Но такъ какъ при этомъ въ нашихъ такъ называемыхъ фугасныхъ снарядахъ взрывчатого вещества было меньше, чѣмъ въ англійскихъ бронебойныхъ, то, слѣд., надо заключить, что у нашей Балт.-Цусимской эскадры совсѣмъ не было настоящихъ фугасныхъ снарядовъ, а было... только одно ихъ названіе въ рапортахъ и отчетахъ.

Въ старыхъ снарядахъ (до 1887 г.) и у насъ количество взрывчатого вещества достигало 8% отъ вѣса снаряда; а когда перешли къ „новымъ“ снарядамъ, т.-е. литымъ, въ эту тайну уменьшенія ихъ взрывной силы не посвятили нашихъ офицеровъ, и „новыми“ снарядами не стрѣляли даже и въ артиллерійскомъ отрядѣ ⁷³⁾. Поэтому съ разницей въ дѣйствіи нашихъ „новыхъ“ снарядовъ и японскихъ вся наша эскадра начала знакомиться только во время самого боя.

Послѣ боя создавалась даже легенда, что Японцы изобрѣли противъ насъ что-то такое еще болѣе новое. Вся новостъ, однако, была только въ составѣ начинки, количествѣ ея, а также и въ томъ, что мы пошли назадъ въ снарядномъ дѣлѣ, а они впередъ... Снарядовъ съ пироксилиномъ ни у кого не осталось: во Франціи давно уже перешли на мелинитъ, Англія употребляетъ лиддитъ, Японія—шимозу, а мы такъ и заплѣсневѣли на пироксилинѣ, да еще „съ экономіей“...

При разборѣ дѣла Небогатова на судѣ, лейтенантъ Бѣлавенцъ съ броненосца „Сенявинъ“ показывалъ, что однажды въ пути на броненосецъ доставили ящики съ надписью „фугасные снаряды“. Но потомъ оказалось, что это были чугунные снаряды, начиненные пескомъ, т.-е. учебные... Десяти-дюймовые снаряды имъ потомъ перемѣнили (!), а другіе такъ и остались; съ ними пошли и въ бой... (*Нов. Время*“, 1906 г., № 11.035).

Въ дополненіе къ этому одинъ изъ нашихъ товарищей передалъ мнѣ слѣдующій фактъ: незадолго до отправки эскадры Небогатова одинъ изъ нашихъ гг. адмираловъ, командиръ порта, снаряжавшаго и отпускаяшаго на войну отдѣльные отряды нашихъ эскадръ, под-

⁷²⁾ Изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, стр. 63.

⁷³⁾ Тамъ же, стр. 65.

нялъ свой флагъ на одной изъ „калошъ“ Небогатовскаго отряда и началъ получать установленное „морское довольствіе“, живя на берегу. При первомъ же посѣщеніи корабля, проходя мимо сложенныхъ снарядовъ, адмиралъ вздумалъ обратить на нихъ свое вниманіе и жестоко „нарвался“; по внѣшнему виду онъ не могъ отличить нашихъ снарядовъ фугасныхъ отъ лежавшихъ передъ нимъ нефугасныхъ. Когда обратили на это его вниманіе, онъ не хотѣлъ сознаться и только все повторялъ: „Нѣтъ, это—недоразумѣніе!..“ У слушателей же осталось такое впечатлѣніе: все „недоразумѣніе“ въ томъ только, что подобные люди могли находиться во главѣ дѣла по снаряженію нашей эскадры...

По свидѣтельству Небогатова, нашихъ снарядовъ взрывалось не болѣе 25%, при ударѣ они не зажигали иногда даже и сухого дерева, и газы давали безвредные; тогда какъ отъ японской шимозы у насъ былъ случай удушья двухъ врачей на „Сисотъ“...

Невзрываемость снарядовъ оправдываютъ тѣмъ, что во время плаванія подъ тропиками взрывчатый составъ якобы испортился, разложился ⁷⁴⁾. Въ тропическую атмосферу они попали изъ Кронштадта; оттуда при сильномъ морозѣ по льду ихъ везли въ Ораніенбаумъ, грузили здѣсь въ вагоны и доставляли въ Либаву; а тамъ они до осени лежали на платформѣ непокрытыми ⁷⁵⁾, пока не подошла очередь ихъ погрузки на корабли...

Когда пришло время отпускать эскадру въ походъ,—а случилось это послѣ восьми мѣсяцевъ подготовки къ этому, у насъ *оказался (!) недостаточнымъ запасъ снарядовъ*; противъ положенной нормы, и на ученіе и на всѣ случайности, вродѣ Гульеской, былъ выданъ излишекъ не болѣе 20%. Съ такимъ запасомъ эскадра практиковаться въ стрѣльбѣ не могла. Рѣшили все-таки отправить эскадру въ походъ и ждать подвоза снарядовъ въ пути. Въ догонку за эскадрою былъ посланъ транспортъ со снарядами. Для этого былъ зафрахтованъ англійскій (!) пароходъ „*Carlisle*“. А дальше, началась обычная во время этой войны комедія съ англійскими транспортами. Ждали его у Мадагаскара,—не пришелъ; ждали въ Камранской бухтѣ, и туда не пришелъ. Пройдя Малаккскій проливъ, англійскій пароходъ... сбился съ пути и вмѣсто Камрана попалъ въ Манилу. Японскіе агенты ему тамъ сдѣлали демонстрацію и объявили, что, если только онъ выйдетъ изъ порта, онъ будетъ взорванъ... Тогда онъ остался спокойно стоять въ портѣ, а вся эта комедія имѣла для насъ весьма трагическій конецъ: *русская эскадра пошла въ бой безъ достаточнаго запаса снарядовъ*. Плохіе снаряды и тѣ надо было экономить въ бою, испытывая на себѣ частый градъ японскихъ снарядовъ...

Такимъ образомъ, корень зла лежалъ у насъ не только въ *дурной стрѣльбѣ*, не только въ *отсутствіи попаданій*, но также и въ *дурномъ качествѣ снарядовъ и въ ихъ недостаткѣ*.

Только уже по окончаніи войны со снарядами были сдѣланы

и т.

⁷⁴⁾ „*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9, стр. 215. Несомнѣнно, что въ большой зависимости отъ плохихъ качествъ нашихъ снарядовъ были и тѣ сравнительно небольшія потери въ людяхъ, которые оказались у Японцевъ подъ Цусимой. Они потеряли тамъ: убитыми—90, смертельно ранеными—27, серьезно ранеными—181 и болѣе легко ранеными—401. Изъ всѣхъ потерпѣвшихъ 699 чел. на долю убитыхъ и тяжело раненыхъ приходится около 42% („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 5).

⁷⁵⁾ „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.744.

опыты во Владивостокъ ⁷⁶⁾, чтобы окончательно убѣдиться въ ихъ негодности; ну, конечно, и убѣдились, но... уже не много поздно.

Японская броненосная эскадра въ бою 14 мая 1905 г. стрѣляла фугасными снарядами съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ. Эти снаряды предназначались для быстрого пораженія всѣхъ слабо защищенныхъ частей непріятельскаго корабля, для стрѣльбы по корпусу, для производства большихъ пробоинъ и пожаровъ, для вывода мелкой и крупной артиллеріи, для уничтоженія паровыхъ и гребныхъ шлюпокъ, для порчи трубъ, мачтъ, для пораженія людей на смерть, для воздѣйствія паническимъ страхомъ на видѣвшихъ все это и оставшихся въ живыхъ и т. д. Мѣткость японскихъ комендоровъ и разрывное дѣйствіе японскихъ снарядовъ казались всѣмъ нашимъ участникамъ Цусимскаго сраженія прямо сверхъ-естественными.

Ударники на ихъ снарядахъ были необыкновенно большой чувствительности; поэтому японскіе снаряды *рвались отъ перваго прикосновенія съ чѣмъ-либо, даже и съ водой*; они давали очень много осколковъ и большіе клубы черного, ѣдкаго дыма. Попадая на палубу корабля ихъ снаряды своими осколками крошили все на пути, выводили изъ строя людей, портили намъ приборы. Наши же снаряды имѣли очень тугіе ударники и были слабо начинены пироксилиномъ; когда такіе снаряды пронизывали препятствіе, они дѣлали въ немъ дыру и только затѣмъ уже *иногда* рвались. Между тѣмъ одинъ разрывающійся на кораблѣ снарядъ такого состава, какъ у насъ, производитъ опустошеній и разрушеній больше, чѣмъ 3—4 попадающихъ, но не разрывающихся, снаряда („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9, стр. 225). Это обстоятельство опять въ 3—4 раза должно было бы усиливать качественный коэффициентъ японской артиллеріи; а на дѣлѣ, вслѣдствіе особыхъ качествъ заряда, у японскихъ снарядовъ эта разница оказалась еще больше.

Разрывные японскіе снаряды, выпускаемые 12-дюймовыми орудіями, имѣли около фута въ діаметрѣ и болѣе четырехъ футовъ въ длину. Наши матросы прозвали ихъ „чемоданами“... Такъ вотъ эти самые чемоданы рвались отъ малѣйшей задержки въ ихъ полетѣ; но такъ рвались, что, по словамъ капитана Семенова ⁷⁷⁾, „стальные листы борта и надстроекъ на верхней палубѣ летѣли въ клочья и своими обрывками выбивали людей; желѣзные трапы свертывались въ кольца; неповрежденные 3-дюймовыя пушки по четыре штуки отъ одного удара срывались со станковъ. Зависѣло это разрушительное дѣйствіе, повидимому, не отъ *силы удара* снаряда, а отъ *силы взрыва* его; кромѣ этого, при взрывѣ развивалась необычайно высокая температура и появлялось пламя, которое все заливало и проникало собою. Отъ дѣйствія этого пламени, напр., краска, покрывающая стальной бортъ, моментально загоралась, койки и чемоданы, сложенные въ нѣсколько рядовъ и политые водою, вспыхивали почти мгновенно яркимъ костромъ. Раскаленный воздухъ приходилъ на мѣстѣ взрыва въ такое быстрое колебаніе, что черезъ слой его ничего нельзя было видѣть въ бинокль... Разрывной зарядъ японскихъ снарядовъ былъ начиненъ шимозой, которая при взрывѣ развиваетъ температуру почти въ два раза высшую, чѣмъ пироксилинъ. Въ грубомъ приближеніи можно сказать, что *одинъ* удачно разорвавшійся японскій снарядъ наносилъ

⁷⁶⁾ „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.754.

⁷⁷⁾ См. его брошюру—*Цусимскій бой*, стр. 94, 46, 47, 56, 57.

такое же разрушеніе, какъ *двѣнадцать* нашихъ, тоже удачно разорвавшихся. А вѣдь наши снаряды часто и вовсе не рвались“...

Если считать эту цифру 12 за достовѣрную и принять во вниманіе все то, что было высказано выше относительно качества коэффиціента японской артиллеріи, тогда мы его получимъ теперь уже равнымъ 5×12 , т.-е. 60. Другими словами, въ бою мы имѣли передъ собою противника, артиллерія котораго могла работать въ 60 разъ продуктивнѣе нашей. При совпаденіи всякихъ благоприятныхъ для насъ случайностей, уменьшивъ эту цифру въ 2—3—4 раза, но и тогда на сторонѣ нашего противника все еще остается громадный перевѣсъ, позволявшій ему безъ особаго труда истреблять наши боевые корабли...

Самъ Рожественскій послѣ войны охарактеризовалъ дѣйствіе японскихъ снарядовъ въ нижеслѣдующихъ словахъ ⁷⁸⁾:

„Съ первыхъ же минутъ боя, отъ взрывовъ японскихъ четырехфутовой длины снарядовъ, наши броненосцы потекли... Это дѣйствіе производили не тѣ снаряды, которые попадали въ броню надъ водой, а снаряды, не долетавшіе, тѣ, которые взрывались подъ водой вблизи подводныхъ частей. Такъ же точно текли бы и броненосцы японскіе, если бы у насъ были подобные же снаряды; но наши снаряды имѣли малое разрывное дѣйствіе... Потеки появились у насъ послѣ первыхъ же японскихъ выстрѣловъ, потому что могучими ударами, переданными чрезъ воду, расшатывались заклепки, отворачивались листы, нарушалась непроницаемость расчеканенныхъ швовъ и пазовъ. Нами принимались всѣ, практиковавшіяся въ теченіе восьми мѣсяцевъ перелома, мѣры по задылкѣ пробоинъ, по укрѣпленію подпорами переборокъ, горловинъ, люковъ. Но дальнѣйшее дѣйствіе японскихъ снарядовъ въ концѣ концовъ преодолевало нечеловѣческія усилія, которыя пришлось намъ выказать: наши суда наполнялись водою до той мѣры, при которой они теряли весь свой запасъ плавучести, опрокидывались и тонули“...

Когда японскій снарядъ попадалъ въ тонкую обшивку ($\frac{3}{8}$ — $\frac{3}{4}$ д.), пробоина отъ такого снаряда получалась очень большихъ размѣровъ, гораздо больше площади сѣченія снаряда; и края пробоины получались отогнутыми и свернутыми. Задѣлывать такіа пробоины, обшивая ихъ досками, было очень трудно. Съ другой стороны достаточно было часто небольшой брони, чтобы защищаться отъ снарядовъ, которые выпускались съ большого разстоянія. На кормѣ „Орла“ былъ сдѣланъ казематъ изъ обыкновенной стальной брони въ 3 д. толщиною. Въ бою 14 мая два раза попадали въ него 6-и 8-дюймовые снаряды, и ни одинъ изъ нихъ не пробилъ этой легкой брони ⁷⁹⁾.

„Фугасные снаряды ⁸⁰⁾, которыми Японцы громили нашу эскадру 14 мая, совершенно не пробивали брони“, пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей. „Не только закаленная крупновская броня въ 6—7 дюймовъ, но даже и мягкая трехъ-дюймовая броня казематовъ нигдѣ не была ими пробита. Нормальнымъ къ поверхности ударомъ снаряда о башенную броню (каленую и толстую) была сбита лишь немного ока-

⁷⁸⁾ См. его рѣчь въ СПб. въ засѣданіи Императорскаго Русскаго Техническаго О-ва 31 января 1906 г. Выдержки изъ нея беру по тексту журнала „Море“, 1906, № 13, стр. 477.

⁷⁹⁾ *Scientific Amer. Suppl.*, 1906, № 1598, pg. 25.600.

⁸⁰⁾ Изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ, участвовавшихъ въ бою и осматривавшихъ наши корабли, слѣдующее въ плѣнѣ.

лина со стали, а углубленіе было *не больше четверти дюйма*. О силѣ же взрыва, развивающейся послѣ удара, можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

1) у одного изъ нашихъ новыхъ броненосцевъ броневая плита въ нѣсколько сотъ пудовъ была сорвана силою взрыва со своихъ броневыхъ болтовъ и была сброшена за бортъ;

2) въ 10 саженьяхъ отъ борта крейсера „Олегъ“ снарядъ разорвался въ водѣ, и при этомъ развилась такая громадная сила взрыва, что стальной бортъ крейсера на длинѣ 14 фут. подался внутрь, давши стрѣлу прогиба въ 10 дюймовъ ⁸¹⁾;

3) одинъ изъ снарядовъ влетѣлъ въ амбразуру 12-дюймовой башни и тамъ взорвался; стальная крышка башни (эллиптическая, размѣры въ ширину около 24 и 20 фут., толщина 4 дюйма) была сорвана съ болтовъ, переломлена пополамъ и подброшена вверхъ футовъ на 50 (оттуда она снова упала на палубу); а изъ башни, по словамъ офицеровъ, видѣвшихъ это явленіе взрыва съ „Орла“, вырвался въ это время сплошной столбъ огня фут. въ 60—70 высоту“...

„Не пробивая брони, японскіе снаряды превосходно доставали и людей, прикрытыхъ броней, и аппараты: осколки залетали одинаково легко и въ большіе порта казематовъ, и въ болѣе узкіе прозоры боевой рубки; офицеры, командиры башенъ, которымъ оставлены для наблюденія лишь узкіе прозоры не больше дюйма шириною, лишались глазъ отъ маленькихъ осколковъ снарядовъ; при попаданіи же снаряда въ башню вблизи амбразуръ, осколки влетали въ башню, поражали комендоровъ и производили иногда взрывъ (пожаръ) приготовленныхъ для стрѣльбы снарядовъ; въ машины и кочегарни залетали и осколки снарядовъ, и оторванные ими куски разныхъ аппаратовъ (напр., бронзовые зубцы шестеренъ отъ электрическихъ лебедокъ и т. п.)“.

„Пробивающая сила отдѣльныхъ кусковъ снаряда была не особенно велика: внутреннія каюты, напр., имѣли только вдавлины въ своихъ бортовыхъ переборкахъ; точно также осколки, пробившіе бортъ и внутреннюю переборку вѣшной каюты, почти лишались своей силы“.

„Японскій огонь дѣлалъ совершенно невозможнымъ для людей пребываніе *въ брони*, особенно наверху т.-к. на корабляхъ, *учитывая послѣ боя 14 мая, трудно было найти хоть одно живое мѣсто*“.

„Японскіе снаряды рвались на громадное число крупныхъ и мелкихъ осколковъ самаго различнаго вѣса и величины,—вплоть до самыхъ мельчайшихъ, иногда и совершенно безопасныхъ: въ японскомъ госпиталѣ былъ одинъ нашъ матросъ, въ котораго попало болѣе 120 осколковъ; нѣкоторые изъ нихъ не нуждались даже и въ хирургическомъ извлеченіи“.

„Кромѣ пораженія людей, фугасные снаряды Японцевъ производили громадныя зіяющія пробоины въ легкомъ борту; площадь этихъ пробоинъ, полученныхъ отъ 12-дюмоваго снаряда, достигала отъ 10 до 20 квадратныхъ футовъ. Если есть порядочная зыбь, то даже и при высокой бронѣ вода нахлестывается въ палубы чрезъ эти пробоины; а разливаясь по палубѣ, вода попадаетъ въ бомбовые погреба, угольные ямы и т. д. Присутствіе на палубахъ большого количества воды, попавшей черезъ эти пробоины и могущей свободно переливаться съ борта на бортъ, пагубно отражается на остойчивости ко-

⁸¹⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9.

рабля, если не принять мѣръ для ея немедленнаго удаленія съ палубы. На такихъ плохо-бронированныхъ корабляхъ, какъ „Наваринъ“, „Ослябя“ или „Сисой Великій“, подобныя пробоины могли вести ихъ прямо къ гибели“.

„При попаданіи 10-ти или 12-дюймоваго снаряда въ мачту или трубу, снарядъ могъ свалить ихъ. Можно вообразить себѣ, какова будетъ тяга у группы котловъ при сбитой дымовой трубѣ, съ перекрученными перегородками“...

„У хорошо бронированныхъ кораблей разрушенія по корпусу, причиняемыя фугасными снарядами, бывали не столь существенны; а причиняемые ими пожары на нашихъ броненосцахъ были не только грандіозны сами по себѣ, но и тяжело дѣйствовали на моральную сторону команды.—„Ну, Ваше Благодоріе, что у насъ наверху!.. Ничего не осталось!..“ говоритъ бывало кто-нибудь изъ команды, мелькомъ увидавши такое пожарище, когда жизненные части корабля были еще не тронуты нисколько“...

Наши офицеры, которые участвовали какъ въ морскомъ сраженіи 28 іюля 1904 г. подъ П.-Артуромъ, такъ и въ бою 14 мая 1905 г. подъ Цусимой, и которые счастливо остались въ живыхъ, увѣряютъ, что, будто бы этихъ новыхъ разрывныхъ снарядовъ, дѣйствующихъ на подобіе минъ, въ 1904 г. у Японцевъ еще не было. Снабдить такими новыми снарядами передъ боемъ 14 мая они могли, повидимому, пока только орудія крупныхъ калибровъ въ тѣхъ главныхъ двухъ броненосныхъ отрядахъ (12 судовъ), которые должны были нападать на наши броненосцы. Японскіе же отряды мелкихъ крейсеровъ, вѣроятно, еще не всѣ имѣли при себѣ такіе снаряды, какъ убѣждаетъ въ этомъ, напр., успѣшная борьба нашего крейсера „Дмитрія Донскаго“ 15 мая 1905 г. съ отрядомъ изъ шести легкихъ японскихъ крейсеровъ, которые, сами получивъ отъ „Донскаго“ пожары, обратились въ бѣгство, не причинивъ ему большого вреда.

Ядовитые, удушливые газы, развивающіеся при дѣйствіи разрывныхъ японскихъ снарядовъ, производятъ страшныя опустошенія среди людей и дѣлаютъ помѣщеніе, куда они попали, зловреднымъ на весьма продолжительное время, не поддаваясь провѣтриванію. Засвидѣтельствованъ такой фактъ, напр., что у нашего уцѣлѣвшаго крейсера „Олега“, около рубки котораго въ бою 14 мая разорвался снарядъ, черезъ сутки послѣ боя все еще стоялъ весьма острый, удушливый запахъ, хотя оконъ въ стеклахъ не было и дверь была открыта все время; а въ ночь послѣ боя зажженная свѣча черезъ полчаса погасла въ этой открытой рубкѣ, вслѣдствіе недостатка тамъ кислорода въ воздухѣ⁸²⁾.

Вотъ какъ описываетъ свое впечатлѣніе одинъ изъ уцѣлѣвшихъ участниковъ боя, бывшій матросъ А. Затертый, въ его брошюрѣ „Безумцы и безплодныя жертвы“ (стр. 43):

„Снарядъ разрывается на мельчайшія части, обдавая всѣхъ пламенемъ, пронзая осколками. Люди, словно подкошенная трава, падаютъ другъ на друга. Ихъ окутываетъ облачко газовъ; сквозь него ничего нельзя видѣть. Нѣкоторое время всѣ свалившіеся лежатъ неподвижно. Въ ушахъ слышится шумъ. Разсудокъ совершенно теряется; голова какъ бы деревенеетъ; всѣ мысли замираютъ. Но это продолжается недолго. Мало-по-малу одинъ за другимъ люди приходятъ въ себя; опомнившись, начинаютъ вскакивать. Прежде всего

⁸²⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 232.

каждый хватается за голову, какъ-будто стараясь скорѣе узнать, цѣла ли она; затѣмъ идетъ осмотръ и ощупываніе другихъ частей своего тѣла. И что же? Оказывается, у всѣхъ что-нибудь да искалѣчено. Вонъ стоитъ Ш., раненый въ лобъ. Рядомъ съ нимъ Н.; у него одна щека обогрена кровью. У телеграфа находился К., у него безобразно раздуло скулу. Дальномѣрщику В. осколкомъ попало въ голову и повредило черепъ; онъ потерялъ сознание и только крутилъ головой; далѣе Ш. оказался раненымъ въ животъ и плечо. Командиръ и его вѣстовщикъ смертельно ранены, оба силятся встать и не могутъ... Командиру попалъ въ спину большой осколокъ и впился въ нее такъ глубоко, что достать его безъ операціи было немислимо; а вѣстовщику его расшибло голову. Вокругъ амбразуры у боевой рубки былъ поставленъ желѣзный карнизъ; онъ долженъ былъ служить для защиты людей отъ осколковъ; но его завернуло внутрь самой рубки, ударило имъ гальванера К. въ шею и пробило ее до позвоночника, который обнажился“...

Японскіе снаряды, попадая въ воду, подымали громаднѣйшій столбъ ея и тѣмъ самымъ указывали срѣзняющимъ *мѣсто паденія снаряда*; а когда оно было близко къ кораблю, люди обдавались массою брызгъ, ранились осколками; иногда снарядомъ рвались и борта корабля подъ водою, если они были не бронированы. Наши же снаряды, попадая въ воду, не производили такого эффекта, который ясно можно было бы усмотрѣть за нѣсколько верстъ, особенно въ дымкѣ тумана; поэтому мы часто стрѣляли какъ бы съ завязанными глазами, не видя, куда снаряды ложатся, и не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы корректировать наводку пушекъ. Мы не имѣли за собою преимуществъ въ скорости хода кораблей и не всегда могли приблизиться къ непріятелю на такую дистанцію, чтобы сдѣлать его досягаемымъ для нашихъ орудій; дистанцію для боя всегда устанавливалъ нашъ противникъ, исправно насъ громившій; а большинство нашихъ снарядовъ летѣло въ воду, до японскихъ кораблей даже иногда не долетая и не давая намъ никакихъ указаній для послѣдующаго прицѣла.

Уже одно это печальное обстоятельство дѣлало всю нашу Балтійско-Цусимскую эскадру, не имѣющую особенно серьезной боевой мощи, дѣлало ее больше всего и чаще всего только *декорацией и мишенью для японскихъ прицѣловъ*. А наши борцы за родину, не обученные стрѣльбѣ и вооруженные такими устарѣлыми и негодными средствами, чрезъ это ставились въ бою въ самое нелѣпое, отчаянное и въ высокой степени трагическое положеніе...

Разрушая всѣ надстройки броненосца, дѣлая на немъ пожары и побивая людей кучами, японскіе фугасные снаряды, посылаемые со всѣхъ непріятельскихъ судовъ въ одно мѣсто, чрезъ какую-нибудь четверть часа дѣлали на броненосцѣ *полное разрушеніе всей сложной организаціи его различныхъ служебныхъ частей*; тучи заразы прилетавшихъ снарядовъ поселяли панику, вносили оцѣпенѣніе въ среду необстрѣлянной команды и выводили ее нерѣдко изъ повиновенія.

Борьба съ огнемъ представляла также громадныя, иногда почти неодолимыя, трудности; мѣсто пожарища было переполнено ядовитыми, удушливыми газами; пожарные шланги, сколько разъ ихъ ни замѣняли запасными, немедленно превращались въ лохмотья. А когда всѣ запасы шланговъ исчезали, то никакими средствами нельзя было подать воду на мостики и особенно на ростры, гдѣ, какъ это было, напр. ⁸³⁾, въ бою на „Суворовъ“, стояли пирамидою одиннадцать дере-

⁸³⁾ См. брошюру кап. Вл. Семенова—*Цусимскій бой*, стр. 52—53.

вянных шлюпокъ. Передъ боемъ была налита въ нихъ вода; но черезъ дыры, пробитыя осколками снарядовъ, она постепенно утекала. И тогда на этомъ лѣсномъ складѣ пламя бушевало совершенно свободно. По счастью вода иногда плохо стекала за бортъ, и на верхней палубѣ ея собиралось по щиколотку. Въ такихъ случаяхъ этому только радовались: это спасало саму палубу отъ огня, а съ другой стороны это позволяло тушить валившіеся на нее сверху горящія обломки, просто растаскивая и переворачивая ихъ... Въ концѣ концовъ приходилось таскать воду на пожаръ даже и ведрами, въ которыя, во время длиннаго морского перехода, на эскадрѣ были передѣланы почти всѣ опорожненныя жестянки изъ-подъ машиннаго масла. Но и это возможно было дѣлать, пока были для этого руки, пока можно было имѣть подходъ къ водѣ...

Для тушенія пожаровъ на эскадрѣ еще были заготовлены банки съ какимъ-то патентованнымъ порошкомъ, но въ него на эскадрѣ вѣрили плохо ⁸⁴⁾, и о результатахъ его дѣйствія что-то ничего не слышно; а что воду приходилось черпать и таскать сапогами для тушенія пожаровъ, объ этомъ есть свѣдѣнія.

Заготовивши эти банки, Рождественскій распорядился передъ боемъ — дерево, переборки каютъ, мебель и т. п. *не убирать* (см. далѣе). Благодаря этому, своими снарядами *Японцы свободно сожгли лучшіе боевые корабли нашей эскадры* и всѣ пустили ихъ ко дну, за исключеніемъ „Орла“, на которомъ дерево передъ боемъ было частью убрано, частью повыкинута за бортъ...

Но не въ одномъ этомъ было дѣло, какъ печатно сообщаетъ теперь А. Затертый, бывшій матросъ съ броненосца „Орель“. На стр. 47 своей брошюры онъ пишетъ слѣдующее:

„На нашемъ броненосцѣ было около 30 пожаровъ. Они вспыхивали такъ часто, что ихъ почти не успѣвали тушить. Нѣкоторые изъ нихъ доходили до большихъ размѣровъ. Особенно сильно горѣло въ адмиральскихъ помѣщеніяхъ, куда передъ боемъ навалили много различной мебели, да еще подъ полубакомъ, гдѣ находилось много лѣса. Тушить пожары было почти совсѣмъ невозможно, т. к. шланги очень скоро оказались перебитыми, а взять съ собой запасныхъ наши распорядители не догадались. И надо не мало удивляться тому, что нашъ трюмный пожарный дивизионъ могъ справиться съ такой страшной силой огня и не довелъ нашъ корабль до такого же отчаяннаго положенія, въ какомъ оказался броненосецъ „Суворовъ“. Видную роль въ этомъ успѣшномъ тушеніи у насъ сыгралъ *мичманъ Картовъ*, который во все время боя очень энергично и очень умѣло руководилъ этимъ труднымъ дѣломъ. Никто изъ нашихъ офицеровъ не оказалъ „Орлу“ столько услугъ, сколько ихъ оказалъ одинъ этотъ талантливый человекъ. Онъ зналъ, когда нужно было спрятать своихъ людей подъ прикрытіе; онъ понималъ, когда ихъ безопасно можно было вызывать наверхъ; онъ самъ всегда находился впереди всѣхъ и этимъ поднималъ духъ своихъ подчиненныхъ. Объ остальныхъ же офицерахъ этого корабля хорошаго можно сказать мало: въ бою они сами не знали, что дѣлали... Среди нихъ оказался довольно большой процентъ раненыхъ; но это вышло отнюдь не потому, что они храбро сражались, а только вслѣдствіе неудовлетворительнаго устройства нашего корабля: и въ башняхъ, и въ рубкѣ амбразуры у насъ были

⁸⁴⁾ Политовскій, стр. 199.

устроены такъ... (крѣпкое слово!), что въ нихъ могли влетать и осколки снарядовъ, и... цѣлые 12-дюймовые снаряды“...

У того же автора А. Затертаго на стр. 38—41 его брошюры находимъ интересныя данныя, показывающія, какъ удивительно мало у насъ думали о безопасности людей и кораблей. Вѣрнѣе сказать, мы сами готовили на корабляхъ и костры для будущихъ пожаровъ, и матеріалъ для предстоящихъ взрывовъ въ башняхъ. На „Орлѣ“, напр., какъ сообщаетъ Затертый, „въ каждой башнѣ передъ началомъ боя находилось по четыре запасныхъ патрона; еще выходя изъ Кронштадта, ихъ приготовили, чтобы въ случаѣ внезапнаго появленія непріятеля, имѣть возможность скорѣе заряжать орудія“. Но т. к. автоматическими приборами орудіе заряжается быстрѣе, чѣмъ въ ручную, поэтому объ этихъ запасныхъ патронахъ, конечно, позабыли; въ первую очередь ихъ не израсходовали, они оставались лежать въ башняхъ во время боя и были затѣмъ причиною ужаснѣйшихъ несчастій съ людьми. На „Орлѣ“ произошло два такихъ взрыва запасныхъ патроновъ въ шести-дюймовыхъ башняхъ: башня наполнялась пламенемъ, отъ пороховыхъ газовъ люди задыхались, платье и волосы на нихъ горѣли; и уйти отъ ужасной пытки—быть заживо поджареннымъ—удавалось въ такихъ случаяхъ только немногимъ „счастливымъ“, которые были на волосокъ отъ смерти и остались на всю жизнь до невѣроятности изуродованными, обожженными, искалѣченными...

Нашихъ товарищей, попавшихъ въ плѣнъ, занималъ между прочимъ и вопросъ о томъ, какія же поврежденія нанесъ нашъ флотъ японскому. Вотъ что писалъ по этому поводу одинъ изъ товарищей:

„Мнѣ пришлось 15 мая 1905 г. близко видѣть объ японскія эскадры—броненосную и броненосныхъ крейсеровъ. „Миказа“, флагманскій корабль адмирала Того, бывший головнымъ въ бою 14 мая, стоялъ отъ насъ въ разстояніи до 8 кабельтовыхъ (около 700 саж.). При всемъ желаніи мы не могли найти въ немъ съ такого разстоянія какихъ-либо серьезныхъ поврежденій. Бросалось въ глаза лишь отсутствіе стѣнки на кормовой мачтѣ. Однако на „Миказу“, по японскимъ даннымъ, было 63 человекъ, выбывшихъ изъ строя, а стало быть все-таки же было порядочно и нашихъ попаданій въ него. Незамѣтны были поврежденія и на другихъ корабляхъ, и команда наша, взятая въ плѣнъ, видя это, ужасно тогда волновалась; она не хотѣла вѣрить, чтобы послѣ сраженія, въ которомъ Японцами были потоплены почти всѣ наши сильнѣйшіе броненосцы, а „Орелъ“ былъ такъ сильно изуродованъ, непріятельская эскадра не имѣла бы хоть сколько-нибудь замѣтныхъ поврежденій. Ни одной трубы на всѣхъ 12-линейныхъ корабляхъ не было сбито. Издали казалось по внѣшности, что японская эскадра какъ будто вовсе въ бою и не была.—„Не можетъ этого быть! Вчера мы дрались, должно быть, съ другой эскадрой, съ англійской!“ раздавались голоса матросовъ; и не было возможности разубѣдить ихъ въ этомъ“...

„Насъ конвоировали до Майдзурю эскадренный броненосецъ „Асахи“ (15.200 tn.), бывший во время боя третимъ отъ головного, и броненосный крейсеръ „Азама“ (9.800 tn.), который, по рапорту адмирала Того, отъ полученныхъ имъ поврежденій былъ принужденъ покинуть строй на нѣкоторое время. Они шли у насъ съ лѣваго борта, откуда и былъ главный бой и большинство попаданій. На траверсѣ въ 2 кабельтов. былъ у насъ „Азама“, а въ кильватерѣ—„Асахи“ на разстояніи около 3 кабельтовыхъ. Мы рассматривали ихъ въ бинокли. На правомъ борту броненосца мы не могли замѣтить никакихъ по-

врежденій; видны были только попаданія въ трубу—безъ взрыва снаряда; на немъ было 15 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Крейсеръ же имѣлъ замѣтный дифферентъ на корму; въ легкомъ борту у него была видна искусно задѣланная пробоина, узкая, но длиною около полутора аршина,—какъ будто два снаряда, плохо взорвавшихся (или малаго калибра), попали одинъ немного ниже другого; затѣмъ было замѣтно одно попаданіе въ трубу, одно окошко рубки и одно въ носовой части крейсера. Адмиралъ *Того*, въ своемъ рапортѣ о боѣ, говорить еще о трехъ гранатахъ, попавшихъ въ кормовую часть „*Асама*“ и выведшихъ крейсеръ изъ строя; вѣроятно, одною изъ нихъ была причинена глубокая подводная пробоина, отчего и явился у крейсера дифферентъ на корму; на ютъ команда крейсера цѣлый день вытаскивала воду изъ нутра корабля большими кадками и отливала ее за бортъ; отливали воду также и пипками, выставленными въ полупортики.—Кромѣ этого, въ разстояніи 3—4 кабельт. намъ рѣзали корму броненосные крейсера „*Кассуга*“ и „*Ниссинъ*“. Они вели главный бой 14 мая; но поврежденій и на этихъ крейсерахъ мы не замѣтили“...

На судѣ при разборѣ дѣла Небогатова было выяснено, что снарядъ изъ 12-дюймоваго орудія съ „*Орла*“ попалъ между трубами японскаго крейсера „*Ивате*“ и вызвалъ взрывъ, который былъ ясно обозначенъ столбомъ бураго дыма. Капитану 2-го ранга Коломейцеву удалось потомъ видѣть этотъ крейсеръ въ Сасебо, и значительное поврежденіе этого крейсера въ бою было внѣ сомнѣній. Этотъ выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ разстоянія 32 кабельтовъ.

Нашъ матросъ А. Затертый, попавшій въ плѣнъ съ „*Орла*“, на переходѣ въ портъ Майдауру былъ взятъ на броненосецъ „*Асахи*“. И вотъ что онъ увидаль передъ собою: „Мы были крайне поражены тѣмъ, что этотъ корабль ничуть не пострадалъ отъ нашей артиллеріи. Онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто его сейчасъ вывели изъ ремонта. Даже краска на орудіяхъ не сгорѣла. Наши матросы, осмотрѣвши „*Асахи*“, готовы были клясться, что 14 мая мы сражались не съ Японцами, а... чего добраго, съ Англичанами. Внутри броненосца мы поражались чистотой, опрятностью, практичностью и цѣлесообразностью устройства. У насъ на новыхъ броненосцахъ типа „*Бородино*“ для какихъ-нибудь тридцати человѣкъ офицеровъ отводилась цѣлая половина корабля; ее загромождали каютами, а онъ во время боя только увеличивали собою пожары; а въ другую половину корабля у насъ были втиснуты не только до 900 человѣкъ матросовъ, но и артиллерія, и подъемники. А у нашего противника на кораблѣ все было использовано главнымъ образомъ для пушекъ. Затѣмъ намъ рѣзко бросилось въ глаза отсутствіе между офицерами и матросами той розни, какую на каждомъ шагу встрѣчаешь у насъ; тамъ же, наоборотъ, чувствовалась между ними какая-то сплоченность, родственныи духъ и общіе интересы. Тутъ только впервые мы и узнали по настоящему, съ кѣмъ мы имѣли дѣло въ бою, и что такое Японцы“...

Личный персонал нашей Балтійско-Цусимской эскадры.

„Морского дѣла они не знаютъ ¹⁾. Они къ нему не готовились“.

„Мы моряки, гдѣ вамъ до насъ!“...

ЛИЧНЫЙ ПЕРСОНАЛЪ НАШЕЙ ЭСКАДРЫ оставлялъ желать очень и очень многого, и въ общемъ онъ былъ далеко не на высотѣ своего положенія. На этой сторонѣ дѣла я считаю нужнымъ остановиться здѣсь, нѣсколько подробнѣе, т. к. специалисты изъ морскихъ сферъ, по весьма понятнымъ причинамъ и писали, и пишутъ объ этомъ слишкомъ мало; да и многое для нихъ въ этой области примелькалось, они его просто не видятъ; а многое и замалчиваютъ, чтобы не навлечь на себя служебныя кары, чтобы не тревожить начальство... А тревожиться есть о чемъ.

Материаломъ для составленія этой главы послужили: 1) имѣющіяся въ нашей литературѣ фактическія данныя, 2) свѣдѣнія, любезно предоставленныя въ мое распоряженіе участившими участниками Балт.-Цусимской эскадры, и, наконецъ, 3) письма погибшихъ въ бою, какія только удалось собрать. Большая часть матеріала для этой главы могла быть получена лишь ко 2-му изданію книги.

По справедливому мнѣнію капитана Кладо, одною изъ ближайшихъ причинъ уничтоженія нашего флота надо считать то угнетенное состояніе, въ которомъ онъ находился послѣднія 20 лѣтъ подвліяніемъ господствовавшаго въ немъ бездушнаго формализма и ценза, поддерживавшихъ невѣжество какъ бы съ цѣлю, не дававшихъ простору живой дѣятельности, убивавшихъ энергію отдѣльных работниковъ ²⁾.

По мнѣнію самихъ нашихъ моряковъ, центръ тяжести морского вопроса для Россіи лежитъ теперь еще болѣе въ личномъ, нежели въ матеріальномъ составѣ нашего флота. „Безразлично, будетъ ли онъ пополняться новыми судами того или другого типа, или же нѣтъ, его су-

¹⁾ Флагманскій корабельный инженеръ Е. С. Полятовскій — „Отъ Либавы до Цусимы“, 1906, стр. 124.

²⁾ „Нов. Вр.“, 1906, № 10.522, статья Кладо. Въ № 10.746 онъ же указываетъ, что „возрожденіе флота и далѣе у насъ будетъ невозможно, пока будутъ существовать цензовые контръ-адмиралы и старые капитаны I-го ранга; они его задержатъ; довѣрія къ нимъ нѣтъ на корабляхъ, и быть его не можетъ“...

ществование не достигнет никакой цели, и расходование на него народных денег ничѣмъ не будетъ оправдываться, если только его личный составъ и въ дальнѣйшемъ не будетъ удовлетворять опредѣленнымъ требованіямъ въ смыслъ знаній и нравственности⁴. „(*Морск. Сборн.*“, 1906, № 4, стр. 7).

„Всѣ наши бѣды въ этой войнѣ произошли⁵) главнымъ образомъ оттого, что дисциплина чиновъ поддерживалась не сознаніемъ необходимости ея для блага государства, а страхомъ наказанія. Исполненіе долга понималось лишь настолько, чтобы быть увѣреннымъ въ оправданіи своихъ поступковъ передъ судомъ. Если можно было прицѣпиться къ чему-либо и сдѣлать уклоненіе, то это и дѣлали. Если бы такіе военные чины сознавали, что они не только потерпятъ на службѣ, но и подвергнутся остракизму всего государства, то не было бы у насъ легко проигранныхъ сраженій, не было бы столь позорныхъ сдачъ, какія мы неоднократно видѣли въ эту войну; да и всѣ уклонявшіеся отъ боя ради спасенія людей или сохраненія боевого матеріала серьезнѣе обдумывали бы свои рѣшенія—отступать или нѣтъ со своею частію, припрятывать или нѣтъ свой корабль въ нейтральныхъ портахъ?“

Строить хорошіе, доброкачественные броненосные корабли мы, безъ сомнѣнія, еще научимся; приобрѣтать готовые хорошіе типы ихъ, не переплачивая „комиссіонныхъ“, также возможно. Все это, при добромъ желаніи, можетъ быть налажено сравнительно быстро. Но обновленіе личнаго персонала, разумная, планомѣрная подготовка свѣжихъ силъ для работы,—именно для работы, а не для чего-нибудь другого, дадутся не легко и не скоро. Эта задача потребуетъ для своего рѣшенія большого періода времени, большой затраты энергіи, сознательнаго отношенія къ ней всего личнаго персонала, работающаго во флотѣ и въ морскомъ вѣдомствѣ вообще; и она можетъ быть правильно поставлена только при дружной совмѣстной работѣ морскихъ сферъ и береговыхъ, подъ контролемъ гласности и общественнаго мнѣнія.

Многаго оставляло желать снаряженіе, вооруженіе и постройка нашихъ судовъ, вошедшихъ въ составъ Балт.-Цусимской эскадры. Не на высотѣ своего призванія оказался и личный составъ на нихъ. Теперь въ этомъ чистосердечно сознаются въ морской средѣ. „Въ личномъ составѣ, въ его неподготовленности—главная причина нашихъ неудачъ на войнѣ“. („*Морск. Сб.*“, 1906 № 3, стр. 120)... Не было законченнаго образованія для офицеровъ, не только общаго, но даже и специальнаго (стр. 120); не было сознанія и побужденій у нихъ къ серьезной работѣ, не было любви къ дѣлу; выѣзжали на цѣнахъ, на выслугѣ установленныхъ сроковъ плаванія, всего сильнѣе выѣзжали на протекціи на угодливости начальству, на вѣчной неполнотѣ комплекта, благодаря чему „плохихъ не бываетъ“... А при такихъ офицерахъ нельзя удивляться ни распушенности командъ, ни плохой ихъ подготовкѣ (стр. 122).

Къ тому же для укомплектованія команды на суда было дано безъ разбора слишкомъ много запасныхъ, даже иногда изъ разряда штрафованныхъ⁶); эти отвыкшіе отъ судовой работы матросы не были

⁵) „*Морск. Сборн.*“, 1907, № 7, статья капитана 1-го ранга М. Бубнова—„*Портъ-Артуръ*“, стр. 15.

⁶) *Политовскій*, стр. 240. Такъ было, напр., на броненосцѣ „*Орелъ*“. Объ его строевой командѣ говорили, что „это—арестанты, а не матросы“. Въ связи съ злымъ умысломъ команды ставить и попытку потопленія броненосца передъ уходомъ эскадры изъ Россіи, и попытку испортить у него обѣ машины.

втянуты въ нее разумными приѣмами и благожелательнымъ къ нимъ отношеніемъ.

Въ отрядъ Небогатова, съ которымъ вообще мало церемонились и штабъ, и Рождественскій, послѣдняя партія матросовъ прибыла всего за нѣсколько часовъ до ухода отряда въ походъ. О подборѣ офицерскаго состава и командировъ также не спросили командующаго отрядами.

Въ ноябрѣ 1906 г. въ процессѣ Небогатова эти матросы выступали въ качествѣ свидѣтелей. Корреспондентъ „Нов. Вр.“, бывшій морякъ, свое впечатлѣніе отъ нихъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Конечно, мы не могли побѣдить Японцевъ, имѣя *такихъ* матросовъ, какіе вызывались давать показанія. Совѣтъ обломы. Ни тѣни молодцеватости, ни малѣйшей военной тренировки. И языкъ, и акцентъ мужицкіе. А вѣдь эти люди все же послужили и поплавали, прошли огонь, воду и мѣдныя трубы. Съ этими крестьянскими дѣтьми судьи разговариваютъ на „вы“, что, видимо, для многихъ такъ непривычно. И не взирая на это, сразу было видно, что эти матросы, какъ таковые, никуда не годились...“ (Н. В., 1906, № 11029).

Не было у насъ подготовлено также полнаго комплекта технической команды (машинной и орудіейной), обученной, дисциплинированной; и не было дано возможности этой командѣ непрерывно получать полезныя знанія и руководство на работахъ отъ своего непосредственнаго начальства; послѣднее не понимало необходимости этого ученія и не обнаружило ни малѣйшаго желанія исполнить это на дѣлѣ. По этому поводу одинъ изъ товарищей сообщалъ мнѣ, напр., что на одномъ изъ транспортовъ машинная команда, неумѣлая, нетрезвая, предоставленная самой себѣ, израсходовала на переходъ отъ Кронштадта до Либавы почти весь свой запасъ машинной смазки, выданный ей съ расчетомъ на переходъ до береговъ Африки; замѣтивъ,

Одинъ изъ нашихъ товарищей, плававшій на вспомогательномъ крейсере, отиѣ часть, что жалобы на запасныхъ и штрафныхъ не всѣ основательны. „Были между ними и знающіе люди, и добросовѣстные труженики, нерѣдко болѣе трезвые даже, чѣмъ молодые, особенно изъ семейныхъ, которые копили деньги въ походъ и отдавали ихъ въ сберегательную кассу. Большинство запасной машинной команды на волѣ работало по своей спеціальности и явилось на службу болѣе знающимъ и опытнымъ, чѣмъ передъ уходомъ со службы въ запасъ; нѣкоторые на волѣ занимали отвѣтственные должности машинистовъ съ жалованьемъ 70—100 руб. въ мѣсяцъ. Кромѣ того, служившіе и на волѣ по своей спеціальности меньше терялись при всякихъ случайностяхъ, сохраняли присутствіе духа и въ критическій моментъ сами принимали рѣшеніе, въ большинствѣ случаевъ правильное. То же самое можно сказать и про минѣровъ—электротехниковъ. Случаевъ работы по 24 часа *порядъ безъ сна* за время плаванья у насъ было нѣсколько, и запасные ее исполняли аккуратно, добросовѣстно, *безъ покуканія*. Къ сожалѣнію, не все вышеизложенное можно отнести къ строевой командѣ, хотя у насъ и тамъ рѣзкой разницы въ пользу молодыхъ не существовало. Способъ комплектованія судовъ командами въ эту компанію носилъ совершенно случайный характеръ. Этимъ, вѣроятно, и объясняется тотъ фактъ, что на вспомогательные крейсера, которые комплектовались раньше и въ Либавѣ, попала болѣе хорошая часть команды, а на боевое судно „Орель“, которое комплектовалось изъ числа послѣднихъ и въ Кронштадтѣ, большой процентъ попалъ и неудовлетворительной команды. Единственно кого нельзя было брать изъ запаса, это—комендоровъ, т. е. на волѣ они не могутъ имѣть случая заниматься своей спеціальностью. А въ общемъ качество команды во многомъ зависѣло отъ качествъ офицеровъ“.

что смазки остается мало, ее начали экономить, вследствие чего на пути въ Данію большая часть подшипниковъ „горѣла“.

Привожу слова другого товарища по вопросу о командѣ—„Главнымъ недостаткомъ команды являлась ея сѣрость, некультурность, дикость, болѣе всего замѣтная у строевой команды. Особой нетерпимости къ своимъ ближайшимъ начальникамъ специалисты-матросы не обнаруживали, когда послѣдніе обращались съ ними заботливо; но нетерпимость всегда чувствовалась при обращеніи ихъ не къ своему прямому начальству. Здѣсь сказывалось вліяніе берега, вліяніе наступившаго тогда и висѣвшаго въ воздухѣ социалистическаго движенія. Нѣкоторые офицеры не прилагали съ своей стороны никакихъ стараній, чтобы улучшить эти отношенія, а иные даже явно ухудшали ихъ, благодаря чему взаимное отчужденіе и недоувѣріе между офицерствомъ и командою царствовали на такихъ корабляхъ“.

По словамъ нашего товарища А. М. Плѣшкова ⁵⁾, машинная команда, а также всѣ такъ называемые унтеръ-офицеры, комендоры, квартирмейстеры (машинные и кочегарные), были значительно интеллигентнѣе всей остальной строевой массы. Замѣчалась только *резуръ узкая специализація*. Напр., квартирмейстеръ съ правой бортовой машины приходилъ въ немалое затрудненіе, когда его переводили на лѣвую бортовую машину и т. п. Всѣ эти „специалисты“—фавориты начальства: жалованье для нихъ порядочное (квартирмейстерамъ, напр., 50 р.); имъ допускаютъ частыя отлучки на берегъ; на нихъ смотрятъ сквозь пальцы, когда они притѣсняютъ свою меньшую братію, низведенную ими въ разрядъ весьма жалкихъ существъ, живыхъ машинъ... Это благоволеніе начальства объясняется полной беспомощностью послѣдняго: безъ этихъ разнаго наименованія специалистовъ-матросовъ оно остается всегда какъ бы безъ рукъ, а иногда и безъ головы...

Надо пожалѣть въ особенности о томъ, что не озаботились подобрать наилучшихъ комендоровъ, не использовали для этого ни персоналъ черноморскаго флота, ни обоихъ артиллерійскихъ отрядовъ ⁶⁾: На эскадру взяли много запасныхъ, даже не имѣвшихъ желанія идти; а другіе рвались работать, способны были принести пользу дѣлу, подавали просьбы о зачисленіи на Б.-Ц. эскадру и получали отказъ. Подобранный персоналъ надо было бы обучать, да.. не было снарядовъ ⁷⁾.

Комплектъ опытныхъ судовыхъ механиковъ для Б.-Ц. эскадры оказался передъ войною далеко не полнымъ. Мало подготовили своихъ, принадлежавшихъ къ морской кастѣ. Не оказалось подготовлен-

⁵⁾ Изъ письма его отъ 1 августа 1904 г.

⁶⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стр. 63 приложения.

Въ дополненіе къ этому для 2-го изданія книги одинъ изъ нашихъ товарищей сообщилъ слѣдующее: „Черноморскій флотъ былъ использованъ *только отчасти*. Изъ него была пополнена между прочимъ машинная команда на миноносцахъ. Это пополненіе дѣлалось изъ запаса машинно-кочегарной команды, который специально для этого былъ взятъ на транспорты Добровольнаго флота; на миноносцахъ же плавало только самое необходимое количество работающаго люда; болѣзнь каждого изъ нихъ въ походѣ замѣтно отражалась на работѣ всѣхъ другихъ и требовала необходимости такихъ пополненій. Черноморскіе матросы оказались и развитѣе и работоспособнѣе матросовъ Балтійскаго флота, и отъ замѣны вторыхъ первыми дѣло замѣтно выигрывало“.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 65.

наго запаса и „береговых“ инженеров. Но послѣдніе и ранѣе мало допускались къ этой службѣ... Кастовая нетерпимость⁸⁾).

Механиковъ для флота мы не только не готовили серьезно, но и не понимали часто дѣйствительной цѣнности и значенія ихъ, обуславливающихъ собою боевую готовность или неготовность корабля. Не понимали этого и многіе командиры кораблей, не понимали и высшіе чиновники вѣдомства. Передъ самою отправкою Балтійско-Цусимской эскадры въ походъ одинъ изъ адмираловъ позволилъ себѣ заявить⁹⁾, что „механики считаются паріями во флотѣ“... Въ разговорѣ это было откровенно высказано отцу одного изъ нашихъ товарищей, погибшихъ въ сраженіи подъ Цусимой, когда тотъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ проститься съ своимъ сыномъ, уходившимъ въ походъ. Тамъ, гдѣ существовалъ такой взглядъ, не могло быть и боевого флота.

Насколько несправедливъ и неоснователенъ былъ такой взглядъ, доказываетъ исходъ всей кампаніи. „Наши инженеръ-механики, благодаря ихъ самоотверженному отношенію къ дѣлу и нечеловѣческимъ усиліямъ, достигли того, что, казалось, не по силамъ было бы даже и наилучшимъ въ мірѣ инженеръ-механикамъ¹⁰⁾“; а именно, они дали возможность совершить этотъ, выходящій изъ ряда вонъ, подвигъ, этотъ громадный переходъ безъ возможности чиниться и грузить уголь въ портахъ; при этомъ въ походъ ни одно судно не отстало, а въ бою ни одинъ корабль не выходилъ изъ строя изъ-за такихъ поврежденій въ механизмахъ, вину за которыя можно было бы возложить на механиковъ. На нихъ смотрѣли свысока, ихъ считали „паріями“, но на дѣлѣ они оправдали себя и свою работу лучше, чѣмъ кто-либо во флотѣ и въ морскомъ вѣдомствѣ...

По вопросу объ инженеръ-механикахъ для 2-го изданія этой книги наши товарищи прислали мнѣ слѣдующія строки:

⁸⁾ См. мою статью *Къ вопросу о службѣ береговыхъ инженеровъ въ нашемъ военномъ флотѣ*. Она была напечатана въ „*Бюллетеняхъ Политехническаго О-ва*, 1905, № 2, стр. 145—150.

Закончилась война, заговорили о реформахъ въ морскомъ вѣдомствѣ, но вопросъ о механикахъ, благодаря узости взглядовъ, не нашелъ себѣ правильнаго рѣшенія. На страницахъ „*Морского Сборника*“ въ статьѣ М. Георгіевскаго — „*Что нужно нашему флоту*“ — читатель найдетъ слѣдующія строки, возмущающія своей несообразностью:

„По окончаніи какого-либо училища, молодой человѣкъ поступаетъ на механическій или судостроительный заводъ ученикомъ-слесаремъ, затѣмъ, постепенно изучивъ это мастерство, онъ устраивается въ судовые машинисты; и обыкновенно бываетъ такъ, что въ случаѣ его способности къ дѣлу, онъ можетъ рассчитывать сдѣлаться судовымъ механикомъ. Имѣя такой примѣръ въ коммерческомъ флотѣ, казалось бы справедливымъ примѣнить эти условія подготовки судовыхъ механиковъ и къ военному флоту“. Далѣе авторомъ рекомендуется закрытіе *Морского инженернаго училища*, чтобы „дать рѣзкій толчокъ къ переходу обученія механиковъ флота на чисто практическую почву („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 5, стр. 103). На всѣхъ другихъ частяхъ статьи г-на Георгіевскаго лежитъ печать здраваго смысла, но тутъ мы видимъ, что вопроса о механикахъ ему, повидимому, не слѣдовало касаться: онъ не проявляетъ своего знакомства съ постановкой преподаванія паровой механики въ береговыхъ школахъ; а потому о пригодности и степени подготовленности береговыхъ инженеровъ къ выполненію или обязанностей судовыхъ механиковъ такой авторъ правильнаго сужденія имѣть не можетъ.

⁹⁾ См. „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10, 517

¹⁰⁾ Изданіе „*В. К. А. М.*“, 1906, стр. 73 приложенія.

„Положеніе инженеръ-механиковъ является одною изъ вопіющихъ ненормальностей въ русскомъ военномъ флотѣ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что береговые инженеръ-механики по истеченіи двухъ обязательныхъ лѣтъ службы всѣ безъ исключенія уходятъ въ запасъ; то же самое дѣлаетъ и большинство изъ лучшихъ, способныхъ инженеръ-механиковъ Кройштадтскаго училища, а остаются на мѣстахъ только люди, мало развитые, неспособные и къ другой работѣ негодные“.

„По дисциплинарному уставу всѣ строевые офицеры „имѣютъ“ права, а инженеръ-механики только „пользуются“ ими; напримѣръ, на власть ротнаго командира „имѣетъ право“ въ большинствѣ случаевъ даже мичманъ, а старшій инженеръ-механикъ, часто подполковникъ, а то и полковникъ, только „пользуется“ ею. Молодой мичманъ, увидавшій настоящее море въ первый разъ, попадая на шлюпку считается „старше“ иного настоящаго „морского волка“, если только послѣдній носить погоны инженеръ-механика. Въ каютѣ-компаніи всякій старшій изъ присутствующихъ тамъ офицеровъ „старше“ всякаго инженеръ-механика и можетъ сдѣлать ему замѣчаніе; это право себѣ присвоили даже прапорщики, потому что они „строевые офицеры“. Считая своей священнѣйшей обязанностью вмѣшиваться во всю жизнь „низовъ“, „верхи“ ревниво оберегаютъ свой „верхъ“ отъ возможности даже случайнаго какого-нибудь указанія „снизу“, считая это въ большинствѣ случаевъ за личное оскорбленіе. Послѣ выбитія изъ строя всѣхъ строевыхъ офицеровъ, согласно морскому уставу, *командованіе судномъ переходитъ къ интэръ-офицерамъ* по старшинству; предполагается, слѣдовательно, что инженеръ-механикъ менѣе знающій и заслуживаетъ меньшаго довѣрія, чѣмъ простой матросъ. Инженеръ-механикъ по уставу не можетъ быть выбранъ также и въ „судъ посредниковъ“, хотя судъ разбираетъ иногда столкновенія на личной почвѣ и между инженеръ-механиками. Въ любую минуту каждый старшій офицеръ считаетъ себя вправѣ взять машинную команду, сколько ему заблагоразсудится, для чистки палубы и т. п. занятій, но самъ онъ рѣдко когда даетъ нѣсколько человѣкъ въ машину, да и то когда самъ видитъ, что это неизбежно; это и вызываетъ запугиваніе „верховъ“ всякими ужасами, до возможности „взрыва машины“ включительно. Тотъ параграфъ морскаго устава, по которому во время вооруженія и разоруженія судна *никто*, кромѣ старшаго механика, не имѣетъ права распоряжаться машинной командой, старательно игнорируется „верхами“. Надзоръ за корпусомъ судна и ремонтъ его въ случаѣ надобности лежитъ на строевыхъ офицерахъ, сплошь и рядомъ невѣжественныхъ въ этомъ отношеніи, а работу приходится вести инженеръ-механикамъ. Такъ называемый „минный офицеръ“, въ роли котораго бываетъ очень часто мичманъ, ничего незнающій въ электричествѣ, по уставу является, однако, начальникомъ „миннаго механика“ изъ инженеровъ. Всѣ необходимыя покупки на берегу для ремонта судовыхъ механизмовъ по уставу дѣлаетъ ревизоръ, а ни въ коемъ случаѣ не инженеръ-механикъ. Неудобства для дѣла, произтекающія отсюда, понятны всякому. *Распоряжаются* машинными запасами и *продавать экономію* свободно могутъ сами ревизоры, а *отвѣчаетъ* за разумный расходъ этихъ запасовъ только старшій механикъ. Всѣ сношенія съ портомъ, касающіяся машиннаго дѣла, идутъ отъ имени командира судна, *безъ подписи старшаго механика*, но непременно за подписью ревизора; поэтому старшій механикъ зачастую можетъ и не знать, какъ *передѣлаютъ* писаря его ра-

портъ командиру. Тутъ обширное поле и для курьезовъ и для развитія вожделѣній!.. Созданныя составителями устава, среди которыхъ не было ни одного инженеръ-механика, всѣ эти условія существованія механиковъ тщательно поддерживаются большинствомъ командировъ. Эти условія создали во флотѣ взглядъ на инженеръ-механиковъ, какъ на грязныхъ работниковъ; которые гдѣ-то тамъ, „внизу“, дѣлають свое грязное дѣло, которые недостойны стать на одну доску съ ними, съ „настоящими моряками“, отъ которыхъ „только и зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ плаванія“... Малѣйшія оплошности и случайныя ошибки механиковъ наказываются со всей строгостью, а строевымъ офицерамъ и безграмотность, и небрежность по службѣ преспокойно сходятъ съ рукъ“...

„У инженеръ-механиковъ — тяжелый, отвѣтственный, требующій постояннаго напряженія мысли трудъ; они не получаютъ отдыха по суткамъ и болѣе, даже и послѣ прихода корабля въ портъ, такъ какъ для нихъ сейчасъ же начинается работа по чисткѣ котловъ, по ремонту, переборкѣ механизмовъ; но на этотъ громадный, требующій специальныхъ знаній и непрерывнаго вниманія трудъ установился у насъ во флотѣ тупой взглядъ, какъ на трудъ, недостойный „порядочныхъ людей“, такъ какъ этимъ трудомъ могутъ заниматься „какія-нибудь кухаркины дѣти“, которыя въ силу своего происхожденія стоятъ несравненно ниже „настоящихъ моряковъ“...

„Въ распредѣленіи жалованья также нельзя не отмѣтить явной несправедливости. Напр., вахтенный инженеръ-механикъ, постоянно отвѣтственный, имѣя, кромѣ вахты, еще и постоянное дѣло, получаетъ столько же, сколько и молоденькій мичманъ 18—19 лѣтъ, по уставу „не отвѣчающій“ передъ закономъ за свои ошибки, но непремѣнно получающій еще и добавочное вознагражденіе за какія-нибудь легчайшія обязанности, напр., за обязанности ротнаго командира. При громадной разницѣ затраченнаго труда для достиженія того и другого положенія, инженеръ-механика и мичмана, неестественность и несправедливость одинаковой оплаты ихъ труда усугубляется еще и тѣмъ, что у всякаго офицера впереди крупное содержаніе сначала командира, потомъ адмирала, а у инженеръ-механика — только скромная пенсія въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ рублей въ мѣсяцъ“.

„Ничуть не лучше положеніе и главнаго инженеръ-механика порта, который лишенъ всякой самостоятельности и въ своихъ дѣйствіяхъ вполнѣ подчиненъ командиру порта, а въ случаѣ отсутствія послѣдняго — его помощникамъ“.

По поводу этого жгучаго вопроса приведу здѣсь еще слѣдующія строки изъ одного товарищескаго письма:

„Изъ опыта двухлѣтняго пребыванія во флотѣ я убѣдился въ томъ, что береговые инженеры, въ особенности „московскіе“, т.-е. наши товарищи по Императорскому Техническому Училищу, завоевали себѣ очень твердое и крѣпкое положеніе на судахъ, и что слово „московскій“ — высшая рекомендація и замѣняетъ вполнѣ очень хорошую протекцію, а иногда бываетъ и сильнѣе ея. Нѣкоторые командиры сами просятъ „московскихъ инженеровъ“ и предпочитаютъ ихъ „специалистамъ“ вѣдомства. За все время моей службы я ни разу не слышалъ ни отъ кого чего-либо подобнаго тому, что позволилъ себѣ писать г-нъ Саговскій въ „Нов. Врем.“ (1904 г., 3 декабря, № 10.331), и поэтому вполнѣ понимаю и цѣню Вашъ достойный отвѣтъ ему, помѣщенный въ „Бюллетеняхъ Политехническаго О-ва“ (1905 г., № 2, стр. 145 — 150). Кромѣ въ высшей степени лестныхъ отзывовъ по

адресу И. Т. У-ща и насъ, его питомцевъ, я ничего не слышалъ отъ лицъ плавающихъ; и могу даже привести примѣръ, что на строящееся судно 1-го ранга командиръ приглашалъ молодого, менѣе 2-хъ лѣтъ прослужившаго „неспециалиста“ старшимъ инженеръ-механикомъ; и дѣлалось это не изъ пристрастія, а изъ желанія въ лицѣ старшаго инженеръ-механика и его помощниковъ имѣть людей дѣла, людей съ энергіей. Кромѣ шести товарищей-героевъ, погибшихъ въ Цусимскомъ бою, на судахъ эскадры Рожественскаго было еще одиннадцать инженеровъ, питомцевъ нашего И. Т. У-ща; и всѣ они послужили съ честью, ни о комъ не приходилось слышать ничего худого. Напротивъ, многихъ ставили въ примѣръ другимъ. На эскадрѣ были суда, гдѣ весь составъ инженеръ-механиковъ состоялъ изъ нашихъ товарищей по У-щу. Эти суда вернулись съ Д. Востока послѣ войны съ исправными котлами, съ исправными машинами и на пути нигдѣ не ремонтировались въ портахъ, а на „*Николай I-мъ*“, напр., старшій инженеръ-механикъ изъ „специалистовъ“ вѣдомства за семь лѣтъ своей службы на броненосцѣ довелъ котлы его до такого невозможнаго состоянія, что Японцы ахнули, увидавши, до чего можно довести котель, если къ нему относиться кое-какъ“...

„Прекрасная характеристика „специалистовъ“ вѣдомства была сдѣлана однажды самимъ адмираломъ. Въ сентябрѣ 1904 г. изъ Либавы нашъ карабль ходилъ въ море на пробу на пять дней. Мы шли все время *полнымъ ходомъ*. Въ бытность адмирала съ эскадрой въ Либавѣ нашъ командиръ докладывалъ ему объ этомъ фактѣ; но тотъ спросилъ:—„Это съ нѣмецкими механиками?“—„Нѣтъ, Ваше Превосходительство, только съ нашими“.—„И ничего не случилось?“ удивленно и недовѣрчиво добавилъ адмиралъ... Нужно впрочемъ добавить, что одинъ „специалистъ“ у насъ былъ; но онъ такъ мало зналъ, что намъ было прямо стыдно за него“...

„Только одинъ единственный разъ, пишетъ тотъ же товарищъ,—я слышалъ довольно странный отзывъ о береговыхъ инженеръ-механикахъ:—„что намъ за польза отъ Васъ? Вы прослужите два года и уходите въ запасъ, а намъ нужны люди не на два года, а на много лѣтъ...“ Это было сказано воспитателемъ морского корпуса, человѣкомъ, который самъ никогда не плавалъ и вовсе не соприкасался съ дѣятельностію инженеръ-механиковъ. А почему мы уходимъ, ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ, кромѣ Вашей статьи въ „*Бюллетеняхъ Политехнич. О-ва*“ (1905 г., № 2), даютъ также и тѣ свѣдѣнія, которыя помѣщены выше, въ главѣ о личномъ составѣ нашей Бал.-Цус. эскадры, и которыя свидѣлствуютъ объ отсутствіи надлежащихъ правовыхъ нормъ для инженеръ-механиковъ флота и о продолжающемъ существовать взглядѣ на нихъ, какъ на „паріевъ“ флота. Соотвѣтственно этому проявляется и отношеніе къ намъ. На дипломѣ инженера изъ И. Т. У-ща напечатано, что при опредѣленіи на дѣйствительную службу, на штатную должность техника, мы должны были бы утверждаться въ чинѣ X класса, а во флотѣ теперь насъ утверждаютъ въ чинѣ XII класса (подпоручика). Съ жалованьемъ та же исторія. Дослужившись даже и до чина поручика, все продолжаешь получать несоразмѣрно низкіе оклады. Поручикъ, не занимающій штатной должности, получаетъ въ мѣсяцъ 76 руб. 66 коп. Поручикъ, несущій обязанности, младшаго механика, получаетъ на суднѣ, находящемся въ резервѣ, 135 руб. 16 коп., а на суднѣ въ плаваніи внутреннемъ—144 руб. А если поручикъ несетъ обязанности старшаго механика, въ резервѣ онъ получаетъ 207 руб. 16 коп., а во внутреннемъ плаваніи—243 руб.

При особыхъ условіяхъ морской службы, при неувѣренности, что и завтра будешь здѣсь же, при жизни на два дома въ плаваніи, для человѣка съ высшимъ образованіемъ, обучавшагося не на казенный счетъ, какъ „кронштадтскіе“, а на свои средства, это—оклады очень небольшіе, если принять во вниманіе всю ту массу тяжелаго спеціальнаго и отвѣтственнаго труда, которая выпадаетъ на долю инженеръ-механиковъ флота, особенно въ плаваніи. Пока мы отбываемъ обязательный срокъ службы, съ этими окладами возможно еще мириться, а дальше этого по всей справедливости слѣдовало бы повышать нормировку оплаты труда. Но тогда и оставлять можно было бы зато по выбору, только тѣхъ, кто этого, дѣйствительно, заслуживаетъ и кто можетъ принести существенную пользу дѣлу, оставаясь по службѣ во флотѣ. Но справедливости не ищи у насъ во флотѣ“.

„Вотъ мы вернулись изъ похода“, продолжаетъ тотъ же товарищъ, „и вѣдомство выдало намъ, офицерамъ, награды. Нашъ корабль по волѣ Рождественскаго не попалъ въ бой, и нашимъ строевымъ офицерамъ отличиться было нечѣмъ; а между тѣмъ „верхъ“ и „низъ“ получилъ у насъ на кораблѣ одинаковыя награды. За что получили награду мы, инженеръ-механики, это я понимаю: мы сдѣлали 37.500 миль, ни разу не выходили въ эскадрѣ изъ строя, не имѣли ни одной крупной поломки, не дали ни какой работы мастерскимъ на „Камчаткѣ“; ни разу не отвѣтили командиру „нельзя“, или „надо подождать, нужно то-то и то-то исправить“; въ нужное время всегда все у насъ было готово, все въ порядкѣ; ни одного несчастнаго случая у насъ не было; дѣлали мы для судна, для его корпуса и вообще для „верха“ крупныя работы и довольно сложныя; сами на ходу мы дѣлали мѣдныя отливки (всего отлили до 40 пуд.); на ходу мы ставили и мѣняли заплаты на котлахъ, изъ нихъ нѣкоторыя очень большія (до 30 заклепокъ); послѣ вахты зачастую приходилось намъ исправлять что-нибудь, налаживать; ночью насъ нерѣдко будили изъ за чего-нибудь; а во время погрузки угля, намъ, механикамъ, приходилось принимать участіе какъ въ этой работѣ, такъ нерѣдко еще и въ работахъ при котлахъ, въ ихъ ремонтѣ, въ чисткѣ. И вотъ за весь этотъ непрерывный, отвѣтственный и требующій спеціальныхъ знаній трудъ по возвращеніи съ войны насъ, „паріевъ“ флота, наградили одинаково съ тѣми строевыми офицерами, все дѣло которыхъ ежедневно заключалось въ томъ, чтобы достать вино къ столу, осмотрѣть, помылась ли команда, вызвать ее на молитву и т. п... Я лично,—добавляетъ товарищъ, предпочелъ бы лучше ничего не получить, чѣмъ получить награду, одинаковую съ этими „чемоданами“... Эту несправедливость сдѣлалъ морской штабъ, хотя всѣмъ намъ извѣстно, что нашъ командиръ дѣлалъ въ штабѣ болѣе справедливыя представленія. Этимъ самымъ морской штабъ еще разъ доказалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ „низа“ корабля, не понимаетъ его настоящей роли, и что въ этомъ учрежденіи вообще мало интересуются работой и еще меньше о ней думаютъ...“

Для характеристики общей системы отношеній къ „людямъ“ во флотѣ одинъ изъ нашихъ товарищей свои наблюденія въ этой области передалъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, написанныхъ при переходѣ эскадры отъ Мадагаскара къ Аннамю. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ писемъ, сдѣланныя для 2-го изданія книги:

„При переходѣ эскадры изъ Нози-бея мнѣ удалось видѣть во всей красѣ съемку эскадры съ якоря. Все происходило, какъ на смотре,—

чинно, эффектно, съ показной дисциплиной... Въ первый же день перехода случилось однако несчастіе съ людьми: съ какого-то добровольца,—какъ потомъ оказалось съ „Кіева“, упалъ матросъ за бортъ. Чтобы его спасти, бросали ему буйки, ночью горячіе; но никто на другихъ судахъ ничего объ этомъ не зналъ“.

„Обратили вниманіе на эти вспыхивающіе огоньки у насъ только тогда, когда они остались далеко позади насъ. И тогда это открытіе произвело цѣлый переполохъ. Одни думали, что это—японскій миноносецъ, другіе,—что это подводная лодка... Въ эту ночь я спалъ на заднемъ мостикѣ, и меня разбудилъ крикъ старшаго артиллериста, который приказывалъ зарядить 47-миллиметровыя пушки и стрѣлять изъ нихъ, если огонекъ покажется поближе... Только много-много позднеѣ къ намъ подошелъ миноносецъ и объяснилъ, что это за огонекъ. Тогда мы облегченно вздохнули, радуясь, что мы въ нихъ не стрѣляли; но всѣ ужасно возмущались, что ничего не было принято для спасенія челоуѣка, кромѣ бросанія ему какихъ-то буйковъ. Въ случаѣ такого несчастія полагается ракета, задній ходъ и спускъ шлюпокъ со всѣхъ близъ находящихся судовъ. Но тутъ ничего подобнаго не было сдѣлано... Боялись свирѣпыхъ выходовъ... адмирала; боялись такимъ финаломъ испортить ему праздничное настроеніе, переживаемое послѣ прекрасно-проведеннаго имъ дневнаго парада“...

Итакъ, на ходу судна въ воду упалъ челоуѣкъ, котораго съ первыхъ же дней его службы во флотѣ учили, что „матросъ—званіе высокое—почетное: онъ есть слуга *Государевъ* и *Родины (Отечества)*; защитникъ ихъ отъ враговъ внѣшнихъ¹¹⁾ и внутреннихъ...“ А когда надо было спасти этого „защитника“, то тутъ забыли обо всемъ. У всѣхъ на умѣ было одно и то же: какъ бы не испортить парадъ; какъ бы не разгнѣвать адмирала... Только случайность спасла его отъ разстрѣла съ другихъ судовъ.

„Система поощреній на эскадрѣ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же товарищъ, примѣняется весьма рѣдко; царитъ больше система разносовъ, насмѣшекъ, выговоровъ, дѣлаемыхъ большею частію нарочно въ самой обидной, самой унизительной формѣ... Безцеремонное, унизительное отношеніе ко всякому чину, ниже меня стоящему, проходить красною нитью черезъ всѣ взаимныя отношенія у насъ во флотѣ. Адмиралъ грубо „коститъ“ командира за такія мелкія неисправности въ подвѣдомственной ему части, которыя сразу бросаются ему въ глаза, и совсѣмъ не видитъ, не хочетъ видѣть серьезныхъ, коренныхъ неисправностей, наносящихъ дѣйствительный вредъ дѣлу. Командиръ не менѣе грубо разноситъ за всякую мелочь старшаго офицера и другихъ ему подчиненныхъ офицеровъ, совсѣмъ не обращая вниманія ни на что,—ни на время и мѣсто, ни на окружающую обстановку и присутствующихъ здѣсь лицъ и т. д. Офицеры съ жестокимъ спокойствіемъ и выправкою охотно занимаются мордобитіемъ матросовъ и считаютъ это средство единственнымъ, способнымъ поддержать дисциплину; но ея однако нѣтъ и слѣда у перебитой команды; поражаешься, наоборотъ, распушенностью, царящей здѣсь. Здѣсь нѣтъ ничего общаго съ той настоящей дисциплиной, какая была у насъ въ батальонѣ, гдѣ я служилъ,—до прихода запасныхъ; тамъ мордобитіе практиковалось въ общемъ весьма рѣдко, но дисциплина была. А тутъ пощечины раздаются очень звонко и очень часто. Совсѣмъ не рѣдко

¹¹⁾ „Морск. Сборн.“, 1907, № 4, стр. 49.

здѣсь можно наблюдать и членовредительство, какъ-то: разрывъ барабанной перепонки, сворачиваніе носа на сторону, вышибаніе зубовъ, поврежденія глазъ, головныхъ покрововъ и т. д. А самымъ возмутительнымъ является то именно, что *никто не стѣсняется* не только звѣрски бить команду, но и смаковать это избиеніе, рассказывать объ этомъ варварствѣ съ похвалой. Однажды раннимъ утромъ я спустился,—пишетъ товарищъ,—въ каютъ-компанію и засталъ тамъ старшаго офицера за чаемъ. Я спросилъ себѣ кофе, и у насъ завязался разговоръ. Мой собесѣдникъ жаловался все на скверный климатъ. „И жарко, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко простужаешься! У меня вотъ разыгрался ревматизмъ въ правой кисти. Сначала я думалъ, что это отъ мордобитія. Приходится тоже частенько бить этихъ мерзавцевъ! Но вотъ уже недѣля, какъ я не занимался этимъ *физическимъ трудомъ*, а боль все не проходитъ!...“ Слышать это дикое, циничное сравненіе мордобитія съ физическимъ трудомъ въ данномъ случаѣ было особенно тяжело и странно, т. к. въ общемъ это былъ все-таки еще довольно умный, начитанный и много видѣвшій на своемъ вѣку офицеръ... Но такова ужъ эта привилегированная среда и ея звѣрскіе нравы и обычаи, унаслѣдованные ею отъ временъ крѣпостного права...”

Въ началѣ 1907 г. появилась брошюра подъ названіемъ „*Безумцы и безплодныя жертвы*“, написанная А. Затертымъ, бывшимъ матросомъ съ броненосца „Орель“. Авторъ посвящаетъ свой трудъ товарищамъ-матросамъ, погибшимъ въ Цусимскомъ бою, и рисуетъ тяжелую, безотрадную картину отношеній офицерства къ командѣ, царившихъ на эскадрѣ вообще и на броненосцѣ „Орель“ въ частности. По разсказу свидѣтеля-очевидца въ этихъ отношеніяхъ было все, кромѣ того, чему слѣдовало бы на самомъ дѣлѣ быть. Царили тамъ не только мордобитіе, но и глумленіе надъ командою, постоянное издѣвательство надъ ней; допускалось и поощрялось не только жестокое, ничѣмъ не вызываемое истязательство, но даже и „пытки, напоминавшія времена крѣпостничества“ (стр. 11). Въ брошюрѣ со всѣми подробностями и съ полными именами *дѣйствующихъ лицъ*, работающихъ во флотѣ и въ настоящее время, во множествѣ описаны такіе сцены, которыя читающаго ихъ возмущаютъ своей дикостью, нелѣпостью, жестокостью и варварствомъ... Что потомъ понадобилось знать въ день искупленія подъ Цусимой, тому не учили; а большинство всѣхъ такъ называемыхъ „ученій“ для команды, и безъ того изнуренной въ походѣ неправильно организованными судовыми работами, очень часто обращалось только въ мученіе команды, въ издѣвательство надъ ней. На броненосцѣ „Орель“, напр., „до самаго боя не было сдѣлано настоящаго расписанія для участниковъ въ общей работѣ“ (стр. 12); поэтому при различныхъ тревогахъ матросы не знали куда бѣжать, что дѣлать, за что браться; офицеры же въ такихъ случаяхъ только безобразно орали, да награждали подчиненныхъ подзатыльниками; но сами они, безрезультатно суетясь, не умѣли толково распорядиться... На питаніи команды нѣкоторые гг. офицеры позволяли себѣ наводить такую „экономію“, что „командѣ иногда приходилось питаться чуть ли не падаley“ (стр. 6 и 13); не только они „экономили“, но и „обвѣшивали иногда при выдачѣ провизіи“ (стр. 6), „недодавали жалованья“ (стр. 6), „зажиливали разныя заработанныя деньги“ (стр. 6), урывали 15 коп. изъ 20 (стр. 7), полагающихся въ заграничномъ плаваніи каждому матросу на покупку книгъ и т. д. И это были не исключенія, не единичные случаи; это была своего рода

система: о „безгрѣшныхъ доходахъ“ этихъ гг. говорили въ открытую; при удачномъ подборѣ помощниковъ эти доходы превосходили казенное жалованье офицера иногда *разъ въ двадцать* (стран. 8); ругань и драчливость составляли два „основныхъ предмета“, которые предстояло на кораблѣ усвоить зеленой молодежи, чтобы заслужить къ себѣ благоволеніе начальства. „Изъ семисотъ человѣкъ, плававшихъ на крейсере „М“..., остались ни разу не колоченными 5—6 матросовъ“, говоритъ г. Затертый на стран. 9 своего труда. При господствѣ такихъ порядковъ „нѣкоторые командиры, выбирая себѣ фельдфебелей, обращали главное вниманіе совѣтъ не на умственные способности ихъ и не на честность ихъ; послѣдняя, пожалуй, только бы мѣшала дѣлу; цѣнились же больше всего *здоровенный ростъ, „буфера“ (кулаки) и умѣнье съ одного удара валить человѣка съ ногъ*“ (стран. 10—11)... Въ кондуктора, получающіе въ заграничномъ плаваніи до 1500 р. жалованья, командиры проводили своихъ безграмотныхъ любимцевъ, иногда *отвѣчая за нихъ на экзаменъ* (стран. 20) и всегда цѣня въ нихъ „угодливость передъ начальствомъ, а по отношенію къ командѣ—ворчливость, крикливость, а главное... драчливость“ (стран. 20—21). Здѣсь кстати замѣтить, что *изъ кондукторовъ съ броненосца „Орелъ“ никто не былъ раненъ въ Цусимскомъ бою*: они расплзлись во время боя по совершенно безопаснымъ уголкамъ корабля; и только тогда уже, когда произошла сдача кораблей 15 мая, они вышли наверхъ (стран. 48)... И вотъ такимъ-то кондукторамъ ввѣрялось... „воспитаніе“ молодыхъ новобранцевъ, подготовка ихъ къ геройскимъ подвигамъ... И дѣлалось все это не изъ-за недостатка въ людяхъ, а потому, что *такъ было нужно*: такіе фельдфебели и кондукторы отлично обезпечивали начальству *спокойное, безпечальное и безпечное житіе*... Результатомъ всѣхъ этихъ ненормальныхъ отношеній и явился въ походѣ цѣлый рядъ возмущеній команды противъ гг. офицеровъ. Такія возмущенія были на „Орлѣ“, „Наваринѣ“, „Нахимовѣ“, „Терекѣ“ и др. Не избѣжали ихъ даже и флагманскіе корабли „Суворовъ“ и „Ослябя“ (стран. 5). Лицъ, интересующихся взятыми изъ жизни примѣрами безцѣльно жестокаго обращенія, примѣрами ничѣмъ не оправдываемаго униженія и оскорбленія команды своимъ ближайшимъ начальствомъ, на которое безплодно и никому было бы жаловаться, отсылаю къ брошюрѣ г-на Затертаго. Она содержитъ въ себѣ весьма много такого фактическаго, интимнаго матеріала изъ этой области, который слѣдуетъ прочесть прямо въ подлинникѣ. Это—безсиленный крикъдохнувшей свѣжаго воздуха, измученной жертвы съ переболѣвшей у нея душою...

Въ дополненіе къ этому одинъ изъ нашихъ товарищей вопросъ о безпризорности команды, объ отсутствіи сердечнаго отношенія къ ней и ея нуждамъ, о неуваженіи въ матросѣ его человѣческой личности освѣтилъ такими данными: „Это глубоко печально, но это фактъ: во флотѣ господствуетъ взглядъ на команду, какъ на случайное, чисто механическое соединеніе автоматовъ. Никому не приходится въ голову—смотреть на нихъ, какъ на *семью живыхъ людей*, которымъ нуженъ, очень даже нуженъ, хорошій, неглухой, сердечно относящійся къ нимъ отецъ; эти оторванные отъ семьи родной молодые матросы къ нему могли бы придти тогда за разрѣшеніемъ своихъ собственныхъ, не служебныхъ вопросовъ; они могли бы найти себѣ отвѣтъ у него на свои радости, горести, домашнія невзгоды; словомъ, они видѣли бы тогда въ своемъ начальствѣ не сухого формалиста, а сердечнаго, отзывчиваго отца“.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу. Была ли въ нашемъ боевомъ флотѣ трезвость?.. Мы говоримъ въ боевомъ флотѣ, флотѣ во время войны, не въ мирное время, когда онъ имѣетъ право жить на свободѣ. Общепринято, что мы съ тренировкой въ трезвости во флотѣ знакомы не были... Нѣкоторые прискорбные факты подверглись даже всемірной огласкѣ. Весною 1905 г., незадолго до Цусимскаго разгрома нашей эскадры, императоръ *Вильгельмъ* произносилъ въ Страсбургѣ, въ кругу военныхъ, рѣчь. Въ поученіе противъ излишней роскоши, противъ распущенности нравовъ, погони офицеровъ за развлечениями и проч.. императоръ привелъ рассказъ своего сына, только что вернувшагося съ Д. Востока, о томъ, какъ русскіе офицеры по прибытіи въ Кіаочао первымъ дѣломъ поспѣшили скупить тамъ все шампанское...

Особенно предавались алкоголизму на стоянкѣ у Мадагаскара. На „*Суворовъ*“ одинъ офицеръ, подъ влияніемъ выпитаго, опрокинулся за бортъ ¹²⁾... Много шампанскаго выпивали и на флагманскомъ кораблѣ, да и на другихъ судахъ Б.-Ц. эскадры“... Изъ-за этого шампанскаго вышла одинъ разъ скверная исторія. Нѣсколько ящиковъ этого вина были привезены на „*Суворова*“. Одинъ изъ нихъ матросы умудрились скрыть въ топку резервнаго котла. Ихъ накрыли ¹³⁾... Пришлось бы матросамъ сильно пострадать, если бы дали дѣлу законный ходъ; но его замяли.

Торжественный „завтракъ“ на одномъ изъ броненосцевъ, во время стоянки у Мадагаскара, „въ день поминовенія воиновъ, на полѣ брани животъ свой положившихъ“, затянулся почти на сутки; собрались къ 11 ч. утра 19 февраля, а разошлись утромъ 20 февраля ¹⁴⁾...

Алкоголизмъ былъ сильно развитъ на всей эскадрѣ ¹⁵⁾. Но особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи транспорту „*Иртышъ*“, предназначавшемуся для сопровожденія эскадры до самаго Владивостока и очутившемуся 14 мая въ бою. На этомъ суднѣ командиръ, старшій лейтенантъ и старшій офицеръ были пьяны почти постоянно и въ сильной степени ¹⁶⁾... Въ результатъ получались тамъ дикія сцены, масса всякаго рода недовольства, и на транспортѣ царило подавленное, мрачное настроеніе.

По приходѣ эскадры къ Мадагаскару пришлось отобрать значительную часть алкоголиковъ, особенно сильно мѣшавшихъ общей работѣ, и отослать ихъ обратно, на родину. Посадили ихъ на безнадежный транспортъ „*Малайя*“, который пришлось тоже вернуть на родину изъ-за его разбитыхъ до нельзя машинъ; присоединили къ нимъ всѣхъ исключенныхъ со службы, штрафованныхъ, сумасшедшихъ и „нѣкоторыхъ“ больныхъ ¹⁷⁾...

Для 2-го изданія этой книги одинъ изъ нашихъ товарищей прислалъ мнѣ заявленіе, что по уходѣ эскадры съ Мадагаскара измѣнилось въ этой области очень немного. На слѣдующей же продолжительной стоянкѣ эскадры въ водахъ Аннама былъ выпущанъ изъ Сайгона пароходъ со специальнымъ грузомъ,—на немъ больше всего было вина, и въ особенности шампанскаго“... Съ нашими товарищами, какъ съ „береговыми“, относившимися къ командѣ болѣе гуманно

¹²⁾ Политовскій, отъ Либавы до Цусимы, 1906, стр. 143.

¹³⁾ Тамъ же, стр. 143. ¹⁴⁾ Тамъ же, стр. 151.

¹⁵⁾ Политовскій, стр. 96, 97, 141, 143, 147, 151, 192, 220, 237; см. также письма нашихъ погибшихъ товарищей, помѣщенные даже въ главѣ *Цусимскіе герои*.

¹⁶⁾ Политовскій, стр. 237, 244. ¹⁷⁾ Политовскій, стр. 44.

и внимательно, чѣмъ „настоящіе моряки“, матросы были совершенно откровенны и передавали имъ удивительныя по своей неприглядности данныя о дикихъ, „пьяныхъ идеалахъ“ этой среды и своеобразныхъ взглядахъ въ ней на это дѣло, неизмѣнно добавляя всегда: „Вотъ когда матросъ глотнетъ немножко лишняго, его непременно накажутъ; а если вдрызгъ пьянаго офицера по трапу тащатъ, такъ ему ничего, можно“... Въ утѣшеніе товарищъ добавляетъ, что были все-таки въ эскадрѣ отдѣльные корабли съ трезвымъ и дѣльнымъ составомъ, гдѣ выдержка въ трезвости являлась совсѣмъ не потому, что они находились подъ наблюденіемъ свирѣпаго адмирала.

Въ упомянутой выше брошюрѣ А. Затертаго (на стран. 4) о морскихъ офицерахъ читаемъ слѣдующее: „Все свое свободное время они убивали на кутежи, или на знакомство съ женщинами подозрительнаго свойства, которыя помогали имъ транжирить большія деньги, нажитыя часто безчестнымъ и грязнымъ путемъ... Плавая заграницей, они приобрѣтали не знанія и опытность, а главнымъ образомъ... извѣстнаго сорта болѣзни и коллекціи дорогихъ винъ...“

„Крокодиловой слезой“ обильно сдабривали себя нѣкоторые офицеры даже и передъ самымъ боемъ; а одинъ изъ нихъ не удовольствовался и этимъ: отправляясь по боевой тревогѣ на свой постъ, онъ захватилъ съ собой еще и фляжку ¹⁸⁾, которую „на соблазнъ другимъ повѣсилъ у всѣхъ на виду...“

Въ № 10.883 „Нов. Вр.“ отъ 2 іюля 1906 г. бывший морякъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ „Разбитое поколѣніе“. Въ этой статьѣ въ числѣ весьма важныхъ причинъ, способствовавшихъ гибели нашего флота, авторъ отмѣчаетъ еще и распутство личнаго персонала, на которомъ сосредоточено все вниманіе и въ практическихъ плаваніяхъ, и въ резервѣ ¹⁹⁾. Свою статью, подкрѣпленную ссылками и на мнѣнія авторитетныхъ адмираловъ, авторъ закончилъ слѣдующими словами:

¹⁸⁾ См. стр. 36 брошюры А. Затертаго.

¹⁹⁾ „Отдавали якорь и сейчасъ же на берегъ—въ извѣстныя по преданіямъ значимыя мѣста. Обезпеченное офицерство, не довольствуясь мѣстнымъ предложеніемъ, изъ Кіля катило въ Гамбургъ, изъ Шербурга въ Гавръ, изъ Бреста въ Парижъ и т. д. Иной старый морякъ, вернувшись, начиналъ передавать, что онъ видѣлъ; оказывалось по его рассказамъ, что весь свѣтъ состоитъ изъ однихъ только значимыхъ мѣстъ... Японскіе офицеры пріѣзжали къ намъ работать, изучать минное дѣло и др. части военного дѣла, а наши офицеры, какъ заберутся бывало въ Нагасаки, такъ сейчасъ же—къ обольстительной Анига-санъ; тутъ начиналась ихъ „работа“, тутъ же она и кончалась“.

Для второго изданія книги наши товарищи добавили къ этимъ даннымъ еще слѣдующее: „Корень зла въ этомъ дѣлѣ заложенъ весьма глубоко. Нерѣдкость встрѣтить офицеровъ, которые, будучи еще кадетами, при первыхъ же плаваніяхъ успѣвали изучить всѣ варты Гельсингфорса, а о существованіи въ этомъ городѣ музея даже и не подозреваютъ. На понятное недоумѣніе съ нашей стороны приходилось слышать отвѣтъ, что ихъ воспитатели, ротные командиры и другія начальствующія лица объ этомъ не заботятся. Все вниманіе будто бы обращено на поведение ихъ на суднѣ; но случаевъ доставленія кадетъ на судно мертвецки пьяными бывало не мало. Это сходило съ рукъ и, повидимому... никого не удивляло“.

Во Владивостокъ безцѣльно было бы искать научнаго музея, но отлично процвѣтаетъ „Тихій Океанъ“, притонъ г-на Иванова, получающаго казенное воспособленіе въ 35.000 руб... (см. „Вѣсти. Евр.“, 1905, № 5, стр. 188).

„Еще до четверть вѣка до Цусимскаго боя поколѣніе нашихъ моряковъ было обезсилено развратомъ, обезволено, разгромлено въ своихъ нервахъ, истощено въ совѣсти своей... Я не говорю уже объ ихъ матеріальномъ разореніи, объ ихъ другихъ порокахъ²⁰⁾, сопутствующихъ разврату, въ родѣ пьянства и проч. Соберите все это въ одинъ итогъ, и тогда будетъ понятно, отчего мы проиграли войну“...

До 1902 г. во главѣ эскадры на Д. Востокѣ стоялъ еще вице-адмиралъ Н. И. Скрыдловъ. Какъ человѣкъ энергичный, самостоятельный, онъ не переносилъ вмѣшательства въ его непосредственную дѣятельность со стороны намѣстника края, адмирала Алексѣева, о чемъ, не стѣняясь, ему и заявлялъ. Адмиралъ Алексѣевъ въ свою очередь не переносилъ самостоятельныхъ подчиненныхъ; въ Спб. онъ заявилъ, что не вѣдетъ въ П.-Артуръ до тѣхъ поръ, покуда оттуда не выѣдетъ Скрыдловъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ: 4-го октября 1902 г. торжественно вѣхалъ въ П.-Артуръ Алексѣевъ, а наканунѣ отбылъ оттуда „въ Россію“ Скрыдловъ... Его преемникомъ былъ назначенъ контръ-адмиралъ Старкъ, до этого бывший командиромъ порта въ Артурѣ. Какъ человѣкъ тихій, скромный и совершенно не самостоятельный, онъ былъ находкой для властолюбиваго Алексѣева, но совершенно не годился для выполненія той роли, какая выпала ему на долю передъ войной и въ началѣ войны („Море“, 1906 г., №№ 13 и 14, стран. 458).

На свои сухопутныя и морскія затѣи на Дальнемъ Востокѣ Россія тратила ежегодно многіе миллионы рублей и не имѣла тамъ, подъ бокомъ у непріятеля, ни настоящаго штаба для эскадры, ни опытнаго, дѣятельнаго начальника для нея: существовавшее тамъ подобіе штаба сами моряки откровенно называли между собою „Kindergarten“ („Морск. Сборн.“, 1906, № 4, стран. 48); а отвѣтственнымъ на бумагѣ начальникомъ эскадры за полтора года до войны былъ назначенъ Старкъ, который въ должности младшаго флагмана и въ адмиральскомъ чинѣ совсѣмъ не плавалъ, самъ все время жилъ на берегу и держалъ только иногда свой флагъ на одномъ изъ судовъ II-го ранга (тамъ же, стран. 47).

Да и вообще „П.-Артуръ не представлялъ никакихъ другихъ ресурсовъ для молодежи, кромѣ пьянства и картежной игры; тамъ не было ни семейной жизни, ни интересныхъ плаваній по разнообразнымъ портамъ, ни интереснаго специально военно-морского труда“: толклись на мѣстѣ, повторяя зады, повторяя одни и тѣ же ученья самаго элементарнаго характера; „передъ смѣной начальства эскадра засыпала, забывала пройденное“; потомъ опять начинали съ азова, дальше которыхъ такъ и не пошли (см. Морск. Сборн.“, 1907, № 3, статью лейт. гр. Капниста).

Организація, обученіе, и нравственное воспитаніе боевого флота при такихъ условіяхъ не замедлили принести, конечно, и соответ-

²⁰⁾ По словамъ „Нашей Жизни“, товарищескій судъ офицеровъ, бывшихъ на броненосцѣ „Орелъ“ во время его сдачи, рассматривалъ дѣло о расхищеніи судовыхъ денегъ въ суммѣ около 100 тысячъ руб. Деньги эти передъ сдачей корабля замѣститель командира судна приказалъ ревизору выбросить въ море и въ отвѣтъ на это получалъ донесеніе объ исполненіи этого приказанія. Но впоследствии, во время пребыванія въ плѣну въ Японіи, появились признаки того, что это распоряженіе на самомъ дѣлѣ выполнено не было. Въ виду отсутствія officialнаго разслѣдованія по этому дѣлу и собирався указанный товарищескій судъ.

ственные результаты, возможные только въ государствѣ, когда въ немъ отсутствуетъ гласность и независимое общественное мнѣніе, когда въ немъ царить атмосфера полного общественного застоя.

До какихъ крайнихъ предѣловъ открытаго безобразія и разнузданности доходили въ этотъ періодъ гг. морскіе офицеры въ П.-Артурѣ, объ этомъ откровенно было недавно написано въ журналѣ „Море“ за 1906 г. (см. №№ 13—14, стран. 459—460); порча вещей и битье посуды моряками въ ресторанахъ, скандалы, производимые ими „на второмъ взводѣ“ гдѣ-нибудь на улицѣ, въ циркѣ, въ театрѣ, даже во время дѣйствія, скандалы, сопровождаемые скулодробленіемъ и т. п., въ то время не считались уже ни во что; разсказаны между прочимъ похождения двухъ безобразниковъ-офицеровъ, одинъ разъ ворвавшихся въ баню въ запертой номеръ, а другой разъ прекратившихъ свободное движеніе пѣшеходовъ и экипажей въ узкой улицѣ. Въ баню они ворвались, чтобы послать себѣ за пивомъ мывшагося въ отдѣльномъ номерѣ пожилого господина, послать на улицу недомытаго и прямо въ костюмѣ прародителя; а движеніе на улицѣ они прекратили днемъ, пожелавши поперекъ улицы лечь спать, ногами вмѣстѣ, головами врозь. Пѣшеходовъ, выражавшихъ имъ свое неудовольствіе, эти гг. „приводили въ христіанство“, а наѣхавшаго на нихъ извозчика они избили, и экипажъ его былъ ими изломанъ...

Одинъ изъ этихъ скандалистовъ былъ предсѣдателемъ портовой приѣмной комиссіи... Дѣла въ этой комиссіи шли такъ недурно, что во время осады было начато слѣдствіе о дѣлопроизводителѣ этой комиссіи. Будучи ничтожной сошкой, коллежскимъ регистраторомъ, этотъ дѣлопроизводитель за 1½—2 года своей дѣятельности умѣлъ собрать капиталецъ поболѣе 50.000 руб. Это впрочемъ никого не удивляло... Былъ тамъ другой коллежскій регистраторъ и еще почище. Тотъ принималъ съ пароходовъ уголь для эскадры, получалъ жалованья до 100 руб. въ мѣсяцъ и за три года своей службы передъ войною „нажилъ“ свыше 200.000 руб. („Море“, 1906, №№ 13—14, стран. 460). Въ роли „благодѣтеля“ выступалъ главный поставщикъ флота Гинзбургъ, то же самое лицо, которое дѣлало всѣ поставки и во время войны. У этого многолѣтняго, опытнаго поставщика вѣдомства ни съ кѣмъ никогда не было крупныхъ недоразумѣній и не-пріятностей; и при заключеніи контрактовъ, и при послѣдующей доставкѣ матеріаловъ во флотъ на десятки милліоновъ, соображая чинъ и рангъ, онъ умѣлъ быть „полезнымъ и пріятнымъ“ всѣмъ тѣмъ, отъ кого зависѣла какая-нибудь возможность надѣлать ему не-пріятностей. Никому какъ будто и въ голову не приходило, что поставщикъ будетъ дѣлать это не изъ своего кармана; его дѣло было потомъ только представить счетъ, а въ успѣхѣ дѣлежа никто не сомнѣвался... Объ успѣшной дѣятельности этихъ „регистраторовъ“ зналъ весь Артуръ, но никто этому не удивлялся, не склоненъ былъ видѣть въ этомъ что-либо „особенное“... Знали объ этомъ и Старкъ и Алексѣевъ. А теперь даже и пишутъ объ этихъ регистраторахъ; о нихъ—можно... Заботились только о томъ, чтобы дѣло велось поосторожнѣе... „Я не хочу, чтобы у меня было новое севастопольское угольное дѣло“, говорило начальство; „не забывайте, что у меня всегда и все благополучно“, прибавляло оно. И никто этого не забывалъ...

„Списокъ чиновъ нашего флота передъ войною былъ переполненъ адмиралами и капитанами 1-го ранга, а водить эскадры и корабли все-таки было некому²¹⁾, т. к. мало-мальски способныхъ лицъ

²¹⁾ „Море“, 1906, № 5, стр. 182.

у насъ было принято опредѣлять къ береговымъ должностямъ. Для флота эти береговые должности мало полезны, но они для изобретниковъ весьма выгодны въ матеріальномъ отношеніи, спокойны и почетны²²⁾.

Необходимость плаванія въ теченіе всего года у насъ не сознавалась. А такое плаваніе столь же необходимо и для адмираловъ, какъ и для остального персонала. Передъ войной наши адмиралы считали, что учиться имъ нечему, что они уже все знаютъ, что имъ остается только учить другихъ. А на практикѣ это обученіе нерѣдко выливалось ими въ невѣжественное самодурство²²⁾, или въ разгильдяйство, въ зависимости отъ личныхъ качествъ адмирала. Въ лучшемъ случаѣ все сводилось къ строгостямъ чисто внѣшняго порядка. Типъ адмирала Н. И. Бутакова, который въ плаваніи, не переставая, учился, такъ и не повторился у насъ въ теченіе 30 лѣтъ.

Передъ самой войной назначеніе командировъ на суда, благодушно стоявшія на Дальнемъ Востокѣ, стало дѣлаться канцелярскимъ путемъ, просто по списку; и будущіе гг. командиры пріѣзжали туда для выполненія ценза, *какъ на гастролы* („Морск. Сборн.“, 1906, № 4, стран. 47). Поѣздки эти были обставлены вполнѣ „прилично“: „подъемныхъ“ адмираламъ полагалось 1500 р., спальное мѣсто—въ I-мъ классѣ, „суточныхъ“—отъ 10 до 20 руб., глядя по роли, бесплатный провозъ багажа въ 20 пудовъ. Для штабъ- и оберъ-офицеровъ—тѣ же льготы, только масштабъ немного скромнѣе, кончая суточными въ 5 руб. Нѣкоторыхъ изъ этихъ гастролеровъ передъ войной признали нужнымъ смѣнить; а другіе потомъ уже, во время войны, уѣхали сами изъ П.-Артура „по болѣзни“, которая, однако, ничуть не мѣшала имъ затѣмъ числиться командирами судовъ, бездѣйствующихъ въ Балтійскомъ морѣ; началась война, а на многихъ миноносцахъ въ П.-Артурѣ совсѣмъ не было еще командировъ, ихъ потомъ уже „по великому сибирскому пути“ прислали изъ Россіи, но они, разумѣется, совсѣмъ не знали ни миноносцевъ, ни людей, имъ ввѣряемыхъ, ни береговъ...

Не мудрено, что при такихъ порядкахъ потомъ, когда это понадобилось, у насъ не оказалось достаточнаго числа хорошихъ строевыхъ командировъ, такихъ, у которыхъ были бы и знанія, и опытность въ дѣлѣ, и любовь къ работѣ,—такихъ, которые умѣли бы опираться въ часы работы не на призрачное обаяніе своего чина и ранга, не на одну только жестокую, бездушную, служебную дисциплину, а и на глубокое знаніе своихъ помощниковъ, на уваженіе въ подчиненномъ—его человѣческой личности, его таланта, знаній, разумной инициативы и горячаго искренняго желанія работать... Не было серьезнаго отношенія къ дѣлу и желанія работать „вверху“, нельзя было ожидать другого отношенія къ дѣлу и во всѣхъ рангахъ ниже.

Изъ хитроумной области перемѣщеній офицерскаго состава съ одного судна на другое ко 2-му изданію книги намъ былъ сообщенъ цѣлый букетъ примѣровъ, имѣвшихъ мѣсто до войны и послѣ войны, съ полными именами. Приведемъ здѣсь 2—3 характерныхъ случая:

„Старшій штурманъ портового судна „М“... передъ войной былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на вспомогательный крейсеръ „А“..., гдѣ главнымъ его занятіемъ были погрузка и выгрузка угля; а послѣ войны его сдѣлали командиромъ новаго эскадреннаго миноносца „М“...; онъ самъ откровенно сознавался, что послѣ окончанія курса въ корпусѣ онъ ни разу не имѣлъ случая видѣть миннаго аппарата“...

²²⁾ „Нов. Вр.“, 1906, № 10.753.

„Командиръ транспорта „Х...“ былъ отправленъ въ походъ командиромъ вспомогательнаго крейсера „А...“; по окончаніи же войны его назначили командиромъ только-что выстроеннаго крейсера 1-го ранга въ 16.500 *tn*. водоизмѣщенія“.

„Старшій офицеръ, бывшій на войнѣ на вспомогательномъ крейсере „К...“, способный, самоотверженный, сравнительно молодой еще человѣкъ, послѣ войны былъ назначенъ штурманомъ въ отрядъ адмирала Б., гдѣ весь его опытъ, богатый и разносторонній, обреченъ на забвеніе“...

Энциклопедистомъ быть невозможно, а штабъ все время занимается подобными перемѣщеніями и рѣшительно не даетъ возможности специализироваться на одной отрасли труда.

Во флотъ только сейчасъ начинаютъ думать о томъ, что хорошо было бы главный офицерскій составъ судовъ (командиръ, старшій офицеръ и специалисты) безъ надобности и крайней необходимости не перемѣщать съ одного судна на другое, чтобы „съ одной стороны положить начало созданію кораблей-организмовъ, на которыхъ личный составъ могъ бы съ своимъ кораблемъ какъ бы спаяться и получить отъ него специальную окраску, а съ другой—положить конецъ гастролерованію гг. офицеровъ, вся цѣль пребыванія которыхъ на суднѣ сводится къ полученію морского удовольствія“... („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 5, стран. 76). Только сейчасъ начинаютъ говорить о томъ, что командиру судна надо бы предоставить право избранія себѣ своихъ помощниковъ (т.-е. старшаго офицера, старшаго штурмана, механика, артиллериста, минёра) и право списыванія съ судна нерадивыхъ работниковъ.

„У насъ не могло быть опытности, не могло быть (!) боевой постановки дѣла; но мы, кромѣ этого, ничему и не учились изъ опыта предшествовавшихъ войнъ; даже опыты этой войны пропадали для многихъ даромъ: Цусимскій бой какъ разъ подтверждаетъ это; боевой опытъ нашей первой тихо-океанской эскадры пропалъ для насъ почти даромъ²³⁾, такъ какъ чины эскадры Рождественскаго, до своего поразенія, къ этому опыту относились только съ пренебреженіемъ“.

Къ подбору личного состава строевыхъ офицеровъ, къ знакомству ихъ съ кораблемъ и командой, идущими на войну, высшее начальство относилось вообще довольно своеобразно; офицеры постоянно мѣнялись, одни приходили, другіе уходили. Мѣняли и командировъ, мѣняли и офицеровъ-специалистовъ передъ самымъ уходомъ эскадры на Д. Востокъ; и все это ничуть не вызывалось самими дѣломъ или потребностями корабля, а производилось чисто канцелярскимъ путемъ, на основаніи „особыхъ соображеній“...

Для иллюстраціи этого положенія ко 2-му изданію книги мною были получены слѣдующія данныя:

„На миноносцѣ „Б.“ плавалъ мичманъ, близко знакомый съ женой одного изъ министровъ. Передъ уходомъ эскадры на Д. Востокъ мичманъ болѣе года былъ на этомъ миноносцѣ, свершилъ на немъ заграничное плаваніе и былъ полезенъ на миноносцѣ. Но въ разговорѣ съ женой министра мичманъ, описывая трудности плаванія на миноносцѣ, какъ-то неосторожно сгустилъ краски; это произвело на нервную женщину большое впечатлѣніе, и судьба мичмана была безповоротно рѣшена, вопреки его желанію и вопреки настояніямъ ближайшаго къ нему начальства. Изъ главнаго морского штаба къ

²³⁾ „*Морской Сборн.*“, 1906, № 5, стр. 56.

командиру миноносца былъ направленъ запросъ, — „не встрѣчается ли препятствіи къ переводу мичмана такого-то, по просьбѣ министра такого-то (не сказано — жены министра), на одно изъ боевыхъ судовъ эскадры“. По просьбѣ самого мичмана командиръ миноносца отвѣтилъ на этотъ запросъ въ такомъ духѣ, что миноносецъ тоже боевое судно, что онъ находится въ боевомъ составѣ судовъ эскадры, и что мичманъ весьма полезенъ на миноносцѣ. Не взирая на полученіе такого отвѣта на офиціальныи запросъ, который былъ сдѣланъ неизвѣстно для чего, мичманъ былъ переведенъ на одинъ изъ такихъ крейсеровъ, съ постройкой которыхъ запоздали и который послѣ ухода эскадры Рождественскаго все еще оставался въ Финскомъ заливѣ; а на миноносецъ былъ назначенъ совсѣмъ молодой мичманъ, только что выпущенный изъ морского корпуса“...

Жаль, что на уходившей на войну эскадрѣ, тѣ же самыя перетасовки дѣлались и съ механиками. „Былъ случай ²¹⁾, что миннымъ механикомъ назначили технолога, только-что произведеннаго, который хорошенько еще и мины-то ни разу въ глаза не видѣлъ. Были случаи, что на броненосцы присылали новыхъ старшихъ механиковъ *за двѣ недѣли до выхода эскадры на войну*, а ихъ помощники были на корабляхъ передъ этимъ кто мѣсяцъ, кто полтора. Это обстоятельство между прочимъ обратило на себя вниманіе Государя Императора на смотрѣ эскадры въ Ревелѣ, когда Онъ узналъ объ этомъ изъ вопросовъ, обращенныхъ Имъ къ гг. механикамъ на нѣкоторыхъ броненосцахъ. Государь высказалъ командирамъ по этому поводу свое удивленіе. — Вообще механиковъ на корабляхъ мѣняли, если можно такъ выразиться, какъ перчатки. Одно лицо, напр., въ 3 мѣсяца перемѣнило 4 должности передъ самымъ походомъ: было и миннымъ механикомъ, и кочегарнымъ, и трюмнымъ, и, наконецъ, сразу устроилось помощникомъ старшаго механика на одномъ изъ броненосцевъ-гигантовъ; на другомъ кораблѣ въ 2½ мѣсяца было „списано“ съ корабля одинъ за другимъ 4 механика по соображеніямъ, ничего общаго не имѣющимъ съ механическимъ дѣломъ, а пошли въ походъ лица, совершенно незнакомыя ни съ кораблемъ, ни съ его механизмами“...

Безъ всякаго сомнѣнія, это невыгодно отражалось и на дѣлѣ. „Пошли въ походъ, съ минуты на минуту ожидая нападенія Японцевъ, или же ихъ прислѣдниковъ; пошли на *незнакомомъ кораблѣ, съ незнакомой командой*, надежность которой считалась невысокой. Первое время всѣ чувствовали себя неважно. Приходилось наскоро знакомиться со всѣмъ, а жизнь корабля все шла впередъ, приносила съ собою все новыя и новыя требованія. Сколько непріятностей, горячки и тяжелыхъ минутъ неизвѣстности пережили мы, молодые механики, пока взяли всю механическую часть корабля въ свои руки. Трудно было что-либо дѣлать, не зная ни людей, ни машинъ, ни трубопроводъ. — Да вотъ, изъ-за незнанія корабля сколько мучились мы, напр., съ прѣсной водой, которая „пропадала“, несмотря на то, что работало два испарителя. Изучить всю сѣть трубопроводовъ до выхода въ море не удалось, все подсовывали другія экстренныя работы; а тутъ въ октябрѣ 1904 г. въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ морѣ волей-неволей пришлось лазить подъ котлами по поясъ въ холодной водѣ, осматривать и практически *изучать* питательный трубопроводъ; получить указанія „свыше“ нечего было и думать; довѣрить осмотръ

²¹⁾ Изъ писемъ нашихъ товарищей, отправлявшихся въ походъ.

кочегарному или трюмному унтеръ-офицеру было нельзя,—мы не знали еще степени ихъ надежности, а дѣло было серьезное, не терпящее отлагательства и требующее безусловно вѣрнаго рѣшенія“...

Объ отношеніяхъ офицерства къ служебной работѣ и служебному долгу предоставимъ теперь говорить имъ самимъ (см. „*Морск. Сборн.*“, 1906 г., № 4, стр. 71):

„Воспитанникъ, окончившій Инженерное училище или Морской корпусъ, производился въ офицеры и во всю свою дальнѣйшую службу *могъ больше не учиться*, а только аккуратнымъ быть по службѣ и практически изучать свое дѣло по скольку это непосредственно касается его;—и ему движеніе по службѣ и награды были обезпечены ²⁵⁾, а чрезъ 35 лѣтъ онъ уходилъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіями по положенію“... И со льготами для своихъ сыновей,—прибавлю къ этому,—быть пристроенными впослѣдствіи къ такому же хлѣбному мѣсту, красивому мундиру, привилегированному положенію и нерѣдко паразитному существованію за счетъ народныхъ средствъ...

Чтобы получить штатъ работоспособныхъ офицеровъ, заботящихся о своей научно-технической подготовкѣ, у насъ не было проведено даже и мысли о томъ, что во флотъ слѣдуетъ допускать всѣхъ способныхъ молодыхъ людей, которые имѣютъ дѣйствительное влеченіе къ морской службѣ, независимо отъ ихъ „происхожденія въ морскомъ вѣдомствѣ“; у насъ царилъ, наоборотъ, „обычай—въ училищахъ вѣдомства давать преимущества дѣтямъ флотскихъ офицеровъ и дѣлать имъ разныя прибавки въ баллахъ въ ущербъ ²⁶⁾ дѣ-

²⁵⁾ Насколько заботливо разрабатывается въ морскомъ вѣдомствѣ эта часть, показываютъ тѣ данныя, которыя въ апрѣлѣ 1907 г. воспроизвели „*Рус. Вѣд.*“ на основаніи смѣты морского м-ва, внесенныхъ въ Государственную Думу. Оказывается, что *послѣ войны* наши жалкіе остатки флота требуютъ теперь на содержаніе штаба *четыре* большихъ расходовъ, чѣмъ до войны... Тогда весь флотъ дѣлился на 3 дивизіи, съ 3-мя старшими флагманами въ каждой; теперь число старшихъ флагмановъ въ дивизіи доведено до шести, да при нихъ числятся еще 10 младшихъ флагмановъ. Всѣмъ этимъ адмираламъ выплачивается теперь около 600.000 руб. въ годъ, имъ обезпечено жалованье, въ среднемъ почти въ *два раза* больше, чѣмъ у сухопутныхъ генераловъ. Не забыть и весь другой офицерскій составъ. Жалованье выплачивается и тѣмъ офицерамъ, которые причислены къ кораблямъ, еще не существующимъ, находящимся въ началѣ постройки и строящимся за границей. Каждый изъ командировъ такихъ судовъ однихъ „*столовыхъ*“ получаетъ по 2000 руб. Не забыть въ этихъ смѣтахъ министерства и „ремонтъ“ судовъ, на который нынѣ испрашивается много больше, чѣмъ ассигновалось прежде, когда у насъ *былъ флотъ*. Характеристикой масштаба требованій можетъ служить статья смѣты „на выдачу окрасочныхъ денегъ“. По этой статьѣ испрашивается 240.000 рублей (!) „въ размѣръ расхода 1906 г., согласно данныхъ портовыхъ управленій“...

²⁶⁾ Въ 1905 г., напр., въ одномъ изъ высш. уч. завед. вѣдомства было принято 65 чел.; но въ этомъ числѣ было только 45 лицъ, удовлетворившихъ конкурсу, но не потому, чтобы такихъ лицъ не было болѣе, а потому, что 20 л. надо было помѣстить въ конкурсѣ, съ плохими отбѣтками; среди нихъ были: четверо сыновей адмираловъ, 1 сынъ генералъ-лейт., 7 сыновей чиновъ вѣдомства и 8 протѣжъ такихъ персонъ, которымъ „нельзя отказать въ просьбѣ“... (см. *Нов. Вр.*, 1905, № 10.486, статья Кладо).

Въ послѣднее десятилѣтіе въ С.-П.-б. существовали спеціальныя подготовительныя лансіоны для подготовки богатой и бездарной молодежи къ корпусному экзамену за

тямъ нефлотскихъ семей“ („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 4, стр. 72), обычай, который значительную часть живого дѣятельнаго ядра нашего флота привелъ въ концѣ концовъ къ апатіи, вырожденію, упадку, къ насажденію въ его средѣ извращенныхъ понятій о долгѣ, чести и лежащихъ на немъ высокихъ обязанностяхъ передъ родиной.

Годами и десятилѣтіями создавалась атмосфера, въ которой чувство долга и добросовѣстное исполненіе обязанностей, не показное, а по существу дѣла, нерѣдко отходили въ сторону и свободно уступали свое мѣсто лѣни, карьеризму, фиктивной работѣ, безцѣльной, неосмысленной, не двигающей дѣла впередъ, а только демонстрируемой иногда предъ очами начальства, столь же вялаго и безучастнаго, какъ и они сами, озабоченнаго больше всего сохраненіемъ своего положенія, озабоченнаго прибавками къ окладу („за особыя заслуги“), чинами, повышеніями, сложнымъ и запутаннымъ проведеніемъ въ жизнь простыхъ работъ, формальными придираньями и стѣсненіями, торжествомъ мертвой буквы надъ здравымъ смысломъ, попираніемъ разумной человѣческой личности, таланта, знанія, рвенія къ разумной работѣ, не предусмотрѣнной отжившимъ свое время уставомъ, обычаями и традиціями...

Есть и еще одна сторона дѣла. Капитанъ де-Ливронъ за двѣ недѣли до Цусимскаго боя о „порядкахъ“ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ сообщалъ слѣдующія подробности (см. „*Слово*“, отъ 28 апрѣля 1905 г.):

„Нѣчто страшное, ничѣмъ необъяснимое, творится въ вопросѣ объ укомплектованіи нашихъ судовъ личнымъ составомъ... Назначеніе офицеровъ на суда происходитъ или по протекціи, или въ наказаніе... Если офицеръ испытываетъ дѣйствительное призваніе къ морской службѣ, пылаетъ горячей страстью принести свои силы на алтарь отечества и просится на Востокъ, ему отказываютъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что на судахъ нашихъ—столько офицеровъ, что назначеніе еще одного... потопить эскадру, а въ то же время, по протекціи бабушки, ея внукъ, захудалый, избалованный, пьянчужка-мичманъ, удирающій отъ долговъ, зачисляется на лучшія суда эскадры“...

Одинъ изъ нашихъ товарищей добавляетъ къ этому:

„Въ походѣ нерѣдко было поэтому слышать въ товарищеской бесѣдѣ между офицерами такой разговоръ:—„Б—ъ, несомнѣнно, милый и прекрасный человѣкъ: но, согласитесь, развѣ ему мѣсто во флотѣ? Что онъ для флота, и что флотъ для него?“—А такихъ оказалось не мало во флотѣ съ тѣхъ поръ, какъ наша высшая бюрократія стремится передать подъ сѣнь Андреевскаго флага своихъ дѣ-

баснословно высокія цѣны; и содержали эти пансіоны гг. корпусные офицеры... („*Море*“, 1906 г., № 5, стр. 185).

Въ Японіи приемъ въ морской корпусъ обставленъ другими порядками. Туда принимаются на казенное содержаніе юноши всѣхъ сословій въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, но съ большимъ выборомъ. Въ 1903 г., напр., для поступленія въ корпусъ явилось 1995 конкурентовъ на 180 свободныхъ вакансій; 595 человѣкъ были забракованы послѣ тщательнаго физическаго освидѣтельствованія, а 1400 лицъ были допущены къ экзаменамъ; изъ нихъ выдержали экзаменъ только 400 человѣкъ, изъ этихъ послѣднихъ и были отобраны 180 самыхъ лучшихъ кандидатовъ. Приемъ „по протекціи“ тамъ отошелъ въ область преданій. Въ дальнѣйшемъ идутъ, чередуясь, обученіе въ корпусѣ и плаваніе, обученіе въ специальныхъ школахъ и плаваніе, наконецъ обученіе въ высшихъ школахъ и отвѣтственная работа во флотѣ („*Море*“, 1906 г., № 5, стр. 184).

тей, изнѣженныхъ, беспильныхъ, не привыкшихъ ни къ какой работѣ и не интересующихся никакой работой; а вѣшалками для красивыхъ мундировъ они могли быть прекрасными... Внѣшній лоскъ, манеры, актерское умѣнье держать себя—вотъ альфа и омега той показной паразитной жизни, которую вели многіе изъ нихъ; а служебная работа—это было для нихъ только ненавистное ярмо... ²⁷⁾).

Другой изъ нашихъ товарищей напоминаетъ, что нельзя обойти здѣсь молчаніемъ также и вопроса о прапорщикахъ запаса. „Въ началѣ войны много дѣльной, толковой молодежи съ коммерческаго флота просилось въ военный для отправки на войну; но имъ гордо отвѣчали въ штабѣ, что въ ихъ услугахъ тамъ не нуждаются. Прошло нѣкоторое время, обнаружился недостатокъ въ офицерахъ; но у тѣхъ, кто добровольно предлагалъ свою жизнь и знанія, порывъ уже прошелъ. Пришлось набирать прямо съ улицы людей безъ знанія, безъ любви къ дѣлу, безъ элементарнаго образованія даже, только для заполнения вакансій, для комплекта... И водворялось знакомое всѣмъ на Руси бумажное благополучіе! Так. обр., напримѣръ, безграмотный механикъ-машинистъ съ маленькой мельницы былъ взятъ на корабль прапорщикомъ по механической части. Въ другомъ случаѣ простой телеграфистъ былъ поставленъ на вспомогательный крейсеръ специалистомъ-техникомъ по беспроволочному телеграфированію. И подобныхъ примѣровъ было много. Общій нравственный уровень этихъ гг. былъ не высокъ, а большое сравнительно жалованіе и офицерскіе погонны вскружили имъ головы; поэтому они относились къ командѣ много хуже, чѣмъ всѣ остальные офицеры, а въ глазахъ команды не пользовались никакимъ авторитетомъ. Все вышесказанное относится особенно до судовъ вспомогательныхъ, гдѣ процентъ прапорщиковъ запаса былъ значительный“.

Здѣсь умѣстно будетъ набросать также нѣсколько общихъ соображеній объ естественныхъ причинахъ упадка всей качественной стороны личнаго состава нашего флота за послѣднее время, въ періодъ перехода отъ парусовъ къ паровымъ двигателямъ на корабляхъ. Болѣе детальная разработка этихъ соображеній могла быть подготовлена только для 2-го изданія книги и была выполнена при любезномъ содѣйствіи нашихъ товарищей, работавшихъ во флотѣ.

Выйдя изъ корпуса, прежній морякъ во флотѣ, на суднѣ, волея-неволей перерабатывался въ смѣлаго и рѣшительнаго человѣка: тамъ онъ быстро пріучался къ отвѣтственности, къ строгому взвѣшиванію своего малѣйшаго поступка, своего распоряженія. Въ то время даже и вахтенный офицеръ долженъ былъ работать и трудиться; и служба его была нелегкая, къ тому же отвѣтственная; но самостоятельности онъ не былъ лишенъ, какъ теперь. Постоянная борьба со стихіей, руководимая человекомъ и затѣмъ исполняемая людьми же, воспитывала и закаляла людей; плавать „чемоданомъ“ тогда было нельзя... Всѣ такіе люди, негодные къ службѣ, волея-неволей должны были

²⁷⁾ До чего ненавистно было для многихъ это ярмо, это прекрасно характеризуется разсказомъ одного изъ нашихъ товарищей, работавшаго на миноносцѣ. Бывало, приходилось ему выходить въ море и тогда, когда командиръ этого страшно не хотѣлось. И вотъ въ такомъ случаѣ поднималась неистовая руготня и сыпались своеобразные упреки по адресу механика: „...У другихъ тамъ подшипники грѣются, или сломается что-нибудь во время! А отъ этихъ анафемъ ничего не дожدهшься!“... И, не дожидаясь ничего, поднимали сигналъ, что въ машинѣ неисправность. А неисправность была только въ головѣ командира изъ числа гастролеровъ.

оставлять службу во флотѣ. Среди тяжелой обстановки, среди непрерывнаго труда, напряженія и постоянной опасности имъ тамъ не было мѣста; ненужный балластъ выбрасывали за бортъ... Не то стало теперь. При постоянномъ численномъ недостаткѣ въ офицерахъ, вахтенными начальниками пришлось назначать молоденькихъ мичмановъ, недавно только еще сидѣвшихъ на школьной скамьѣ. Командиры не могли довѣрять такому персоналу. Ихъ лишили самостоятельности. Когда надо входить въ портъ, выходить изъ него, когда надо разойтись въ морѣ съ другимъ кораблемъ, особенно же ночью, командиръ обязательно вызывается на мостикъ. И за всю свою вахту, въ отдѣльномъ плаваніи въ особенности, такой вахтенный начальникъ въ сущности не имѣетъ никакого дѣла. Да и въ остальное время у него нѣтъ рѣшительно никакой работы, т. к. въ серьезъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать работой все то, что онъ дѣлаетъ на кораблѣ: онъ будитъ команду, приказываетъ ей соблюсти элементарную чистоту вокругъ себя и на палубѣ, приказываетъ ей дать чай, обѣдъ, ужинъ, вызываетъ ее на молитву и т. п. Тѣмъ не менѣе, когда онъ стоитъ на мостикѣ и съ важностію слѣдитъ за горизонтомъ, по ошибкѣ его можно принять за настоящаго вахтеннаго начальника. Но вотъ чуть показалось что-нибудь на горизонтѣ, и... сейчасъ же нужна помощь командира. Самостоятельности никакой, за весьма рѣдкими исключеніями. А въ большинствѣ случаевъ это—только *аппаратъ*; онъ слѣдитъ, чтобы исправно выполняли свои обязанности рулевые и сигнальщики, но самъ онъ однако же очень часто хуже ихъ знаетъ эти специальности. Тутъ и въ поминѣ даже нѣтъ той „школы“, въ которой вырабатывались настоящіе моряки.

Разныя артиллерійскія ученія, отраженія минныхъ атакъ и т. п. все это было у насъ въ сущности одна кукольная комедія. Научиться правильно наводить и стрѣлять я никогда не буду въ состояніи, если я буду только присутствовать при томъ, какъ наводитъ и стрѣляетъ мой сосѣдъ. Снарядовъ жалѣть на это нельзя, и *каждый самъ* долженъ умѣть стрѣлять; а иначе всегда будутъ получаться тѣ самые результаты практической стрѣльбы, какіе оказались у Рождественскаго въ Нозибеѣ... Но у насъ и все такъ.

По этому поводу нельзя не вспомнить другого не менѣе дикаго обычая—посылать въ десантъ людей, никогда не державшихъ ружья въ рукахъ; между тѣмъ это — фактъ, и въ каждой десантной ротѣ у насъ можно найти такихъ... А что касается до экономіи въ снарядахъ, то, оставаясь послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи, вѣдь, можно было бы идти и еще дальше. Жалѣя уголь и машинную смазку можно было бы начать „учить“ инженеръ-механиковъ флота управлять машинами и котлами, не разводя паровъ и стоя на якорѣ... „Ученье“ шло бы образцово; но далеко ли ушла бы наша эскадра съ такими „учеными“ гг. механиками?..

Штурманскому дѣлу у насъ тоже не учатся серьезно, хотя этого требуетъ уставъ. До сихъ поръ мы не знаемъ даже *своихъ* водъ. Въ Финскомъ заливѣ въ мирное время на полномъ ходу мы похоронили броненосецъ „Гангутъ“, и на короткомъ переходѣ изъ С-Пб. въ Транзундъ воздвигли цѣлый рядъ другихъ „могилокъ“, гдѣ безславно и безцѣльно похоронены нами остатки военныхъ судовъ самыхъ разнообразныхъ типовъ... Но уроки прошлаго ничему не учатъ насъ, и въ августѣ 1907 г. въ шхерахъ на полномъ ходу мы посадили на камни Императорскую яхту „Штандартъ“, заставивши пережить эту катастрофу и всю Царственную Семью. Со всѣмъ снаряженіемъ

постройка этой яхты въ свое время обошлась до 14 миллионѣвъ рублей; а снять ея съ камней и привести въ исправный видъ обойдется не менѣе 2—2½ миллионѣвъ рублей... Это—все „жертвы“ нашего незнанья и нежеланья работать.

До сихъ поръ гг. командиры не имѣютъ права ходить безъ лоцмановъ по финскимъ шхерамъ; а *всѣ лоцманы—финны...*, и что можетъ разыграться на этой зыбкой почвѣ во время войны или во время серьезной ссоры съ Финляндіей, не трудно себѣ представить. Не научать насъ уму-разуму никакія Цусимскія катастрофы, если даже у себя дома, подъ самымъ С.-Пб., мы будемъ во всемъ нуждаться въ посторонней помощи и надѣяться больше всего на чтимага покровителя моряковъ, Николу-Угодника...

„За что ни возьмешься, на что ни помотришь у насъ во флотъ“, — читаемъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, — „вездѣ наталкиваешься у персонала на нежеланіе что-либо серьезно изучать; нѣтъ знанія, но нѣтъ и желанія пріобрѣсти его; отсутствіе знанія маскируется спесью, изощренностью „втирать очки“ начальству... И все это видеть и отлично понимаетъ команда. О какомъ же довѣріи ея къ такимъ „работникамъ“ здѣсь можетъ быть рѣчь? А если нѣтъ довѣрія къ руководителю, не будетъ и успѣха въ работѣ. Это ясно. Разсужденіе о долгѣ, объ обязанностяхъ всегда умѣли проповѣдывать у насъ, во флотъ; но не этими разсужденіями воспитывается молодежь, а примѣрами, ежедневными поученіями, разсказами старшихъ. А эти разсказы всегда таковы, что у большинства молодежи они могутъ только убить желаніе и работать, и учиться, и относиться честно къ исполненію своего долга. Примѣры, которые видитъ молодежь, напоминаютъ ей о необходимости больше всего заботиться о „формѣ“, учатъ ее „втирать очки“ и въ этомъ видѣтъ залогъ успѣха по службѣ. Примѣръ командира, за свою самостоятельность жестоко поплатившагося своимъ карманомъ, достаточно поучителенъ для молодежи. Примѣръ адмирала, дѣлающаго смотръ кораблю, не менѣе поучителенъ. Всесторонняго смотра большею частію не производится; для этого, вѣдь, надо было бы понимать дѣло, знать его вдоль и поперекъ, отбросить свою лѣнь и самому начать работать. Оцѣнки продуктивности работы офицерскаго состава за плаванье тоже обыкновенно не дѣлается; въ чужой работѣ легко разбираться тому, кто самъ работаетъ. Несравненно легче производить бѣглый, формальный осмотръ, обращающій все вниманіе на казовые концы, на чистоту, а исправности всего остального великодушно довѣряя. Бывало такъ, что смотръ сходилъ отлично, и множество серьезныхъ неисправностей „благополучно“ было скрыто отъ взоровъ начальства ²⁵⁾. У каждаго изъ нихъ есть свой излюбленный „конекъ“, который и привлекаетъ къ себѣ его вниманіе

²⁵⁾ Въ этомъ сознаются и сами моряки. Вотъ что пишетъ между прочимъ лейтенантъ Д. Вердеревскій въ „*Морскомъ Сборникѣ*“ (1907 г., № 1, стр. 76—77): „На смотрахъ провѣряется не столько дѣйствительная работа личнаго состава, сколько умѣніе его команднаго персонала *скрывать свою недобросовѣстность или непригодность къ дѣлу*. Современные смотры производить на всякаго наблюдательнаго чловѣка безконечно тяжелое впечатлѣніе: какъ будто старшіе и младшіе стоворились кого-то обмануть; и этотъ кто-то есть то чувство долга, то обязательство передъ родиной, которое громко выражается въ словахъ присяги; эти слова обыкновенно остаются въ дѣйствительности именно только словами“... „Происхожденіе колоссальной недобросовѣстности въ службѣ личнаго состава, отличавшей нашъ флотъ до войны, обусловлено во многомъ именно существовавшей системой смотра“...

по преимуществу. Кому надо знать объ этихъ „конькахъ“, тѣ знаютъ и выѣзжаютъ на этомъ. Адмиралъ Бирилевъ, снаряжавшій Балт.-Цусимскую эскадру, имѣлъ, напр., большую слабость къ обязательному наблюденію за чистотой машинныхъ трюмовъ. Объ этомъ всѣ знали и очень быстро къ этому приноровились. Передъ походомъ на „*Николай I-мъ*“, напр., ставились вновь орудія и ждали, что Бирилевъ пріѣдетъ осмотрѣть ихъ, но... не забыли и машинныхъ трюмовъ. Пріѣхалъ Бирилевъ, удостоилъ трюмы внимательнаго осмотра со свѣчкой, остался доволенъ трюмами и... уѣхалъ. Послѣ этого командиръ порта въ свои посѣщенія тоже очень интересовался трюмами и ничѣмъ больше... Вотъ та обстановка, среди которой молодежь училась „служить“: вотъ та отрицательная работа, которая ежедневно привлекала къ себѣ ея вниманіе; о ней безъ усталы говорять, ею хвастаются... А дѣло отъ этого не подвигается впередъ“.

„Когда это будетъ нужно, мы умремъ“... Эту фразу въ каютъ-компаніи нерѣдко приходилось намъ слышать. Но, вѣдь, героизмъ—не въ смерти, иногда совершенно бесполезной для дѣла и безцѣльной; героизмъ—въ работѣ, въ той черной, будничной, мелкой, грязной и неблагодарной работѣ, отъ которой въ концѣ концовъ зависитъ успѣхъ дѣла. Но эти люди, которыхъ намъ приходилось наблюдать на кораблѣ „вверху“, на такой героизмъ были не способны; и никто не училъ и не учитъ ихъ у насъ тому, что главное—въ этой постоянной работѣ изо дня въ день; бой же—это только экзаменъ, провѣрка цѣлесообразности всей предшествовавшей работы. Японцы десять лѣтъ были героями, учились, работали, не покладая рукъ, и во всемъ проявляли себя задолго до боя. Поэтому они и выдержали экзаменъ, выдержали блестятельно; а мы захотѣли однимъ днемъ показного „геройства“ замѣнить отсутствіе долгихъ лѣтъ тяжелой, подготовительной работы. Наша русская машинная команда также выдержала этотъ экзаменъ, выдержала отлично: долгіе мѣсяцы тяжелой, кропотливой, грязной, подготовительной работы даромъ не пропали; и въ день боя ни одно судно не вышло изъ строя изъ-за неисправности механизмовъ“.

Упорядочивая всѣ эти стороны дѣла, въ будущемъ слѣдуетъ обратить вниманіе также и на матеріальную необезпеченность нашихъ моряковъ низшаго ранга, нормы которой у насъ совсѣмъ другія, чѣмъ въ Японіи. Тамъ въ среднемъ одинъ морякъ (включая и офицеровъ) получаетъ жалованья 143 рубля въ годъ, а у насъ—только 104 руб.; тамъ на содержаніе и продовольствіе одного моряка въ среднемъ отпускается 56 руб. въ годъ, а у насъ—24 руб., несмотря на то, что въ Японіи жизнь чуть ли не вдвое дешевле, чѣмъ у насъ. Но зато у насъ командующій флотомъ получалъ 108.000 руб. въ годъ ²⁹⁾, а тамъ адмиралъ Того довольствовался скромнымъ вознагражденіемъ въ 6000 руб. въ годъ („*Рус. Вѣд.*“, 1905, № 144).

Въ дополненіе ко всему вышеизложенному приведу нѣсколько личныхъ характеристикъ дѣятелей съ нашего разбитаго флота. Этотъ интересный матеріалъ въ разное время любезно былъ доставленъ

²⁹⁾ По случаю болѣзни отъ ранъ и контузій Рождественскому, еще за полтора мѣсяца до суда надъ нимъ по дѣлу о сдачѣ Японцамъ миноносца „*Бѣдовый*“, Высочайшимъ приказомъ была назначена почетная отставка съ мундиромъ и усиленная пенсія. („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 5).

мнѣ участниками похода, нашими товарищами-техниками по преимуществу.

„На одномъ броненосцѣ, въ пути на Дальній Востокъ, всѣ орудія извѣстнаго калибра оказались засыпанными углемъ послѣ его погрузки на судно; оставался лишь одинъ плутонгъ, гдѣ пушки были свободны и возможно было ученіе. И вотъ мичманъ, командиръ одного изъ этихъ плутонговъ, жалуется, что изъ троихъ мичмановъ (командировъ этихъ плутонговъ), которые должны были бы упражняться въ наводкѣ положенное время со своими людьми на этихъ орудіяхъ незасыпаннаго плутонга, лишь онъ одинъ занимается, а два другихъ мичмана и ихъ люди вовсе не ходятъ на занятія“...

„Тотъ же самый мичманъ, когда старшій артиллерійскій офицеръ приказалъ комендорамъ его плутонга имѣть всегда подъ руками зубило и ручникъ, прибѣгаетъ однажды, жалуется и сердится, какъ это старшій артиллерійскій офицеръ, не извѣстивъ его, приказалъ людямъ имѣть такія вещи, объяснить назначеніе которыхъ въ плутонгѣ онъ не могъ и очутился передъ людьми въ „идіотскомъ“ положеніи“...

„Другой мичманъ, командиръ башни, во время плаванія эскадры прибѣгаетъ съ разстроеннымъ видомъ къ старшему артиллерійскому офицеру и объявляетъ: — „Надо перестать производить „башенное“ ученіе (т.-е. артиллерійское ученіе въ башняхъ), потому что портятся башенныя установки; сначала, въ Либавѣ еще, онѣ плохо работали; потомъ стали работать лучше; а теперь опять начали портиться; сегодня башня у меня совсѣмъ стояла и сдвинуть ее не могли; если будемъ часто ее вертѣть, въ бою она никуда не будетъ годна; я искалъ-искалъ... и, наконецъ, *мы нашли*; выскочила шпонка отъ валика, и шестеренка не дѣйствуетъ“... И вотъ такому-то персоналу ввѣрялось управленіе башенными установками.

„А при погрузкѣ угля, какъ много зависитъ разумный и быстрый ходъ работы отъ мичмановъ и младшихъ механиковъ. Вотъ бѣжитъ по палубѣ безусый перепачканный мичманъ. — „Куда вы?“ — „На правомъ борту не хватаетъ людей таскать мѣшки“, и нигдѣ ни одного человѣка не дадутъ; такъ вотъ бѣгу къ старшему артиллерійскому офицеру, попрошу у него четверыхъ комендоровъ“. Черезъ нѣкоторое время возвращается сияющій. — „Ну, что, достали?“ — „Да, двоихъ досталъ; ну да ничего, они дружно взялись“... Вотъ у такихъ всегда, и на работѣ, и въ бою, берутся дружно. А чаще приходилось видѣть другую картину. Стоить особа, имѣющая молодое, красивое, выхоленное, надменное лицо, съ зубочисткой во рту; особа явно занята собой; или толчется на мѣстѣ, или прохаживается мѣрнымъ шагомъ (а кругомъ покрикиваетъ: — „Ходи бѣгомъ, во флотъ служишь“..., или ведетъ разговоръ съ „Ванькой“, какъ съ какимъ-то донсторическимъ человѣкомъ. И „Ванька“ на нашихъ корабляхъ, дѣйствительно, „бѣгомъ ходятъ“, какъ это имъ полагается“...

„Адмиралъ, строгій, наводящій ужасъ, но втайнѣ все еще многими обожаемый, издаетъ приказъ, чтобы мичманамъ на ходу вмѣсто верхней вахты стоять вахту въ машинахъ. Командиръ приказываетъ по кораблю, старшій офицеръ пишетъ расписание, съ мистика повѣряютъ присутствіе мичмана на вахтѣ... — „Вызовите къ рупору мичмана П.“ — „Г-нъ П. — въ кочегаркѣ; сейчасъ ихъ позовутъ“. Это отвѣчаетъ опытный машинистъ, а тѣмъ временемъ вахтенный бѣжитъ наверхъ: П. — въ относительно этого условливается съ механикомъ и преспокойно сидитъ свои четыре часа вахты въ каютѣ, чтобы не по-

падаться на глаза старшему офицеру. И вахту въ машинахъ многіе мичманы такимъ образомъ не стоятъ; на такихъ людей ничто не дѣйствуетъ, даже и предстоящая встрѣча съ непріятелемъ; беззаботность и нежеланіе работать полныя ³⁰⁾; не взирая на техническую неподготовленность, — равнодушіе ко всему дѣловому, что само не лѣзетъ въ глаза, и только чисто формальное отношеніе къ обязанностямъ“...

„Доходило иногда до того, что старшій офицеръ за чаемъ заявлялъ мичману:—„Василій Петровичъ, сейчасъ я проходилъ по батарейной палубѣ по правому борту,—ваше завѣдываніе; 25 лѣтъ я плаваю, но такой грязи и безпорядка никогда еще не видѣлъ“..

„Справедливость требуетъ сказать, что были мичманы и съ серьезными положительными качествами. „Мы видѣли съ ихъ стороны 14 мая и храбрость, и благородство, и сердечность, истинное пониманіе ими своего дѣла, желаніе исполнить его до конца, а иногда и пятна ихъ собственной крови на бѣломъ кителѣ; вмѣсто обидно-жестокаго третированія ³¹⁾ матроса въ трудную для него минуту, которое мы знали и видѣли ежедневно ранѣе, тамъ проявлялись иногда и нѣжность, и трогательное самоотверженіе для того же самаго, всю жизнь безжалостно третированнаго „Ваньки“. Но 14 мая 1905 г. эти проявленія казались намъ уже запоздалыми“... А будь другія традиціи, другіе взгляды кругомъ, такія отношенія существовали бы и ранѣе 14 мая.

„Начиная съ Мадагаскара на эскадрѣ каждую ночь ожидали минной атаки непріятеля; вечеромъ обязательно играли сигналы отраженія минной атаки, по которымъ на кораблѣ кругомъ должны задраиваться иллюминаторы. Подъ тропиками въ каютахъ и безъ того была жара въ 30—35 градусовъ Реомюра, и съ задраенными иллюминаторами спать не было никакой физической возможности. Поэтому офи-

³⁰⁾ А вотъ и результаты этого. *Политовскій* рассказываетъ слѣдующее (стр. 178):—„Слышалъ вчера споръ мичмановъ о томъ, сколько на „Суворовѣ“ ко-чегарокъ, и какъ расположены котлы. Объ этомъ спорили люди, проплававшіе на кораблѣ около года!.. Навѣрное, Японцы знаютъ лучше наши корабли, чѣмъ мы сами“.

³¹⁾ Что касается до дисциплины среди японскихъ солдатъ и отношеній между солдатами и офицерами, то относительно этого надо сказать слѣдующее: въ обычное, неслужебное время, офицеръ среди солдатъ является ихъ товарищемъ. Солдатъ подойдетъ къ офицеру и спокойно закуритъ у него папироску, солдатъ сидитъ въ присутствіи офицера, и офицеръ спокойно разговариваетъ со своими солдатами, какъ равный съ равнымъ; но въ служебное время нѣтъ болѣе строгаго и болѣе подчиненнаго отношенія, какое наблюдается у японца-солдата передъ японцемъ-офицеромъ; только это служебное подчиненіе является сознаннымъ, какъ необходимость, но не какъ слѣдствіе страха передъ наказаніемъ и мордобитіемъ, котораго совершенно не существуетъ въ японскомъ обиходѣ. Сознательность въ отношеніяхъ солдатъ-японцевъ и ихъ офицеровъ объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Японцы всѣ грамотны, всѣ развиты въ среднемъ до одного уровня мышленія и пониманія, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что и солдаты, и офицеры составляютъ дѣйствительно единодушную и единомыслящую военную семью, имѣющую общіе идеалы и живущую въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Японцы никакъ не могутъ себя уяснить, отчего такая громадная отчужденность между русскими солдатами и русскими офицерами, отчего русскій офицеръ имѣетъ у себя солдата какъ прислугу, съ которой обращается не по-товарищески, отчего русскій офицеръ пользуется такимъ привилегированнымъ положеніемъ, а русскій солдатъ—нѣтъ. „У насъ,—говорили Японцы,—и солдатъ, и офицеръ одинаково и одѣваются, одинаково питаются и одинаково понимаютъ военную службу“ (*Русск. Вѣд.* „ 1906, VI).

церы съ тоской ожидали всегда приближенія ночи; а когда она наконецъ наступала, притыкались спать гдѣ попало,—не только въ каютъ-компаніи, но и на спардекѣ, на мостикахъ, рядомъ съ матросами. Нѣкоторые же младшіе офицеры чуть ли не до Корейскаго пролива спали въ каютахъ, потихоньку отдраивая иллюминаторы. На такихъ не дѣйствовали ни постоянные приказы командира, ни принципъ, ни обходы старшихъ и постоянныя ихъ просьбы, ни дѣйствительная опасность“...

„И вотъ такой-то мичманъ, не знающій хорошенько своихъ орудій, сколько-нибудь серьезно никогда незанимавшійся артиллерійскою стрѣльбой, мало упражнявшійся даже въ наводкѣ орудій, стоитъ въ злополучный день 14 мая 1905 г., не получая изъ рубки ровно никакихъ указаній, и только кричитъ иногда комендорамъ:—„Это—не японскій крейсеръ, это нашъ „Ослябя“, не стрѣляйте“... Онъ же чуть не первый подставляетъ свое тѣло подъ фугасные снаряды непріятеля и падаетъ убитымъ или раненымъ; а команда и вовсе лишается начальника“...

„Но мичмана это молодежь, многое имъ можно и должно простить. Главное-то у нихъ все-таки есть,—молодая энергія и готовность работать; только не научили ихъ многихъ работать; не сумѣли въ нихъ самихъ возбудить интересъ къ работѣ, не сумѣли заставить ихъ понять высокій смыслъ ея, не показали на своемъ примѣрѣ, какъ надо работать“...

„Перейдемъ теперь къ лейтенантамъ. На такомъ пробномъ камнѣ, какъ долгое плаваніе, они довольно рѣзко дѣлились у насъ на *недѣльныхъ*, которыхъ берутъ на корабль „въ перегрузку“, и на *дѣльныхъ*, настоящихъ моряковъ. Къ счастью, лейтенантовъ перваго типа было все-таки не большинство; объ ихъ работѣ мало слышно на кораблѣ, тамъ они незамѣтны; но когда надо гдѣ-нибудь съ апломбомъ присутствовать своей собственной персоной, напр., въ каютъ-компаніи въ обѣденное время, тамъ они безусловно стараются первенствовать. Въ ихъ присутствіи товарищи задаютъ нерѣдко загадки;—„Что будетъ съ такой-то частью (минной, артиллерійскою), если уйдетъ М—нъ?“... Все хохочутъ. Или говорить невозмутимо серьезнымъ тономъ:—„Ну, вотъ будетъ бой; кто же у насъ въ рубкѣ будетъ стоять; вѣдь у насъ одинъ только П—въ дѣльный“... Новый отчаянный взрывъ хохота. Къ нимъ, какъ къ гусю вода, ничего не прилипаетъ; они спокойно проплаваютъ свой цензъ „съ одной полоской и тремя звѣздочками“, не смущаясь тѣмъ, что въ это время они тормазятъ и губятъ дѣло; потомъ у нихъ будутъ „двѣ полоски“, а потомъ и „орлы на плечахъ“; въ каждой такой стадіи, не желая работать, въ свое время они *внесутъ въ дѣло свою долю вреда*, ничѣмъ не смущаясь и спокойно опираясь на установленную традиціями выслугу лѣтъ. Бѣдный, бѣдный русскій флотъ!“...

„Зато сердце отдыхаетъ, когда вспоминаешь дѣльныхъ лейтенантовъ, столповъ корабля, настоящихъ боевыхъ моряковъ, которые держатъ весь корабль въ своихъ рукахъ и въ концѣ концовъ придаютъ ему его истинную фізіономію. Эти составляютъ расписанія, интересуются погрузкой угля, принимаютъ мѣры для ея улучшенія, а также и облегченія для команды; приглашаютъ на совѣтъ и старшаго механика, но ведутъ съ нимъ не „боевые разговоры“ о распредѣленіи работъ между верхней и нижней командой; совѣтуются насчетъ боевой готовности корабля, лучшаго прикрытія людей отъ непріятельскаго огня; ведутъ разговоры о будущемъ боѣ, о строѣ эскадры, о

тѣхъ или другихъ преимуществахъ непріятеля надъ нами, или обратно; устраиваютъ разумныя развлеченія для команды, сообщаютъ ей интересующія насъ всѣхъ свѣдѣнія и т. д.“

„Но даже и здѣсь, у этихъ лучшихъ, храбрыхъ и преданныхъ морскому дѣлу офицеровъ, оказывались общіе всѣмъ нашимъ морякамъ недостатки; среди послѣднихъ чаще всего бросаются въ глаза *плохая специальная техническая подготовка, отсутствие у нихъ самыхъ примитивныхъ кузнечно-слесарныхъ знаній и неумѣніе самому разобратся въ самыхъ простыхъ вещахъ этого рода.* Они завѣдуютъ людьми, часто завѣдуютъ очень хорошо, обучая и воспитывая команду и своимъ примѣромъ внѣдря въ нее добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Но вѣдь, кромѣ того, у нихъ на рукахъ масса механизмовъ; взять хотя бы 12-дюймовыя орудія и башенныя установки; онѣ стоятъ любуемыхъ механизмовъ, которые ввѣряются попеченію судовыхъ механиковъ, имѣющихъ для этого специально-техническую подготовку. Въ практическомъ неумѣніи обращаться со всѣми этими механизмами, въ отсутствіи правильнаго техническаго взгляда на сущность ихъ устройства, дѣйствія и ремонта лежитъ одна изъ главныхъ слабостей чуть не у всего офицерскаго состава. И это тѣмъ болѣе ощутительно, что наши портовые средства извѣстны; на ихъ помощь и содѣйствіе трудно разсчитывать; а у нашей Балт.-Цусимской эскадры, кромѣ „Камчатки“, всегда по горло заваленной работой, ничего другого въ этомъ родѣ не было“.

Напѣ погибшій въ бою товарищъ съ одного линейнаго корабля разсказывалъ, что ихъ „старшій артиллерійскій офицеръ, прилаживая практическіе стволы къ 12-дюймовымъ орудіямъ, послѣ долгой возни и осмотра приказалъ комендорамъ (не въ шутку, а совершенно серьезно!) снять *наждачной бумагой* такое количество металла, которое на токарномъ станкѣ надо снимать не меньше часа или полутора, и которое такимъ инструментомъ, какъ наждачная бумага, комендоры могли бы снять, вѣроятно, лѣтъ въ пять“...

„У одного крупнаго орудія въ пути на Д. Востокъ испортился компрессоръ (клапанъ пропускалъ); надо было его разобрать; все „начальство“ при орудіи очутилось въ большемъ затрудненіи; и не будь долгой стоянки у Мадагаскара, броненосецъ могъ бы попасть въ бой, не имѣя въ работѣ 12-дюмоваго орудія его носовой башни; а работа (разборка и притирка клапана), по отзыву механиковъ, была вовсе не изъ трудныхъ“.

„Можно было бы привести и еще много-много такихъ примѣровъ и, опираясь на нихъ, шибко разбранить и этихъ несомнѣнно лучшихъ офицеровъ нашего флота. Это—ихъ слабая сторона, но ее вовсе не трудно было бы исправить еще въ корпусѣ“.

И это непременно надо будетъ сдѣлать для будущаго поколѣнія дѣятелей; а настоящее поколѣніе ихъ можно было бы упражнять на практическомъ разрѣшеніи такихъ задачъ, искусственно поставленныхъ умѣлою рукою, какъ это дѣлаемъ мы, „береговые“, въ нашихъ инженерныхъ лабораторіяхъ, когда хотимъ ознакомить нашихъ студентовъ съ различными типами „береговыхъ“ машинъ, ихъ сборкою, установкою, ремонтомъ, испытаніями экономичности ихъ дѣйствія и т. п.

Еще обиднѣе было видѣть *незнаніе строевыми офицерами семафора.* Знать его „считается“ обязательнымъ даже и для механиковъ, но они его, конечно (!), не знаютъ; а если и знаютъ, то развѣ только любители. Это незнаніе пришлось наблюдать даже у младшихъ штурмановъ, завѣдующихъ сигнальщиками. А вѣдь какъ Рождественскій въ

своихъ приказахъ напиралъ на это, какъ бранилъ и стыдилъ всѣхъ насъ за равнодушіе къ сигнальному дѣлу. По поводу долгаго неразбиранія сигналовъ во время маневрированія, не онъ ли указывалъ намъ въ приказѣ, что если и въ бою мы также будемъ не понимать сразу сигналовъ, то *„полетятъ отъ насъ ключа немытой шерсти“*... И въ бою подъ Цусимой они, дѣйствительно, полетѣли“...

„Вотъ одинъ изъ примѣровъ для иллюстраціи того, какъ у насъ на корабляхъ было поставлено сигнальное дѣло. За два дня до рокового боя, недалеко отъ Шанхая, оказалось, что отрядъ броненосцевъ идетъ невѣрнымъ курсомъ. Впереди шель *„Суворовъ“*, за нимъ *„Александръ I, I-й“*, *„Бородино“*, *„Орель“*, а въ хвостѣ *„Ослябя“*. Часовъ 7—8 вечера *„Ослябя“* проситъ броненосецъ *„Орель“* и всѣ впереди него идущіе броненосцы передать *„Суворову“*, что эскадра идетъ невѣрнымъ курсомъ и можетъ наскочить на банку. Семафоръ принимаютъ и передаютъ по назначенію, но въ извращенномъ, оказывается, видѣ; и на *„Суворовѣ“* его уже совсѣмъ не понимаютъ. Обратный запросъ семафорами пришелъ на *„Ослябя“* только черезъ 5—6 часовъ. Къ счастью, благодаря высокой водѣ, броненосцы прошли по этому мѣсту благополучно“.

„А гг. командиры кораблей... О многихъ изъ нихъ съ полной искренностію и безъ преувеличеній можно сказать, что изо всего экипажа, кончая послѣднимъ матросомъ, командиръ, глава корабля, меньше всего былъ на своемъ мѣстѣ... Да оно и понятно, если гг. лейтенанты изъ числа „гастролеровъ“ по выслугѣ лѣтъ наравнѣ съ другими попадають въ командиры и старшіе офицеры“.

„Былъ и такой случай въ бою, что командиръ судна I-го ранга, почти „выплывшій цензъ“ на контръ-адмирала, плачущимъ тономъ говорилъ молодому лейтенанту, недавно произведенному въ этотъ чинъ: — „Вы плавали больше моего и лучше знаете, такъ распорядитесь, пожалуйста“. Извѣстный своей „храбростію“, трудолюбіемъ, добросовѣстностію, но и... безтолковостію въ то же время, этотъ командиръ во время боя сидѣлъ въ рубкѣ, рискуя, конечно, въ первую голову быть убитымъ или раненымъ, и спокойно созерцалъ... счетчикъ числа оборотовъ вала, не входя рѣшительно ни въ какія распоряженія по кораблю, который велъ бой и самъ страдалъ отъ непріятельскаго огня“...

Далѣе въ этомъ письмѣ приводится такой примѣръ.

„Энергичный, умный командиръ, на парусныхъ судахъ хватавшій звѣзды съ неба, попадаетъ на современный броненосецъ, на этого левіафана. Создавшій себѣ славу, какъ „парусникъ“, онъ сразу натывается здѣсь на все новое, незнакомое, терается и часто не находитъ; изъ образцоваго командира паруснаго корабля онъ становится ниже средняго на современномъ. Да; и его рыцарское благородство, и его честность, и его джентльменское отношеніе къ подчиненнымъ, — офицерамъ и нижнимъ чинамъ, и его безграничная храбрость, доказанная уже послѣ смертельной раны, все это остается въ удѣлъ ему. Но тѣмъ не менѣе самъ корабль съ его трюмами, его машины, электрическіе шпиглы, башни съ гигантскими орудіями, ихъ установки, безчисленныя переборки, горловины, палубы, — все это для него чуждо. Онъ не знаетъ своего корабля, на каждомъ шагѣ онъ — новичекъ въ дѣлѣ; онъ боится ближе подойти къ нему и вникнуть въ него, рискуя все время выказать свое незнаніе или отдать свое распоряженіе не впадать. Преданный своему дѣлу человекъ, въ своемъ служебномъ дѣлѣ опоздавшій лѣтъ на 30, дѣлаетъ все, что въ его силахъ, дѣлаетъ многое; но онъ жалокъ, онъ — не голова корабля, и ему не должно быть мѣста на современномъ левіафанѣ“...

А вотъ и еще одинъ яркій примѣръ изъ того же письма.

„На одномъ броненосцѣ, гдѣ командиромъ былъ благородный и преданный своему дѣлу человекъ, но ровно ничего не понимавшій въ механическомъ дѣлѣ и въ электричествѣ, случилась разъ такая исторія. Въ 12-дюймовой башнѣ испортилась электрическая часть для вращенія башни, вышла неполадка съ реостатами. На ученьи башню вращалъ въ ручную мичманъ N, командиръ башни. Послѣ ученья командиръ броненосца спрашиваетъ его:— „Вы вертѣли въ ручную?“ — „Да“. — „Ну, а при ручной передачѣ какъ работали реостаты?“ — „Прекрасно“, отвѣчаетъ N, нисколько не смутившись. Настолько же былъ на высотѣ современной техники 'корабля этотъ, выслужившій цѣнзъ, старшій нашъ руководитель и въ другихъ специальныхъ частяхъ“.

Какъ непростительно небрежно и неумѣло относятся многіе командиры къ механизмамъ и какъ они исправность и цѣлость ихъ приносятъ въ жертву своему самодурству и желанію произвести внѣшній эффектъ при входѣ на рейдъ, иллюстраціею для этого можетъ служить любимый маневръ нѣкоторыхъ изъ нихъ: корабль молодцовато вступаетъ на рейдъ полнымъ ходомъ, а затѣмъ одинъ за другимъ отдаются приказы — „отдай якорь“, „полный назадъ“... Нечего и говорить, какъ отзываются на механизмахъ подобные эксперименты такихъ „настоящихъ моряковъ“.

У насъ это было совершенно обыкновенное явленіе, что командиръ ничего не понимаетъ въ машинахъ, въ электричествѣ, очень мало въ артиллеріи и минномъ дѣлѣ; и это давало возможность всѣмъ этимъ специалистамъ, а особенно механикамъ, „втирать очки“ командиру. То и дѣло виситъ въ воздухѣ угроза, что машина „разорвется“, если не сдѣлать того-то и того-то; а въ предотвращеніе этого старшій офицеръ готовъ всячески облегчить машинную команду и навалить работу на строевыхъ. Понять же и мало-мальски оцѣнить работу механиковъ они совсѣмъ не могли.

Командирамъ часто недоставало еще многихъ другихъ необходимыхъ познаній. Въ *Морскомъ Сборникѣ* за 1906 г. читаемъ, напр., слѣдующее:

„Въ русскомъ военномъ флотѣ ³²⁾ командиръ, не знающій штурманскаго дѣла и не умѣющій водить своего корабля, составляетъ обычное явленіе. Бывало и такъ, что нѣкоторые гг. командиры даже морской карты не умѣли прочитать какъ слѣдуетъ ³³⁾. И такимъ-то лицамъ ввѣрялись многія сотни человѣческихъ жизней и многомилліонной стоимости корабли“...

Теперь моряки сознаются сами ³⁴⁾, что „всѣ способы, практикуемые нынѣ для того, чтобы произвести выборъ офицеровъ на должности командировъ, совершенно неудовлетворительны, вслѣдствіе чего въ командиры зачастую и попадали у насъ люди, непригодные къ этой должности“; это было будто бы между прочимъ одною изъ главныхъ.

³²⁾ *Морск. Сборн.* 4, 1906, № 5, стр. 98.

³³⁾ По этому поводу отъ одного изъ нашихъ товарищей для 2-го изданія книги были присланы мнѣ еще слѣдующія строки: „Когда эскадра Небогатова подошла къ Борнгольму, она остановилась въ недоумѣніи передъ неизвѣстнымъ ей маякомъ. Адмиралъ приказалъ судамъ „показать свое мѣсто“. Разница въ показаніяхъ достигала 100 миль. Но объ этомъ, конечно, ни одинъ изъ командировъ не позволилъ ничего писать въ своемъ вахтенномъ журналѣ. Объ этомъ ни однимъ словомъ не упомянулъ также и Небогатовъ въ своей „исповѣди“...“

³⁴⁾ *Морск. Сборн.* 4, 1906, № 5, стр. 98.

причинъ, почему Рождественскій не былъ склоненъ обращать вниманіе на мнѣнія командировъ своей эскадры.

Рождественскій передъ уходомъ его эскадры изъ Балтійскаго моря устранилъ двоихъ командировъ, какъ лицъ неспособныхъ и въ военномъ флотѣ нетерпимыхъ. Тѣмъ не менѣе лица эти были назначены командирами на эскадру Небогатова, и такимъ образомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были посланы морскимъ штабомъ Рождественскому какъ бы въ догонку...³⁵⁾; а 15-го мая оба они сдали свои броненосцы Японцамъ, имѣя всѣхъ офицеровъ живыми и здоровыми...

Какъ во время войны, такъ и въ мирное время, смѣна командировъ бывала часто, при чемъ въ командиры судовъ выдвигали всѣхъ лицъ, разъ только они стояли на очереди. Не всѣ они годились для этого; объ этомъ хорошо знали и начальники эскадръ, но задерживать такія назначенія они не могли. Таковъ былъ режимъ. Бывали на этой почвѣ и курьезы. Къ эскадрѣ присоединялся, напр., корабль. Начальникъ эскадры дѣлалъ ему смотръ и находилъ на немъ многое ниже всякой критики, а вслѣдъ затѣмъ командиръ этого корабля получалъ *производство въ адмиралы*... Другой начальникъ эскадры просилъ смѣнить молодого командира, вслѣдствіе его непригодности; но изъ СПб. получался отвѣтъ, что „тамъ“ этотъ офицеръ извѣстенъ съ прекрасной стороны и потому смѣненъ быть не можетъ... (*Морской Сборн.* 1906, № 10, стр. 15, статья капит. 1-го ранга Бубнова).

Въ 1907 г. А. Затертый, бывший матросъ съ броненосца „Орелъ“, въ своей брошюрѣ „*Безумцы и безплодныя жертвы*“ начистоту обрисовалъ всѣхъ свдѣхъ офицеровъ называя ихъ открыто по именамъ и размахисто марая ихъ послужной списокъ. По словамъ этого автора, среди 30 офицеровъ броненосца „Орелъ“ нашлось только четверо (стр. 17), о которыхъ можно сказать доброе слово, которые относились къ матросамъ по человѣчески; остальные же всѣ отсутствіе у нихъ знанія, опыта и совѣсти старались заслонить передъ матросами своимъ нахальствомъ, изобрѣтательностью въ крѣпкой, увѣсистой ругани и кулачной расправой. А каковы это были „специалисты“, говоритъ за себя, напр., одно уже то, что старшій офицеръ этого корабля „не умѣлъ даже поднять и спустить шлюпки, какъ слѣдуетъ и не зналъ всѣхъ отдѣленій своего корабля“ (стр. 14). Командиръ этого броненосца раньше тоже не плавалъ на судахъ новѣйшей конструкціи и чувствовалъ себя на кораблѣ, какъ въ лѣсу; свою распорядительность онъ проявлялъ очень мало; „матросню“ отдалъ на безапелляціонное избіеніе офицеровъ, грозя висѣлицей и разстрѣломъ (стр. 13) за каждую попытку довести до его свѣдѣнія о безчеловѣчныхъ отношеніяхъ гг. офицеровъ къ „Ванькѣ“, котораго нѣкоторые изъ нихъ всегда подзывали къ себѣ попросту свистомъ, какъ собаку (стр. 16)... Для полноты характеристики качественной стороны этого „начальства надъ Ванькой“, не называя именъ, приведенныхъ въ брошюрѣ у Затертаго, и опуская всѣ находящіеся тамъ ругательства, отмѣчу лишь немногіе штрихи. Объ одномъ изъ видныхъ дѣятелей на кораблѣ, совершенно не годномъ въ роли специалиста, у автора сказапо, что онъ „любилъ только основательно выпить, хорошо закусить и порядкомъ всхрапнуть“ (стр. 14); одинъ изъ ревизоровъ корабля характеризуется, какъ хапуга, „съ душой Іуды, весь поглощенный жаждой наживы, отравлявшій команду гадкой провизіей за все время похода“ (стр. 15); затѣмъ идутъ два отчаянныхъ ругателя „съ пѣной у рта“, оба—ту-

³⁵⁾ „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.521, статья Блудо.

пые, безпощадные драчуны, „съ багровыми отъ злобы лицами и съ налитыми кровью глазами“ (стр. 15); далѣе идетъ подробная обрисовка удивительныхъ качествъ офицера, „организовавшаго на кораблѣ шпионство (стр. 15), любившаго подслушать, подхажившаго къ толпѣ на ципочкахъ“ и т. д. Во всѣхъ пересказахъ преобладающій скорбный мотивъ одинъ и тотъ же: нѣтъ житія отъ драчуновъ; безнаказанно издѣваются надъ „Ванькой“; обращаются съ его „мордой“, какъ съ деталью безжизненного манекена, и не желаютъ знать о возможности существованія у „Ваньки“ его человѣческаго достоинства. Приведу одинъ изъ характерныхъ эпизодовъ избіенія. Мимо машиниста, ожидающаго очереди получить свою чарку водки проходить офицеръ-дикаръ и ни съ того ни съ сего ударяетъ машиниста по лицу. „За что это, ваше благородіе?“ — спрашиваетъ машинистъ. — „Да такъ ни за что, просто захотѣлось... На, вотъ тебѣ еще, если мало.“.. Раздается второй ударъ; и тутъ же спокойно пишется записка баталёру, въ которой этотъ „офицеръ“ приказываетъ отпустить потерпѣвшему двѣ чарки водки,—за каждую оплеуху по одной“... (стр. 17).

Спеціальный корреспондентъ, бывшій морякъ, созерцая своихъ собратьевъ-цусимлянъ возсѣдающими на скамьѣ подсудимыхъ при разборѣ дѣла Небогатова въ ноябрѣ 1906 г., написалъ въ „Нов. Врем.“ (1906 г., № 11029) нижеслѣдующія строки: „Какимъ-то комическимъ недоразумѣніемъ кажется, что эти въ большинствѣ случаевъ мало-военные люди были посланы на войну. Они могли бы сказать матери-Россіи: Прости насъ! Мы, дѣйствительно, Тебѣ измѣнили. Но измѣнила и Ты намъ. Чего Ты отъ насъ хотѣла? Если хотѣла побѣды, то надо было вести иную политику, иную подготовку. Совсѣмъ иную! Нужно было на храброе дѣло выбирать храбрыхъ. Нужно было изъ флота сдѣлать не средство карьеры для дворянскихъ недорослей, а средство крайне труднаго изученія морского искусства, искусства побѣждать. Мы же были крайне плохо выбраны, дурно обучены, не напрактикованы и совсѣмъ не втянуты въ свое дѣло, не заражены страстью къ нему. Намъ, неопытнымъ людямъ, были вѣрены многомилліонные корабли и тысячи деревенскихъ парней, распущенныхъ до нельзя. Насъ послали побѣждать, старательно приготовивши все къ сдѣлу. Видитъ Богъ, что мы предпочли бы вернуться побѣдителями. Большинство согласилось бы погибнуть геройски; но оказалось, что насъ все время приспособляли только къ другому, болѣе легкому результату, къ сдѣлу. Да, мы виновны, если это нужно карающему закону. Но пусть Родина спроситъ свою совѣсть: кто былъ подготовителемъ, попустителемъ, пособникомъ, подстрекателемъ, великимъ покровителемъ нашей слабости?“...

Все вышеизложенное остается дополнить наиболѣе характерными чертами дѣятельности гг. офицеровъ изъ штаба Рождественскаго. Эта группа представляетъ для насъ интересъ, какъ ядро боевой инициативы Балт.-Цусимской эскадры. Данныя для сужденія о дѣятельности этого ядра обрисовались въ іюнѣ 1906 г. на судѣ, когда къ Рождественскому и его штабу было предъявлено обвиненіе въ сдѣлѣ безъ боя миноносца „Бѣдовый“ японскому миноносцу „Сазанами“, болѣе слабому, чѣмъ нашъ...

Рождественскій въ своей рѣчи на судѣ объяснилъ, что, при составленіи предположеній относительно боя 14 мая, въ штабѣ адмирала никому не приходило въ голову, что возможно совпаденіе двухъ такихъ роковыхъ случайностей, какія оказались на дѣлѣ: вслѣдствіе поврежденія въ рулѣ и машинахъ флагманскій корабль потерялъ спо-

способность управляться; съ другой стороны въ то же самое время флагманъ потерялъ способность командовать флотомъ, вслѣдствіе полученныхъ ранъ и контузіи.

Ничего невѣроятнаго въ такомъ совпаденіи не было. А когда это совпаденіе случилось, весь адмиральскій штабъ растерялся. Эскадра въ своихъ дѣйствіяхъ была предоставлена самой себѣ и оставалась въ бою въ продолженіе почти трехъ часовъ безъ всякаго руководства со стороны адмирала и его штаба. Раненый адмиралъ тоже былъ предоставленъ самому себѣ; и никто изъ состава штаба въ продолженіе двухъ часовъ не поинтересовался даже узнать подробнѣе, насколько серьезно раненъ адмиралъ, не требуется ли ему медицинская помощь. Всѣхъ тогда удовлетворило, что въ моменты полученія ранъ на всѣ вопросы адмиралъ сердито отвѣчалъ, что это — пустяки...⁸⁶⁾.

Когда „Суворовъ“ безнадежно вышелъ изъ строя и адмиралъ былъ лишенъ возможности командовать флотомъ, оставаясь на своемъ флагманскомъ кораблѣ, штабъ не имѣлъ никакихъ совѣщаній о необходимости перенести флагъ адмирала на другой корабль. И весь ходъ дальнейшихъ событій, въ которыхъ участвуетъ штабъ, оставаясь на „Суворовѣ“, носить на себѣ характеръ какой-то случайности: чтобы взять раненаго адмирала, совершенно случайно подошелъ къ „Суворову“ миноносецъ „Буйный“, не назначенный къ нему по расписанію; на миноносецъ передали адмирала, и туда же случайно пересѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и его штабъ, хотя флагъ адмирала не переносился на миноносецъ; спустя два часа послѣ выбитія адмирала изъ строя, при осмотрѣ ранъ, полученныхъ имъ, онъ случайно оказались болѣе серьезными, чѣмъ предполагалъ это штабъ, не озаботившійся тотчасъ же организовать ихъ осмотръ еще на „Суворовѣ“, гдѣ былъ и докторъ, и всѣ средства для оказанія первоначальной медицинской помощи.. Воистину на „Суворовѣ“ это былъ какой-то „штабъ случайностей“... Съ подбитаго „Буйнаго“ во избѣжаніе аварии пришлось адмиралу и его штабу пересѣсть на „Бѣдовый“. Больной адмиралъ отдалъ себя въ полное распоряженіе штаба. Орудія и машины были на миноносцѣ въ полной исправности, угля было довольно, команда рвалась въ бой, но штабъ безъ боя заранѣе рѣшилъ сдать миноносецъ Японцамъ, „чтобы спасти драгоценную жизнь адмирала“. На сдавшемся миноносцѣ „даже чехлы съ пушекъ не были сняты“...

Обвинительный актъ въ этомъ процессѣ освѣтилъ „поразительную картину совершенной растерянности и жалкой трусости“ офицеровъ, сгруппировавшихся вокругъ Рождественскаго на миноносцѣ „Бѣдовый“. Дѣйствія отдѣльныхъ офицеровъ штаба въ судебномъ процессѣ были обрисованы слѣдующими штрихами:

Начальникъ штаба, капитанъ I ранга Клапье-де-Колонгъ, не подумалъ съ „Суворова“ перевести работоспособныхъ офицеровъ штаба

⁸⁶⁾ Капитанъ Семеновъ — *Цусимскій бой*, стр. 103, 104. Черезъ три часа послѣ полученія адмираломъ головной раны ее осмотрѣлъ фельдшеръ на миноносцѣ „Буйный“. Тогда оказалось, что фельдшеръ „опасается за жизнь адмирала, такъ какъ осколокъ черепа вошелъ внутрь, и всякій толчокъ можетъ быть гибельнымъ для адмирала“... И опять, стало быть, въ штабѣ никому и въ голову не пришло подумывать раньше, что адмиралъ — не докторъ, что онъ совершенно не компетентенъ въ рѣшеніи вопроса — пустяки или непустяки его головная рана, что безъ головы Рождественскаго и вся эскадра остается безъ головы, и что во всякомъ случаѣ адмиралъ нуждается въ перевязкѣ въ первую очередь передъ всѣми остальными ранеными на кораблѣ.

на какой-нибудь из других участвующих въ бою кораблей, а прямо пересѣлъ на миноносецъ, стремившійся прорваться во Владивостокъ. При встрѣчѣ этого миноносца съ японскимъ, онъ, „начальникъ штаба, прикрываясь именемъ адмирала, сдать „*Бѣдовый*“ непріятелю безъ боя“.

При рѣшеніи этого вопроса начальникъ штаба нашелъ себѣ поддержку въ полковникѣ Филиповскомъ. Въ засѣданіи суда Рождественскій чрезвычайно торжественно заявилъ, что „навигационнымъ успѣхомъ похода, удивившимъ весь міръ, онъ обязанъ флагманскому штурману Филиповскому“. Онъ самъ пришелъ къ адмиралу и сказалъ: „35 лѣтъ я кормился на народныя средства, теперь настало время заплатить родинѣ“... Онъ отправился въ походъ, прекрасно исполнялъ свои штурманскія обязанности, но это ничуть не помѣшало ему быть въ то же время „самымъ энергичнымъ защитникомъ мысли о сдачѣ миноносца безъ боя“...

Въ числѣ штабныхъ офицеровъ на „*Бѣдовомъ*“ были и такіе обстрѣлянные люди, какъ капитанъ II ранга Семеновъ ³⁷⁾, который сначала былъ въ бою съ Японцами 28 іюля 1904 г. на П.-Артурской эскадрѣ, а затѣмъ попалъ и въ бой 14 мая 1905 г.; но и онъ не противодѣйствовалъ сдачѣ „*Бѣдоваго*“ и не стоялъ за бой его съ „*Сазаками*“...

Лейтенантъ Леонтьевъ, флагъ-офицеръ съ „*Суворова*“, передъ сдачей „гналъ команду отъ орудій на „*Бѣдовомъ*“ и собственноручно распутивалъ фалы при спускѣ Андреевскаго флага“ и т. д. Однимъ словомъ, во всемъ составѣ штаба не нашлось ни одного лица, которое стояло бы за бой нашего миноносца съ японскимъ ³⁸⁾...

Такимъ образомъ въ этомъ судебномъ процессѣ выяснилось вполне опредѣленно, что гг. офицеры штаба Рождественскаго, къ сожалѣнію, совершенно не оказались на высотѣ своего положенія ни на „*Суворовѣ*“, ни на „*Бѣдовомъ*“...

Говорятъ, что дальше будетъ заведена баллотировка при производствѣ офицеровъ. Но и тутъ все дѣло зависить отъ того, какъ его „поставить“. Ко 2-му изданію книги по этому вопросу мы получили уже нѣкоторыя данныя.

³⁷⁾ Это и есть авторъ брошюры—*Цусимскій бой*. Всѣ существенныя выдержки изъ нея приведены мною здѣсь.

³⁸⁾ По суду въ іюнѣ 1906 г. Рождественскій былъ оправданъ, сдача миноносца „*Бѣдовый*“ была приписана не ему; офицеры же его штаба и командиръ миноносца „*Бѣдовый*“ были приговорены къ разстрѣлянью; но, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ и перенесенныхъ подсудимыми потерасній, судъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ о замѣнѣ имъ смертной казни (или заключенія въ крѣпости вмѣсто нея) исключеніемъ и увольненіемъ со службы.

Все милостиво и еще повелѣнно: согласно ходатайству особаго присутствія Бронштадтскаго военно-морского суда, осужденныхъ по дѣлу о сдачѣ 15 мая 1905 г. непріятелю, безъ боя, миноносца „*Бѣдовый*“, взамѣнъ опредѣленныхъ имъ наказаній: гвардейскаго экипажа капитана 2-го ранга *Баранова* 1-го—исключить изъ службы, съ лишеніемъ чиновъ, орденовъ и др. знаковъ отличій; капитана 1-го ранга *Клапье-де-Колонга*—исключить изъ службы безъ лишенія чиновъ; корпуса флотскихъ штурмановъ полковника *Филиповскаго* и лейтенанта *Леонтьева* 1-го—отставить отъ службы, съ законными для всѣхъ послѣдствіями сихъ наказаній. Приговоромъ того же присутствія опредѣлено считать по суду оправданными: отставнаго вице-адмирала *Рождественскаго*, капитана 2-го ранга *Семенова* и др. („*Морск. Сборн.*“, 1906, № 10).

„Въ одномъ изъ собраній въ Либавѣ производилась *открытая* баллотировка. Предложено было гласно называть фамиліи тѣхъ лицъ, которыхъ недостойны повышенія, при чемъ, конечно, можно было говорить только о младшихъ и была возможность говорить только объ отсутствующихъ. Обратная баллотировка, отвѣчающая на вопросъ, кто достоинъ повышенія, и притомъ закрытая, безъ сомнѣнія, дала бы гораздо болѣе правильные результаты. А въ другихъ случаяхъ не дѣлалось никакой баллотировки, прямо писалось — „по баллотировкѣ, согласно со старшинствомъ“... а затѣмъ шелъ списокъ производимыхъ, выписанный изъ памятной книжки отъ такого-то нумера до такого-то. И благодаря этому, всѣми признанные за хорошихъ и способныхъ офицеровъ, кончившіе цензъ, не производились; а выше ихъ стоящіе на нѣсколько нумеровъ, всѣми признанные за негодныхъ, просидѣвшіе изъ четырехъ лѣтъ службы около года подъ арестомъ, производились въ слѣдующій чинъ, не взирая на всеобщее негодование“. Въ бумагахъ начинается уже мелькать слово „баллотировка“, а жизнь, дрянная жизнь требуетъ добавленія къ этому „согласно со старшинствомъ“, а иначе, вѣдь, „что скажетъ свѣтъ, княгиня Марья Алексѣвна“...

Въ числѣ причинъ успѣха Японцевъ подъ Цусимой специалисты указываютъ также и на то, что въ бою команда у нихъ была со *связными силами*, и что „между начальниками эскадръ и отрядовъ у нихъ было не только полное *довѣріе* къ способностямъ главнокомандующаго, но и основательное *знакомство* съ его всесторонне обдуманными тактическими предначертаніями; вслѣдствіе этого они могли дѣйствовать каждый самостоятельно, свободно разрѣшая каждый свою задачу и не нарушая общаго между собою согласія и связи“³⁹⁾.

Мы же совсѣмъ не имѣли такой постановки дѣла. А между тѣмъ нашъ личный составъ „заслуживалъ лучшаго къ себѣ отношенія, большей заботливости и вниманія къ состоянію его духа“⁴⁰⁾; никакая суровость и требовательность не были для него непосильной тяжестью и даже не убили его духа, — онъ это доказалъ на дѣлѣ, но разумное довѣріе и доля теплой дружественности, сознательное участіе въ планѣ начальника удесктерили бы его уже и безъ того приподнятыя силы, сдѣлали бы эти силы болѣе искусными и сплоченными, или, вѣрнѣе, знающими; и послѣдствія этого не могли бы не сказаться такъ или иначе на результатѣ боя“...

Передъ самымъ боемъ команда у насъ, дѣйствительно, не только не получила передышки, но утомлена была *еще больше обыкновеннаго* и ночными вахтами, и дневными погрузками всѣхъ запасовъ на корабли въ большемъ противъ нормы количествѣ; спали у орудій и гдѣ попало, не раздѣваясь, съ самаго Мадагаскара, т.-е. почти два съ половиной мѣсяца; коекъ людямъ не давали, а понадѣлали изъ нихъ защиты...

Плаваніе было трудное⁴¹⁾. Команда была измучена длиннымъ

³⁹⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 209.

⁴⁰⁾ Изданіе „В. К. А. М.“, 1906, стр. 75 приложенія.

⁴¹⁾ „Уставъ и рутиня и тутъ много напортили“, пишетъ по этому поводу одинъ изъ нашихъ товарищей. „По уставу полагается въ половинѣ второго дня команду будить — „пить чай“, хотя бы, напр., машинной командѣ, только что отстоявшей свою вахту, послѣ этого „чая“ ровно ничего не надо было бы дѣлать, а только именно отдыхать и готовиться къ слѣдующей вахтѣ. Только путемъ долгихъ стараній и доказываній, что составители устава не могли предвидѣть такого перехода

переходомъ, борьбою организма съ непривычными и неблагопріятными для него климатическими условіями; значительной частью команды эти условія переживались въ первый разъ въ жизни; физическаго отдыха на стоянкахъ было слишкомъ мало; днемъ команда почти всегда привлекалась къ погрузкѣ угля, матеріаловъ, провіанта; а ночь она проводила на вахтѣ; моральнаго, освѣжающаго и бодрящаго отдыха за все время перехода эскадры было мало у команды. На нее смотрѣли больше, какъ на „казенный“ живой мускулъ, которому уставать не полагается,—какъ на живые, дисциплинированные рычаги и рукоятки къ тѣмъ сложнымъ и деликатнымъ механизмамъ, которыми переполнено современное военное судно, и которые существуютъ и, дѣйствительно, помогаютъ въ борьбѣ съ непріателемъ только до перваго удара въ нихъ вражескаго снаряда.

Физической работы и усталости для команды было много, а питаніе ея бывало и скудно, а главное до надоѣдливости, до отвращенія однообразно: изо дня въ день давали все тотъ же неизмѣнный супъ съ солониной; а въ промежуткахъ между этой ѣдой—чай съ сухарями... Солонина была отвратительная; лучшихъ кусковъ мяса, т.-е. 1-го сорта, совсѣмъ не было. Заготовленные передъ самымъ походомъ и взятые съ собою, дорогіе и сложные приборы для сохраненія мяса и консервовъ въ свѣжемъ видѣ оказались въ дѣлѣ совсѣмъ почти никуда не годными. Заготовленные консервы въ пути частію были уже съѣдены, большею же частію береглись для какого-то фантастическаго будущаго, когда они будутъ яко бы еще нужныѣ, и погибли въ морѣ безо всякой пользы для экипажа ⁽²⁾...

Команда на судахъ, не взирая на все вышесказанное, добросовѣстно дѣлала свое дѣло и въ походѣ, и въ сраженіи, но въ тѣхъ предѣлахъ, разумѣется, въ какихъ ее этому научили, въ какихъ сумѣли ее использовать непосредственные ея начальники. Поэтому и *пораженіе наше подъ Цусимю совсѣмъ не затрогиваетъ чести русскаго народа*, а ложится всею своею тяжестью исключительно на плечи нашей бюрократіи, которая давала безпрепятственный ходъ по службѣ всѣмъ бездарностямъ и посредственностямъ, формально прослужившимъ установленное число лѣтъ во флотѣ, но его не любившимъ, не носившимъ въ своемъ сердцѣ заботъ о его нуждахъ и совершенствованіи и часто не знавшимъ и не хотѣвшимъ знать ни судна, ни команды, которыя ввѣрялись ихъ попеченію и управленію.

Въ довершеніе всего, говоритъ Меншиковъ въ „Нов. Вр.“ (1905, № 10.508), у насъ во флотѣ существовало „печальное отсутствіе того, что прежде всего необходимо для побѣды,—это увѣренность команды

и такихъ нечеловѣческихъ трудовъ, которые выпали на долю нашей командѣ, мы со старшимъ механикомъ добились у себя на суднѣ права не будить нашу машинную команду „къ чаю“ и предоставить ей возможность безъ надобности не прерывать своего сна“. (Добавленіе, присланное для 2-го изданія).

⁽²⁾ „На вспомогательныхъ крейсерахъ питаніе команды было поставлено лучше. Хлѣбъ всегда былъ свѣжій. Ни одного дня не давали сухарей. Вечеромъ былъ ужинъ,—макароны, каша или что-нибудь другое. Борщъ разнообразили сколько возможно. Держали на кораблѣ живой скотъ, пока это было возможно; и смотрѣли сквозь пальцы на то, какъ на стоянкахъ команда на свои деньги покупала (крайне дешево) птицу, яйца, зелень, а затѣмъ сама себѣ контрабандой готовила (случалось, въ топкахъ котловъ). Судовыя лавочки объ этомъ не заботились. Варенья въ нихъ было сколько угодно; а простыхъ, дешевыхъ и питательныхъ консервовъ взять съ собою не догадывались“. (Добавленіе, присланное для 2-го изданія).

въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. Если съ незапамятныхъ временъ держатся и передаются сказанія о хищеніяхъ, о ростовщическихъ комиссіяхъ при заказахъ, объ исчезновеніи не только паровыхъ котловъ, но и цѣлыхъ корпусовъ и т. д., если большинство чувствуетъ и себя и своихъ начальниковъ совершенно несвѣдущими въ послѣднемъ словѣ техники по своей специальности, то какой же на такихъ корабляхъ можетъ быть „бодрый духъ“ вообще, и откуда ему взяться въ военное время, на великомъ экзаменѣ исторіи“...

КОМАНДУЮЩІЙ ФЛОТОМЪ ⁴³⁾. Балтійско-Цусимская эскадра шла въ плаваніе въ далекія воды. Личный персоналъ ея не зналъ, гдѣ и какъ будетъ доставляться на эскадру уголь, гдѣ будутъ стоянки, и какимъ путемъ она пойдетъ. Но, имѣя во главѣ эскадры адмирала Рожественскаго, одного изъ самыхъ энергичныхъ адмираловъ нашего флота, съ самаго же начала плаванія всѣ на эскадрѣ были увѣрены, что съ этимъ начальникомъ препятствія будутъ преодолеваться легко. „Въ бухтѣ Грэтъ-Фишъ-бай въ З. Африкѣ насъ выставили Португалцы, изъ нѣсколькихъ бухтъ Аннама насъ выставляли Французы“, пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей, „эскадра уходила въ море,—неизвѣстно куда, но мы совершенно не падали духомъ и не волновались, зная, что за насъ думаетъ адмиралъ. И онъ, дѣйствительно, думалъ и оберегалъ свою эскадру. Оставаясь за его спиной, въ походѣ мы знали мало горя. Онъ намѣчалъ стоянки, соображалъ угольные погрузки, снабженіе провіантомъ и т. д. Покидая Мадагаскаръ, мы должны были сдѣлать переходъ всего Индѣйскаго океана. Угольные ямы на эскадренныхъ броненосцахъ въ это время у насъ были далеко не полны; угля могло и нехватить на такой переходъ; гдѣ и какъ мы будемъ грузиться углемъ, мы не знали, но выходили спокойно, твердо вѣря въ заботливость о насъ адмирала“...

Одинъ изъ нашихъ товарищей о довѣріи къ адмиралу на эскадрѣ пишетъ слѣдующія строки:

„Во время стоянки у береговъ Аннама мнѣ пришлось быть на транспортѣ „Камчатка“ въ каятъ-компаніи. Я тамъ обѣдалъ. Одинъ изъ старшихъ лейтенантовъ, погибшихъ потомъ 14 мая 1905 г., восхищаясь энергіею и твердостью Рожественскаго, говорилъ намъ, что адмиралъ будетъ драться до послѣдней возможности, и что въ критическій моментъ боя онъ не подниметъ сигнала объ отступленіи... Такъ же думало и значительное большинство офицеровъ эскадры. Утромъ 14 мая мы всѣ были исполнены довѣрія къ адмиралу; мы были увѣрены, что въ бою онъ первый пойдетъ на сближеніе съ Японцами“...

Адмиралъ, повидимому, пользовался также и безграничнымъ довѣріемъ Государя. На это указываютъ между прочимъ и Высочайшія телеграммы въ Нози-бей, предоставлявшія адмиралу дальнѣйшую полную свободу дѣйствій, и тѣ особые знаки милостиваго къ нему Монаршаго вниманія, которыми пользовался адмиралъ по возвращеніи своемъ изъ плѣна. Въ свою очередь и адмиралъ не скрывалъ отъ Государя свои все убывавшія въ походѣ силы и энергію. До Владивостока Рожественскій все-таки надѣялся довести

⁴³⁾ Матеріаломъ для составленія этой характеристики послужили данныя изъ неопубликованныхъ нигдѣ ранѣ писемъ нашихъ товарищей, а также изъ писемъ многихъ участниковъ похода, которые были напечатаны въ „Новомъ Времени“, 1905, №№ 10.547, 10.554, 10.565; 1906, № 10.714 и др.

эскадру; а на возможность сохранить свои силы еще и для дальнѣйшихъ дѣйствій не рассчитывалъ даже и онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ и была послана Рождественскимъ телеграмма Государю изъ Сингапура. Не удалось однако выполнить даже и перваго обѣщанія...

Что же касается до ежедневныхъ,—такъ сказать, будничныхъ отношеній между адмираломъ и эскадрой въ походѣ, то они оставляли желать многого. Благодаря своему желѣзному характеру и строгой дисциплинѣ, повиновенія онъ достигъ образцоваго, но любимъ онъ не былъ, особенно сильно его не долюбливали и команда, и офицеры за его грубое, рѣзкое обращеніе и жестокость.

„Во время стоянки у Мадагаскара“, пишетъ въ своей брошюрѣ бывшій матросъ А. Затертый, „Рождественскій заставлялъ матросовъ обучаться греблѣ на шлюпкахъ; для этого приходилось многократно объѣзжать вокругъ всей эскадры; и матросы такъ уставали при этомъ, что по возвращеніи съ этого ученія, проходя по палубѣ, шатались словно пьяные. Для людей, и безъ того уже изнуренныхъ постоянными тяжелыми судовыми работами, Рождественскій систематически обращалъ это ученіе въ мученье“...

Человѣкъ болѣзненно-раздражительный и вспыльчивый до крайности, Рождественскій дѣлалъ крайне тягостнымъ положеніе своихъ подчиненныхъ.

На „Суворова“ всѣ прятались, когда адмиралъ выходилъ наверхъ... Сигнальщики начинали дрожать отъ страха и терять всякое соображеніе, когда адмиралъ появлялся на мостикѣ: каждый изъ нихъ хорошо зналъ, что за малѣйшую оплошность адмиралъ не задумается сломать сигнальную трубку о голову виновнаго („Н. В.“ № 10.714).

По сообщенію нашего товарища, была однажды такая дикая сцена: „По спардеку „Суворова“ идетъ Рождественскій и видитъ, что матросъ „лопатитъ“ палубу не вдоль досокъ, кроющихъ ее, а поперекъ. Внезапный припадокъ гнѣва охватываетъ адмирала; съ искаженнымъ лицомъ бросается онъ къ матросу, вырываетъ у него изъ рукъ лопату и начинаетъ колотить его ею“...

Нерѣдко доставалось отъ него и офицерамъ, этимъ „позорнымъ начальникамъ позорной команды, недостойнымъ возвращенія на родину“, какъ характеризовалъ онъ ихъ на второй день Пасхи во время крупнаго „разноса“ на одномъ изъ броненосцевъ. Ругатель, какихъ мало, Р. въ сношеніяхъ съ отдѣльными офицерами и даже цѣлыми кораблями часто злоупотреблялъ этимъ средствомъ и достигалъ иногда не того результата, котораго желалъ достигнуть.

Особенно безпощадно ругалъ онъ тѣхъ, кто надоѣдалъ ему съ пустяками и хотѣлъ выслужиться передъ нимъ; ругалъ и тѣхъ, кто явно не хотѣлъ работать, у кого заводились на суднѣ всякія неисправности... Передъ приходомъ отряда Небогатова въ воды Аннама одинъ изъ мелкихъ броненосцевъ передалъ по семафору, что онъ принимаетъ, должно быть, телеграмму Небогатова. Съ своими, по обыкновенію, неприличными „приправами“, адмиралъ высмѣялъ это заявленіе въ слѣдующихъ словахъ:—„Если Вы,....., хотите отличиться, то подымите сигналъ „хочу отличиться“; адмиралъ подыметъ—„добро“, и тогда отличайтесь“... При подобныхъ же условіяхъ на Мадагаскарѣ „Корея“ получила благодарность адмирала за пріемку телеграммы съ „Олега“, когда Рождественскій съ нетерпѣніемъ поджидалъ отряда Добровторскаго. Въ данномъ же случаѣ у адмирала было другое настроеніе... И это всѣ отлично знали, что проявлять свою инициативу можно

было только тогда, когда были на лицо какія-нибудь признаки, что попадешь „въ точку“; а иначе лучше было молчать и не привлекать къ себѣ вниманія свирѣпаго адмирала. Такъ было, напр., и на Мадагаскарѣ. Еще раньше „*Кореи*“ телеграмма съ „*Олега*“ была принята другимъ кораблемъ, но командиръ его, по своимъ соображеніямъ, не рѣшался беспокоить адмирала... Такого рода ложь считалась ничто.

„Но въ общемъ команда, и строевая, и машинная, вѣрила въ Рождественскаго и, пожалуй, по своему его обожала. Хорошее отношеніе команды къ нему особенно видно было во время посѣщенія имъ судовъ: на большинствѣ судовъ матросы всѣ до одного сами выбѣгали во фронтъ, чего обыкновенно не наблюдалось при посѣщеніи судовъ другими начальствующими лицами. Командѣ правилось то, что онъ былъ не только требователенъ, но почти всегда и справедливъ, что онъ проявлялъ свою требовательность не только по отношенію къ нижнимъ чинамъ, но также и къ офицерамъ, часто вызывая скрытое неудовольствіе среди послѣднихъ. Строевые офицеры, гулявшіе по палубамъ обыкновенно въ бѣлыхъ перчаткахъ, не долюбливали, когда приходилось снимать перчатки и приниматься за работу, а особенно возиться съ погрузкой угля. Не могло нравиться имъ, конечно, и лишеніе свободы посѣщенія берега, запрещеніе ночевать на берегу, наказанія арестомъ за невниманіе на вахтѣ, за незнаніе семафора, за недостойное офицерства безобразное поведеніе и т. п.“

Все это бросалось въ глаза потому только, что младшее начальство, проявляя товарищескія отношенія къ своимъ подчиненнымъ, нерѣдко покрывало грѣшки молодыхъ офицеровъ, чтобы не губить имъ карьеру. На одномъ изъ вспомогательныхъ крейсеровъ, шедшихъ въ головѣ эскадры и обеспечивавшихъ ей *безопасность хода*, былъ разъ такой случай: „старшій офицеръ, видя, какъ вахтенный начальникъ вышелъ на вахту пьянымъ, не смѣнилъ его, какъ это надо было сдѣлать по закону, а слѣдилъ только за нимъ; убѣдившись, что тотъ благополучно заснулъ въ укромномъ уголкѣ, оставивъ благополучіе эскадры на произволъ судьбы, старшій офицеръ самъ сталъ на вахту и простоялъ 4 часа ночью до слѣдующей вахты; виновный офицеръ былъ подвергнутъ только домашнему аресту, т.-е. лишенію права сѣзда на берегъ, да и то „арестъ“ начался чрезъ день послѣ ухода эскадры съ Мадагаскара; а до этого виновный преспокойно посѣщалъ берегъ“... Хороша дисциплина, и не дурны примѣры для матросовъ!

При своей непрерывной раздражительности адмиралъ не имѣлъ возможности проявлять всегда одинаково справедливое отношеніе къ дѣлу ⁴⁴⁾.

Разговоры съ адмираломъ всегда облекались имъ въ такую форму, что его всѣ пугались, передъ нимъ робѣли, не осмѣливались ему отвѣтить, выразить свое мнѣніе, даже просто сказать правду, когда это требовалось настоятельно.

Для характеристики этой стороны отношеній между эскадрой и адмираломъ въ походѣ, одинъ изъ товарищей сообщаетъ еще слѣдующія строки:

„Въ маѣ 1905 г. въ открытомъ морѣ эскадра спѣшно грузить уголь баркасами. Всю команду, какую только можно, выгоняютъ на-

⁴⁴⁾ Въ Нози-бей, напр., крейсеръ „*Свѣтлану*“, по указаніямъ самого адмирала, такъ сильно перегрузили углемъ, что корпусъ крейсера прогнулся. Во время доклада объ этомъ, въ отвѣтъ на приведенныя адмиралу разумныя соображенія, пришлось отъ него выслушать только ругательства („*Нов. Вр.*“, 1906 г., № 10.714).

верхъ, — строевыхъ, машинистовъ, кочегаровъ, минёровъ, минныхъ машинистовъ, комендоровъ; офицеры — тоже наверху и работаютъ старательно. Въ самый разгаръ погрузки адмиралъ вдругъ поднимаетъ сигналъ — произвести артиллерійское ученіе. Для этого пришлось бы взять комендоровъ и часть прислуги, а чрезъ это значительно уменьшить часовую приемку угля; но это тоже недопустимо, за это влетаетъ выговоръ. Комендоровъ числомъ немало; у нихъ есть свое мѣсто, куда они грузятъ уголь уже цѣлый походъ, и освоились съ этой работой хорошо, а главное — это добросовѣстная и дружная команда, „драенная“. У командира происходитъ совѣтъ, гдѣ присутствуетъ и старшій артиллерійскій офицеръ; рѣшаютъ поставить 12-дюймовыя орудія въ раздрай, отдраить полупортики, дать всѣмъ орудіямъ различные углы возвышенія, а комендоровъ послѣ этого сейчасъ же погнать опять на погрузку; пусть адмиралъ думаетъ, что у насъ идетъ артиллерійское ученіе, а мы себѣ уголь будемъ грузить, распредѣливши тяжесть этой работы на всю команду... Такъ и сдѣлали. Разберите, кто правъ, адмиралъ или корабль? — По моему мнѣнію, не правы обѣ стороны; а чтобы этого не могло случиться, на совѣтъ адмирала съ командирами судовъ должно было быть выяснено заранее, что жалѣть людей надо и въ походѣ, что совмѣщеніе тяжелой погрузки угля и артиллерійскаго ученія не должно было имѣть мѣста; точно такъ же, какъ исполненіе ни одного приказа не должно было быть обращено въ комедію, деморализующую людей.

Гордый и болѣзненно-самолюбивый, Рождественскій обращался съ нескрываемымъ презрѣніемъ даже съ командирами судовъ, не разбирая, заслуживали они его, или же нѣтъ. Онъ не признавалъ за ними права высказывать свое мнѣніе даже по вопросамъ, которые имѣли къ нимъ непосредственное отношеніе. Главное же, онъ никого не находилъ нужнымъ знакомить съ положеніемъ дѣлъ и, хоть сколько-нибудь, съ планомъ дѣйствій. Это одинаково относилось и къ командирамъ, и къ младшимъ флагманамъ эскадры. Всѣ безъ исключеній были низведены имъ на степень какъ бы автоматовъ, не имѣющихъ ни воли, ни разсудка. Такая школа не могла дать развиваться личной инициативѣ и находчивости у начальниковъ, подчиненныхъ адмиралу, не могла воспитать ему помощниковъ и замѣстителя. И вышло поэтому такъ, что, когда эскадра лишилась своего адмирала, она вдругъ оказалась... безъ головы.

Всѣ на эскадрѣ такъ привыкли видѣть въ Рождественскомъ начальника всѣхъ частей и единственнаго источника распоряженій, что, когда выбыли изъ строя онъ и Фелькерзамъ, получилось въ бою полное безначаліе; и никто не могъ уже взять на себя инициативы всего боя. Послѣ этого наши головные броненосцы, продолжая честный бой, ходили по тѣмъ курсамъ, по которымъ заставлялъ ихъ ходить болѣе быстроходный непріятель.

Подъ командой Рождественскаго не было въ сущности эскадры, а были только „отдѣльные корабли“, безъ серьезной взаимной связи, безъ взаимнаго пониманія и вдумчиваго отношенія къ общимъ интересамъ ⁴⁵⁾.

⁴⁵⁾ Были корабли съ персоналомъ исключительно „бѣлой кости“; были корабли, гдѣ въ каютъ-компаніи отдѣльно отъ остальныхъ величественно красовался „княжескій и графскій столъ“; были корабли съ отборнымъ рабочимъ персоналомъ; былъ и другой спеціальныи подборъ личнаго состава...

Чтобы характеризовать удивительную находчивость адмирала, для 2-го изданія книги со словъ офицера-очевидца однимъ изъ нашихъ товарищей мнѣ были присланы слѣдующія строки:

„Въ бытность свою командиромъ одного изъ крейсеровъ, Роже-ственскій шелъ однажды подъ парусами. И вдругъ совершенно внезапно налетѣлъ шквалъ, обратившійся въ настоящій штормъ. Надо было убрать нѣкоторые паруса. Каждая секунда была дорога, а опалѣвшіе съ перепуга матросы во время не исполнили отданной „команды“... Не теряя присутствія духа, Роже-ственскій совершенно спокойно и хладнокровно приказалъ ту же „команду“ исполнить офицерамъ. Не успѣли офицеры сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ всѣ матросы были уже на своихъ мѣстахъ и съ рвеніемъ исполнили свое дѣло... Жизнь сотенъ людей была спасена, равно какъ и самое судно.

Остановимся еще на нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ, характерныхъ подробностяхъ.

Два офицера, работавшіе на вспомогательныхъ крейсерахъ въ свое время, писали въ газетахъ слѣдующее ⁴⁶⁾: „Роже-ственскаго мы никогда не видали. Онъ избѣгалъ даже командировъ. Всѣ сношенія его съ нами ограничивались приказами, въ которыхъ онъ самымъ грубымъ образомъ оскорблялъ насъ, нерѣдко даже и вовсе незаслуженно... Дисциплина этимъ только подрывалась, чувство собственнаго достоинства убивалось, матросамъ подавался примѣръ — не уважать своихъ офицеровъ. Мы не знали близко другъ друга: онъ — насъ, мы — его. Вся связь между экипажами была чисто бумажная. Грубый тонъ, которымъ онъ обращался къ командирамъ, подсказывалъ всѣмъ, что онъ ихъ или презираетъ, или опасается. Намъ казалось, что онъ ненавидитъ всѣхъ насъ; и, вѣроятно, многіе командиры платили ему тѣмъ же. Среди нихъ, правда, были и ненадежные, были и запасные, которые совсѣмъ отстали отъ дѣла... Одному только адмиралъ и научилъ насъ какъ слѣдуетъ, это — погрузкѣ угля; наловчились мы дѣлать это, даже и въ открытомъ океанѣ. Грузили по 40 *tn* (до 2500 пуд.) въ часъ — съ транспорта на баркасъ, съ баркаса — на броненосецъ. Всѣ главныя соображенія адмирала вертѣлись около угля. И этого угля передъ боемъ погрузили мы столько, что его хватило бы обойти вокругъ всей Японіи: а въ бою онъ горѣлъ вмѣстѣ съ деревомъ и бездымнымъ порохомъ; перегрузка углемъ нашихъ броненосцевъ способствовала только ихъ перевертыванію въ бою“...

За исключительно быструю погрузку угля команда корабля получала большія денежныя преміи, а за плохую, неудачную погрузку, начальство сплеховавшаго корабля получало отъ адмирала свирѣпыя разносы и выговоры, которые передавались по телеграфу, напр., даже въ такой грубой формѣ: „Корабль такой-то, обратите вниманіе на вашу отвратительную погрузку; примите мѣры; не будьте грязнымъ пятномъ на эскадрѣ“... Но когда мѣры принимались, работа налаживалась, и команда случайно провинившагося ранѣе корабля начинала получать преміи, офицеры этого корабля не встрѣчали ни слова одобренія со стороны адмирала.

А насколько заслуженно и добросовѣстно пользовались нѣкоторыя суда и благоволеніемъ адмирала, и громадными денежными преміями, по этому вопросу для 2-го изданія книги отъ нашего товарища мною были получены между прочимъ и такія данныя:

⁴⁶⁾ См. „Нов. Вр.“, 1905, № 10.554, статья Глинки.

„Заведенныя адмираломъ денежныя преміи за быстроту погрузки угля повели въ концѣ-концовъ къ однимъ только злоупотребленіямъ, на которыя досадно было смотрѣть и съ докладомъ о которыхъ, однако, никто не рѣшался подступиться къ суровому адмиралу. Постоянно бывало одно и то же: транспортъ - угольщикъ, съ котораго другими судами былъ взятъ почти весь уголь, подходитъ бывало къ намъ для окончательной очистки его отъ оставшагося на немъ угля; капитанъ угольщика заявляетъ намъ, что съ угольщика взято угля столько-то тоннъ, оправдываемыхъ выданными ему квитанціями, а остается на угольщикѣ по его соображеніямъ, положимъ, 350 тоннъ; мы начинаемъ забирать остатокъ; беремъ - беремъ, и вмѣсто 350 тоннъ принимали нерѣдко до 1500 тоннъ... Съ такой степенью точности измѣряли уголь принимавшіе его на себя корабли, получившіе „премію“ адмирала! Этотъ фактъ подтверждаютъ одинаково и „Анадырь“, и „Кубань“, чаще всего принимавшіе на себя остатки угля, недобранные съ угольщиковъ другими судами. И не мудрено, что этимъ именно финаломъ должна была закончиться погрузка угля со сказочными скоростями, такъ много льстившіимъ самолюбію адмирала, который на бумагѣ уже устанавливалъ „всемирный рекордъ“ въ этомъ дѣлѣ“...

„Когда дѣло касалось угля, адмиралъ умѣлъ заставить себя спокойно выслушивать и непріятныя вещи... Передъ уходомъ эскадры съ Мадагаскара состоялся совѣтъ, на которомъ Рожественскій сказалъ всѣмъ командирамъ:— „Завтра уходимъ; если что еще нужно, прошу сказать, не стѣсняясь“... Бухвостовъ, командиръ броненосца „Александръ III-й“, чаще всѣхъ другихъ бравшаго денежныя преміи за быструю погрузку угля, на это отвѣтилъ:— „Ваше превосходительство, я былъ введенъ въ заблужденіе моими офицерами; у меня... не хватаетъ 900 тоннъ угля“... Выслушавъ это спокойно, адмиралъ не сказалъ Бухвостову ни одного слова... Ночью по приказу адмирала „Александръ III-й“ догрузилъ недостававшее у него количество угля, не получивъ на этотъ разъ никакой преміи“...

Умѣлъ Рожественскій и выдвигать работниковъ, когда это было въ его власти. Такъ было, напр., съ командиромъ одного изъ транспортѣвъ, который началъ свою службу матросомъ, оказался даровитымъ работникомъ и получилъ затѣмъ штурманскій дипломъ. Работая въ Ревелѣ на глазахъ адмирала при подъемѣ одного судна, онъ произвелъ на адмирала впечатлѣніе, какъ дѣльный человѣкъ; и эта случайная встрѣча имѣла большое вліяніе на всю послѣдующую судьбу этого работника.

„У насъ на эскадрѣ,—пишетъ мнѣ товарищъ, нѣкоторые ставили Рожественскому, какъ бы въ вину даже и то, что онъ часто бывалъ на госпитальномъ суднѣ „Орелъ“... Онъ былъ тамъ на всѣхъ безъ исключенія похоронахъ матросовъ. А если при этомъ Рожественскій разговаривалъ иногда со своей племянницей, бывшей тамъ въ числѣ сестеръ милосердія, то въ этомъ бѣды нѣтъ. Адмиралъ отлично зналъ, какъ это подѣйствовало бы на команду, если бы онъ вздумалъ не отдать послѣдняго долга почившему матросу“.

„Проявляя свою суровость и свой деспотизмъ, Рожественскій умѣлъ быть и снисходительнымъ къ командѣ“, пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей-моряковъ. „Нѣкоторые офицеры упрекали его даже въ излишней мягкости къ нижнимъ чинамъ эскадры, провинившимся въ важныхъ проступкахъ. Когда ему предлагали суровую кару для нихъ, онъ отклонялъ ее, говоря, что команда цѣлыми мѣсяцами сидитъ безвыходно на корабляхъ въ то самое время, когда гг. офицеры бы-

вать на берегу и не всегда хорошо себя ведутъ; надо поэтому имѣть къ командѣ больше снисхожденія⁴.

По окончаніи войны Рождественскій не разъ публично защищалъ бывшихъ своихъ сотрудниковъ. Въ засѣданіи IV-го Отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго О-ва 31 января 1906 г. на докладѣ Н. С. Колоколова о значеніи флота для Россіи зашла рѣчь и о хищеніяхъ въ морскомъ вѣдомствѣ. Говорили много, подробно, открыто. Среди избранной публики присутствовали въ залѣ засѣданія и Рождественскій. Ему было дано слово. Онъ разъяснялъ причины разгрома нашего флота подъ Цусимю и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами (см. „Море“, 1906 г., № 13, стр. 478): „По поводу высказаннаго однимъ изъ ораторовъ мнѣнія, что флотъ былъ погубленъ воровствомъ, скажу еще только нѣсколько словъ. Очень можетъ быть, что я дѣлалъ много ошибокъ во всемъ ходѣ приготовленій и въ самомъ бою; можетъ быть, я былъ незнающъ, лѣнивъ; можетъ быть, и мои сотрудники не такъ дѣлали дѣло. Но я просилъ бы вѣрить, что люди, которые теперь погребены въ Корейскомъ проливѣ, не воровали“... Собраніе покрыло слова адмирала горячими рукоплесканіями.

Объ отношеніяхъ адмирала къ личному персоналу заслуживаютъ вниманія еще слѣдующія строки изъ одного товарищескаго письма: „Всѣ ночи напролетъ адмиралъ ходилъ по палубѣ, самъ слѣдилъ за всей эскадрой, самъ входилъ во все, даже и въ мелочи. Адмиралъ думалъ за насъ, велъ насъ, одинъ держалъ всю эскадру въ своихъ рукахъ. Контръ-адмиралъ Энkvистъ, который шелъ съ тремя крейсерами вокругъ мыса Доброй Надежды вмѣстѣ съ Рождественскимъ, жаловался, что этотъ послѣдній совершенно не считался съ нимъ, какъ съ адмираломъ: онъ съ нимъ никогда не совѣтовался и не сообщалъ ему своихъ плановъ⁴⁷). Такъ было въ походѣ, такъ было и съ подготовкою кораблей къ бою: всѣ распоряженія и тутъ были сосредоточены исключительно въ рукахъ адмирала; признавалась только его воля, его распоряженія; совѣта командировъ не было создано... Если бы даже и былъ такой совѣтъ, не было бы возможности предотвратить разгромъ нашей эскадры при встрѣчѣ ея съ непріателемъ; но было бы возможно сдѣлать этотъ разгромъ не столь тяжелымъ. И неисчерпаемаго источника сѣтованій и нареканій на адмирала также не было бы тогда“.

Отзывы о Рождественскомъ въ иностранной печати были довольно разнообразны. Оставляя въ сторонѣ рядъ грубыхъ и рѣзкихъ нападокъ на адмирала послѣ учиненнаго имъ разгрома гульскихъ рыбаковъ, я приведу здѣсь только тѣ отзывы, которые наиболѣе благоприятны адмиралу. Прочитавши эти отзывы, каждый безъ объясненій пойметъ, насколько освѣдомлены были о немъ тогда его доброжелатели.

Въ началѣ апрѣля 1905 г. въ берлинской офиціозной газетѣ „Post“ одинъ изъ видныхъ германскихъ моряковъ писалъ слѣдующее:

„Русскій адмиралъ, большой знатокъ артиллерійскаго дѣла, долгое время бывший морскимъ агентомъ въ Англіи, какъ извѣстно, су-

⁴⁷) Ко 2-му изданію книги одинъ изъ нашихъ товарищей-моряковъ прислалъ мнѣ слѣдующее добавленіе: „Съ Фелькерзамомъ адмиралъ совѣтовался неоднократно, Энkvиста же онъ, повидимому, только терпѣлъ, какъ и нѣкоторыхъ командировъ; со многими же дѣльными изъ нихъ онъ иногда совѣтовался. Изъ всѣхъ приказовъ адмирала видно, что онъ требовалъ отъ командировъ проявленія разумной инициативы и находчивости, но только большинство изъ нихъ не было способно проявить эти качества; оно не было приучено къ этому прежней... службой“.

мѣлъ воспользоваться своимъ пребываніемъ въ мадагаскарскихъ водахъ для основательныхъ упражненій въ боевой стрѣльбѣ. *Полагають*, что ему удалось свои, въ началѣ плаванія мало опытные, команды въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ довести до большого совершенства...

За пять недѣль до Цусимскаго боя англійскій журналъ „Graphic“ помѣстилъ на своихъ страницахъ слѣдующій восторженный отзывъ о нашемъ адмиралѣ-флотоводцѣ:

„Рождественскій сдѣлалъ то, что всѣми свѣдущими людьми считалось невозможнымъ. Ему нужно было доказать, что экспедиція эта не только возможна, но и необходима. Онъ ее и совершилъ. Это—великій подвигъ, доселѣ безпримѣрный. Его эскадра не совершила бы того, что она нынѣ совершаетъ, безъ дисциплины, привитой ей флотоводцемъ исключительной гениальности. Если Рождественскій въ состояніи такъ же хорошо сражаться, какъ онъ сумѣлъ организовать ввѣренную ему эскадру, ему будетъ по плечу вступить въ борьбу съ Того. Россія, несомнѣнно, поступила мудро, отказавшись заключить миръ ранѣе окончательнаго результата подготовленнаго ею могучаго удара... Каковъ бы ни былъ результатъ предстоящаго боя, плаваніе эскадры Рождественскаго будетъ занесено въ скрижали морской исторіи, какъ подвигъ смѣлости необычайной и какъ доказательство его военныхъ способностей“.

За три недѣли до Цусимскаго боя парижская газета „Journal“ вѣщала всему міру слѣдующее:

„Рождественскій долженъ дать Японцамъ рѣшительное сраженіе. Никогда не будетъ у него болѣе выгодныхъ условій для боя: его эскадра превосходитъ своей численностью эскадру Того и лучше ея по своему составу... *Впрочемъ*, если бы даже Рождественскій потерпѣлъ пораженіе, потерявши половину или двѣ трети своихъ судовъ, онъ сумѣетъ уничтожить нѣсколько непріятельскихъ судовъ... Если это случится, погибнетъ господство Японцевъ на морѣ, и они не будутъ въ состояніи продолжать войну. А если Рождественскій пожелаетъ избѣжать столкновенія съ Того и пройти во Владивостокъ, его эскадра потомъ безславно будетъ разбита совершенно также, какъ въ свое время была разбита П.-Артурская эскадра. Но Рождественскій этого не сдѣлаетъ. Онъ истинный военачальникъ... *Мы во Франціи знаемъ его*. Онъ человѣкъ энергіи и страсти, но страсти осмысленной. И мы, французскіе морскіе офицеры, считаемъ его выше Макарова, имѣя въ виду именно его непобѣдимую энергію и горячую вѣру въ побѣду“...

На судѣ по дѣлу о сдачѣ Японцамъ безъ боя миноносца „Бѣдо-вый“ Рождественскій призналъ себя главнымъ виновникомъ; заранѣе заручившись почетной отставкой и усиленной пенсіей, онъ бравировалъ даже своей виною. То же самое онъ повторилъ и при разборѣ дѣла Небогатова, когда его вызвали въ качествѣ свидѣтеля. При этомъ послѣднемъ выступленіи ему были оказаны необыкновенныя почести: при его появленіи судъ и вся публика въ залѣ суда поднялись съ своихъ мѣстъ какъ одинъ человѣкъ. По поводу этого бравированія бывший морякъ написалъ въ „Новомъ Времени“ (1906 г., № 11.041) слѣдующее:

„Главнымъ виновникомъ разгрома флота является, по его собственному признанію, адмиралъ Рождественскій. Онъ упорно, почти въ хвастливомъ тонѣ, заявляетъ это уже на второмъ разбирательствѣ, какъ бы опасаясь за свой пріоритетъ въ цусимской гибели. Слишкомъ громкій позоръ даетъ своеобразную славу и свойственную ей гордость; со временъ Герострата есть охотники прогремѣть, хотя бы цѣ-

ною гибели народной. На это отстаиванье роли главного виновного (даже „единственного“ по словам адмирала) гнѣвная Россія могла бы отвѣтить;—Да, ты виновенъ, жалкій человѣкъ, и напрасно кривляешься, напрасно кокетничаешь—вмѣсто того, чтобы каяться и каяться безъ конца...

„Конечно, есть виновные въ разгромѣ флота куда покрупнѣе Рождественскаго. Если сейчасъ они чувствуютъ себя, какъ у Христа за пазухой, то потомство скажетъ о нихъ приговоръ свой. Но это не снимаетъ вины съ Рождественскаго ни въ малѣйшей степени. Онъ снаряжалъ эскадру, идущую на Востокъ. Онъ, въ качествѣ начальника морского штаба и флагамена артиллерійскаго отряда, обязанъ былъ знать состояніе эскадры въ безусловной точности, а также сравнительную ея слабость съ японскимъ флотомъ. Идя на великое историческое дѣло, нельзя было не изучить всѣ условія до послѣдней іоты. И одно изъ двухъ: или Рождественскій хорошо зналъ неспособность эскадры къ бою и ввелъ въ заблужденіе Верховную власть, или онъ плохо это зналъ и ввелъ въ заблужденіе прежде всего самого себя. Правда, какъ ни дурны были нѣкоторые корабли,—другіе были не многимъ хуже японскихъ. Снабдивъ ихъ современною артиллерією, подобравъ хорошо-обученный экипажъ, даровитый и храбрый адмиралъ могъ бы попытаться вступить въ бой. Но Рождественскій зналъ, что на эскадрѣ нѣтъ тѣхъ разрушительныхъ снарядовъ, какими владѣли Японцы. Онъ зналъ, что его команда не умѣетъ стрѣлять, что „одинъ комендоръ стрѣлялъ, другіе только смотрѣли“. Такъ велось обученіе!..

„Рождественскій зналъ, что онъ идетъ въ послѣдній смертный бой, идетъ несравненно хуже подготовленный, чѣмъ онъ хаживалъ бывало осенью изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Онъ не могъ не знать, что при подобной подготовкѣ флотъ шель на вѣрную гибель, и хуже, чѣмъ на гибель,—на позоръ. Онъ обязанъ былъ доложить объ этомъ Верховной власти. Онъ обязанъ былъ имѣть мужество остановить безумный шагъ. Вѣдь только онъ, Рождественскій, зналъ, всю доподлинную правду объ эскадрѣ. Россія не знала о ней тогда и знать не могла, какъ о государственной тайнѣ. Вмѣсто того, чтобы изъ своего важнаго знанія сдѣлать единственный вѣрный выводъ, Рождественскій сдѣлалъ выводъ невѣрный. Помраченіе Рождественскаго ничѣмъ рѣшительно не объяснимо, кромѣ невѣроятнаго его самоопыненія. Онъ думалъ, повидимому, что всѣ недостатки флота, отсутствіе разрывныхъ снарядовъ, отсутствіе дальнобойной артиллеріи на многихъ судахъ, глубокое невѣжество команды и пр. и пр.—все это возмѣщалось однимъ преимуществомъ: геніальностью самого Рождественскаго. Но такъ какъ на повѣрку, вмѣсто геніальности, оказалась бездарность, то Рождественскій серьезно виноватъ въ этой ошибкѣ. Когда рѣчь зашла о назначеніи командующаго эскадрой, адм. Скрыдловъ („главнокомандующій морскими силами въ Тихомъ океанѣ“) просилъ назначить Чухнина; но, какъ теперь открыто говорятъ, самъ Рождественскій вызвался на роковой постъ... Это вина безмѣрная, которая никогда не можетъ быть забыта. Болѣе умный, болѣе даровитый и храбрый Чухнинъ едва ли надѣлалъ бы тѣхъ нелѣпныхъ ошибокъ, какихъ надѣлалъ Рождественскій. Можетъ быть, познакомившись съ эскадрой, тотъ отказался бы вести ее на смертную казнь; а если бы и повелъ, то не раньше, чѣмъ вооружилъ бы ее, какъ слѣдуетъ. Тотъ во что бы ни стало добылъ бы новѣйшихъ снарядовъ и обучилъ бы команду стрѣльбѣ. Чухнинъ не загрузилъ

бы эскадру углемъ, не приготовилъ бы изъ кораблей костры для пожара, не повелъ бы флотъ въ Цусимскій проливъ, а при встрѣчѣ съ непріятелемъ не поставилъ бы корабли въ строй двухъ кильватерныхъ колоннъ со стадомъ транспортовъ въ срединѣ. И Чухнинъ, можетъ быть, погубилъ бы флотъ, но предварительно нанесъ огромный уронъ японскимъ силамъ. Наконецъ Чухнинъ навѣрное спасъ бы честь Россіи и предпочелъ бы скорѣй отдать благородную душу Богу, чѣмъ поднять простыню вмѣсто Андреевскаго флага. Чухнинъ не сдался бы, какъ онъ не сдался въ севастопольской смутѣ. Онъ доказалъ бы, что въ Россіи не всѣ трусы и есть у нея сыны, способные биться за родину до конца... Выдвинувъ свою незначительную особу на огромный, страшно отвѣтственный постъ, Рождественскій совершилъ передъ отечествомъ историческое преступленіе, виниться въ которомъ ему нужно съ большой искренностью и безъ всякой позы“.

Характеризуя личность Рождественскаго послѣ разбора дѣла Небогатова, извѣстный публицистъ Гофштеттеръ написалъ въ Москвѣ слѣдующія строки:

„Съ такимъ командующимъ катастрофа была неизбежна,—и она свершилась: четыре тысячи матросовъ и офицеровъ пошли ко дну, русскій флотъ уничтоженъ, Россія обезславлена, но самъ герой не потерялъ ровно ничего—ни своихъ эполетъ, ни своей гордой самоувѣренности. Виновникъ величайшаго пораженія, какое Россія когда-либо переживала на морѣ, говорилъ на судѣ тономъ Юлія Цезаря или Наполеона послѣ Аустерлица.

„Какъ? Чтобы подчиненный осмѣлился не исполнить приказанія адмирала о сдачѣ? Я не раздѣляю этихъ новыхъ теорій.

„Онъ весь преисполненъ вѣрою въ неограниченность командирской власти, но совершенно чуждъ понятія о великой отвѣтственности, связанной съ нею. Адмиралъ Рождественскій—самая мрачная фигура въ новѣйшей исторіи Россіи.

„Достойный товарищъ снарядителя эскадры, адмирала Бирилева, состоявшій многіе годы начальникомъ морского штаба при безотвѣтственномъ режимѣ генераль-адмирала, онъ не могъ не знать, какую эскадру ведетъ онъ въ бой, слѣдовательно, онъ сознательно велъ ее на гибель или, въ лучшемъ случаѣ, лекомысленно игралъ на ура вѣренными ему тысячами жизней и честью Россіи.

„подавляя личность командировъ, онъ никого изъ нихъ не сумѣлъ воодушевить къ творческой работѣ, ни съ кѣмъ ни о чемъ не совѣтовался, полагаясь исключительно на себя, цѣнилъ только свое собственное мнѣніе. Отъ подчиненныхъ требовалъ лишь слѣпое послушанія, доводилъ дисциплину до жестокости и думалъ, что деспотизмъ, который простителенъ только какъ слабость генія, можетъ замѣнить самый геній. Пережитая катастрофа не разрушила его самомнѣнія, не просвѣтила его совѣсти. Съ точки зрѣнія психіатра онъ обнаруживаетъ всѣ признаки одержимости маніей величія.

„Обремизившись на такой колоссальной ставкѣ, онъ продолжаетъ сохранять вѣру въ свою необходимость для отечества и, заплативъ за свои ошибки четырьмя тысячами чужихъ жизней, счастливо сохраняетъ свою собственную жизнь на благо и славу бѣдной опозоренной родины. Въ нашу эпоху, бѣдную характерами, адмиралъ Рождественскій выдѣляется, какъ человѣкъ, несомнѣнно, сильнаго характера; но—странное дѣло!—въ то время, какъ сильные характеры восходящаго народа караютъ сами себя, не дожидаясь чужого суда, караютъ смертью за малѣйшія ошибки, отъ которыхъ сколько-нибудь

пострадало ихъ государство, — желѣзныхъ характеровъ заходящаго народа хватаетъ только на то, чтобы переживать содѣянные ими позоръ и разрушеніе. Не ясно ли, что мы стоимъ на покатости исторіи и неизбежно должны идти все ниже и ниже роковымъ ходомъ событій, приближаясь къ самому дну паденія?

„Атрофія, полное обмираніе чувства отвѣтственности передъ родиною — самый вѣрный признакъ наступившей для насъ скорбной эпохи государственнаго упадка. Нѣтъ этого чувства въ сердцѣ адмирала, нѣтъ его и въ сердцахъ его помощниковъ. Сдача Небогатова родилась на свѣтъ изъ нѣдръ все той же безотвѣтственности, режимъ которой въ теченіе долгихъ лѣтъ царилъ въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ. Тѣмъ-же настроеніемъ веселой безотвѣтственности было проникнуто и поведеніе старшихъ офицеровъ на судѣ и даже поведеніе публики, наполнявшей судебный залъ, болѣе или менѣе близкой къ нашимъ военно-морскимъ сферамъ. Она явно сочувствовала адмиралу Небогатову и вмѣстѣ съ подсудимыми проводила торжественнымъ вставаніемъ уходящаго послѣ дачи показаній адмирала Рождественскаго. Что можетъ быть ужаснѣе этой родственной оваціи... человѣку, сгубившему подъ Цусимой нашу эскадру и болѣе четырехъ тысячъ человѣческихъ жизней?..“

Переходъ эскадры отъ Кронштадта до Цусимы.

Эскадра благополучно сдѣлала этотъ переходъ, этотъ подвигъ, благодаря самоотверженной работѣ, которую проявили инженеръ-механики ¹⁾).

ПЕРЕХОДЪ ЭСКАДРЫ ОТЪ КРОНШТАДТА ДО ЦУСИМЫ. Готовилась къ нему эскадра Рождественскаго не восемь дней, и не восемь недѣль, а *болѣе восьми мѣсяцевъ!*.. Спѣшно, дорого и не во всемъ хорошо доканчивались въ это время работы серьезныя на такихъ броненосцахъ, которымъ „по программѣ“ надо было бы быть во Владивостокѣ еще въ 1903 году; мѣнялись механизмы и вооруженіе на старѣ; спѣшно достраивались и вооружались крейсера, передѣланные изъ нѣмецкихъ пассажирскихъ пароходовъ; вырабатывались удивительные контракты на поставку угля; комплектовался личный составъ, который много и долго подбирали и разсаживали по мѣстамъ, какъ музыкантовъ въ извѣстной крыловской баснѣ...

Вся эта бюрократическая работа по снаряженію эскадры въ путь носила на себѣ характеръ полной растерянности, незнакомства съ дѣломъ; оно было сильно запущено; къ быстрому и серьезному окончанію его вовсе не готовились; многое кончали какъ-нибудь... То выпустили главное ядро эскадры, то въ догонку за ними послали крейсера съ только что оконченнымъ „Олегомъ“, то въ дополненіе къ выпущенному ранѣе составу снарядили еще военные транспорты, то начали снаряжать изъ старья запоздалый отрядъ Небогатова... А главныя силы въ походѣ въ это время стояли на мѣстѣ, въ чужихъ водахъ, ждали неизвѣстно чего; корабли непрерывно обростали ракушками и водорослями, а персоналъ отъ бездѣлья только деморализовался...

Если, дѣйствительно, надо было въ пути ждать столько времени посланныхъ въ догонку за эскадрою и крейсеровъ, и транспортовъ, и отряда Небогатова, то, разумѣется, эти три съ половиной мѣсяца ожиданія надо было провести гораздо производительнѣе,—и провести ихъ въ Балтійскомъ морѣ, а не въ чужихъ водахъ, у Мадагаскара и Аннамъ. Не говоря уже о томъ, что это стоило бы Россіи во много разъ дешевле, достигнуто было бы при этомъ и самое существенное: за это время *успѣли бы исправить многое въ механизмахъ, въ вооруженіи;*

¹⁾ Изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, стр. 73.

безъ снарядовъ не пошли бы въ походъ; времени зря не теряли бы, учились бы непремѣнно, п. ч. стоять передъ походомъ въ Ревель и не учиться стрѣльбѣ и маневрированію было бы всѣмъ совѣстно; это—все-таки не у Мадагаскара, нѣтъ-нѣтъ, да и написали бы въ газетахъ что-нибудь по поводу этого. Военныхъ транспортовъ брать съ собою въ бой тоже не пришлось бы тогда, п. ч. содержимое ихъ свободно могло быть доставлено и по желѣзной дорогѣ. За эту четверть года на мѣстѣ легче было бы сообразить, что брать съ собою въ походъ изъ старья и чего не брать; на ученьи и на маневрахъ начальству въ этомъ легче было бы ориентироваться, ко всему этому ближе можно было бы присмотрѣться. Тутъ же легко было бы сдѣлать основательную сортировку и персоналу, произвести отборъ алкоголиковъ, больныхъ, нерадивыхъ, лѣнивыхъ, попавшихъ не на свое мѣсто и т. д. А главное, за эту четверть года, проведенную въ Россіи въ сознательной работѣ, а не въ изнурительномъ хмельномъ угарѣ Мадагаскара, весь персоналъ лучше сохранилъ бы свои силы, физическія и моральныя, и пошелъ бы тогда въ походъ и въ бой съ сознаниемъ, что онъ добросовѣстно поработалъ надъ подготовкою себя къ тому дѣлу, за которое взялся... Но для этого, конечно, многимъ нужно было проявить большое гражданское мужество: *однимъ открыто и чистосердечно надо было передъ Государемъ и его народомъ сознаться, что въ октябрь 1904 года полное предположенное снаряженіе эскадры было все еще далеко не готово; а другимъ надо было сознаться, что они, слившись въ эскадру, еще ничего не знаютъ и не начинали еще совмѣстно работать...* Узнать тогда обо всемъ этомъ Государю и народу, разумѣется, было бы горько, обидно; во всякомъ случаѣ это была бы неизмѣримо меньшая обида, чѣмъ теперь, когда нашъ флотъ задорно и хвастливо шель впередъ, завѣдомо обманывая и всю Россію, и весь міръ—въ своей боевой мощи, въ своихъ знаніяхъ морского дѣла, въ своей боевой опытности... Узнавши чистую правду, Государь и его народъ благоразумно рѣшили бы тогда, конечно, что съ такими данными нельзя еще идти на поединокъ съ непріятелемъ, что сначала надо къ этому подготовиться, а иначе осрамишь Россію и неосмотрительно подорвешь ея силы и могущество на многіе десятки лѣтъ...

Однако *ни у кого не хватило этого гражданского мужества. Въ своей полной неподготовленности никто не сознался; провѣрить ихъ было некому; пресса должна была молчать...* Въ дѣлѣ совсѣмъ не было хозяина, несущаго отвѣтственность передъ страной, хозяина, имѣющаго опредѣленный планъ работы, а чаще всего не было ни хозяина, ни плана, ни работы...

Когда только что начали снаряжать у насъ эскадру для Рожественскаго, ее думали отправить, конечно, въ П.-Артуръ на соединеніе съ тихо-океанской эскадрой ²⁾. Но затѣмъ оказалось, что даже

²⁾ Капитанъ 1-го ранга Серебренниковъ, командиръ на „Бородино“, одинъ изъ лучшихъ командировъ эскадры, со стоянки у Мадагаскара отъ 28 февр. 1905 г. писалъ въ СПб. слѣдующее: „Говорять“, что мы скоро уходимъ во Владивостокъ. Навѣрно, неправда. Идти туда послѣ паденія Артура, идти въ томъ составѣ, что мы имѣемъ, нельзя, бессмысленно; да мы, я въ этомъ увѣренъ, и не пойдемъ, даже соединившись съ 3-мъ отрядомъ. Послѣ сдачи Мукдена, что принесли намъ сегодня французскія телеграммы, идти мы не можемъ; этого не должно быть, въ противномъ случаѣ это будетъ роковая ошибка“... (См. изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, 1906, стр. 66 приложенія).

и въ началѣ мая 1904 г. ничего путнаго нельзя еще было отправить въ походъ: новое недостроено, старое развалилось...

Рѣшили обождать... А время шло. Неудачи на сухопутномъ театрѣ войны непрерывно слѣдовали одна за другою. П.-Артуръ былъ обложенъ раньше, чѣмъ успѣлъ прибыть туда адмиралъ Скрыдловъ, назначенный для командованія тихо-океанской эскадрой; пришлось ему проѣхать отдыхать во Владивостокъ, а эскадру въ Артуръ ввѣрить чиновнику по старшинству... Задумали далѣе попробовать произвести соединеніе отрядовъ артурскаго и владивостокскаго, т.-е. исправить ошибку намѣстника, который для большаго блеска въ своемъ штатѣ держалъ всѣ главныя морскія силы въ Артурѣ; но произвести этого соединенія чиновники не сумѣли: владивостокскій отрядъ вышелъ на два дня поздне, чѣмъ бы ему слѣдовало; а портъ-артурская эскадра одна не справилась со своей задачей, *благодаря исключительно неудовлетворительности ея высшаго личнаго персонала*; наши корабли въ сраженіи 28 іюля 1904 г. постояли за себя хорошо, но людей не было; обновить своей артиллеріи и ввести новые снаряды Японцы тогда еще не успѣли. Но когда мы имъ дали на это время, задержавши отплытіе нашей Балтійско-Цусимской эскадры до октября 1904 г. и простоявши съ ней въ пути еще три съ половиной мѣсяца, Японцы привели главныя боевыя силы своей эскадры въ неузнаваемый видъ ³⁾. Так. обр. и наша неподготовленность, и наша нераспорядительность, и отсутствіе у насъ хозяина въ дѣлѣ,—все это оказалось на пользу только Японцамъ, чиновникамъ да подрядчикамъ нашего морского вѣдомства.

ВЪ КРОНШТАДТѢ, РЕВЕЛѢ И ЛИБАВѢ въ 1904 г. работа „кипѣла“, какъ никогда. Въ концѣ лѣта въ Кронштадтѣ, хотя и спѣшно, но „со всей строгостью“, производились пріемки кораблей. То и дѣло ходили на пробу „Суворовъ“, „Бородино“, „Орелъ“, „Олегъ“, „Жемчугъ“, „Изумрудъ“ и друг. Не всѣ пробы оказались, конечно, удовлетворительными: то не хватало обѣщанныхъ „узловъ“, то оказывалась нехватка въ „индикаторныхъ силахъ“; то повторно корабли садились на мель на самой линіи фортовъ; послѣ долгой возни ихъ наконецъ стаскивали, они снова шли и опять садились на мель и т. д., точно въ чужихъ водахъ. Гдѣ задирало, „смазывали“, гдѣ не хватало, „смазывали“...

Не безынтересны первыя впечатлѣнія нашихъ товарищей-техниковъ, попавшихъ во флотъ какъ разъ въ компанію 1904 г.

Приведу здѣсь рядъ выписокъ изъ писемъ, которыя были получены мною въ разное время отъ участниковъ въ походъ нашей Балтійско-Цусимской эскадры и которыя дополняютъ собою характеристику личнаго состава нашего флота.

„Передъ тѣмъ какъ подать прошеніе о зачисленіи меня во флотъ представлялся будущему начальству, съ головой погружался въ атмосферу вѣжливости и деликатности... Одинъ изъ адмираловъ сказалъ мнѣ, что онъ и самъ не знаетъ, есть ли вакансіи во 2-й эскадрѣ, но что примутъ они меня во всякомъ случаѣ... Другой адмиралъ выразился такъ, что „министерству до крайности нужны инженеры“. Въ морскомъ штабѣ однако разъяснили мнѣ, что, принимая меня, какъ запаснаго чина военнаго министерства, они должны испрашивать у него каждый разъ особое разрѣшеніе. На бумагѣ о запросѣ, касаю-

³⁾ Капит. Семеновъ, стр. 47, 51.

щемся меня, я самъ видѣлъ надпись „срочная“. Отъ одного штаба до другого шаговъ не болѣе 300; но чтобы пройти черезъ всю систему „исходящихъ бумагъ и входящихъ“ и претерпѣть всѣ шатанія съ одного стола на другой, моя „срочная“ грамота гуляла почти двѣ недѣли... Воображаю, что дѣлается съ несрочными, да еще такими, надъ которыми хоть каплю надо подумать...”

„Насъ, попавшихъ во флотъ изъ напряженной, трудовой атмосферы Императорскаго Техническаго Училища, поражала окружавшая насъ въ Кронштадтѣ дѣйствительность. Мы ожидали здѣсь встрѣтить серьезную, настоящую подготовку эскадры—ученія, тревоги, подготовку къ стрѣльбѣ, маневрированіямъ и т. д. Ничего этого не было; лишь черезъ 3 ночи на 4-ю нѣкоторые суда ходили въ дозоръ за нѣсколькими милями дальше отъ своей якорной стоянки въ Финскій заливъ; тамъ они отдавали якорь и стояли до утра съ поднятыми парами, а утромъ опять уходили и становились на якорь на большомъ рейдѣ, занявши прежнее мѣсто. Два раза въ день, послѣ завтрака и обѣда, на Петровскую пристань въ Кронштадтѣ приходили катера, переполненные веселыми офицерами въ чистенькихъ кителяхъ и накидкахъ, ѣхавшими на берегъ или съ берега... Утромъ и вечеромъ приходили на эскадру тяжелыя портовые суда съ рабочими, которые производили на корабляхъ разныя исправленія и устанавливали беспроволочный телеграфъ.—Иногда впрочемъ производили на эскадрѣ шлюпочныя ученія, траленіе минъ, практиковались съ боевымъ освѣщеніемъ (прожекторами)“.

„На корабляхъ, которые достраивались, шло большое оживленіе среди рабочей массы. Днемъ на броненосцахъ работало до 2000 человекъ, ночью—до 1000. А для гг. офицеровъ—опять праздникъ. Какъ правило было заведено въ нашемъ флотѣ, что строевые офицеры, кромѣ „верха“ и палубы, могли ничего не знать. И многіе изъ нихъ, дѣйствительно, не знали вовсе своего корабля и не всегда сумѣли бы пройти въ какую-нибудь часть его, называемую въ разговорѣ. Специалисты офицеры (штурмана, минеры, артиллеристы), по скольку хватало у нихъ знаній и охоты, слѣдили отчасти за вооруженіемъ своихъ частей. Не вездѣ они могли слѣдить за работой, п. ч. не имѣли для этого прежде всего достаточныхъ техническихъ знаній⁴⁾. Въ плаваніи при неисправности рулевого привода, напр., штурманскіе офицеры съ академическимъ образованіемъ были часто вовсе не въ состояніи опредѣлить причину этого; на помощь призывались или корабельный инженеръ, или механикъ; этимъ же приходилось лѣзть и сначала знакомиться на мѣстѣ съ устройствомъ штурвала, тратя на это время, и лишь тогда удавалось найти причину; инициатива и способъ исправленія отдавались, конечно, въ руки механика“...

⁴⁾ Позднѣе то же лицо дѣлилось своими впечатлѣніями въ такихъ выраженіяхъ: „Манера внѣшняго военнаго обращенія далась не скоро. Выправка усвоится скорѣе... Съ уваженіемъ къ старшимъ строевымъ офицерамъ во флотъ прощаешься навсегда. Мы въ Училищѣ привыкли уважать своихъ „старшихъ“, профессора или преподаватели, и безусловно подчиняться ихъ указаніямъ, п. ч., если они даже и не изъ лучшихъ, они знаютъ свое дѣло, всегда они далеко превосходятъ меня знаніями, они работаютъ нерѣдко вмѣстѣ со мною или на моихъ глазахъ. А здѣсь совсѣмъ не то; весь жизненный обиходъ складывается так. обр., что къ старшимъ строевымъ возможно отношеніе въ лучшемъ случаѣ съ насмѣшкой, а иныя дѣйствія ихъ вызываютъ и пренебреженіе, и даже презрѣніе“...

Первый отряд эскадры Рождественскаго вышелъ изъ Кронштадта въ Ревель 12 августа. Въ немъ все еще недоставало транспорта „*Камчатка*“ и броненосца „*Орель*“; у 1-й передъ самымъ уходомъ были испорчены машины, а 2-й все еще былъ неготовъ.

Броненосецъ „*Орель*“ былъ сначала умышленно затопленъ въ кронштадтской военной гавани; а затѣмъ за нѣсколько минутъ до пробы машинъ было открыто, что въ подшипники насыпанъ наждачный порошокъ, чтобы испортить машину при первомъ же пусканіи ея въ ходъ („*Море*“, 1906 г., № 5, стран. 178).

Въ Ревелѣ эскадра немного училась маневрированію, задраивали кругомъ иллюминаторы, готовились къ стрѣльбѣ, а главное семеро ждали одного...

Наконецъ пришли „*Камчатка*“ и „*Орель*“; адм. Бирилевъ прѣзжалъ въ Кронштадтъ самъ, когда броненосецъ, ранѣе утопавшій и оправившійся, опять вдругъ сѣлъ на мель за двѣ недѣли до похода...

26 сентября 1904 г. эскадра въ Ревелѣ ждала Высочайшаго смотра. Надѣвали полную парадную форму⁵⁾; команда была одѣта „въ первый срокъ“ и была на шканцахъ выстроена по оба борта.

Государь, прѣхавшій въ Ревель съ поѣздомъ, на катеръ обходилъ всю эскадру, начиная со старыхъ броненосцевъ. Подойдя къ борту, Онъ поднимался на спардекъ, здоровался съ почетнымъ карауломъ и командой, проходилъ на задній мостикъ и обращался съ воодушевляющею рѣчью къ офицерамъ и командѣ. „Здѣсь они впервые узнали изъ Его устъ, что эскадра пойдетъ въ Японскія воды... сражаться съ врагомъ, нарушающимъ спокойствіе Россіи“. Рѣчь Государя была покрыта криками „ура!“

Черезъ день послѣ этого эскадра снялась съ якоря и отправилась въ Либаву. Ждать еще „*Олега*“ долѣе не нашли возможнымъ...⁶⁾ Здѣсь эскадра пробыла дня три, грузилась углемъ до полного запаса и прощалась съ Россіей. Многіе прощались навсегда...

Перваго октября съ полудня корабли начали вытягиваться изъ аванъ-порта на рейдъ. Погода была сѣрая, дождливая...

„Счастье наше“, пишетъ мнѣ одинъ изъ товарищей, „что во время стоянки эскадры въ Либавѣ погода была хорошая; иначе неминуемо было бы несчастье. Дно въ аванъ-портѣ—плита, якорь и даже два не держатъ судна; достаточно несильнаго вѣтра, и онъ тащитъ суда вмѣстѣ съ бочками и якорями... Выйти въ море большимъ судамъ невозможно. Во время постройки порта не предполагали (!) возможности появленія въ будущемъ судовъ съ глубокой осадкой, а потому въ воротахъ сдѣлали глубину немного болѣе 30 фут. Нѣкто-

⁵⁾ А черезъ семь мѣсяцевъ послѣ этого на той же эскадрѣ, въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ за выносомъ плащаницы была уже такая картина:—„Стояла босая команда, босые пѣвчіе, босой дьячокъ. Всѣ въ бѣломъ; постарались надѣть чистое, но всѣ рваные. Костюмы офицеровъ тоже были скверные... Боже, какое это было убожество!“ см. Политовскій, стр. 233.

„На вспомогательныхъ крейсерахъ въ этомъ отношеніи было лучше“, пишетъ одинъ изъ товарищей. „Нашъ одеждой снабдили и на 1905-й годъ; запасъ ея былъ взятъ въ лавочку; поэтому наша команда всегда была чисто одѣта. Былъ, правда, и у насъ недостатокъ въ сапогахъ, да мы ихъ тамъ и не носили“... (Добавленіе, приложенное для 2-го изданія).

⁶⁾ Немного позднѣе выпустили изъ Кронштадта и „*Олега*“, но съ поврежденными машинами, дѣлавшими крейсеръ въ бою только декораціей (статья кап. Доброворскаго въ „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.826).

рия изъ судовъ эскадры сидѣли въ водѣ на 30 фут. и въ назначенное время выйти въ море не могли. Дня два пришлось ждать тихой погоды“... (Добавленіе, присланное для 2-го изданія).

Еще на стоянкѣ въ Ревелѣ появился на эскадрѣ слухъ, что противъ нея готовятся козни при проходѣ ея Нѣмецкимъ моремъ или Англійскимъ каналомъ. Одни говорили о японскихъ миноносцахъ, другіе—о пловучихъ минахъ, которыя нѣкоторыя спортсменскія общества въ угоду Японцамъ берутся якобы набросать на пути нашей эскадры. Эти свѣдѣнія были будто бы доставлены нашими агентами въ З. Европѣ. Не опровергаемый никѣмъ, этотъ слухъ повторялся въ каютъ-компаніяхъ; и его знала команда, отъ которой не было причинъ его скрывать.

Настроеніе на корабляхъ передъ уходомъ эскадры въ общемъ было неважное, неувѣренное.

Вечеромъ на „Суворовѣ“ былъ отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Молились за „болярина Зиновія и дружину его“.

Утромъ 2-го октября эскадра покинула Либаву съ самыми тревожными думами о неизвѣстномъ будущемъ, которое рисовалось ей преисполненнымъ всякихъ опасностей въ пути.

ГУЛЯСКИЙ ИНЦИДЕНТЪ ⁷⁾... „Снявшись 2 октября съ якоря, эскадра перешла къ Лангеланду, а оттуда, конвоируемая по временамъ датскими канонерками, поотрядно она прошла проливы, собралась и стала на якорь у мыса Скагенъ, гдѣ нѣкоторыя суда грузились углемъ“.

На этомъ переходѣ успѣлъ уже отстать броненосецъ „Орелъ“; о немъ беспокоились всю ночь ⁸⁾; у него нѣсколько разъ портился руль.

„На этой остановкѣ распространялось опять много тревожныхъ извѣстій. Съ одного частнаго парохода ночью будто бы видѣли у шхеръ шесть миноносцевъ, прятавшихся тамъ; съ другого парохода видѣли судно, очень похожее на подводную лодку; нашъ „Наваринъ“ будто бы поднималъ сигналъ, что онъ видитъ два воздушныхъ шара“, и т. д.

„Начинало уже вечерѣть, темнѣть, а эскадра почему-то все еще не снималась съ якоря. Чтобы разогнать тревожныя думы, за ужиномъ кто-то пробовалъ шутить на счетъ всѣхъ этихъ слуховъ, но безуспѣшно... Было уже совсѣмъ темно, когда эскадра снялась съ якоря. Всѣ вздохнули свободнѣе. Пошли опять поотрядно“...

„На другой день была сѣрая погода; и говорили, что въ эту ночь ужъ непременно надо ждать нападенія. Наступилъ вечеръ, пришла и ночь съ 8 на 9 октября. Около полуночи на судахъ 1-го броненоснаго отряда были получены первыя тревожныя вѣсти съ транспорта „Камчатка“, который сильно отсталъ отъ эскадры и сообщалъ, что „видитъ непріятеля“. Затѣмъ стало извѣстно, что „Камчатка“ телеграфируетъ: „атакована непріятелемъ со всѣхъ румбовъ“. Всѣ заволновались... Проиграли тревогу... Боевая смѣна разошлась по мѣстамъ; отдраили полупортики, подкатили телѣжки со снарядами; все было поставлено на „...товся!“

„Краса эскадры, 4 новыхъ броненосца,—въ строѣ кильватера; сзади ихъ—транспортъ „Анадырь“ и нашъ буксирный пароходъ „Роландъ“. Съ мостика было передано въ машинное отдѣленіе, что въ

⁷⁾ По даннымъ, извлеченнымъ изъ писемъ нашихъ товарищей, участвовавшихъ въ походѣ. ⁸⁾ Политовскій, стр. 5—6.

кочегарняхъ просить возможно меньше шуровать и аккуратнѣе подбрасывать уголь, иначе за стелющимся дымомъ *непріятельскіе миноносцы* могутъ близко подкрасться къ эскадрѣ незамѣченными“...

„Ночь мѣсячная. На морѣ—мглистыя облака. Нервно настроенные люди пристально вглядывались въ море; переговаривались шепотомъ; тревожно оглядывали каждаго проходящаго... На морѣ—зыбь. Въ отдраенные полупортики, съ стоящими около нихъ людьми, нахлестывало воду, которая покрыла скоро всю палубу... „Въ палубахъ“ было темно (огней почти не было), всюду чувствовалась напряженность ожиданія. Артиллерійскіе офицеры и командиры плутонговъ давали наставленія комендорамъ — не волноваться при наводкѣ и стрѣлять съ выдержкой“...

„Вдругъ громко заиграли „отраженіе минной атаки“ и раздались повсюду крики: „миноносцы! миноносцы!“...

„Суворовъ“ встрѣтилъ *какія-то суда, по его мнѣнію подозрительныя*, открылъ боевое освѣщеніе и началъ стрѣлять... Другіе броненосцы сдѣлали то же самое, и началась канонада“...

Тѣ лица, которыя пережили и Гульскій инцидентъ (при Доггербанкѣ), и Цусимское сраженіе, говорятъ, что „Гуль въ своемъ родѣ (превосходилъ Цусиму *по напряженности нашей стрѣльбы*; подъ Цусимой мы старались все-таки оцѣнивать разстояніе до непріятеля и стрѣляли только изъ подходящихъ орудій; здѣсь же наши корабли стрѣляли даже изъ пудметовъ, страшно волнуя этимъ команду, на ходившуюся внизу, около машинъ и котловъ“...

„На одномъ изъ броненосцевъ раздался выстрѣлъ даже изъ 12-дюймоваго орудія... Грохотъ и сотрясеніе корабля показались нервно-возбужденнымъ людямъ до того сильными, что они приняли это за минную пробоину въ носовую часть и бросились принимать необходимыхъ мѣръ... Комендоры теряли зачастую всякое самообладаніе, а подаваемая въ полупортики вода еще болѣе увеличивала замѣшательство: кто стрѣлялъ, не цѣлясь вовсе; кто тыкалъ въ казенникъ новымъ патрономъ, второпяхъ еще не выстрѣливъ. Вотъ сверху прожекторомъ впопыхахъ водятъ близко отъ борта, а комендоры палятъ въ воду, освѣщенную электрическими лучами не далеко отъ борта... Офицеры старались внести порядокъ и погасить расходившіяся страсти: удерживали наиболѣе взволнованныхъ, оттаскивали комендоровъ отъ орудій, иные давали непокорнымъ зуботычины... А на поверхности моря, какъ бы потемнѣвшей отъ боевого освѣщенія, безпомощно качалось въ это время нѣсколько разстрѣлянныхъ и горѣвшихъ судовъ... Приказано было остановить стрѣльбу; но зуботычина не вездѣ еще дошла по назначенію, и канонада нѣкоторое время все еще продолжалась и дальше“.

„Все еще стрѣляя въ побѣжденные суда, броненосцы прошли мимо нихъ девяти-узловымъ ходомъ. Кормовые плутонги нѣкоторыхъ броненосцевъ однако не стрѣляли вовсе, т. к. при свѣтѣ пожара ясно можно было видѣть, что горѣлъ не миноносецъ“...

„Боевое крещеніе эскадры свершилось... Горящія суда остались далеко сзади, стрѣльба стихла, возбужденіе прошло... На кораблѣ пахло испорченными яйцами (запахъ бездымнаго пороха), палуба была покрыта нахлестанной водой... Въ группѣ офицеровъ слышны были возгласы:—„А знаете, господа, вѣдь это мы простыхъ рыбаковъ⁹⁾ раскатали!“...

⁹⁾ Въ Гулѣ воздвигнутъ памятникъ, изображающій во весь ростъ рыбакова съ

„На утро стали извѣстны и тѣ дефекты, которые принесла нашей эскадрѣ эта боевая несчастливая ночь: „Суворова“, кромѣ рыбацкихъ судовъ, разстрѣляла еще и „Аврору“; смертельно ранили на ней священника; и на эскадрѣ было обнаружено нѣсколько случаевъ помѣшательства во время событій этой ночи“...

Слѣдственная Международная Комиссія по дѣлу о гульскомъ инцидентѣ засѣдала въ январѣ 1905 года въ Парижѣ. На осуществленіе ея работъ Англія и Россія затратили около 300.000 руб.; искъ къ Россіи со стороны гульскихъ рыбаковъ было предъявлено на сумму около 650.000 руб. Три офицера съ броненосцевъ „Суворова“, „Бородино“ и „Александръ III-й“ свидѣтельствовали, что въ началѣ перваго часа при свѣтѣ прожекторовъ они видѣли въ разстояніи около 2 миль отъ эскадры „два миноносца чернаго цвѣта, эскадреннаго типа, съ числомъ трубъ не менѣе двухъ“... Одинъ изъ нихъ они видѣли въ теченіе 2—4 мин., другой дольше. Стрѣльба длилась около 9 мин. Имъ доказывали, что за миноносцы гг. офицеры приняли свой же крейсеръ „Аврору“ и рыбацкое судно „Alpha“, и что „Камчатка“ стрѣляла въ нѣмецкое рыбацье судно ¹⁰⁾ „Sonntag“ и въ шведскій пароходъ „Aldebaran“. Комиссія постановила, что ни военное достоинство, ни гуманность Рождественскаго въ связи съ этимъ инцидентомъ не подлежатъ никакому порицанію.

СНАРЯЖЕНІЕ ОТРЯДА ДОБРОТВОРСКАГО И ПЕРЕХОДЪ ЕГО. Матеріалъ для этой интересной главы удалось собрать только для 2-го изданія книги. Часть этого фактическаго матеріала, по моей просьбѣ, была обработана одними изъ нашихъ товарищей, вернувшимися изъ похода; а въ дополненіе къ этому мною были получены нѣсколько пачекъ писемъ, написанныхъ другими нашими товарищами какъ изъ Либавы, такъ и съ пути.

Послѣ ухода Рождественскаго 2-й отрядъ задержался въ Россіи болѣе чѣмъ на мѣсяцъ. Задержка вышла главнымъ образомъ изъ-за неготовности „Олега“, „Изумруда“, вспомогательныхъ крейсеровъ и миноносцевъ.

„На пути изъ Кронштадта въ Либаву,—пишетъ нашъ товарищъ,—15 октября 1904 г. у Біорка мы производили стрѣльбу минами при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ хода кораблей,—то на самомъ быстромъ ходу, то на тихомъ, то во время остановки. Выпустили всѣ имѣвшіяся у насъ мины, а потомъ вылавливали ихъ. Стрѣльба оказалась не изъ удачныхъ. Собственно удачнаго выстрѣла не было сдѣлано ни одного...“ Комиссія дѣлавшая пробу и желавшая поскорѣе отъ насъ „отдѣлаться“ нашла все „благополучнымъ“ и составила въ этомъ духѣ актъ. Наши минѣры отказались его подписывать... Потомъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ дѣло какъ-то уладилось. Спорили однако долго, простояли еще вторую ночь на якорѣ, и только днемъ 16-го октября тронулись въ Либаву. Вечеръ и ночь передъ этимъ использовали какъ слѣдуетъ. Вечеромъ изъ орудій и пулеметовъ артиллеристы закатали такую трескотню по бочкамъ, освѣщеннымъ про-

поднятой къ небу рукой. Памятникъ воздвигнуть въ память избавленія англійскихъ рыбаковъ отъ разстрѣла ихъ у Доггербанки эскадрой адмирала Рождественскаго, принявшей ихъ за японскую военную флотлію.

¹⁰⁾ Письма нашего товарища А. М. Цѣшкова категорически подтверждаютъ три послѣдствительныя ночныя атаки „Камчатки“ миноносцами, а не другими судами (см. ниже).

жекторами, что через нѣсколько секундъ отъ бочекъ не осталось и слѣда. Въ эту же ночь была произведена тревога, и было сдѣлано отраженіе воображаемой минной атаки. Моментально всѣ огни были погашены; люди разбѣжались по своимъ мѣстамъ кто куда былъ назначенъ; всѣ люки были задраены. Постояли—пометались на своихъ мѣстахъ, а потомъ разошлись... Подобное же этому пушечное ученіе было продѣлано и въ П.-Артурѣ въ памятный, историческій день 27 января 1904 года; продѣлали его и успокоились, а черезъ часъ послѣ этого явились тогда японскіе миноносцы, которые и произвели уже настоящую атаку...

„Какъ это было тогда 27 января, такъ и у насъ теперь вслѣдъ за ученіемъ шло „воаліаніе“; въ каютъ-компаніи по случаю перваго плаванія и первой стрѣльбы дружно атаквали шампанское... Пили и похваливали одинъ другого. Тостовъ, рѣчей было изобиліе. Пили всѣ за каждого въ отдѣльности и каждый за всѣхъ. Комбинація выходитъ недурная, если на кораблѣ въ такой „атакѣ“ участвовать, примѣрно, около 20 душъ... Назвѣякались мы такъ изрядно, что на слѣдующій день мой принципаль такъ и не вышелъ на вахту къ машинамъ; и мнѣ первый разъ въ жизни пришлось стоять „вахту-собачку“ (съ 12 час. ночи до 4 час. утра), да еще и не со старшимъ механикомъ, а одному. Будить другихъ механиковъ было неловко, а одному стоять при такихъ условіяхъ жутко. Тогда я позвалъ кондуктора, опытнаго и знающаго машиниста; и мы простояли съ нимъ всю вахту безо всякихъ инцидентовъ“.

„Во время перехода въ Либаву учились стрѣлять въ щиты на ходу. Но такъ какъ это было въ 1-й разъ, то и результатъ напоминать „первый блинъ“... За то громъ отъ выстрѣловъ былъ такъ силенъ, что у насъ разбило нѣсколько стеколъ въ иллюминаторахъ. Во время выстрѣловъ машину на крейсера такъ и встряхиваетъ“.

„Въ Либавѣ въ нашемъ отрядѣ пришлось заняться ремонтомъ машинъ на „Олегъ“. На первомъ же переходѣ онѣ оказались изрядно разстроившимися: 21-го октября вскрыли цилиндръ, въ немъ оказалась серьезная трещина... Говорятъ, что придется простоять нашему отряду въ Либавѣ недѣли три. Сегодня здѣсь рассказывали о поврежденіяхъ на „Азорръ“ и „Александръ III“, которыя были нанесены имъ нашими же судами на учебной стрѣльбѣ. Рождественскій продѣлывалъ эту стрѣльбу въ такой формѣ: легкіе крейсера, большіе крейсера и броненосцы, вытянувшись въ три параллельныхъ линіи, съ одинаковой скоростью идутъ параллельными курсами, положимъ, справа налѣво; на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, ближе къ легкимъ крейсерамъ и дальше всего отъ броненосцевъ, то же параллельнымъ съ ними, но только встрѣчнымъ курсомъ (слѣва направо) идутъ миноносцы со щитами для стрѣльбы; изъ cadaго ряда боевыхъ судовъ и стрѣляютъ въ эти щиты, при чемъ большіе крейсера на пути своихъ выстрѣловъ имѣютъ легкіе крейсера; а броненосцы жарятъ сквозь двѣ линіи крейсеровъ; снаряды нерѣдко пролетаютъ почти рядомъ съ трубами крейсеровъ; малѣйшее замедленіе или ускореніе хода того или другого судна можетъ вызвать сейчасъ же катастрофу „домашняго свойства“...

„На крейсера „Олегъ“ у лейтенанта X обнаружилось помѣшательство въ очень буйной и скандальной формѣ; одинъ изъ сильнѣйшихъ приступовъ разразился въ Либавскомъ увеселительномъ саду... Больной, возбудившій о себѣ самую энергичную переписку, помѣщенъ въ госпиталь“...

25 октября въ Либавѣ съ уходящей все далѣе и далѣе эскадры Рождественскаго были получены первыя письма съ описаніемъ Гулльскаго инцидента.

Когда это сдѣлалось извѣстнымъ на судахъ, вошедшихъ въ составъ отряда Добровольскаго, посланнаго затѣмъ Рождественскому въ догонку, бравый и доблестный командиръ одного изъ немногихъ крейсеровъ, которые вели себя въ бою молодецки, выражался въ своей каютѣ-компаніи въ слѣдующихъ словахъ: „Японцевъ я не боюсь, но... боюсь Рождественскаго; пойдемъ мы къ нему на соединеніе съ его эскадрой; а онъ, пожалуй, приметъ насъ за Японцевъ, да и раскатаетъ, какъ „Аврору“ подъ Гуллемъ“...

„Въ газетахъ много писали о потопленномъ будто бы японскомъ миноносцѣ. Все это сущіе пустяки; затопили не японскій миноносецъ, а нашъ, русскій миноносецъ, купленный въ Англіи и шедшій на соединеніе съ эскадрой. Объ этомъ въ полученныхъ письмахъ было написано чернымъ по бѣлому... У насъ всѣ возмущены Рождественскимъ; говорятъ о замѣнѣ его Чухинимъ“...

„Уходъ отряда изъ Либавы предполагается 31 октября, мы должны догнать эскадру Рождественскаго. „Аврору“, имѣющую наружныя поврежденія, долженъ будетъ замѣнить „Олегъ“ съ его внутренними поврежденіями... въ машинахъ. Это будетъ, пожалуй, обмѣнъ ястреба на кукушку... На бумагѣ все это пройдетъ довольно успокоительно. Умѣемъ повредить, но умѣемъ и замѣнить... Вмѣстѣ съ „Олегомъ“ выйдутъ изъ Либавы еще „Изумрудъ“ (тоже въ своемъ родѣ „драгоценность“), затѣмъ 5 или 6 миноносцевъ и вспомогательные крейсера — „Уралъ“, „Донъ“, „Дикпръ“ и „Ріонъ“. Два послѣдніе—это передѣланные бывшіе пароходы Добровольнаго флота „Петербургъ“ и „Смоленскъ“. Предполагали раньше отправить съ нами еще угольный транспортъ „Иртышъ“, но при выходѣ изъ Ревеля онъ ухитрился полчить пробину и сѣсть на мель... Три недѣли возились съ его исправленіемъ, но безуспѣшно. А жаль; онъ беретъ на себя 12.000 тоннъ угля; имѣть ихъ въ запасъ при такомъ небольшомъ отрядѣ, какъ нашъ, было бы очень важно. Запасъ угля на „Олеге“, напр., можетъ быть взятъ не болѣе одной тысячи тоннъ, а тутъ цѣлыхъ двѣнадцать“...

„За обѣдомъ командиръ рассказывалъ о своемъ разговорѣ съ адмираломъ Авеланомъ по поводу вѣроятной судьбы Артурской эскадры. При паденіи крѣпости эта эскадра вынуждена будетъ взорваться и затопиться. Уйти ей не удастся даже просто... изъ-за недостатка въ углѣ“.

Такъ говорилъ адмиралъ; а когда былъ сданъ П.-Артуръ, въ немъ оказалось *болѣе девяти милліоновъ пудовъ* самаго лучшаго кардифа ¹¹⁾, но такого, о которомъ адм. Авеланъ знать не могъ, „экономическаго“, нигдѣ не записаннаго... Выдаютъ изъ склада, положимъ, 1000 тоннъ угля на корабль, а складъ получаетъ съ корабля квитанцію въ приѣмъ 2000 тоннъ. Образуется мало-по-малу запасъ угля „экономическаго“, якобы выданнаго и сожженнаго. Заключается новое условіе на поставку; а самыя ассигновки между сторонами дѣлятся „по хорошему“...

25 октября осматривать „Олеге“ пріѣзжалъ адмиралъ Х... „Не будь Бирюлева, говорилъ онъ, эскадра была бы готова много раньше, по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, если только не больше... Крупная ошибка была въ томъ, что всѣ суда эскадры изъ гавани были выгнаны на

¹¹⁾ „Русское Богат.“, 1905, № 9

рейдъ, гдѣ работы страшно затягивались“. Какую-нибудь часть доставляли на корабль; но въ ней оказывалось нужно сдѣлать еще кое-какія исправленія, о необходимости которыхъ догадались только тогда, когда ее стали ставить на мѣсто. Надо бы отправить эту часть назадъ, на берегъ, въ мастерскую, но... ждутъ оказіи. А чтобы вторично удалось ей попасть изъ мастерской на корабль, выжидаютъ новой оказіи... Съ оказіей дешевле... Но это была только кажущаяся дешевизна“.

„Олегъ“ обѣщали закончить работою къ вечеру 2-го ноября, но оказалось невозможнымъ. Казенные „порядки“ тормозили работу на каждомъ шагу. Во время этой спѣшки вдругъ вздумали наводить разныя строгости. Механику съ крейсера и механику франко-русскаго завода, т.-е. ответственныя за машину лицамъ, вдругъ сегодня (2 ноября) ни съ того ни съ сего отказали въ пропускъ въ адмиралтейство; сопровождая команду съ „Олега“, которая несла паровыя трубы, они подъ своимъ наблюденіемъ спѣшили произвести ихъ исправленіе въ мастерской. Понадобился билетъ съ подписью трехъ лицъ. Чтобы собрать эти три подписи у лицъ, которыя находятся неизвѣстно гдѣ и все время мѣняютъ мѣсто, было потрачено два часа... А пришли въ мастерскую, тамъ нѣтъ нужныхъ инструментовъ. На видъ—громаднѣйшія мастерскія, а при нихъ крошечное литейное отдѣленіе. Богатѣйшій ассортиментъ машинъ-орудій, но доброй половинѣ изъ нихъ... дѣлать нечего, даже и во время самой большой спѣшки. Понадобилось выгнуть семи-дюймовую мѣдную трубу, но... пресса для нея нѣтъ, а есть для трубъ много меньшаго діаметра; но все-таки пробуютъ гнуть на немъ, и... отъ пресса остается одно только названіе... И все въ этомъ родѣ“.

„Возмутительный случай произошелъ на „Днѣпрѣ“. За неимѣніемъ карцера, одинъ лейтенантъ посадилъ матроса подъ арестъ въ угольную яму... Спустя немного времени открыли ее, но матроса тамъ не оказалось. Рѣшили, что удралъ. Случай побѣга были очень часты; за мѣсяцъ на одномъ крейсере я насчиталъ шесть случаевъ побѣга. Черезъ нѣсколько дней были открыты нижнія горловины угольных ямъ. Когда уголь былъ выбранъ въ достаточной мѣрѣ, вдругъ изъ горловины высунулась рука человѣка... Разгребли уголь; и въ его массѣ оказался трупъ того самаго штрафного матроса, котораго раньше тщетно искали и считали уже бѣжавшимъ; но онъ попросту оказался раздавленнымъ обвалившейся на него массой угля, въ полномъ смыслѣ слова расплюснутымъ, со свернутыми на бокъ скулами... Виновика этого вопіющаго безобразія списали съ корабля и предали суду; но судъ, вѣроятно, его оправдаетъ, принимая во вниманіе собственную „неосторожность“ матроса“...

„Исполняя энергичный приказъ, — выйти 2-го ноября въ что бы то ни стало, двое сутокъ работали день и ночь. Въмѣсто „Иртыша“ беремъ съ собою „Океанъ“. Названіе громкое, но принадлежитъ оно учебному судну, которое по нуждѣ обратили въ угольный транспортъ“...

„Вышли изъ Ливавы съ „Ріономъ“ въ головѣ отряда. На слѣдующій же день онъ всполошилъ всѣхъ насъ, давши 3 пушечныхъ выстрѣла по какому-то судну, оказавшемуся потомъ просто рыбацкой лодкой. Въ тотъ же день „Днѣпръ“, шедшій за „Олегомъ“ чуть не наѣхалъ ему на корму, когда при поломкѣ насоса, питающаго котлы водою, на „Олегѣ“ застопорили машину, а дать знать объ этомъ на мостикъ позабыли... Аваріи на этотъ разъ случайно избѣжали“.

„Но вотъ утромъ 5-го ноября при входѣ въ Большой Бельтъ не обошлось безъ несчастія, на этотъ разъ уже по винѣ „Динпра“. Онъ шель впереди „Олега“, но вслѣдствіе густого тумана сбился съ курса, сѣлъ на мель съ полнаго хода и никого объ этомъ не предупредилъ... Когда „Олегу“, идя тоже на полномъ ходу поравнялся съ кормой „Динпра“ и очутился отъ него влѣво, оттуда закричали, что „тутъ мель“; но... было уже поздно. Къ счастью дно оказалось песчанымъ. Это было въ 5½ часовъ утра. Когда немного прояснилось, оказалось, что *весь отрядъ* чуть не врѣзался въ берегъ... Не рассчитывая на постороннюю помощь, очень начетистую въ такихъ случаяхъ, начали пробовать сняться съ мели своими средствами. „Олегу“ застрялъ впереди „Динпра“ саженьхъ въ 80 отъ него и сидѣлъ носовой частью. На „Олегу“ дали полный ходъ назадъ. Ни съ мѣста... Долго мучились на немъ; подняли паръ на 256 фунтовъ, дали машину 120 оборотовъ и наконецъ сразу тронулись. Но развивая свой ходъ „Олегу“ шель прямо на корму „Динпра“ и съ силою врѣзался въ нее къ великому ужасу командира „Динпра“, который всю эту исторію видѣлъ съ самаго начала, но ничѣмъ не могъ предупредить ее; потерявъ свое самообладаніе и хладнокровіе, онъ только испускалъ отчаянные крики и ругательства въ рупоръ по адресу „Олега“... А тамъ на „Олегу“, *съ кормы въ машину нечѣмъ было протелеграфировать*; пока добѣжали, да передали, чтобы машину остановили и дали полный ходъ впередъ, прошло не мало времени, и... катастрофа свершилась. „Динпръ“ отдѣлался сильнымъ помятіемъ и поломками на кормѣ, а „Олегу“ ударился въ него своими тремя шести-дюймовыми орудіями. Изъ нихъ одно врядъ ли будетъ годно... Заботились много о чистотѣ палубы крейсера, о блескѣ мѣдныхъ частей; а *сигнализациі съ кормы въ машину не оказалось вовсе*... Всѣ были страшно удручены происшедшимъ. А обиднѣе всего, что часа чрезъ два послѣ этого несчастія прибылъ къ отряду и лоцманъ, дѣлавшій удивленные глаза, какъ мы сюда попали... Изъ-за густого тумана вести отрядъ онъ отказался. Пришлось простоять здѣсь послѣ этого еще ровно два дня“.

„Когда мы стояли на якорѣ у Скагена, 10 ноября командиръ получилъ отъ нашего агента извѣстіе, предупреждавшее насъ, что въ водахъ близъ Скагена появилась подводная лодка. Въ отрядѣ это извѣстіе произвело цѣлый переполохъ. Началось „вверху“ аханье, оханье, растерянность, празднованіе трусу... На ночь была спущена предохранительная сѣтка; подозрительность и вниманіе вахтенныхъ офицеровъ удвоились, и вдругъ между часомъ и двумя ночи тревога... Произвела ее шедшая безъ огней рыбацья лодка“.

„Проходя мимо знаменитой отнынѣ Доггербанки, вспоминали Рождественскаго... И на нашемъ курсѣ стояло нѣсколько рыбацкихъ лодокъ съ выброшенными сѣтями, будучи не въ состояніи тронуться съ мѣста и очистить намъ путь. Мы прошли какъ разъ по сѣтямъ, о которыхъ *осталось* у рыбаковъ одно только воспоминаніе... Въ „ту ночь среди кучи рыбацкихъ лодокъ, дѣйствительно, были два купленныхъ Россіей турбинныхъ миноносца, которые шли изъ Англіи въ Либаву. Одинъ изъ нихъ, ускользнувшій отъ разстрѣла, пришелъ туда еще до нашего ухода изъ Либавы“...

„У береговъ Англіи близъ Дувра пришлось остановиться на сутки изъ-за „Изумруда“, у котораго, вслѣдствіе порчи водопровода, ушла вся вода, которой питаютъ котлы. Пришлось прекратить топку котловъ и остановить машину. Въ концѣ концовъ учебное судно „Океанъ“ повело на буксирѣ линейное судно „Изумрудъ“, долженство-

вавшее замѣнить собою знаменитый „Новикъ!“.. Какой это былъ стыдъ и позоръ“!..

„Еще до этого нашъ отрядъ, стоя на якорѣ у Скагена, выдержалъ страшный штормъ. Что дѣлалось въ это время съ миноносцами, не поддается описанію: ихъ клало на бортъ, иныхъ подымало на дыбы, одинъ получилъ даже пробойну. Когда командиръ отдалъ миноносцамъ приказъ,—уйти за Скагенъ, чтобы скрыться отъ вѣтра, только одинъ „Пронзительный“ смогъ сняться съ якоря, и 12 миль на всѣхъ парахъ ему удалось пройти въ теченіи 8¼ часовъ!.. А остальные миноносцы очутились еще въ худшемъ положеніи: одинъ изъ нихъ чуть не выбросило на берегъ, другой очутился подъ кормой у „Олега“ и съ минуту на минуту рисковалъ быть имъ раздавленнымъ... Еще одну такую же ночь мы провели въ Бискайскомъ заливѣ, гдѣ на мертвой зыби „Олега“ накренивало на 20—22 градуса. Тутъ опять изъ-за „Изумруда“ пришлось зайти въ испанскую бухту Понте-Ведро. Это — прелестнѣйшій уголокъ, гдѣ вдали нашъ взоръ ласкали свѣтловыя вершины горъ, а внизу въ половинѣ ноября мы созерцали чудную, нѣжную, весеннюю зелень“...

„Къ 28-му ноября голова отряда Доброворскаго пришла въ Суду, а хвостъ этого отряда разметало во всѣ стороны... „Изумрудъ“ отсталъ и долженъ былъ изъ-за своей машины зайти въ Малагу; еще болѣе отстали „Дикпръ“ съ двумя миноносцами „Громкимъ“ и „Грознымъ“. Дня чрезъ два-три послѣ нихъ подойдетъ „Рюкъ“ съ двумя другими миноносцами. Изъ Суды миноносецъ „Грозный“, нуждающійся въ серьезномъ ремонтѣ, былъ отправленъ въ Пирей; до него 8 часовъ хода, а онъ все не пришелъ еще туда и чрезъ 30 часовъ. Послали на поиски за нимъ „Громкій“, и только чрезъ часъ послѣ его ухода изъ Пирея была получена телеграмма, что „Грозный“ туда наконецъ пришелъ“...

„Читаемъ газеты и глазамъ своимъ не вѣримъ. О крейсерахъ „Олега“ у васъ тамъ все пишутъ, что для эскадры Рождественскаго онъ принесетъ съ собою „глаза и уши“. А мы все смотримъ на него и думаемъ, какъ хорошо все это у васъ тамъ выходитъ на бумагѣ, а на дѣлѣ... совсѣмъ не то. Обѣщано было 23 узла хода, а на дѣлѣ мы и до сихъ поръ никакъ не можемъ развитъ болѣе 12 узловъ, да и при этой скорости въ машинѣ все грѣется, параллели и подшипники приходится заливать на ходу изъ пожарнаго рукава... А съ „Изумрудомъ“ дѣло еще хуже. Тотъ вмѣсто обѣщанныхъ 25 узловъ не можетъ дѣлать и 12; все проситъ головное судно объ уменьшеніи скорости хода для всего отряда. Теперь для всѣхъ насъ очевидно, что его слишкомъ рано выпустили изъ Кронштадта; заставили его уйти въ походъ совсѣмъ не готовымъ. Хотѣлось пустить пыль въ глаза, что вотъ молъ и мы выпускаемъ быстроходный крейсеръ“!..

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что постройка этихъ двухъ крейсеровъ „Изумруда“ и „Олега“ вмѣстѣ—обошлась Россіи почти въ десять милліоновъ рублей.

„Въ день дарскихъ именинъ (6. XII) команду спускали на берегъ; и на одинъ только флагманскій корабль было доставлено послѣ этого около 30 буквально почти мертвыхъ тѣлъ, которыя съ большими трудностями были втащены на палубу“...

„Нашъ „догоняющій“ отрядъ съ успѣхомъ можетъ быть названъ отстающимъ. Мы идемъ въ общемъ много тише отряда Фелькерзама. Судьба бьетъ насъ почти безъ перерыва. Изъ Суды рѣшено было уйти 18 декабря; все было исправно и въ полной готовности, какъ

вдругъ 17-го утромъ на „Олегъ“ ни съ того ни съ сего лопнула паровая труба вблизи флянца. Пришлось отправить эту трубу въ Пирей. Послали ее на крохотномъ номерномъ миноносцѣ. Погода засвѣжѣла. У него не хватило угля на весь переходъ; едва добрался до Пороса съ 10-ю пудами угля въ запасѣ. Забралъ уголь; но дойти до Пирея ему опять не удалось; не доходя 8 миль до Пирея у него сломался вентиляторъ въ кочегаркѣ... Пока миноносецъ нагонялъ паръ, его обгоняли парусныя лодки... Вътромъ какъ-то вогнало въ гавань и его. Командиръ полагалъ, что вся работа съ трубою задержать отрядъ на 15—20 часовъ, а тутъ въ этотъ срокъ едва добрался миноносецъ до Пирея... На лучшемъ заводѣ, при условіи работать день и ночь, затребовали на эту работу три дня. Посланный съ трубою миноносецъ не могъ вернуться обратно и затребовалъ себѣ *мѣсячный срокъ для ремонта*. За трубою послали другой номерной миноносецъ, такую же дрянъ, какъ и первый. Отойдя 20 миль отъ Суды, онъ долженъ былъ вернуться обратно изъ-за крупной неисправности въ котлахъ... Пока труба чинилась на заводѣ, туда привезли на *греческомъ пароходѣ (!)* еще три трубы съ „Изумруда“ и „Олега“...

Извѣстіе о паденіи П.-Артура было получено отрядомъ Добровольскаго, когда онъ все еще продолжалъ стоять въ Судѣ и чинить паровыя трубы, лопавшіяся на крейсерахъ „ни съ того—ни съ сего“.

Впечатлѣніе отъ этого ошеломляющаго извѣстія однимъ изъ нашихъ товарищей въ письмѣ къ его брату было охарактеризовано въ слѣдующихъ словахъ:

„П.-Артуръ сланъ Японцамъ... Теперь въ этомъ нѣтъ болѣе сомнѣній. Что же ожидаетъ насъ въ будущемъ? Неужели и послѣ этого все-таки пошлутъ на убой нашу „непобѣдимую армаду“. Все равно ни при какихъ случайностяхъ на успѣхъ мы надѣяться не можемъ. Намъ нельзя бороться съ Японцами: на бумагѣ у насъ... все есть, но на дѣлѣ очень мало путнаго; у насъ ни одно судно прилично не оборудовано, все сдѣлано кое-какъ, „на живую нитку“; долговѣчность сооружений рассчитана главнымъ образомъ на то, чтобы миновать благополучно день сдачи; а затѣмъ какъ только началась настоящая работа, сейчасъ же начинается и ремонтъ, самый настоящій „большой ремонтъ“... Смѣшно сказать, нашъ отрядъ уже два мѣсяца въ пути, а машины нашихъ крейсеровъ все еще не могутъ развить и половины той скорости, которая для нихъ была обязательна... на бумагѣ, конечно. За этимъ должны были слѣдить ревизоры, контролеры, коммисіи, подкоммисіи, сверхкоммисіи; но они слѣдили... за чѣмъ-то другимъ. А затѣмъ главное вотъ что: дрянъ большинство нашихъ кораблей, плохое царить на нихъ и настроеніе у всѣхъ,—у офицеровъ, у команды... Въ газетахъ мы читаемъ о томъ, какъ Японцы съ радостью идутъ на смерть за свою дорогую, любимую родину, за ту жизненную идею, которую всѣ они отстаиваютъ. А мы, что мы отстаиваемъ?.. Предъ нами изо дня въ день демонстрируются самые плачевные результаты системы безконтрольнаго управленія... Откуда у насъ возьмется это воодушевленіе? Посмотришь кругомъ: одни клануть и негодуютъ, другіе словно опущены въ воду, третьи чрезъ силу стараются что-то дѣлать, но сдѣлать путнаго ничего не могутъ,—окружающая насъ „дрянь“ одолеваетъ“...

„Остановка нашего отряда въ Судѣ на 3 недѣли несомнѣнно способствовала его украшенію. Подремонтировали, подправили машины, и ходъ нашихъ кораблей началъ приближаться къ полному: на „Оле-
гъ“ задаютъ валу уже 135 оборотовъ въ минуту. Это довольно близко

къ 150 оборотамъ, которые онъ долженъ дѣлать. И онъ будетъ ихъ дѣлать, повидимому; вотъ подправятъ только еще котлы, да угля бы дали получше, а не такую дрянь, какую Нѣмцы спускаютъ намъ здѣсь подъ рубрикой „кардифа“ по сверхъ-кардифнымъ цѣнамъ“...

„Пришли въ Джибути, и опять новая остановка... На этотъ разъ стоимъ изъ-за неизвѣстности, куда идти. Рядомъ съ нами на рейдѣ стоятъ 12 угольщиковъ для эскадры Рождественскаго: стоятъ и не трогаются. Ихъ удерживаетъ на мѣстѣ боязнъ японскихъ крейсеровъ, появившихся въ Индѣйскомъ океанѣ и занимавшихся потопленіемъ угольщиковъ; шесть изъ нихъ были потоплены на пути отъ Кана къ Мадагаскару, а четыре около береговъ Батавіи. Положеніе Рождественскаго у Мадагаскара, лишеннаго подвоза угля, не изъ пріятныхъ. Конечно, найдутся смѣльчаки, которые доставятъ уголь и ему; но тѣ угольщики, которые стоятъ въ Джибути, наотрѣзъ отказываются идти. Раньше они по контракту должны были подчиняться морскому вѣдомству. Теперь же они имѣютъ предписаніе отъ компаніи—исполнять *только ея приказы* и не выходить изъ Джибути до полученія *отъ нея* телеграммы. При такихъ условіяхъ мы рискуемъ не получить даже и сквернаго угля“...

„На стоянкѣ въ Портъ-Саидѣ мы узнали, что чрезъ Суэцкій каналъ скоро долженъ пройти германскій пароходъ съ контрабандой для Японцевъ—въ видѣ 236 полевыхъ орудій. Кромѣ этого, тамъ же намъ указывали на два англійскихъ судна съ контрабандой. Мы уже предвкушали радость—имѣть возможность изловить ихъ; принести осязательную пользу Россіи и поправить свои матеріальныя дѣла: по сдѣланному подсчету изъ взятаго приза на долю офицеровъ приходилось бы чуть ли не по 10.000 р., а на долю командира—около 300.000 р. Но тутъ повторилась извѣстная исторія со шкурой медвѣдя, который еще не былъ убитъ... Нашъ консулъ въ Суэцѣ тоже передавалъ намъ о судахъ съ контрабандой. Однако передъ самымъ уходомъ изъ Суэца была получена телеграмма Великаго Князя Алексѣя Александровича. Въ ней говорилось, что неудобно было бы произвести захватъ судовъ въ Красномъ морѣ, и предлагалось поймать ихъ лучше въ Индѣйскомъ океанѣ. Текстъ телеграммы былъ написанъ не въ формѣ яснаго приказанія, а скорѣе въ формѣ уклончиваго совѣта. Словомъ, вся отвѣтственность за неудачу и другія послѣдствія перекладывались на голову нашего отряда... На полпути отъ Суэца до Джибути, мы должны были остановиться въ Красномъ морѣ изъ-за „*Изумруда*“, у котораго опять оказались крупныя неисправности въ питаніи котловъ водою. Простояли мы среди канала около 14 часовъ; и въ это время мимо насъ спокойно прошли какъ разъ тѣ самые суда, на которыя намъ указывали, что они везутъ контрабанду. „Шкура медвѣдя“ ускользала изъ подноса, а „*Изумрудъ*“ велъ себя такъ отвратительно, что не заслуживалъ названія и булыжника... Волновались, ругались, но подѣлать ничего не могли. Еще большая непріятность ожидала насъ въ Джибути: тамъ консулъ передалъ намъ телеграмму, управляющаго морскимъ министерствомъ, въ которой сообщалось, что когда мы стояли въ Судѣ, чрезъ каналъ долженъ былъ пройти пароходъ, который везъ контрабанду для Японцевъ въ видѣ орудій. Мы должны были перехватить этотъ грузъ; а онъ, ничуть не стѣсняясь, прошелъ мимо насъ, когда мы о немъ совсѣмъ не думали и расположились чиниться, да ремонтироваться... Если бы мы захватили этотъ грузъ, то была бы первая наша побѣда. Когда подъ Мукденомъ Русскими были взяты 10 орудій у Японцевъ, объ этомъ трубили съ недѣлю. А тутъ самымъ

возмутительнымъ образомъ мы дали уйти 236 орудіямъ, которые про-шли у насъ прямо подъ носомъ“¹¹..

Передъ тѣмъ какъ отряду Добротворскаго подлежало придти на соединеніе съ эскадрой Рождественскаго, въ письмѣ нашего товарища къ его брату читаемъ слѣдующее:

„На отрядѣ идетъ чистка, мойка, наводятъ показной блескъ... Снаружи мы будемъ чисты, но внутри... Перила будутъ блестѣть, а всѣ шарпиры заржавѣли. Хотимъ чистить трюмы въ кочегаркахъ, но не можемъ; нашихъ кочегаровъ взяли наверхъ чистить показную мѣдь; а въ трюмахъ скопилось изрядно грязи, начинается зловоніе... А какъ принимали нашъ крейсеръ! Кое-какъ, на скорую руку, безъ испытаній... Многія работы совсѣмъ не были приняты. И результаты сего такіе: 1) крейсеръ „съ иглочки“ вынужденъ, какъ старое парусное судно, брать къ себѣ на бортъ живой скотъ, т. к. сохранять мя-со въ свѣжемъ видѣ на немъ нѣтъ никакой возможности; 2) поста-влены вентиляторы, но только они не подѣйствуютъ моторамъ, а потому даютъ мало воздуха, дѣлаютъ работу въ кочегаркахъ невозможной и напрасно мучаютъ людей; 3) опрѣснители даютъ слишкомъ мало во-ды, и мы принуждены ее страшно экономить“... И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

МАШИННАЯ ВАХТА ВЪ ТРОПИКАХЪ ¹²). „Солнце вертикально надъ головой... Нестерпимый зной... Отъ постоянного пота почти вся коман-да, мывшая себя соленой водой, болѣла тропической сыпью, нарыва-ми... Въ полуденные часы изъ-за жары запрещалъ производить по-грузку угля даже самъ Рождественскій... Насколько же невыносимо на броненосцахъ въ такое время „въ машинахъ“: надъ ними—накален-ная броня съ общей толщиной дюйма въ 4, кругомъ — раскаленные трубопроводы, сепараторы, детандеры... Даже вдвунная и выдвунная вентиляція, производимая электрическими вѣтрогонами, дѣлала пре-бываніе „въ машинахъ“ возможнымъ только для команды и механи-ковъ. Замѣтное дѣйствіе вентилятора было ощутимо только вблизи него; а немного въ сторону отъ него, казалось, стоитъ все та же удуш-ливая неподвижная атмосфера“...

„У машинныхъ „ручекъ“ внизу, на уровнѣ туловища температу-ра держалась обыкновенно около 45—47 градусовъ Реомюра. Пойти на индикаторныя площадки нечего было и думать, тамъ было отъ 66 до 70 градусовъ“...

Если вступающій на вахту механикъ, спустившись въ машину, видѣлъ всѣ предметы довольно ясно, то можно было надѣяться от-стоять вахту безъ чрезмѣрныхъ страданій. Но дѣло было совсѣмъ иное, и вахта обѣщала быть особенно жестокой, когда, при входѣ въ машинное помѣщеніе, оно оказывалось какъ бы въ туманѣ отъ испа-ряющагося масла“.

„Машинисты на вахтѣ носили только брюки и коты на ногахъ; торсы, облитые потомъ, были голы, или же на нихъ были надѣты сѣт-чатые безрукавки, „натѣлки“...

„Въ кочегарняхъ было не лучше. Съ плохимъ углемъ тяжело было исправно держать паръ, а прибавить котловъ не всегда было можно. Съ кочегарами случались нерѣдко тепловые удары. Помимо вреда для пораженнаго, они угнетающе дѣйствовали и на товарищѣй его. Человѣка машинной команды, попавшаго „наверхъ“, сразу мож-

¹²) Изъ писемъ товарищей-техниковъ.

но было узнать; его выдавало блѣдное, безкровное лицо съ трупнымъ оттѣнкомъ и неровная волдыристая кожа“...

„Машинная команда стояла на три вахты, т.-е. отъ 12 до 4 час., отъ 4 до 8 час., отъ 8 до 12 час.,—въ общемъ въ сутки по 8 час.; и *передъ ея трудомъ, мужествомъ и безропотностію надо было прямо преклоняться*. Механики стояли на 4 и на 5 вахтъ; но у нихъ кромѣ этого были еще свои сверхъурочныя работы—чистка котловъ, ремонтъ паровыхъ шлюпокъ и друг. И тѣ, и другіе перенесли этотъ тяжелый походъ и добрались почти до Владивостока, гдѣ надѣялись отдохнуть... Въ бою, когда машинныя помѣщенія и кочегарни заволакивались удушливымъ дымомъ шимозы и пожаровъ, когда гасло электричество, когда останавливались вентиляторы и температура поднималась, какъ и подъ тропиками — до 45 — 46 градусовъ,—и тѣ, и другіе умирали на своемъ посту, переживши превышающій наше представление ужасъ во время перевертыванія корабля... Такъ, надо думать, погибли наши товарищи Быковъ, кн. Гагаринъ, Михайловъ и Федюшинъ“...

ПОГРУЗКА УГЛЯ НА ЭСКАДРУ ¹³⁾. Погрузка угля на корабли въ открытомъ морѣ составляла славу нашего плаванія. Вопросъ о возможности такихъ погрузокъ въ большемъ масштабѣ не былъ рѣшенъ раньше насъ никѣмъ ¹⁴⁾.

„Погрузка угля у насъ на эскадрѣ была въ высшей степени поучительна. Корабли, шедшіе съ Рождественскимъ кругомъ Африки, имѣли въ общемъ болѣе 40 погрузокъ; и всѣ онѣ были осуществлены, пользуясь только своими людьми, пользуясь трудомъ экипажей. Въ концѣ концовъ это дѣло было поставлено на эскадрѣ на должную высоту.

Часовая погрузка угля колебалась въ зависимости отъ способа погрузки, въ очень широкихъ предѣлахъ,—отъ 45 до 100 *tn* въ часъ. Главную задержку при погрузкѣ составляла набивка угольныхъ ямъ,—заторы въ шахтахъ, заторы у ихъ горловинъ и разгребаніе угля лопатами въ самихъ угольныхъ ямахъ. Нѣкоторыя угольныя ямы были устроены очень неудачно; быстроты и удобства набивки ихъ углемъ нельзя было достигнуть никакими средствами.

Въ быстротѣ погрузки большую роль игралъ „духъ“ экипажа. Если расписаніе было хорошо составлено, если команда видѣла, что офицеры горячо берутся за дѣло, а главное—если погрузкой распоряжался любимый командою и товарищами офицеръ, то работа шла весело, и дѣло всегда спорилось.

На „духъ“ офицеровъ при этой работѣ вліяло иногда желаніе ихъ указать старшему офицеру его мѣсто: когда распоряжается онъ самъ, корабль грузитъ мало; а когда его нѣтъ, грузятъ вдвое...

А на нѣкоторыхъ судахъ бывало и наоборотъ; такъ было, напр., тамъ, гдѣ старшій офицеръ былъ любимъ командою и умѣлъ подымать „духъ“ команды не начальнически и помимо офицеровъ, которые во время погрузки угля иногда прятались въ каюты, а передъ концомъ работы мазали себѣ лицо угольной пылью и появлялись на сцену“...

Разныя команды грузили различно. Лучшее всего работала на погрузкахъ угля машинная команда. Хорошее расписаніе, разумная

¹³⁾ Изъ писемъ нашихъ товарищей.

¹⁴⁾ Описанные товарищами способы погрузки угля, практиковавшіеся на Б.-Ц. эскадрѣ, я не передаю здѣсь. П. Х.

дисциплина, привычка и втянутость въ разумную отвѣтственную работу дѣлали то, что изъ назначеннаго на работу числа лицъ этой категоріи были на мѣстѣ всѣ 100%. Хорошо грузили и комендоры, — тоже около 100%. Хуже всего работала строевая команда. Отсутствіе у нея строгой дисциплины, непривычка къ правильной систематической работѣ были причиной того, что изъ всего состава, назначеннаго по расписанію, были на мѣстѣ и работали какихъ-нибудь 25%, а остальные разбѣгались по кораблю и спали.

Для характеристики отношеній офицеровъ къ дѣлу можно привести здѣсь еще слѣдующій случай, свѣдѣнія о которомъ были получены мною только передъ 2-мъ изданіемъ книги:

„Въ Тихомъ океанѣ во время погрузки угля одинъ мичманъ съ „Сисоя“ былъ посланъ на катеръ—вести баркасы съ углемъ съ транспорта на броненосецъ; приведя баркасы, мичманъ рѣшилъ идти пить чай; баркасы получили приказъ подойти къ борту броненосца, а мичманъ, никому ничего не сказавши, спокойно ушелъ въ каюту. Въ это время катеръ зацѣпило о бортъ „Сисоя“ и перевернуло; но счастью, люди спаслись. Когда перепуганные вахтенные бросились докладывать объ этомъ вахтенному начальнику, послѣдній былъ очень удивленъ тѣмъ, что онъ не зналъ о приходѣ баркасовъ; а командиръ немедленно постарался сложить всю вину на „неизбѣжныя на морѣ случайности“. Адмиралъ же приказалъ дѣло разслѣдовать и матеріальные убытки казны взыскать съ виновныхъ“, о чемъ и былъ изданъ приказъ съ описаніемъ всего случая. Но... дѣло не разбиралось.

На новыхъ броненосцахъ были установлены различныя „усовершенствованныя приспособленія“ для автоматической передачи угольных мѣшковъ съ „угольщика“ на броненосецъ. Но всѣ эти дорогія устройства оказались игрушечными. Полная негодность ихъ для той цѣли, для которой ихъ ставили, обнаружилась еще въ военной гавани въ Кронштадтѣ. Съ помощью этихъ приспособленій удавалось грузить 10—12 *tn* угля въ сутки, но броненосецъ типа „Бородино“ сжигалъ на якорѣ около 25 *tn*, а на ходу не менѣе 100—120 *tn* въ сутки. Принимать угля за разъ приходилось иногда въ походѣ до 1700 *tn*. Поэтому въ походѣ о всѣхъ этихъ дорогихъ игрушкахъ пришлось забыть. Онѣ мирно лежатъ теперь въ Цусимскомъ проливѣ...

Уголь доставлялся эскадрѣ гамбургской компаніей. Она зафрахтовала для этого суда разныхъ національностей. Кромѣ того, эскадра постоянно имѣла еще при себѣ нѣсколько своихъ транспортовъ съ углемъ на тотъ случай, если бы что-нибудь помѣшало Нѣмцамъ придти во-время къ назначенному мѣсту. Запасный уголь для эскадры имѣли „Анадырь“, „Иртышъ“, „Кн. Горчаковъ“ и пароходы Добровольнаго флота.

По качеству уголь былъ такъ называемый „кардифъ“, происхождение его не всегда было англійское. На переходѣ до Мадагаскара особенно часто попадался уголь низкаго качества. Онъ былъ съ большою примѣсью графита, сильно спекался, заливалъ колосники, давалъ удушливый запахъ при чисткѣ топковъ; и при всѣхъ усиліяхъ кочегаровъ съ этимъ углемъ не было никакой возможности сносно держать паръ. Качества угля значительно мѣнялись послѣ каждой погрузки. Раза два пришлось топить и брикетами. Они давали очень длинное пламя, горѣли, какъ солома, и давали сильный налетъ на кипятильных трубкахъ. Для отопленія котловъ во время хода брикеты не годились. Послѣ Мадагаскара уголь пошелъ лучше; да и мы, механики, стали умнѣе: на случай полного хода мы держали

всегда въ запасѣ уголь получше, заполняя имъ такъ называемыя подвѣсныя ямы.

Остается добавить, что погрузкой угля въ открытомъ морѣ Небогатовъ „перещеголялъ“ Рожественскаго: его маленькіе корабли отшвартовывались съ угольщиками въ океанѣ, и погрузка производилась, какъ на якорѣ. Не со всѣми только кораблями можно это производить; другой можетъ проколоть угольщику и бортъ,—пушками и приборами огражденія отъ минъ“.

ПЕРЕХОДЪ БАЛТ.-ЦУСИМСКОЙ ЭСКАДРЫ ОТЪ ИСПАНІИ ДО ЯПОНИИ ¹⁵⁾. „Покинувши испанскій портъ Виго, мы перестали получать на эскадрѣ какія-либо извѣстія изъ внѣшняго міра и начали свыкаться съ мыслью, что при встрѣчѣ съ Японцами мы должны рассчитывать только на свои силы. Въ каютъ-компаніи какъ-то разъ поднялись разговоры, а что будетъ, если, дѣйствительно, нашей эскадрѣ придется одной встрѣтиться съ врагомъ въ рѣшительномъ бою. Одинъ лейтенантъ, проявившій потомъ въ бою рѣдкую храбрость, доказывалъ намъ тогда ясно, логично и убѣдительно, что Японцы въ бою будутъ имѣть безусловное превосходство надъ нами. Раньше объ этомъ говорили мало и не такъ обстоятельно. Впечатлѣніе получилось поэтому неожиданное, очень сильное и удручающее. Рѣшили въ каютъ-компаніи не сравнивать наши силы съ японскими, не гадать о результатахъ будущаго боя, что, конечно, не должно было касаться разговоровъ о лучшемъ использованіи своихъ силъ для полученія перевѣса надъ врагомъ“.

„Въ концѣ ноября откуда-то дошелъ до насъ темный и тревожный слухъ, что въ П.-Артурѣ очень неладно, что тамъ начинается голодъ, что эскадра еще цѣла, но представляетъ собою лишь плавающие гроба. Слухъ этотъ исчезъ такъ же скоро, какъ и появился“.

„Но вотъ стали видны силуэты горъ Мадагаскара, голубыя днемъ. Ласковы послѣ недавняго шторма стали море и солнце; на всѣхъ повѣяло бодростью и надеждой. Начались мечты о соединеніи съ П.-Артурской эскадрой, о счастливыхъ комбинаціяхъ нашихъ силъ, которыя послѣдуютъ отъ такого соединенія. Но на первой же стоянкѣ у Мадагаскара мы узнали, что П.-Артурскія суда разстрѣливаются 11-дюймовыми японскими гаубицами. Передавали даже телеграмму изъ Токио:— „Вчера покончили съ „Пересвѣто.мъ“, сегодня разстрѣливаемъ „Ремизана“... Впечатлѣніе было ужасное. Точно при насъ сдирали кожу съ живого человѣка. Всѣ приуныли; за душу хваталъ всѣхъ не только зловѣщій смыслъ телеграммы, но и трагическая, безславная кончина товарищей—не на морѣ, а въ гавани, откуда нельзя уйти, гдѣ нельзя спрятаться... Но вотъ германскій „угольщикъ“ подходитъ къ правому борту для погрузки намъ угля. Вотъ завели уже и швартовы, загромыхали паровыя лебедки, высоко и звонко защелкали въ ясномъ воздухѣ тѣлѣжки Темперлея, загрохоталъ уголь въ рукавахъ; началась наша страда; и о П.-Артурской эскадрѣ мы на время забыли“...

„На Мадагаскарѣ къ намъ подошелъ догонявшій насъ отрядъ Добротворскаго.—„Семь броненосцевъ съ „Нахимовымъ“ и семь крейсеровъ съ „Алмазомъ“—сила большая“, утѣшалъ насъ въ приказѣ адмирала, „непріятель не рѣшится открыто напасть на насъ“...

¹⁵⁾ Абзацы этой главы, отмѣченные въ кавычкахъ и не оговоренные въ сноскахъ, взяты мною изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ, полученныхъ мною.

„Тутъ же стало доходить до насъ „Новое Время“ со статьями Кладо; стали говорить объ эскадрѣ Небогатова, о томъ, какъ полезно имѣть въ бою лишнихъ одиннадцать 10-дюймовыхъ орудій. Правда, нѣкоторые тутъ же откровенно говорили, что посылаемая намъ въ догонку суда—дрянь, что одного крупнаго снаряда будетъ достаточно, чтобы вывести любой изъ этихъ кораблей изъ строя; а другіе успокоительно прибавляли къ этому, что „одиннадцать 10-дюймовыхъ все-таки не фунтъ изюма“, и начинали мечтательный разговоръ о возможномъ выходѣ черноморскаго флота и присоединеніи къ намъ еще трехъ броненосцевъ и двухъ крейсеровъ“...

„Много мы шли, но много и стояли“...

Скорбный это былъ путь, неимоверно длинный, съ постоянными задержками въ ходѣ всей эскадры изъ-за крупныхъ неисправностей въ машинахъ и рулѣ то у одного элемента эскадры, то у другого—съ томительнымъ ожиданіемъ отряда крейсеровъ и транспортовъ въ водахъ Мадагаскара въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ;—съ еще болѣе мучительнымъ ожиданіемъ отряда Небогатова въ водахъ Аннама въ теченіе цѣлаго мѣсяца, гдѣ наши „союзники“, строго соблюдая нейтралитетъ, перегоняли нашу эскадру изъ одной бухты въ другую...

Эти большія остановки очень мало были использованы эскадрою для обученія ея маневрированію и стрѣльбѣ. Личный составъ эскадры получалъ довольно большую свободу. Способомъ ея использованія ярко характеризуется уровень развитія значительной части персонала. Особенно это сказалось во время пребыванія эскадры въ водахъ Мадагаскара, гдѣ Французы заранѣе ее ждали и заготовили для нея много всего, что нужно для дикаго разгула и широкаго соблазна молодежи, пробывшей безъ перерыва три мѣсяца на кораблѣ. Начались весьма обильныя возліянія Бахусу¹⁶⁾, завелась на берегу въ сомнительныхъ кафе крупная и азартная картежная игра¹⁷⁾: одинъ изъ офицеровъ въ какой-нибудь часъ успѣлъ выиграть 5000 франковъ и тутъ же начисто проигралъ ихъ; другой проигралъ своихъ 4000 рублей и т. д. Создалась нездоровая, удушливая атмосфера, въ основѣ своей неимѣющая ничего общаго съ задачами предпринятаго похода; среди нея мѣстами царили и дикость, и безобразіе...

„Оторванные отъ Россіи и отъ всего міра“, пишетъ корабельный инженеръ Политовскій своей жонѣ, „всѣ живутъ здѣсь, какъ животные... Однообразіе томительное. Со скуки не знаемъ, что дѣлать. Сегодня, напр., вся каютъ-компанія занималась тѣмъ, что поила обезьяну шампанскимъ и заставляла ее возиться съ собаками“... (стр. 141).

У того же автора въ его книгѣ „Отъ Либавы до Цусимы“ читаемъ слѣдующее (стр. 147): „До чего напивается иногда команда?!.. Сегодня видѣлъ, какъ на носилкахъ несли матроса безъ всякихъ чувствъ. Его даже дергала судорога. Смотрѣть было противно“...

Вотъ еще нѣсколько строкъ (стр. 220): „Провизію съ прибывшаго парохода разобрали, какъ дикіе волки,—нашарапъ. Были отвратительныя сцены. Команда съ броненосца „Орелъ“ самовольно разбила какой-то ящикъ и перепилась. Одинъ матросъ за что-то набросился съ поднятыми кулаками на доктора, но ударить его не успѣлъ. Съ матросомъ сцѣпились два офицера, случившіеся поблизости, и чуть

¹⁶⁾ Политовскій, стр. 96, 97, 141, 143, 147, 151, 192, 220, 237.

¹⁷⁾ Онъ же, стр. 99, 112, 117 и друг.

было его не задушили. Лицо разбили ему въ лепешку. Такая гадость... И все это видѣли Французы“.

Цѣны на все здѣсь анафемскія, пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей: яйцо стоитъ 20 сантимовъ (8 коп.), за бутылку пива берутъ 4 франка (болѣе полутора рубля); за тысячу русскихъ папирозъ берутъ 33—35 рублей и т. д. Дѣла никакого нѣтъ, да и дѣлать ничего не хочется въ эту несносную жару... Довольно часто наша каютъ-компанія приглашаетъ къ себѣ другія и всегда устраиваетъ въ такомъ случаѣ при выпивкѣ блины... Шампанское уничтожаютъ въ такомъ случаѣ прямо ящиками. Это очень тяжело, конечно, ложится на нашъ карманъ. Иногда вычеты за столъ бываютъ около 110 рублей; а это значитъ, что 50 рублей были вычтены за „общественную“ выпивку... Раньше, до П.-Саида на нашемъ „догоняющемъ“ отрядѣ пили сравнительно очень умѣренно; но теперь, войдя въ тропики и соединившись съ эскадрой Рождественскаго, и у насъ точно сговорились навестить потерянное время и начали пить ужасно много... Чѣмъ жарче день, тѣмъ холоднѣе требуется вино. Отъ меня, какъ завѣдующаго холодильной машиной требуютъ, чтобы въ любое время дня и ночи была возможность получить холодное шампанское... Кромѣ вина въ холодильной камерѣ почти ничего другого и не бываетъ... На одномъ нашемъ кораблѣ запасъ шампанскаго поддерживается, примѣрно, на 15.000 франковъ (около шести тысячъ рублей). А насъ въ каютъ-компаніи всего 22 человѣка... Ну, такъ вотъ блины—это блюдо, которымъ мы угощаемъ всѣхъ, кто бы у насъ ни былъ,—и русскихъ консуловъ, и французскихъ губернаторовъ съ дамами-француженками. Имъ это блюдо, конечно, не по нутру... „Блины“ у насъ такъ часто дѣлаются, что нашъ „батяка“, большою балагурь, говорить, что это мы заранѣе поминаемъ самихъ себя“...

Разумныхъ развлеченій было очень мало; музыка не процвѣтала, изрѣдка устраивался театръ, представленія клоуновъ...

Плохо были удовлетворены у персонала даже и самыя элементарныя жизненныя потребности. Почтовые и телеграфныя сообщенія съ родиной, съ театромъ войны, съ семьей совершенно были не подготовлены; они были неорганизованы даже и на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ эскадра оставалась по мѣсяцу и по два съ половиной, и гдѣ пребываніе ея ни для кого не было тайной. Да тайны въ походѣ и быть никакой не могло, т. к. за каждымъ шагомъ эскадры все время исправно слѣдили японскіе и англійскіе шпионы...

Прибывши къ Мадагаскару, адмиралъ Фелькерзамъ сообщалъ, что онъ „два раза телеграфировалъ въ главный морской штабъ, прося эскадрѣ прислать письма ¹⁸⁾. Штабъ даже не отвѣтилъ“... Октябрьскія письма 1904 г. получали въ концѣ апрѣля 1905 года ¹⁹⁾... Самъ начальникъ главнаго штаба посылалъ свои письма сыну на эскадру чрезъ частную одесскую контору Гинзбурга ²⁰⁾... Но и помимо этого, какое удивительное невниманіе было проявлено главнымъ штабомъ: на эскадру приходили письма, адресованные на тѣ корабли, которые въ это время спокойно стояли въ Либавѣ, Кронштадтѣ,—на тѣ корабли, которые давно уже погибли въ П.-Артурѣ ²¹⁾; были письма на строящийся броненосецъ „Андрей Первозванный“; были даже письма, адресованныя въ Электротехническій Институтъ Императора Але-

¹⁸⁾ Политовскій, стр. 89. ¹⁹⁾ Онъ же, стр. 255.

²⁰⁾ Онъ же, стр. 153. ²¹⁾ Онъ же, стр. 122.

ксандра III-го ²³⁾, который чиновники ухитрились смѣшать (!) съ броненосцемъ „Александръ III-й“...

Но вотъ что сообщилъ мнѣ одинъ изъ нашихъ товарищей передъ 2-мъ изданіемъ книги: „На пароходѣ „Куронія“, который подошелъ къ эскадрѣ Рождественскаго вмѣстѣ съ отрядомъ Небогатова, была отправлена изъ С.-Пб. личному составу эскадры масса писемъ и посылокъ, упакованныхъ въ ящики. Но изъ С.-Пб. никто ничего не сообщилъ объ этомъ адмиралу. Весь почтовый грузъ остался поэтому на пароходѣ, а послѣ войны онъ былъ доставленъ обратно въ Либаву; участвовавшіе участники похода съ большими затрудненіями тамъ и могли получать свои письма и посылки... Когда нашъ корабль пришелъ въ Либаву, командиръ сначала телеграммой, затѣмъ официальнымъ письмомъ просилъ намъ доставить всѣ письма и посылки. Но вотъ проходили недѣли, прошелъ мѣсяцъ, и только въ концѣ второго мѣсяца все было доставлено на корабль изъ штаба“... Куда было идти дальше?

Въ разведеніи такихъ „порядковъ“ отъ главнаго морского штаба не отставалъ впрочемъ и штабъ эскадры... Передъ выходомъ изъ водъ Мадагаскара было рѣшено, что транспорты „Горчаковъ“ пойдутъ назадъ въ Россію, какъ и транспорты „Малайя“,—оба съ испорченными, старыми машинами, все время задерживавшими только ходъ всей эскадры. На „Горчаковъ“ сдали почту, и среди нея много матросскихъ писемъ съ деньгами на родину ²⁴⁾; а затѣмъ въ походѣ оказалось, что „Горчаковъ“ идетъ далѣе вмѣстѣ съ эскадрой въ воды Аннама, и вся корреспонденція— на немъ... Дальше этой небрежности и невниманія къ своимъ нуждамъ, казалось бы, идти уже некуда.

Можно было развѣ ухитриться еще голодать въ походѣ, когда въ этомъ не было еще ни малѣйшей надобности, какъ это дѣлали, напр., безпечные офицеры нѣкоторыхъ миноносцевъ, прикомандированныхъ къ транспортамъ, дурно исполнявшимъ свои хозяйственныя обязанности ²⁵⁾. Немного лучше было въ этомъ отношеніи впрочемъ и на флагманскомъ кораблѣ во 2-й половинѣ похода, когда Мадагаскаръ пришлось покинуть уже и безъ французскаго ресторатора, и безъ французскаго повара, бывшихъ тамъ вначалѣ плаванія. Доходило до того, что и за адмиральскимъ столомъ обходились безъ водки, безъ мяса, безъ кофе; переходили на солонину... Бывали случаи, что готовили кушанья изъ очень несвѣжей, испорченной провизіи ²⁶⁾... Лучше всѣхъ хозяйственная часть была поставлена, кажется, на броненосцѣ „Бородино“. Тамъ озаботились устроить даже приличное пасхальное разговѣнье; они не забыли при этомъ и ту часть своей команды, которая шла вмѣстѣ съ эскадрой на пловучемъ госпитальномъ суднѣ.

Внѣшняя жизненная обстановка въ походѣ была тоже со всячинкой, начиная съ „собачьей жизни“ на миноносцахъ, ведомыхъ на буксирѣ, который то и дѣло обрывался, пока угрозой денежнаго штрафа Рождественскій не прекратилъ эти обрыванія... Тамъ и тѣсно, тамъ и грязно, жарко, изъ трубъ летитъ сажа, ѣда отчаянная, нещадно качаетъ, по всѣмъ угламъ въ грязи спитъ команда, подъ ногами толкуются собаки, обезьяны ²⁶⁾...

А обстановка послѣ погрузки угля на броненосцахъ ²⁷⁾. „Всюду угольная пыль въ палецъ толщины. Она, какъ туманъ, виситъ въ

²³⁾ Онъ же, стр. 128. ²⁴⁾ Политовскій, стр. 255. ²⁵⁾ Политовскій, стр. 183.

²⁶⁾ Онъ же, стр. 135, 140. ²⁷⁾ Политовскій, стр. 91; 182. ²⁸⁾ Онъ же, стр. 216, 233.

воздухъ. Гдѣ и какъ лечь спать? Въ каютѣ и жарко, и пыльно, а то еще... и крыса нахально начинаетъ грызть ногу“.

Спасаясь отъ духоты и жары, нѣкоторые офицеры спали на палубѣ, среди угля, точно команда, нераздѣтые, грязные ²⁸⁾. Ложе офицера тѣмъ только и отличалось отъ матросскаго, что у первого были циновки“...

О тяготѣ климата Мадагаскара для насъ, сѣверянъ, одинъ изъ нашихъ товарищей писалъ домой слѣдующее ²⁹⁾:

„Раньше я все стремился въ тропики; хотѣлось ознакомиться съ царски-богатою фауною и флорою, хотѣлось видѣть воочию быть черныхъ. Но вотъ уже мѣсяцъ, какъ мы въ тропикахъ; стоимъ вдали отъ флоры и фауны, созерцаемъ материкъ издали, но выносимъ на себѣ всю тяжесть мѣстнаго климата. Такъ хотѣлось бы вырваться отсюда, избавиться отъ непрерывнаго распариванья въ этой натуральной паровой ваннѣ: меньше 24 градусовъ Реомюра здѣсь не бываетъ за цѣлые сутки; прибавьте къ этому иногда полное отсутствіе вѣтра, влажный, почти сырой воздухъ и полную невозможность спать въ каютѣ; возможность заснуть наверху, на верхнемъ мостикѣ бываетъ тоже очень сомнительна. Въ Нози-беѣ каждую ночь идутъ сильные дожди; покрывка изъ брезента не выдерживаетъ и начинаетъ пропускать потоки. И вотъ часа въ три утра приходится убираться съ палубы. Придешь въ каюту и чрезъ минуту дѣлаешься буквально мокрый насквозь. Положимъ, что и наверху не просыхаешь цѣлые сутки; но тамъ все-таки иногда подуетъ вѣтерокъ и освѣжитъ немного. Послѣ 10 час. веч. наверху, подѣ открывъ небомъ, нельзя показаться и на 5 минутъ безъ того, чтобы не промокнуть отъ обильной росы. Столь противный климатъ себѣ трудно и представить. Для насъ онъ совсѣмъ непривыченъ, неподходящъ; и вліяніе его сильно сказывается на эскадрѣ: было изрядное число умершихъ, очень много и больныхъ, особенно съ желудочными болѣзнями. Хорошо помогаетъ набрюшникъ, но не у всѣхъ онъ есть. Съ нимъ я чувствую себя сравнительно хорошо. Но тѣмъ не менѣе ни одного часа не чувствуешь себя свѣжимъ; одолеваетъ и страшно расслабляетъ эта непрерывная теплая ванна, эти непрерывныя головныя боли... Спасаютъ немного дожди. Тогда мы раздѣваемся и выходимъ подъ дождикъ—помыться прѣсною водою и принять освѣжающій душъ. Но и дожди здѣсь идутъ какъ нарочно большею частію ночью, часа въ 3—4 утра, т.-е. какъ разъ тогда, когда больше всего именно хочется спать. Но мы и въ этомъ разѣ не пропускаемъ случая освѣжиться“...

А главное были мучительны и несносны для персонала неопредѣленность и неизвѣстность, гдѣ сколько предстояло стоять, когда и куда предстояло идти,—это скрываніе отъ офицерства того, что нѣкоторые знали за недѣлю совершенно точно на берегу.

Этого „скрыванія“ требовали спеціальныя условія самой службы во флотѣ; но русскіе—не моряки, и наше общество не хотѣло считаться съ этими особыми условіями; можетъ быть, потому оно не хотѣло считаться, что полноты скрыванія въ дѣйствительности все-таки не было. Такъ, напр., въ С.-Пб. всѣ знали, что наша эскадра зайдетъ въ Діего-Суарецъ, и туда адресовалась вся корреспонденція; затѣмъ о предстоящемъ уходѣ нашей эскадры отъ Мадагаскара газета „*South China Morning Post*“ была освѣдомлена за недѣлю до ухода, а за 5 дней

²⁸⁾ Политовскій, стр. 93.

²⁹⁾ Письмо доставлено только послѣ выхода 1-го изданія книги. II. X.

передъ этимъ телеграмма объ этомъ была перепечатана оттуда и въ „Новомъ Времени“. Въ Японіи, какъ морской странѣ, существовали на этотъ счетъ совсѣмъ другія отношенія. Тамъ съ посланными на войну прощались навсегда, заранѣе мирились съ мыслию, что они должны отдать свою жизнь за честь и достоинство родины. Когда адмиралъ Того получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія, онъ прекратилъ всѣ свои личныя дѣла и даже переписку съ семьей. Ему были доставлены въ Майцуру письма отъ жены и дѣтей, но онъ велѣлъ передать имъ на словахъ только слѣдующее: „Скажите имъ, чтобы они меня не развлекали своими письмами“... И на японской эскадрѣ никто не удивился этому; таковъ былъ боевой духъ этой эскадры, такъ велика была общая готовность нести жертвы за честь родного флага. Японскіе адмиралы смѣло и открыто шли сами на смерть; столь же смѣло они посылали на смерть и своихъ подчиненныхъ, если нужно было осуществить какую-нибудь отчаянную схватку, произвести безумно-отважное нападеніе. И они побѣдили... (Извлеченіе изъ статьи „Послѣ войны“, помѣщенной въ журналъ „Море“, 1906 г., № 5, стр. 187—188).

О томъ, какъ наши гг. командиры держали свои секреты, ко 2-му изданію книги одинъ изъ нашихъ товарищей прислалъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія: „Гдѣ остановится эскадра на Мадагаскарѣ, объ этомъ не было извѣстно никому, кромѣ старшихъ чиновъ, и держалось въ секретѣ отъ остальныхъ; а мнѣ на почтѣ въ Діеро-Суарецѣ 18 декабря 1904 г., черезъ день послѣ нашего туда прихода, показали цѣлую пачку писемъ, адресованныхъ на боевыя суда эскадры“...

Въ секретничаньи дошли до того, что не сообщили командирамъ крейсеровъ даже и названія тѣхъ пароходовъ, которые изъ СПб. были переданы штабу эскадры шифромъ; а на нихъ шла военная контрабанда изъ Европы въ Японію. Списки этихъ пароходовъ зачѣмъ-то были объявлены только ровно за недѣлю ³⁰⁾ до боя подъ Цусимой!..

За шесть недѣль до боя по прибытіи въ бухту Камранъ у адмирала Фелькерзама сдѣлался ударъ ³¹⁾. Доктора находили ударъ слабымъ и не опаснымъ, но тѣмъ не менѣе ему становилось все хуже и хуже. Въ бою онъ долженъ былъ командовать вторымъ отрядомъ, съ броненосцемъ „Ослябя“ во главѣ; но за 4 дня до боя (10 мая) Фелькерзамъ умеръ. Эскадрѣ не сообщалось объ этомъ—по приказу Рожественскаго, отданному имъ заблаговременно; онъ самъ былъ уведомленъ о послѣдовавшей смерти только особымъ условнымъ сигналомъ ³²⁾. Въ бою же 14 мая на „Ослябѣ“ продолжалъ развѣваться адмиральскій флагъ Фелькерзама, что и вызвало со стороны Японцевъ отчаянное нападеніе въ первую голову не только на „Суворова“, но также и на „Ослябю“.

Смертельныя ушибы при погрузкѣ угля, смертельныя удущья при спускѣ въ разныя нежилые отсѣки, случаи смерти отъ солнечнаго удара, нѣсколько случаевъ сумашествія, самоубійства, опаснаго заболѣванія специально-тропическими болѣзнями, все это въ свой чередъ имѣло мѣсто, на эскадрѣ съ ея пятнадцати-тысячнымъ населеніемъ, зачастую безпечнымъ, къ тому же поставленнымъ въ необычныя климатическія и жизненныя условія. Подъ тропиками „отъ духоты и жары людей съ вахты иногда чуть не подъ руки выводили“... ³³⁾. Но главное бѣдствіе, борьба съ простудными заболѣваніями, для бо-

³⁰⁾ Политовскій, стр. 261, 262. ³¹⁾ Политовскій, стр. 216.

³²⁾ „Русское Слово“, 1905, № 135. ³³⁾ Политовскій, стр. 39.

сой, обносившейся и оборванной команды, предстояло еще впереди, когда послѣ боя стали бы подниматься на сѣверъ, къ Владивостоку... Но судьба готовила имъ нныя испытанія.

Были и случаи бѣгства трусливой команды съ эскадры въ одиночку; были и случаи массоваго возмущенія ея ³⁴⁾. Послѣднія происходили на почвѣ недовольства или пищей, или г-ми офицерами. Усмиренія происходили быстро, со всею строгостію. Иногда на мѣстѣ дѣйствія появлялся и самъ адмиралъ, „металь грома и молніи“; попадало командѣ, попадало и офицерамъ, и командиру... Арестованныхъ разсаживали по карцерамъ, гдѣ духота и температура были невозможныя, а то и просто „высаживали на берегъ, почти пустынный ³⁵⁾, и бросали на произволъ судьбы...“

Досуга, котораго было такъ много на стоянкѣ у Мадагаскара, наша эскадра не использовала даже и на то, чтобы обучить команду правильно употреблять спасительные круги и пояса. Отъ этого получились въ бою 14 мая весьма плачевные и прямо возмутительные результаты. Многіе русскіе матросы, когда тонули ихъ суда, надѣвали на себя спасательные круги, но надѣвали они ихъ *вокругъ поясицы*: какъ только эти матросы попадали въ воду, они, конечно, сейчасъ же перевертывались головой внизъ и погибали. На другой день послѣ битвы можно было видѣть множество труповъ, плывущихъ съ торчащими изъ воды ногами... Японцы-моряки снимали было съ нихъ фотографіи; но адмиралъ Того быстро прекратилъ это занятіе и всѣ пластинки конфисковалъ и уничтожилъ. Этотъ фактъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о высокой нравственности адмирала Того; своей властію онъ прекратилъ это посмѣшище надъ людьми, которые такъ много вынесли, перестрадали и въ концѣ концовъ очутились въ такомъ печальномъ положеніи совсѣмъ не по своей винѣ... А возможность существованія такихъ явленій въ русскомъ военномъ флотѣ достойна самаго серьезнаго вниманія со стороны гг. адмираловъ, которымъ ввѣряется жизнь плавающихъ съ ними людей.

Объ этомъ прискорбномъ фактѣ сообщилъ американскій журналъ *Scientific Amer. Suppl.* (1906 г., № 1598, *pg.* 25601, статья американскаго капитана *Yaitmg*). Но независимо отъ этого тотъ же самый фактъ былъ засвидѣтельствованъ сначала въ газетѣ „*Русс.*“ (1906 г., 23 января) матросомъ Сѣдовымъ, а затѣмъ также и на судѣ при разборѣ дѣла Небогатова въ ноябрѣ 1906 г. Тамъ же выяснилось, что на броненосцѣ съ командой въ 600 человѣкъ спасательныхъ поясовъ было всего десятка два, при чемъ едва ли не половина поясовъ такъ обветшала, что *пробка съ нихъ осыпалась*. Большинство матросовъ также и койкой пользоваться не умѣли, чтобы держаться на водѣ: койки перевертывали ихъ („*Нов. Вр.*“, 1906 г. № 11029).

За все время плаванья *машинная команда*, напр., ни разу не имѣла случая быть на шлюпкѣ; многіе молодые матросы весла въ руки взять не умѣли, а запасные разучились работать на веслахъ. Вообще на знанія шлюпочнаго дѣла машинной командой у насъ во флотѣ очень мало обращалось вниманія.

Не менѣе важно печатное заявленіе А. Затертаго, бывшаго матроса съ броненосца „*Орель*“; по его словамъ (см. стран. 12 въ его брошюрѣ), команда этого броненосца „ни разу не практиковалась въ

³⁴⁾ Политовскій, стр. 87, 105, 109, 195, 214, 218, 237, 240.

³⁵⁾ Онъ же, стр. 105 и др.

подводкѣ пластыря подѣ пробоины³⁶; и счастье этого броненосца, что онъ не получилъ ни одной подводной пробоины въ бою...

Когда отрядъ Небогатова въ водахъ Аннама присоединился къ эскадрѣ Рожеественскаго, послѣдній издалъ приказъ (отъ 26 апрѣля 1905 года, за № 229); „отдавая должную честь молодецкому отряду, совершившему столь блестящій переходъ безъ услугъ попутныхъ портовъ“, въ этомъ приказѣ адмиралъ между прочимъ говорилъ далѣе слѣдующее:

„Съ присоединеніемъ отряда Небогатова силы эскадры не только уравнились съ непріятельскими, но и приобрѣли нѣкоторый перевѣсъ въ линейныхъ боевыхъ судахъ. У Японцевъ быстроходныхъ судовъ болѣе, чѣмъ у насъ; но мы не собираемся бѣгать отъ нихъ и сдѣлаемъ свое дѣло, если наши заслуженныя машинныя команды и въ бою будутъ работать спокойно и такъ же старательно и добросовѣстно, какъ работали они до сихъ поръ“.

Но это было... только слово ободренія.

„Мы встрѣтили отрядъ Небогатова шумно и радостно,—читаемъ въ письмѣ одного изъ нашихъ товарищей. Надежды на соединеніе съ этимъ отрядомъ у насъ было немного; такъ какъ Рожеественскій, уходя съ Мадагаскара, не послалъ своего маршрута въ главный морской штабъ изъ боязни, что тайна будетъ разглашена. Поэтому Небогатовъ получилъ предписаніе штаба—идти во Владивостокъ. Если бы не Французы, присоединеніе къ намъ отряда Небогатова врядъ ли состоялось бы. Они все время оказываютъ намъ большую пользу и поддержку, хотя для видимости „вышибаютъ“ насъ то изъ одной бухты, то изъ другой, благо весь берегъ изобилуетъ здѣсь великолѣпными бухтами, годными для стоянки какого угодно по величинѣ флота. Мы пришли сначала въ Камранъ, постояли тамъ съ недѣлку, но потомъ по просьбѣ французскаго адмирала должны были уйти; поболтались дня три въ виду береговъ и стали на якорь въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ въ 30 миляхъ сѣвернѣе Камрана. Каждый день нашъ миноносецъ ходилъ за телеграммами; а что-нибудь болѣе экстренное любезно привозилъ намъ французскій крейсеръ, давая знать о своемъ приближеніи по беспроволочному телеграфу. Тогда мы снимались съ якоря и встрѣчались съ нимъ уже въ морѣ, что давало французамъ возможность послать телеграмму въ родѣ слѣдующей: „встрѣтилъ русскую эскадру въ морѣ, она держала такой-то курсъ...“ Къ вечеру, или какъ только дружественный крейсеръ уходилъ, мы опять становились на якорь“.

ПОСЛѢДНІЙ ПЕРЕХОДЪ ПЕРЕДЪ БОЕМЪ ³⁶). „Вотъ перешли уже и океанъ, стоимъ въ водахъ Аннама; вотъ дождались наконецъ соединенія съ Небогатовымъ ³⁷) и скоро пойдемъ на сѣверъ. Говорятъ, что мы пойдемъ черезъ Корейскій проливъ, хотя никто изъ насъ этого точно не знаетъ...“

³⁶) Абзацы этой главы, отмѣченные въ кавычкахъ и не оговоренные въ сноскахъ, взяты изъ писемъ нашихъ товарищей-техниковъ.

³⁷) Это было 2 апрѣля 1905 г. въ 6 час. веч., а черезъ сутки послѣ этого, т.-е. 4 апрѣля, въ Кронштадтѣ былъ полученъ уже приказъ адм. Вирилева—„изготовить IV эскадру къ 1 июня 1905 г.“ („Нов. Вр.“, 1905, № 10.476). Это звучало гордо... Но изъ какого же еще сверхъ-старья можно было изготовить эту IV-ю эскадру? П. Х.

„Тропическая жара сильно избаловала насъ и ослабила, мы стали черезчуръ чувствительны къ рѣзкимъ измѣненіямъ температуры. Сейчасъ на палубѣ 21 градусъ Реомюра, а мы всѣ одѣты въ черное, кое-кто подкинулъ даже фуфайки. Ночью температура понижается до 15 градусовъ, а намъ это кажется какимъ-то страшнымъ холодомъ“.

„Общаго настроенія не было. Послушаешь молодежь, тутъ только одно и слышишь: — „Мы разобьемъ Японцевъ вдребезги“... Старшіе въ отвѣтъ на это только загадочно помалкиваютъ. Но всѣ мы, — и офицеры, и команда, чѣмъ ближе подходимъ къ роковому мѣсту гибели нашего флота, тѣмъ больше и больше желаемъ боя“.

— „Говорятъ, мы идемъ въ Корейскій проливъ?“ — „Да, кажется“.— „А почему же не кругомъ Японіи во Владивостокъ?“ — Ну, что Вы, до какихъ же поръ; — бѣгать отъ нихъ, что ли? Пора уже“, говорятъ въ каютъ-компаніи.

— „Когда же бой, Ваше Благодоріе? — „Самъ, голубчикъ, не знаю“. — „Скорѣе бы, Ваше Благодоріе, потому уже очень команда измучилась. Силъ у насъ больше никакихъ нѣтъ; гдѣ прежде *одина* управлялся, теперь *двоихъ* ставить надо“, слышится со всѣхъ сторонъ.

„Никто изъ насъ“, пишетъ бывший матросъ А. Затертый, „ничего не читалъ о морскихъ сраженіяхъ; и мы не имѣли о нихъ ни малѣйшаго понятія. Намъ, матросамъ, представлялось, что самое большее мы потеряемъ въ бою 2—3 судна, а всѣ остальные все-таки проворутся во Владивостокъ“...

Среди общества офицеровъ, плившихъ съ нашей Цусимской эскадрой, было много трезвыхъ сторонниковъ того мнѣнія, что „нашъ походъ ³⁸⁾—это отчаянная авантюра, успѣхъ которой зависитъ исключительно отъ степени содѣйствія Никола-Угодника“; другіе же думали, что Японцы непременно „прозѣваютъ на-чисто“, какъ мы проскочимъ; а третьи все тѣшили себя тѣмъ, что если они и не прозѣваютъ, то во всякомъ случаѣ они „не посмѣютъ напасть... На насъ-то“...

Посмѣютъ или нѣтъ, а все-таки надо было готовиться къ бою; надо было узнать, гдѣ скрылся врагъ, какъ лучше обойти его; надо было обдумать, что брать съ собою въ бой и что совсѣмъ не нужно брать.

Чтобы узнать болѣе достовѣрно, гдѣ именно находятся главные силы непріятельскаго флота, наша эскадра не предпринимала никакихъ серьезныхъ развѣдокъ, хотя въ ея распоряженіи было достаточно крейсеровъ со скоростью хода отъ 18 до 24 узловъ въ часъ. Изъ нихъ нѣкоторые какъ разъ именно для этой цѣли и были во время войны приобрѣтены у гамбургской компаніи; тѣмъ не менѣе на этомъ ихъ не использовали ³⁹⁾, а въ бою они сами оказались только лишней обузой для эскадры. У Японцевъ дѣло было поставлено иначе; ихъ развѣдочная часть была поставлена такъ, что съ момента прихода Рождественскаго въ Японское море каждый шагъ его былъ прекрасно извѣстенъ адм. Того. Впрочемъ по поводу пресловутой японской освѣдомленности одинъ изъ товарищей сообщилъ мнѣ слѣдующее: „Нѣкоторые офицеры, вернушіеся изъ плѣна, передавали мнѣ, что у всѣхъ прибрежныхъ полицейскихъ агентовъ Японіи была карта съ силуэтами судовъ эскадры Рождественскаго, но на ней подъ надписью

³⁸⁾ Брошюра капитана Семенова—„Цусимскій бой“, стр. 25—26.

³⁹⁾ Французскій капитанъ *Daveluy*, писавшій о войнѣ 1904—5 г., говоритъ, что никогда еще ни одна въ мірѣ эскадра не была столь мало любознательна по отношенію къ тому, что дѣлалъ ея непріятель.

„Анадырь“ было пустое мѣсто. Возможно, что, только благодаря этому обстоятельству, „Анадырь“ и спасся. Издали его видѣли 15 мая три японскихъ крейсера, и онъ ушелъ отъ нихъ непотопленнымъ“.

Наша же *освѣдомленность* о мѣстонахожденіи врага и его силахъ была такова, что, по рассказамъ нашихъ офицеровъ, съ судовъ, отдѣлившихся отъ хвоста эскадры и попавшихъ въ Маниллу, „они были удивлены отъ неожиданности, встрѣтивши Японцевъ въ Корейскомъ проливѣ“ („Новое Вр.“ отъ 3 іюня 1905 г.). На русскихъ судахъ, попавшихъ въ плѣнъ къ Японцамъ, были найдены списки судовъ японскаго флота; въ этихъ спискахъ имена броненосцевъ *Mikasa* и *Yashima* были вычеркнуты, т. к. упорные слухи объ ихъ гибели или очень сильныхъ поврежденіяхъ носились за границей въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (см. „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 225); а первое изъ этихъ судовъ было въ бою на-лицо и оказалось въ исправности.

Вотъ что писалъ, напр., по этому поводу въ декабрѣ 1904 года специальный военный корреспондентъ вѣнской газеты „*Neue Freie Presse*“:— „Изъ шести первоклассныхъ боевыхъ судовъ, которыми располагала Японія въ началѣ войны, броненосецъ *Хатцузе* погибъ подъ П.-Артуромъ отъ мины, *Фуджи* съ трудомъ спасся и сильно поврежденъ, *Яшима* погибъ; а по новѣйшимъ извѣстіямъ погибъ также и броненосецъ *Шикишима*. Остаются, слѣд., только *Миказа* и *Асахи*, два броненосца съ полной боевой готовностью, такъ какъ *Фуджи* потерялъ свое значеніе“... Послѣ всей этой отъ начала до конца лживой и неприличной галиматіи въ статьѣ слѣдуетъ далѣе восхваленіе нашихъ первоклассныхъ силъ въ эскадрѣ Рождественскаго...

За мѣсяцъ до боя парижская газета „*Temps*“ изъ всѣхъ догадокъ и толковъ, циркулировавшихъ за границей, предупредительно сдѣлала сводку, существенная часть которой гласила слѣдующій некрасивый вздоръ:

„Для рѣшительнаго боя Рождественскому прежде всего необходимо имѣть броненосцы. Небогатовъ ведетъ ихъ четыре; изъ нихъ одинъ прекрасный, а остальные три настолько хороши, что явятся могущественной поддержкой при маневрированіи и при комбинированіи боевыхъ силъ. Съ прибытіемъ Небогатова число русскихъ броненосцевъ дойдетъ до одиннадцати. Эта цифра огромна съ точки зрѣнія правильнаго эскадреннаго боя съ тремя броненосцами, которыми располагаетъ Того. Правда, японскій адмиралъ можетъ ввести въ бой свои большіе броненосные крейсера. Эти суда почти что равны броненосцамъ съ точки зрѣнія своей активной силы и своей сопротивляемости, но они не равны имъ съ точки зрѣнія подвижности, вслѣдствіе большой ихъ длины, которая дѣлаетъ ихъ мало способными и даже совсѣмъ неспособными къ маневрированію“... и т. д.

Вотъ къ такому вздору мы съ удовольствіемъ прислушивались, а что *можно* и *должно* было достовѣрно знать, того не знали: послѣ сдачи отряда Небогатова Японцамъ, наши матросы къ великому удивленію своему на нѣкоторыхъ корабляхъ противника своими глазами увидали по четыре трубы, каковыхъ *совсѣмъ не было* въ тѣхъ альбомахъ судовъ японскаго флота, по которымъ заглазно ихъ знакомили съ внѣшнимъ видомъ непріятельской эскадры ⁴⁰⁾.

Точно также и въ дѣлѣ досмотра судовъ, и въ развѣдкахъ мы

⁴⁰⁾ См. брошюру А. Затертаго, стр. 62.

вообще сплеховали. На одномъ изъ крейсеровъ былъ, напр., кочегаръ, служившій раньше на нѣмецкихъ пароходахъ и владѣвшій тремя иностранными языками. Казалось бы, что вотъ его то и надо было посылать съ офицеромъ осматривать задерживаемыя суда; придерживаясь строгой буквы устава посылали однако унтеръ-офицера изъ строевыхъ, который могъ говорить только по русски... Когда эскадра стояла въ бухтѣ Ванъ-Фонга, дозорный крейсеръ „*Кубань*“ спокойно пропустилъ мимо два японскихъ миноносца, которые шли на сѣверъ сначала безъ флаговъ, а потомъ подняли французскіе флаги. „*Кубань*“ это успокоило, но отъ адмирала ей за это сильно досталось...

Со словъ русскихъ плѣнныхъ, Людовикъ Нодо сообщилъ изъ Токио въ газету „*Journal*“, что, на основаніи развѣдокъ, доставленныхъ *Китайцами*, Рожественскій и весь его штабъ, были „глубоко убѣждены, что силы адмирала Того, разбитыя на двѣ группы, сосредоточены въ Сунгарскомъ проливѣ и въ Лаперузовомъ“.

Корреспондентъ газеты „*Daily Telegraph*“ сообщилъ изъ Сасебо мнѣніе капитана 1-го ранга Радлова, который говорилъ, что „своимъ несчастіемъ мы обязаны прежде всего ошибкѣ, въ которую нашего адмирала ввели его развѣдчики (т.-е. Китайцы), а затѣмъ и тому замѣшательству, въ которое мы всѣ пришли, увидѣвъ себя окруженными всѣмъ японскимъ флотомъ“.

Между адмираломъ, его младшими флагманами и командирами не было ни одного совѣщанія⁴¹⁾ ни о ходѣ предстоящаго боя, ни о томъ, какъ сдѣлать послѣдній переходъ,—чрезъ Корейскій проливъ или иначе. Маршрутъ не былъ ни кому извѣстенъ даже наканунѣ. Судя по чрезмѣрной погрузкѣ угля, всѣ думали, что пойдутъ вокругъ Японіи...

Идти со всею эскадрою, ея старьемъ и транспортами въ Цусимскую ловушку для Рожественскаго совѣмъ было необязательно. А главное, если всѣмъ составомъ такой разнокалиберной „эскадры“ нельзя было достигъ Владивостока, если гибель такой именно эскадры была неизбежна, то часть ея, бывшую въ бою только помѣхою главнымъ силамъ, было возможно разоружить заранѣе въ нейтральныхъ портахъ и тѣмъ самымъ облегчить задачу прорыва для боевого ядра эскадры. Репутация Рожественскаго отъ этого пострадала бы ничуть не болѣе, чѣмъ теперь; но Россіи это позволило бы сохранить невредимою нѣкоторую часть ея, хотя и непервокласнаго, но все-таки же и не малоцѣннаго флота; а что еще важнѣе, это сохранило бы ей многія тысячи ея сыновъ, совершенно неосмотрительно и съ малоприспособленными для борьбы средствами посланныхъ на вѣрную гибель...⁴²⁾

Насколько безопасно, чтобы не сказать болѣе, наша эскадра вела себя передъ боемъ и въ другихъ отношеніяхъ, показываютъ нижеслѣдующія строки, воспроизводимыя мною изъ писемъ, присланныхъ ко мнѣ участниками похода:

„Еще въ Россіи, послѣ боевъ „*Варяга*“, а затѣмъ 28 іюля и 1 августа

⁴¹⁾ „*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.745, исповѣдь Небогатова.

⁴²⁾ Критическій разборъ того, чѣмъ можно было бы болѣе цѣлесообразно замѣнить безнадежный переходъ чрезъ Корейскій проливъ—см. въ изданіи „*В. К. А. М., Военные Флоты*“, 1906, стр. 80 приложенія, а также „*Новое Время*“, 1906, № 10.745.

1904 г., на корабляхъ шли разговоры о средствахъ для предупрежденія пожаровъ во время сраженія. Было рѣшено тогда на этихъ частныхъ совѣщаніяхъ, что ко времени прибытія эскадры въ японскія воды, конечно, постепенно будетъ выброшено съ броненосцевъ по возможности все дерево и будетъ сорвана вся обивка. Но вотъ благополучно мы пришли наконецъ и въ воды Аннама; подошелъ Небогатовъ; до непріятеля оставался одинъ переходъ. Командиры нѣкоторыхъ судовъ были у Рождественскаго на „Суворова“ и просили у него разрѣшенія—или выбросить дерево и обивку за бортъ, или же сдать то и другое на транспорты... Рождественскій, наотрѣвъ всѣмъ отказалъ въ этихъ просьбахъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что мебель и отдѣлка слишкомъ дорого стоятъ, чтобы ихъ портить и выбрасывать... А жизнь людей, а корабли, которые отъ непріятія этихъ мѣръ предосторожности подвергались неминуемой опасности, они-то развѣ ничего не стоятъ?... А исходъ боя въ зависимости отъ этого, развѣ онъ для Россіи безразличенъ?...”

„Отвѣтъ адмирала убивалъ всю душу предпріятія... Мы ясно чувствовали это. Поэтому командиры нѣкоторыхъ судовъ сочли своей нравственною обязанностью *ослушаться адмирала*: на этихъ корабляхъ въ рубкахъ все дерево и обивка были убраны,—частію брошены за бортъ, частію сложены въ отдѣльныя компактныя кучи; почти всю мягкую мебель собрали въ одно мѣсто и вплотную набили ею адмиральскія каюты; во время боя она горѣла тамъ, производя на другія наши суда очень тяжелое впечатлѣніе, но пожаръ былъ по крайней мѣрѣ локализованъ и удаленъ отъ жизненныхъ артерій корабля... Весь горючій хламъ, изъ боязни передъ суровымъ адмираломъ, нѣкоторые корабли начали выбрасывать за бортъ только въ день боя, чуть-ли не подъ огнемъ Японцевъ“...

На судѣ при разборѣ дѣла Небогатова лейтенантъ Бурнашевъ сдѣлалъ заявленіе, что онъ въ качествѣ ревизора на броненосцѣ „Орелъ“, по порученію командира, составилъ рапортъ командующему эскадрой о необходимости передъ боемъ или передать на транспорты, или уничтожить по возможности все дерево съ броненосца. Капитанъ 1-го ранга Юнгъ, отправляясь къ адмиралу Рождественскому, взялъ съ собою этотъ рапортъ; вернувшись съ доклада, онъ передавалъ лейт. Бурнашеву, что онъ предпочелъ на словахъ доложить адмиралу все содержаніе рапорта, и тотъ сказалъ, что „пока это лишнее“, и что адмиральское помѣщеніе на броненосцѣ должно быть въ полномъ порядкѣ... Затѣмъ передъ боемъ, по личному приказанію командира броненосца, все дерево съ „Орла“ все таки было выброшено, за исключеніемъ обстановки адмиральской каюты. Японцамъ посчастливилось попасть въ „Орла“ прямо безъ пристрѣлки первымъ же выпущеннымъ по нему снарядомъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ начала боя на немъ уже горѣла каюта адмирала, и броненосецъ близокъ былъ къ взрыву... („Нов. Время“, 1906 г., № 11.032).

„Незадолго передъ боемъ на „Суворова“ пріѣхалъ одинъ изъ офицеровъ. Видя неубранную еще роскошную обивку и дерево, онъ спросилъ командира корабля:—„Развѣ Вы не убираете все это передъ боемъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, что-жъ! Мы не будемъ убирать; у насъ все такъ и останется!“... Слѣдуя примѣру флагманскаго корабля и повинаясь распоряженію адмирала, многіе командиры такъ и оставили на своихъ мѣстахъ весь горючій матеріалъ, вполне довѣряя опытности и авторитету командующаго флотомъ“...

„На дѣлѣ, въ бою, оказалось, что при разрывѣ японскихъ сварядовъ дерево загоралось не всегда сразу: точно также не всегда загоралось и большинство предметовъ, обычно находящихся въ каютахъ; но легче и дружнее всего вспыхивала обивка на мебели, а съ нея огонь легко и свободно переходилъ затѣмъ уже и на самое дерево“.

„Пожары нашихъ кораблей въ Цусимскомъ бою поражали Японцевъ и приводили ихъ въ недоумѣніе. Командиръ одного японскаго броненосца говорилъ по этому поводу плѣннымъ русскимъ офицерамъ слѣдующее:—„Почему вы такъ горѣли? Что такое было на вашихъ корабляхъ? Чѣмъ они были начинены?.. Мы представить себѣ не можемъ, что могло у васъ такъ горѣть?“...

„Одинъ флагъ-офицеръ съ „Суворова“ какъ-то потомъ въ Японіи разяснялъ намъ, офицерамъ, въ поученіе, что, помимо взрывчатого вещества, японскіе снаряды были начинены еще и пухомъ (!), обильно летѣвшимъ послѣ взрыва; этотъ пухъ будто бы и производилъ пожары. Проще, естественнѣе и правдоподобнѣе однако будетъ предположить, что пухомъ были начинены не японскіе снаряды, а рубки русскихъ броненосцевъ,—въ обивкѣ и подушкахъ. Этотъ самый пухъ обильно и летѣлъ послѣ взрыва снаряда“...

По поводу приготовленія къ бою существовалъ впрочемъ приказъ адмирала, изданный еще на Мадагаскарѣ. Всѣмъ старшимъ офицерамъ и артиллеристамъ этимъ приказомъ вмѣнялось въ обязанность осмотрѣть крейсеръ „Аврору“, гдѣ по собственной инициативѣ и весьма остроумно были сдѣланы приготовленія къ бою. Для защиты наиболѣе жизненныхъ частей, а также трубопроводовъ, паропроводовъ были использованы всѣ запасныя желѣзныя части, даже якорные канаты и т. п. предметы. Этимъ приказомъ адмиралъ предписывалъ всѣмъ судамъ сдѣлать у себя то же самое.

По порядку здѣсь были рассмотрѣны выше послѣдовательно всѣ главнѣйшія „боевыя качества“ нашей Цусимской эскадры и ея рабочаго персонала, открыто теперь засвидѣтельствованныя даже и въ русской технической литературѣ. Теперь мы имѣемъ уже данныя, чтобы видѣть тѣ средства, мало пригодныя для дѣла, съ которыми наша бюрократія морского вѣдомства наивно задумала побѣдить Японію на морѣ вблизи ея морской базы. Непростительно упустивши время для отсылки подкрѣпленія нашему флоту на Д. Востокъ, въ концѣ концовъ мы снарядили свою эскадру, но—эскадру слабую, необученную, плохо обезпеченную углемъ, провіантомъ, снабженную малымъ количествомъ снарядовъ. И въ довершеніе всего безъ надобности мы осложнили нашей эскадрѣ поставленную ей задачу—прорваться во Владивостокъ; потребовали отъ нея,—пройти не только ей самой, но и протащить еще за собою цѣлую группу военныхъ транспортовъ. Въ бою эскадрѣ они были совсѣмъ не нужны, они служили ей только помѣхой, большой помѣхой⁴³⁾; ее можно было однако устранить, пе-

⁴³⁾ Одинъ изъ нашихъ товарищей, работавшій въ крейсерскомъ отрядѣ и вышедшій изъ боя невредимымъ, много разъ старался въ своихъ письмахъ запечатлѣть характеръ расположенія отдѣльных частей эскадры въ бою; и на томъ мѣстѣ, гдѣ группировались транспорты, у него стоитъ очень выразительное слово... „каша“. А между тѣмъ подъ видомъ воинскаго груза и предметовъ первой необходимости по желѣзной дорогѣ шли вагоны съ шампанскимъ, ликерами и т. п. „благами культуры“... Казенныя отправленія военнаго вѣдомства стояли въ пути по цѣлымъ недѣлямъ вслѣд-

реславши по желѣзной дорогѣ прямо во Владивостокъ всѣ запасы, погруженные на транспорты. Не сдѣлавши этого, мы очутились въ бою въ положеніи борца, обвѣшаннаго груженными чемоданами, неповоротливаго, не могущаго свободно управлять своими силами для нападенія; мы могли только подставлять себя для ударовъ...

Отправляя нашу Цусимскую эскадру въ походъ, наша бюрократія, какъ азартный игрокъ, ставила на карту все,—и положеніе Россіи, какъ Великой Державы, и все ея національное достояніе (ея флотъ, армію, ея финансы и всѣ внутренніе жизненные интересы народа). Не взирая на все это, ставка была сдѣлана слишкомъ самоувѣренно и необдуманно, совершенно не считаясь ни съ образцовыми боевыми средствами противника, ни съ трезвой продуктивностью и осмысленностью его боевой работы, ни съ сознательнымъ отношеніемъ къ ней всѣхъ участвовавшихъ въ дѣлѣ работниковъ, привыкшихъ всегда чувствовать на себѣ отвѣтственность передъ родиной и общественнымъ мнѣніемъ своей страны. Ставка была сдѣлана не только самоувѣренно, но и безцѣльно: П.-Артурская эскадра въ ея цѣломъ въ это время уже не существовала, и только небольшіе остатки ея доживали свои послѣдніе дни; прорваться всей Цусимской эскадрѣ во Владивостокъ съ ея „багажемъ“, т.-е. транспортами и тихоходами, было абсолютно невозможно при наличности всѣхъ географическихъ условій и всего состава боевыхъ силъ нашего противника; прорваться безъ „багажа“ при другомъ личномъ персоналѣ нашего флота, можетъ быть, было бы и возможно; но безъ своего „багажа“ прорвавшаяся, искалѣченная эскадра не имѣла бы тогда средствъ ни починиться, ни восполнить быстро свои израсходованные запасы матеріаловъ; и въ концѣ концовъ „соединенную“ Владивостокскую эскадру подъ командою сухопутно-подвезеннаго для нея адмирала съ его штабомъ, несомнѣнно постигла бы участь нашей П.-Артурской эскадры. Это былъ вопросъ только времени.

Тѣмъ не менѣе нашлись люди, готовые взяться за разрѣшеніе даже и этой неразрѣшимой задачи, такъ неудачно поставленной нашимъ морскимъ вѣдомствомъ. Но заранѣе какъ-будто и тамъ не надѣялись за цѣлость головы адмирала, ведущаго эскадру, и береговыми средствами доставлялся туда же и новый адмиралъ, и свѣжій штабъ при немъ, для командованія будущей „соединенной“ эскадрой...

За разрѣшеніе этой задачи смѣло и самоувѣренно ⁴⁴⁾ взялся З. П. Рожественскій, сдѣланный во время похода вице-адмираломъ и генералъ-адъютантомъ; но и онъ довелъ нашъ флотъ только... до Цусимы.

Переходъ изъ Финскаго залива до Корейскаго пролива былъ сдѣланъ нашей эскадрой довольно удачно, если не считать нелѣпаго столкновенія броненосной части эскадры съ гульскими рыбаками,

ствіе... „внезапной порчи“ вагонныхъ осей; а грузы торговцевъ съ благами культуры шли въ это время безостановочно, не считаясь ни съ какими „внезапными порчами“ подвижнаго состава дороги. Не дешево стоила имъ эта исправность состава и своевременность доставки; начальникамъ и комендантамъ приходилось платить тысячи, но эти тысячи были только каплей въ морѣ тѣхъ десятковъ тысячъ, которыя можно было нажить, доставивши вовремя эти „грузы первой необходимости“...

⁴⁴⁾ „Всѣ министры были противъ отправки нашей эскадры на Д. Востокъ, но адмиралъ настоялъ на этомъ“ (см. *Политовскій*, стр. 16).

во время котораго мы разстрѣляли также и свой крейсеръ „Аврора“. Поэтому Рождественскій, повидимому, вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду⁴³⁾; предъ боемъ онъ возложилъ излишне большую надежду еще и на „счастливую дату“ 14 мая ⁴³⁾, и на „счастливый туманъ“, который утромъ 14 мая 1905 г. густо окутывалъ его эскадру.

И вотъ подъ прикрытіемъ этого тумана наша тяжеловѣсная, нестройная армада двинулась въ путь на Владивостокъ чрезъ Корейскій проливъ, имѣя хода мѣстами не болѣе 6—5 узловъ, въ надеждѣ пройти чрезъ проливъ незамѣченною непріятелемъ...

Это былъ ея крестный путь. Часъ возмездія Россіи за грѣхи ея прошлаго приближался...

⁴³⁾ День коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ 1896 году. Весь день 12 мая и ночью 13 мая, съ явнымъ намѣреніемъ затянуть время перехода, наша эскадра шла то восьми-узловымъ ходомъ, то пяти-узловымъ.

Цусимскій бой.

„Окончилась эпопея второй эскадры ¹⁾. Оповдали ее начать готовить, основываясь на невѣрныхъ разчетахъ и обманчивыхъ надеждахъ; готовили ее слишкомъ слабой; послали ее все-таки, но уже въ то время, когда было ясно, что въ томъ составѣ, какъ она шла, надежды на успѣхъ она имѣть не могла; не вернули ее въ то время, когда уже задача, на нее возложенная, очевидно, стала для нея совсѣмъ недостижима; пренебрегли всѣмъ опытомъ этой и предыдущихъ войнъ и указаніями стратегіи и тактики, которыя еще были способны уменьшить несчастье. И катастрофа, все время висѣвшая надъ этой несчастной, самоотверженной эскадрой, разразилась. Эскадра погибла“...

ЦУСИМСКІЙ БОЙ... Описаніе этого боя, единственнаго въ своемъ родѣ, будетъ занимать въ исторіи однѣ изъ самыхъ тяжелыхъ и печальныхъ страницъ.

Глубокій трагическій отпечатокъ эта морская встрѣча двухъ враждующихъ сторонъ носила на себѣ въ томъ именно, что это былъ въ сущности *не равный бой* двоихъ, одинаково готовыхъ къ этому, одинаково искусныхъ и сильныхъ соперниковъ, а только *бойня*, только безпощадная экзекуція, произведенная однимъ противникомъ надъ другимъ. Но это была такая экзекуція, конечнымъ и обиднымъ результатомъ которой явилась гибель многихъ тысячъ людей, пріявшихъ свою мученическую кончину за неисчислимыя, десятки лѣтъ копившіеся, грѣхи другихъ людей, которые живутъ безнаказанно и нынѣ...

По поводу характера этого боя, отецъ одного изъ нашихъ товарищей, погибшихъ въ этомъ сраженіи, написалъ въ „*Новомъ Времени*“ (1905, № 10.517) слѣдующія строки:

„Я гордился бы геройской смертію моего сына, я завидовалъ бы ему, если бы онъ положилъ свою душу съ пользою для родины. Но у меня отнято и это утѣшеніе. Нестерпимо обидно, что сынъ мой палъ въ битвѣ, которая принесла Россіи не славу, а позоръ,—въ битвѣ, не нужной, унижительной для насъ, во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Страшно подумать, что сынъ мой погибъ, вѣрнѣе, что онъ былъ потопленъ, даромъ, понапрасну, и что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ его командиромъ еще до выхода эскадры изъ Кронштадта. „Побѣды не

¹⁾ Изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, 1906 г., стр. 126 прилож.

будеть“, сказалъ въ своей застольной, откровенной рѣчи капитанъ Бухвостовъ, „насъ разобьютъ Японцы“, но всѣ мы, какъ овцы, гонимыя на бойню, должны покорно идти и умереть. Какъ будто готовность умереть отъ руки врага—это все, что требуется отъ воина; какъ будто такая смерть сама по себѣ нужна и полезна для родины!..“

На сушѣ и на морѣ у Японцевъ была строго проведена въ жизнь одна и та же тактика: они *заставляли* насъ принимать бой и безпощадно насъ били въ той самой обстановкѣ, которую они знали до тонкостей, наизусть, и которая была *для нихъ* вполне благоприятна, дѣлала ихъ господами положенія, а насъ всегда неизбѣжно вела къ позорному пораженію. Рождественскій повелѣ всю свою эскадру во Владивостокъ напрямикъ чрезъ Корейскій проливъ и сдѣлать только то, что нужно было Японцамъ, т.-е. попасть подъ Цусимую въ приготовленную ему западню; тутъ оказался въ полной готовности на-лицо и весь боевой флотъ адмирала Того и всѣ благоприятныя условія для вражескаго нападенія на всю нашу непригодную къ серьезному бою армаду: ширина пролива сравнительно небольшая,—около 25 миль (43 в.); съ востока къ нему прилегаютъ берега Японіи, съ запада расположенъ островъ Цусима, путь на сѣверъ заградила эскадра Того, а съ юга нашу эскадру окружили легкіе японскіе крейсера и миноносцы ²⁾.

Какъ только наша эскадра выбрала путь чрезъ Корейскій проливъ, нашъ непріятель зналъ все, что ему нужно,—составъ эскадры, ея строй и скорость хода. Дальше *непріятель* уже *выбиралъ*, а не мы, *время, мѣсто и обстановку боя*; онъ заранее тщательно разбиралъ и взвѣшивалъ всѣ возможныя комбинаціи нападенія въ данномъ мѣстѣ и возможныя случайности и отклоненія отъ нихъ.

Не воплиѣ еще разсѣялся туманъ и послѣ полудня; но это не помѣшало нашимъ морякамъ въ половинѣ второго увидать предъ собою японскую эскадру, которая обложила насъ со всѣхъ сторонъ и главныя силы которой близъ острова Цусимы появились изъ засады, смѣло и властно перерѣзая намъ путь на сѣверъ...

Въ 1 ч. 49 м. дня 14 мая 1905 г. мы начали этотъ безпримѣрный, историческій морской бой подъ Цусимой; а къ половинѣ восьмого вечера въ тотъ же день активное боевое ядро нашей эскадры фактически было сожжено и разбито Японцами; имъ оставалось послѣ этого только добивать несущественные остатки нашей эскадры по частямъ...

Времена, когда въ бою можно было брать „одной храбростью“, отошли въ область преданій. При современной артиллеріи нашъ врагъ начиналъ отчаянно бить насъ,—одинаково и на сушѣ, и на морѣ, иногда совсѣмъ *не подпуская къ себѣ* и даже *не показывая себя* въ та-

²⁾ Адмиралу Того не было надобности идти въ чужія воды для нападенія на эскадру Рождественскаго; онъ благоразумно выжидалъ, когда эта эскадра сама къ нему придетъ въ Корейскій проливъ; вся поверхность этого пролива Японцами была разбита на квадраты, которые были занумерованы. Когда какой-нибудь изъ нашихъ кораблей, намѣченныхъ Японцами для разстрѣла, проходилъ чрезъ извѣстный квадратъ, объ этомъ знали всѣ боевыя суда японской эскадры, и всѣ они имѣли на этотъ случай готовыя данныя для предварительной установки орудій. Не смотря на туманъ, мглу и дымъ, застилавшія наши горѣвшія суда, разгромъ обреченныхъ на разстрѣлъ нашихъ судовъ происходилъ въ буквальномъ смыслѣ „по писаному“. Тутъ сыграла роль не „удача“, а знаніе дѣла, основанное на непреложныхъ данныхъ математики и механики. П. Х.

кой мѣрѣ, чтобы можно было сосредоточить на немъ вѣрный прицѣлъ и добросить до него свой снарядъ...

Съ ихъ несравненными боевыми средствами Японцы все время сохраняли за собою инициативу боя; какъ на маневрахъ, они исполняли все время свой заранѣе всѣмъ имъ извѣстный и понятный планъ; безошибочно одинъ за другимъ они находили въ нашей эскадрѣ слабые пункты ея и съ удивительнымъ хладнокровіемъ и пунктуальностью на смерть поражали сначала все то, что представляло въ ней ея лучшую боевую силу и наибольшую цѣнность.

Тутъ, въ бою, уже все оказалось къ нашей невыгодѣ: и пассивное веденіе нами боя, и неумѣнье наше стрѣлять и маневрировать, и плохія качества нашихъ снарядовъ и нѣкоторыхъ нашихъ кораблей; и необходимость соразмѣрять скорость движенія кораблей нашего боевого ядра съ его тихоходами, и перегрузка нашихъ кораблей, и досадная подготовка ихъ къ возникновенію на нихъ сильнѣйшихъ пожаровъ, замѣшательства; и преступное обремененіе эскадры транспортами, и незнакомство импровизированныхъ руководителей боя съ общимъ планомъ работы, и растерянность контуженнаго адмирала и его штаба, и несовершенство сигнализациі на судахъ; и неудачная окраска нашихъ кораблей, помогавшая неприятелю издали дѣлать вполне тщательный прицѣлъ; и остроумная окраска японскихъ судовъ подъ цвѣтъ морской волны; и остроумная тактика систематическаго, послѣдовательнаго разстрѣла и поджога Японцами поочереди, не спѣша, то одного нашего головного корабля, то слѣдующаго за нимъ, временно игнорируя все остальное, несущественное, бутафорское; и тактика осыпанія нашихъ кораблей градомъ снарядовъ послѣ того, какъ было найдено приблизительно вѣрное разстояніе для прицѣла; и неумѣнье работать такимъ способомъ съ нашей стороны, и многое-многое другое...

Слова капитана Бухвостова, что мы, Русскіе, не были „настоящими моряками“, оправдывались на дѣлѣ во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ, обрисовывающихъ печальныя событія этого дня.

Подробное описаніе Цусимскаго боя уже имѣется на русскомъ языкѣ. Оно составлено отставнымъ капитаномъ Н. Л. Клядо и помѣщено въ видѣ приложенія къ изданію „В. К. А. М. Военные Флоты“, 1906 г.

Поэтому здѣсь я помѣщу въ переводѣ другое описаніе, которое въ оригиналѣ было дано американскимъ лейтенантомъ Уайтомъ и помѣщено въ августѣ 1906 г. въ журналѣ *Scientific American*. Въ сноскахъ, сдѣланныхъ при этомъ описаніи, для большей полноты картины я помѣщаю нѣкоторые эпизоды, освѣщенные въ русской литературѣ участниками боя.

СЪ БАЛТИЙСКИМЪ ФЛОТОМЪ ПРИ ЦУСИМѢ ³⁾. СТАТЬЯ ЛЕЙТ. МОРСКОГО ФЛОТА С. АМ. С. ШТ. УАЙТА. Утренняя заря 14 мая 1905 г.

³⁾ *With the baltic fleet at Tsushima, by Lieut. R. D. White, United States Navy.* Помѣщаемая здѣсь замѣтка составлена Уайтомъ на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ одного лица, присутствовавшего при сраженіи. Не имѣя опредѣленнаго отношенія къ битвѣ, онъ принялъ на себя обязанности наблюдать и заносить всѣ эволюціи битвы. Эту обязанность онъ выполнялъ съ удивительною осторожностью и аккуратностью. Время, когда были выполнены извѣстные маневры и характеръ этихъ маневровъ, неоспоримы. Разстояніе на которомъ онъ наблюдалъ каждый случай, измѣрялось или по дальномѣрамъ *Barr and Stroud*, или опредѣлялось време-

была холодною и нерадостною для Балтійскаго флота, подвигавшагося медленно къ сѣверо-востоку по направленію къ Цусимскому проливу. Холодный вѣтеръ дулъ съ юго-запада, пронизывая до костей русскихъ матросовъ, которые, подъ впечатлѣніемъ еще недавней тропической жары, собирались вокругъ топочныхъ люковъ или искали укрытія на подвѣтренной сторонѣ палубы. Сѣрый туманъ висѣлъ надъ ними и не давалъ возможности ясно видѣть горизонта. Позднѣе полилъ дождь, холодный, пронизывающій.

Да, это былъ день, необѣщавшій надежды безнадежнымъ...

Со дня отплытія изъ Либавы не было ничего предвѣщавшаго что-нибудь хорошее, — ничего, кромѣ труда, неудобствъ, волненій... Никто не могъ предугадать момента, когда флотъ будетъ атакованъ. Русскіе были увѣрены, что Японцы имѣли свѣдѣнія о всѣхъ ихъ передвиженіяхъ, тогда какъ сами они ничего не могли узнать о мѣсто-нахожденіи своего противника. Слухи указывали, что онъ и тутъ, и тамъ, и всюду; но положительныхъ свѣдѣній получить было нельзя. Казалось, что онъ пропалъ съ лица земли; но они отлично знали, что онъ долженъ вновь явиться. Вопросъ былъ только — *гдѣ, когда, какъ?* Не проходило ни одной ночи по отплытіи отъ Мадагаскара безъ мысли — „въ эту ночь мы будемъ атакованы миноносцами“, ни одной ночи, которая не оставила бы слѣдовъ изнуряющей бдительности мысли и духа. Да и какая надобность была въ этой бдительности. Результатомъ ихъ бдительности у Доггербанки было пока только посмѣшище, которымъ они сдѣлались во всемъ мірѣ. Да, начало не предназначено-вало надежды на побѣду. И все, къ чему они стремились, — это Владивостокъ, безопасность, отдых... Ближайшее прошлое не давало никакихъ надеждъ впереди.

При первомъ просвѣтѣ дня русскіе головные корабли увидѣли сквозь туманъ неясныя очертанія одного японскаго вспомогательнаго крейсера. Онъ былъ на виду лишь нѣсколько секундъ, описавши петлю въ туманной дали, послѣ чего онъ исчезъ; и все впечатлѣніе, которое осталось о немъ, это были нервные удары беспроводнаго телеграфа на непонятномъ для русскихъ шифрѣ. То было посланіе къ адмиралу Того, извѣщавшее его, что ожидаемый имъ день наконецъ насталъ.

Русскій флотъ имѣлъ одно судно съ беспроводнымъ телегра-

немъ полета 12-дюймоваго снаряда. Направленія записывались съ осторожностью. Цѣнность его наблюденій заключается въ томъ фактѣ, что, будучи близко знакомъ съ современной военно-морской наукой, онъ искалъ не картинности въ описаніи битвы, а положеній техническаго интереса, положеній, которые зиждутся на принципахъ, руководствующихъ конструкціей, содержаніемъ и тактикой. *Уайтъ* сожалѣетъ, что не можетъ открыть имени автора этого описанія. Достаточно будетъ сказать, что его думъ, его желаніе говорить по этому предмету честно и безпристрастно, его тонкое знаніе всѣхъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ построенныхъ и строящихся военныхъ судовъ, его сильная наблюдательность вообще и въ частности, его основательное знаніе правилъ военно-морской современной техники и войны заслужили восхищеніе и уваженіе *Уайта*. Данные здѣсь выводы ни въ какомъ случаѣ не появляются плодомъ воображенія *Уайта*, а составляютъ заключенія самого очевидца („*Scientific American Supplement*“, 1906, *August 11 and 18*, №№ 1597, 1598). Русскій переводъ сдѣланъ возможно ближе къ англійскому оригиналу. Подстрочныя примѣчанія къ этому переводу составлены мною по источникамъ, разбросаннымъ въ русской литературѣ, а также и на основаніи писемъ товарищей. *П. Худяковъ.*

фомъ, могущимъ работать на разстояніе 600 миль. Почему оно не прервало это донесеніе и всѣ послѣдующія, остается загадкой ⁴⁾; и фактъ неисполненія этого долженъ служить доказательствомъ неспособности русскаго адмирала пользоваться современными усовершенствованіями ⁵⁾. Безъ всякихъ препятствій со стороны Русскихъ, японскіе развѣдчики донесли своему командующему не только о мѣсто-нахожденіи противника, но и о курсѣ, котораго онъ держался, о скорости и построеніи судовъ.

Слѣдующее судно, которое увидѣли Русскіе, былъ — крейсеръ „Идзуми“; въ теченіе двухъ часовъ онъ шелъ вмѣстѣ съ русской эскадрой справа отъ нея. Когда разстояніе между ними достигло 8000 ярдовъ (около 7 в.), Рождественскій приказалъ навести на него орудія заднихъ башенъ всѣхъ судовъ. Немного погодя, съ лѣвой стороны показался отрядъ легкихъ японскихъ крейсеровъ и отрядъ старыхъ судовъ, перешедшихъ къ Японіи послѣ войны ея съ Китаемъ. На этотъ разъ всѣ орудія переднихъ башенъ были направлены на противника, но, какъ и въ 1-мъ случаѣ, артиллеристы были разочарованы: приказа открытъ огонь не послѣдовало ⁶⁾...

Когда одинъ изъ кораблей приблизился къ эскадрѣ на разстояніе 6400 ярдовъ (ок. 5,5 в.), раздался выстрѣлъ съ „Орла“. Былъ ли произведенъ этотъ выстрѣлъ по ошибкѣ механизма, послѣдовалъ ли онъ, благодаря нервному состоянію кого-либо изъ наводчиковъ, или слишкомъ великъ былъ соблазнъ, — неизвѣстно. Нѣсколько другихъ судовъ, полагая, что это было слѣдствіе приказа адмирала, также открыли огонь. Но Рождественскій немедленно далъ эскадрѣ сигналъ: „огонь прекратить, снарядовъ даромъ не бросать“...

Когда японскіе развѣдчики впервые замѣтили русскій флотъ, онъ шелъ въ двѣ колонны. Первый отрядъ (правую колонну) составляли 4 новыхъ броненосца; флагъ Рождественскаго развѣвался на „Суворовѣ“; за ними шелъ отрядъ Фелькерзама съ его флагомъ на „Ослябѣ“, хотя самъ Фелькерзамъ уже скончался за нѣсколько дней передъ этимъ. Лѣвую колонну составлялъ отрядъ Небогатова съ его флагомъ на „Николаѣ“ и отрядъ крейсеровъ съ флагомъ Энkvиста на „Олегѣ“. Развѣдчики шли впереди по обѣимъ сторонамъ, и вся армада двигалась со скоростью не болѣе 10 узловъ. Въ теченіе утра былъ произведенъ одинъ маневръ. Скорость перваго отряда была увеличена до 11 узловъ, онъ былъ выдвинутъ впередъ и поставленъ во главѣ лѣвой колонны. Нужно замѣтить, что для исполненія этой простой эволюціи потребовалось около часу времени. Послѣ этого русскій

⁴⁾ „Ураль“ просилъ разрѣшенія нарушить эти разговоры, но ему было отвѣчено по семафору: „не мѣшать Японцамъ телеграфировать“ (см. изданіе „В. К. А. М., Военные Флоты“, 1906, стр. 89 приложения). II. X.

⁵⁾ Передъ боемъ „Ураль“ не былъ использованъ для той цѣли, для которой онъ предназначался; а въ бою 14 мая онъ самъ чуть не сдѣлался источникомъ нашихъ несчастій: около 4 ч. дня былъ моментъ, когда, дѣлая эволюціи, на всемъ ходу крейсеръ вдругъ лишился своего руля и шелъ прямо на „Жемчугъ“; послѣдній спасла только бдительность его командира, сдѣлавшаго быстрыя распоряженія (см. „Нов. Вр.“, 1905, № 10.554). II. X.

⁶⁾ Часовъ около десяти утра, — пишеть мнѣ одинъ изъ нашихъ участившихъ въ бою товарищей, — намъ встрѣтилось нѣсколько парусныхъ шлюпокъ; онѣ шли какъ съ правой стороны, такъ и съ лѣвой. Кто это былъ, рыболовы или кто другой, осталось неизвѣстнымъ; но мы пропустили ихъ, не уничтоживъ“... II. X.

флотъ уменьшилъ скорость до девяти узловъ (ок. 15 в.), и при этой скорости велъ всю битву ⁷⁾.

Въ полдень первому отряду былъ данъ приказъ къ послѣдовательному одинъ за другимъ повороту всего отряда вправо и когда послѣднее судно сдѣлало этотъ поворотъ, былъ данъ сигналъ къ послѣдовательному повороту всей колонны лѣво; и тогда прежній строй опять былъ восстановленъ. Затѣмъ, увеличивая скорость до 11 узловъ, послѣднее судно этого отряда было выведено впередъ головного судна лѣвой колонны, и опять былъ данъ ходъ въ девять узловъ. Въ такомъ построеніи и произошла встрѣча съ противникомъ.

Въ 1 ч. 25 м. пополудни съ правой стороны показалась соединенная японская эскадра изъ 12 кораблей, идущихъ кильватернымъ строемъ наперерѣзъ русской эскадрѣ. Узнать суда Японцевъ было не трудно, ибо каждая деталь формы и оснастки ихъ изучалась Русскими по картинамъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. „Миказа“, развѣвая флагъ *Того*, былъ во главѣ; флагъ Камимуры былъ на крейсере „Идзумо“, третій флагъ развѣвался на „Ниссинъ“, но чей—Русскіе не знали. Построеніе судовъ непріятеля было безукоризненно по своей точности. Каждый корабль, казалось былъ связанъ со слѣдующимъ, идущимъ впереди его; и даже на такомъ большомъ разстояніи вся эта масса казалась несущейся по морю со страшной быстротой. Скорость хода у нихъ была только въ 16 узловъ, но каждый, наблюдавшій за ними, Русскій опредѣлилъ бы ее по крайней мѣрѣ въ 20 узловъ. Это извѣстный самообманъ, которому подверженъ всякій, долго плывшій по морю.

Но для наблюденій времени было мало. Приказъ командамъ—занять свои мѣста—вернулъ всѣхъ къ дѣйствительности. Дѣла было много, и несущаяся по морю сѣрая линія заставляла торопиться... Если Рождественскій желалъ когда-нибудь осуществить перестроеніе своей эскадры, то теперь онъ желалъ этого всѣмъ сердцемъ. Перестроить эскадру ему было необходимо, эскадра *Того* скоро будетъ у него во флангъ. Блестящій утренній маневръ, потребовавшій часть времени на свое исполненіе, пришелъ ему на память. Онъ повторилъ этотъ маневръ. Первому отряду онъ приказалъ дать опять 11-узловой ходъ и т. д.

Это было въ 1 ч. 38 м. Срединя японскаго боевого отряда приходилась совершенно противъ „Суворова“ и вымѣренное разстояніе равнялось какъ разъ 12.000 ярдамъ (ок. 10, 5 в.) ⁸⁾. Перейдя на лѣвую сторону нашей эскадры, *Того* всѣми своими кораблями своевременно и съ удивительной точностью сдѣлалъ послѣдовательный поворотъ и, описавъ петлю, пошелъ въ одномъ съ нами направленіи. Продѣлывая

⁷⁾ Около половины двѣнадцатаго начался у насъ обѣдъ для команды и завтракъ для офицеровъ. И то, и другое происходило поспѣшно и наскоро, не взирая на торжественный царскій день. Въ концѣ завтрака, за первымъ бокаломъ шампанскаго, выпитымъ на „Суворова“ за здравіе Ихъ Величествъ, „дружное, смѣлое „ура!“ огласило каютъ-компанію и послѣдніе его отголоски слились со звуками боевой тревоги, доносившейся сверху“... При первой же встѣдъ за этимъ перестройкѣ боевого отряда броненосцевъ, сигналы не были поняты ими, и маневрированіе ихъ вышло неудачнымъ (см. брошюру кап. Семенова, стр. 33—34). II. X.

⁸⁾ Передъ началомъ боя адм. *Того* отдалъ приказъ: „Отъ этого дня зависитъ существованіе нашей родины. Нынѣшній день требуетъ храбрости и энергіи каждаго офицера и каждаго матроса“.

этотъ контръ-маршъ ⁹⁾, Того бросилъ въ дѣйствіе весь свой флотъ, открывъ огонь на разстояніи 6000 ярдовъ (ок. 5 в.). Каждое японское судно, дѣлая поворотъ, открывало свой огонь по „Ослябѣ“, который, согласуя свои движенія съ начавшимся перестроеніемъ, долженъ былъ задержать свой ходъ и представлялъ въ это время отличную мишень для Японцевъ.

Первоначальный маневръ Русскихъ оказался разстроеннымъ; чрезъ 12 мин. „Суворовъ“ измѣнилъ курсъ вправо и продолжалъ идти со скоростію девяти узловъ, полагая, что лѣвая колонна послѣдуетъ за кормою I-го отряда. Измѣняя курсъ, „Суворовъ“ далъ сигналъ—стрѣлять всѣмъ по головному кораблю японской эскадры. „Ослябѣ“ тоже взялъ курсъ вправо, рассчитывая идти въ кильватеръ „Орла“; но передъ этимъ „Ослябѣ“ далеко забѣжалъ впередъ и долженъ былъ приостановиться, чтобы избѣжать столкновенія; тѣмъ самымъ онъ привелъ въ замѣшательство всѣ слѣдующія за нимъ суда. Несчастный „Ослябѣ“! Его передняя башня сдѣлала только три выстрѣла. Японскій снарядъ попалъ въ амбразуру одной изъ пушекъ и, разорвавшись, чрезвычайно высоко приподнял орудіе и сорвалъ крышку башни. Надо замѣтить, что броня у „Ослябѣ“ оканчивается около этой именно башни, а передняя часть корабля вовсе не бронирована. Поэтому, когда два снаряда ударили близъ ватерлиніи въ носовой части корабля, они попали въ легко пробиваемыя мѣста судна. Каждый изъ этихъ снарядовъ пробилъ свое отверстіе громадныхъ размѣровъ; и хлынувшая въ нихъ вода накренила судно впередъ. Двѣнадцати дюймовый снарядъ ударилъ въ одну изъ плитъ брони въ срединѣ судна по ватерлиніи и ослабилъ ея болты; второй 12-д. снарядъ ударилъ въ ту же плиту и сбросилъ ее въ воду. Третій снарядъ попалъ въ мѣсто, съ котораго была сорвана броня, сдѣлавъ громадную пробоину, и участь броненосца была рѣшена ¹⁰⁾. Передняя часть корабля была окончательно затоплена, и онъ вышелъ изъ строя. На поворотѣ судна его кормовая башня послала Японцамъ еще одинъ прощальный выстрѣлъ, свидѣтельствующій о неумирающемъ духѣ, — какъ бы вызовъ, брошенный презрѣннымъ „макакамъ“... Нѣкоторое время „Ослябѣ“ продержался на боку, его трубы еще были видны надъ водою; но затѣмъ, медленно опрокидываясь ¹¹⁾, онъ затонулъ въ 2 ч. 52 мин.

⁹⁾ Послѣдовательныя перемѣщенія боевыхъ отрядовъ обѣихъ эскадръ, русской и японской, передаетъ помѣщенная здѣсь карта боя, составленная Уайтомъ. Сплошной линіей на этой картѣ отмѣченъ путь русскаго отряда; пунктиръ изъ черточекъ и одной точки (или черточки и двухъ точекъ) указываетъ путь слѣдованія японскаго отряда; пунктиръ изъ однихъ черточекъ отмѣчаетъ путь, по которому несло „Суворова“, когда онъ вышелъ изъ строя и лишился возможности управлять своимъ рулемъ. Въ различныхъ мѣстахъ на этихъ линіяхъ цифрами отмѣчены въ кружкахъ часы и минуты; разстоянія между головными кораблями обѣихъ эскадръ вездѣ даны въ ярдахъ, а въ скобкахъ—въ верстахъ. II. X.

¹⁰⁾ Одинъ изъ участвовавшихъ офицеровъ съ „Ослябѣ“ неудачи своего корабля картинно характеризовалъ въ плѣну въ слѣдующихъ словахъ: „Ну, да! Кто жъ говорить? Хорошо стрѣляютъ... Но развѣ это прицѣлъ? Развѣ это умѣнье?... Счастье! Удача! Чортова удача! Три снаряда одинъ за другимъ почти въ одно мѣсто! Понимаете?—Всѣ въ то же мѣсто! Всѣ въ ватеръ-линію подъ носовой башней!.. Не пробоина, а ворота! Тройка пройдетъ! Чуть накренились, стала подводной... Такой водопадъ... разумѣется, переборки не выдержали...“ (см. брошюру кап. Семенова „Цусимскій бой“, стр. 110). II. X.

¹¹⁾ Впечатлѣніе опрокидыванія этого гигантской высоты броненосца было оше-

онъ сильно началъ терпѣть отъ огня. Корабль повернулъ вправо въ надеждѣ, что Японцы потеряютъ разстояніе припѣла, которое было тогда равно 5000 ярдовъ (ок. 4, 5 в.). Спустя 7 минутъ, онъ взялъ свой прежній курсъ... Этотъ маневръ только сбилъ съ толку своихъ же канонировъ. Подтвердилось старое правило: „гораздо опаснѣе бѣжать, чѣмъ нападать“. Въ 1904 году 28 іюля, когда „Ретвизанъ“ атаковалъ Японцевъ, самъ онъ почти не пострадалъ. Всѣ снаряды летѣли чрезъ него. Но теперь, когда „Суворовъ“ хотѣлъ уйти отъ непріятельскаго огня, онъ пострадалъ болѣе всего; дѣйствіе японскаго концентрированнаго огня сказалось на немъ неописуемо; буквально дождь снарядовъ поливалъ его ¹³). Лейтенантъ, командовавшій передней башней, получилъ ударъ осколкомъ въ шею, силой котораго едва не снесло ему голову. Въ то время, какъ его переносили внизъ, въ него попалъ другой снарядъ и буквально разорвалъ его пополамъ. Третій снарядъ попалъ въ амбразуру передней башни, разорвался и произвелъ взрывъ нѣсколькихъ мѣшковъ пороха. Крыша была сорвана и упала на палубу. Въ броневую рубку тоже попало нѣсколько снарядовъ. Рожевтенскій былъ раненъ осколкомъ въ голову и лишился сознания (въ 2 ч. 20 м.)... Вся броня съ передней части судна была сорвана, оно стало похоже на мониторъ. Пожаръ на кормѣ заставилъ броню осѣсть и преградилъ доступъ къ номѣщенію подъ верхней бронированной палубой, въ которомъ была устроена операционная. Въ 2 ч. 25 м. „Суворовъ“ вышелъ изъ строя, пылающій спереди и сзади, не могущій выдерживать долѣе убійственной бомбардировки. Но и послѣ этого все же онъ не былъ въ безопасности: позднеѣ ему было суждено вынести дальнѣшія испытанія.

Послѣ выхода „Суворова“ изъ строя ¹⁴) во главѣ нашего отряда сталъ „Александръ III“; на немъ теперь сосредоточился весь огонь

¹³) По словамъ уцѣлѣвшихъ офицеровъ штаба (см. брошюру кап. Семенова), чрезъ четверть часа отъ начала боя, когда разстояніе между нами и непріятелемъ было, пожалуй, менѣе 20 кабельтовыхъ (около 3 верстъ), „въ бинокль Цейса можно было различить на японскихъ броненосныхъ судахъ стоящими въ цѣлости даже колючія огражденія на мостикахъ, группы людей“... А у насъ... „Ослябя“ пылалъ; на „Суворовъ“ — сильнѣйшій пожаръ и картина полного разрушенія: „пылающія рубки на мостикахъ, горящіе обломки на палубѣ; сигнальныя дальномѣрные станціи, посты, наблюдающіе за паденіемъ снарядовъ,—все сметено, все уничтожено; крыша 12-дюймовой кормовой башни была уже разорвана и погнута кверху, хотя башня еще вращалась и стрѣляла“; а главное—вездѣ груды труповъ, масса раненыхъ; давалъ себя уже чувствовать недостатокъ свободныхъ рукъ команды; ихъ можно было бы иногда оторвать только отъ своего спеціального дѣла; поэтому „убитыхъ оставляли лежать тамъ, гдѣ они упали, но даже и на уборку раненыхъ не хватало рукъ“; не хватало ихъ и на тушеніе пожаровъ... „Александръ III-й“ и „Бородино“ тоже были окутаны дымомъ пожара“... П. X.

¹⁴) Чрезъ полчаса отъ начала боя, по свидѣтельству офицеровъ нашего штаба, оба японскихъ броненосныхъ отряда имѣли все тотъ же видъ, что и въ началѣ боя: „ни пожаровъ, ни крена, ни подбитыхъ мостиковъ...; словно они были не въ бою, а на учебной стрѣльбѣ; словно наши пушки, немолчно гремѣвшія уже полчаса, стрѣляли не снарядами, а... неизвѣстно чѣмъ? Но возможно, что вина здѣсь падала и не на одни снаряды, а и на людей, которые до этого въ быстро движущуюся цѣль почти не учились еще стрѣлять; несомнѣнно помогали достиженію этого эффекта и наши слабыя пушки на нѣкоторыхъ судахъ, которые не добрасывали снарядовъ до цѣли... А у насъ на адмиральскомъ суднѣ въ это время уже „сгорѣли послѣдніе фалы“; „сигнальщики попусту стояли подъ разстрѣломъ, не имѣя средствъ для

японскаго флота, который къ этому времени продвинулся впередъ, владѣя тактическимъ преимуществомъ: весь японскій флотъ могъ сконцентрировать свой огонь на головномъ кораблѣ русскаго флота при разстояніи для выстрѣловъ отъ 5100 до 5600 ярдовъ (до 4,5 в.); тогда какъ задніе корабли русскаго флота должны были наводить прицѣлы, имѣя на пути выстрѣловъ свои же корабли. Кромѣ того, черный порохъ, который употреблялся для большихъ орудій стараго образца на „Николай“, „Нахимовъ“ и „Наваринъ“, окутывалъ дымомъ ихъ самихъ и всѣ суда, слѣдовавшіе за ними, что также мѣшало стрѣлять. Продолжать битву при такихъ условіяхъ, значило готовить вѣрную гибель для „Александра III-го“. Въ 2 ч. 30 м. онъ повернулъ на востокъ; за нимъ послѣдовали и всѣ другіе суда. Хотя этотъ маневръ облегчилъ на время положеніе „Александра“, но зато каждое слѣдовавшее за нимъ судно при поворотѣ испытывало на себѣ дѣйствіе сосредоточеннаго огня всей японской эскадры.

Туманъ въ это время сгустился, и это вмѣстѣ съ дымомъ отъ пылающихъ русскихъ судовъ на время укрыло ихъ отъ Японцевъ. Если вырисовывался силуэтъ какого-нибудь корабля Японцы стрѣляли по нему, но при этомъ болѣе уже не было сосредоточеннаго огня.

Число пожаровъ, возникавшихъ въ это время на палубахъ русскихъ боевыхъ судовъ, было поразительно ¹⁵⁾, особенно же принимая

сигнализацию“; рулевые были перебиты, и въ замѣну ихъ „на штурвалѣ стоялъ старшій артиллеристъ, лейтенантъ Владиміръ... (Брошюра кап. Семенова, „Цусимскій бой“, стран. 56).

„Въ началѣ боя,—пишетъ одинъ изъ нашихъ товарищей, работавшій въ отрядѣ крейсеровъ,—наши броненосные отряды вытянулись въ одну колонну, которая была слѣва отъ насъ, крейсеровъ; а подъ нашей защитой были расположены несчастные „Камчатка“, „Иртышъ“, „Анадырь“, „Корея“, „Свирь“, „Алмазъ“. Съ нашего отряда Японцы были едва видны; присутствіе ихъ обнаруживалось только по огненнымъ вспышкамъ пороха при выстрѣлахъ. Стрѣляли они страшно часто и прямо закидывали снарядами наши броненосцы. „Суворовъ“ былъ окутанъ тучами чернаго дыма, и на моихъ глазахъ въ самомъ началѣ боя Японцы повалили мачту адмиральскаго корабля... II. X.

¹⁵⁾ Вотъ что писалъ адмиралъ Того въ своемъ официальномъ рапортѣ о ходѣ боя вначалѣ и о пожарахъ въ это время на русскихъ корабляхъ:

...„Непріятель первый открылъ огонь. Мы выдерживали его въ теченіе нѣкотораго времени. Достигнувъ разстоянія въ 6000 метровъ, мы сосредоточили свирѣпый огонь на двухъ корабляхъ, которые были во главѣ непріятельской линіи..... „Ослябя“ скоро былъ разбитъ и вышелъ изъ боевой линіи, горя въ огнѣ. Въ это время отрядъ нашихъ броненосныхъ крейсеровъ сталъ въ хвостъ отряда броненосцевъ, и начался сосредоточенный огонь нашего флота, все возраставшій въ своей силѣ по мѣрѣ уменьшенія разстоянія... „Суворовъ“ и „Александръ III-й“ вышли далеко изъ строя, и жестокий огонь показался на этихъ броненосцахъ... Замишательство въ непріятельскомъ строѣ дѣлалось для насъ все болѣе и болѣе очевиднымъ; и огонь показывался на многихъ корабляхъ, которые уходили тогда къ непріятельскому арьергарду... Дымъ, носимый западнымъ вѣтромъ, покрывалъ всю поверхность моря и вмѣстѣ съ туманомъ совершенно закрывалъ отъ насъ непріятельскій флотъ, такъ что наша броненосная эскадра была вынуждена изъ за этого на нѣкоторое время совершенно прекратить артиллерійскій огонь“...

Въ 40 минутъ времени Японцы такъ обр. успѣли вывести изъ строя три нашихъ броненосца и зажечь многіе другіе корабли. Эскадра Рождественскаго мало-по-малу превращалась въ пловучіе костры; на нихъ пылали дерево и весь доро-

во вниманіе то, что деревянных частей на нихъ должно было бы быть очень ограниченное количество, указываемое современной теоріей судостроенія. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ 4-мъ новымъ броненосцамъ. На „Орлѣ“ въ теченіе дня возникло 34 разныхъ пожара. Три раза начинали горѣть койки, сложенные какъ разъ у броневой рубки; и каждый разъ пожаръ заставлялъ находившихся въ броневой рубкѣ людей выходить оттуда. Канаты, загорались легко, но тушить ихъ было трудно. Дымъ отъ однихъ горѣвшихъ сзади рубки канатовъ еще разъ принудилъ всѣхъ находившихся въ ней покинуть свой постъ. Дымъ, растилающийся по судну, втягивался вентиляторами и проникалъ во всю переднюю часть судна, и люди должны были покидать свои помѣщенія. Заполнивъ переднюю 6-дюймовую башню, дымъ проникъ и въ нижнія палубы; находившіяся тамъ люди, полагая, что въ башнѣ произошелъ взрывъ, и что пожаръ распространялся по направленію къ магазину, побросали свои мѣста и начали убѣгать изъ магазина, пока офицеръ, замѣтивъ прекращеніе подачи снарядовъ снизу, не остановилъ это бѣгство. Отъ cadaго удара снаряда въ броневыя плиты отъ послѣднихъ летѣли по всѣмъ направленіямъ куски горящей окраски, весьма опасной для людей.

Въ 2 ч. 40 м. „Александръ“ вышелъ изъ строя, имѣя одинъ бокъ весь въ огнѣ. Это горѣла окраска; и огонь былъ потушенъ лишь тогда, когда большая часть окраски сгорѣла, при чемъ сурикъ подъ окраской не горѣлъ и послѣ пожара имѣлъ видъ только что наложеннаго.

Во главѣ русскаго флота шелъ теперь бр. „Бородино“...

Сѣрый цвѣтъ, въ который былъ окрашенъ японскій флотъ, такъ хорошо сливался съ окружающимъ туманомъ, что ихъ флотъ былъ едва замѣтенъ для Русскихъ. Мѣстонахожденіе японскихъ судовъ опредѣлялось главнымъ образомъ по огненнымъ вспышкамъ при выстрѣлахъ орудій. Японская эскадра далеко подалась на востокъ. Последнее судно ея находилось уже впереди головного судна Русскихъ, и для нихъ было очень соблазнительно скрыться подъ кормою у Японцевъ въ туманѣ.

Въ 2 ч. 50 м. „Бородино“ направилъ свой ходъ къ сѣверу, остальные суда послѣдовали за нимъ. Русскіе рассчитывали уйти незамѣченными, но они упустили изъ вида то именно, что ихъ дымовыя трубы блестящаго желтаго цвѣта выдѣлялись въ туманѣ, какъ маяки. Японцы замѣтили ихъ движеніе еще въ самомъ началѣ; двѣ минуты спустя, шесть судовъ ихъ головного отряда повернули одновременно и пошли на западъ, пересѣкая опять курсъ русскихъ кораблей. Въ свое время отрядъ японскихъ броненосныхъ крейсеровъ повторилъ маневръ своего головного отряда.

Въ 2 ч. 58 м. „Бородино“ измѣнилъ свой курсъ, пошелъ на востокъ, и обѣ непріятельскія эскадры прошли одна мимо другой въ противоположныхъ направленіяхъ. Въ это время „Орелъ“ былъ нацѣленъ главною цѣлью. Въ теченіе шести минутъ въ него попало

гой комфортъ эскадры, съ которыми до боя адмиралу такъ жаль было расстаться; на этихъ пловучихъ кострахъ прибавилась командѣ большая лишняя работа по тушенію грандіозныхъ пожаровъ, и рабочія силы отвлекались въ сторону отъ выполненія своей главной задачи—пораженія непріятеля... „Передняя штурманская рубка горѣла на „Суворовѣ“, какъ деревянная изба; огненные языки вырывались изъ оконъ рубки наружу“... (Новое Вр., 1906, № 10.745). II. X.

двѣнадцать 12-дюймовыхъ снарядовъ и отъ тридцати до сорока шести-и 8-дюймовыхъ ¹⁶⁾.

Чтобы представить себѣ убійственное дѣйствіе такой бомбардировки, нужно знать, что снарядъ, начиненный пороховъ *Shimose*, имѣетъ силу небольшой мины, что каждый 12-дюймовый снарядъ, попавшій въ незащищенную часть судна, взорвавшись, дѣлалъ пробойну въ семь футовъ высотой и шесть футовъ шириною, что осколками отъ взорвавшегося снаряда окружающее пространство какъ бы насыщалось, что послѣ каждого взрыва все кругомъ наполнялось густымъ чернымъ дымомъ, отъ котораго люди слѣпли и задыхались.

Да, при такихъ обстоятельствахъ положеніе людей на палубѣ „*Орла*“ было отчаяннымъ... Одинъ изъ матросовъ получилъ 130 ранъ осколками отъ разорвавшегося снаряда. Одинъ снарядъ попалъ въ амбразуру орудія на „*Сисонъ*“ и сдѣлалъ ему пожаръ; объятый пламенемъ, онъ долженъ былъ выйти изъ строя въ 3 ч. 20 м., но скоро оправился и занялъ мѣсто въ концѣ отряда.

Въ 3 ч. 19 м. японскій флотъ сдѣлалъ опять поворотъ въ своемъ ходѣ и пошелъ на востокъ параллельнымъ курсомъ съ русскимъ флотомъ. Въ это время головнымъ кораблемъ у насъ былъ опять уже „*Александръ*“, успѣвшій оправиться ¹⁷⁾. До 3 ч. 40 м. онъ склонялъ движеніе нашихъ отрядовъ все на югъ, а затѣмъ вновь повернулъ на востокъ.

Въ 3 ч. 30 м. „*Суворовъ*“, потерявшій способность управляться, беспорядочно плылъ на сѣверо-востокъ со скоростью около семи узловъ и прошелъ около строя русскихъ отрядовъ близъ „*Апраксина*“. Онъ былъ легко опознанъ близнаходящимися судами; но появившись вдругъ со стороны японскаго флота, съ одной мачтой и съ одной трубой, онъ былъ принятъ нѣкоторыми русскими судами, пешими во главѣ отрядовъ, за одно изъ японскихъ судовъ типа „*Matsushima*“, и по нему съ нихъ былъ открытъ огонь ¹⁸⁾. Въ 3 ч. 40 м. онъ былъ атакованъ миноносной флотиліей „*Hirose*“; но эта атака была легко отбита близнаходящимися русскими судами. Тогда подошелъ японскій флотъ и еще разъ сосредоточилъ на „*Суворовъ*“ свой огонь. Подъ

¹⁶⁾ Адм. Того въ своемъ рапортѣ пишетъ: — „Въ 3 ч. дня я былъ уже убѣжденъ въ возможности—довести непріятеля до полного разгрома“. П. Х.

¹⁷⁾ Въ это время (3 ч. 20 м.) „*Александръ III-й*“, кивѣвшій еще и трубы, и мачты, шелъ прямо на „*Суворова*“, стоявшаго на прежнемъ мѣстѣ подлѣ сильнымъ креномъ на лѣвую сторону; и адмиральскій корабль случайно опять могъ принять участіе въ бою своей носовой 12-дюймовой башней, единственной изъ нихъ, уцѣлѣвшей у него къ этому времени. Въ бинокль съ „*Суворова*“ отчетливо можно было видѣть у „*Александра III-го*“ однако его уже „избитые борта, разрушенные мостики на немъ, горящія рубки и ростры“. За нимъ шелъ „*Бор-дино*“, тоже сильно горѣвшій. Но и здѣсь опять было очевидно, что вся сила огня Японцевъ сосредоточена на головномъ кораблѣ; временами казалось, что весь броненосецъ „окутанъ пламенемъ и бурнымъ дымомъ, а кругомъ него море словно кипѣло взметывая по временамъ гигантскіе водяные столбы“... Это дѣлали неолеты и перелеты японскихъ чинаемыхъ „черепаховъ“ (Кап. Семеновъ). П. Х.

¹⁸⁾ „*Суворову*“ подбили послѣднюю башню (носую 12-дюймовую) однимъ снарядомъ, а другимъ—снесли у него на лѣвомъ борту нижней батареи 3-дюймовую пушку и пробили броневую палубу (въ 3 ч. 30 м.). Началось захлестываніе воды, бороться съ которымъ было очень трудно, такъ какъ остатки уцѣлѣвшей команды „въ оцѣпенѣніи жались по угламъ и не отзывались уже ни на какія приказанія“ офицеровъ... (Кап. Семеновъ) П. Х.

перекрестнымъ огнемъ товарищей и противника онъ бросился на югъ чрезъ русскій строй и здѣсь еще разъ подвергся разстрѣлу русскими орудіями... Въ 4 ч. 45 м. его настигла минная флотилія „*Suzuki*“. Отъ нея онъ отбивался однимъ только орудіемъ. Позднѣе къ ней на помощь подошла еще флотилія „*Fujimoto*“. При совмѣстномъ ихъ дѣйствіи „*Суворовъ*“ получилъ 4 удара минами, но пошелъ ко дну только въ 7 ч. 10 м. вечера, что говорить о прекрасной постройкѣ этого судна и дѣлаетъ честь его строителямъ.

Пользуясь густымъ туманомъ, въ 4 ч. 15 м. Русскіе взяли курсъ на югъ, потомъ они его опять измѣнили и пошли на западъ, а послѣ 5 ч. круто повернули по направленію къ Владивостоку, окончательно уклонившись на время отъ преслѣдованія непріятеля. Японцы видѣли, какъ Русскіе пошли на югъ въ 4 ч. 15 м.; желая отрѣзать имъ путь отступленія, они забѣжали на югъ слишкомъ далеко и совсѣмъ было потеряли изъ вида главныя русскія силы, но затѣмъ они повернули тоже на сѣверъ, къ 6 ч. вечера догнали ихъ; и бой возобновился...

Во время передышки, которую получилъ русскій боевой отрядъ, произошли нѣкоторыя измѣненія въ его построеніи. „*Александръ*“ на время вышелъ изъ строя, но затѣмъ вернулся и занялъ мѣсто за „*Сенявинымъ*“, а „*Нахимовъ*“ отпалъ на послѣднее мѣсто въ строю. Послѣ 5 ч. дня ихъ нагналъ миноносецъ подъ флагомъ адмирала Рождественскаго и подаль адмиралу Небогатову сигналъ — принять команду, 2-й по счету сигналъ, отданный Рождественскимъ съ самаго начала боя.

Курсъ былъ ваятъ на сѣверо-востокъ. Путь казался свободнымъ. Явилась надежда уйти отъ противника... Но уже въ 6 ч. веч. эта надежда была разбита и на этотъ разъ окончательно. Японцы раздѣлились на два отряда, правый и лѣвый; правый шелъ впереди Русскихъ, лѣвый — нѣскольکو сади. Въ 6 ч. правый отрядъ открылъ мѣткій огонь по „*Александръ*“. Мѣткость стрѣльбы была достойна удивленія, несмотря на дальность разстоянія (6000 ярдовъ, или около 5 в.). Ничто не могло противостоять такой бомбардировкѣ, поразительной по точности выполненія. Накренившись на правую сторону, „*Александръ III-й*“ вышелъ изъ строя, затѣмъ легъ на бокъ, опрокинулся и затонулъ вскорѣ послѣ 7 час. веч.

Слѣдующимъ неизбежно долженъ былъ погибнуть обожженный и разбитый „*Бородино*“. Въ 7 ч. 15 м. произошелъ страшный взрывъ его порохового погреба. Броненосецъ перевернулся, не успѣвъ выйти изъ строя, и быстро пошелъ ко дну ¹⁹⁾.

„*Орелъ*“, вышедшій впередъ, чтобы обойти утопавшій „*Бородино*“, сдѣлался слѣдующей мишенью. Бомбардировка продолжалась 8 мин., но въ этотъ короткій промежутокъ въ „*Орелъ*“ попало пятнадцать 12-дюймовыхъ снарядовъ, т.-е. по два снаряда въ минуту. Въ адмиральской части броненосца вспыхнулъ пожаръ, пламя котораго служило для японскихъ наводчиковъ прекраснымъ прицѣломъ, — тѣмъ

¹⁹⁾ Объ этомъ моментѣ, нашъ товарищъ, работавшій въ крейсерскомъ отрядѣ, пишетъ слѣдующее: „Мы были кабельтовыхъ въ 30 отъ линіи нашихъ броненосцевъ. У насъ въ это время противника не было, мы не стрѣляли и только съ трепетомъ слѣдили за жаркимъ боемъ. Весь огонь Японцевъ былъ сосредоточенъ на головномъ „*Бородино*“; они буквально засыпали его снарядами, гротъ-мачта у него была подбита, на кормовомъ мостикѣ пожаръ. Броненосецъ „*Бородино*“ стрѣлялъ очень часто, геройски защищался. Но вдругъ онъ сѣлъ на корму и быстро, неожиданно перевернулся. Мы всѣ ахнули и перекрестились“... П. Х.

болѣе, что день быстро угасалъ, и для прицѣла надо было имѣть что-нибудь болѣе ясно видимое.

„Николай“ круто повернулъ здѣсь къ западу, и за нимъ въ полномъ безпорядкѣ послѣдовали остальные суда эскадры ²⁰⁾. Видя это, головной японскій отрядъ, шедшій далеко впереди Русскихъ, склонился на востокъ и очистилъ въ это время дорогу миноносной флотилии. Японскіе миноносцы въ количествѣ около 100 штукъ надвигались на Русскихъ съ сѣвера, востока и запада, „бросаясь впередъ и назадъ, какъ стая собакъ“, по словамъ одного Русскаго.

Описаніемъ сраженія между отрядами легкихъ крейсеровъ обыкновенно пренебрегали, такъ какъ оно не имѣло никакого вліянія на тактику или исходъ главной битвы. Но тѣмъ не менѣе о немъ можно сказать слѣдующее:

Въ началѣ битвы три японскихъ отряда были посланы на югъ для атаки Русскихъ съ тыла. Атака состоялась, и русскіе крейсера и вспомогательные суда были разсѣяны ²¹⁾. Около 5 ч. на помощь русскимъ крейсерамъ пришли возвратившіяся съ юга главные силы; и въ это время нѣкоторые японскіе крейсера получили поврежденія, при чемъ больше всѣхъ пострадалъ крейсеръ „*Kasagi*“ (американской постройки, 1898 г.). Послѣ 6 час. лѣвый броненосный отрядъ Камимуры, настигавшій Русскихъ при послѣднемъ движеніи ихъ съ юга на сѣверъ, открылъ огонь по легкимъ русскимъ крейсерамъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ затопленъ.

Много писалось объ атакахъ японскихъ миноносцевъ въ ночь послѣ этой битвы. Главный успѣхъ этихъ атакъ ²²⁾ объясняется тѣмъ, что команда русскихъ судовъ, изнуренная дневной работой, должна была и тутъ держать вахту до самой поздней ночи. Минъ было вы-

²⁰⁾ Въ ноябрѣ 1906 года, на судѣ Небогатовъ обрисовать событія, непосредственно предшествовавшія этому моменту въ слѣдующихъ словахъ: „Исчезъ „Александръ“, вслѣдъ за нимъ „Бородино“ плавно перевернулся и легъ килемъ вверхъ, какъ будто гигантская рыба, высунувшая изъ воды свою спинну; и мимо этой „спины“ прошла наша 3-я эскадра. Изъ первой эскадры остался одинъ „Орелъ“, представлявшій груды желѣза и чугуна,—такъ онъ былъ избитъ... Гдѣ былъ въ это время адмиралъ Рождественскій, живъ ли онъ, что дѣлать, куда идти, — оставалось неизвѣстнымъ. Транспортъ „Анадырь“ началъ было сигнализировать вопросъ: „извѣстно ли адмиралу Небогатову“... Но какимъ извѣстіемъ онъ хотѣлъ подѣлиться, такъ и не удалось узнать. Если бы день продолжался еще полчаса, и отъ третьей нашей эскадры, по мнѣнію Небогатова, не осталось бы ничего. Но стало темнѣть, Японцы прекратили бой и ушли. Начались минныя атаки... „Николай“ шелъ головнымъ, давши сигналъ—слѣдовать за нимъ во Владивостокъ“. Когда послѣ этого по борту „Николая“ прошелъ миноносецъ и отдалъ ему приказъ адмирала Рождественскаго — идти во Владивостокъ, Небогатовъ сказалъ: „Ну, слава Богу! Значить я правильно распорядился!..“. П. Х.

²¹⁾ „Около четырехъ часовъ дня „Олегъ“ попалъ подъ сильный огонь Японцевъ, получилъ пробоину у ватерлиній. Одинъ изъ снарядовъ попалъ ему въ трубу и разорвалъ ее; въ котельню проникло цѣлое облако чернаго удушливаго дыма, отъ котораго многимъ сейчасъ же сдѣлалось дурно. Кренъ судна сначала былъ небольшой, потомъ онъ началъ увеличиваться; было получено приказаніе — брать уголь только съ противоположнаго борта. Кренъ удалось выровнять, и черезъ часъ или полтора противникъ насъ оставилъ въ покоѣ“... (Изъ письма нашего товарища). П. Х.

²²⁾ Этотъ „успѣхъ“ выразился въ томъ, что изъ 16 русскихъ судовъ, шедшихъ ночью проливомъ, пострадали 4, шедшіе съ огнями; процентъ попаданій былъ очень не великъ. П. Х.

пущено много, но появляющееся изъ трубы при выбрасываніи мины пламя обнаруживало присутствіе атакующаго миноносца. При отбѣѣ атаки миноносцевъ „*Николай*“ направлялся въ сторону показавшагося пламени изъ минной трубы, — маневръ, цѣлесообразность котораго является еще вопросомъ. Ни въ „*Орла*“, ни въ „*Николая*“ не попало ни одной мины, хотя одна прошла очень близко отъ „*Орла*“. Сильно поврежденный еще днемъ многими снарядами, попавшими въ носовую часть, „*Сисой*“ имѣлъ большой кренъ впередъ и могъ давать только 4 узла хода. На его счастье въ корму попала мина; въ корму вошла вода, винты погрузились въ воду, и „*Сисой*“ началъ давать до 12 узловъ хода. Потопленъ онъ былъ на слѣдующій день своей же командой, открывшей кингстоны; уцѣлѣвшая съ него команда 570 ч. съѣла въ шлюпки; убитыхъ 25 чел. Трофеемъ для всѣхъ атакующихъ миноносцевъ былъ одинъ только „*Наваринъ*“. Его окружили около 20 миноносцевъ; онъ отбивалъ атаку отъ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, но получилъ въ концѣ концовъ 4 мины ²³⁾...

Состояніе духа команды на японскихъ броненосцахъ было прекрасное, но оно было еще лучше на миноносцахъ. Свѣтъ прожектора, брошенный на одинъ изъ японскихъ миноносцевъ, однажды обнаружилъ капитана, который, облокотясь на перила мостика, казалось, всецѣло было поглощенъ дѣломъ истребленія большой сигары, которую онъ спокойно курилъ. Его судно было тутъ же потоплено... Чтобы выпустить мину, каждый миноносецъ приостанавливался, а затѣмъ онъ быстро удиралъ на всѣхъ парахъ, открывъ огонь по мостику или другимъ менѣе защищеннымъ мѣстамъ атакowanego корабля.

Русскіе миноносцы служили только для усугубленія безпокойства команды на русскихъ судахъ, и безъ того сильно измученной, т. к. было крайне трудно различать свои миноносцы отъ непріятельскихъ. „*Сисой*“ замѣтилъ ночью подозрительное судно и подаль особый сигналъ. Судно, которое оказалось японскимъ миноносцемъ, искусно повторило этотъ сигналъ; „*Сисой*“ былъ введенъ въ заблужденіе, подпустилъ къ себѣ миноносецъ на разстояніе 100 ярдовъ и... получилъ пробоину въ корму, о которой упоминалось выше.

Вечеромъ 14 мая адмиралъ Того отдалъ приказъ своему флоту — собраться на слѣдующее утро къ острову *Ul-leung*, далеко на сѣверъ отъ мѣста сраженія перваго дня. Это было исполнено; и образовалась вторая цѣпь, чрезъ которую остатки русскаго флота должны были снова прорываться, чтобы попасть во Владивостокъ. Не мудрено, что на другой день въ 10 ч. 30 м. отрядъ Небогатова оказался окруженнымъ непріателемъ со всѣхъ сторонъ... Во главѣ отряда шелъ „*Николай I-й*“, за нимъ слѣдовали „*Орелъ*“, „*Апраксинъ*“, „*Сенявинъ*“ и крейсеръ „*Изумрудъ*“. День былъ чистый, ясный, идеальный для артиллерійской стрѣльбы. Въ 10 ч. 30 м. Японцы открыли по „*Николаю*“ огонь съ броненоснаго крейсера „*Касуга*“, который находился на разстояніи 10.000 ярдовъ (ок. 8,5 верстъ). Первый снарядъ далъ перелетъ,

²³⁾ Бъ крейсеру „*Вл. Мономахъ*“ въ 11 час. вечера подошли 4 миноносца; онъ открылъ огонь; три изъ нихъ ушли, а 4-й вернулся и показавъ наши сигнальные огни; его подпустили ближе; подойдя на 5 кабельт., онъ выпустилъ мину, которая попала въ крейсеръ и сдѣлала его положеніе безнадежнымъ; миноносецъ разстрѣлялъ и потопили, но пришлось и самимъ затонуть. Изъ 800 чел. команды имѣли убитыми одного, ранеными — шесть. Въ главномъ сраженіи „*Вл. Мономахъ*“ также, какъ и другіе крейсера, никакого почти участія не принималъ, такъ какъ не получилъ соотвѣтственнаго приказанія („*Нов. Вр.*“, 1905, № 10.552). П. Х.

второй—недолетъ, третій подалъ въ дымовую трубу. Послѣдовало еще нѣсколько ударовъ. Сопротивленія не было... Четыре разбитыхъ, оставшихся у русскихъ судна стояли противъ двѣнадцати свѣжихъ, неповрежденныхъ японскихъ боевыхъ судовъ. Одно изъ нихъ теперь стрѣляло съ такого разстоянія, дать отвѣтъ на какое могло лишь одно орудіе на всѣхъ Русскихъ судахъ Балтійско-Цусимской эскадры, но и это орудіе сослужило свою службу и давно уже смолкло. Русская команда была измучена, запасъ снарядовъ былъ уже на исходѣ. Что оставалось дѣлать?... Небогатовъ приказалъ поднять флагъ, возвыщающій о сдачѣ. Можетъ ли кто назвать такой поступокъ неразумнымъ?

Такъ кончилась битва... Повторимъ же краткую исторію гибели каждого изъ судовъ ²⁴⁾.

Броненосецъ „*Князь Суворовъ*“, флагманскій корабль адмирала Рожественскаго, приведенъ въ совершенную негодность орудійнымъ огнемъ; затонулъ 14 мая въ 7 ч. 15 м. веч., вслѣдствіе орудійнаго огня и минныхъ атакъ. Команды на немъ было болѣе 900 человѣкъ. Кромѣ адмирала и личнаго персонала его штаба, никто не спасся.

Броненосецъ „*Александръ III-й*“ приведенъ въ негодность орудійнымъ огнемъ и потопленъ 14 мая около 7 час. веч. Команды на немъ было 900 чел. Всѣ погибли...

Броненосецъ „*Бородино*“ затонулъ 14 мая въ 7 ч. 20 м. веч. отъ орудійнаго огня и вызваннаго имъ взрыва порохового погреба. Команды было 900 человѣкъ. Извѣстно о спасеніи одного. Когда судно опрокинулось, этотъ человѣкъ ощупью нашелъ выходъ чрезъ амбразуру своего орудія, вытѣвъ чрезъ нее, выплылъ на поверхность и держался за обломки разбитаго судна. Онъ былъ подобранъ Японцами и взятъ въ плѣнъ. Опрокинутый броненосецъ нѣкоторое время держался на поверхности воды килемъ кверху. Около 15 человѣкъ команды тоже выбрались еще наружу и отчаянно боролись съ волнами. Полагаютъ, что никто изъ нихъ не былъ спасенъ. Слѣдовавшія за броненосцемъ „*Бородино*“ суда проходили мимо него, не останавливаясь...

Броненосецъ „*Орелъ*“, жестоко пострадавшій отъ орудійнаго огня, сдался 15 мая соединеннымъ силамъ противника.

Броненосецъ „*Ослябя*“ затонулъ 14 мая въ 2 ч. 52 м. пополудни отъ орудійнаго огня.

Броненосецъ „*Сисой Великій*“ былъ поврежденъ 14 мая орудійнымъ огнемъ. Ночью получилъ минную пробойну. Былъ затопленъ Русскими въ открытомъ морѣ. Команда открыла кингстоны и пересѣла въ шлюпки.

²⁴⁾ Свое официальное донесеніе о боѣ адмиралъ Того закончилъ слѣдующими словами: „Непріятельскій флотъ не оказался особенно ниже нашего по качествамъ своимъ. Слѣдуетъ признать также, что непріятельскіе офицеры и экипажъ съ величайшей энергіей сражались за свое отечество. То, что нашъ флотъ, несмотря на эти обстоятельства, все-таки одержалъ побѣду и имѣлъ удивительный успѣхъ, объясняется высокими добродѣтелями нашего императора, а не какою-либо человѣческою мощью. Особенно я долженъ быть благодаренъ невидимымъ духамъ императорскихъ предковъ за то, что потери среди офицеровъ и команды у насъ были такъ не велики“...

Наша эскадра, стоявшая въ полтора раза дороже всего японскаго флота, оказалась въ бою почти совершенно уничтоженной, а японскій флотъ подъ Цусимой не только не пострадалъ сколько-нибудь серьезно, но даже еще усилился послѣ сдачи отряда Небогатовъ. II. X.

Броненосецъ „Наваринъ“ былъ поврежденъ орудійнымъ огнемъ 14 мая; ночью былъ потопленъ миноносцами.

Броненосецъ „Адмиралъ Нахимовъ“ пострадалъ 14 мая отъ орудійнаго огня. Дальнѣйшія поврежденія получилъ ночью отъ миноносцевъ. Продержался на водѣ до 10 ч. утра 15 мая и затѣмъ затонулъ.

Броненосецъ „Императоръ Николай I-й“ пострадалъ 14 мая отъ орудійнаго огня; отъ того же огня получилъ дальнѣйшія поврежденія утромъ 15 мая, передъ сдачей соединенному флоту Японцевъ.

Броненосецъ береговой обороны „Сенявинъ“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ. Сдался 15 мая. *Личный составъ весь уцѣлѣлъ...*

Броненосецъ берег. обор. „Апраксинъ“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ. Сдался 15 мая.

Броненосецъ „Ушаковъ“ потопленъ вечеромъ 15 мая орудійнымъ огнемъ крейсеровъ „Ивате“ и „Якумо“, когда не пожелалъ имъ сдаться.

Крейсеръ „Дмитрій Донской“ поврежденъ орудійнымъ огнемъ 14 мая. Выдержалъ преслѣдованіе и битву съ отрядомъ легкихъ крейсеровъ, ушелъ отъ нихъ и былъ потопленъ Русскими утромъ 16 мая. Команда была высажена на островъ и подобрана Японцами.

Крейсеры „Олеги“, „Аврора“ и „Жемчугъ“ повреждены орудійнымъ огнемъ японскихъ крейсеровъ 14 мая. Скрылись въ Маниллѣ, гдѣ и были задержаны до окончанія войны ²⁵⁾.

Крейсеръ „Святлана“ затонулъ въ полдень 15 мая отъ орудійнаго огня японскихъ крейсеровъ „Отава“ и „Нийтака“.

Крейсеръ „Изумрудъ“ удралъ отъ Японцевъ 15 мая во время сдачи отряда, но наскочилъ на камень и потерпѣлъ аварію близъ Владивостока.

Крейсеръ „Алмазъ“ дошелъ до Владивостока.

Знаніе артиллеріи и тактики всегда будетъ рѣшающимъ факторомъ въ морскихъ сраженіяхъ между одинаковыми силами. Настоящій случай не составляетъ исключенія. Но Японцы на своей сторонѣ имѣли громадное преимущество въ этомъ.

За свою артиллерійскую подготовку Японцы заслуживаютъ самой высокой похвалы, въ особенности, если вспомнить, какъ еще сравнительно плохо дѣйствовала ихъ артиллерія 28 іюля 1904 г. въ бою съ нашей Артурской эскадрой. Но послѣ этого ими были употреблены всѣ усилія на приведеніе ихъ артиллеріи въ состояніе совершенства: сколько было у нихъ практическихъ ученій, и какъ регулярно японскіе морскіе артиллеристы, въ своего служебнаго времени, отправлялись въ артиллерійскую школу на сушѣ для полученія тамъ инструкцій! Стрѣльба въ цѣль производилась у нихъ въ послѣдній разъ всего за два дня до битвы 14 мая. Каждое изобрѣтеніе, извѣстное въ области артиллерійской науки, у нихъ было примѣнено и при томъ успѣшно. Въ теченіе перваго дня битвы броненосецъ „Орелъ“ получилъ 42 удара 12-дюймовыми снарядами и болѣе 100 ударовъ 6-и 8-дюймовыми. „Суворовъ“ долженъ былъ получить свыше 100 ударовъ

²⁵⁾ На „Олеги“ оказалось убитыми 13 ч., ранеными—31; на „Аврору“—убитъ командиръ и 14 ч., ранено 81 ч. команды и 8 офицеровъ; на „Жемчугъ“—убитыхъ 12 ч., раненыхъ 22 чел. Утромъ 15 мая на этихъ судахъ оставалось угля все еще на переходъ до 1300 миль экономическимъ ходомъ (см. „Нов. Вр.“, 1905, № 10.594). П. Х.

одними 12-дюймовыми снарядами. При самомъ умѣренномъ подсчетѣ оказывается, что Японцы дали около 20% попаданій. Имѣя въ виду среднюю дальность боя въ 5000 ярдовъ (ок. 4, 5 в.) и туманное состояніе атмосферы, нельзя не признать, что эта цифра достаточно выразительна.

Съ другой стороны, теперь это не подлежитъ сомнѣнію, Японцы понесли весьма небольшой ущербъ. Броненосецъ „Миказа“ получилъ только 4 удара. На его палубѣ одинъ англійскій капитанъ провелъ все время битвы, сидя въ креслѣ, и остался невредимъ. При этомъ нужно помнить, что первый сигналъ Рождественскаго былъ приказомъ—сосредоточить весь огонь русскаго флота на броненосцѣ „Миказа“. Другія японскія суда получили еще меньше ударовъ.

У Русскихъ совершенно отсутствовала артиллерійская подготовка. Во время стоянки флота у Мадагаскара практической стрѣльбой занимались только 2 раза, разстояніе было взято небольшое, расходъ снарядовъ былъ скудный, и результаты получались неудовлетворительные. Въ другой разъ отдѣлили отъ флота и послали въ открытое море одинъ крейсеръ съ цѣлю испытать дальномѣры; одинъ изъ нихъ показывалъ разстояніе 8000 ярдовъ, а другой—12000 ярдовъ, т.е. разница въ 4000 ярд.; а Японцы въ бою при разстояніи въ 5000 ярд. съ перваго же выстрѣла дѣлали иногда ошибку только въ 150 ярд. ²⁶⁾.

Если тяжелая артиллерія русскаго флота ничуть не деморализовала Японцевъ, то какъ разъ обратное надо сказать о дѣйствіи японскихъ снарядовъ на Русскихъ. Осколки японскихъ снарядовъ залетали въ дула орудій, которыя разрывало отъ этого при слѣдующихъ же выстрѣлахъ. Отъ взрыва снарядовъ на палубахъ русскихъ кораблей поднималась клубами угольная пыль и мѣшала видѣть. Падающіе близъ судна снаряды, разрываясь, обдавали его массою брызгъ и дѣлали нѣкоторое время невозможнымъ пользованіе оптическими трубами... Одинъ русскій офицеръ, какъ намъ извѣстно, командовалъ въ машинное отдѣленіе—„открыть огонь“, а батарея далъ сигналъ—„полнымъ ходомъ“.

Но одной хорошей артиллерійской подготовки еще мало, съ нею одною нельзя выиграть сраженія. Адмиралъ Джонъ Фишеръ (*Fisher*) сказалъ: „человѣкъ у орудія—великій факторъ; но какъ бы великъ онъ ни былъ, его значеніе пропадаетъ сразу, если надъ нимъ нѣтъ адмирала, который въ должный моментъ даетъ ему указанія, какія слѣдуетъ“. Тактика Японцевъ была изумительна; всѣ ихъ построенія, эволюціи дѣлались съ правильностію часового механизма и выполнялись быстро. Только одно японское судно было выведено изъ строя, и не было съ японскими судами ни одного случая такихъ поврежденій, которыя заставили бы ихъ уменьшить свою скорость. Всѣ маневры исполнялись по сигналамъ флагами; и они, вѣроятно, передавались бы не такъ успѣшно, если бы стрѣльба Русскихъ имѣла надлежашую мѣткость.

Что же касается тактики у Русскихъ, то таковая отсутствовала. Адм. Рождественскій былъ раненъ въ началѣ битвы и находился въ

²⁶⁾ На судѣ при разборѣ дѣла Небогатова свидѣтели показывали, что *передъ* броненосцемъ „Миказа“ былъ „какъ бы заборъ отъ всплесковъ нашихъ снарядовъ“, которые летѣли къ броненосцу при сосредоточенномъ огнѣ на немъ всей эскадры, но до него не долетали, и поврежденія его оказались ничтожными... („Нов. Вр.“, 1906 г., № 11.032).

безсознательномъ состояніи. Но если бы даже онъ и сохранилъ свою работоспособность, нѣтъ основаній думать, что онъ могъ бы оказатся даровитымъ флотоводцемъ. Первыя практическія ученія всей его эскадры происходили почти наканунѣ битвы. Онъ не имѣлъ никакого военнаго совѣта; и если былъ у него какой-нибудь планъ дѣйствія, то таковой остался неизвѣстнымъ даже для командующихъ отдѣльными отрядами эскадры. Во время всей битвы Рождественскій далъ только два сигнала, о которыхъ мы уже упоминали выше.

О томъ, что сдѣлалъ бы на его мѣстѣ Небогатовъ, можно только гадать. Онъ не пользовался довѣріемъ Рождественскаго и на флагманскомъ суднѣ былъ всего одинъ разъ въ Камранской бухтѣ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Такъ какъ „Суворовъ“ въ бою продолжалъ находиться у всѣхъ на виду съ развѣвающимися на немъ флагамъ почти до 5 ч. дня 14 мая, Небогатовъ, даже при всемъ его желаніи, не могъ, конечно, принять на себя управленіе флотомъ. Послѣ же того, какъ командованіе перешло къ Небогатову, противникъ не топилъ уже больше головныхъ судовъ его отряда. Но и это, можетъ быть, не зависѣло ли скорѣе отъ командировъ этихъ передовыхъ судовъ?

Невольно напрашивается вопросъ: былъ ли, дѣйствительно, хоть одинъ человѣкъ, подходящий для командованія русскимъ военнымъ флотомъ? Я знаю, на это каждый Русскій сейчасъ же отвѣтитъ: „Ахъ, если бы адмиралъ Макаровъ былъ тамъ!“... Да; но это, вѣдь, имя человѣка, котораго нѣтъ уже въ живыхъ“.....

Лейтенантъ Уайтъ.

О послѣднихъ минутахъ боя при наступленіи темноты въ письмѣ одного изъ нашихъ товарищей, которое было доставлено мнѣ только передъ 2-мъ изданіемъ книги, содержатся слѣдующія строки:

„Съ заходомъ солнца, на сѣверѣ отъ „Олега“ выступило нѣсколько группъ японскихъ миноносцевъ. Пробовали въ нихъ стрѣлять, но безуспѣшно; они были слишкомъ далеко отъ насъ. Для истребленія ихъ могли бы отдѣлиться три крейсера, которые стояли безъ дѣла на лѣвомъ траверсѣ у „Олега“. Къ адмиралу Энквисту обращена была просьба — отдать приказъ этимъ судамъ пойти въ атаку; но у него на этотъ случай не было никакихъ инструкцій отъ Рождественскаго, а самъ онъ... ничего не рѣшился сдѣлать. Японскіе миноносцы постояли немного и разошлись... Съ наступленіемъ темноты у насъ началась невообразимая безалаберщина. Каждый шелъ куда заблагоразсудится. Въ темнотѣ не могли отличить своихъ отъ чужихъ. Безпрестанно мѣняли курсъ: то шли на югъ, то поворачивали на сѣверъ, то склонялись къ сѣверо-западу, то сразу бросались на востокъ... Въ концѣ концовъ такъ запутались, что рѣшительно не знали своего мѣста. Мы шли страшно быстро; и японскіе миноносцы, пытавшіеся взорвать насъ, терпѣли неудачи: волна отклоняла мину, и она не достигала борта. Атаки были многочисленны; на мостикѣ слышали прямо что-то въ родѣ ружейной трескотни, а это миноноски выпускали свои мины... Отражать орудіями эти атаки крейсера не имѣли возможности: всѣ прожекторы у нихъ были подбиты, а главное боялись выпалить по своимъ миноносцамъ. Поэтому рѣшено было — не стрѣлять и безпрестанно мѣнять курсъ, летѣть на всѣхъ парахъ... Крейсера кружились на мѣстѣ, примѣрно, до 9¹/₂ ч. вечера; всѣ старались прорваться на сѣверъ; пять или шесть разъ были у нихъ попытки прорваться,

но каждый разъ они встрѣчали на своемъ пути массу огней и не рѣшались къ нимъ подходить: и Японцы, и наши свободно могли разстрѣлять ихъ. Во время дневного боя съ крейсерами не было ничего подобнаго, бой шелъ тогда вдали отъ нихъ. А тутъ насъ обурялъ прямо ужасъ. Видишь вдали со всѣхъ сторонъ огни, прожекторы, слышишь громъ пушекъ и не знаешь, кто это, — свои или чужіе. Видишь совсѣмъ близко нападающіе миноносцы и не можешь отъ нихъ защищаться. Круженіе много способствовало, конечно, усиленію этого ощущенія. Пойдешь на мостикъ, на вопросъ „куда идемъ“ тамъ отвѣчаютъ „на сѣверъ“; чрезъ 10 мин. получаешь отвѣтъ „на югъ“ и т. д.; и все летимъ на полныхъ парахъ. Отъ жары и усталости кочегары падали въ обморокъ. Приходилось хлопотать о новой смѣнѣ; съ трудомъ получалось разрѣшеніе; приходилось разыскивать кочегаровъ по снаряднымъ погребамъ, гдѣ они помогали въ бою при подачѣ снарядовъ. Слишкомъ пунктуально защищая собою транспорты, „Олеги“ еще засвѣтло получилъ отъ японскаго бронированнаго отряда массу снарядовъ, едва не погубившихъ этотъ крейсеръ. Къ тому же въ бою у него обнаружилась серьезная неисправность въ машинѣ, а именно—замѣтная утечка свѣжаго, рабочаго пара въ ту „рубашку“, которая окружаетъ паровой цилиндръ; это обстоятельство замѣтно уменьшало ему ходъ. Но главныя поврежденія „Олеги“ получилъ тогда именно, когда, по приказанію Энквиста, наши крейсера, защищая собою транспорты, вздумали было прогуляться вдоль бронированнаго японскаго отряда. Эта затѣя длилась не болѣе 5—10 мин., но и этого было достаточно; за это время „Олеги“, шедшіе подъ адмиральскимъ флагомъ успѣлъ получить въ одно мѣсто, въ носъ, до десяти снарядовъ; начался пожаръ, образовался кренъ на правый бортъ до 15 градусовъ; удалось уйти изъ подъ разстрѣла „Ниссина“ и „Касуги“, только давши самый полный ходъ... Съ японскими крейсерами одной съ нимъ силы „Олеги“ въ дневномъ бою сражался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, а тутъ подъ вечеръ на 5—10 мин. только онъ показался неосторожно „Касугѣ“ и за это самое такъ пострадалъ, что придется стоять ему въ ремонтѣ мѣсяца четыре; да и то еще спасибо командиру за его находчивость, а то и вовсе загубила бы крейсеръ неосторожность адмирала... Не имѣя возможности прорваться на сѣверъ и уходя въ темнотѣ на югъ, „Олеги“ съ его бортами, развороченными „Касугой“, могъ идти, только благодаря счастливой случайности, а именно удивительному затишью, наступившему послѣ боя. По зеркальной поверхности моря крейсеръ скользилъ 16—17 узловымъ ходомъ. Воду, которая заливалась въ пробоины, имѣвшія площадь до 40 квадр. фут., можно было выкачивать изъ этихъ отдѣленій только ручными насосами и съ большимъ трудомъ“...

„Придя въ Маниллу и разоружившись, „Олеги“ началъ ремонтировать свою машину и ея паровой цилиндръ. Соединеніе цилиндра съ его рубашкою оказалось неплотнымъ; чрезъ эту неплотность и совершалась утечка пара. Когда ремонтъ цилиндра былъ законченъ, начали испытывать плотность отремонтированнаго соединенія гидравлическимъ давленіемъ; но едва успѣли произвести давленіе до 25 фунтовъ, какъ внѣшняя оболочка цилиндра вверху его дала продольную трещину въ 12 дюйм. длиною, а на верхнемъ флянцѣ получилась радіальная трещина до 3 миллиметровъ шириною“...

„Очень горько и обидно было, пишетъ товарищъ, читать въ „Нов. Вр.“ статью Клада, въ которой онъ обвиняетъ Энквиста въ уходѣ отъ эскадры еще засвѣтло. Какъ это объяснено уже выше, это обвиненіе

ни на чемъ не основано и безусловно невярно. Его можно было упрекнуть и обвинять въ незнакомствѣ съ тактикой, въ слѣпомъ исполненіи приказовъ Рождественскаго, въ полномъ отсутствіи у него инициативы, но въ трусости, въ нежеланіи идти на сѣверъ обвинять его немислимо. Защищая „Олегомъ“ транспорты, Энквистъ проявилъ не малую храбрость, отвагу и едва ли не излишне подвергалъ такой большой опасности свой крейсеръ; а на югъ послѣ 9 час. веч. онъ пошелъ во 1-хъ, потому, что нѣсколько предыдущихъ попытокъ прорваться на сѣверъ не увѣнчались успѣхомъ; во 2-хъ, потому, что надо было начать уходить, спасаясь отъ насѣдавшаго броненоснаго отряда, а идти больше было некуда; и въ 3-хъ, наконецъ, потому, что и Небогатовъ, укрываясь отъ непріятеля, шелъ сначала на югъ и только потомъ уже повернулъ на сѣверъ, благодаря чему и попалъ утромъ 15 мая въ разставленную Японцами ловушку“...

Чтобы покончить съ описаніемъ Цусимскаго боя, мнѣ остается дополнить его еще нѣсколькими эпизодами, касающимися главнымъ образомъ сдачи Рождественскаго и Небогатова Японцамъ.

По собственной инициативѣ, къ жалкимъ остаткамъ „Суворова“ подходить, случайно проходившій мимо него, нашъ миноносецъ „Буйный“, который транспортировалъ команду, снятую имъ ранѣе съ „Ослябя“. Руками ему дѣлаютъ сигналы, чтобы онъ принялъ на себя адмирала... По расписанію эта роль должна была бы принадлежать миноносцу „Бѣдовый“; но его „поведеніе“ въ этомъ случаѣ обвинительный актъ въ судебномъ процессѣ Рождественскаго (іюнь 1906 г.) обрисовываетъ въ слѣдующихъ словахъ: онъ „болтался неизвѣстно гдѣ, не получивъ поврежденій, не понесъ потерь и не выпустивъ ни одного снаряда; а съ погибающаго броненосца снялъ адмирала со штабомъ, рискуя собою, другой миноносецъ, не знавшій даже, что этотъ пылающій островъ — „Суворовъ“, и что на немъ — раненый адмиралъ“...

Подъ огнемъ непріятеля, около 5 час. вечера, серьезно раненаго Рождественскаго съ большими трудностями удалось передать на миноносецъ „Буйный“. Въстѣ съ адмираломъ пересѣлъ туда же и весь его штабъ ²⁷⁾... Картина его передачи была обрисована самимъ адмираломъ въ его рѣчи на судѣ (въ іюнѣ 1906 г.) въ слѣдующихъ словахъ:

„Суворовъ“ горѣлъ... Ни на немъ, ни на миноносцѣ не было уже шлюпокъ. Языки огня не позволяли миноносцу пристать съ подвѣтреной стороны. Флагъ-капитанъ рѣшилъ приказать миноносцу пристать на большой зыби къ навѣтренному борту, гдѣ торчащими орудіями и перебитыми стрѣлами сѣтевого огражденія, исковерканными выстрѣлами, легко могли быть причинены опасныя пробойны тонкому борту миноносца. Представилось зрѣлище, деморализовавшее всѣхъ свидѣтелей. Съ рискомъ разбиться и утопить, кромѣ своего экипажа, еще около 200 человекъ съ броненосца „Ослябя“, выловленныхъ изъ воды, миноносецъ „Буйный“ подъ огнемъ непріятеля присталъ къ

²⁷⁾ Относительно времени этой пересадки существуютъ большія разногласія. Рождественскій говоритъ, что онъ ничего не помнитъ. Офицеры штаба, когда ихъ судили за сдачу „Бѣдоваго“ Японцамъ, утверждали, что это произошло около 5 ч. А Небогатовъ и нѣкоторые другіе офицеры настаиваютъ, что это было около 3 ч. 30 м., и что съ 3 ч. пополудни до 6 ч. вечера наша эскадра была предоставлена самой себѣ и оставалась безъ руководителя („Новое. Время“, 1906 г., № 10.475). II. X.

„Суворову“, чтобы принять впавшего въ забытѣ командующаго эскадрой. Зрѣлище это устраняло представленіе о переносѣ флага. Всѣ прониклись впечатлѣніемъ, что старшее начальство бѣжитъ съ броненосца, близкаго къ гибели, что оно спасаетъ жизнь только подбитаго адмирала, рискуя сотнями другихъ жизней... Не принадлежащіе къ составу штаба, три судовыхъ офицера броненосца „Суворовъ“ благородно отказались бѣжать со своего корабля вмѣстѣ съ перегруженными ими адмираломъ... Другіе раненые съ „Суворова“ остались на немъ. О нихъ некому и некогда было думать... „Если бы въ приказѣ моемъ,—говоритъ Рождественскій,—было выражено опредѣленно, что выведенный изъ строя адмиралъ раздѣляетъ участь экипажа флагманскаго корабля, то въ лѣтописи Цусимскаго боя не было бы этой грустной страницы, не было бы и суда за позорную сдачу Японцамъ миноносца, на которомъ увозили изъ боя адмирала и его штабъ“...

По приказанію начальника штаба, капитана 1-го ранга Колонга, тоже уважавшаго на миноносцѣ „Буйный“ вмѣстѣ съ адмираломъ, былъ поднятъ сигналъ:—„Адмиралъ Рождественскій передаетъ командование адмиралу Небогатову“. Передача этого сигнала была поручена миноносцу „Безупречный“, который долженъ былъ приблизиться къ флагманскому кораблю „Николай 1-й“ и поставить Небогатова въ извѣстность о вступленіи его въ командованіе всею оставшеюся „эскадрой“, т. е. серіей частію горѣвшихъ еще, частію уже потушенныхъ пловучихъ костровъ. Объ оставшихся на „Суворовѣ“ раненыхъ матросахъ и офицерахъ „Безупречному“ не было отдано никакаго приказа.

Какъ только миноносецъ „Буйный“ принялъ на себя Рождественскаго съ его штабомъ, онъ получилъ отъ японскаго снаряда пробоину въ носовую часть; но это не помѣшало ему выйти изъ сферы непріятельскаго огня и быстро скрыться.

Утромъ 15 мая въ распоряженіи Небогатова было уже только два миноносца, четыре старыхъ полуразбитыхъ броненосца и остатки разбитаго „Орла“. Команда на судахъ была неизмовѣрно утомлена—и морально, и физически: передъ боемъ шли безконечныя погрузки угля, матеріаловъ, провизіи; но это не избавляло команду отъ безсонныхъ ночныхъ вахтъ: 13 мая учились маневрировать; съ ранняго утра весь день 14 мая прошелъ въ волненіи, въ крайне напряженной работѣ, безъ проблеска надежды на счастливый исходъ боя, въ чадѣ отъ постоянныхъ пожаровъ, въ убійственномъ дымѣ отъ разрывныхъ японскихъ снарядовъ, съ запекшимися губами, съ мучительной, ничѣмъ неутолимой жаждой;—послѣ захода солнца шло непрерывное отбиваніе отчаянныхъ минныхъ атакъ; тревожная ночь съ 14 на 15 мая, когда каждая минута грозила имъ смертію, была опять безъ сна, безъ минуты роздыха... Утромъ 15 мая большинство людей у Небогатова было въ такомъ состояніи, что они въ изнеможеніи отъ утара и удушья валились на ходу, не могли даже и двигаться ²⁸⁾.

И вотъ при такихъ-то условіяхъ около 10 час. утра Небогатовъ увидалъ свой мизерный, измученный отрядъ окруженнымъ грозною эскадрой адмирала Того изъ 28 самыхъ сильныхъ судовъ, готовыхъ вступить опять въ бой...

„Апраскинъ“ и „Сенявинъ“, подбитые, обезсиленные, сильно отстали, слѣдуя за головой отряда; отъ прежней боевой мощи броненосца „Орелъ“ послѣ сраженія 14 мая остались одни только воспоминанія; и длительного сопротивленія онъ оказать не могъ. Большинство

²⁸⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 9, стр. 227—230.

команды было рѣшительно не способно къ какой-либо осмысленной работѣ, быстро не могло бы выполнить даже и потопленія судовъ,— тѣмъ болѣе, что и всей-то работы для японской эскадры надъ разстрѣломъ нашего отряда едва ли хватило бы и на полчаса. Шадя своихъ людей, измученныхъ всей предшествовавшей этому непосильной работой, подѣ начавшимся уже разстрѣломъ Небогатовъ со своимъ отрядомъ сдался въ плѣнъ Японцамъ, не принявши послѣдняго боя... Спасены были имъ отъ вѣрной гибели около 2000 человекъ ²⁹⁾. Сдались: „*Николай I-й*“, два миноносца и до нельзя избитые ³⁰⁾ „*Орель*“, „*Апраксинъ*“ и „*Сенявинъ*“.

Въ бою 14 мая около 5 ч. дня командиръ „*Николая*“ былъ раненъ въ високъ. Его обязанности въ дальнѣйшемъ пришлось исполнять Небогатову самому. Къ вечеру этотъ броненосецъ имѣлъ уже двѣ серьезныя пробоины; одно 12-дюймовое орудіе было у него испорчено; фугасныхъ снарядовъ совсѣмъ не было. „*Орель*“ въ бою 14 мая былъ избитъ до крайней степени; командиръ судна былъ уже убитъ; изъ 30 офицеровъ на кораблѣ въ живыхъ осталось только шесть; старшій офицеръ возбуждалъ даже вопросъ, не затопить ли лучше броненосецъ въ виду полной неспособности его къ бою; стволъ одного изъ 12-дюймовыхъ орудій у него былъ *перешибленъ пополамъ* (!) японскимъ снарядомъ.

Вскорѣ послѣ боя было помѣщено въ лондонскихъ газетахъ письмо одного изъ японскихъ офицеровъ изъ Майдазуру, куда былъ приведенъ „*Орель*“. Онъ писалъ тогда: „Мы сами были испуганы, когда увидали результаты нашей стрѣльбы. На корабль почти невозможно было войти. На каждомъ шагѣ можно было провалиться въ

²⁹⁾ Всѣхъ моряковъ, попавшихъ въ плѣнъ въ Японію, не только изъ экипажа Небогатовъ, но и съ тѣхъ судовъ, которые были разстрѣляны Японцами въ бою, а также и съ тѣхъ, которые мы затопили сами, 7282 человекъ („*Морск. Сборн.*“, 1905, № 9). Черезъ полтора года послѣ Цусимской битвы, морское министерство все еще не привело въ извѣстность окончательное число всѣхъ лицъ, погибшихъ подѣ Цусимю и не напечатало алфавитнаго указателя ихъ.

Къ первой годовщинѣ боя „*Новое Время*“ сдѣлало приблизительный подсчетъ всѣхъ погибшихъ. Нижнихъ чиновъ погибло у насъ около 4500 человекъ, офицеровъ и др. чиновниковъ 191 лицо, въ томъ числѣ механиковъ 30 чел. Больше всего погибшихъ на „*Суворовъ*“—830, затѣмъ на „*Александръ III-мъ*“—793, на „*Бородинъ*“—781, на броненосцѣ „*Наваринъ*“—652, на броненосцѣ „*Ослябя*“—около 600 и т. д.

³⁰⁾ Въ „*Вѣстн. Евр.*“, 1905, № 7, этотъ эпизодъ былъ переданъ такъ: „Четыре могучихъ броненосца добровольно были отданы Японцамъ“ (стр. 351). Подѣ вынѣмъ такихъ извѣстій общественное мнѣніе было крайне возбуждено, и морское вѣдомство тогда же сочло нужнымъ сдѣлать слѣдующее официальное заявленіе: „Въ виду возникшихъ въ обществѣ и печати разнорѣчивыхъ слуховъ по поводу сдачи непріятелю 4-хъ броненосцевъ, главный морской штабъ сообщаетъ, что контръ-адм. Небогатовъ и командиры этихъ судовъ, по возвращеніи изъ плѣна въ Россію, подлежатъ преданію суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 279 воен.-морск. уст. о наказаніяхъ“. Въ этой статьѣ говорится: „Кто, командуя флотомъ, эскадрою, отрядомъ судовъ или кораблемъ, спуститъ передъ непріятелемъ флагъ, или положить оружіе, или заключить съ нимъ капитуляцію, не исполнивъ своей обязанности по долгу присяги и согласно съ требованіями воинской чести и правилами морского устава, тотъ подвергается: *исключенію изъ службы съ лишеніемъ чиновъ*; если таковыя дѣйствія совершены безъ боя, или несмотря на возможность защищаться: *смертной казни*“.

настоящую пропасть. На палубѣ не осталось сплошного, цѣлаго, нетронутаго снарядами пространства болѣе 4 квадр. сантиметровъ подрядъ. Все было избито, исковеркано; всюду обломки желѣза, трубъ, орудій. Потребовалось 4 дня упорной работы, чтобы сдѣлать возможнымъ свободный входъ внутрь корабля³¹⁾ (см. „Нов. Вр.“, 1905, № 10.544). Изъ всего состава строевыхъ офицеровъ на броненосцѣ осталось къ утру 15 мая только двое.

Въ брошюрѣ А. Затертаго, матроса съ броненосца „Орелъ“, на стр. 53—54 по поводу этого напечатано слѣдующее:

„Нашъ броненосецъ имѣлъ страшный видъ. Всюду бросались въ глаза ужасающіе слѣды артиллерійскаго огня. Палубы, борты, пушки, дымовыя трубы, мачты, ходовыя рубки,—все, положительно все было разбито, исковеркано, искрошено, распатано, исцарапано, согнуто. Всѣ шлюпки оказались сожженными; отъ нихъ остались только обгорѣлыя головешки. Миноноски, на которыхъ Рождественскій мечталъ сразиться съ Японцами, совершенно развалились; желѣзная обшивка на нихъ, сдернутая и свернутая, висѣла жалкими лохмотьями, а изнутри выглядывали поломанныя части разбитыхъ машинъ. Элеваторы для подачи снарядовъ въ башни были проломлены; стальные тросы въ нихъ были перебиты, вслѣдствіе этого электрическіе подъемники не могли уже больше подавать снаряды. Всѣ снасти оборвало такъ, что не было возможности поднять сигнала. Мостики покорило до неузнаваемости. Трапы снесло или свернуло винтомъ. Весь носъ корабля разворотило такъ, что хоть въѣзжай на тройкѣ. Нѣкоторые пробоины были величиною болѣе квадратной сажени. Всѣхъ пробоинъ, и крупныхъ и мелкихъ, было на „Орелъ“ болѣе трехсотъ. На сплошь продыравленныхъ палубахъ валялись куски желѣза, обрывки снастей, обгорѣлыя доскаты коекъ, обломки отъ приборовъ, разметанный уголь, сплавленные осколки роковыхъ непріятельскихъ бомбъ... А среди всего этого валялись изуродованные, растерзанные трупы людей, прокопченные, обгорѣлыя... И куда ни взглянешь, все тотъ же безформенный хаосъ. Не вѣрилось, что все это могло быть дѣломъ японскихъ бомбъ. Думалось, что здѣсь свирѣпствовали и все разрушали какія-то неземныя, стихійныя силы. Уцѣлѣвшіе отъ боя, покрытые копотью и грязью, изнуренные непосильной работой матросы молча и съ болью въ душѣ безцѣльно бродили по кораблю взадъ и впередъ, уныло понурия голову и какъ бы соображая, какія еще новыя бѣдствія можетъ принести имъ съ собою новый начавшійся день, 15 мая“...

На „Сенявинъ“ 15-го мая утромъ нѣкоторыя орудія были въ такомъ состояніи, что стволы у нихъ оказались насквозь прострѣленными Японцами, и чрезъ сдѣланныя такимъ образомъ отверстія можно было видѣть свѣтъ чрезъ всю толщю ствола...³¹⁾

„Апраксинъ“ имѣлъ поврежденной свою кормовую башню. Гребныя суда у всѣхъ кораблей были избиты и попорчены; уцѣлѣвшія изъ нихъ спустить подъ огнемъ непріятеля было немислимо; другихъ спасательныхъ средствъ—никакихъ; койки заранѣе были употреблены для устройства блиндажей и для защиты наиболѣе уязвимыхъ частей корабля.

Въ 10 ч. 30 м. „Касуга“ началъ обстрѣливать „Николая“ съ разстоянія около девяти верстъ. За дальностью разстоянія „Николай“

³¹⁾ Для 2-го изданія книги этотъ фактъ былъ сообщенъ мнѣ очевидцемъ офицеромъ чрезъ одного изъ нашихъ товарищей. П. Х.

отвѣчать не могъ и обратился, слѣд., просто въ мишень для вражескихъ снарядовъ. Попаданіе началось съ 3-го же выстрѣла: пробило уже бортъ у ватеръ-линія на носу, вода затопила отдѣленіе динамо, электричество погасло, доступъ къ боевому погребу былъ прекращенъ ³²⁾. Спасеніе людей съ корабля было уже неосуществимо, боевое сопротивленіе и одному „*Касугъ*“ было бы безпѣльно и повело бы только къ гибели офицеровъ и команды, а тутъ была на-лицо вся эскадра адмирала Того, свѣжая и сильная...

Небогатовъ сдался... ³³⁾.

Въ свое оправданіе онъ говорить слѣдующее:

„Съ точки зрѣнія моихъ судей, приговорившихъ меня къ позорному наказанію ³⁴⁾, я долженъ былъ бы взорвать суда въ открытомъ морѣ и обратить 2000 матросовъ въ окровавленные клочья; я долженъ былъ бы открыть кингстоны и утопить 2000 человѣкъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ. Во имя чего?.. Во имя чести Андреевскаго флага! Но, вѣдь, этотъ флагъ является символомъ той Россіи, которая, въ проникновенномъ сознаніи обязанностей великой страны, бережетъ достоинство и жизнь своихъ сыновъ, а не посылаетъ людей на смерть на старыхъ корабляхъ для того, чтобы скрыть и утопить въ морѣ свое нравственное банкротство и хищеніе, свое бездарное служеніе, ошибки, умственную слѣпоту и мракъ невѣдѣнія элементарнѣйшихъ началъ морского дѣла. Для представителей такой Россіи я не имѣлъ права топить людей“...

Изъ отряда Небогатова не сдался добровольно одинъ только броненосецъ „*Адмиралъ Ушаковъ*“; на предложеніе сдаться онъ геройски отвѣчалъ выстрѣлами, которые заставили японскіе крейсера отойти дальше и только издали начать его бомбардировку. Въ концѣ концовъ „*Ушаковъ*“ безъ особаго труда былъ потопленъ Японцами, не нанеся имъ никакого существеннаго вреда.

Свѣтлымъ пятномъ на этомъ безотрадномъ фонѣ поражений является также геройскій подвигъ крейсера „*Дмитрій Донской*“. Съ наступленіемъ темноты нашъ отрядъ крейсеровъ подъ командою Энkvиста рѣшилъ отдѣлиться отъ нашей эскадры и прорваться на югъ. „*Донской*“ долженъ былъ слѣдовать за ними; но, какъ тихоходъ, онъ не могъ этого выполнить и скоро отсталъ. Тогда онъ рѣшилъ одинъ, самостоятельно, идти во Владивостокъ; идя ночью со всѣми предосторожностями, крейсеръ благополучно миновалъ Цусиму. Утромъ онъ нагналъ нашъ миноносецъ „*Буйный*“ съ испорченной машиной, снялъ съ него экипажъ, а само судно разстрѣлялъ. Идя далѣе „*Донской*“ встрѣтилъ другой миноносецъ. Это былъ „*Видовый*“; на него подъ утро съ „*Буйнаго*“ перевели адмирала, его штабъ и остатки команды, подобранной съ „*Ослябя*“ и сильно обременявшей миноносецъ. Встрѣчей съ „*Донскимъ*“ штабъ прекрасно для себя воспользовался: съ крейсера взяли уголь, а ему сдали весь „лишній грузъ“, команду съ „*Ослябя*“. Эти долгія задержки въ пути сдѣлали то, что японская погоня, высланная за „*Донскимъ*“ къ вечеру 15 мая его настигла.

³²⁾ См. исповѣдь Небогатова въ „*Нов. Вр.*“, 1906, № 10.745, отъ 11 февр.

³³⁾ На вопросъ председателя суда въ процессѣ Небогатова о томъ, какъ приняла команда слова адмирала о необходимости сдачи, матросы - свидѣтели отвѣчали: „команда плакала“...

³⁴⁾ Кромѣ Небогатова, приказомъ отъ 22 августа 1905 г., были исключены изъ службы въ морскомъ вѣдомствѣ и всѣ командиры броненосцевъ отряда Небогатова, вопреки существующимъ узаконеніямъ, безъ приговора суда. П. Х.

Это были шесть легких японских крейсеров и 4 миноносца. В течение полутора часа „Донской“ удачно отбивался от неприятельских крейсеров, сдѣлавъ всѣмъ имъ пожары и заставилъ ихъ отойти. Они отошли... И это было его счастьемъ, п. ч. къ этому времени снаряды за два дня боя у него были почти всѣ уже израсходованы, а главное—комендоры были всѣ перебиты... Подступившіе къ „Донскому“ японскіе миноносцы всѣ дали промахъ и тоже отошли. Надо было продолжать путь; но до Владивостока такому тихоходу оставалось идти съ возможными случайностями не менѣе сутокъ. Машины и котлы на крейсере были въ исправности; но безъ артиллеріи нечѣмъ было бы отбиваться отъ дальнѣйшей погони, которую надо было ожидать непременно. Рѣшили пристать къ ближайшему острову, перевести на него всѣхъ людей, а крейсеръ потопить. До разсвѣта все это было сдѣлано; но только потопить этотъ старый и заслуженный корабль оказалось не такъ легко: корпусъ крейсера очень медленно погружался, не перевыртываясь... Когда вслѣдъ за этимъ пришла японская погоня, ей можно было взять въ плѣнъ только людей...

Задержавши „Донского“ на нѣсколько часовъ на мѣстѣ перегрузки, обезиливши его погрузкой на него команды и отнятіемъ у него угля и оставивши его въ критическомъ положеніи въ ожиданіи съ минуты на минуты погони за нимъ, миноносецъ „Бѣдовый“, уволившій адмирала съ его штабомъ, самъ ушелъ очень недалеко. Спутникомъ „Бѣдоваго“ былъ миноносецъ „Грозный“. Въ погонѣ за ними обоими Японцы выслали два своихъ миноносца. Предстояло вступить въ бой. Съ „Бѣдоваго“ былъ отданъ „Грозному“ приказъ—йти во Владивостокъ, что тотъ и сдѣлавъ, прибавивъ хода. Японскіе миноносцы послѣ этого также отдѣлились одинъ отъ другого. Одинъ изъ нихъ погнался за „Грознымъ“ и вступилъ съ нимъ въ бой; прямо чрезъ два часа отъ начала боя „Грозный“ потопилъ его, самъ пошелъ во Владивостокъ и счастливо достигъ его. А все начальство на „Бѣдовомъ“, какъ это выяснилось на судѣ (въ іюнѣ 1906 г.), заранѣе имѣло намѣреніе безъ боя сдаться въ плѣнъ японскому миноносцу, у котораго водоизмѣщеніе было на 11% менѣе, чѣмъ у нашего. Это намѣреніе и было приведено въ исполненіе.

Изъ крейсеровъ также геройски погибла „Свѣтлана“, самый престарѣлый изъ нашихъ легкихъ крейсеровъ. Этотъ полу-крейсеръ, полу-яхта, одинъ изъ капризовъ нашего несчастнаго судостроенія, получилъ подводную пробойну въ носовой части еще днемъ 14 мая и лишился изъ-за этого хода; передъ закатомъ солнца онъ долго кружился безпомощно на одномъ мѣстѣ, но все-таки самостоятельно справился со своей аваріей; съ наступленіемъ сумерекъ онъ ни за кѣмъ поспѣть не могъ, ни за крейсерами, уходившими на югъ, ни за отрядомъ Небогатова, продвигавшимся на сѣверъ. Что было со „Свѣтланой“ ночью, остается неизвѣстнымъ; утромъ этотъ крейсеръ оказался... въ одиночествѣ идущимъ во Владивостокъ; два японскихъ крейсера нашли и добили „Свѣтлану“; и она погибла съ честью, все время продолжая отбиваться отъ непріятеля и не спуская своего флага...

Для 2-го изданія книги отъ нашихъ товарищей были получены еще слѣдующія добавленія къ этому мѣсту текста:

„Къ крейсеру „Олегъ“, на которомъ до его поврежденія въ бою, держалъ свой флагъ адмиралъ Энkvистъ, былъ прикомандированъ миноносецъ „Блестящій“; все время въ бою онъ держался у борта „Олега“, за исключеніемъ развѣ того только промежутка времени,

когда онъ отходилъ для вылавливанія изъ воды погибавшей команды съ броненосца „Ослябя“, и когда ему на время пришлось выйти изъ строя, благодаря полученнымъ имъ самимъ двумъ пробоинамъ въ носовую часть и носовую кочегарню. Носовое отдѣленіе миноносца было затоплено въ 1—2 минуты, а кочегарное затапливалось медленно, такъ что являлась возможность откачивать оттуда воду при помощи электрической помпы и двухъ брандспойтовъ. Когда крейсера Энквиста по окончаніи дневного боя пошли на югъ (съ адмираломъ — на „Авроръ“) вмѣстѣ съ ними ушелъ тогда и миноносецъ „Блестящій“, а ночью его догналъ прикомандированный къ нему миноносецъ „Бодрый“. При большомъ ходѣ волна затапливала почти половину „Блестящаго“, изъ-за этого миноносцу нельзя было развивать болѣе 13—14 узловъ хода; а крейсера, идя полнымъ ходомъ, скрылись отъ него очень быстро, не заботясь о его судьбѣ... Догнавши весьма серьезно раненный миноносецъ „Блестящій“, который безуспѣшно боролся съ заливавшей его волною, „Бодрый“ оказалъ ему помощь, снялъ съ него всю команду и затѣмъ самостоятельно продолжалъ курсъ на югъ, намѣреваясь попасть въ Шанхай. Къ несчастію мичманъ, исполнявшій на „Бодромъ“ обязанности штурмана, далъ миноносцу совершенно неправильный курсъ; и „Бодрый“ удаляясь отъ Шанхая въ сторону, сдѣлалъ миль сто лишнихъ и почти на столько же миль не дошелъ до своей цѣли, истративши весь свой послѣдній запасъ угля... Послѣ этого „Бодрый“ остался въ открытомъ морѣ, ожидая какой-нибудь случайной встрѣчи... Мудрено однако было ждать этой встрѣчи, очутившись около широкой (до 20 саж.) банки, которая тянулась почти вплоть до пустынного берега. Сдѣлали наблюденія надъ береговыми теченіями и отчасти использовали ихъ, продвинувшись миль на 30 ближе къ цѣли. Пробовали ставить паруса, сдѣланные изъ тентовъ, но безуспѣшно... Въ такихъ занятіяхъ прошло времени около недѣли. Истощались уже запасы прѣсной воды и провизіи; ихъ оставалось не болѣе какъ дня на три... Наконецъ однажды ночью въ виду „Бодраго“ случайно проходилъ небольшой англійскій пассажирскій пароходъ, который по сигналу съ миноносца и подошелъ къ нему для оказанія помощи. Миноносецъ былъ взятъ на буксиръ и приведенъ въ Шанхай, а его команда была спасена отъ угрожавшей ей голодной смерти“...

„Въ это время крейсера Энквиста были уже въ тихой пристани Маниллы. Проходя мимо Шанхая, они обогнали буксирный пароходъ „Свирь“, онъ принялъ на себя команду съ разстрѣяннаго въ дневномъ бою крейсера „Ураль“, затѣмъ удачно выпутался изъ боевого кольца и ушелъ на югъ. По приказу Энквиста „Свирь“ должна была приблизиться къ флагманскому кораблю отряда. Съ мостика самъ адмиралъ въ рупоръ спрашивалъ: „Гдѣ наша эскадра, и что съ нею?“... На „Свири“ среди другихъ офицеровъ былъ также и Ширинскій-Шахматовъ, старшій офицеръ съ крейсера „Ураль“, онъ и отвѣтилъ Энквисту:—„Вамъ, Ваше Превосходительство лучше знать, гдѣ—наша эскадра“... Получивши такой отвѣтъ, адмиралъ пошелъ на югъ, въ полной увѣренности, что, рано или поздно, а ужъ непременно и отъ другихъ онъ узнаетъ, гдѣ наша эскадра“...

Изъ всей нашей Цусимской эскадры достигли Владивостока только небольшая яхта-крейсеръ ³⁵⁾ „Алмазъ“ и два миноносца—„Грозный“

³⁵⁾ Эта яхта предназначалась для намѣстника; она вся изъ дерева, и только какая-то счастливая случайность спасла ее отъ гибели. На ней—роскошное адмираль-

и „Бравый“. Въ нейтральныхъ портахъ укрылись три, пострадавшихъ въ бою, крейсера („Олего“, „Аврора“, „Жемчугъ“), одинъ миноносецъ и нѣсколько транспортовъ.

Добиваніе остатковъ Балт.-Цусимской эскадры было закончено Японцами 15 мая, а подбораніе ими случайно уцѣлѣвшихъ людей съ нея, окончившихъ, голодныхъ и безпомощныхъ, которыхъ прибывало къ японскимъ берегамъ на утлыхъ обломкахъ нашего флота, продолжалось и въ теченіе слѣдующаго дня.

Бой закончился... Его результатъ никогда не снился даже и побѣдителю. Наше пораженіе оказалось безпримѣрнымъ въ исторіи и по его позорности, и по его полнотѣ.

Одна часть сражавшихся съ нашей стороны за свое невольное участіе въ этомъ бою заплатила своей жизнью, своей кровью, а другая, въ качествѣ „позорно славшихся“, обречена была на тяжкія моральныя муки, униженія и матеріальныя лишенія...

Бой выяснилъ, что неосвѣдомленность наша по всѣмъ вопросамъ, касающимся морскихъ силъ врага, была прямо чудовищной, и что Цусимскій разгромъ — это результатъ нашей технической отсталости и заносчивости, технической неумѣлости, нерадивости. Ужасны подробности этого пораженія... И не хотѣлось бы думать, говорить и писать о нихъ... Но слѣдуетъ и думать, и говорить, и писать. Это нужно для того, чтобы скорбные результаты всей этой прискорбной морской войны не пропали безъ пользы для будущаго.

ское помѣщеніе, занимающее половину корабля, прелестная гостиная, столовая, кабинетъ, спальня, помѣщеніе для штаба и доктора, винный погребецъ. Вооруженіе яхты ничтожное (четыре 3-дюймовыхъ пушки); и отъ перваго же попавшаго въ нее крупнаго снаряда корабль представлялъ бы собою огромный пылающій костеръ („Рус. Слово“, 1905, № 141).

Разборъ дѣла Небогатова на судѣ.

„Все служебное дѣло во флотѣ сводилось къ одному принципу: „Не возражай старшему“. Пускай на глазахъ твоихъ происходитъ кража, пускай начальникъ обнаруживаетъ трусость или непониманіе, или забвеніе чести, пускай гибнетъ *Родина*; — молчи, и ты будешь „честный“ служака; ты своевременно получишь 20-го числа то жалованье, которое, по словамъ адмирала Небогатова, накладываетъ на получателя лишь одно требованіе: „*Не разсуждать!*“! „*Русскія Вѣд.*“, 1906, № 295.

Остается дополнить всѣ вышеприведенныя данныя краткой передачей того, что далъ русскому обществу разборъ дѣла Небогатова на судѣ. Въ приложеніи къ № 11 „*Морского Сборника*“ за 1907 г. помѣщенъ подробный „отчетъ по дѣлу о сдачѣ 15 мая 1905 г. непріятелю судовъ отряда бывшаго адмирала Небогатова“. Этотъ отчетъ содержитъ въ себѣ 41 листъ печатнаго текста. Изъ него здѣсь дѣлаются въ сжатомъ видѣ только наиболѣе существенныя выдержки, дополненныя отчасти также и отголосками прессы.

22 ноября 1906 г. въ особомъ присутствіи военно-морского суда кронштадтскаго порта слушалось дѣло „о сдачѣ непріятелю эскадры въ Японскомъ морѣ 15 мая 1905 г.“ Приведемъ сначала краткія данныя обвинительнаго акта.

15 мая 1905 г., около 10 ч. утра, броненосцы „*Николай I*“, „*Орелъ*“, „*Апраксінъ*“ и „*Сенявинъ*“, будучи настигнуты въ Японскомъ морѣ, близъ Корейскаго пролива, японскою эскадрою, безъ боя спустили передъ непріятелемъ флагъ и были отведены въ плѣнъ. При производствѣ по этому дѣлу предварительнаго слѣдствія выяснилось, что сдача нашихъ судовъ произошла такъ:

14 мая, около 6 ч. вечера, миноносецъ „*Буйный*“, принявшій тяжело раненаго адм. Рождественскаго, поднялъ сигналъ: „*Адмиралъ передаетъ командованіе адм. Небогатову*“, а нѣкоторое время спустя, миноносецъ „*Безупречный*“, пройдя вдоль линіи нашихъ судовъ, передалъ семафоромъ, что адмиралъ предписываетъ эскадрѣ взять курсъ на Владивостокъ. Въ теченіе вечера и части ночи суда наши под-

вергались непрерывнымъ миннымъ атакамъ. Офицеры и команды были донельзя утомлены и почти не спали. Къ утру въ составѣ эскадры адм. Небогатова оказались только брон. „*Николай I*“, „*Орелъ*“, „*Апраксинъ*“, „*Семьянинъ*“ и крейсеръ „*Изумрудъ*“. Остальные наши корабли частью погибли, частью же отстали и укрылись въ нейтральные порты. На разсвѣтѣ на горизонтѣ появились дымки, и часовъ около 8 утра японскія суда обрисовались ясно. Часть непріятельскихъ кораблей, которыхъ собралось до 28, обогнувъ нашу эскадру, взяла ей на пересѣчку курса и къ 10 час. окружила ее со всѣхъ сторонъ. Безвыходность положенія стала для всѣхъ очевидною. Всѣ ждали приказаній, готовые исполнить послѣдній свой долгъ. Орудія заряжались и наводились. Роковая мысль о сдачѣ, однако, зародилась. Часовъ около 9 утра кап. 1-го р. Смирновъ высказалъ флагъ-кап. Кроссу, что, по его мнѣнію, остается сдаться, и просилъ доложить объ этомъ адмиралу. Кроссъ прошелъ въ боевую рубку и передалъ адмиралу на ухо слова Смирнова. „Ну, это еще посмотримъ“, — сказалъ адмиралъ; но чрезъ нѣкоторое время онъ потребовалъ къ себѣ командира, который, видимо, и убѣдилъ адмирала въ необходимости сдачи. Сообщивъ затѣмъ чинамъ штаба о безвыходности положенія, адмиралъ приказалъ поднять бѣлый флагъ и сигналъ о сдачѣ. По настоянію старшаго офицера, кап. 2-го р. Ведерникова, адмиралъ созвалъ затѣмъ офицеровъ и объявилъ имъ о принятомъ рѣшеніи. Установить въ точности все происходившее на этомъ совѣщаніи свидѣтельскими показаніями не удалось.

Квартирмейстеръ Туровъ и матросъ Кирѣевъ удостовѣрили, что на совѣщаніи этомъ первымъ высказался за сдачу командиръ. Большинство офицеровъ, по словамъ врача Виттенбурга и квартирмейстера Родіонова, молчало, и только немногіе, и въ томъ числѣ мичманъ Волковицкій и прапорщики Шаміе и Балкашинъ, стояли за бой или уничтоженіе броненосца. Длилось совѣщаніе недолго. Японцы открыли по флагманскому кораблю огонь и заставили всѣхъ разойтись по мѣстамъ. Сигналъ о сдачѣ, набранный, по свидѣтельству кондуктора Гаврилова, флагъ-кап. Кроссомъ и лейт. Глазовымъ, былъ поднять еще до созыва офицеровъ послѣ перваго предварительнаго совѣщанія адмирала съ командиромъ и чинами штаба. Открывъ огонь, непріятель продолжалъ сближаться. Сигнальщикъ Максимовъ говорить, что первые выстрѣлы были произведены Японцами съ разстоянія около 60 кабельт., а послѣдніе — съ 25 кабельт. На выстрѣлы адмиралъ приказалъ не отвѣчать. Лейт. Жаринцевъ, по возвращеніи съ совѣщанія, распорядился поэтому повернуть орудія въ сторону, противоположную непріятелю, а лейт. Северинъ приказалъ сигнальщику Богоненко просемафорить „*Орлу*“, что „*Николай I*“ окруженъ непріятелемъ и сдается. Не взирая на поднятый сигналъ и бѣлый флагъ, Японцы не прекращали стрѣльбы. Въ теченіе какихъ-нибудь 10 мин. броненосецъ получилъ до 6 пробоинъ. Адмиралъ, по свидѣтельству сигнальщиковъ Степанова, Кирѣева и Терентьева, распорядился тогда поднять японскій флагъ. Стеньговые и кормовой флаги были, по свидѣтельству кондуктора Гаврилова, спущены ранѣе, при первомъ же непріятельскомъ выстрѣлѣ. Вѣсть о сдачѣ быстро разнеслась по броненосцу и произвела удручающее впечатлѣніе. По словамъ санитаръ Завѣева, вся почти команда негодовала. Нижніе чины и офицеры плакали. Многіе требовали затопленія или взрыва броненосца. Находились на это дѣло и охотники, но старшій офицеръ, кап. Ведерниковъ, возражавшій сначала противъ сдачи, доказывалъ,

что разъ японскій флагъ поднять, что-либо предпринимать уже поздно. Говорили офицеры и о затопленіи, и о взрывѣ, но отъ словъ къ дѣлу никто не переходилъ. Машинистъ Петровъ, узнавъ о сдачѣ, хотѣлъ было открыть кингстоны, но старшій инженеръ - мех. Хватовъ закричалъ на него и выгналъ на верхнюю палубу. Въ машинѣ хотѣли взорвать цилиндры; Хватовъ остановилъ это распоряженіе, а младшіе механики Дмитрашъ и Бекманъ запретили машинной командѣ портить др. имущество. Командиръ, по свидѣтельству матроса Осипова, приказалъ позвать къ себѣ ревизора, мичм. Четверухина, и поручилъ тому раздать офицерамъ судовыя деньги. Адм. собралъ затѣмъ команду и обратился къ ней съ рѣчью, въ которой высказалъ, что онъ рѣшился на сдачу ради спасенія свыше 2,000 молодыхъ жизней. По свидѣтельству матросовъ Шевченко, Сипайлова, Пестова и Дюка, часть команды была сдачею довольна и одобряла дѣйствія адмирала. Около 11 час. къ борту „*Николая I*“ подошелъ непріятельскій миноносецъ, который пригласилъ адмирала со штабомъ на японскій флагманскій корабль „*Миказа*“, а на „*Николая I*“ оставилъ стражу. Адм. Того спросилъ адм. Небогатова, на какихъ условіяхъ сдается эскадра, на что адмиралъ Небогатовъ отвѣтилъ, что никакихъ условій онъ ставить не можетъ, но хотѣлъ бы, чтобъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ было сохранено ихъ имущество, и чтобъ офицерамъ было разрешено на честное слово возвратиться въ Россію. Адм. Того, съ своей стороны, потребовалъ, чтобы суда съ момента сдачи порчѣ не подвергались, и предложилъ адм. Небогатову собрать на „*Николая I*“ командировъ и объявить имъ объ условіяхъ сдачи. Возвратившись на свой корабль, адмиралъ потребовалъ къ себѣ командировъ и протеста съ ихъ стороны не встрѣтилъ. Часть офицеровъ и команды была затѣмъ свезена на японскій корабль „*Фуджи*“. Среди оставшихся на „*Николая I*“ произошла полная деморализація; команда перепилась...

Чтеніе обвинительнаго акта тянулось три часа.

На вопросъ о виновности Небогатовъ и всѣ остальные штабъ-и оберъ-офицеры виновными себя не признали. Лейтенантъ Шипко I и мичманъ Кульневъ признали себя виновными въ томъ, что не оказали открытаго сопротивленія предложенію о сдачѣ.

Послѣ опроса подсудимыхъ приступили къ оглашенію показаній неявившихся свидѣтелей. Показанія крайне разнорѣчивы и вызвали протесты обвиняемыхъ.

Изъ числа 198 свидѣтелей нижнихъ чиновъ матросовъ явилось всего только 10. Главные свидѣтели, высшіе представители морской бюрократіи, не были вызваны въ виду отказа суда.

Во второй день суда, по соблюденіи ряда формальностей, судъ приступилъ къ выслушанію объясненій адмирала Небогатовъ, которое и составляетъ важнѣйшій моментъ всего процесса. Объясненіе адмирала сводится къ слѣдующему:

„*Николай I*“ началъ бой, занимая девятое мѣсто въ строю. Черезъ $\frac{3}{4}$ часа, по выбытіи изъ строя броненосца „*Ослябя*“, его отрядъ занялъ мѣсто второго военнаго отряда. Броненосецъ „*Николай I*“ очутился пятымъ въ строю, а по выбытіи „*Суворова*“ изъ строя, броненосецъ этотъ очутился четвертымъ; еще черезъ часъ, по выбытіи „*Александра III*“, оказался третьимъ въ строю и послѣднюю четверть часа боя, послѣ гибели броненосца „*Бородино*“, сражался уже вторымъ и окончилъ дневное сраженіе, занявъ мѣсто головного, поставивъ за собой броненосецъ „*Орелъ*“ и два минныхъ крейсера. Атаку непріятеля отбивалъ, будучи во главѣ отряда. Утромъ, около 10 часовъ,

отрядъ оказался окруженнымъ со всѣхъ сторонъ всѣмъ непріятельскимъ флотомъ, участвовавшимъ въ сраженіи наканунѣ, въ числѣ 28 судовъ, не считая миноносцевъ, при чемъ непріятель держался на разстояніи, недосыгаемомъ для орудій броненосца „*Николай I*“, а малочисленная крупная артиллерія броненосцевъ— „*Орелъ*“, „*Апраксинъ*“ и „*Сенявинъ*“, отчасти уже искалѣченныхъ въ бою наканунѣ, хотя и могла бы добросить свои оставшіеся снаряды, но недоброкачественность ихъ и плохая стрѣльба съ нашей стороны, что ясно показалъ бой наканунѣ, несомнѣнно, не нанесла бы никакого вреда непріятелю, между тѣмъ, какъ этотъ въ какія-нибудь четверть часа; безъ всякаго сомнѣнія, уничтожилъ бы не только всѣ суда отряда, но и весь личный составъ его. Однимъ словомъ, отрядъ находился въ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ въ ст. 354 морск. уст., которая при данныхъ обстоятельствахъ предписываетъ употребить всѣ возможныя средства для спасенія команды вплоть до сдачи судовъ. Основываясь на этой статьѣ и не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ для исполненія требованій закона спасти команду безъ сдачи, Небогатовъ рѣшился на сдачу судовъ, считая въ то же время, что никакой—ни Божескій, ни человѣческій—законъ не разрѣшаютъ отнимать жизнь, дарованную законодателемъ, и при томъ безъ всякой пользы для Россіи“.

При классификаціи подсудимыхъ по степени ихъ виновности, при опредѣленіи—кто только не нашелъ въ себѣ мужества послушаться воли начальства, а кто активно содѣйствовалъ акту сдачи, путемъ ли убѣжденія, или дѣйствіемъ семафора или поднятіемъ флага, важнымъ матеріаломъ служили показанія матросовъ, нижнихъ чиновъ. Свидѣтель Мицевичъ показалъ слѣдующее: „Когда увидѣли непріятельскія суда, сперва около 11 штукъ, Небогатовъ сказалъ: „не сдамся имъ“, а потомъ, когда ихъ подошло 28 кораблей, всѣ въ полномъ порядкѣ, адмиралъ сказалъ: „мнѣ за 60 лѣтъ, мнѣ осталось жить всего 2—3 года, а васъ, молодыхъ, мнѣ жалко. Такъ, вотъ, какъ вы думаете: если примемъ бой, всѣ погибнемъ, а если я сдамся, всѣ будутъ спасены. Въ отвѣтъ буду только я. Весь позоръ падетъ на мою голову“. Команда ничего не сказала. На суднѣ было такое мнѣніе, что командиръ „*Николая I*“, капитанъ 1-го ранга Смирновъ, былъ за сдачу. Когда команду послѣ сдачи посадили на японское судно „*Шикишима*“, всѣ стали съ любопытствомъ смотрѣть, какія поврежденія успѣла нанести этому судну наша артиллерія; оказалось—почти никакихъ. Судно было чистенькое, какъ будто вышло на парадъ. Палуба была вымыта такъ, какъ у насъ и въ мирное не бываетъ. На пушкахъ краска даже не потрескалась, а у насъ пушки были заржавѣлыя. Словомъ, больно было смотрѣть, до чего у нихъ все въ порядкѣ, а у насъ нѣтъ. Конечно, если бы мы и думали сопротивляться, Японцы потопили бы насъ шутя. Въ это время Японцы позволяли командѣ еще рассказывать по судну, но потомъ они стали запираеть насъ“... Свидѣтель Шевченко идетъ дальше. Онъ рисуетъ моментъ, предшествовавшій сдачѣ такъ, что Небогатовъ вовсе не рѣшалъ вопроса о сдачѣ, но, собравъ команду и изложивъ положеніе дѣла, спросилъ мнѣнія: хотятъ ли сражаться или предпочитаютъ сдачу, не скрывъ, что сраженіе—значитъ гибель всѣхъ. Команда нашла, что всего правильнѣе будетъ сдаться. Послѣ этого адмиралъ велѣлъ поднять флагъ о сдачѣ. Все же Японцы продолжали нѣкоторое время стрѣлять. Прекратилась стрѣльба лишь тогда, когда подняли японскій флагъ по международному своду.

Изъ допроса свидѣтелей выяснилось, что на броненосцахъ отряда Небогатова орудія были старыя, образца 77 года, спасательныхъ средствъ было мало, шлюпки были разбитыя, и единственно, чего было достаточно, это—патроновъ для ружей и пулеметовъ.

По вопросу о самой сдачѣ свидѣтели показываютъ вообще сходно. Но одинъ свидѣтель очень оригиналенъ: на вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, онъ отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно. Если бы не было удостовѣрено, что онъ служилъ подносчикомъ для снарядовъ при орудіи на броненосцѣ „*Николай I*“ въ день Цусимскаго боя, то можно было бы подумать, что онъ тамъ никогда не былъ, — такъ мало запечатлѣлись въ его мозгу происшедшія на его глазахъ событія! А между тѣмъ это—грамотный и очень видный малый; подпись свою на показаніи слѣдственной комиссіи онъ узналъ, а что говорилъ и что видѣлъ, все накрѣпко позабылъ и, повидимому, вполне искренно.

На судѣ выяснился затѣмъ еще слѣдующій курьезъ: — „Возвратившись съ первой развѣдки 15 мая кр. „*Изумрудъ*“ передалъ въ рупоръ, что на горизонтѣ виднѣются „*Наваринъ*“, „*Нахимовъ*“, „*Олегъ*“ и рядомъ съ ними французскія суда“... (показаніе прап. Шаміе).

Флагманскій артиллерійскій офицеръ, кап. П. р. Курошъ открыто заявилъ на судѣ, что хорошо знаетъ всю исторію снаряженія Балт.-Цусимской эскадры, и хотѣлъ было уже рассказывать, какъ „Морской Техническій Комитетъ... спалъ“, когда это ему не слѣдовало бы дѣлать; но предсѣдатель суда не допустилъ сдѣлать этихъ разоблаченій.

Изъ показаній оф. Куроша и Бѣляева выяснилось, что отрядъ Небогатова два раза пробовалъ стрѣлять въ Индѣйскомъ океанѣ на разстояніе до 60 кабельт. Въ первый разъ снаряды долетали только до половины этого разстоянія, а во второй разъ удалось разбить два плавучихъ щита.

На судѣ тѣмъ не менѣе выяснилось затѣмъ, что передъ уходомъ въ походъ старый бр. „*Николай I*“, возвращенный изъ-за границы изъ-за негодности, ремонтировался плохо и въ теченіи всего трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ, напр., ремонтъ новаго бр. „*Александръ III*“ занимался полтора года. Передъ сдачей Японцамъ котлы на „*Николаѣ*“ были умышленно, яко бы испорчены: въ нихъ была пущена морская вода вмѣсто прѣсной.

Далѣе выяснилось: 1) что на флагманскомъ бр. „*Николай I*“ только предполагали поставить новыя орудія, а поставили все-таки старыя шести-дюмовыя, образца 1877 года; 2) что въ Либавскомъ портѣ снаряды при выгрузкѣ изъ вагоновъ клали прямо на снѣгъ, а въ погребѣ грузили уже потомъ по мѣрѣ возможности; точно также снаряды выгружались прямо въ снѣгъ даже и тогда, когда надо было ихъ грузить на броненосцы, но подвозные пути къ нимъ были временно заняты; это дѣлалось „изъ экономіи“, чтобы не платить за простой вагоновъ лишнія сутки; а затѣмъ нанимались мастеровые, чтобы грузить тѣ же самые снаряды на портовые платформы, на которыхъ снаряды уже впослѣдствіи подвозились къ мѣсту стоянки броненосцевъ.

Лейт. Пеликанъ о снарядахъ рассказывалъ на судѣ слѣдующее: — „Насъ учили, и я самъ училъ этому другихъ, что снаряды при ударѣ о препятствіе не должны разрываться, они должны только пробивать его. Настала война. Появилось въ газетахъ извѣстіе, что японскіе снаряды никуда не годятся, они рвутся при ударѣ о броню и воду,

наши же снаряды великолѣпны... *И мы были твердо въ этомъ убѣждены.* Дѣйствія нашихъ снарядовъ ранѣе мы никогда не видѣли; въ артиллерійскомъ отрядѣ ими не стрѣляли; не было на это разрѣшенія, „дорого стоять“... Правила стрѣльбы были такіа: при разстояніяхъ свыше 20 кабельт. стрѣльба изъ пушекъ по броненоснымъ судамъ должна была вестись фугасными снарядами; при разстояніяхъ между 20—10 кабельт. 12-дюймовыя орудія переходятъ на стрѣльбу бронебойными снарядами; пушки же 6-дюйм. и 120-миллиметровыя начинаютъ стрѣлять бронебойными снарядами только при уменьшеніи разстоянія до 10 кабельт. Для пушекъ „*Николая*“ и это разстояніе въ 10 кабельт. было велико“... И это былъ флагманскій броненосецъ. Этимъ и объясняется, что бронебойныхъ снарядовъ утромъ 15 мая оставалось на „*Николаѣ*“ еще изрядное количество: „12-дюймовыхъ изъ 60 штукъ было израсходовано только 18; 9-дюймовыхъ изъ 100 штукъ было израсходовано только 23; 6-дюймовыхъ изъ 578 было выпущено 318, оставалось 260 (показаніе лейт. Пеликана); фугасныхъ же оставалось очень немного: 12-дюйм. были выпущены всѣ 72 штуки; 9-дюйм. оставалось только 12 шт. изъ 250; 6-дюйм. былъ еще запасъ въ 138 шт. изъ 882“.

Въ помѣщеніяхъ для храненія снарядовъ температура бывала выше нормы; принимались мѣры для устраненія этого, но онѣ этой цѣли не достигали; эти обстоятельства оказали свою долю вліянія на качества пороха, и снаряды получали поэтому *недолетъ противъ установленныхъ нормъ*; величину недолета при выстрѣлѣ изъ 10-дюйм. орудія оцѣнивали, примѣрно, въ 5 кабельт. при заданной дистанціи въ 55 кабельт.

Вооруженіе „*Сенявина*“ происходило во время забастовокъ Обуховскаго и Путиловскаго заводовъ, прошло очень спѣшно и неудовлетворительно; пришлось многое исправлять и налаживать уже въ походѣ; при такихъ условіяхъ „не шли, а бѣдствовали“, т. к. работать въ это время было очень трудно.

Вопросъ о поврежденіяхъ, полученныхъ японской эскадрой отъ нашихъ снарядовъ, со словъ гг. офицеровъ, бывшихъ въ плѣну, былъ дополненъ и освѣщенъ такими данными:

На бр. „*Mikasa*“, на которомъ былъ сосредоточенъ весь огонь Балт.-Пус. эскадры, лейт. Степановъ видѣлъ „выше брони одну круглую пробоину, повидимому, отъ 10-дюймоваго снаряда; пробоина была задѣлана согнутой койкой и закрашена красной краской; вторая пробоина была въ трубѣ, — сквозное круглое отверстіе на вылетѣ; такелажъ, рей, — все было цѣло, невредимо; все было въ такой чистотѣ, какъ будто корабль вышелъ на смотръ, а не участвовалъ въ 8-часовомъ бою; на бр. „*Fuji*“, который во время боя ходилъ вторымъ, т.-е. слѣдовалъ за „*Mikasa*“, была пробоина отъ снаряда, попавшаго въ командирскую каюту; снарядъ ударился въ дверь, повреждена деревянная переборка; слѣдовъ взрыва нѣтъ, все цѣло“. Лейтенантъ Четвертухинъ и Трухачевъ видѣли поврежденія, полученные кр. „*Jdзито*“, который шелъ подъ флагомъ адм. Камимуры; „корабль имѣлъ 4 пробоины, изъ коихъ одна была серьезная; палуба каютъ-компаніи и двѣ переборки были пробиты; одинъ снарядъ разорвался какъ разъ въ каютѣ; но все дерево тамъ было цѣло, ни одна изъ щепокъ не была обожжена“... „На кр. „*Takima*“ было одно отверстіе отъ 6-дюйм. снаряда, который пробилъ оба борта и не разорвался“...

Относительно спасательныхъ средствъ выяснилось на судѣ, что спасательныхъ поясовъ на бр. „*Николай*“ было всего 44; но они были

старые, испорченные, и на о-въ Критъ ихъ сами чинили на кораблѣ; спасательныхъ круговъ было 20 шт., тоже старые, чиненные; койки и матрацы были исправны, — одна треть новыхъ, двѣ трети старыхъ. Около двухъ третей всѣхъ матросовъ плавать не умѣли, были взяты изъ Вологодской и Вятской губерній. Это—показаніе шкипера Преображенскаго съ „Николая“; самъ онъ — нижегородецъ, съ Волги, но ему стоило большихъ трудовъ попасть во флотъ. „Набирали команду отовсюду и очень разнородную; тутъ были повара, конюхи, а матросовъ очень мало. Офицерамъ стоило большого труда создать изъ этихъ людей боевую единицу“.

Общая картина, вырисовавшаяся изъ допроса всѣхъ свидетелей обвиненія, такова: средствъ спасти экипажъ не было никакихъ, такъ какъ, помимо поврежденія въ судахъ, сами спасательные средства (шлюпки, буи, спасательные круги) находились въ весьма жалкомъ состояніи. Тогда Небогатовъ, руководствуясь закономъ, рѣшилъ сдачу, предварительно посоветовавшись со своими офицерами. Небогатовъ представляетъ себя полномочнымъ начальникомъ, который руководствовался своимъ разумомъ и чувствами, который въ ту трагическую минуту былъ гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ теперь на судѣ.

Слѣдуютъ свидетели защиты — всѣ по „Николаю I“, вызванные отдѣльными подсудимыми для установленія или опроверженія отдѣльных подробностей (какъ напримѣръ, находился ли тотъ или другой изъ подсудимыхъ въ моментъ совѣщанія адмирала Небогатова со штабомъ въ боевой рубкѣ). Свидѣтели въ большинствѣ случаевъ повторяютъ точно заученный урокъ. Толку отъ нихъ добиться трудно. Подсудимый старшій инженеръ-мех. Хватовъ даетъ объясненіе по поводу вопроса о скорости „Николая I“. Въ официальной справочной книжкѣ скорость его показана—14 узловъ, между тѣмъ изъ показаній всѣхъ свидѣтелей видно, что скорость хода броненосца была 11,2 узла: 14 узловъ—это скорость, развиваемая во время официального испытанія, когда специально чистятся котлы, берется специальный уголь, набирается специальная команда. Но самая главная причина уменьшенія скорости хода — въ томъ, что разбита была носовая дымовая труба, листы были разворочены, и труба лопнула; а затѣмъ все время было залито носовое отдѣленіе, почему получился кренъ на носъ. Разсылный Лясовъ удостовѣрилъ весьма важное обстоятельство, что уже послѣ сигнала о сдачѣ съ „Орла“ были произведены 3 выстрѣла.

Выдѣлялось изъ всѣхъ показаніе свидѣтеля корабельнаго инженера капитана Костенко. Это одинъ изъ серьезно образованныхъ морскихъ офицеровъ; говорилъ онъ образно и краснорѣчиво. Костенко, служилъ на сдавшемся броненосцѣ „Орелъ“ и былъ очевидцемъ цусимской катастрофы; ему отлично извѣстны боевые и прочіе недостатки судна, а также всѣ обстоятельства и настроеніе команды до сдачи, во время сдачи судна, въ плаваніи и послѣ сдачи. Свидѣтель былъ раненъ еще до боя, разгромившаго нашу эскадру. Услыхавъ извѣстіе о состоявшейся сдачѣ броненосца, Костенко съ помощью мичмана Карпова поднялся на верхнюю палубу, но увидѣлъ, что всѣ 4 броненосца небогатовскаго отряда тѣснымъ кольцомъ окружены японской эскадрой. Свидѣтель безъ всякаго наводящаго вопроса со стороны защиты, откровенно заявилъ, что, окинувши взоромъ суда непріятельской эскадры и обративъ вниманіе на ихъ число, блестящую внѣшность и отсутствіе поврежденій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что инаго выхода, какъ сдача, адмиралу Небогатову не было

Это же убѣжденіе должна была раздѣлять и команда, которою 15-го мая овладѣло какое-то подавленное настроеніе, состояніе полнѣйшей апатіи, вслѣдствіе безрезультатности нашей орудійной стрѣльбы наканунѣ по непріятельскимъ судамъ. Изъ отвѣтовъ инженера Костенко, на рядъ вопросовъ, предложенныхъ прис. пов. Волькенштейномъ, между прочимъ выяснилось, что броненосецъ „Орелъ“ *отправился въ плаваніе безъ предварительныхъ испытаній*, хотя еще въ Кронштадтѣ обнаружилъ свою плавательную неблагонадежность, опрокинувшись при какомъ-то поворотѣ и едва не утонувъ. Потребовалось двѣ недѣли для того, чтобы снова поставить броненосецъ въ подобающее ему положеніе; эти двухнедѣльные работы однако создали для „Орла“ великолѣпную трюмную команду, которая и спасла броненосецъ во время продолжительнаго и труднаго плаванія. За-то остальная судовая команда была совершенно неподготовлена не только въ боевомъ смыслѣ, но и просто для плаванія. Ее пришлось обучать во время пути. Въ пути же обучали орудійную прислугу стрѣльбѣ, которая производилась всего 3 раза и дали *очень печальные результаты*.

Показаніями кораб. инж. Костенко между прочимъ установлены слѣдующіе факты:

„Крытая броневая палуба у броненосца *Николай I-й*“ вслѣдствіе перегрузки была у ватерлиніи, хотя *должна была быть* на 3 фута надъ водой; запасъ прѣсной воды былъ взятъ на него 2100 тоннъ *вмѣсто нормы въ 1000 тоннъ*. Въ палубѣ этого броненосца было всего 6 переборокъ; и 2—3 пробоины близъ ватерлиніи грозили опрокинуть корабль. Перегрузка для него была крайне опасна. Если бы вода зашла въ палубу, то судно опрокинулось бы. Въ носовомъ отдѣленіи броненосецъ имѣлъ уже *два пробоины*, и положеніе его считалось весьма серьезнымъ“.

„Во время постройки „Орла“ Рождественскій три раза посѣтилъ его, но *не осматривалъ*... Рулевой аппаратъ этого броненосца былъ въ *неисправности* еще при выходѣ изъ Либавы; при неосторожномъ обращеніи съ нимъ, когда руль приходилось класть на бортъ, *броненосецъ легко можно было опрокинуть*... Перегрузка на „Орлѣ“ была въ 1700 тоннъ. На пробѣ передъ уходомъ въ походъ корабль давалъ 17,6 узловъ; въ походѣ шли на 11 узлахъ; въ бою на „Орлѣ“ одинъ котель вышелъ изъ строя, дымовыя трубы были пробиты, особенно кормовыя, и ходъ могъ быть у броненосца не болѣе 15¹/₂—16 узловъ. Въ „Орелѣ“ попало 14 мая до 150 большихъ снарядовъ, изъ нихъ 42 были 12-дюймоваго калибра. Въ очень короткій промежутокъ времени съ 7 час. до 7 ч. 20 м. въ правый бортъ броненосца попало около пятнадцати штукъ 12-дюйм. снарядовъ, изъ этихъ попаданій было шесть парныхъ, изъ чего можно заключить, что Японцы стрѣляли залпами. Въ лѣвомъ борту „Орла“ было 30 попаданій за 10 минутъ; при чемъ около 12 снарядовъ было 12-дюймовыхъ, и концентрировались они около боевой рубки, которая представляла незначительную защиту, и находившіеся въ ней не были укрыты отъ осколковъ... *Образцы постройки боевыхъ рубокъ за 20 лѣтъ у насъ не измѣнились*, хотя намъ извѣстны были и лучшіе образцы. На „Николаѣ“ всѣ 6-д. и 9-д. орудія были поставлены безъ защиты отдѣльно по палубѣ, какъ ставили ихъ на судахъ въ 80-хъ годахъ“...

„Наши суда страдали отъ перегрузки, а также отъ типа бронирования. Броня японскими снарядами не разрушалась. На „Орлѣ“ броня выдерживала 8-д. снаряды. Единственный случай, гдѣ броня была пробита, это — на „Суворовѣ“; да и то возможно предположить,

что она была пробита случайно попавшимъ *русскимъ снарядомъ*, а не японскимъ... Главная сила японскихъ снарядовъ была въ томъ, что, во 1-хъ, они разрушали наружную часть судна, противъ чего русскія суда были беззащитны, а во 2-хъ, они давали сильныя сотрясенія. Разрушительная сила японскихъ снарядовъ, какъ и въ минахъ, была одна и та же на разстояніи 15 кабельт. и 70 кабельт.; наши же снаряды были рассчитаны на пробиваніе бронированныхъ частей известной толщины, на пробиваніе брони, а живая сила снаряда падаетъ по мѣрѣ увеличенія дистанціи“.

Сравнивая типы нашихъ броненосцевъ съ японскими, корабельный инженеръ Костенко сообщилъ такія данныя:

Броненосецъ нашего типа „Ослябя“ (спуска 1898 г.) уступалъ японскому типу „Asahi“ (спуска 1899 г.); но „Mikasa“ (спуска 1900 г.) перевернулся бы скорѣе чѣмъ нашъ „Орелъ“ (спуска 1902 г.), если бы оба они получили одинаковыя критическія поврежденія, п. ч. тотъ имѣетъ только одинъ броневой поясъ, а наши два; а вышло наоборотъ, благодаря перегрузкѣ нашихъ броненосцевъ, при которой для нихъ дѣлался особенно губительнымъ типъ японскихъ снарядовъ. Наши броненосцы типа „Бородино“ не были приспособлены къ дальнему плаванію; а совершивъ таковое, были мало пригодны къ бою. На броненосцахъ типа „Mikasa“—сильная и прекрасно защищенная артиллерія, и все предусмотрѣно, чтобы сдѣлать большой переходъ (не менѣе 5000 миль): есть большія угольныя ямы, есть большіе запасы прѣсной воды. Типы „Ослябя“ и „Пересвѣтъ“ (спуска 1898—99 гг.) были приспособлены для большихъ переходовъ лучше, чѣмъ позднѣйшій типъ „Бородино“. Этотъ типъ далъ бы намъ преимущество, если бы ему пришлось работать въ узкомъ районѣ, на близкихъ разстояніяхъ, т.-е. если бы, не перегружая корабля, надо было использовать его броневую защиту. Такъ и было бы, если бы наши броненосцы типа „Бородино“ пришли въ П.-Артуръ своевременно, безъ нашихъ запаздываній въ выполненіи строительной программы. А разъ этого не случилось, Японцы не допустили насъ имѣть на нашей сторонѣ еще и это преимущество и воспользовались съ войной.

Свидѣтельскими показаніями подтверждено, что позоръ русскаго флота былъ естественнымъ послѣдствіемъ всего режима, а не отдельныхъ лицъ, имѣвшихъ несчастье командовать русскими судами.

„Лейт. Тросницкій съ броненосца „Николай I-й“ подтвердилъ, напр., что на суднѣ годныхъ снарядовъ на 15-е мая оставалось незначительное количество, артиллерійское оборудование корабля было крайне неудовлетворительно, качество орудій плохое. Оптическими инструментами на суднѣ было пользоваться невозможно: всѣ они давали сильный прогибъ. На суднѣ не было полного комплекта боевыхъ снарядовъ; приходилось сильно экономить, и команду стрѣльбы почти не обучали“. Лейт. Пеликанъ допросомъ свидѣтелей установилъ, что на „Николаѣ“ орудія были стараго образца, наводчики при стрѣльбѣ орудій поворачивать ихъ не могли; пушки были снабжены гальваническими трубками, но батареи были испорчены. Лейт. Курошъ обратилъ вниманіе суда на то, что „наши дальномѣры были совершенно непригодны для опредѣленія большихъ разстояній“.

Таково было состояніе эскадры, отправленной для подкрѣпленія адм. Рожественскаго. Все это не было тайной для морского министерства; и у него, слѣдовательно, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно участи, которая ожидаетъ эскадру въ случаѣ столкновенія съ японскимъ флотомъ.

Въ качествѣ свидѣтеля вызванъ былъ въ судъ и вице-адмиралъ Рожественскій. Предсѣдатель объявилъ суду, что онъ вызванъ по ходатайству защиты для дачи показаній, относящихся къ вопросу о сдачѣ эскадры Небогатовымъ. Рожественскій начинаетъ свое выступленіе съ заявленія: „Мнѣ помнится, что нѣкоторые защитники хотятъ основываться на обвиненіяхъ, предъявленныхъ мнѣ. Совмѣстно ли съ этимъ намѣреніемъ принятіе мной присяги?“ Предсѣдатель разъясняетъ Рожественскому, что „на вопросы, которые клонятся къ обвиненію свидѣтеля, онъ не обязанъ отвѣчать“. Послѣ этого Рожественскій принимаетъ присягу и даетъ свои отвѣты на вопросы цѣлаго ряда защитниковъ. Эту часть допросовъ я передамъ здѣсь въ видѣ сжатой выдержки изъ опубликованнаго официальнаго „отчета“. На вопросы о способахъ обученія, которые были приняты на эскадрѣ, Рожественскій отвѣчалъ: „Комендоровъ обучали стрѣлять на 25—30 кабельтов., но такъ, что изъ тысячи комендоровъ 50 стрѣляли сами, а остальные смотрѣли, какъ другіе стрѣляютъ; стрѣляли не только учебными снарядами, но и боевыми, только въ очень ограниченномъ числѣ“. Соблюдалась экономія.

На вопросы прис. пов. Карабчевскаго объ отрядѣ Небогатова Рожественскій высказался такъ: какъ только прибылъ на о-въ Мадагаскаръ, я узналъ, что придетъ на помощь эскадрѣ еще отрядъ Небогатова; *принужденъ былъ его ждать*; помощь отъ него была *надежная*, но вопросъ, когда она пришла; *если бы идти раньше*, хотя и съ меньшимъ числомъ судовъ, то мы были бы совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ когда мы пошли позже съ большимъ числомъ судовъ; тогда японскій флотъ не успѣлъ бы еще придти въ порядокъ; броненосцы отряда Небогатова были столь же *приличны*, какъ и „Наваринъ“, „Сисой“, „Нахимовъ“ во 2-мъ отрядѣ; у нихъ были *очень хорошія орудія*, современные 10-дюймовыя, хотя нѣсколько слабѣе орудій послѣдняго образца, не особенно скорострѣльныя, но все-таки имѣющія большія преимущества передъ 8-дюймовыми орудіями японскихъ крейсеровъ и броненосцевъ; на „Николаѣ 1-мъ“ были еще орудія крупныя, 12-дюймовыя, устарѣвшей системы; тѣ стрѣляли *тихо*, но здѣсь рѣчь идетъ не о нихъ, а о 10-дюймовыхъ новыхъ¹⁾, но вотъ рулевой приводъ на „Николаѣ“ портился въ походѣ *разъ пятьдесятъ...*

По вопросу о курсѣ эскадры: „14-го числа курсъ мѣнялся два раза и послѣдній былъ *NO 23°*, къ срединѣ Корейскаго пролива. Было ли въ моихъ приказахъ отъ 10 мая указаніе, что ближайшей цѣлью движенія эскадры долженъ быть Владивостокъ, не помню; но *всякій зналъ, что мы идемъ именно во Владивостокъ*, и никуда въ другое мѣсто идти не можемъ“.

По вопросу о томъ, когда именно Рожественскимъ былъ покинута „Суворовъ“, онъ точно установить не можетъ, но думаетъ, что это было около 5 ч. 30 мин.

Прис. повѣр. Маргуліесъ. Было Вами дано какое-нибудь распоряженіе о передачѣ командованія эскадрой послѣ того, какъ Васъ, больного, перенесли на миноносецъ, или же Вы считали себя еще командующимъ эскадрой? — Вице-адм. Рожественскій. Когда я былъ въ безсознательномъ состояніи?.. — Маргуліесъ. Я и хочу это установить. Я прошу Васъ сказать, могли ли Вы командовать въ это время? — Ро-

¹⁾ Это — тѣ самыя орудія, о которыхъ выше на стран. 91 говорится, что орудія поставлены новыя, а размѣры портовъ для нихъ оставлены, какъ были при старыхъ и дальнобойность орудій нельзя было поэтому использовать... П. Х.

жественскій. Я полагаю, что какъ только получилась возможность передать командованіе, это и было сдѣлано. — *Маргуліеъ*. Впослѣдствіи Вы не узнали, какъ это было передано? — *Рождественскій*. Тотчасъ по пересадкѣ штаба со мною на миноносецъ, сигналомъ было дано знать о передачѣ командованія адм. Небогатову. — *Маргуліеъ*. Это сообщить миноносецъ? — *Рождественскій*. Кто сообщилъ, въ точности сказать трудно, почти всѣ суда эскадры репетовали этотъ сигналъ, въ томъ числѣ и суда отряда Небогатова, хотя можетъ быть „*Николай I-й*“ и не отретовалъ его. По выяснившимся впослѣдствіи даннымъ, сигналъ былъ переданъ еще однимъ изъ транспортных судовъ и миноносцемъ, специально посланнымъ подтвердить его на словахъ и указать курсъ, которому надо слѣдовать. — *Маргуліеъ*. Не предполагалось ли по первоначальнымъ Вашимъ распоряженіямъ, что въ случаѣ Вашей пересадки и флагъ Вашъ будетъ перенесенъ на миноносецъ? — *Рождественскій*. Да, предполагалось.

По вопросу о дисциплинарныхъ отношеніяхъ Рождественскій отвѣчалъ прис. пов. Адамову, что въ служебной сферѣ онъ требовалъ безпрекословнаго, безусловнаго подчиненія его волѣ; никакого протеста, никакой анархіи онъ не допустилъ бы, даже если бы приказъ былъ неправиленъ; отвѣчать за него долженъ тогда начальникъ, а не подчиненный, который исполняетъ приказъ. „*У меня не было такихъ подчиненныхъ, которые не исполняли бы приказаній*“.

Прис. пов. Коровиченко. Если бы Вы пришли къ выводу, что Вамъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, надлежитъ сдать эскадру и подняли бы объ этомъ сигналъ, считали бы Вы этотъ сигналъ обязательнымъ для командировъ отдѣльныхъ судовъ или нѣтъ? — *Рождественскій*. Считалъ бы.

Прокуроръ. Вамъ, свидѣтель, извѣстно, что по смыслу закона подчиненные не только не обязаны, но не имѣютъ права исполнять такихъ приказаній, коими предписывается имъ нарушить присягу и вѣрность службѣ, или совершить дѣяніе явно преступное; если бы Вы отдали такое именно приказаніе, если бы подчиненные видѣли, сознавали незаконность Вашего приказанія, обязаны ли они были повиноваться Вамъ, или должны были слѣдовать волѣ законодателя? —

Рождественскій. Они обязаны были исполнять мое приказаніе, т. е. подчиненные не могутъ надлежащимъ образомъ оцѣнить всѣхъ соображеній начальника. — *Прокуроръ*. Это Ваше личное мнѣніе? — *Рождественскій*. Да. — *Прис. пов. Адамовъ*. Приказаніе можетъ казаться незаконнымъ, а въ дѣйствительности быть вполне законнымъ; г-нъ прокуроръ поставилъ вопросъ такъ, какъ будто бы приказаніе адм.

Небогатова противорѣчило закону; я же стараюсь доказать противное. — *Рождественскій*. Позвольте задать вопросъ г-ну прокурору. Если бы, напр., при отступленіи подъ Лаояномъ, воинскія части отказались отступать; онѣ, по мнѣнію г-на прокурора, поступили бы правильно? Отступленіе могло вѣдь входить въ дальнѣйшіе планы главнокомандующаго, а подчиненнымъ оно могло казаться незаконнымъ? Молчаніе

Предсѣдатель. Отвѣта на Вашъ вопросъ не будетъ.

Прис. пов. Адамовъ. Не говорили-ли Вы, что русскій народъ ждетъ, что судъ не только не разрушитъ своимъ приговоромъ дисциплины, но и покажетъ, что нельзя карать людей невинныхъ, лишь исполнившихъ приказъ начальника? — *Рождественскій*. Да, я это говорилъ. — *Адамовъ*. Прошу удержать въ памяти знаменательныя слова адмирала, доказывающія, что офицеры посажены на скамью подсудимыхъ по одному недоразумѣнію.

Прис. пов. Аронсонъ. Если бы Вы отдали приказаніе отступить или сдаться, но нашелся бы одинъ мужественный офицеръ, который, вопреки Вашему приказанію, сталъ бы увлекать команду не повиноваться Вамъ. Какъ бы Вы поступили въ такомъ случаѣ? — *Роже-ственскій.* Я бы его застрѣлилъ...

Капитанъ 1-го ранга Лишинъ подробно выясняетъ на судѣ инвалидность бр. „Апраксина“. Года за три до Цусимскаго боя этотъ корабль „во время плаваній во льдахъ помялъ себѣ носовую часть и сильно ее ослабилъ; затѣмъ онъ долго сидѣлъ на мели у Гогланда и распаталъ себѣ весь корпусъ; носовая башня была сдвинута съ мѣста, да такъ и осталась кривою. Корабль текъ всей верхней палубой, которая не мѣнялась, несмотря на то, что *объ этомъ просили много разъ.* Въ Бискайскомъ заливѣ въ теченіе цѣлыхъ шести дней корабль былъ наполовину наполненъ водою, даже въ офицерскихъ каютахъ. Башни уходили подъ воду почти цѣликомъ. Пришли въ Суду, и 6 дней чинили корабль собственными средствами, чеканили стыки листовъ и заклепки, которыя текли; а гдѣ нельзя было чеканить, заливали цементомъ... Въ бою 14 мая отъ сотрясенія при выстрѣлахъ изъ своихъ орудій и отъ разрыва японскихъ снарядовъ, которые падали близъ борта, швы корабля и всѣ заклепки сдали, броня совершенно отошла отъ борта... Все время на всѣхъ палубахъ стояла вода. Послѣ сдачи 15 мая корабль былъ настолько плохъ, что по прибытіи въ Сасебо почти тонулъ, и Японцы *поторопились вести его въ докъ*... А Роже-ственскій и его также считалъ въ числѣ „приличныхъ“ броненосцевъ.

Подобную же характеристику инвалидности и бр. „Сенявина“ пришлось выслушать суду отъ старшаго офицера съ этого корабля. „Передъ выходомъ производили пробную стрѣльбу залпами изъ башенъ, поэтому вся палуба въ пазахъ разошлась, и болты сдали. Жилая палуба очутилась въ водѣ, а спускать воду было некуда... Надо было выкачивать воду ведрами. Люди шли неохотно на эту работу; приводили ихъ за шиворотъ... Только придя къ Скагену, законопатили и задѣлали палубу. А тамъ опять началась свѣжая погода. На крупной зыби размахъ „Сенявина“ доходилъ до 25—28°, были и такіе моменты, когда *броненосецъ лежалъ на боку*... Руль былъ неисправенъ еще и *въ Либавѣ*; а въ пути испортилась рулевая машина, пришлось переходить на ручное управленіе. По счастью въ пути не было настоящего шторма; его наши старые броненосцы не выдержали бы... Но и безъ этого на кораблѣ не было *ни одной вещи сухой*, вездѣ вода... Не доходя до Скагена, пришлось стать въ морѣ на якорь; но заложить катъ никто изъ матросовъ не рѣшался, — „утонешь“; баковый лейтенантъ, перенесшій передъ этимъ простудную болѣзнь, долженъ былъ лѣзть самъ; при этомъ онъ окунулся въ холодную воду“... И эту старую „калошу“ на официальномъ языкѣ тоже называютъ приличнымъ броненосцемъ.

При одномъ посѣщеніи „Апраксина“ въ Либавѣ во время его ремонта и снаряженія контръ-адм. Ирецкимъ командиръ сдѣлалъ ему представленіе о томъ, что старая палуба у бронекосца течетъ и что слѣдовало бы ее смѣнить. Отвѣтомъ на это было только грубое непечатное ругательство и упрекъ: — „Вамъ бы все отстаиваться“ (показаніе мичм. Тивяшева).

Для выясненія вопроса о быстротѣ спуска шлюпокъ и катеровъ на воду съ корабля, который шелъ не на шлюпочное ученіе, а въ бой, старшій офицеръ съ „Сенявина“ сдѣлалъ объясненіе всей этой опе-

рации и далъ подробный подсчетъ минимальнаго времени, необходимаго на это. По его даннымъ надо было на эту работу употребить на „Сенявинъ“ никакъ не меньше полутора часа времени, п. ч. шлюпки были залиты водою, на нихъ были надѣты въ бою чехлы и наложены найтовы, а затѣмъ они были обмотаны сѣтями минныхъ загражденій; стрѣлы не были вооружены, отводные блоки и подъемныя тали были всѣ убраны для того, чтобы они въ бою не были перебиты, и чтобы осколками ихъ не было ранены люди. Всѣ приспособленія для спуска были первобытны и въ недостаточномъ числѣ; хлопотали передъ походомъ объ устраненіи этихъ недостатковъ, но на это никто свѣше не обратилъ вниманія...

Защитники подробно спрашивали всѣхъ свидѣтелей относительно снаряженія эскадры Небогатова. Выяснилось, что *Технический Комитетъ отнесся къ снаряженію эскадры безъ достаточнаго вниманія* (см. стр. 315 официального „Отчета по дѣлу о сдачѣ“). Предсѣдателемъ этого Комитета былъ адм. Дубасовъ. Защита ходатайствовала о его вызовѣ въ качествѣ свидѣтеля. Судъ постановилъ отказать защитѣ въ этой просьбѣ на тѣхъ же формальныхъ основаніяхъ, какъ и раньше по поводу ея ходатайства о вызовѣ въ судъ адм. Бирилева: о причинахъ, приведшихъ насъ къ пораженію подъ Цусимою, ведется *особое дѣло*, которое поручено слѣдственной комиссіи подъ предсѣтельствомъ адм. Дикова.

Одинъ изъ судей задалъ адмиралу Небогатову вопросъ: Въ своемъ объясненіи вы сказали, что, когда вы очутились окруженный кольцомъ непріятельскихъ кораблей и у васъ не оставалось никакой надежды на спасеніе, то вы обратились къ руководству закона и нашли въ немъ статью 354 морск. уст., позволяющую сдать корабль. Вы говорили при этомъ, что вы разсуждали хладнокровно; но обратили-ли вы вниманіе на то, что законодатель допускаетъ сдачу корабля только при одномъ условіи, а именно: при соглашеніи всѣхъ офицеровъ экипажа? Испросили-ли вы у офицеровъ этого требуемаго въ законѣ согласія?—Небогатовъ отвѣтилъ: „Я понималъ это выраженіе закона въ томъ смыслѣ, что я долженъ сообразоваться—дѣйствительно ли я находясь въ положеніи, указанномъ закономъ. Я позволяю себѣ предложить обратный вопросъ: какъ-бы я долженъ былъ поступить, если-бы хоть одинъ офицеръ не сослался съ рѣшеніемъ о сдачѣ? Долженъ ли я былъ-бы подчиниться велѣнію закона или рѣшенію этого офицера?“—По окончаніи допроса свидѣтелей предсѣдатель предложилъ обвиняемымъ дополнить судебное слѣдствіе своими объясненіями. Небогатовъ пожелалъ объяснить, почему именно онъ пошелъ съ третьей эскадрой противъ Японцевъ, хотя зналъ о состояніи порученной ему эскадры.

Осенью 1904 г. телеграммой управляющаго морскимъ министерствомъ изъ Черноморскаго флота, гдѣ завѣдывалъ учебно-артиллерійскимъ отрядомъ, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ адм. Авеланъ поручилъ ему особое дѣло, которое онъ и велъ, между прочимъ имѣя въ качествѣ помощника кап. 2-го р. Кросса. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ приглашенъ въ засѣданіе комиссіи изъ высшихъ чиновъ, въ томъ числѣ и адм. Бирилева, бывшаго тогда главнымъ командиромъ кронштадскаго порта. Комиссія обсуждала вопросъ о 3-й эскадрѣ. Предсѣдатель комиссіи адм. Авеланъ тутъ же предложилъ Небогатову, не покидая порученнаго дѣла, помочь въ вооруженіи и отправкѣ эскадры. Считая предложеніе для себя лестнымъ, Небогатовъ его принялъ и черезъ два часа выѣхалъ въ Либаву, гдѣ уви-

дѣлъ, что по снаряженію судовъ третьей эскадры работа идетъ во всю. Начальника эскадры однако не назначили. Когда ей нужно было начать компанію, контръ-адм. Небогатову изъ Петербурга предложено было поднять на эскадрѣ свой флагъ. Онъ его поднялъ. За пять дней до отхода эскадры на Дальній Востокъ Небогатовъ получилъ телеграмму: „Прибыть въ Петербургъ, сдать командованіе эскадрой контръ-адм. Данилевскому“. „Я собралъ свои чемоданы,—разсказываетъ Небогатовъ,—собрался ѣхать, какъ вдругъ опять талеграмма: „Данилевскій отказался, все по-старому“; значитъ, оставалось идти; разсуждать тутъ было некогда; да и что за разсужденія? Поступая на службу во флотъ, я далъ себѣ слово никогда ничего не просить и ни отъ какихъ порученій не отказываться. Прослуживши 40 лѣтъ, аккуратно получая 20-го числа то, что мнѣ полагалось, что было еще разсуждать. Я пошелъ; мнѣ было приказано идти на соединеніе съ эскадрой адм. Рожественскаго. Задачу свою я исполнилъ такъ, какъ только могъ ее исполнить. Порученную мнѣ эскадру привелъ въ наилучшемъ видѣ, какой она могла имѣть, къ назначенному мѣсту. Зачѣмъ я шелъ? Не знаю; быть-можетъ, меня послали съ цѣлью демонстраціи; быть-можетъ, еще изъ какихъ-либо соображеній,—это мнѣ неизвѣстно; но собака не можетъ исполнять то, что требуется отъ лошади, а для лошади невыполнимо требованіе, предъявляемое къ собакамъ. Суда, составившія мою эскадру, я зналъ отлично какъ по прежней моей службѣ въ балтійскомъ флотѣ, такъ и по новой работѣ по ихъ вооруженію. Зналъ и тѣмъ не менѣе пошелъ; я дѣлалъ то, что было приказано. Дальнѣйшее меня не касается“...

Далѣе обсуждались сенсационныя подробности по поводу покупки парохода „Русь“. Это былъ старый хламъ, купленный у нѣмецкой компаніи торговаго пароходства. Осмотрѣвши его, Небогатовъ убѣдился, что на одни котлы потребуется поставить 260 заплата. Онъ подумалъ, зачѣмъ онъ мнѣ? А ему говорятъ,—для воздухоплавательнаго парка; вамъ безъ воздушныхъ шаровъ никакъ невозможно. Поѣхалъ на „Русь“, посмотрѣлъ и приказалъ, чтобы завтра ему показали, какъ это они поднимаютъ шары. Вечеромъ является къ нему воздухоплавательный полковникъ и докладываетъ, что завтра шары смотрѣть нельзя. Почему? Дѣло въ томъ, что наполненіе шаровъ газомъ у нихъ предполагалось двумя способами,—электрическимъ и химическимъ; такъ вотъ оказалось, что по первому способу не могутъ, такъ какъ машина сломалась, а химическимъ способомъ, оказывается, опасно. Нѣсколькимъ лицамъ ужъ и такъ фізіономіи опалило; а дальше, говорятъ, боимся, что весь корабль сожжемъ. Хотѣли оставить это судно въ Россіи; но, помилуйте, говорятъ, что скажетъ общественное мнѣніе! Пришлось взять его съ собой. Дошли съ „Русью“ до Скагена, составили изъ своихъ офицеровъ комиссію, „Русь“ осмотрѣли, нашли у нея деревянныя пробки въ трубкахъ холодильника, составили протоколъ и маршъ ее въ Либаву.

Этотъ разсказъ, сбивавшійся на анекдотъ траги-комическаго свойства, возбуждаетъ споръ о томъ, сколько уплачено за „Русь“. Одни говорятъ, что миллионъ, другіе—тысячъ на двѣсти меньше. Небогатовъ разъясняетъ, что графъ Строгановъ отдалъ за „Русь“ собственныхъ денегъ миллионъ, да потомъ казна приплатила еще тысячу 250 или триста.

Ходатайство прис. пов. Маргуліеса о приобщеніи къ дѣлу отчета адм. Мессера о состояніи судовъ, которыя вошли въ эскадру Небогатова, и письма адм. Бирилева, въ которомъ онъ ужасается плохому со-

стоянію эскадры, судомъ было отклонено. Тогда газеты „Русь“ и „Бирж. Вѣд“. напечатали 2. XII. 06 слѣдующее письмо адм. Бирилева къ адм. Мессеру:

„Глубокоуважаемый Владиміръ Павловичъ! Съ несказаннымъ ужасомъ прочелъ вашъ отчетъ. Что-же это такое? Флота нѣтъ, а то, что строится—выходитъ негоднымъ. Я чувствовалъ всю злобредность работъ Верховскаго, что рано или поздно придется разсчитываться за вѣру въ этого человѣка; и, къ несчастью, вижу, что не ошибся. Конечно, предстоитъ разсчитываться во время войны, когда на картѣ будетъ стоять честь, а можетъ-быть, и цѣлость страны. Нѣтъ болѣе разнузданной расточительности, какъ глупо поставленная экономія. Всѣ интересы флота сведены къ личнымъ интересамъ одного человѣка, да и въ этомъ еще было-бы поль-бѣды, а бѣда въ томъ нравственномъ разложеніи, которое изъ этого вытекаетъ. Умный, но не нравственный *Верховскій* сдѣлалъ карьеру на экономіи, а за нимъ всѣ дураки бросились въ экономію, и началась экономическая вакханалія, въ которой и деньги зря растрачиваются, и дѣло не дѣлается. Не понимаю управляющаго (бывш. морск. министра *П. П. Тыртова*), его дѣло—пока еще сторона, и какъ-бы сталъ онъ высоко, если-бы сейчасъ-же назначили слѣдственную комиссію изъ независимыхъ лицъ для выясненія строительныхъ безобразій и нахожденія путей, какъ выйти изъ такого неестественнаго положенія. Вѣдь строила-же казна верфи; строили дорого, но крѣпко, а теперь строить не дешевле, и такъ-же долго, и изъ рукъ вонъ скверно. На достройку „Гангута“ истрачено 350 тыс. руб., а экономія была всего въ 200 тыс. руб. На исправленіе и достройку „Сисоя“ израсходовано 900 тыс. франковъ. Это ли не осязательныя доказательства неразумной экономіи, возведенной выше цѣли затратить? Я читалъ вашъ отчетъ съ поглощающимъ интересомъ. Все правда, и правда, высказанная такимъ языкомъ, которымъ должны говорить уважающіе себя люди. Бѣдный Павелъ Петровичъ (Тыртовъ): въ одинъ годъ получить 2 отчета по вопросамъ наиважнѣйшимъ для флота и оба удручающіе и не имѣть въ наличіи силъ пресѣчь зло. Нѣтъ, лучше не быть властью, чѣмъ не умѣть ею пользоваться. Посылаю вамъ мой отчетъ, который такъ-же грустенъ, какъ и вашъ. Я думаю, что и всѣ прочія отрасли управленія не лучше, если въ нихъ разберутся люди, умѣющіе говорить правду не стѣсняясь... *Алексѣй Бирилевъ*, 1898 г. 16-го февр.; СПб. Знаменская, 15“.

Для полной характеристики этого судебного разбирательства здѣсь приведены далѣе выдержки изъ рѣчей прокурора и защитниковъ. Эти выдержки составлены мною на основаніи официальнаго „Отчета“, опускаю въ нихъ всѣ второстепенныя подробности и концентрирую сущность самыхъ положеній, имѣющихъ общій интересъ.

Приведемъ здѣсь сначала рѣчь военно-морского прокурора ген.-м. Вогакъ; онъ говорилъ 3½ часа. дѣлая истолкованіе суроваго закона, написаннаго еще во времена паруснаго флота, когда личная храбрость моряковъ имѣла господствующее надъ всѣмъ значеніе. Въ краткомъ извлеченіи главнѣйшія мѣста этой рѣчи сводились къ слѣдующему:

Сдача 3-ей эскадры является заключительнымъ эпизодомъ Цусимскаго разгрома. О причинахъ, вызвавшихъ его, ведется *особое слѣдствіе*. Предварить его результаты неполнымъ разборомъ теперь было бы напрасно. Неразрывна, конечно, связь событій всего боя и послѣдняго эпизода. Но съ точки зрѣнія военно-морской, вопросъ о винов-

ности Небогатова и его подчиненных может быть рассмотрѣнъ отдѣльно. Какъ бы ни была *легкомысленна посылка нашей плохо снабженной эскадры*, сдавшей безъ боя непріятелю, отвѣчать за сдачу должны. Допустимъ, что самая посылка эскадры была ошибкой, что суда ея были стары, орудія и снаряды хуже японскихъ, что образованныхъ въ военно-морскомъ отношеніи офицеровъ не было, команда не обучена, что соединеніе въ одну эскадру судовъ разныхъ типовъ и скоростей было пагубно, что наконецъ адм. Рождественскій надѣлалъ въ качествѣ флотоводца рядъ самыхъ грубыхъ ошибокъ. Допустимъ все это и посмотримъ, измѣнить ли это въ существѣ вопросъ о преступности самой сдачи судовъ отряда адм. Небогатова. По смыслу ст. 354 морск. уст. сдача корабля допустима лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. *При полной невозможности оказать врагу сопротивленіе слѣдуетъ искать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ.* Съ точки зрѣнія закона, при обсужденіи вопроса объ отвѣтственности командира за сдачу не важно поэтому знать, дурень ли или хорошъ былъ данный корабль въ боевомъ отношеніи, отвѣчалъ ли онъ требованіямъ современной техники, былъ ли надлежащимъ образомъ снабженъ, имѣлъ ли хорошо обученную команду и т. д. Съ точки зрѣнія закона должно лишь знать, въ какомъ состояніи находился данный корабль *непосредственно передъ сдачею*. Въ сколь бы ужасныхъ, безвыходныхъ условіяхъ ни былъ поставленъ командиръ корабля, онъ *обязанъ оказать врагу сопротивленіе, разъ не истощены средства обороны*; и сдать корабль, имѣя возможность *искать спасенія команды на берегу или въ шлюпкахъ*, онъ уже во всякомъ случаѣ права не имѣетъ.

Но настоящему дѣлу Верховнымъ Вождемъ флота преданы суду не только бывшій адм. Небогатовъ и командиры сдавшихся судовъ, но и всѣ офицеры, на этихъ судахъ находившіеся. Освобождены отъ суда только тѣ лица, которыя, по мнѣнію слѣдственной комиссіи, были тяжело ранены и никакого участія въ дѣлѣ принимать поэтому не могли. По дѣлу о сдачѣ миноносца „*Бѣдовый*“ особое присутствіе кронштадт. военно-морск. суда, а засимъ и главный военно-морской судъ признали, что за сдачу корабля при извѣстныхъ условіяхъ *могутъ отвѣчать не только флагманы, начальники отряда и командиры, но и другіе офицеры.* Когда незаконная сдача состоялась по предварительному на то соглашенію командира и офицеровъ, какъ это было при сдачѣ миноносца „*Бѣдовый*“, когда преступный характеръ дѣйствій офицеровъ стоитъ такимъ образомъ внѣ сомнѣній, тогда къ виновнымъ въ *соглашеніи на сдачу* безспорно можетъ быть примѣнена ст. 279 в.-м. у. Если сдача произошла безъ предварительнаго на то соглашения адмирала и командировъ съ офицерами, какъ это было на всѣхъ почти судахъ отряда Небогатова, то обвиненіе по указанной 279 ст. в.-м. у. можетъ быть предъявлено лишь тѣмъ изъ офицеровъ, кои *сознавали или не могли не сознавать* незаконности сдачи и того, что своими дѣйствіями или непротивленіемъ они способствуютъ осуществленію таковой незаконной сдачи. Внѣ этихъ условій, сколь бы предосудительно поведеніе офицеровъ ни было, они по суду отвѣчать не могутъ. Но офицеръ, исполнившій приказаніе начальника, направленное къ осуществленію незаконной сдачи и тѣмъ превысившій предоставленную ему по закону власть, а равно и офицеръ, не оказавшій такой сдачи противодѣйствія, должны отвѣчать, какъ участники или попустители преступленія, что предусмотрѣно ст. 279 в.-м. у., если только они сознавали или не могли не созна-

вать, что своею дѣятельностью они способствовали осуществленію незаконной сдачи.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на значеніи приказаній начальника и на тѣхъ способахъ, которыми *подчиненный можетъ протестовать противъ явно незаконныхъ дѣйствій начальства*. Вопросъ о вліяніи приказа начальника на отвѣтственность подчиненнаго за дѣянія, совершенныя во исполненіе приказа, одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ военно-уголовнаго права. Онъ разрѣшался въ различныя эпохи и въ отдѣльныхъ законодательствахъ далеко не одинаково. Повиновеніе признавалось всегда жизненнымъ началомъ войска, но слѣпымъ, безотчетнымъ это повиновеніе быть не должно. Каждый воинъ обязанъ направлять свою дѣятельность только къ такимъ дѣламъ, которыя указаны Верховнымъ Вождемъ въ Его повелѣнія и законахъ. Воинъ долженъ подчиняться не личной волѣ начальника, а волѣ Верховнаго Вождя, выраженной черезъ посредство начальника. Приказаніе начальника воли законодателя отмѣнять не можетъ. Полное, безотчетное подчиненіе волѣ начальника было бы *рабствомъ*, ничего общаго съ воинской дисциплиной не имѣющимъ.

Разъ сдача корабля происходитъ безъ созыва совѣта офицеровъ и въ условіяхъ 354 ст. морск. уст.,—приказаніе объ этой сдачѣ есть *преступленіе* и исполняемо быть не должно. Съ момента же спуска флага флагманомъ онъ болѣе не начальникъ. Еще Наполеонъ I сказалъ о генералѣ, сдавшемся по приказанію другого, также сдававшегося: „онъ, очевидно, спуталъ понятіе о воинской дисциплинѣ: *плѣнникъ не можетъ приказывать и кто исполнить его приказаніе — измѣнникъ*“. Что было дѣлать младшимъ офицерамъ адм. Небогатова? *Моск. уст. (ст. 14)* даетъ возможность каждому *принять на свою отвѣтственность* какую-либо особую мѣру, необходимость которой въ видахъ государственной пользы предоставляется доказать потомъ. И не въ забитости офицеровъ дѣло, а въ слабомъ сознаніи у нихъ чувства долга.

Къ этой сдачѣ эскадры многіе офицеры являются лишь „прикосновенными“—понятіе, хорошо разработанное нашей военно-юридической практикой. Каждый случай поврежденія или крушенія военнаго судна подлежить суду, при чемъ часто случается, что вполнѣ безукоризненные офицеры только при помощи суда получаютъ возможность доказать правильность своихъ распоряженій и выйти изъ суда не только оправданными, но и „вознесенными по службѣ“.

Несомнѣнно этими соображеніями руководствовался Верховный Вождь флота, предавая суду *всѣхъ офицеровъ эскадры*. Отъ суда теперь ждуть не обвиненія во что бы то ни стало, а *всесторонняго и справедливаго разслѣдованія*, которое бы сняло тѣнь съ тѣхъ, кто свято исполнилъ свой долгъ, и дало нашему подрастающему поколѣнію моряковъ напутственный руководящій взглядъ въ ихъ будущей дѣятельности.

Переходя отъ соображеній общихъ къ фактическимъ даннымъ, обвинитель допустилъ въ качествѣ предположенія все, что установить домогалась на слѣдствіи защита: всѣ преимущества Японцевъ. Могли ли наши суда быть признаны неспособными нанести какой-либо вредъ непріятелю, можно ли было имъ спасти команду въ шлюпкахъ? Въ смыслѣ разстоянія орудія наши въ моментъ сдачи были дѣеспособны, тѣмъ болѣе, что непріятель шелъ на нашу эскадру; снаряды были даже на избитомъ „Орлѣ“. Спасательныя средства и шлюпки

были, море было спокойно, времени для пересадки людей со всѣхъ кораблей на одинъ было достаточно. Быть можетъ всѣхъ людей не удалось бы спасти, но тогда вѣдь каждый корабль, застигнутый въ морѣ, не истощивъ средствъ борьбы, въ правѣ сдаться!

Послѣ разгрома 14 мая, бывшаго на глазахъ у адм. Небогатова, послѣдній могъ думать, что его догонять Японцы, и имѣлъ время приготовиться къ затопленію, если уже сознавалъ безнадежность боя, тѣмъ болѣе, что ему это предлагали.

Предусмотрительный и опытный адмиралъ не позаботился узнать даже о судьбѣ другихъ русскихъ судовъ и „большой дорогой“ далъ полный ходъ броненосцу, на которомъ шелъ самъ, не справляясь, поспѣваютъ ли за нимъ подбитые.

Мысль о сдачѣ зародилась и осуществилась на „*Николай I*“, сигналъ котораго адмиралъ не считалъ обязательнымъ для другихъ судовъ, какъ написалъ самъ адмиралъ въ своемъ первоначальномъ показаніи.

Но на судъ онъ показалъ обратное. Почему? Можно догадываться, что адм. Небогатовъ не думалъ о спасеніи 2000 чел., какъ теперь стараются доказать: на „*Николай*“ команды было гораздо меньше... Если бы челоувѣколюбіе играло столь значительную роль въ рѣшеніи адм. Небогатова, то онъ не думалъ бы о спасеніи людей въ теченіе ночи, когда онъ не могъ не предполагать, что его догоняютъ Японцы. Тогда онъ наконецъ рѣшительно и смѣло сдалъ бы весь свой отрядъ; но онъ вѣдь утверждалъ, что сдалъ только свой броненосецъ. Какъ смотрѣлъ онъ на свое дѣяніе? „Мнѣ честь, мнѣ и позоръ!“—говорилъ онъ командѣ. Онъ зналъ, что совершаетъ преступленіе. Объяснить его поведеніе можно лишь такъ: истомленный нравственно и физически, адм. Небогатовъ, подготовленный малодушнымъ докладомъ командира „*Николая I*“ Смирнова, поддался охватившему его ужасу и приказалъ поднять роковой сигналъ.

Изъ четырехъ славившихся кораблей одинъ „*Орелъ*“ могъ бы быть сочтенъ находящимся въ условіяхъ, допускающихъ сдачу (354 ст. морск. уст.), если бы онъ былъ одинъ, но онъ могъ также пересадить людей на другіе корабли и затопиться (что также предлагалъ мичманъ Сакеллари командовавшему броненосцемъ кап. 2 ранга Шведе).

Сколько славныхъ геройскихъ подвиговъ померкло и забыто изъ-за роковой сдачи! Не мало матерей и отцовъ, потерявшихъ сыновей, которые свято выполнили свой долгъ на войнѣ, проклинають тотъ день и часъ, когда адм. Небогатовымъ было принято его челоувѣколюбивое рѣшеніе. Нельзя повѣрить, чтобы нашлось много матерей, которыя радовались бы спасенію ихъ сыновей на 3-й эскадрѣ: русская женщина сильна духомъ; велѣнія долга и чести она чтитъ свято... Цѣлесообразная, быть можетъ, съ гражданской точки зрѣнія, сдача адмирала Небогатова съ точки зрѣнія военной преступна. Инициаторомъ сдачи былъ командиръ брон. „*Николай I*“ кап. 1 ранга Смирновъ, самъ признавшій, что за сдачу онъ долженъ отвѣчать, такъ какъ, по его словамъ, „не будь сдача рѣшена, офицеры и команда съ готовностью пожертвовали бы жизнью“. Командиру „*Сенявина*“ кап. 1 ранга Григорьеву всѣ напоминаютъ о его долгѣ; позорной сдачи у него да броненосецъ никто не хотѣлъ; но слабовольный вообще командиръ на этотъ разъ настоялъ на своемъ, приказалъ сдаться; изъ плѣна онъ неудачно пытался донести, что сдача произошла съ согласія офицеровъ. Это достаточно характеризуетъ г. Григорьева.

Подсудимые Небогатовъ, Смирновъ, Григорьевъ являются безусловно виновными.

Командовавшій броненосцемъ „Орелъ“ кап. 2 ранга Шведе не могъ не видѣть, что приказъ адмирала преступенъ, и тѣмъ не менѣе онъ принялъ его. Совѣта офицеровъ кап. Шведе не собралъ. Конечно онъ виновенъ, но нельзя не признать, что „Орелъ“ находился въ условіяхъ неизмѣримо худшихъ, чѣмъ другіе броненосцы.

Изъ остальныхъ офицеровъ, обвиняемыхъ за соучастіе въ сдѣлѣ, первенствующее мѣсто принадлежитъ офицерамъ флота, а слѣдующее офицерамъ корпусовъ. Изъ первыхъ имѣются основанія къ предъявленію обвиненія лишь слѣдующимъ офицерамъ: 1) кап. 2-го ранга Кроссу (начальникъ штаба); 2) лейт. Глазову (флагъ-оф. адмирала); 3) лейт. Хоментовскому (минный оф. „Николая I“); 4) кап. 2-го ранга Артшвагеръ (ст. оф. „Сенявина“).

Нѣкоторыя еще менѣе значительныя данныя имѣются для предъявленія обвиненія къ пяти офицерамъ (лейт. Северинъ, Сергѣевъ, кап. 2-го ранга Ведерниковъ, лейт. Макаровъ и Фридовскій). Эти, не содѣйствуя сдѣлѣ, повидимому на нее согласились.

Остальные офицеры, по мнѣнію прокурора, не могутъ быть обвиняемы въ соучастіи въ сдѣлѣ.

Приговоръ суда, по заключительнымъ словамъ прокурора, не только рѣшить участь подсудимыхъ, но и покажетъ, въ правѣ ли воинъ, прикрываясь принципами челоуѣколюбія, отступать малодушно отъ тѣхъ началъ, что всегда считались жизненными принципами войска.

Размѣръ наказанія не важенъ. Важно слово осужденія, которое не дало бы виновнымъ выйти изъ суда съ гордо поднятой головой и заставило бы офицеровъ поглубже вникнуть въ задачи войска и воспитать въ себѣ чувства долга.

Затѣмъ слѣдовали рѣчи защитниковъ. Въ рѣчи прис. пов. Базунова, который защищалъ Небогатова, отмѣтимъ слѣдующія мѣста:

„Изъ всѣхъ свидѣтелей на судѣ только одинъ адм. Рожественскій замѣтилъ, что нашъ флотъ былъ вовсе не такъ дурень, какъ объ этомъ думаютъ. Однако и онъ не отрицалъ, что во время ученій ни одна изъ пушекъ не пробивала щитовъ на разстояніи 15 кабельт.; а на такое разстояніе Японцы не подпускали насъ къ себѣ... Г-нь прокуроръ указываетъ, что Небогатовъ сдалъ суда безъ боя; но онъ не считаетъ ни во что день 14 мая, весь проведенный въ бою, не считаетъ удачнаго отраженія минныхъ атакъ въ ночь на 15-е мая. Это все было *одно сраженіе*, начавшееся 14-го, продолжавшееся ночью и возобновившееся 15-го... Долгъ начальника предотвратить гибель тысячи жизней, если гибель эта никому не нужна, если борьба невозможна и бесполезна. Команда за спасеніе ея отъ безцѣльной смерти хотѣла поднести адмиралу адресъ, но онъ былъ остановленъ, хотя 800 подписей было уже собрано... Если бы погибли корабли Небогатова, самъ адмиралъ и его экипажъ, и это не спасло бы чести Россіи. Японцы и весь міръ уже убѣдились, что наши пушки безвредны врагамъ, что наши снаряды не опасны для ихъ кораблей, что наши бронированныя суда горятъ въ бою, какъ крестьянскія избы, и весь героизмъ нашъ сводится къ пассивной, безславной смерти“...

Второй защитникъ Небогатова прис. пов. Квашнинъ - Самаринъ въ своей рѣчи выразилъ слѣдующія мысли:

„Планъ Небогатова 15 мая 1905 г. былъ простой,—во что бы то ни стало скрыться въ туманѣ. Онъ не зналъ, что въ бою 14-го мая раненъ Рождественскій, умеръ Фелькерзамъ, ушелъ Энквистъ, что русскій флотъ уже болѣе не существуетъ и его собственныя суда такимъ образомъ обречены на вѣрную гибель. Что могъ знать Небогатовъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи развѣдочнаго отряда? Вы, господа судьи, хорошо понимаете, что, зная онъ все это, онъ сумѣлъ бы для своихъ судовъ найти почетное кладбище, въ Японскомъ морѣ. Посылка третьей и даже 2-й эскадры есть не болѣе, какъ *авантюра*. Только на зарѣ исторіи въ юности своей народъ, когда ему недостаетъ опыта, устремляется въ рискованныя предпріятія. Походъ Рождественскаго и Небогатова—это *вторая молодость*, которую пережилъ русскій народъ. Г-нъ прокуроръ выразилъ сомнѣніе, что Небогатовъ руководился исключительно желаніемъ спасти 2,000 человѣкъ отъ безполезной и мучительной смерти; я же полагаю, что этотъ мотивъ былъ единственнымъ, и что справедливо самъ прокуроръ свои предположенія называетъ *догадками*. Вообще его взгляды на участіе Небогатова въ этомъ дѣлѣ слѣдующій. Россія накопила много славы, и слава эта накопилась на исключительной чертѣ русскаго солдата — его полной готовности умереть; и онъ не измѣнилъ своимъ традиціямъ и въ этотъ разъ, онъ покорно *шелъ на бойню*; но Небогатовъ не допустилъ этого безсмысленнаго убійства. Онъ протестовалъ; и по моему мнѣнію, это долженъ былъ сдѣлать всякій военначальникъ, въ которомъ бьется честное сердце. Сдача — позоръ, — твердили печать, правящія лица и официальная Россія. *Позоръ — Цусима*, занесетъ въ свои скрижали исторія. Цусима шире 15-го мая. Она, гг. судьи, началась не 14-го мая 1905 г.; она началась въ тотъ моментъ, когда на безмолвіи народномъ, дерзко попирая народныя блага, воцарились тѣ эгоистическіе принципы, которые, какъ вихрь, смели народное благосостояніе и расхитили народную славу. До сихъ поръ Россія побѣждала, благодаря мужеству русскаго солдата, его непоколебимой вѣрности своему долгу, способности его жертвовать собой, его выносливости и геройству. Все это осталось за русскимъ солдатомъ и теперь, но мы забыли отличительную особенность современныхъ способовъ войны, гдѣ личное геройство отступаетъ на задній планъ, а главное мѣсто занимаютъ культура народа, его техника и машины. Мы дорого поплатились за незнаніе этого и свою забывчивость. Небогатовъ, сознавая, что идетъ не въ бой, а на бойню, поступилъ такъ именно, какъ ему и слѣдовало поступить; онъ не смѣлъ поступить иначе... Отъ Небогатова требуютъ героизма большаго, чѣмъ отъ простого солдата, такъ какъ онъ — адмиралъ эскадры. Но бойня не рождаетъ героевъ, и вдохновляться ему было нечѣмъ“.

Взявшій на себя юридическую часть защиты Небогатова, прис. пов. Маргуліесъ сказалъ слѣдующее:

Анализировать законы, на которыхъ обвиненіе строить свои доказательства преступности сдачи Небогатовымъ четырехъ кораблей, задача неблагоприятная. Законы эти не прошли еще черезъ аналитическое горнило тѣхъ законоислывательныхъ лабораторій, изъ которыхъ законъ выходитъ яснымъ и понятнымъ. То простое въ сущности положеніе, которымъ резюмируется психологически дѣяніе Небогатова, покрыто такимъ густымъ слоемъ многовѣковыхъ предрассудковъ, отзвуконъ, давно отошедшихъ въ область исторіи, положеній и отношеній, что путь къ истинѣ въ Небогатовскомъ дѣлѣ можно прира-

внять къ плаванію судна, киль котораго вслѣдствіе многолѣтняго пребыванія на водѣ обильно покрылся водорослями и ракушками. Первое, что нужно сдѣлать для облегченія плаванія, это ввести судно въ докъ и почистить его киль. Развѣ военнымъ можетъ быть разрѣшаемо сдаваться? Когда исходъ сраженія зависѣлъ почти исключительно отъ того, дрогнуть ли ряды непріятеля и побѣгутъ или нѣтъ, могущественнымъ средствомъ обратить ихъ въ бѣгство была засвидѣтельствованная предъ непріятелемъ готовность не уйти съ поля битвы и сражаться до смерти. Но теперь бой въ рукопашную отошелъ въ область преданій: абордажъ въ морскомъ дѣлѣ — преданіе. При условіяхъ современной техники въ бою, смерть уноситъ сотни людей, но этого не видитъ и не знаетъ противникъ. Подвиги мужества и самоотверженности совершаются въ глубинѣ колоссальныхъ семиэтажныхъ подвижныхъ домовъ. Но кортикъ—оружіе абордажа—пережилъ создавшую его технику морского боя и до сихъ поръ входитъ въ боевое снаряженіе моряка. Такъ и *боевыя аксіомы прежняго времени*, переживъ свое содержаніе, до сихъ поръ рекомендуются, какъ непререкаемая истина. Никакой подвигъ личной храбрости не можетъ устрашить непріятеля,—онъ его не увидитъ; его можетъ устрашить лишь мѣткій ударъ изъ дальнобойной и скорострѣльной пушки и разрушительная сила снаряда ^{*)}... Судь сдѣлаетъ полезное дѣло для воспитанія въ будущемъ хорошихъ моряковъ, если приговоромъ своимъ внушитъ имъ, что *при современныхъ условіяхъ боя на первый планъ выдвигается не готовность пожертвовать собою и внутренними ихъ попеченію людьми, а хорошее оружіе и умѣнье пользоваться имъ...* Адмиралъ Рожественскій сказалъ, что насъ побѣдила опытность Японцевъ въ стрѣльбѣ. Прибавьте къ этому—болѣе быстроходныя суда, лучшія пушки, лучшіе снаряды и обученіе команды. Вотъ выводы изъ неслышанной побѣды Японцевъ надъ нами. Замѣьте, что мужеству, готовности умереть отведено въ этой побѣдѣ самое ничтожное мѣсто; эта готовность была у насъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ у Японцевъ, и сдача произошла уже послѣ полного нашего пораженія. Сдачею, по словамъ прокурора, мы усилили непріятельскій флотъ и ослабили свой. Сомнительно, чтобы 4 старыхъ корабля стоили дороже 2,000 молодыхъ, работоспособныхъ людей. Наконецъ, что же говорить о 4 старыхъ броненосцахъ, когда десятки кораблей остаются въ карманахъ посредниковъ при постройкѣ или покупкѣ военныхъ судовъ. И неужели только эти призы достались Японцамъ?—Перехожу къ закону. Статьей 354 военноморск. уст. во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія *разрѣшается*

^{*)} Еще яснѣе эта мысль была выражена въ „Вѣстн. Евр.“, (1906 г., № 11, стр. 471):—„Солдатъ долженъ сражаться до послѣдней капли крови“,—въ этомъ онъ клялся, присягая на вѣрность службѣ, въ этомъ его долгъ. На этомъ именно положеніи и построено дѣйствующее законодательство. Оно имѣло полное реальное основаніе прежде, а теперь не имѣетъ его болѣе: прежде главной боевой силой былъ самъ человѣкъ, а теперь—только орудія и механизмы. Теперь морской бой нерѣдко начинается и кончается на разстояніи 10 верстъ между противниками. Если у одного изъ нихъ орудія посылаютъ снаряды на разстояніе 10 верстъ и корабли его имѣютъ 20 узловъ хода въ часъ, а у другого противника дальность стрѣльбы только 9½ верстъ и скорость хода кораблей только 15 верстъ, то первый изъ этихъ двухъ противниковъ разстрѣливаетъ и потопитъ 2-го, какъ бы сильна духомъ ни была команда у этого второго. И этотъ исходъ боя можно учесть съ математической точностью гораздо раньше „послѣдней капли крови“. А потому и фактъ сдачи корабля въ современномъ морскомъ бою требуетъ для себя оцѣнки уже по совершенно другому масштабу, а не прежнему.

сдаться. Разрѣшеніе равно приказанію, ибо первая обязанность военнаго начальника беречь драгоцѣнную жизнь ввѣренныхъ ему солдатъ. Статья 354 военно-морск. уст. не исчерпываетъ условій, при какихъ разрѣшается сдаться, тѣмъ болѣе, что въ нашемъ законодательствѣ можно прослѣдить, какъ въ этой статьѣ къ первоначальнымъ условіямъ (течь, отсутствіе средствъ обороны) съ теченіемъ времени прибавилось новое условіе: пожаръ. Въмѣсто перечисленія отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ допустима сдача, не своевременно ли было бы поставить общее выраженіе: „когда способы обороны истощены?“ Конечно, и въ послѣднемъ случаѣ сдача по требованію закона должна быть произведена не иначе, какъ съ согласія всѣхъ офицеровъ. Что это значитъ? Должна ли быть поименная перекличка: „согласенъ—не согласенъ“, или же устроенъ формальный военный совѣтъ? Осуществимо ли это было, напр., на „Орлѣ“, гдѣ всѣ трапы были перебиты и сообщеніе между многими частями корабля уничтожено. Еще менѣе осуществимо подобное требованіе закона по отношенію къ офицерамъ цѣлой эскадры. Трудно представить, какъ удалось бы адм. Небогатову собрать офицеровъ со всѣхъ судовъ на военный совѣтъ. А сдавалъ онъ эскадру, чему не противорѣчитъ заявленіе его на предвѣтительномъ слѣдствіи, что сигналъ его о сдачѣ не былъ обязателенъ для другихъ: обязательно вѣдь то, неисполненіе чего наказуемо. Между тѣмъ никому въ голову не пришло бы наказывать командира „Изумруда“ за то, что онъ ушелъ. Затѣмъ обвиненіе предъявлено *въ сдачу безъ боя*. Такъ ли это? Наканунѣ днемъ—бой, съ наступленіемъ темноты—минныя атаки и... нѣсколько часовъ передышки. Развѣ это безъ боя? Наконецъ утромъ 15 мая съ „Орла“ даны были три выстрѣла, а съ „Апраксина“ одинъ; броненосецъ „Николай I“ получилъ 6 непріятельскихъ снарядовъ, которыми ему были причинены поврежденія и потери... Развѣ это не бой?

Въ обвинительной рѣчи г. Небогатовъ услыхалъ обвиненіе, котораго не предъявлялось ему ни на предварительномъ слѣдствіи, ни въ обвинительномъ актѣ: отвѣтственность за гибель „Сисоя“, „Нахимова“, „Наварина“ и пр. Да вѣдь онъ не считалъ себя командующимъ остатками русскаго флота, онъ не зналъ ничего объ адм. Рожественскомъ, кромѣ приказанія „идти во Владивостокъ“.

При сдачѣ судовъ шифры, документы, флаги были уничтожены. Полное уваженіе офицеровъ и команды осталось за адм. Небогатовымъ. Напрасно думать, что нижніе чины эскадры сохранили доброе отношеніе къ Небогатову только потому, что онъ раздѣлилъ съ ними общее несчастье: лишеніе воинскаго званія. Г. Небогатовъ исключенъ былъ изъ службы 22 августа, а нижніе чины 26 сентября 1905 года. Но и гораздо позже отъ нихъ это скрывали, такъ какъ въ плѣну при слухахъ о лишеніи ихъ воинскаго званія матросы волновались. Въ январѣ 1906 г. на телеграмму лейт. Бѣлавенца о волненіи команды вслѣдствіе этого слуха, переданнаго какимъ-то „судейскимъ капитаномъ“, ген. Даниловъ, завѣдывавшій эвакуаціей плѣнныхъ, успокоительно отвѣтилъ, совѣтуя „больше вѣрить русскому генералу, чѣмъ судейскому капитану“.

Прис. пов. Маргуліесь вспоминаетъ затѣмъ извѣстное письмо (въ декабрѣ 1904 г.) адм. Бирилева о второй эскадрѣ. „Что такое вторая эскадра? Это огромная, хорошо сформированная и укомплектованная сила, равная съ силами японскаго флота и имѣющая всѣ шансы на полный успѣхъ,—писалъ адм. Бирилевъ;—умный, твердый, brave и настойчивый начальникъ этой эскадры не прикроется ни-

какими инструкціями, а поидеть и уничтожить врага. Онъ не будетъ подыскивать коэффициентъ силъ, а приметъ нашъ русскій коэффициентъ, что сила не въ силѣ, а въ рѣшимости“ и т. д. Итакъ, снабдивъ флотъ русскимъ коэффициентомъ въ лицѣ Рождественскаго и не давъ изъ экономіи снарядовъ, отправили на гибель въ Японское море 12,000 чел. и десятки судовъ...

Небогатовъ узналъ въ Японіи, что онъ исключенъ изъ службы и немедленно пріѣхалъ въ Россію, чтобы бороться за свою поруганную честь. Г-нъ обвинитель предложилъ суду не отнимать жизни у Небогатова на томъ основаніи, что до сихъ поръ никогда въ аналогичныхъ положеніяхъ ея не отнимали у виновныхъ. Но никогда обвиняемый и не находился въ такихъ условіяхъ, какъ Небогатовъ.

Отмѣтимъ затѣмъ рѣчь Карабчевскаго. Защищая капитана 2-го ранга Ведерникова (ст. оф. брон. „*Николай I*“), прис. пов. Карабчевскій говорилъ о всѣхъ офицерахъ сдавшейся эскадры, начиная съ бывшаго адмирала, такъ какъ, по мнѣнію защитника, выдѣлить кого-либо изъ этого дѣла невозможно.

Несмотря на множество доказательствъ того, что эскадра адм. Небогатова поставлена была въ необходимость сдаться, самое событіе сдачи все-таки налицо; и это слово „сдались!“ какъ бы тамъ ни было, звучитъ обидой и позоромъ. Заключительный актъ великой драмы, картинами которой были Тюрнченъ, Лаоянъ, П.-Артуръ и Мукленъ, послѣдняя отчаянная ставка проигравшагося игрока, сдача небогатовской эскадры явилась для Россіи тѣмъ ударомъ судьбы, который заставлялъ противъ воли оглянуться на себя. Слѣдъ этого удара навсегда сохранить униженная и оскорбленная *Родина*, но виновны ли тѣ, кто были такъ сказать посредниками при передачѣ этого удара? Для государства сдача позорна всегда, для сдающихся — лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда она производится по соображеніямъ корысти, трусости или въ нарушеніе какъ бы договора между сдающимися и государствомъ. Подъ Севастополемъ артиллерійскій офицеръ, не могшій по нервности перенести безъ поклона паденія или полета вблизи него снаряда, до конца доблестно исполнилъ свой долгъ, подбадривая себя, какъ только слышалъ звукъ летящаго снаряда: „нѣтъ, ты стой, такой-сякой, двадцать лѣтъ получалъ жалованье, такъ теперь стой!“ Вотъ вкратцѣ существо договорныхъ отношеній. Исполнены ли они офицерами 3-й эскадры? Несомнѣнно. Припекаемые тропическимъ солнцемъ, поджариваемые котлами старыхъ броненосцевъ, офицеры не щадили себя, совершая безпримѣрный по трудности переходъ. Переходу Рождественскаго изумлялся міръ; развѣ Небогатовъ не сдѣлалъ того же съ гораздо худшими средствами? Что касается работы офицеровъ, то, не говоря о прочемъ, достаточно вспомнить одну погрузку угля. Нѣтъ, договоръ съ правительствомъ и государствомъ былъ исполненъ, — тѣмъ болѣе, что шли *безъ малѣйшей надежды на успѣхъ*. Если такъ, если шли съ единственною цѣлью погибнуть въ Японскомъ морѣ, была ли тутъ *трусость*? А бой наканунѣ сдачи, безнадежный опять-таки бой въ виду гибели сильнѣйшихъ нашихъ судовъ? Нѣтъ, трусости въ этой сдачѣ тоже не было... Была ли тутъ *корысть*? Но кому, какая, въ какомъ размѣрѣ? Механики и артиллеристы утѣшаются, что напустили соленой воды въ котлы и налили кислоты въ каналы орудій сдавшихся судовъ, — пусть! Южная часть Сахалина и суммы, „уплаченные за содержаніе русскихъ плѣнныхъ“, вотъ корыстная сторона русско-японской войны, а не какое-то тамъ ничтожество. Не могъ также

этотъ старый хламъ въ видѣ сдавшейся эскадры усилить японскій флотъ: онъ безъ подобныхъ пріобрѣтеній усилился. Итакъ, *не корыстная, не трусливая, не нарушившая договорныхъ отношеній* съ государствомъ, сдача 3-й эскадры не должна быть считаема позорной для тѣхъ, кто сдался, какъ бы ни была она горька *Родинѣ*. Напрасно приводить петровскіе законы, требующіе за сдачу смертной казни. Если бы жилъ теперь Петръ I, то прежде всего, конечно, такой „исторіи“, какъ Цусима, не случилось бы: и вторая, и третья тихоокеанскія эскадры были бы посланы куда-нибудь недалеко съ цѣлью демонстраціи, положимъ, при заключеніи мира, но не для сраженія; за отсутствіемъ снаряженія они его вести не могли. А если бы сверхъ ожиданія случилась все-таки такая „исторія“, то великій преобразователь сумѣлъ бы найти *истинныхъ ея виновниковъ* и стеръ бы съ лица земли... Либаву, отправившую въ бой подобныя эскадры съ не рвущимися снарядами и фальшивыми дальномѣрами. Что было дѣлать адм. Небогатову, когда онъ увидалъ себя окруженнымъ? *Сдаться, болѣе ничего. Нельзя, конечно, забыть небогатовской сдачи, но простить ее Родина должна* тѣмъ, кто невольно принялъ въ ней участіе.

Отмѣтимъ далѣе рѣчь прис. пов. Волькенштейна, защищавшаго офицеровъ и механиковъ броненосца „Орелъ“, которыхъ прокуроръ обвинялъ въ томъ, что они не взорвали броненосца.

„Съ самаго начала боя на „Орлѣ“ мѣсто раненаго командира занимаютъ его преемники. Броненосецъ сражался, дышалъ огнемъ и смертію, горѣлъ и тонулъ, а въ боевой рубкѣ два человѣка подъ огненнымъ градомъ, среди труповъ, оба израненные, окровавленные, вели свое судно все впередъ а впередъ, въ самое пекло огненного ада. Надъ океаномъ нависла ночь; грохочущій и шипящій хаосъ смѣнился жуткою, полною невѣдомыхъ ужасовъ тишиною. Броненосецъ померкъ и пробирался впередъ сквозь стаю рвущихъ миноносцевъ, жалившихъ его со всѣхъ сторонъ. А въ боевой рубкѣ все стояли эти два человѣка (Шведе и Шамшевъ), истекая кровью, руками зажимая раны, теряя сознание и попеременно замѣняя другъ друга... Наконецъ прорвались. Непріятель отсталъ; на броненосцѣ люди свалились обезсиленные, а ати двое все еще на верху, отдають приказанія, готовятся къ новой борьбѣ и къ новымъ ужасамъ... Къ утру Шамшева унесли, и Шведе остался одинъ. Адмиралъ сигнализировалъ ему: „Безъ цѣли я не могу людей губить, а ты какъ хочешь!“—Сѣдовласый Шведе оглянувшись кругомъ на груды труповъ, на изможденные лица, тоже сказалъ: „И я не могу!“ Сказалъ и заплакалъ слезами нестерпимой обиды. И офицеры повѣрили этому „не могу“; его слезы для нихъ были святы... Сдались *непріятелю!*... Но его не было; былъ полновластный хозяинъ на морѣ. На „Орлѣ“ все было готово къ затопленію, а его все-таки не затопили, п. ч. жалко стало родного корабля. Этотъ желѣзный гигантъ былъ *калъкой отъ рожденія*, прожилъ въ работѣ менѣе года; и вся его недолгая жизнь была сплошнымъ страданіемъ, сплошной борьбой съ собственными немощами по преимуществу. Его выходили; мѣсяцъ за мѣсяцемъ врачевали его недуги, выправляли его ломкіе, непослушные члены... Изъ Цусимскаго хаоса вырвался „Орелъ“ избитымъ, изувѣченнымъ. Броня его, кожа чудовища, была цѣла, но внутри все было разбито, исковеркано. Только сердце чудовища,—его машина, еще работало. Чудовище ползло, какъ черепаха, у которой подъ ея твердой спиной разворочена вся мякоть; ползло, сваливаясь на бокъ, снова выпрямляясь, захлебываясь

волной; ползло безъ огней, ослѣпшее, темное, сквозь ночную тьму и туманы... И людямъ было жаль разстаться съ роднымъ гигантомъ, ставшимъ усыпальницей лучшихъ изъ нихъ. Мичманъ Карповъ, наканунѣ бросавшійся смерти прямо въ когти, теперь говорилъ: *„Мы, офицеры, виноваты въ позорѣ; мы были ниже команды; мы не сумѣли умереть!“*... А почему не сумѣли, тому есть простая разгадка. Такія противоестественныя дѣла, какъ война, должны имѣть какую-нибудь цѣль, которая бы олурманивала людей, доводила ихъ до экстаза, до подвига, до самопожертвованія. Подвигъ—дѣло веселое, самопожертвованіе—дѣло безумія, восторга. Упоенному своей цѣлю не страшно умирать. Четырнадцатаго мая всѣ были въ дикомъ упоеніи, всѣ выполняли самоотверженное служеніе своему долгу и богу войны; но 15-го мая восторга уже не было, не было и вѣры въ этого бога, пожравшаго тысячи жизней, проглотившаго достояніе цѣлаго народнаго поколѣнія и ничего не дававшего за всѣ эти жертвы. И вчерашніе герои, самоотверженные подвижники, разъяренные мстители за народную гордость на утро превратились въ трусовъ, измѣнниковъ, предателей. Вчера они дерзко смотрѣли въ глаза смерти, а сегодня не умѣли умирать съ честію. Вчера они не обращали вниманія на стоны, на смерть товарищей, а сегодня эти стоны заглушили въ нихъ голосъ воинской чести и національной гордости. Дѣло въ томъ, что они увидѣли передъ собою японскую эскадру изъ 27—28 судовъ, *невредимыхъ, нарядныхъ*, какъ на смотру... Они увидѣли, что всѣ вчерашнія жертвы были *безплодны*, что страна и народъ, давшіе больше, чѣмъ могли дать, остались не защищенными, безсильными до жалости, до смѣшного. *„Офицеры были ниже команды“*, говорилъ мичманъ Карповъ. Думать такъ значить оскорблять команду. Она сильнѣе насъ можетъ чувствовать всю безплодность народной жертвы, всю позорность и грѣховность ненужной, безыдейной войны. *„Не нашлось ни одного энергичнаго офицера“*, сѣтуетъ мичманъ. Это только слова. Будь въ командѣ восторгъ подвига, и какой-нибудь боцманъ, послѣдній штрафованный матросъ увлекъ бы за собою и матросовъ и офицеровъ. *Не страхъ смерти* сломилъ этихъ героевъ. Они сознавали безвыходность своего положенія; сознавали, что смерть неминуема, и всѣ разошлись по мѣстамъ по боевому расписанію, дожидать послѣднія минуты. Они сдались *передъ нравственной силой* вражескаго народа, такъ умѣло и плодovitо использовавшаго народныя силы и жертвы. Бывали сдачи въ исторіи, но никогда онѣ еще не были такъ позорны. Причиной ихъ бывали ошибки людей, или шалости стихій. *Позоръ этой сдачи—въ ея неминуемой неизбежности*. Она была предопредѣлена чловѣческими грѣхами. Но позоръ этой сдачи падаетъ не на этихъ людей; ихъ самихъ онъ сломилъ. Этотъ позоръ и несчастіе обманутаго и обманываемаго народа падетъ на голову тѣхъ, кто посылалъ людей на подвигъ не во имя народнаго блага, а во имя собственной грѣховности. И отводить позоръ Цусимскаго погрома къ Небогатавской сдачѣ—значить длить вѣковѣчный обманъ народа“.

Мичманъ Карповъ сказалъ отвѣтную рѣчь прис. пов. Волькенштейну. „Каждый офицеръ эскадры могъ бы, если бы захотѣлъ, предотвратить сдачу и *долженъ былъ это сдѣлать*, т. к. только смерть могла ему помѣшать въ этомъ. Мы не умерли, не затопили судовъ; значить, мы виноваты. Говорятъ, мы встрѣтили бы противодействие во всѣхъ и въ командѣ. Если бы это и было такъ, то все-таки офицеры не исполнили того, что было нужно: они были бы правы, если бы

умерли подѣ этимъ противодѣйствіемъ команды. То, что было 14-го и 15-го, было нѣчто совершенно разное; 14-го мы не думали о смерти, у каждого была своя работа, свое дѣло; 15-го мы приготовились къ смерти еще до начала боя. Тотъ, кто говоритъ, что легко умирать, тому ни разу не приходилось умирать; 15-го не могло уже явиться такого порыва, который былъ 14-го; и у меня лично 15-го отсутствовало мужество. Когда мы узнали о своемъ несчастіи, о сдачѣ, у насъ явилось чувство долга и чести, но мужества и протеста не было, п. ч. мы не были тѣми желѣзными людьми, какими *должны были быть*. Слова противодѣйствія, слова протеста ничего не значать. Это ничто. Здѣсь много говорилось о мужествѣ, говорилось, что Рождественскій подстрѣлилъ бы перваго, который бы ему не подчинился. Но если такъ понимать мужество, то я долженъ сказать, что прежде чѣмъ начальникъ застрѣлилъ бы подчиненнаго, подчиненный застрѣлилъ бы начальника. Мы—не безсловесныя животныя, хотя эту безсловесность всячески въ насъ воспитывали. Присмотритесь, какъ Японцы вели дѣло, и отчего зависѣлъ ихъ успѣхъ; а затѣмъ сравните съ тѣмъ, что—у насъ. Послѣ смерти начальника у насъ некому замѣнить его. У нихъ это иначе; ихъ воспитываютъ по другому; съ ними говорятъ, какъ съ людьми. У насъ не допускаютъ *ни слова протеста*; у насъ подчиненный послушенъ до раболѣпства; онъ не смѣетъ критиковать. Полное отсутствіе критики убиваетъ мышленіе, и человѣкъ уже ни въ чемъ не можетъ проявить своей инициативы. Ея проявленія *должны были* отъ него требовать“...

Въ рѣчи прис. пов. Адамова, который защищалъ лейт. Кресса и механика Хватова, отмѣтимъ слѣдующія мѣста:—„Въ чемъ могло выразиться противодѣйствіе сдачи? Слѣдовало ли поднять одну часть команды противъ другой, перевязать офицеровъ, убить адмирала?... Ни одинъ морской офицеръ не можетъ отвѣтить на эти вопросы. Ни въ корпусѣ, ни въ академіи, нигдѣ никогда объ этомъ ничего не говорилось. Этотъ фактъ стыдливо обходится и законодателемъ. Не можетъ быть практическая жизнь выработала эти правила? Адм. Рождественскій—представитель этой практической жизни. Онъ былъ не только командующимъ эскадрой, но и начальникомъ Штаба. Отъ него мы слышали: *моя—воля—законъ; никто не смѣетъ мнѣ противорѣчить; я застрѣлю всякаго, кто не будетъ повиноваться*“... Чего же послѣ этого требовать отъ подчиненныхъ. Нельзя представить себѣ возможности неповиноваться, когда и законъ, и начальство приказываютъ повиноваться. Мы знаемъ, что протестовъ никакихъ не допускалось, повиновеніе ставилось на 1-й планъ. Теперь мы пожинаемъ плоды этого подчиненія. Припомнимъ здѣсь кстати слова говорившихъ здѣсь офицеровъ. Когда кто-либо протестовалъ, его сажали на гауптвахту, а когда подавалъ рапортъ, начальство отвѣчало на него: „*Прошу вашихъ рапортовъ не подавать*“... По поводу своего другого подзащитнаго кап. Хватова, прис. пов. Адамовъ спрашиваетъ, „зачѣмъ его держали почти цѣлый годъ въ ожиданіи суда, если теперь прокуроръ отказался отъ его обвиненія. Хватовъ не виноватъ, а его, семейнаго человѣка, держали восемь мѣсяцевъ на 32 р. жалованья. Можетъ быть, это—то самое, что бывало въ доброе старое время при крѣпостномъ режимѣ: когда маленькій баринъ провинится, то сѣкутъ мальчишекъ, чтобы это видѣлъ баринъ и понималъ“...

Прис. пов. Бабянскій, военный юристъ, защищавшій второсте-

пенныхъ офицеровъ, въ своей рѣчи указалъ между прочимъ на слѣдующее:—„Мы охотно допускаемъ, какъ это предполагаетъ г. прокуроръ, осуществленіе особаго суда, установленнаго для разсмотрѣнія дѣлъ о крушеніяхъ и поврежденіяхъ судовъ, коему было бы поручено *гласное* разслѣдованіе причинъ гибели русскаго флота; при чемъ въ качествѣ прикосновенныхъ должны быть привлечены всѣ начальствовавшія лица во флотѣ въ продолженіе послѣдняго полустолѣтія, всѣ строители кораблей, поставщики, а также представители и представительницы тѣхъ постороннихъ вліяній, которыя создали атмосферу протекціи въ управленіи флота, ту атмосферу, которая препятствовала выдвигаться впередъ людямъ знанія, долга и таланта. Пусть этотъ судъ учтетъ, сколько миллиардовъ народныхъ денегъ было затрачено безъ пользы и цѣли“. Защитникъ выразилъ однако сомнѣніе, чтобы дѣятельность комиссіи адм. Дикого стала достояніемъ общества.

Въ рѣчи прис. пов. Дубенскаго, который защищалъ механика Бѣляева, одного изъ тѣхъ лицъ, которыя по образному выраженію прокурора, были какъ бы „замурованы въ глубинѣ корабля“, отмѣтимъ слѣдующія мѣста:—„Если шлюпокъ имѣется на 200 чел., а команды 600, что дѣлать тогда? Кого изъ команды спасать, кого оставить? Нельзя же было предоставить командѣ брать шлюпки съ бою!.. Да и спускъ шлюпокъ при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя достаточно здѣсь были выяснены на судѣ, представляется весьма труднымъ, едва ли осуществимымъ подъ выстрѣлами непріятеля... Затѣмъ Небогатовъ яко бы не озаботился заблаговременно приготовить корабли къ затопленію, разъ онъ еще наканунѣ убѣдился въ подавляющемъ превосходствѣ японскихъ силъ. Но въ такомъ случаѣ это слѣдовало бы сдѣлать еще въ Либавѣ, такъ какъ и тогда уже не было болѣе сомнѣнія въ превосходствѣ силъ Японцевъ. Наконецъ утромъ 15 мая Небогатовъ еще не зналъ о разгромѣ всей нашей эскадры; онъ не зналъ, что Рождественскій—въ плѣну. Даже отправленный на развѣдки „*Изумрудъ*“ донесъ, что показались 4 нашихъ крейсера... Когда Ной послалъ изъ своего ковчега на развѣдки голубя, тотъ принесъ ему гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ Небогатову нашъ быстроходный крейсеръ „*Изумрудъ*“...

Прис. пов. Соколовъ, защищавшій мичмана Дыбовскаго, огласилъ на судѣ выдержки изъ письма лейт. Вырубова, погибшаго на броненосцѣ „*Суворовъ*“. Этотъ герой оставилъ письмо, въ которомъ описываетъ настроеніе, общее не только командѣ, но и офицерамъ, бывшимъ на войнѣ. Это настроеніе выражалось въ намѣреніи, если не побѣдить врага, то нанести ему такой вредъ, который можно было бы охарактеризовать словами — „корабль за корабль“. Но это были только мечты мичмана... Вотъ что пишетъ Вырубовъ съ Мадагаскара объ адм. Рождественскомъ:—„На другихъ корабляхъ адмиралъ не былъ съ ухода изъ Россіи. Командиры судовъ собирались у него три раза... Судите сами, можно ли при такихъ условіяхъ знать свою эскадру? Ничьи совѣты не принимаются, даже совѣты специалистовъ по техническимъ вопросамъ; приказы пишетъ лично, обыкновенно смаху, не разобравъ дѣла и прямо поражаетъ дикимъ тономъ и рѣзкостью своихъ неожиданныхъ выраженій. Благодаря недостаточной освѣдомленности выходить иногда довольно курьезные анекдоты. Командировъ и офицеровъ считаетъ поголовно прохвостами и мошенниками; никому

ни на грошъ не вѣрить, на что не имѣть никакихъ данныхъ... Добрые люди наконецъ *надумали* адмирала—произвести учебную стрѣльбу. Вѣдь мы съ Ревеля еще не стрѣляли. Три дня выходили въ море всей эскадрой и стрѣляли по счетамъ. Первая стрѣльба была неважная, но 2-я и 3-я прекрасныя. До очевидности ясно, какъ намъ нужна практика“... Въ концѣ своей рѣчи прис. пов. Соколовъ выразилъ слѣдующія мысли: — „Здѣсь на судѣ мы хотѣли расширить программу настоящаго дѣла. Намъ сказали, что есть комиссія, которая занимается изслѣдованіемъ, имѣетъ широкую задачу—дать надлежащее освѣщеніе послѣдняго момента существованія нашего флота и Цусимской катастрофы. Но вѣдь изслѣдованіе всякаго событія складается изъ трехъ элементовъ: *причинъ и условій*, при которыхъ событіе произошло, затѣмъ самого *событія* и наконецъ *послѣдствій* его. Мы начали изслѣдованіе какъ-то странно. Причины отбросили, а изслѣдуемъ самыя событія, забывая, что выходъ изъ Либавы неподготовленной къ бою эскадры является логическимъ послѣдствіемъ неправильной постройки и оборудованія эскадры; забываемъ, что Цусимская катастрофа является логическимъ послѣдствіемъ неподготовленности нашего флота, а сдача въ плѣнъ эскадры Небогатова есть неизбежное логическое послѣдствіе катастрофы 14 мая. Положа руку на сердце можно сказать, что плѣненіе нашего флота было предрѣшено еще въ то время, когда его строили, когда къ нему прикасались легкомысленныя и, простите, можетъ быть, нечистоплотныя руки... Мы знаемъ, напр., что матеріалы, предназначенныя для флота превращались въ царскосельскую дачу... Если бы мы стали сперва изслѣдовать *причины и условія*, а затѣмъ опредѣлять *послѣдствія*, то все дѣло получило бы совершенно иное освѣщеніе“.

Въ рѣчи пом. прис. пов. Сыртланова, военнаго юриста, который защищалъ старш. оф. Шведе съ брон. „*Орель*“, отмѣтимъ слѣдующія общія мысли:—„Посылка обѣихъ эскадръ составляла огромную стратегическую ошибку. Поправить ее можно было только возвращеніемъ ихъ во свояси или заключеніемъ мира до столкновенія. Вѣдь, даже при равенствѣ боевыхъ силъ, на сторонѣ Японцевъ оставалось два главныхъ преимущества: 1) близость базы, портовъ, сигнальныхъ станцій, возможность пользоваться даже мелкими минными судами, 2) весь боевой опытъ, который они приобрѣли за 1½ года войны съ нами. Японцы, посылая своихъ моряковъ, говорили имъ: „Вы идете исполнить свой долгъ передъ Родиной, вы идете въ бой!“ Нашимъ ничего не говорили; но сами наши моряки сознавали, что они идутъ въ бойню! Всѣ ждали чуда, проявленій храбрости, мужества; но забыли, что вѣкъ чудесъ прошелъ, что въ эскадренномъ бою техника заслоняетъ собою теперь человѣка и нравственный элементъ его... Броненосецъ, это носитель культуры человѣчества; при его постройкѣ находятъ себѣ примѣненіе всѣ новѣйшія открытія въ области техники, всѣ изобрѣтенія человѣческаго генія. Но проходитъ время, появляются дальнѣйшія изобрѣтенія пытливаго человѣческаго ума, и броненосецъ прежняго типа не въ силахъ уже бороться съ новѣйшими; поэтому наивно было думать, что „*Миказа*“ можетъ быть разбить „*Сенявинскій*“ и его компаніей... Отъ адм. Рожественскаго вся Россія ждала чуда; но онъ не былъ чудотворцемъ; онъ шелъ, закрывъ глаза на будущее; онъ шелъ, не зная, чѣмъ кончится его шествіе. Человѣкъ желѣзной воли, исключительно властный, крутой, нетерпѣливый, не выносившій противорѣчій, поставленный въ обстановку самодержца, онъ и сталъ

имъ. Воля его не встрѣчала преградъ. Мысль о возможности сопротивления или неисполненія приказа его замирала раньше, чѣмъ зарождалась. Суда его эскадры въ полной мѣрѣ испытали на себѣ всю мощь, всю энергію этого стального флотоводца, всѣ проявленія его воли, его характера, даже его прихотей. *Если бы* его шествіе увѣнчалось успѣхомъ, мы называли бы его геніемъ, а теперь... Но объ этомъ „если бы“, при наличности всѣхъ выяснившихся обстоятельствъ можно говорить теперь только развѣ по недоразумѣнію.

Особенно выдѣлились на судѣ двѣ рѣчи прис. пов. Казаринова. Онъ защищалъ сначала Парфенова, старшаго механика съ бр. „Орелъ“, и затѣмъ командировъ Лишина и Григорьева съ броненосцевъ „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“.

„Роль старшаго механика на суднѣ—не боевая. Ему ввѣряется наблюденіе за паровыми машинами и прочими механизмами корабля. Въ его область, кромѣ командира, никто не вмѣшивается; но зато и онъ не долженъ вмѣшиваться въ другія области. Не долженъ, да и не можетъ. На немъ лежитъ слишкомъ много обязанностей; сотни заботъ лежатъ на немъ и днемъ и ночью. И чтобы честно исполнить свой долгъ, старшій механикъ долженъ всецѣло уйти въ этотъ міръ механизмовъ, міръ требовательный, капризный, не терпящій ни малѣйшаго отлагательства, требующій къ себѣ самого полного вниманія. Свидѣтели показывали, что Парфеновъ былъ труженикъ необыкновенный; за нимъ было много заслугъ и громадный опытъ. Онъ цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ машиннаго отдѣленія, не появлялся въ каютъ-компаніи и даже спать, не раздвываясь, на случай, если его потребуютъ въ машину. Къ утру 14 мая ни Парфеновъ, ни его команда свѣжими силами не обладали, а роковой бой не могъ пройти для нихъ безслѣдно. Ужасы боя переживаются внизу тяжелѣе, чѣмъ на верху корабля: видѣть опасность въ глаза—отнимаетъ половину ея гнета. Съ разгаромъ боя работа въ машинѣ растетъ; приказанія сверху становятся все лихорадочнѣе, а работа затрудняется: то вентиляторъ вмѣсто свѣжаго воздуха начинаетъ накачивать въ машину мелниновый газъ отъ разорвавшагося снаряда; то проникаетъ дымъ пожара; съ командой дѣлается дурно, люди падаютъ въ обморокъ... Грянулъ ударъ, снарядъ вырвалъ изъ дымовой трубы громадный листъ и швырнулъ его вмѣстѣ съ ревуномъ внутрь трубы. Еще ударъ, — и сквозь колосниковыя рѣшетки хлестнулъ въ машину дождь осколковъ отъ разорвавшагося снаряда; надо бѣжать смотреть, не попали ли осколки въ машину. Еще ударъ,—и гигантъ-броненосецъ дрогнулъ, вильнулъ съ курса, начинается кренъ. А механику опять работа: надо спѣшить выравнять этотъ гибельный кренъ. Трескъ снарядовъ, дымъ, чадъ, ужасающія извѣстія сверху, — все это бьетъ по нервамъ, угнетаетъ душу, цѣпляетъ мысль. Все сплывается въ какой-то хаосъ, теряются грани между жизнью и смертію; и только одно чувство, долгъ службы, бодритъ, руководить, держитъ всѣхъ на посту. По своему назначенію *механикъ—не воинъ*. Его область—машины, цифры, формулы, расчеты. Его радости—исправность и быстрый ходъ машины. Его печали—ревматизмы, ослабленіе зрѣнія отъ вѣчно искусственнаго свѣта, слабость легкихъ отъ вдыханія угольной пыли и машинныхъ испареній. Отвага, эта доблесть воина, ему не нужна: машина не любитъ и не цѣнитъ ея. Механикъ долженъ обладать мужествомъ пассивнымъ. Онъ долженъ *забыть о боѣ*, спокойно слѣдить за манометрами и др. аппаратами, исполняя съ пунктуальной точно-

стью всё приказанія сверху. Онъ долженъ примириться съ мыслию, что его машинное отдѣленіе станетъ для него гробницей; и подъ грохотъ рвущихся котловъ, ревъ пара онъ опустится навсегда въ водную могилу... Парфеновъ выработалъ въ себѣ это чувство. Во время боя онъ ободрялъ команду и своимъ примѣромъ училъ ее, какъ надо дѣйствовать. Послѣ боя и минныхъ атакъ — новая работа: всюду поломки, порча, вездѣ нуженъ глазъ механика. Парфеновъ, не спавшій по ночамъ во время пути, за послѣдніе 3 дня передъ сдачей вовсе не смыкалъ глазъ. Въ послѣднюю ночь послѣ боя, кромѣ исправленія машинъ, онъ занимался еще перегрузкой угля изъ верхнихъ ямъ въ нижнія, чтобы *понижить центр тяжести броненосца, уменьшить опасность перевертыванья*. Ночью еще жили надеждами: думали, что наша эскадра еще не разгромлена окончательно; надѣялись, что обычный въ это время года туманъ дастъ возможность уйти во Владивостокъ, что Японцы уйдутъ за снарядами, а потомъ не догонять. Но настало утро, а съ нимъ вмѣстѣ — и полное разочарованіе. Всѣ поняли, что смерть неизбежна и стали къ ней готовиться. Парфеновъ приготовилъ корабль къ затопленію, доложилъ объ этомъ командиру и спустился въ машину... Парфеновъ сдѣлалъ все, что было въ его власти; а за то, что было внѣ его воли, его судить нельзя... Распоряженія затопить броненосецъ не послѣдовало.

Защищая командировъ Лишина и Григорьева, прис. пов. Казариновъ говорилъ слѣдующее:

Сдача крѣпости или судна всегда ложится на совѣсть народа. Сердце народное всегда будетъ скорбѣть; оно должно скорбѣть, какъ бы мы основательно ни доказывали ея неизбежность. Но сердце — плохой путеводитель по статьямъ закона. Вотъ и у обвинителя тоже двѣ области смѣшиваются: область сердца и закона; и тамъ, гдѣ закона недостаточно, онъ дополняетъ его велѣніями сердца. Командиры обвиняются въ томъ, что сдали суда; но суда не есть самоопредѣляющееся цѣлое. Командиръ, разъ есть флагманъ, не является хозяиномъ даже своего судна, — онъ только посредникъ для отдачи приказа адмирала. Приказъ адмирала — вотъ законъ. Дѣйствія адмирала могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ казаться ему странными, даже опасными; но повиноваться имъ онъ *долженъ*. Теперь: долженъ ли командиръ повиноваться приказу о сдачѣ? Прокуроръ отвѣчаетъ на это — „нѣтъ“, потому что это позорное явленіе, недопустимое, возмущающее нравственное чувство. Конечно, сдача — явленіе крайне тягостное; но она является неизбежнымъ иногда звеномъ въ цѣпи войны; а потому, разъ въ законѣ она предусмотрена, нельзя противъ нея возмущаться и говорить, что сдача — преступленіе. Разъ законъ признаетъ допустимой сдачу, значитъ, она есть дѣйствіе правомѣрное, ибо законъ, ни при какихъ условіяхъ не станетъ регулировать ни измѣны, ни предательства. Между приказомъ адмирала о сдачѣ и всякимъ другимъ приказомъ его принципиальнаго различія нѣтъ; повиноваться адмиралу командиръ и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ долженъ. Допустить, что командиръ можетъ критиковать дѣйствія своего начальника-адмирала, невозможно. При сдачѣ цѣлой эскадры возможны случаи, когда отдѣльные корабли остаются невредимыми; но эти корабли должны слѣдовать судьбѣ своихъ товарищей поврежденныхъ, такъ какъ иначе, открывъ огонь, они погубятъ всю эскадру. Конечно, приказъ адмирала для командира обязательенъ, если онъ не сдѣланъ съ явнопреступной цѣлью; но если командиръ не понимаетъ цѣли приказа, то не долженъ подозрѣвать въ немъ пре-

ступности, предполагая, что адмираль дѣйствуетъ и законно, и цѣлесообразно. Прокуроръ говорить, что командиры обязаны были разсмотрѣть, законна ли сдача, или нѣтъ. Нѣтъ, не это, а не съ преступной ли цѣлью это дѣлается. Вопросъ о незаконности военного совѣта—праздный: если приказъ о сдачѣ былъ законный,—совѣтъ безразличенъ; а если незаконный, то никакой совѣтъ офицеровъ не можетъ узаконить ее. „Мнѣніе г. прокурора, что адмираль, спустившій флагъ, уже не начальникъ и повиноваться ему не слѣдуетъ, — *мнѣніе ошибочное*, п. ч. сдача — актъ юридическій, и окончательный моментъ ея опредѣляется не спускомъ флага, а заключеніемъ и подписаніемъ договора о сдачѣ. Командиры Лишинъ и Григорьевъ исполнили свою обязанность, отрешившись съ болью въ сердцѣ сигнала о сдачѣ. Предположивъ однако, что судъ взглянетъ на дѣло иначе, посмотримъ могли ли подсудимые оказать Японцамъ сопротивление, и былъ ли у нихъ иной выходъ, кромѣ сдачи. Броненосцы береговой обороны „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“ тихоходны и много всего видѣли на своемъ вѣку. „Апраксинъ“ сидѣлъ въ льдахъ, сидѣлъ на скалѣ и пропоролъ себѣ оба днища. Зачиненные и подкрашенные они были посланы въ дальній путь, въ настоящее „подводное“ для нихъ плаваніе: палубы ихъ текли по всѣмъ швамъ; изъ каютъ и лазаретовъ денно и нощно выкачивали воду. Но они шли, они преодолѣли всѣ трудности „каменноугольной эпопеи“, они пережили всѣ ужасы боя 14 мая. Къ утру 15-го броненосцы оказались въ жалкомъ состояніи, распатанные бурями, переходомъ и собственной стрѣльбой, съ разошедшеюся, а мѣстами и съ отпавшею броней, съ поврежденными башнями. На „Апраксинъ“ для зарядки орудія требовалось *10 минутъ*; кормовая башня была повреждена; въ носовой части корабля была большая пробоина, и вода стояла въ носу *на 2 фута*, а по всей жилой палубѣ—на футъ. Отъ перегрузки углемъ поясная броня у обоихъ броненосцевъ уходила подъ горизонтъ воды, и первый же удачно попавшій снарядъ могъ перевернуть корабли вверхъ дномъ. Пушки на нихъ были далеко не новыя, и стрѣлять изъ нихъ никто не умѣлъ. Пробная стрѣльба близъ Джibuти и подъ Цейлономъ дала весьма неудовлетворительные результаты. Въ бою 14 мая оба броненосца стрѣляли до того, что пушки разсѣлись, кольца на нихъ разошлись. Но Японцы относились къ этой стрѣльбѣ благодушно и броненосцевъ не трогали, т. к. они были для нихъ безвредны... Оптическими приборами и дальномѣрами на этихъ броненосцахъ не пользовались. Приборы были сданы имъ въ Либавѣ не проверенными, даже въ нераскупоренныхъ ящикахъ. Съ этими приборами много бились, вывѣряли, высчитывали поправки, а въ концѣ концовъ ихъ бросили, и *стрѣляли на глазъ*. Снаряды летѣли въ воду и, не разрываясь, падали на дно морское. Это видѣли, но сдѣлать ничего не могли: орудія къ стрѣльбѣ на дальнія разстоянія не были приспособлены. Въ современномъ морскомъ бою исходъ его рѣшаютъ дальнобойность орудій и быстрота хода броненосцевъ. У насъ не было ни того, ни другого; *бороться съ врагомъ было невозможно, и уйти отъ него было нельзя*. Можно было затопить суда, пересадить команду въ шлюпки, но на это потребовалось бы болѣе часа времени, т. к. кингстоны и всѣ приспособленія для спуска шлюпокъ были устарѣлой системы, а сами шлюпки были закрѣплены по походному и обмотаны сѣтями минныхъ заграженій; койки были употреблены на защиты приборовъ. Поднявъ сигналъ о сдачѣ, Русскіе уже не имѣли права спасать команду и топить суда. Японцы этого не допустили бы и немедленно разстрѣляли бы русскія

суда. Если бы нѣсколько человѣкъ и побросались въ воду въ спасательныхъ поясахъ, то они или погибли бы въ водоворотѣ тонущихъ судовъ, или же зачѣнѣли бы, истомленные предыдущей трехдневной безсонницей. Много такихъ труповъ въ спасательныхъ поясахъ и койкахъ плавало въ морѣ 14 мая... Война это—международный экзаменъ. Здѣсь на пробу ставится вся *культура страны за десятки лѣтъ*. Если успѣхи техники, военное воспитаніе, искусство военачальниковъ, проныцательность дипломатовъ, честность подрядчиковъ—были на должной высотѣ, то на войнѣ они дадутъ свои положительные результаты. Если же въ мирное время все это блистало только своей казовой вызолоченной стороною, то на войнѣ все покажетъ свою изъѣденную ржавчиной обратную сторону... Отъ насъ пошли на этотъ экзаменъ также и броненосцы „Апраксинъ“ и „Сенявинъ“... Весь Небогатовскій отрядъ шелъ не для того, чтобы побѣдить или погибнуть, какъ говорить г. прокуроръ. Кого могла побѣдить эскадра, не умѣвшая разстрѣлывать собственныхъ еле сколоченныхъ щитовъ? Ихъ послали просто для *психологии адм. Рожественскаго*. И дѣйствительно, хотя въ эскадрѣ Рожественскаго и знали, что такое Небогатовскій отрядъ, а все же какъ будто повеселѣли, какъ увидѣли длинныя пушки, трубы, большое число дымовъ. И вотъ главныя силы этого отряда 15 мая были поставлены передъ грозною японскою эскадрою; *возможности защищаться не было никакой*, ну и сдались... Каждая современная война—цѣлая эпоха въ области военной техники, военныхъ приѣмовъ, военного права. Орудія, снаряды, самыя приѣмы, страшные и грозные вчера, сегодня уже устарѣли. Бывало герои, не видя исхода въ неравной борьбѣ, пускали себя ко дну вмѣстѣ съ судномъ, чтобы воздвигнуть для родины вѣчный памятникъ славы. Но теперь врагъ извлекаетъ суда изъ морской глубины и, починивши ихъ, пускаетъ подъ своимъ флагомъ, попирая кровь героевъ самодовольной пятой. Теперь *откъ истребительныхъ силъ*. Ужасы войны возрасли до крайнихъ предѣловъ. Возрасла единица силы и единица безсилія. Прежде сдавались отдѣльныя суда, теперь сдаются цѣлыя эскадры. Гигантскія, закованныя въ непроницаемую броню пловучія крѣпости, плоды долготѣйшей работы и многомилліонныхъ затратъ перевортываются почти въ одинъ мигъ, хороня тысячи жизней, перевортываются отъ удара мины, или пловучей, или выпущенной миноноской. Всѣ прежніе ужасы,—течи, пожары, теперь совсѣмъ уже не страшны, хотя предъ ними склоняется законъ; новыхъ же, дѣйствительныхъ опасностей онъ еще не предусматриваетъ. Жизнь давно переросла букву закона, и чело-вѣколюбіе законодателя не укладывается въ отведенныхъ ему плюпкахъ спасенія. Но растеть не только истребительная культура войны, растеть также *истинная культура духа*. Идеи гуманности и братской общности людей воплощаются въ реальные факты. Всякая бесполезная жестокость, всякое излишнее кровопролитіе изгоняются. Съ высоты Всероссійскаго Престола гудитъ набатъ мира. Въ дѣлѣ чело-вѣколюбія Россія шла всегда *впередъ*, и ея великая цивилизаторская роль въ международной борьбѣ за гуманность, честь и право будутъ оцѣнены исторіей. Еще въ 1816 г. Императоръ Александръ I-й вноситъ предложеніе о всеобщемъ разоруженіи. Въ 1868 г. созданная по повелѣнію Государя Императора военная международная коммисія подписываетъ декларацію объ отнѣнѣ взрывныхъ пуль. Въ 1899 г. на созданной по иниціативѣ нашего правительства конференціи въ Гаагѣ издается рядъ постановленій, преслѣдующихъ цѣли гуманности и права. Съ этими великими *руководящими началами* долж-

ны мы подходить къ 354 ст. Морск. Уст. для рѣшенія вопроса, что понимать подъ выраженіемъ „безполезное кровопролитіе“. Если цѣль войны—сломить вооруженныя силы врага, то при невозможности этого всякое истребленіе своихъ собственныхъ силъ будетъ безполезнымъ кровопролитіемъ. Когда разбитые остатки флота окружены непреоборимыми силами непріятеля, когда никакая борьба, никакое сопротивленіе невозможны, и для адмирала возникаетъ вопросъ, что дѣлать,—топить ли суда, или сдать эти старыя и разбитыя суда непріятелю, спасая команды, тогда вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ въ пользу людей. Судно можно выстроить, купить, но не скоро воспитаешь и вырастишь сотни храбрыхъ, опытныхъ офицеровъ и двѣ тысячи самоотверженныхъ подчиненныхъ. Государство наше всегда цѣнило жизнь своихъ вѣрноподданныхъ дороже стоимости дерева и желѣза. Японцы не сдались бы, говоритъ г. прокуроръ. Можетъ быть. Но не Европѣ черпать изъ Азіи руководящія начала для духа, хотя бы и для духа войны. А честь Андреевскаго флага? Конечно, всякая нація должна чтить свое боевое знамя, но нельзя же Андреевскимъ флагомъ осѣнять того, что недостойно названія боевой мощи націи. Въ этой печальной войнѣ осуждено многое, и только духъ русскаго воинства остался неосужденнымъ. Неужели и онъ будетъ осужденъ приговоромъ судей? Обвинительные приговоры не рождаютъ и не питаютъ духа. Въ русской землѣ много и энергіи, и духа, и силы, и способностей, и талантовъ ко всякому дѣлу. Сто лѣтъ назадъ лордъ Пиль говорилъ въ англійскомъ парламентѣ, что Россія въ мореходствѣ опаснѣйшій врагъ, за ней надо слѣдить, сбивать ее съ пути, не давать ей ходу въ морскомъ дѣлѣ. И тяготѣютъ какъ будто надъ нашимъ флотомъ слова лорда Пила. Наше морское дѣло тормазится, сбивается съ пути. Осудивъ духъ флота, не поставивъ дѣла на истинный путь; тогда какъ оправдательный приговоръ ляжетъ краугольнымъ камнемъ великаго дѣла созданія для Россіи образцоваго, мощнаго флота“.

Въ рѣчи прис. пов. Раппопорта, защищавшаго младшихъ офицеровъ, отмѣчу слѣдующее мѣсто: „Трудность настоящаго дѣла усугубляется тѣмъ чувствомъ мучительной боли, которую пережило все русское общество, а въ особенности морская среда, при вѣсти о гибели флота. Вездѣ, во всемъ мірѣ, и у пылкихъ Итальянцевъ, и у хладнокровныхъ Англичанъ, у Японцевъ, Французовъ, Нѣмцевъ,—рядомъ съ горемъ и сильнѣе его заговорило бы негодованіе народныхъ массъ противъ истинныхъ виновниковъ всѣхъ бѣдствій злосчастной войны. Вездѣ, только не въ Россіи. Незлобивъ нашъ русскій народъ; и мы, Русскіе, съ гордостію говоримъ объ этомъ. Судъ надъ Небогатовымъ вызванъ не гнѣвомъ и негодованіемъ, а необходимостью выяснить обстановку и мотивы сдачи. Требовалъ суда ужасъ передъ возможностью позора. Отечество желало знать, кто его защитники,—мужественные солдаты, или же измѣнники и трусы. Пресса чутко подмѣтила, что уже на 3-й день процесса настроеніе въ судебномъ залѣ измѣнилось, изъ угрюмо сосредоточеннаго стало облегченнымъ. Всѣмъ стало яснымъ, что люди, вернушіеся изъ похода,—выносливые, безропотные, отважные солдаты, неизмѣнившие своему долгу. Они вернулись побѣжденными, но они боролись до послѣдней минуты, сложивъ оружіе только тогда, когда пропала возможность борьбы и сопротивленія“.

Въ засѣданіи 10 дек. 1906 г. въ своемъ послѣднемъ словѣ Небогатовъ возражалъ обвинителю по поводу упрека, почему онъ въ 9 час. утра 15 мая не пересадилъ часть команды на одно судно, а остальные не потопилъ. „Судьи, какъ старые моряки, конечно, понимаютъ всю невозможность подобнаго маневра; но господинъ прокуроръ, надѣвшій всего годъ морской мундиръ и претендующій на принадлежность къ морской семьѣ, не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ вещей и дѣлаетъ упрекъ ему, заслуженному контръ-адмиралу“. Небогатовъ въ заключеніе просилъ судъ о возвращеніи кондукторамъ и нижнимъ чинамъ отнятаго у нихъ воинскаго званія. Предсѣдатель на это отвѣчалъ: „Судъ безилетенъ это сдѣлать, но ходатайство объ этомъ уже направлено къ подлежащимъ властямъ“.

Резолюція объявлена въ 10 час. вечера. Виновными признаны въ сдачѣ Небогатовъ, командиры—Смирновъ, Григорьевъ и Лишинъ и приговорены къ смертной казни; но въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ и безпорочной службы, судъ постановилъ ходатайствовать передъ *Государемъ Императоромъ* о замѣнѣ смертной казни заключеніемъ въ крѣпость *каждаго на 10 лѣтъ* и дальнѣйшую участь ихъ повергнуть на Монаршую милость. Капитаны 2-го ранга: Кроссъ, Ведерниковъ, Артшвагеръ и лейт. Фридовскій признаны виновными—Кроссъ въ участіи въ сдачѣ, а трое остальныхъ въ попустительствѣ и приговорены при наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ къ заключенію въ крѣпость: Кроссъ на 4 мѣсяца, Ведерниковъ и Артшвагеръ на 3 мѣсяца каждый, а Фридовскій на 2 мѣсяца. Командиръ и офицеры „Орла“ признаны невинными въ нарушеніи долга службы и присяги, такъ какъ положеніе судна „Орелъ“ соотвѣтствовало условіямъ, предусмотрѣннымъ ст. 354 морского устава, а остальные обвиняемые всѣ по суду оправданы.

Въ половинѣ января 1907 г. по балтійскому флоту было объявлено о зачисленіи въ запасъ флота уволенныхъ отъ службы безъ воинскихъ чиновъ: кондукторовъ флота и матросовъ судовъ отряда бывшаго адмирала Небогатова съ броненосцевъ „Николай I“, „Орелъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, а также съ миноносца „Бѣдовъ“, сдавагося Японцамъ съ адмираломъ Рождественскимъ. Всѣмъ этимъ кондукторамъ и матросамъ *возвращено воинское званіе*. вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано распоряженіе не возвращать въ прежнія команды тѣхъ изъ нихъ, которые не окончили срока обязательной службы.

При разборѣ на судѣ дѣла Небогатова слѣдствіемъ было выяснено, что на броненосцѣ „Орелъ“, наканунѣ его сдачи, въ бою были разбиты непріятельскими снарядами помѣщенія команды и каюты офицеровъ, а имущество послѣднихъ было истреблено. Въ виду сего 5-го апрѣля 1907 г. состоялся приказъ (№ 73) по морскому вѣдомству—кондукторамъ, класснымъ чинамъ и всѣмъ офицерамъ названнаго броненосца, кои были признаны на судѣ невинными въ сдачѣ, выдать вознагражденіе въ размѣрѣ полугодовыхъ окладовъ жалованья.

22-го января 1907 г. Всемилостивѣйше повѣлено³⁾: согласно ходатайству особаго присутствія Кронштадтскаго военноморского суда, бывшаго контръ-адмирала, дворянина *Небогатова*, и бывшихъ капитановъ 1-го ранга, дворянъ *Смирнова*, *Григорьева* и *Лишина*, взамѣнъ определенной имъ судомъ смертной казни безъ лишенія правъ состоянія, подвергнуть заточенію въ крѣпости на десять лѣтъ *каждаго*, съ послѣдствіями, указанными въ 16 ст. воен.-морск. Уст. о наказаніяхъ.

³⁾ „Морск. Сборн.“, 1907 г. № 2.

По поводу конечныхъ результатовъ этого процесса публицистъ *Гофштеттеръ* писалъ слѣдующее:

„Небогатовскій процессъ закончился смертнымъ приговоромъ, но приговоромъ такого рода, который нисколько не угрожаетъ жизни и даже здоровью осужденныхъ. Окончательный исходъ обращаетъ все дѣло какъ бы въ формальную процедуру очищенія „героевъ“ Цусимы передъ богиней правосудія; тѣмъ не менѣе эта резолюція грознаго военно-морского суда, умѣющаго присуждать нижнихъ чиновъ къ большимъ наказаніямъ за самыя малыя вины, не вызвала никакого протеста въ русскомъ обществѣ. Причина такого равнодушія, съ которымъ встрѣченъ приговоръ надъ Небогатовымъ и его сподвижниками, довольно понятна: общественное мнѣніе вовсе не требовало, чтобы судъ бросилъ ему на растерзаніе козла отпущенія; ово понимало, что главная вина и отвѣтственность за цусимскій погромъ лежатъ не на отдѣльныхъ лицахъ, сидящихъ на скамьѣ подсудимыхъ, а на общемъ режимѣ нашего военно-морского вѣдомства; а главные виновники національнаго позора, подготовленнаго въ Петербургѣ, Кронштадтѣ и Либавѣ и оглашеннаго на весь міръ въ проливѣ Цусимы, остаются и теперь нисколько не затронутыми карательнымъ приговоромъ официальныхъ судей“.

„Не только защитники на судѣ, но и часть прессы пытались сдѣлать изъ Небогатова героя гуманности, погубившаго свою карьеру и даже рискнувшего своею жизнью во имя спасенія жизни 2,000 подчиненныхъ ему матросовъ. То, что считается по военнымъ законамъ тяжчайшимъ преступленіемъ, выставлялось, какъ подвигъ милосердія, какъ героическое проявленіе гражданскаго мужества въ военномъ дѣлѣ. Обстоятельства, въ которыхъ находился адмиралъ, были, дѣйствительно, трудныя: благодаря большей быстроходности японскихъ судовъ и дальнобойности японскихъ пушекъ, адм. Того могъ разстрѣлять нашу эскадру безъ всякаго труда и безъ всякихъ жертвъ съ своей стороны. Адм. Небогатовъ сопротивлялся не имѣлъ возможности, — онъ могъ только погибнуть съ честью, какъ герой, но безъ всякой матеріальной пользы для родины. Польза могла-бы быть только чистоморальная — въ видѣ того престижа, который былъ-бы заслуженъ подобнаго рода самопожертвованіемъ, заставившимъ говорить весь свѣтъ, что русскіе гибнуть, но не сдаются“.

„Воинская честь — совсѣмъ не такое уже пустое слово безъ всякаго значенія, какъ думаютъ гг. защитники и публицисты, восхваляющіе Небогатова. Оно получаетъ въ исторической жизни народовъ вполне реальное содержаніе. Национальная доблесть оплачивается кровью поколѣній, а утрата ея влечетъ за собою чисто-матеріальныя потери и убытки. Героическое мужество всегда внушаетъ ужасъ врагамъ. Оно служитъ само по себѣ лучшей защитой противъ нападенія непріятеля, потому что сила каждой арміи и cadaго флота въ концѣ-концовъ поконится на готовности воина погибнуть за своей народъ. Быть участникомъ войны и ничѣмъ не проявить своей рѣшимости умереть, не доказать своей готовности къ гибели — значитъ внушить врагамъ сомнѣніе въ своемъ мужествѣ, значитъ ободрить ихъ дерзость мыслью о беззащитности той страны, на которую они нападаютъ, значитъ поощрить ихъ къ новому нашествію, отраженіе котораго потребуетъ новыхъ кровопролитій. Такимъ образомъ, въ воинскомъ малодушіи всегда есть несомнѣнное зерно измѣны и предательства“.

„Кромѣ такого косвеннаго ущерба русскому народу, небогатов-

ская сдача принесла и значительный матеріальный ущерб, такъ какъ она усилила непріятельскій флотъ судами сдавшейся эскадры. Небывалость цусимскаго позора заключается именно въ сдачѣ непріятелю средствъ и орудій государственной обороны, не израсходованныхъ въ честномъ бою. Даже и безъ боя Небогатовъ въ любой моментъ могъ-бы потопить свои суда, какъ потопили ихъ капитаны „Рюрика“, „Варяга“, „Изумруда“ и матросы миноносца, захваченнаго японцами у П.-Артура. При этомъ не было такой роковой альтернативы: либо гибель 2,000 жизней, либо поднесеніе микадо подарка въ видѣ четырехъ военныхъ судовъ. Разумѣется, при потопленіи судовъ нѣкоторый процентъ команды могъ погибнуть, по неумѣнью плавать или по недостатку спасательныхъ принадлежностей; большая-же часть ея была-бы спасена нашими и японскими миноносцами, транспортами и т. д., какъ это было и въ другихъ подобныхъ случаяхъ въ этой-же войнѣ. Процентъ погибшихъ могъ быть значительнымъ опять-таки только *по винѣ самого-же Небогатова*, не позаботившагося ни обученіемъ команды, ни снабженіемъ ея пробковыми поясами. Гуманность, безспорно, святое чувство; но нельзя-же прикрывать имъ собственное *малодушіе и нерадивость*. Нѣтъ ничего въ мірѣ цѣннѣе и выше человѣческой жизни, кромѣ однако-же, жизни цѣлой націи, сохраненіе которой нерѣдко требуетъ гибели ея лучшихъ сыновъ. Къ народамъ въ наивысшей степени примѣнимо изреченіе Спасителя; *не оживетъ, аще не умретъ*. Адмиралъ—не сестра милосердія. Гуманность полководца заключается вовсе не въ томъ, чтобы избѣгать пролитія человѣческой крови, а въ томъ, чтобы достигать стоящихъ передъ нимъ ближайшихъ задачъ національно-государственнаго благополучія цѣною наименьшихъ человѣческихъ жертвъ. Будучи, какъ говорятъ, образцовымъ военнымъ въ мирное время Небогатовъ былъ обязанъ сообразоваться и съ государственными интересами. Если-бы всѣ полководцы и флотоводцы руководились однимъ желаніемъ избѣжать кровопролитія, имъ пришлось-бы заниматься только сдачею непріятелю вѣрренныхъ имъ эскадръ, армій и крѣпостей; но такая прямолинейная гуманность знаменовала-бы собою въ періодъ всеобщей политической борьбы за существованіе безусловную смерть націи и государства. Всего послѣдовательнѣе было-бы совсѣмъ не вести третью эскадру черезъ океаны, а оставить 2000 молодыхъ жизней дома, въ Кронштадтѣ, въ Либавѣ, гдѣ имъ ничто не угрожало, ибо гуманистъ въ адмиральскомъ мундирѣ, еще не отчаливая отъ родного берега, прекрасно зналъ роковую разницу въ быстротѣ и въ вооруженіи своихъ судовъ и японскихъ. Зачѣмъ же ему понадобилась вся эта комедія боевого плаванія съ завѣдомо негодными для боя средствами и съ единственной рѣшимостью—сохранить 2000 молодыхъ и старыхъ жизней? Съ одной стороны, какая-то неожиданная гуманность военного чловека, а съ другой—видное соучастіе въ преступной мистификаціи русскаго народа, стоившей такихъ огромныхъ и человѣческихъ и матеріальныхъ жертвъ“.

„Очевидно, Небогатовъ—такой же плохой гражданинъ, какъ и плохой воинъ; и совершенно напрасно наши либералы пытаются превратить его воинскій грѣхъ въ гражданскій подвигъ, скрашенный гуманизмомъ. На военной деморализаціи никакъ не построишь здоровой гражданской морали, точно такъ же, какъ разложеніе и смерть не могутъ служить основой жизни. Позорная эпопея Цусимы и весь Небогатовскій процессъ, со всѣми припѣвами либеральной защиты и печати, поучителенъ, именно какъ характерный симптомъ глубокаго

національно - государственнаго разложенія, переживаемаго русскимъ обществомъ"... „Сравните въ этомъ отношеніи насъ и Японцевъ. Какая поразительная разница! Въ то время, какъ наши адмиралы проявляютъ свою гуманность въ сдачѣ безъ боя вооруженныхъ для боя эскадръ, японскіе простые транспорты съ десантомъ, лишённые пушекъ и какихъ бы то ни было орудій защиты, застигнутые крейсерами адм. Безобразова, героически идутъ ко дну. Русскіе адмиралы съ готовностью поднимаютъ японскій флагъ, а японскій десантъ предпочитаетъ позорной сдачѣ поголовное харикири безъ всякихъ соображеній о бесполезной гибели молодыхъ жизней, дающихъ примѣръ сверхчеловѣческаго героизма. Въ то время, какъ у насъ адвокаты, передовые публицисты и многіе изъ членовъ общества славословятъ гуманность капитуляціи, открывающей грудь родины для новыхъ ударовъ, японскіе плѣнные разбиваютъ свои головы о камни. Неправда ли, поразительный контрастъ въ самой психологіи восходящихъ и нисходящихъ націй!..

Когда отрядъ Небогатова присоединился въ водахъ Аннама къ эскадрѣ Рождественскаго, послѣдній издалъ приказъ (№ 229 отъ 26 апрѣля 1905 г.); въ немъ адмиралъ восхвалялъ молодецкій переходъ этого отряда, выяснялъ наши силы и японскія, указывалъ преимущества японской эскадры передъ нашей и разъяснялъ, какимъ образомъ возможно сдѣлать эти преимущества менѣе дѣйствительными. Этотъ приказъ Рождественскаго заканчивался словами:

„Японцы безпредѣльно преданы престолу и своей родинѣ; они не сносятъ безчестія и умираютъ героями. Но и мы клялись передъ Престоломъ Всевышняго. Господь укрѣпилъ духъ нашъ, помогъ намъ одолѣть тяготы похода, доселѣ безпримѣрнаго. Господь укрѣпитъ и десницу нашу, благословитъ — исполнить завѣтъ Государевъ и кровью смыть горькій стыдъ Родины“..

Читалъ этотъ приказъ и Небогатовъ; читали его также и командиры, и офицеры сдавшихся Японцамъ кораблей; тѣмъ не менѣе безъ боя были отданы неприятелю и броненосцы отряда, который велъ Небогатовъ 15-го мая, и миноносецъ „Въдогый“, на которомъ находился *самъ авторъ* этого приказа, адмиралъ Рождественскій...

Крови въ бою было пролито много, но самое кровопролитіе было сдѣлано безцѣльно, неразумно, нелѣпо; горькій стыдъ Родины оказался совсѣмъ не смытымъ; и тяжкимъ безуміемъ съ нашей стороны было дѣлать этотъ историческій шагъ, заранѣе зная себя не подготовленнымъ къ нему.

„Тамъ, гдѣ разъ былъ поднятъ русский флагъ, онъ не можетъ уже быть спущенъ“... Это историческое изреченіе Императора Николая I-го, который за сдачу фрегата безъ боя разжаловалъ въ нижніе чины всѣхъ его офицеровъ, оказалось въ бою подъ Цусимой, какъ видно, настолько основательно позабытымъ, что первымъ долгомъ было показать примѣръ сдачи тотъ самый броненосецъ, который носилъ имя этого Императора... Одновременно съ этимъ броненосцемъ сдались два другіе, на которыхъ никто изъ офицеровъ не пострадалъ... Все это является, несомнѣнно, результатомъ упадка духа въ нашемъ флотѣ. Анализируя этотъ прискорбный фактъ, капитанъ Кладо выразилъ по этому поводу въ „Нов. Врем.“ за 1905 г. рядъ мыслей, которыя въ сжатомъ извлеченіи сводятся къ слѣдующему:

Наши боевые суда безъ боя сдались. Фактъ позорный. Тѣ, кто сдались, поступили прямо противъ устава, противъ морского евангелія, при чтеніи котораго на кораблѣ всѣ обнажаютъ головы. Но одни ли

они виноваты, тѣ, кто сдался?—Нѣтъ не одни они... Предъ ними въ войну 1904—5 г. находился уже цѣлый рядъ другихъ примѣровъ, гдѣ преступленія противъ устава одно за другимъ оставались безнаказанными.

Никто не оказался отвѣтственнымъ за ночь съ 26 на 27 января 1904 г., когда наша эскадра преступно была оставлена на вѣшнемъ рейдѣ П.-Артура безъ достаточной охраны ея отъ японскихъ миноносцевъ.

„При обстоятельствахъ, совершенно немогущихъ быть оправданными“, два изъ трехъ владивостокскихъ крейсеровъ во время войны были посажены на камни; и это прошло для нихъ безнаказаннымъ.

Передъ боемъ съ адм. Камимурою наши владивостокскіе крейсера въ ночь на 1-е августа 1904 г. шли невѣрнымъ курсомъ, очутились къ утру у береговъ Японіи, и были отрѣзаны непріателемъ отъ Владивостока; въ концѣ боя „Россія“ и „Громобой“ предоставили слабый и поврежденный „Рюрикъ“ его собственнымъ силамъ въ борьбѣ съ непріателемъ и ушли отъ него... Дѣло это осталось тогда замѣтымъ и не разслѣдованнымъ. Донесеніе объ этомъ боѣ послѣ полученія его въ СПб. умышленно было задержано на двое сутокъ.

Незадолго до войны да еще гдѣ,—въ родныхъ водахъ Балтійскаго моря, наши моряки потопили поврежденный ими броненосецъ „Гангутъ“, имѣя полную возможность выброситься на песчаную отмель и спасти его. Дѣло это осталось совершенно не разслѣдованнымъ; а прикосновенныя къ нему лица безнаказанно продолжали идти впередъ по служебной лѣстницѣ вплоть до Цусимы...

Предъ глазами нашихъ моряковъ изо дня въ день демонстрировалась своеобразно организованная система въ дѣлѣ строительства нашихъ судовъ и снаряженія ихъ. Это была въ своемъ родѣ высшая школа преступности, съ формальной стороны искусно огражденная отъ придирокъ контроля.

При такомъ отношеніи къ дѣлу до войны и во время самой войны въ морскомъ вѣдомствѣ совсѣмъ почти не было яркихъ примѣровъ для укрѣпленія и воспитанія на нихъ въ молодежи нравственного отношенія къ дѣлу и чувства долга передъ Родиной. Безсвязно бормотались только слова морского евангелія, но переходъ отъ слова къ дѣлу считался въ вѣдомствѣ какъ бы необязательнымъ для дѣла всѣхъ, кто не носилъ имя „Ваньки“...

„Какъ ни поразителенъ съ перваго взгляда тотъ фактъ, что командиры и офицеры наши возможнымъ подчиниться приказанію Небогатова о сдачѣ“,—пишетъ капитанъ Кладо,—„но въ сущности они выказали тотъ самый взглядъ на дисциплину, который въ нашемъ флотѣ прививался личному составу неуклонно въ продолженіе многихъ лѣтъ; а именно:—„Не смѣть разсуждать, что бы начальство не приказывало; и разъ оно приказываетъ, отвѣтственность съ меня снимается; а что изъ этого выйдетъ,—дѣло не мое“... Всякая личная инициатива, всякая рѣшимость взять на себя отвѣтственность, хотя бы для пользы дѣла, сугубо у насъ преслѣдовалась, разъ только эта рѣшимость шла наперекоръ приказамъ начальства. Можно было быть преступно бездѣйтельнымъ, лѣнивымъ, можно было не стѣсняться съ казеннымъ сундукомъ, можно было быть замѣшаннымъ въ самыхъ сомнительныхъ дѣлахъ,—все это спускалось, на все смотрѣли сквозь пальцы. Но указать, хотя бы въ очень важныхъ случаяхъ, что начальство поступаетъ преступно, что оно дѣлаетъ распоряженія, идущія въ явный вредъ государству,—это не пропалось никогда. Изъ за „нежеланія обидѣть“ отдѣльныхъ лицъ дѣлалось все и вся. Забывали при этомъ только одно, какъ много этимъ обижали Россію... Но

гдѣ было о ней помнить: она не мозолила глазъ; она не обивала министерскихъ пороговъ; она не высказывала своихъ обидъ; она молча сносила все, что взваливали ей на ея многострадальную спину эти люди, близорукіе люди, забывшіе свой долгъ передъ Родиною. Вотъ и пожали то, что посѣяли... На „Рюрикъ“ оставался цѣлымъ одинъ только флотскій офицеръ, половина команды выбыла изъ строя, и все-таки крейсеръ успѣли потопить; а здѣсь, на броненосцахъ „Сенявинъ“ и „Апраксинъ“, были всѣ живы и здоровы, какъ сообщалъ объ этомъ главный морской штабъ, а корабли позорно были сданы врагу... Такъ вліяло на слабыхъ, колеблющихся и неувѣренныхъ въ себя, все то нехорошее, что они передъ собою видѣли, какъ примѣръ для подражанія. Но не одни слабые были на эскадрѣ, были и сильные, были и герои, передъ самоотверженнымъ подвигомъ которыхъ слѣдуетъ преклониться. И этихъ сильныхъ нашлось гораздо болѣе чѣмъ слабыхъ. На броненосцахъ, погибшихъ 14 мая днемъ и вечеромъ, работа машинъ и стрѣльба не прекращалась до самого послѣдняго момента погруженія ихъ въ воду, когда весь персоналъ корабля ясно сознавалъ уже свое безсиліе—предотвратить гибель судна. *Честъ и слава этимъ людямъ, гордымъ и сильнымъ духомъ!* Ихъ не сломили ни тяжелая обстановка труда во время боя, ни самыя пагубныя вліянія, среди которыхъ протекла ихъ жизнь... Нравственную силу и честное сознаніе долга они нашли въ самихъ себѣ“...

Памяти этихъ героев посвящается приводимое здѣсь стихотвореніе ⁴⁾:

На далекомъ океанѣ,
Надъ кудрями волнъ сѣдыхъ,
Вьются въ утреннемъ туманѣ
Стаи чаекъ молодыхъ.
Молятъ каждымъ скорбнымъ крикомъ,
Молятъ каждымъ взмахомъ крыль,
Чтобъ въ молчаніи великомъ
Океанъ имъ глубъ раскрылъ.

.....
„Тамъ на днѣ твоємъ глубокомъ,
Спятъ герои мертвымъ сномъ.
Дай на нихъ взглянуть хоть окомъ,
Спѣтъ о краѣ имъ родномъ.
Дай шепнуть имъ всѣ надежды,
Всѣ мольбы, всю скорбь о нихъ;—
И, открывъ съ улыбкой вѣжды,
Встанетъ рать борцовъ лихихъ“...

.....
„Сжался! На Руси тоскою
Сердце рвется пополамъ,
И сливаются рѣкою
Слезы всѣхъ, кто плачетъ тамъ.
Та рѣка къ тебѣ несется
И найдетъ на дно свой путь:
Слезка каждая прольется
На родимую ей грудь“...

.....
Вьются чайки. Что-то ищеть
Въ нѣдрахъ водъ ихъ грустный взоръ;
Но въ отвѣтъ лишь вѣтеръ свищетъ,
Ходятъ волны выше горъ...

⁴⁾ Это стихотвореніе было напечатано въ приложеніи къ „Нов. Врем.“ отъ 15 іюня 1905 г. и посвящено памяти поэта-лейтенанта Случевского съ броненосца „Александръ III-й“; специально къ нему относящаяся строфа здѣсь выпущена.

Цусимскіе герои.

Не все-ль равно? Пусть пѣль далеко.
Эскадрѣ нашей нѣтъ преградъ...
Мы будемъ плыть... Мы дѣти рока...
Мы не воротимся назадъ...

Маковский.

ЦУСИМСКІЕ ГЕРОИ... Это—вѣрные, благородные исполнители своего служебнаго долга, до конца испившіе свою горькую, роковую чашу. Уцѣлѣвшая часть ихъ была взята въ плѣнъ съ дравшихся до послѣдней возможности кораблей, погибшихъ въ неравной борьбѣ. А другая часть ихъ, еще болѣе значительная, пошла ко дну, безсильная справиться съ тѣми поврежденіями, которыя среди сплошнаго, непрерывнаго пожара наносилъ ихъ кораблямъ непріятель. Одни изъ нихъ за-долго передъ этимъ пали мертвыми и продолжали въ бою часами лежать неубранными тамъ, гдѣ смерть застигла ихъ; другіе боролись еще съ своими смертельными болями на перевязочномъ пунктѣ—съ надеждою въ сердцахъ, что свои не забудутъ ихъ и во-время снимутъ съ подбитаго корабля; третьи все еще работали въ полной увѣренности, что ихъ слабыя, ничтожныя усилія могли чѣмъ-нибудь помочь кораблю, который, можетъ быть, не болѣе какъ черезъ 2—3 минуты послѣ этого иногда бывалъ уже опрокинутъ мощнымъ ударомъ вражескаго снаряда...

Всѣхъ ихъ заставили передъ боемъ преодолѣть сначала трудности тяжелаго морского перехода—кого за 30.000 верстъ, кого за 14.000 в. Особенно много труда и заботъ выпало во время этого перехода на долю механиковъ.

Всѣхъ ихъ заставили пережить тревожное и мучительное мѣсячное плаваніе отъ Мадагаскара до Аннама подъ непрерывной угрозой ночныхъ минныхъ атакъ со стороны непріятеля,—пережить тяжелыя ночныя вахты при изнурительныхъ климатическихъ условіяхъ.

Всѣхъ ихъ заставили перенести муки неизвѣстности того, что ожидаетъ ихъ впереди; они не знали, куда они идутъ; они шли безъ малѣйшаго намека на задачи ближайшаго будущаго, на общій планъ предстоящихъ дѣйствій.

Всѣхъ ихъ мучили нелѣпыми извѣстіями съ театра войны и тревожными телеграммами о нихъ самихъ, которыя могли прочитать на родинѣ ихъ близкіе ¹⁾.

¹⁾ Въ бухтѣ Камранъ 6 апрѣля 1905 г. продавались телеграммы агентства Рейтеръ, сообщавшія, что бой между эскадрами уже состоялся, и что Русскіе съ своей стороны потеряли два миноносца и два крейсера—„Аврору“ и „Донского“... (см. *Политовскій*, стран. 220).

Всѣхъ ихъ игнорировали... Имъ обидно не довѣряли никакихъ данныхъ о предстоящемъ, считая ихъ недостаточно серьезными, способными сболтнуть нехоти что-нибудь лишнее, неспособными оберегать интересы своей родины... Равнодушные, безучастные чиновники боялись взглянуть на нихъ, какъ на разумныхъ и взрослыхъ людей, и съ своей стороны во-время не позаботились поднять уровень ихъ нравственнаго развитія и пониманія тамъ, гдѣ это требовалось. Проще, конечно, было смотрѣть на нихъ, какъ на сильныя руки, крѣпкія ноги, какъ на живой, послушный механизмъ, который такъ легко и просто „заводится“ посредствомъ властнаго, нерѣдко хмельнаго и грубаго окрика... Такъ и дѣлали.

Ихъ не только не уважали, но и ничуть не жалѣли... Ихъ изнурили передъ боемъ усиленной очередной работой; имъ приготовили и сверхъ-урочную работу по тушенію пожаровъ въ бою... Жалѣли дорогую мебель, предметы роскоши и комфорта, но... людей не жалѣли.

Нашъ противникъ поступалъ однако не такъ. Въ бою пожаровъ у него на корабляхъ почти вовсе не было. Въ Японіи не только офицеры, но и всѣ лица, носившіе званіе, соотвѣтствующее унтеръ-офицерскому, имѣли при себѣ и карту, и диспозицію, и знали общій планъ работы. Убивали офицера, у нихъ всегда оставались люди, знающіе, что надо дѣлать дальше; каждый изъ команды зналъ это, и никто изъ нихъ не злоупотребилъ этимъ благороднымъ довѣріемъ во вредъ своей родинѣ... ²⁾).

Кто изъ нашихъ былъ раненъ въ бою, тѣмъ оказывали первоначальную помощь; но затѣмъ иногда о нихъ вовсе забывали и оставляли на кораблѣ даже и тогда, когда для всѣхъ было ясно, что гибель корабля была неминуема, когда съ него давно бѣжало уже все начальство... Само оно не пожелало дожидаться погрузки на миноносецъ раненыхъ героевъ, но оно даже не потрудилося сдѣлать и распоряженія, чтобы за ними пришелъ другой свободный миноносецъ или крейсеръ... ³⁾).

²⁾ О поднятіи уровня общаго развитія своихъ гражданъ Японія озаботилась заблаговременно; тамъ теперь почти нѣтъ безграмотныхъ. А въ Россіи по всеобщей переписи 1897 г. оказалось: число грамотныхъ мужчинъ 30,6%, женщинъ—9,3%; всѣхъ грамотныхъ круглымъ счетомъ 40%. Изъ нихъ получили среднее и высшее образованіе 2,43% (мужчинъ—1,47%, женщинъ—0,96%). — „Русское Богатство“, 1905, № 7.

Въ нашей Манчжурской дѣйствующей арміи числилось около 89% неграмотныхъ, тогда какъ японскіе солдаты *всѣ грамотны*, свободно читаютъ топографическія карты, умѣютъ начертить на бумагѣ схему, чего не умѣютъ дѣлать у насъ и многіе офицеры („Вѣстн. Евр.“, 1905, № 8, стр. 789).

Народная масса была у насъ безграмотна; а военное министерство „въ непростанной заботливости о развитіи грамотности“ отпускало отъ своихъ щедротъ на обученіе солдатъ грамотѣ по 10 коп. въ годъ на человѣка („Вѣстн. Евр.“, 1905, № 11, стр. 380).

³⁾ На главномъ перевязочномъ пунктѣ флагманскаго корабля „Суворовъ“, подъ броневой палубой его, спустя одинъ часъ отъ начала боя:

...„Палуба была полна ранеными. Возможно, что здѣсь ихъ было больше, чѣмъ на всей японской эскадрѣ. Они стояли, сидѣли, лежали... Иные—на заранѣе приготовленныхъ матрацахъ, иные—на спѣшно разостланныхъ брезентахъ, иные на носилкахъ, иные просто такъ... Здѣсь они уже начинали чувствовать. Смутный гулъ тяжелыхъ вздоховъ, полужадушенныхъ стоновъ разливался въ спертomъ влажномъ воз-

манія на нихъ людей съ гибнущихъ кораблей, какъ объ этомъ гласила записка Рождественскаго, поданная имъ въ морской штабъ (см. выше страницу 63), въ бою никому, конечно, и въ голову не могла придти такая мысль, какъ явно несообразная; и только въ началѣ боя корабли „Анадыр“, „Корея“ и „Свирь“ приняли на себя подобную роль по собственной инициативѣ.

А тѣхъ офицеровъ, кто былъ раненъ въ бою, но имѣлъ несчастье попасть въ плѣнъ вмѣстѣ съ экипажемъ Небогатова, въ началѣ 1906 года мы ухитрились даже обречь на голодовку, впредь до получения рѣшенія суда по вопросу о сдачѣ Небогатовскаго отряда Японцамъ ⁴⁾.

Къ привезеннымъ на гибель нашимъ борцамъ за родину отнеслись въ концѣ концовъ безъ вниманія ⁵⁾, безъ уваженія, безъ жалости, безъ состраданія: всѣхъ за одно ихъ просто подставили подъ вѣрные убійственные выстрѣлы врага, заранее избравши для всего состава эскадры однообразный, наиболѣе прямой и вѣрный путь къ гибели...

духъ, пропитанномъ какимъ-то кислымъ, противно-приторнымъ запахомъ... Свѣтъ электрическихъ люстръ, казалось, съ трудомъ пробивался чрезъ этотъ смрадъ... Гдѣ-то впереди мелькали светяивыя фигуры въ бѣлыхъ халатахъ съ красными пятнами на нихъ... И къ нимъ поворачивались, къ нимъ мучительно тянулись, отъ нихъ чего-то ждали всѣ эти груды тряпокъ, мяса и костей... Словно отовсюду, со всѣхъ сторонъ поднимался и стоялъ неподвижный, беззвучный, но внятный, душу пронизывающій призывъ о помощи, о чудѣ, объ избавленіи отъ страданій, хотя бы... цѣною скорой смерти“... (Кап. Семеновъ, стр. 74).

Въ шестомъ часу, за два часа передъ тѣмъ, какъ „Суворовъ“ былъ потопленъ Японцами, на подошедшій къ нему миноносецъ „Буйный“ перегрузили только адмирала и его штабъ... А всѣ другіе раненые и всѣ герои, работавшіе на „Суворовѣ“, были оставлены на произволъ судьбы и пошли ко дну вмѣстѣ съ броненосцемъ.

⁴⁾ Морской министръ Бирилевъ распорядился перевести *всѣхъ* офицеровъ этого отряда на $\frac{1}{3}$ берегового оклада, въ томъ числѣ и раненыхъ до сдачи кораблей неприятелю. Для младшихъ офицеровъ это сводится къ содержанію въ 8 р. въ мѣсяцъ. Ни къ Рождественскому, ни къ его штабу въ свое время эта мѣра примѣнена не была; они получали жалованье, квартиру, отопленіе и освѣщеніе (см. „Нов. Вр.“, 1906, №№ 10.722, 10.783, 10.791).

⁵⁾ Не больше вниманія и гуманности проявляли военное и морское вѣдомства и къ семьямъ убитыхъ героевъ. Жены офицеровъ о смерти мужей узнавали часто отъ полковыхъ казначеевъ, которые сразу прекращали осиротѣлой семьѣ выдачу содержанія „за выбытіемъ г-на офицера изъ строя по случаю смерти“... Такъ было долго въ военномъ вѣдомствѣ, а въ морскомъ—еще оригинальнѣе: штабъ въ С.-Пб. зналъ, что подъ Цусимую погибло „много“, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не зналъ, кто именно погибъ; поэтому, чтобы не вышло какой ошибки, перестали семьямъ выдавать содержаніе *всѣмъ*; а кто живъ, тому предоставлялось доказывать законнымъ порядкомъ, что онъ еще не умеръ... Инженеръ Демчійскій 20 августа 1905 г., т. е. спустя три мѣсяца послѣ боя, въ канцеляріи главнаго штаба морского вѣдомства въ С.-Пб. узналъ лично, что „жалованье семьямъ гг. офицеровъ не платятъ потому, что въ штабѣ *нѣтъ* еще доведенія о Цусимскомъ боѣ отъ старшаго адмирала (онъ самъ—въ отпуску, а его замѣстители—на дачѣ), поэтому канцелярія не знаетъ, кто живъ и кто погибъ“, а полученные японскія и французскія свѣдѣнія не могутъ служить для нея оправдательнымъ документомъ передъ контролемъ („Русск. Богат.“, 1905, № 9). Какая удивительная заботливость о показномъ контролѣ копеекъ и рублей, когда кругомъ безъ всякаго подчиненія контролю уплываютъ сотни тысячъ и милліоны рублей!...

Изъ нашихъ товарищей-техниковъ погибло въ Цусимскомъ бою шесть лицъ:

1. **БЫКОВЪ**, Алексѣй Александровичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1903 года; 28 лѣтъ.

2. **ГАГАРИНЪ**, Григорій Григорьевичъ, князь, инженеръ-механикъ выпуска 1901 года, 28 лѣтъ.

3. **МИХАЙЛОВЪ**, Александръ Николаевичъ, инженеръ-механикъ, выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

4. **ПЛЪШКОВЪ**, Александръ Михайловичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

5. **ТРУБИЦИНЪ**, Николай Егоровичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 27 лѣтъ.

6. **ФЕДЮШИНЪ**, Павелъ Степановичъ, инженеръ-механикъ выпуска 1904 года; 25 лѣтъ.

Всѣ эти шесть лицъ приняли свою мученическую кончину въ бою, оставаясь на своемъ посту, при исполненіи своихъ тяжелыхъ служебныхъ обязанностей, безсильные предупредить или ослабить силу несчастія, которое выпало имъ на долю не по ихъ винѣ...

Когда мы прощались съ нашими товарищами въ послѣдній разъ, ничто не предвѣщало ихъ скорой мученической кончины. Покидая школьныя стѣны, они выходили на жизненный путь съ запасомъ свѣжихъ силъ и во всеоружіи техническихъ знаній. Они были готовы начать свою практическую дѣятельность въ роли скромныхъ работниковъ, въ какой бы области разумное выполненіе этой роли отъ нихъ ни потребовалось, лишь бы это не выходило изъ рамокъ честнаго и разумнаго служенія родинѣ. Но вотъ среди веселой праздної жизни, царившей въ П.-Артурѣ, вдругъ прорвались звуки вражескихъ минныхъ взрывовъ и нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ... Честное служеніе родинѣ потребовало отъ нашихъ товарищей примѣнить ихъ познанія и силы въ этой спеціальной области, къ служенію въ которой большинство изъ нихъ не было еще вполне готово. Приученныхъ къ дѣятельному и сознательному техническому труду, ихъ не смущала эта новая предстоявшая имъ работа, которая ихъ интересовала и къ себѣ тянула; они быстро съ нею освоились и выполняли ее безупречно во все время неимоверно труднаго для нихъ похода, а затѣмъ и во время самаго сраженія, геройски воодушевляя своимъ примѣромъ растерявшуюся и обезумѣвшую отъ страха „нижнюю“ команду. Не покидая въ бою мѣста своего служенія, они пріяли свою мученическую кончину, воодушевленные сознаниемъ, что эта работа требовалась отъ нихъ для защиты чести и достоинства родины... Отъ роли простыхъ работниковъ спокойно, просто, безъ рисовки, величіемъ переживаемого момента они переходили къ роли героевъ, готовыхъ смотреть опасности въ глаза, не утрачивая при этомъ культурной моши своего духа.

Они не обманули надеждъ, которыя ожидалъ отъ нихъ командующій флотомъ: въ бою корабли давали столько именно хода, сколько они могли дать. Но тѣмъ не менѣе въ бою погибли многіе корабли и многіе люди...

Среди другихъ погибли и шестеро нашихъ товарищей. Они погибли, но ихъ имена и благородныя черты ихъ человѣческой личности не будутъ забыты...

Смерть унесла нашихъ товарищей въ самомъ расцвѣтѣ ихъ жизненной силы и энергіи. Невольно возникаетъ роковой вопросъ: съ какою же пользою для родины отдана ихъ драгоцѣнная жизнь?

Отецъ одного изъ нихъ въ порывѣ отчаянія восклицаетъ: у меня отнято послѣднее утѣшеніе—считать погибшаго сына героемъ; онъ погибъ въ безславномъ Цусимскомъ бою.

Горько было бы думать, что есть основаніе у безутѣшнаго отца говорить такимъ образомъ. Но насколько вѣрно такое сужденіе? Не представляетъ ли въ данномъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ все служеніе нашихъ товарищей во флотъ, весь крестный путь ихъ, одинъ сплошной подвигъ самоотверженнаго служенія родинѣ?.. А безупречное исполненіе ими долга въ послѣдніе страшные часы и минуты...

Они показали своимъ примѣромъ, какихъ сотрудниковъ, какихъ преданныхъ дѣлу работниковъ-техниковъ можетъ имѣть нашъ флотъ. Они достойны были лучшей доли.

Будемъ надѣяться, что въ будущемъ силы подобныхъ работниковъ не будутъ тратиться такъ безплодно, и что положеніе техника во флотъ будетъ отъ вышеописаннаго далеко разниться въ лучшую сторону. Будемъ надѣяться, что и многое другое во флотъ измѣнится къ лучшему. Цусима, вѣдь, повториться не можетъ. Несмыслаемымъ позоромъ покрыты безславные имена подготовившихъ ее „дѣятелей“, расплотившихся подъ прикрытіемъ бюрократическаго режима. По дѣламъ узнаете ихъ,—а *дѣла ихъ привели насъ къ Цусимѣ...*

Семья техниковъ Императорскаго Техническаго У-ща, оплакивая безвременную погибшихъ ужасною смертію товарищей, возымѣла желаніе—почтить дорогія для всѣхъ русскихъ инженеровъ имена и образовать капиталъ имени инженеръ-механиковъ Быкова, князя Гагарина, Михайлова, Плѣшкова, Трубицина и Федюшина. Положеніе объ этомъ капиталѣ было выработано и утверждено Годичнымъ Собраніемъ Политехническаго О-ва 4 апрѣля 1906 года. Проценты съ этого капитала пойдутъ на дѣла благотворенія при Политехническомъ Обществѣ. Этотъ капиталъ нынѣ уже собранъ, но это не исключаетъ возможности дальнѣйшаго его пополненія лептою добрыхъ людей, которые пожелали бы почтить память нашихъ товарищей-героевъ.

Жестокою и несправедливую судьбу испытали погибшіе товарищи наши... Воздадимъ же дань уваженія этимъ мученикамъ, всмотримся въ дорогія и симпатичныя черты человѣческой личности этихъ героевъ, скажемъ имъ *вѣчную память* и наше товарищеское спасибо за честное исполненіе ими своего долга передъ родиной до послѣдняго своего вздоха.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Алексѣй Александровичъ Быковъ.

Источникомъ постоянныхъ огорченій для судовыхъ механиковъ является то именно, что невѣжественное судовое начальство смотритъ на машину, какъ на лишнюю вещь на кораблѣ, о которой можно ему и не заботиться ¹⁾.

БЫКОВЪ, А. А., родился въ Москвѣ въ 1877 году. Его родители оба еще живы и горько оплакиваютъ смерть своего сына, въ лицѣ котораго они видѣли радость, утѣшеніе и украшеніе ихъ семьи. Тяжелое горе ихъ раздѣляютъ съ ними старшій братъ А. А. и три сестры.

Отецъ А. А., Александръ Авдѣевичъ Быковъ, имѣетъ званіе личнаго почетнаго гражданина за 50-лѣтнюю службы *Т-ву Прохоровской М-ры* въ Москвѣ.

Среднее образованіе А. А. получилъ въ московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ, окончивши въ ней восьмилѣтній курсъ въ 1896 году.

Въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ А. А. окончилъ курсъ въ 1903 году съ званіемъ инженеръ-механика, пробывъ въ У-щѣ шесть лѣтъ.

Одинъ изъ товарищей-однокурсниковъ съ А. А. сообщилъ мнѣ о немъ слѣдующее:

„Мое знакомство съ Быковымъ завязалось еще въ Практической Академіи, гдѣ мы оба вмѣстѣ учились. Уже и тогда это былъ усидчивый, хорошій работникъ, добросовѣстный исполнитель своихъ учебныхъ работъ. Эти качества сохранились у него и въ И. Т. У. Это серьезное отношеніе къ работѣ ничуть не мѣшало ему однако вносить жизнерадостность и веселье въ товарищескую среду. Это легко удавалось ему съ его юморомъ, наблюдательностію и находчивостію; а его жизнерадостность и открытая натура невольно располагали къ себѣ съ первой же встрѣчи. При простомъ, трезвомъ взглядѣ на жизнь онъ обладалъ природной добротой и правдивостію. Благодаря этимъ чертамъ его характера, у него было много друзей и совсѣмъ не было враговъ. Серьезныя занятія наукою въ И. Т. У. не мѣшали ему од-

¹⁾ Изъ писемъ А. А. Быкова изъ Спеціи въ 1903 г.

нако относиться съ любовію также и къ музыкѣ; посѣщенія оперы и концертовъ были для А. А. высшимъ наслажденіемъ“.

Каникулярное время А. А. проводилъ на практикѣ. Ему удалось поработать практикантомъ на желѣзныхъ дорогахъ М.-Курской и Рязско-Моршанской, а также и на Брянскомъ заводѣ.

По окончаніи курса его потянуло во флотъ желаніе въ немъ поработать, а вмѣстѣ съ тѣмъ попутно удовлетворить и свою любознательность.

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота
Алексѣй Александровичъ Быковъ.

† 14 мая 1905 г. †

Нѣкоторые дополнительные свѣдѣнія къ этой біографіи удалось получить отъ товарищей А. А. только для 2-го изданія этой книги. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ изъ нихъ о первыхъ шагахъ службы А. А. во флотѣ.

„8 іюля 1903 года А. А. былъ назначенъ вольнымъ механикомъ на броненосецъ „Ослябя“, который въ августѣ долженъ былъ уйти въ Средиземное море, тамъ соединиться съ „Цесаревичемъ“ и „Баяномъ“ и подъ командой контръ-адмирала Виреніуса слѣдовать на Д. Востокъ. Уходя за границу, „Ослябя“ имѣлъ, кромѣ старшаго инженеръ-механика, достаточно опытнаго, еще двухъ помощниковъ изъ Кронштадтскаго Инженернаго Училища, только что окончившихъ тогда (въ 1903 г.)

курсъ, и двухъ вольныхъ механиковъ изъ инженеровъ Императорскаго Техническаго Училища (выпуска 1903 г.). Старшій механикъ былъ вначалѣ недоволенъ такимъ скопленіемъ неопытной молодежи подъ его началомъ; ни на кого изъ нихъ нельзя было ему положиться на первыхъ порахъ; во все нужно было ему вникать самому. Когда былъ пережить періодъ ознакомленія со всѣми своеобразными механизмами огромнаго корабля,—а это случилось довольно быстро, А. А. сразу выдвинулся между другими, какъ работающій, дѣятельный помощникъ, котораго начали цѣнить. Успѣху дѣла, впрочемъ, вначалѣ отчасти мѣшало, конечно, и то, что онъ былъ только „вольный механикъ“. Въ одно и то же время ему приходилось быть то на положеніи практика, то въ роли ответственнаго вахтеннаго механика. На военномъ кораблѣ эта двойственность является весьма неудобною, т. к. тамъ команда привыкла исполнять приказанія, исходящія или отъ офицеровъ, или отъ старшихъ изъ нижнихъ чиновъ, но на приказанія вольныхъ механиковъ команда привыкла смотрѣть скорѣе какъ на совѣты, которые можно и не исполнять. Тѣмъ не мѣнѣе А. А. относился къ командѣ всегда вдумчиво, внимательно“.

Въ письмѣ отъ 25 августа 1903 г. одному изъ своихъ товарищей А. А. выражалъ свое недовольство окружающею его средою, съ ея узкими интересами, ея дразгами, интригами, постоянной взаимной руганью. Во главѣ дѣла у нихъ на кораблѣ оказались тогда неинтересные сами по себѣ и несимпатичные люди; одинъ изъ нихъ былъ алкоголикъ, позволявшій много лишняго въ обращеніи со всѣми, особенно же съ командой. „Порядка на суднѣ никакого. Старшему механику ежедневно достается за недостатокъ въ парѣ, за неисправность тѣхъ или другихъ аппаратовъ. Никто не хочетъ только понять, что аппараты были въ бездѣйствіи чуть ли не пять лѣтъ, что многое въ нихъ испортилось, заржавѣло, что команда забыла уже ихъ устройство; машинисты всѣ новички, квартирмейстеры есть вольные; нѣкоторые не знаютъ, какъ машину въ ходъ пустить... Эти непріятности ко мнѣ непосредственно не относятся, и я вообще не выѣшиваюсь въ отношенія между начальствомъ. Но вчера не выдержалъ и выѣшался. Машинная команда передъ этимъ работала почти сутки безъ отдыха; послѣ этого вчера опять ей дали только шесть часовъ отдыха, включая сюда и время на ѣду, и хотѣли заставить ее работать всю слѣдующую ночь... Я же съ своей стороны выразилъ, что теперь командѣ надо сначала дать хорошій отдыхъ. Какъ на меня всѣ взѣлись! Посыпались обвиненія въ неумѣннн обращаться съ командой, въ поощреніи лѣнности!.. Хорошо еще, что старшій механикъ вполне раздѣлялъ мой взглядъ. Хотя и съ большими непріятностями, но ему удалось все-таки отстоять наше мнѣніе... Домой объ этомъ я, конечно, не пишу. Да съ письмами изъ дома происходитъ вообще какая-то нехорошая штука; ихъ пишемъ я совсѣмъ не получаю; не можетъ быть, чтобы они мнѣ совсѣмъ не писали“...

На пути въ Средиземное море „Ослябя“ получилъ поврежденіе корпуса и вынужденъ былъ отстать отъ своихъ спутниковъ. Въ письмѣ одного изъ нашихъ товарищей читаемъ по этому поводу слѣдующія строки, присланныя для 2-го изданія книги:

„Проходя Гибралтарскимъ проливомъ, „Ослябя“ ткнулся о камни, получилъ серьезное поврежденіе киля и долженъ былъ идти въ Спецію чиниться. „Цесаревичъ“ и „Баянъ“ ушли безъ него. Тамъ, въ Специи, 6-го октября 1903 года А. А. былъ произведенъ въ младше инженеры-механики съ зачисленіемъ въ корпусъ инженеръ-механиковъ

флота. До этого въ своемъ завѣдываніи А. А. имѣлъ шлюпки и опрѣснители, а послѣ производства въ офицеры ему были поручены въ завѣдываніе небольшія мастерскія. На броненосцѣ въ Спеціи была поставлена небольшая вагранка; А. А. долженъ былъ ею завѣдывать и ставить все дѣло заново. Приходилось и учить другихъ, и самому учиться. Литейщиковъ и формовщиковъ, конечно, не было. Надо было ихъ подготовить, научить ихъ, показать имъ, сначала все дѣлая самому своими руками. Не сразу все удавалось; были и неудачи, но они только удваивали энергію техника-піонера, заставили его отнестись къ дѣлу съ еще большимъ вниманіемъ. Все свое свободное время А. А. проводилъ въ порту, гдѣ и знакомился практически со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ области машиностроенія и съ практическими приемами производства разнообразныхъ ремонтныхъ работъ. Образцово оборудованный портъ въ Спеціи давалъ А. А. у обширное поле для изученія и наблюденія²⁾.

Вотъ что писалъ тогда изъ Спеціи А. А. одному изъ своихъ товарищей по выпуску:

...Начальство смотритъ на машину, какъ на лишнюю вещь на кораблѣ, и притомъ вещь грубую, сдѣланную изъ желѣза, чугуна... О ней можно и не заботиться. Поэтому между строевымъ начальствомъ и машиннымъ у насъ идетъ постоянная нелѣпая перебранка; и чтобы сдѣлать что-нибудь, самое необходимое для машины, я долженъ ждать еще разрѣшенія строевого начальника³⁾... Корабль нашъ считается новымъ, но все на немъ, можно сказать, старое. Строился онъ семь лѣтъ, плаваетъ 4 года, большихъ кампаній не имѣлъ. Какой уходя за котломъ и машинами былъ раньше, не знаю; но это—фактъ, мы всего три мѣсяца въ плаваніи, а приходится уже чинить всю котельную арматуру. Все было устроено так. обр., что въ котлы то и дѣло попадала соленая вода. Благодаря этому, въ мѣстахъ, гдѣ соприкасаются различные металлы, происходило разѣданіе, и настолько сильное, быстрое, что чрезъ мѣсяцъ отъ нѣкоторыхъ вещей почти не оставалось и слѣда. А происходило это отъ того, что *одна и та же донка* служила—и для выкачиванія грязной воды изъ трюма, и для пожарныхъ цѣлей, и для подачи прѣсной воды изъ запаса ея въ тепловой ящикъ. Удалось убѣдить начальство, что для послѣдняго назначенія нужна особая донка; и въ Специи мы ее поставили.—Машины у насъ то же незавидныя; ихъ три, каждая по 5000 силъ. Стучать, греметь; грѣются то тутъ, то тамъ; и ни одного перехода мы не сдѣлали безъ заливанія грѣющихся частей. Иначе и быть не могло: на всѣ наши просьбы—сдѣлать небольшой переходъ специально для пробы машинъ послѣ ихъ ремонта, намъ всегда въ этомъ отказывали. Теперь съ нами ѣдетъ адмиралъ, человѣкъ болѣе разсудительный, чѣмъ наше постоянное начальство; можетъ быть, съ нимъ поладимъ. Только благодаря ему, въ Италіи мы теперь и чинимъ судно.. При осмотрѣ его въ докѣ оказалось, что почти весь киль содранъ; его придется дѣлать новый; затѣмъ на протяженіи 10—12 саж. съ лѣваго борта содрана вся мѣдная обшивка; мѣстами уже и деревянную обшивку

²⁾ Генералъ И. И. Филиппенко говорить по этому поводу, что не только на броненосцахъ, но и на самыхъ малыхъ судахъ канцелярщина заѣла все дѣло. На суднѣ съ экипажемъ до 50 человѣкъ приходится списывать въ годъ до 1500 нумеровъ исходящихъ бумагъ. Поэтому случается, что старшіе механики по мѣсяцамъ ждутъ и не дожидаются возможности начать исправленія, а только все переписываются („Крымскій Вѣстникъ“, 1904 г.).

пропоролы на глубину 2—3 дюйм. на всемъ этомъ протяженіи борть помяты на семь дюйм. Это мы такъ удачно ходили отъ Алжира до Пороса и обратно въ Спецію. Вотъ уже двѣ недѣли стоимъ въ докѣ. Пишутъ донесеніе въ штабъ. Будемъ ожидать разрѣшенія чинить, а потомъ работы съ починкой хватить мѣсяца на полтора“...

Черезъ два мѣсяца послѣ этого ремонтъ закончили, вышли въ Бизерту, и на этомъ переходѣ снимали діаграммы съ главныхъ машинъ. „Обычный ходъ машинъ 55—60 оборотовъ въ минуту, а тутъ насъ заставили идти форсированно на 70 оборотовъ. Раньше у насъ нехватало 12 котловъ, а тутъ шли подъ десятью, и притомъ 5 изъ нихъ были уже по шести сутокъ въ работѣ до этого перехода. При такихъ условіяхъ результатъ получился не важный: расходъ угля на одну индикаторную силу оказался 2,30 фунта“...

Въ письмѣ къ родителямъ отъ 7 декабря 1903 г. А. А. писалъ изъ Бизерты слѣдующее:

„Здѣсь теперь стоятъ одинъ броненосецъ, 2 крейсера и 5 миноносцевъ; скоро придутъ сюда еще 1 крейсеръ и 5 миноносцевъ; тогда мы всѣ вмѣстѣ отправимся на Д. Востокъ *)... Передъ этимъ основательно отремонтировали судно и машины. За содѣйствіе при ремонтѣ машинъ мы всѣ получили отъ Балтійскаго завода денежныя награды: старшему механику—500 франковъ, младшимъ—по 250 фр. каждому, а командѣ—отъ 10 до 75 франковъ (по усмотрѣнію механика)... Черезъ два дня уѣзжаемъ въ Тунисъ: мѣстныя власти тамъ устраиваютъ балъ въ честь русской эскадры, и всѣ мы имѣемъ на него личныя приглашенія“...

Въ письмѣ къ одному изъ товарищей отъ 7. XI. 03 исторію съ гонораромъ Балтійскаго завода А. А. описываетъ съ гораздо большими подробностями и передаетъ, что „благодарность за исправное содержаніе котловъ и машинъ и за внимательный ремонтъ ихъ“ была получена также командиромъ броненосца и старшимъ офицеромъ. Ни тотъ, ни другой не сочли это за насмѣшку... Въ томъ же письмѣ А. А. жалуется товарищу, что законнымъ путемъ ничего нельзя добиться получить. „Нуженъ былъ для мастерской малый токарный станокъ по дереву, нужны были инструменты... Что ни попросишь, ассигновки не дають... Это доставить намъ поставщикъ вагранки и къ счету ея самой и ея установки будетъ приписана соотвѣтственная сумма стоимости инструментовъ и станка“...

Трудно было работать въ такихъ условіяхъ, по А. А. всѣми силами старался добиваться своего и выше всего ставилъ пользу самого дѣла. Характеризуя эти положенія, одинъ изъ нашихъ товарищей для 2-го изданія книги прислалъ мнѣ слѣдующія строки:

„Въ Спеціи А. А. привелъ въ полный порядокъ механизмы двухъ паровыхъ катеровъ, которыми завѣдывалъ, и положилъ на это довольно много труда. При этомъ ему приходилось между прочимъ не мало воевать со старшимъ офицеромъ броненосца изъ-за катернаго дождевого тента, который былъ совсѣмъ новый; его можно было показывать на смотру, и его поэтому жалѣли, а механизмы изъ-за этого приходилось разбирать на дождѣ; въ это время года, осенью, дождь идетъ въ Спеціи, почти не переставая. Здравый смыслъ подсказывалъ, что вотъ при этихъ-то именно обстоятельствахъ катерный тентъ и могъ выполнить свое назначеніе; но строевому начальству важнѣе всего

*) Это намѣреніе не осуществилось, т.-к. послѣ начала войны отрядъ Вирениуса вернулся изъ Краснаго моря въ Либаву.

было сохранить тентъ въ новомъ видѣ; а что пострадають отъ дождя цѣнные машинныя части, „верхъ“ такими „мелочами“ не интересовался“...

„Необходимость вести эту постоянную войну съ „верхомъ“ ничуть не ослабляла энергии у А. А. и не останавливала его въ проявленіи собственной инициативы въ дѣлѣ, въ которое онъ уже втянулся и которое полюбилъ. Обладая въ то же время открытымъ характеромъ, А. А. не умѣлъ ни притворяться, ни хитрить. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, онъ пользовался среди команды общимъ уваженіемъ, любовью, а главное—большимъ авторитетомъ. Какъ потомъ оказалось, и „верхъ“ цѣнилъ по своему энергичную дѣятельность А. А.: въ декабрѣ 1903 г. старшій офицеръ съ „Ослябя“, переходя на миноносецъ, сдѣлалъ А. А.-чу лестное предложеніе—взять на себя роль отвѣтственнаго механика на этомъ миноносцѣ. Но А. А. въ концѣ концовъ отклонилъ отъ себя это предложеніе: съ одной стороны ему не хотѣлось разставаться съ своей маленькой мастерской, съ своимъ дѣтищемъ, гдѣ почти все было устроено и налажено имъ самимъ и его собственными руками; а съ другой стороны онъ ясно увидалъ, что и старшему механику не хотѣлось уже отпускать его отъ себя; онъ началъ смотрѣть на него, какъ на отличнаго себѣ помощника, и началъ цѣнить въ его лицѣ хорошаго добросовѣстнаго работника“.

Въ письмѣ 16 декабря 1903 г. А. А. писалъ слѣдующее:

„Изъ Бизерты уходимъ 21 декабря. Рождество и Новый годъ тудемъ встрѣчать съ греческой королевой Еленой, которая и хлопобала о переводѣ нашей эскадры въ Персей“...

Съ присоединеніемъ ихъ отряда къ эскадрѣ Рождественскаго все сельные деньки сразу отошли въ область воспоминаній, вмѣсто нихъ надвинулась полоса усиленной работы и всевозможныхъ лишеній.

Въ письмѣ къ родителямъ отъ 2 апрѣля 1905 г. изъ бухты Камранъ читаемъ уже слѣдующее:

„Вчера пришли въ китайскія воды, пребывши въ пути 29 дней. Еще 3—4 дня пути, и намъ пришлось бы сидѣть на рисѣ и на испорченной солонинѣ. Команда уже испытывала это удовольствіе нѣскольکو дней. Завтра возьмемъ быковъ и, по приказанію Рождественскаго, „покормимъ“ команду свѣжимъ мясомъ. Нѣмцы привезли уже намъ уголь и провизію... У насъ, на „Ослябя“, все идетъ хорошо, если не считать одного несчастья, которое случилось во время моей вахты нѣсколько дней тому назадъ. Лопнула въ котлѣ трубка, и паромъ обварило троихъ кочегаровъ. Одинъ изъ нихъ умеръ третьяго дня; два другіе поправляются, но плохо. Было назначено слѣдствіе. Изъ показаній умершаго кочегара адмиралъ смѣло вывелъ заключеніе, что ни кочегары, ни мы, ни даже старшій механикъ, никто ничего не знаетъ, и что всѣ мы не умѣемъ обращаться съ котлами. Адмиралъ отнесся къ этому инциденту съ большой злобой и началъ насъ учить. Вотъ пословица-то, пожалуй, и вѣрна, что „вѣкъ живи, вѣкъ учись“... и т. д. Самая трудная и опасная часть пути едва ли уже не сдѣлана; и ни въ одномъ изъ узкихъ проливовъ Японцамъ не удалось осуществить свое нападеніе на эскадру. У насъ на кораблѣ всѣ вѣрятъ въ счастливую звѣзду Рождественскаго, и это сильно бодритъ команду и насъ. Начинаемъ готовиться къ бою, собираемъ въ укромное мѣсто болѣе цѣнныя вещи, составляемъ завѣщанія. И я сдѣлалъ это, хотя меня поддерживаетъ какая-то увѣренность, что я останусь живъ“...

Къ сожалѣнію, для этой увѣренности не было никакихъ основаній. „Ослябя“, самый высокій изъ всѣхъ нашихъ броненосцевъ, представлялъ собою отличную цѣль для стрѣльбы Японцевъ. Къ тому же броненосецъ былъ неповоротливъ и плохо маневрировалъ въ бою. Присутствіе на кораблѣ мертваго адмирала Фелькерзама, тѣло котораго лежало тогда уже 4-й день безъ погребенія, никого не оживляло въ работѣ. Броненосецъ, маневрируя, то забѣгалъ впередъ, то останавливался, чтобы выждать своей очереди въ стрѣльбу, и сдѣлался поэтому самой первою мишенью, на которую полился дождь японскихъ снарядовъ. Съ полученными кораблемъ пробоинами не справились на большой волнѣ; и броненосецъ первымъ перевернулся ⁴⁾ и пошелъ ко дну. Съ него спаслись 176 человекъ, но Алексѣй Александровичъ не попалъ въ ихъ число... Горе и отчаяніе престарѣлыхъ родителей, получившихъ объ этомъ извѣстіе, не поддаются описанію...

⁴⁾ При личномъ свиданіи одинъ изъ нашихъ товарищей передалъ мнѣ о глубоко-трагичномъ эпизодѣ. Перевернувшись, „Ослябя“ держался нѣкоторое время на водѣ килемъ вверхъ. Нѣкоторые наши корабли не сразу поняли, что это гибнетъ не японское боевое судно, а наше. На нихъ раздались крики „ура!“ и былъ открытъ огонь по останкамъ несчастнаго русскаго броненосца. П. Х.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

„Чтобы постоять за честь родной земли, онъ оставилъ свою беззаботную юность и только что открывшееся ему счастье семьянина; и все это, вмѣстѣ съ накопленными долгимъ трудомъ знаніями, онъ принесъ въ жертву отечеству“...

Изъ одного письма, полученнаго послѣ 14 мая 1905 г. родителями Григорія Григорьевича.

КНЯЗЬ ГАГАРИНЪ, Г. Г., родился въ СПб. 3-го декабря 1876 года. Его отецъ, князь Гагаринъ, Григорій Григорьевичъ,—кандидатъ естественныхъ наукъ С.-Петербургскаго университета, членъ Государственной Думы перваго состава (1906 г.), крупный землевладѣлецъ и сознательный работникъ въ области сельскаго хозяйства.

Нашъ товарищъ получилъ превосходное воспитаніе и весьма серьезное домашнее образованіе. Обставленное со всей полнотою въ необходимыхъ для этого учебно-вспомогательныхъ средствахъ, въ научныхъ пособіяхъ, образованіе будущаго техника-морехода велось подъ руководствомъ отца и при его непосредственномъ въ этомъ дѣлѣ участіи, затѣмъ при содѣйствіи матери, княгини Маріи Александровны, и при помощи приглашенныхъ для этого лучшихъ педагоговъ. Князь Г. Г. Гагаринъ-отецъ далъ своему сыну живое, практическое, естественно-научное образованіе, придерживаясь въ общемъ программы реальныхъ училищъ, но положивши въ основу всего обученія принципъ самостоятельности самого учащагося, принципъ наглядности обученія, широкаго использованія при этомъ научно-обставленными опытами и экскурсіями¹⁾.

Свое дѣтство и отрочество (до 16-лѣтняго возраста) Г. Г. провелъ среди чудной природы въ Карачаровѣ, въ имѣніи отца, которое широко и вольно раскинулось въ живописной холмистой мѣстности на высокомъ берегу Волги, на границѣ Москов. и Тверск. губ. .

¹⁾ Курсъ древней исторіи, напр., былъ обставленъ путешествіемъ въ Грецію, М. Азію и Египетъ, гдѣ уроки отца, опять подъ его же руководствомъ, были повторены на мѣстѣ при обзорѣ памятниковъ древности. Такъ же обр. знакомство съ географіей Россіи заканчивалось надлежащими экскурсіями внутри родной страны и т. д.

Наклонности будущаго механика и его пристрастіе къ машинамъ, опредѣлились съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Встрѣчать и провожать каждый пароходъ, идущій по Волгѣ мимо родной усадьбы,—это всегда было однимъ изъ любимыхъ занятій маленькаго Гриши. Въ числѣ его дѣтскихъ рисунковъ чаще всего попадаются именно пароходы; на этихъ рисункахъ онъ вѣрно схватывалъ характерныя особенности силуэта корабля и передавалъ по своему стремительность его движенія. Мечтою его дѣтства было увидать настоящее море, настоящую эскадру. И мечта эта очень быстро осуществилась: ему было всего только семь лѣтъ, а его взоры уже приковывалъ къ себѣ отрядъ французской эскадры, находившійся въ Каннѣ, куда Гриша пріѣхалъ вмѣстѣ со своими родителями.

Паровозы и другія машины также влекли къ себѣ его вниманіе и давали пищу его фантазіи: то онъ мечтаетъ осуществить движеніе локомотивныхъ колесъ, пользуясь для того колесами дѣтскаго велосипеда; то онъ занятъ мыслию построить свою желѣзную дорогу и заботливо копить для того мѣдныя деньги...

Подражая своему отцу, Гриша съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ сельскому хозяйству, съ удовольствіемъ слѣдилъ за всѣми работами и отвѣтственно занимался веденіемъ своего собственнаго маленькаго огорода и своего сада.

Читать онъ выучился очень рано и самъ собою, какъ-то незамѣтно для взрослыхъ, но съ ученіемъ родители его не торопились, опасаясь вредныхъ послѣдствій отъ слишкомъ ранняго развитія. Когда мальчику исполнилось 8 лѣтъ, для правильныхъ занятій съ нимъ была приглашена опытная учительница.

Вслѣдъ за Гришей образовали его многочисленные братья и сестры; и скоро въ Карачаровѣ образовалась своего рода домашняя гимназія или, какъ въ шутку тамъ говорили, „Карачаровскій университетъ...“ Въ немъ было принято за правило, что гораздо важнѣе развить мыслительныя способности дѣтей и пріучить ихъ къ самостоятельному мышленію, чѣмъ гнаться за наибольшимъ количествомъ знаній; тамъ считалось лучше знать немногое главное и существенное, но точно и ясно, чѣмъ знать многое, но приблизительно, кое-какъ, удѣляя вниманіе неважнымъ подробностямъ.

Гриша былъ первенцемъ въ семьѣ, поэтому главные заботы и вниманіе родителей были сосредоточены именно на немъ.

Въ эпоху полнаго торжества классицизма, будучи самъ классическаго образованія, князь Гагаринъ-отецъ пошелъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ и рѣшилъ дать своему сыну образованіе реальное. Большой любитель живой природы, знатокъ химіи и ботаники, отецъ съ увлеченіемъ самъ преподавалъ естествознаніе своему старшему сыну; старался внушить ему свою любовь къ природѣ во всѣхъ ея проявленіяхъ и все время велъ самую тщательную подготовку къ урокамъ, чтобы облегчить мальчику прочное усвоеніе предмета.

Однако реальное образованіе не помѣшало Гришѣ получить знакомство съ классическимъ міромъ, и притомъ гораздо болѣе обширное и глубокое, чѣмъ какое даетъ на самомъ дѣлѣ наша такъ называемая классическая школа. Не изучая тонкостей грамматики, синтаксиса и фразеологіи мертвыхъ языковъ, Г. Г. прочиталъ цѣликомъ въ хорошихъ переводахъ лучшія произведенія древнихъ писателей: Гомера, Плутарха, Геродота, Ксенофонта, греческихъ трагиковъ, Тита Ливія, Юлія Цезаря и др.

По вечерамъ въ Карачаровѣ ежедневно устраивались литературныя чтенія; дѣти знакомились съ лучшими произведеніями иностранной и русской литературы, съ біографіями великихъ людей и т. д.

Учебная жизнь въ Карачаровѣ шла совершенно регулярно и подчинялась строгому распредѣленію, при выработкѣ котораго не были забыты и физическія упражненія, какъ-то: гимнастика, игры и прогулки съ продолжительнымъ пребываніемъ дѣтей на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ; благодаря этому, исподволь развивалась у дѣтей энергія и выносливость въ трудѣ, изощрялась врожденная наблюдательность, созрѣвала любовь къ природѣ.

По отзыву домашняго врача семьи, на глазахъ котораго Гриша изъ ребенка превратился въ юношу, „это былъ здоровый и крѣпкій мальчикъ; онъ никогда не капризничалъ, постоянно былъ чѣмъ-нибудь занятъ и совершенно не умѣлъ скучать, какъ скучаютъ многія дѣти“. Онъ всегда относился серьезно и добросовѣстно ко всему, что бы онъ ни дѣлалъ, при неудачѣ не бросалъ начатаго и всякое дѣло старался довести до конца. Во всемъ онъ любилъ порядокъ, чистоту и аккуратность. Такъ было въ играхъ, такъ было и въ учебныхъ занятіяхъ. Науками онъ занимался хорошо, усидчиво и съ большою добросовѣстностью, стараясь уяснить себѣ всякій вопросъ до конца. Спокойный и миролюбивый, онъ былъ въ семьѣ любимъ всѣми. На него нельзя было сердиться: онъ обезоруживалъ своимъ добродушіемъ и веселостью. Въ играхъ у него никогда не было ссоръ и недоразумѣній. Братъ и сестры повиновались ему чрезвычайно охотно; съ раннихъ лѣтъ онъ имѣлъ на нихъ хорошее вліяніе; указывая кому-нибудь изъ нихъ на оплошность, онъ дѣлалъ это всегда ласково, мягко, съ поразительнымъ тактомъ. Не по лѣтамъ онъ отличался и большимъ запасомъ здраваго смысла, распорядительностью и практичностью: живя въ Москвѣ во время весеннихъ экзаменовъ одинъ съ братомъ, юный князь Г. Г. всегда велъ все хозяйство въ домѣ, исполнялъ разныя порученія и внимательно входилъ во всѣ нужды меньшого брата, порученнаго его заботамъ.

Начиная съ 10-лѣтняго возраста, каждый годъ весною Г. Г. держалъ переходные экзамены изъ класса въ классъ при реальномъ училищѣ Фидлера въ Москвѣ, а два послѣдніе клсса (6-й и 7-й) онъ прошелъ уже въ самомъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1895 году.

Еще задолго до поступленія въ И. Т. У-ще, кромѣ теоретическихъ предметовъ, Г. Г. съ любовью изучалъ также и ремесла, — столярное, токарное, слесарное, кузнечное, самъ дѣлалъ всевозможныя починки, ковалъ лошадей и т. п. Исполняя подобныя работы, Г. Г. охотно носилъ рабочую синюю блузу, проявлялъ большую выносливость и любовь къ здоровому физическому труду. Всѣ извѣстные виды спорта и физическихъ упражненій имѣли въ немъ прекраснаго исполнителя, обладавшаго отличнымъ здоровьемъ и ловкостью. Занятія искусствами также влекли его къ себѣ, — особенно рисованіе, при чемъ излюбленными темами его рисунковъ было все, что сопрягается съ морской стихіею, — лодки, пароходы, цѣлыя флотиліи...²⁾

²⁾ Возможно, что влеченіе Григорія Григорьевича къ морю и къ рисованію было наслѣдственнымъ. Его пращуръ былъ морякъ, капитанъ II ранга русскаго флота. А дѣдъ Г. Г. былъ извѣстный въ свое время художникъ и вице-президентъ Академіи Художествъ. П. Х.

Въ И. Т. У-ще Г. Г. поступилъ по конкурсу въ 1895 г. на механическое отдѣленіе. Науками и практическими работами въ мастерскихъ Училища онъ занимался съ большимъ интересомъ. Однокурсники имѣли въ лицѣ Григорія Григорьевича веселаго, добродушнаго и жизнерадостнаго товарища, обладавшаго большимъ тактомъ и порядительностью; простой и ласковый въ обращеніи со всѣми, онъ былъ ничуть не тщеславенъ.

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота
князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

† 14 мая 1905 года. †

Одинъ изъ учителей Григорія Григорьевича впечатлѣніе своей первой встрѣчи съ нимъ по пріѣздѣ въ Карачарово передалъ мнѣ въ слѣдующихъ словахъ:

„Я увидаль передъ собою *) мальчика въ скромной бѣлой блузѣ, твердыми шагами направлявшагося навстрѣчу вновь пріѣхавшему

*) Изъ письма П. М. Богаевского, директора *Московского Дворянскаго Пансіона*.

учителю. Первый же взглядъ, которымъ мы обмѣнялись, первое рукопожатіе, первыя слова быстро успокоили меня. Передъ мною былъ ребенокъ съ чуткой душою, серьезно желающій близко подойти къ вамъ, желающій найти въ васъ человѣка, котораго онъ могъ бы полюбить, къ которому онъ могъ бы привязаться душою; передъ собою я видѣлъ ребенка интересующагося вами, но въ тоже время проникнутаго тонкимъ сознаніемъ предѣла, за который онъ переступить, лишь когда къ этому призоветъ его искренній душевный порывъ. Эта деликатность, эта искренность чувства, по моему мнѣнію, и есть преобладающая черта характера покойнаго Гриши. По крайней мѣрѣ, мое первое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи не изгладилось и до настоящаго дня⁴.

И это глубоко вѣрно. Такимъ позднѣе знали его и мы въ стѣнахъ Техническаго Училища.

Будучи студентомъ-техникомъ, каждое лѣто Григорій Григорьевичъ проводилъ на практическихъ занятіяхъ: въ 1896 г. онъ участвовалъ въ научной экскурсіи на Уралъ, отправлявшейся туда подъ руководствомъ профессора Вл. И. Вернадскаго и В. Д. Соколова; лѣто 1897 г. онъ пробылъ за границею и осматривалъ различныя инженерныя сооруженія; въ 1898 г. онъ былъ за Байкаломъ на работахъ по сборкѣ желѣзнодорожнаго моста чрезъ р. Селенгу въ Верхнеудинскѣ; лѣтомъ 1899 г. онъ работалъ на Черноморскомъ заводѣ въ Николаевѣ и принималъ участіе въ сборкѣ частей нѣкоторыхъ механизмовъ для броненосца „Екатерина II-я“; лѣтомъ 1900 г. онъ былъ на практикѣ на извѣстномъ механическомъ заводѣ Бельвиля (бл. Парижа), гдѣ изучалъ постройку морскихъ котловъ системы *Belleville*, готовясь къ будущей службѣ во флотѣ; и наконецъ весною 1901 г. онъ работалъ практикантомъ на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ въ СПб., чтобы ознакомиться ближе со сборкою судовыхъ машинъ и механизмовъ.

Всегда бодрый и уравновѣшенный, отзывчивый и мягкій, Г. Г. вездѣ былъ общимъ любимцемъ. Въ каждомъ человѣкѣ онъ хотѣлъ найти прежде всего что-нибудь хорошее и не любилъ отзываться дурно о комъ бы то ни было.

Г. Г. былъ прекраснымъ, примѣрнымъ, сыномъ⁴). Чувство благодарности къ родителямъ, вложившимъ всю душу въ его воспитаніе, не покидало его никогда. Ему было невыносимо тяжело въ чемъ бы то ни было, даже въ мелочахъ, поступить противъ ихъ воли. Когда онъ говорилъ съ друзьями о своихъ планахъ и намѣреніяхъ, онъ всегда при этомъ указывалъ на желанія отца. Особенно предупредителенъ и нѣженъ былъ Г. Г. къ своей матери, безгранично его любившей. Онъ боялся ей причинить малѣйшую тѣнь огорченія или неудовольствія. Своихъ братьевъ и сестеръ онъ также очень любилъ; во время своихъ отлучекъ изъ семьи онъ писалъ имъ часто забавныя юмористическія письма.

Окончивши курсъ въ Императорскомъ Техническомъ Училищѣ въ 1901 году съ званіемъ инженеръ-механика, Григорій Григорьевичъ рѣшилъ отбывать воинскую повинность во флотѣ въ качествѣ механика, чтобы наилучшимъ образомъ примѣнить свои спеціальныя познанія и въ то же время усовершенствоваться въ нихъ. Онъ хотѣлъ не только отбыть во флотѣ воинскую повинность, но и продолжать морскую службу съ тѣмъ, чтобы пройти Морскую Академію по корабле-

⁴) Изъ воспоминаній В. К. Черкаса.

строительной части и сдѣлаться корабельнымъ инженеромъ. Когда его отецъ въ разговорѣ съ однимъ адмираломъ высказалъ такое желаніе сына,—адмиралъ отвѣтилъ, что „это—несбыточная мечта“, потому что, во-первыхъ, молодой механикъ по годамъ уже не соотвѣтствуетъ морскому цензу, а во-вторыхъ онъ вышелъ не изъ морского корпуса и не изъ морского инженернаго училища; ...да, и вообще механики считаются паріями во флотѣ“.

Тѣмъ не менѣе такое заявленіе не остановило Григорія Григорьевича, и 3 іюня 1901 г. онъ былъ уже зачисленъ вольнымъ механикомъ на броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Апраксинъ“. Онъ плавалъ на немъ все лѣто въ Балтійскомъ морѣ. Въ октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ „Пересвѣтъ“, на которомъ вскорѣ ушелъ на Дальній Востокъ. Весною 1902 года онъ прибылъ въ Портъ-Артуръ, а затѣмъ черезъ Японію во Владивостокъ. Такъ какъ „Пересвѣтъ“ долженъ былъ остаться въ водахъ Тихаго Океана въ резервѣ, Григорій Григорьевичъ перешелъ на крейсеръ 1-го ранга „Адмиралъ Нахимовъ“. Обогнувъ на немъ берега Японіи, съ остановками въ портахъ, онъ вторично пришелъ въ Портъ-Артуръ, сдѣлавъ отсюда на „Варягъ“ рейсъ въ Чемульпо и обратно, а въ ноябрѣ того же года пошелъ на „Адмиралъ Нахимовъ“ изъ Портъ-Артура въ Кронштадтъ, куда и прибылъ въ маѣ 1903 г.

По словамъ офицеровъ-моряковъ, плававшихъ съ княземъ Г. Г. въ теченіе двухъ лѣтъ его морской службы, его „всѣ высоко цѣнили, какъ прекраснаго товарища и сослуживца“. „Рѣдкій, по своему знанію дѣла и серьезному отношенію къ обязанностямъ, инженеръ-механикъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ въ себѣ всѣ качества и симпатичныя стороны любимаго всей каютъ-компаніей товарища“. „Онъ всегда являлся душой всѣхъ веселыхъ начинаній офицерскаго общества, не забывая при этомъ своего служебнаго долга. Во время кругосвѣтнаго плаванія, при всякой остановкѣ корабля, онъ устраивалъ съ товарищами интересныя и поучительныя экскурсіи внутрь материка“.

Въ письмахъ отъ 22 и 30 іюля 1901 г. изъ Ревеля съ „Апраксина“ читаемъ слѣдующія строки:

„Оказывается, что я очень хорошо переношу море. Качка не доставляетъ мнѣ никакой непріятности. Сегодня на ногахъ съ 4 час. утра... Въ Балтійскомъ портѣ наши миноносцы должны были атаковать нашъ отрядъ. Ученье прошло очень интересно... На обратномъ пути сюда были упражненія въ стрѣльбѣ. Я тоже стрѣлялъ изъ скорострѣльной пушки и хочу научиться стрѣлять изъ пушекъ, хотя это меня совсѣмъ и не касается“...

Въ письмахъ съ броненосца „Пересвѣтъ“ можно отмѣтить слѣдующія мѣста:

Изъ Nyborg. Отъ 20 октября 1901 г.: „Сегодня въ 4 ч. ночи благополучно снялись съ мели, на которой простояли 32 часа“...

Изъ Тулона отъ 1 декабря 1901 г.: „Черезъ сутки послѣ Гибралтара попали въ настоящій штормъ. Онъ былъ особенно силенъ ночью. Уменьшали ходъ до 6 узловъ. Несмотря на качку я былъ въ полномъ здравіи и чувствовалъ себя отлично. Послѣ шторма, чтобы нагнать время, шли 15-узловымъ ходомъ. Съ 19 ноября стоимъ въ докѣ, исправляемъ себѣ подводную часть, которую повредили при постановкѣ броненосца на мель въ Большомъ Бельтѣ; простоишь мѣсяцъ. Жаль, что изъ-за этого не пришлось побывать ни въ Испаніи, ни въ Алжирѣ“...

Изъ Пирея отъ 28 декабря 1901 г.: „Сюда прибыли 23 декабря. Здѣсь стоитъ вся Средиземная эскадра и всѣ дни у насъ заняты различными празднествами. На броненосцѣ „*Николай I-й*“ были на вечерѣ король и королева; а сегодня они были у насъ, завтракали, раздавали подарки матросамъ... Успѣлъ побывать въ Афинахъ, гдѣ осматривалъ акрополь и музеи. Встрѣча Нового Года будетъ у насъ ⁵⁾, и мы пригласимъ всю эскадру и королей. Вообще, этотъ мѣсяцъ изъ пріемовъ не выходимъ, и они намъ, навѣрное здорово влетятъ“...

Изъ Портъ-Саида отъ 15 января 1902 г.: „Изъ Пирея мы ушли 3-го. Въ Судѣ производили стрѣльбу минами съ броненосца и съ катеровъ. Была также стрѣльба изъ ружей на берегу. Изъ офицеровъ я стрѣлялъ наиболѣе удачно: на 200 шаговъ изъ 10 пуль я попалъ 8-ю въ середину щита“.

Изъ Коломбо отъ 18 и 27 февраля 1902 г.: „Переходъ отъ Адена былъ весьма утомителенъ, было очень жарко, а главное—плохія трубки у нашихъ котловъ лопались, какъ мыльные пузыри; на этомъ переходѣ было 4 взрыва... На Цейлонѣ осматривалъ интереснѣйшій ботаническій садъ и тропическіе лѣса; въ горахъ охотился за оленями съ гончими и борзыми; убили 5 шт. Охота была очень красива“.

Изъ Батавіи отъ 14 марта 1902 г.: „Послѣ 9-ти дневнаго перехода пришли сюда; 9. III перешли черезъ экваторъ. Всѣхъ насъ, кто проходилъ въ 1-й разъ „крестили“, бросая одѣтыми въ бассейнъ съ водою... Наши офицеры охотились на аллигаторовъ, убили четверыхъ маленькихъ за двѣ охоты. По служебнымъ обязанностямъ мнѣ было нельзя принять въ этомъ участіе“...

Изъ П.-Артура отъ 11 и 24 апрѣля 1902 г.: „Вчера намъ дѣлалъ смотръ Скрыдловъ... Начались ученія, къ которымъ мы были мало подготовлены, а вчера была артиллерійская стрѣльба на морѣ. Всѣхъ порядочно разнесли, особенно же командира. Здѣсь простоишь до начала мая, потомъ будутъ маневры, а въ концѣ іюля пойдемъ во Владивостокъ, станемъ тамъ въ резервѣ и простоишь до сентября... Мнѣ поручили слѣдить за всѣми исправленіями на броненосцѣ.“

Изъ Владивостока отъ 29 іюня и 2 іюля 1902 г.: „Уже мѣсяцъ, какъ я назначенъ миннымъ механикомъ. Теперь я завѣдую всѣми динамо-машинами, подводными и надводными минными аппаратами и минными катерами, которые отличились оба на гонкѣ; 2. VII меня перевели на крейсеръ „*Адм. Нахимовъ*“; осенью пойдемъ, вѣроятно, обратно въ Россію. Это—крейсеръ не 1-й молодости, на Д. Востокъ его задержать“...

Въ письмахъ съ „*Нахимова*“ отмѣтимъ слѣдующія мѣста:

Изъ Кобе отъ 16. VIII. 02: „За то время, что я былъ на Д. Востокъ я видѣлъ почти все, что можно видѣть, оставаясь на службѣ на военномъ кораблѣ; многіе за три служебныхъ года не видѣли и половины“.

Изъ Мозампо отъ 25. VIII. 02: „Когда мы подходили къ проливу Симоносеки, недалеко отъ насъ прошелъ тайфунъ; всю ночь пришлось простоять на якорѣ. Вѣтеръ страшно ревѣлъ, хотя мы стояли за горами. Завтра идемъ опять въ Артуръ, гдѣ насъ ожидаетъ пыль и вонь въ городѣ и зыбь на рейдѣ.“

Изъ П.-Артура отъ 29. IX. 02: „Съ нашимъ новымъ корейскимъ посланникомъ неожиданно удалось попасть въ Пекинъ чрезъ Цин-ван-“

⁵⁾ На „*Пересвѣтъ*“ плавалъ тогда Великій Князь Кирилъ Владимировичъ.

дао. Желѣзная дорога между ними очень благоустроена, поѣздъ идетъ быстро. Днемъ мы проѣзжали по мѣстамъ, гдѣ два года тому назадъ была война. Мѣстами поля до горизонта засыпаны курганами,—могилами китайцевъ, убитыхъ въ бою,—маленькими и большими, въ зависимости отъ положенія, которое занимали убитые. Въ Пекинѣ прежде всего поѣхали въ „храмъ неба“, расположенный въ громадномъ паркѣ, окруженномъ тоже стѣною. Самъ этотъ храмъ очень красивъ и оригиналенъ; боговъ внутри не оказалось, ихъ куда-то увезли. Потомъ ѣздили на кладбище и на городскую стѣну. Она 7 саж. шириной; съ нея обозрѣвали всѣ мѣста, гдѣ происходила защита посольствъ, вылазки, и откуда вошли европейскія войска. Въ городѣ много зелени, и видъ со стѣны необыкновенно красивъ. Весь городъ оставляетъ по себѣ грандіозное впечатлѣніе“.

Изъ П.-Артура отъ 25. X. 02: Недѣлю я проплавалъ на „Варягъ“, куда былъ назначенъ въ комиссію по осмотру машинъ. Полная проба крейсера была неудачна, полного хода онъ не далъ... Десятаго ноября выходимъ домой. Переходъ будетъ трудный, у насъ всего 3 механика; придется стоять на 3 вахты (4 часа днемъ и 4 часа ночью).

Лѣто 1903 года, до конца срока обязательной службы, кн. Григорій Григорьевичъ плавалъ по Балтійскому морю на крейсере „Светлана“ и на немъ же ходилъ въ Копенгагенъ, а затѣмъ осенью, на опытъ убѣдившись въ томъ, какую горькую правду сказалъ адмиралъ о положеніи механиковъ во флотѣ, вышелъ въ запасъ, (октябрь 1903 г.), и пріѣхалъ въ Карачарово помогать отцу въ сельскохозяйственныхъ трудахъ.

Но лишь только загремѣли выстрѣлы, полилась кровь у Портъ-Артура и была объявлена война съ Японіей, кн. Григорій Григорьевичъ добровольно, еще до призыва запасныхъ, подалъ прошеніе о принятіи его снова на службу во флотъ.

Однако, несмотря на усиленные и непрерывныя хлопоты, только въ апрѣлѣ 1904 г. онъ былъ назначенъ младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ гвардейскаго экипажа „Императоръ Александръ III-й“.

Уже зачисленный въ эскадру Рождественскаго, кн. Григорій Григорьевичъ былъ помолвленъ и женился на А. Н. Львовой. Вскорѣ же послѣ свадьбы ему пришлось уѣхать съ молодой женой въ Кронштадтъ, чтобы нести тамъ службу на броненосцѣ въ ожиданіи похода, пойти въ который онъ рвался всей душою, но изъ котораго ему не суждено было вернуться...

Подъ впечатлѣніемъ доблестной отваги и героизма, проявленнаго инженеръ-механиками подъ Портъ-Артуромъ, правящія сферы измѣнили къ лучшему свой взглядъ на этихъ „парій флота“. Уже на походѣ всѣ они были переименованы изъ гражданскихъ чиновъ въ военные: широкіе погоны и морскіе палаши были даны имъ въ знакъ уравненія въ правахъ со строевыми офицерами. Григорій Григорьевичъ получилъ чинъ поручика.

Письма Григорія Григорьевича, присланныя въ семью съ похода, очень характерны. Онъ нигдѣ не выдѣляетъ себя изъ состава эскадры: цѣликомъ, всей душой онъ слился съ тѣмъ огромнымъ цѣлымъ, къ которому принадлежалъ и съ которымъ былъ связанъ общей высокою задачей. Свои мысли, чувства и настроенія онъ выражалъ большею частью во множественномъ числѣ, отъ имени всѣхъ. Попутно онъ даетъ любопытныя свѣдѣнія о злополучной армадѣ.

Вначалѣ настроеніе на эскадрѣ у всѣхъ было бодрое, приподнятое. Всѣ рвались впередъ, навстрѣчу къ Японцамъ и жаловались только на одно, на медленность почтового сообщенія и недостатокъ извѣстій съ родины.

Въ иностранныхъ портахъ Григорій Григорьевичъ бывалъ всецѣло занятъ погрузкою угля и потому часто не могъ сходить на берегъ. Иногда суда „грузились въ продолженіе 20 часовъ подрядъ, состязаясь на скорость; и въ большинствѣ случаевъ денежная премія доставалась командѣ „Александра III-го“.

„Благодаря погрузкѣ угля“, пишетъ онъ, „грязь у насъ всюду ужасная, въ каютахъ спать невозможно, поэтому всѣ офицеры спятъ въ гостинныхъ и каютъ-компаніяхъ“.

Въ Дакарѣ, въ тропикахъ, онъ въ первый разъ послѣ Либавы сошелъ на берегъ (2 ноября 1904 г.) „Мы отвалили съ корабля въ 5¹/₂ часовъ утра въ компаніи доктора Бертенсона, лейтенанта Случевского и др. и поѣхали по желѣзной дорогѣ въ *Rufisque*, который отстоитъ отъ Дакара въ 1 ч. 20 м. ѣзды. Около Дакара очень пустынно и некрасиво; но чѣмъ дальше ѣдешь, тѣмъ лучше становится мѣстность. Отъ *Rufisque*’а мы пошли пѣшкомъ по лѣсамъ; они очень красивы и состоятъ почти исключительно изъ громадныхъ баобабовъ съ неправильными стволами. Масса красивыхъ пальмъ и цвѣтовъ, всюду летаютъ птицы удивительно яркихъ цвѣтовъ. У меня было съ собой ружье, и я убилъ одну темно-синюю птицу съ длиннымъ хвостомъ и одну маленькую ярко-красную съ черной бархатной грудью. Очень жаль, что „промазалъ“ по большой оранжевой птицѣ, которая вблизи должна была быть очень хороша. Въ поляхъ вырываетъ земляные орѣхи, которые растутъ здѣсь, какъ сорная трава. Здѣсь исполняютъ должность кротовъ какіе-то темно-синіе краббы съ красными лапами. Мы всѣ остались очень довольны нашей прогулкой, гдѣ видѣли такъ много интереснаго и красиваго... На берегу совсѣмъ не страдалъ такъ отъ жары, какъ на кораблѣ, гдѣ все страшно накаливается. Моя зеленая свѣча въ красномъ подсвѣчникѣ совсѣмъ согнулась и уперлась концомъ въ мой письменный столъ“...

Спутникъ Григорія Григорьевича, поэтъ К. К. Случевскій, впечатлѣніе отъ этой экскурсіи передалъ слѣдующимъ удачнымъ стихотвореніемъ, которое въ свое время было напечатано въ „Нов. Времени“.

Подъ мощной тѣнью баобаба
Хочу я духъ перевести,
Хотя листва скрываетъ слабо
Лучей отвѣсные пути.
Въ горячій полдень Сенегала
Подъ душнымъ пологомъ небесъ
Встрѣчаешь бѣлыхъ очень мало:
Ихъ зной сгоняетъ подъ навѣсъ.
Но мы, угля принявши бремя,
Въ дальнѣйшій приготовясь путь,
Гуляли даже въ это время,
Спѣша на что-нибудь взглянуть.
Сталъ мѣстомъ важнымъ для французовъ
Весьма недавно портъ *Дакаръ*;
Свой экзотическій товаръ
Онъ шлетъ на смѣну разныхъ грузовъ.
Здѣсь есть отели, гарнизонъ,
Вполнѣ отдѣланныя зданья,
Есть группы пальмъ со всѣхъ сторонъ
И даже милыя созданья...

Черна, какъ ночи здѣшной тѣма,
 Порода негровъ очень стройныхъ.
 Въ рѣчахъ ихъ, ласково спокойныхъ,
 Сквозить присутствіе ума.
 Ихъ зубы блещутъ бѣлизною,
 Въ одеждѣ любятъ синій цвѣтъ;
 На многихъ, впрочемъ, платья нѣтъ,
 И всѣ безъ шляпъ идутъ по зною!
 Въ лѣсахъ недалнихъ есть мѣста,
 Гдѣ кущи жалкія селеній
 Скрываетъ тѣнью густота
 Чудесной прелести растеній.
 И какъ то странно сквозъ цвѣты
 Глядятъ въ невянущей природѣ
 Печальной бѣдности черты,
 Замѣтной въ мѣстномъ обиходѣ.
 Шесть рослыхъ негровъ насъ везли
 По рельсамъ въ крытой вагонеткѣ.
 Напѣвъ французской шансонетки
 Нежданно двое завели.
 Другіе долго что-то ѣли,
 Между собой вступая въ споръ.
 Узнавъ эскадры нашей цѣли,
 Вести хотѣли разговоръ.
 Одинъ сказалъ: *Russe brave... bataille...*
Anglais mauvais... Japon canaille...
 Другой сказалъ, потупя взоръ:
„Bataille pas bon... bataille—la mort“...
 Великолѣпныя картины
 Намъ попадались на пути.
 Черезъ болотныя трясины
 Пришлось неграмъ насъ нести.
 Покой болотъ и тихъ и гладокъ
 Но здѣсь, подъ зеркаломъ воды
 Живутъ микробы лихорадокъ,
 Гніенія теплаго плоды.
 Они опасны только лѣтомъ;
 Теперь ноябрь,—идетъ зима,
 Звукъ непривычный для ума
 При этомъ воздухъ нагрѣтомъ.
 Мнѣ на прощанье свои „гри-гри“
 Далъ негръ съ улыбкой угожденія,
 Шесть франковъ взявъ изъ убѣжденія
 За то, что стоить франка три.
 Мѣшечекъ, съ ладонкою схожій,
 Я взялъ; и если не надулъ
 Меня пріятель чернокожій,
 Я застрахованъ отъ акулъ...

Далѣе дѣлаемъ выдержки изъ писемъ князя Григорія Григорьевича.

Либрвилль, Конго, 15 нояб. 04.: „Вчера командиръ получилъ разрѣшеніе отъ адмирала, и мы почти полнымъ составомъ поѣхали на берегъ. До сихъ поръ *только наша корабль* былъ такимъ счастливымъ: офицеровъ съ другихъ кораблей на берегъ не пускаютъ. Мы съѣхали на сушу противъ мѣста нашей стоянки вдалекѣ отъ города. Вышли на чудный берегъ моря, которому позавидовали бы, навѣрное, всякія купальныя мѣста Европы. Сейчасъ же за берегомъ идетъ непроходимой стѣной настоящей тропическій лѣсъ, страшно густой и весь перевитый лианами. Мы хотѣли пройти прямо по лѣсу, но проикнуть въ него не было никакой возможности. Тогда отыскиали прорубленные тропинки и далеко прошли по лѣсу. Лучи солнца совсѣмъ не проходятъ сквозъ чащу самыхъ разнообразныхъ деревьевъ, и потому

гулять очень приятно. Къ вечеру вернулись домой вполне довольные. Ночью была страшная тропическая гроза; я подобной никогда не видѣлъ. Дождь лилъ потоками; непрерывно раздавались сильнѣйшіе раскаты грома; молніи освѣщали нашъ рейдъ и падали въ море⁶.

16 нояб. 04: „Сегодня мы окончили нашу погрузку и, должно быть, опять получимъ *первый призъ* ⁶⁾. Я грузилъ всю ночь и потому усталъ... Нашъ адмиралъ проявляетъ большія строгости. Послѣ спуска флага сообщеніе между кораблями запрещено. Вчера три офицера съ крейсера „Д.м. Донской“ поѣхали ночью на „корабль Х.“, чтобы отвезти какую-то даму, которая у нихъ обѣдала. Сегодня утромъ о нихъ вышелъ приказъ, по которому они списываются въ Россію. (уѣзжаютъ завтра), гдѣ будутъ преданы военно-морскому суду. Адмиралъ давно уже былъ золъ на этотъ крейсеръ за проявленіе не дисциплины.

Мадагаскаръ, островъ St Marie, 19 дек. 04: „Въ Ангра-Пекванѣ простояли 6 дней безъ сообщенія съ берегомъ; изъ-за сильныхъ вѣтровъ никакъ не могли скоро покончить съ погрузкой угля. Оттуда пошли прямо на Мадагаскаръ; близко прошли мимо мыса Доброй Надежды. Дальше насъ нагналъ сильный попутный штормъ, который продолжался три дня. Волны громадной высоты перекатывались черезъ палубу юта (кормы), но насъ качало сравнительно очень мало; зато крейсеры имѣли очень страшные размахи и совсѣмъ ложились бортами... Последнее время насъ кормили довольно скверно; провизія, взятая изъ Россіи, вышла; а съ парохода-ледника намъ давали наполовину испорченное мясо“.

Nossi Bé, 27 дек. 04: „Пришли сюда сегодня утромъ; соединились съ нашими кораблями эскадры Фелькерзама, съ тѣми, которые, пришли сюда черезъ Суэцъ. Мы вышли сюда наканунѣ Рождества. По дорогѣ насъ встрѣтила „Свѣтлана“ и миноносцы, которые были посланы изъ отряда Фелькерзама. Они сообщили намъ всѣ печальныя новости, между прочимъ и о взятіи Артура, и о потопленіи эскадры... По пути сюда мы праздновали Рождество. Была устроена елка изъ деревянныхъ прутьевъ, обвязанныхъ зеленой кожурой съ кокосовыхъ орѣховъ; послѣднее время у насъ не было сообщенія съ берегомъ, и потому мы не могли достать свѣжаго дерева. Вчера команда устроила представленіе. Весело были разыграны малороссійскія комедіи. Несмотря на замкнутую жизнь, команда все-таки умѣетъ веселиться. За все время нашего плаванія команду ни разу не спускали на берегъ. Большимъ развлеченіемъ служатъ имъ двѣ обезьяны, купленные въ Либрвиллѣ: онѣ сдѣлались теперь совсѣмъ ручными и очень забавными... Съ потерей артурской эскадры наши дѣла далеко не блестящи, но Рождественскій не падаетъ духомъ и очень торопится на Востокъ. Можетъ быть, съ его энергіей и при извѣстномъ счастьѣ намъ удастся проворваться во Владивостокъ... Последнее время мы ведемъ сторожевую службу, и я довольно часто хожу на миноносцѣ на ночь въ море. Идемъ безъ огней съ заряженными минами. Ночью море фосфоресцируетъ свѣтящимися пятнами и потому на разстояніи не знаешь, свѣтится ли парходный огонь или это свѣтитъ самое море“.

30 дек. 04: „Вчера мы сдѣлали очень интересную прогулку по острову: съѣхавши въ 6 часовъ утра на берегъ, пошли пѣшкомъ на

⁶⁾ Преміи для команды за скорость погрузки угля доходили иногда до 1200 р. за одинъ разъ. II. X.

ванильные плантации одного француза, съ которымъ мы здѣсь познакомились. Тамъ мы прошли къ рѣчкѣ, въ которой водятся крокодилы. Большіе крокодилы очень осторожны и при нашемъ появленіи сейчасъ же скрывались подъ водой; мы видѣли только ихъ спины, или же только одни всплески, которые они дѣлали, отплывая отъ берега. Только одному Х. удалось убить одного маленькаго крокодила. Мы гуляли по лѣсамъ; они здѣсь необыкновенно красивы, состоятъ изъ разнообразныхъ, въ большинствѣ случаевъ небольшихъ деревьевъ и кустарниковъ. Яркая зелень, много красивыхъ птицъ и бабочекъ. Докторъ Б. поймалъ въ коробку хамелеона, который привезенъ на корабль. Въ лѣсу хамелеонъ былъ свѣтло-зеленаго цвѣта, такъ что его очень трудно было отличить отъ листвы кустарника, на которомъ онъ сидѣлъ; когда же его посадили въ коробку, онъ сейчасъ же сдѣлался темно-бурымъ. Въ лѣсу мы нашли норы земляныхъ краббовъ. При нашемъ свистѣ они вылѣзали каждый изъ своей норы и съ любопытствомъ слушали. Какъ только свистъ прекращался, краббы прятались обратно. Говорятъ, что здѣсь много змѣй боа, но онѣ показываются только вечеромъ. Въ полдень мы пошли обратно въ городъ. Было страшно жарко (здѣсь теперь лѣто). Солнечные лучи падали совершенно отвѣсно и потому на дорогахъ не было никакой тѣни... На эскадрѣ довольно много больныхъ офицеровъ и матросовъ, не переносящихъ жаркаго климата. Многихъ на дняхъ отправляютъ въ Россію. У насъ на „Александрѣ“ всѣ здоровы“.

31 дек. 04: „Третьяго дня задохлись на „Бородинѣ“ въ бортовомъ коридорѣ два машиниста—трюмныхъ, а вчера стрѣлой для подъема тяжестей на „Уралѣ“ убило одного прапорщика и тяжело ранило лейтенанта. Будемъ надѣяться, что новый годъ принесетъ намъ больше счастья и удачи... Французы насъ увѣряютъ, что японская эскадра стоитъ въ архипелагѣ *Chagos* въ 1500 миляхъ отсюда. Мы непремѣнно пройдемъ мимо этихъ острововъ; и было бы хорошо, если бы встрѣтились съ ними; я очень вѣрю въ нашу эскадру и особенно въ Рождественскаго. Будетъ ужасно, если мы его лишимся. Остальные два адмирала совсѣмъ на него непохожи и не внушаютъ большого довѣрія. Здѣсь стоятъ намъ очень спокойно, нѣтъ почти никакой охранной службы; она здѣсь изалишня. Наши офицеры и даже часть команды днемъ на берегу: всѣ отдыхаютъ и набираются силъ передъ предстоящимъ походомъ, который обѣщаетъ быть серьезнымъ. „Александръ III-й“ продолжаетъ считаться образцовымъ кораблемъ всей эскадры.

7 янв. 05: ...Чѣмъ дольше стоимъ у Мадагаскара, тѣмъ скучнѣе и томительнѣе становится наше бездѣйствіе. Хотѣлось бы скорѣе къ развязкѣ, хотя впереди насъ ожидаетъ масса препятствій и не такъ то просто будетъ добраться до Владивостока, особенно теперь, съ уничтоженіемъ первой Тихоокеанской эскадры... Вчера сдѣлали большую прогулку въ горы на вершину одного изъ здѣшнихъ острововъ. Вначалѣ насъ порядочно вымочило дождемъ; горная дорога сдѣлалась очень скользкой; взбираться было трудно. Наверху мы прямо промерзли; развели костеръ, сушили свое платье и сапоги. Дорога чрезвычайно живописна, все время идетъ лѣсомъ, среди котораго много густыхъ зарослей, перевитыхъ вьющимися растеніями. Съ вершины горы чудный видъ на весь островъ *Nossi-Bé* и на нашу эскадру.

18 янв. 05: Только что вернулись съ моря: ходили на эволюціи и практическую стрѣлбу всей эскадрой. Завтра рано утромъ опять идемъ въ море. Эти ученія немного оживляютъ насъ и вносятъ интересъ въ нашу однообразную жизнь на Мадагаскарѣ. Уже вторую недѣлю

идут дожди, которые продолжаются цѣлыми днями, съ небольшими перерывами... Сидимъ безъ всякихъ извѣстій изъ Россіи. Адмиралъ получаетъ много телеграммъ, но ихъ содержаніе не оглашается. Случайно получили французскія извѣстія, изъ которыхъ узнали о безпорядкахъ, происходившихъ въ СПб. въ началѣ января, но въ очень краткой и неопредѣленной формѣ. Всѣмъ бы намъ хотѣлось знать, что съ нами рѣшено дѣлать, идемъ ли мы дальше на войну. Теперь только теряемъ время, и эта потеря врядъ ли будетъ намъ въ пользу. Ужасно угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ эта неизвѣстность.

29 янв. 05: ...„Жизнь у насъ идетъ очень однообразно и тоскливо... Послѣднюю недѣлю усиленно занялись ученьями. У насъ образовался отрядъ изъ судовыхъ миноносокъ, на которыхъ мы цѣлыми днями (съ 7 утра до 6 вечера) ходимъ по рейду и готовимся къ атакамъ“...

6 фев. 05: ...„Съ приходомъ „Олега“ опредѣлилось, что теперь мы на востокъ не идемъ и простои́мъ здѣсь въ ожиданіи третьей эскадры еще около полугода (!). Перспектива довольно грустная... Мы продолжаемъ почти ежедневно свои ученья на минныхъ катерахъ, стрѣляемъ минами и производимъ ночныя атаки“.

2 мар. 05: „Нашъ уходъ *внезапно* рѣшенъ, и завтра въ полдень мы идемъ, какъ говорятъ—на Востокъ, но куда—не знаю. Это лучше,—скорѣе къ развязкѣ. Мы, очевидно,—послѣдніи силы въ этой войнѣ: на сушѣ такъ все идетъ плохо, что врядъ ли можно теперь рассчитывать на успѣхъ. Намъ, конечно, не легко придется теперь, когда японскій флотъ отдохнулъ послѣ Артурской блокады, опять привести себя въ боевой видъ и теперь вполне приготовился къ встрѣчѣ съ нами. Намъ надо будетъ много счастья и удачи, чтобы достигнуть хорошихъ результатовъ. Вся вѣра въ энергію, настойчивость и способность Рождественскаго“...

Бухта Камранъ, 1 апр. 05: Благополучно добрались до Аннама, сдѣлавъ въ одинъ переходъ и не заходя никуда 4.500 миль. Теперь осталось до Владивостока всего 2.500 миль. Говорятъ, что будемъ ожидать здѣсь третьей эскадры, которая должна придти черезъ 2—3 недѣли. Переходъ былъ сдѣланъ очень удачно; по дорогѣ въ *открытомъ морѣ* нѣсколько разъ грузились углемъ. Погода все время была прекрасная и потому не мѣшала нашимъ работамъ. Миноносцы шли до самаго Малаккского пролива на *буксирахъ* транспортовъ и потому пришли сюда совершенно свѣжими. Адмиралъ проявляетъ большую дѣятельность. Организациа эскадры имъ сдѣлана превосходно; только благодаря его энергіи, мы такъ удачно сдѣлали этотъ большой переходъ, имѣя въ эскадрѣ 46 кораблей. Пришли сюда вчера утромъ, миноносцы протраллили рейдъ и сдѣлали промѣры, послѣ чего въ бухту вошли транспорты; мы же (броненосцы) до сегодншняго утра оставались въ морѣ въ ожиданіи четырехъ угольщиковъ, которые пришли сюда прямо съ Мадагаскара съ однимъ изъ флагъ-офицеровъ адмирала. Теперь мы *вполнѣ обезпечены громаднымъ запасомъ угля*, чтобы дойти до Владивостока. Проходя Сингапуръ, мы получили извѣстіе отъ нашего консула, что японскій флотъ стоитъ у Борнео, а минный флотъ у Натунскихъ острововъ. Мы проходили ночью въ 60 миляхъ отъ этихъ острововъ, но никто насъ не тронулъ. Вообще за послѣднее время мы перестали вѣрить въ существованіе Японцевъ; самый удобный моментъ для ихъ минной атаки былъ, когда мы выходили изъ Малаккского пролива, и ночи были темныя. Теперь же свѣтитъ луна, а къ приходу третьей эскадры будетъ новая. Адмиралъ страшно увѣренъ въ себѣ: еще на-дняхъ останавли-

вались въ открытомъ морѣ для погрузки. Ночью мы ходимъ съ отличительными огнями, всегда готовые къ миннымъ атакамъ. Правда, что съ такимъ количествомъ транспортовъ трудно идти безъ огней. Не малую пользу приносятъ намъ развѣдочные крейсера, бывшіе нѣмецкіе пассажирскіе пароходы; держась вдали отъ эскадры, они обо всемъ даютъ намъ знать. Здѣсь организована большая ночная охрана рейда, а днемъ два крейсера уходятъ въ море, чтобы слѣдить за проходящими судами, которые могутъ набросать минъ... Я очень доволенъ нашими дѣлами и въ восторгѣ отъ адмирала; если мы добѣдемъ до Владивостока, чему я вѣрю, то только благодаря ему. Удивительно, какъ у него все организовано и предусмотрено. Онъ самъ страшно много работаетъ и, кажется, никогда не спитъ.

Бухта Камрань, 5 апр. 05: „Продолжаемъ стоять въ здѣшней удобной бухтѣ. Никто насъ до сихъ поръ не тревожитъ, имѣемъ постоянное сообщеніе съ Сайгономъ, откуда намъ привозятъ провизію и всякія необходимыя для эскадры вещи... Насчетъ ухода пока еще ничего не слышно; занимаемся теперь всякими погрузками и разгрузками транспортовъ, возвращающихся въ Россію... Къ намъ на эскадру пріѣхалъ изъ Кіао-Чао лейтенантъ Кедровъ, флагъ-офицеръ Макарова и Витгефта. Онъ рассказываетъ много интереснаго о боѣ 28 іюля. Какъ оказывается, не мы, а Японцы потерѣли поражение, которое не было понято Ухтомскимъ; изъ-за его оплошности мы потеряли всю нашу артурскую эскадру. На нѣсколькихъ японскихъ броненосцахъ башни были уже заклинены и орудія у нихъ не стрѣляли болѣе; многіе имѣли сильныя поврежденія, тогда какъ въ нашей эскадрѣ пострадалъ только одинъ „Цесаревичъ“, потерявшій способность управляться изъ-за снаряда, попавшаго въ прозореъ боевой рубки. Ужасно досадно слушать такіе рассказы. Что было бы теперь, если бы первая эскадра была во Владивостокѣ! Можно быть увѣреннымъ, что съ нашимъ адмираломъ ничего подобнаго не случится“...

Изъ Камрана отъ 8 апр. 05: „Французы сдѣлали намъ непріятный сюрпризъ, попросивъ насъ выйти изъ бухты. Это очень разстраиваетъ планы адмирала, тѣмъ не менѣе принуждены завтра выйти въ море. Не знаю, куда мы направимся, но теперь мы очень рискуемъ не соединиться съ третьей эскадрой... Хотѣлось бы поскорѣе во Владивостокъ, гдѣ будешь чувствовать себя гораздо ближе къ вамъ, если только мы не будемъ отрѣзаны отъ суши“...

Это письмо Григорія Григорьевича было послѣднимъ. Въ немъ не проглядываетъ никакого безпокойства о себѣ лично, и какъ будто нѣтъ даже и тѣни предчувствія близкой опасности. А за мѣсяцъ передъ этимъ, когда эскадра уходила отъ Мадагаскара, когда ее пугали предстоящими въ пути минными атаками Японцевъ, Г. Г. своей горячо любимой матери написалъ слѣдующее краткое письмо:

„Милая мамъ! Завтра утромъ уходимъ на Д. Востокъ. Не знаю, придется ли мнѣ еще писать тебѣ. Поэтому прощаюсь съ тобой и съ папъ и благодарю васъ обоихъ за все хорошее, что вы для меня сдѣлали, и за вашу любовь къ моей женѣ“...

Въ бою при Цусимѣ 14 мая 1905 года, честно исполняя свой долгъ передъ родиной, со всѣми своими товарищами, со всѣмъ экипажемъ броненосца „Александръ III-й“ погибъ кн. Григорій Григорьевичъ, 28-ми лѣтъ отъ роду. Послѣ него остались вдова и маленькая дочь-сирота, которая ни одной минутой не видѣла своего отца.

Только 18 мая пришла въ Карачарово съ газетами первая вѣсть о Цусимскомъ боѣ, какъ громомъ поразившая всѣхъ родныхъ и близ-

кихъ Г. Г., заставившая болѣзненно сжаться сердца въ тяжеломъ предчувствіи...

Свѣдѣнія о судьбѣ „Александра III-го“ и его экипажа долгое время были крайне скудны, неопредѣленны, сбивчивы, противорѣчивы. Родные и всѣ любившіе Григорія Григорьевича хватались за всякую возможность получить о немъ какую-либо вѣсть. Были разосланы телеграммы ко всѣмъ, кто могъ имѣть хоть какое-нибудь отношеніе къ эскадрѣ Рождественскаго и могъ что-нибудь знать о судьбѣ „Александра III-го“. Справлялись въ Спб. въ телеграфныхъ агентствахъ, во французскомъ посольствѣ, въ морскомъ штабѣ, и переживали ужасное безпокойство. Всюду былъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, — „о судьбѣ „А. III-го“ нѣтъ рѣшительно никакихъ вѣстей“. Казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы всѣ до одинаго погибли изъ всего экипажа броненосца. Убитые горемъ родители все еще нѣкоторое время не теряли надежды, что Г. Г. подобранъ японскими рыбаками и находится въ плѣну.

Морскому министру въ Токио была отправлена телеграмма съ запросомъ — „спасенъ ли князь Гагаринъ съ броненосца *Александръ*“. На 4-й день пришелъ отвѣтъ: „Князь Гагаринъ до сихъ поръ еще не спасенъ“.

Во французскомъ посольствѣ 26 мая на запросъ дали такой отвѣтъ:

„Сегодня намъ сообщено изъ Токио, что въ Японіи нѣтъ ни одного человѣка съ броненосцевъ „Александръ III-й“, „Бородино“ и „Наваринъ“. Мнѣ прискорбно говорить вамъ это, но это—правда. Японцы все еще подбираютъ плавающихъ на морѣ, и потому пока не нужно терять надежды“.

А. С. Суворинъ въ *Новомъ Времени* написалъ 3 іюня 1904 г. „Рѣчи Бухвостова оказались пророческими. Эскадра погибла; *Александръ III-й* сражался, какъ герой, и погибъ со всѣмъ экипажемъ. Погибла вся эта симпатичная, мужественная молодежь, напоминавшая скорѣе взрослыхъ дѣтей, чѣмъ закаленныхъ моряковъ, какими ихъ хотѣлось бы видѣть... Столько погибло, столько проливается слезъ, столько раздирающихъ душу драмъ! Спросите въ главномъ морскомъ штабѣ, какія трагическія сцены онъ видѣлъ, какое молчаливое горе отцовъ и стонущее отчаяніе матерей и женъ“...

А 4 іюня (черезъ 3 недѣли послѣ Цусимы) въ *Новомъ Времени* появилось объявленіе, отъ имени офицеровъ гвардейскаго экипажа, объ общей панихидѣ по погибшимъ съ броненосцемъ „Александръ III-й“ въ бою въ Корейскомъ проливѣ товарищамъ и сослуживцамъ.

Въ списокъ погибшихъ офицеровъ былъ названъ и младшій инженеръ-механикъ, поручикъ Григорій Григорьевичъ Гагаринъ.

Въ первую годовщину Цусимскаго боя, 14 мая 1906 г. на фамильномъ кладбищѣ⁷⁾, близъ Карачарова, при церкви села Сучковъ, въ память Григорія Григорьевича поставленъ крестъ изъ бѣлаго мрамора. На его нижней расширенной части высѣчено:

Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ,
Поручикъ Инженеръ-Механикъ флота.
3 дек. 1876—14 мая 1905.
Погибъ въ бою за родину.
Могила его—Цусимскій проливъ,
Гробъ его—броненосецъ „Императоръ Александръ III“.

⁷⁾ Родъ князей Гагариныхъ ведетъ свое происхожденіе отъ Рюрика, чрезъ Всеволода Большое Гнѣздо. II. X.

Многочисленные письма съ выраженіемъ соболъзнованія и сочувствія, въ теченіе цѣлаго года неслись къ родителямъ.

Родной дядя Григорія Григорьевича, бывш. директоръ Петербургскаго Политехническаго Института, князь А. Г. Гагаринъ въ своемъ письмѣ сказалъ о любимомъ племянникѣ: „Онъ, чистый, умеръ за грѣхи нечистыхъ!.. Боже, какъ мнѣ больно, что погибъ для Россіи этотъ развитой и способный человѣкъ, этотъ милый, добрый мальчикъ!“

Изъ многочисленной серіи другихъ писемъ приведу здѣсь слѣдующія наиболѣе яркія:

„Съ какими высокими чувствами онъ стремился на войну! Чтобы постоять за честь родной земли, онъ оставилъ свою беззаботную юность и только что открывшееся ему счастье семьянина; и все это, вмѣстѣ съ накопленными долгимъ трудомъ знаніями, онъ принесъ въ жертву отечеству. Теперь онъ отдалъ ему свою молодую жизнь въ числѣ другихъ героевъ, сражавшихся до послѣдняго вздоха“...

„Однимъ изъ многихъ достоинствъ, которыми обладалъ Г. Г., было мужество, соединенное со скромностью. Кажется, что и въ судьбѣ его рѣшающую роль сыграли эти качества, какъ въ выборѣ специальной науки, такъ и въ службѣ, бывшей прямымъ послѣдствіемъ этого выбора. Не изъ-за мундира онъ служилъ, но серьезно, какъ всегда, отнесся къ начатому дѣлу. Безкорыстно и мужественно подошелъ онъ къ кончинѣ, безъ фразъ и безъ ропота. Дай намъ Богъ побольше людей съ его достоинствами!“...

„Благородное происхожденіе налагаетъ свои обязанности. Григорій Григорьевичъ былъ живымъ воплощеніемъ этого прекраснаго правила. Еще 15-лѣтнимъ мальчикомъ, на урокъ теоріи словесности, на вопросъ учителя: какими чертами можно охарактеризовать древне-русскаго князя?—онъ, не задумываясь, съ твердымъ убѣжденіемъ въ голосъ, отвѣтилъ:—„Хорошій князь водить свое войско на враговъ и первый складываетъ свою голову на полѣ битвы. Вотъ это настоящій князь. А въ мирное время онъ долженъ быть образцомъ для всѣхъ, чтобы никто на него пальцемъ не могъ указать“. Такимъ „хорошимъ, настоящимъ княземъ“ былъ онъ самъ. Этотъ древне-русскій идеалъ онъ незапятнаннымъ пронесъ черезъ всю свою короткую жизнь, и осуществилъ его въ своей смерти“...

Въ Карачаровѣ долго не могли примириться съ происшедшимъ. Все казалось, что это—ужасный кошмаръ, который долженъ кончиться, что это слишкомъ несправедливо и неестественно.

Настроеніе обитателей Карачарова прекрасно и вѣрно отразилось въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое посвятилъ памяти Григорія Григорьевича одинъ изъ его бывшихъ учителей Н. А. Флѣровъ:

Какъ много пало ихъ въ далекомъ, чуждомъ морѣ,—
Любимыхъ, любящихъ, веселыхъ, молодыхъ!

Ихъ окружилъ злой врагъ, и смялъ въ неравномъ спорѣ,
И торжествующій въ пучину бросилъ ихъ.

И между ними ты,—нашъ *Гриша* милый!

Нечаянная вѣсть о томъ, примчавшись къ намъ,

Насъ въ сердце самое жестоко поразила,

И раны той не исцѣлитъ годамъ.

Не знаемъ мы, когда и какъ погибъ ты, бѣдный:

Шимозой ли сраженъ, мгновенно ты угасть?

Слабѣлъ ли медленно въ борьбѣ съ волной побѣдной?

Что передумалъ ты въ свой страшный смертный часъ?

И бездыханнаго тебя мы не видали...

У храма сельскаго, на кладбищѣ родномъ,

Въ могилу свѣжую земли мы не бросали...
Вдали, на днѣ морскомъ, ты спишь послѣднимъ сномъ!

Съ раскрытою душой, съ тревогою сердечной,
Мы не придемъ туда, гдѣ милый прахъ лежитъ:
Въ безвѣстной глубинѣ, храня покой твой вѣчный,
Угрюмый мракъ тебя ревниво сторожить.

А въ Карачаровѣ, гдѣ домъ ты кинулъ отчій,—
При блескѣ солнечномъ, въ погожій лѣтній день,
Въ вечернихъ сумеркахъ, въ прохладѣ тихой ночи,
Витаешь предо мной тоскующая тѣнь.

Сижу ль надъ Волгою въ раздумьѣ,—рядомъ
Со мною на скамью садишься ты подчасъ,
Просторъ полей родныхъ окидываешь взглядомъ
И говоришь, вздохнувъ: „Какъ славно здѣсь у васъ!“

По парку ли иду, одинъ съ моею мечтою,
Подъ сводами деревъ, гдѣ мягче солнца свѣтъ,—
Мнѣ чудится, что тамъ, заросшемъ тропомъ
Навстрѣчу близится знакомый силуэтъ.

И вотъ ужъ ты со мной: весь, какъ бывало, въ бѣломъ;
Открытый умный лобъ, взоръ честный и прямой,
И столько доброты въ лицѣ безстрашно-смѣломъ,
И столько бодрости и силы молодой.

И долгій разговоръ тогда съ тобой веду я,
То философствуя о пользѣ жертвъ святыхъ,
То на измѣнниковъ отчизны негодуя,
Что предали на смерть тебя и всѣхъ другихъ...

Когда мы въ комнатахъ семьей сойдемся дружной,
Въ молчаньѣ ль тягостномъ вокругъ стола сидимъ,
Бесѣду ли ведемъ съ безпечною наружной,—
Мы помнимъ о тебѣ, мы безъ тебя грустимъ.

И если иногда, души скрывая муку,
Смѣемся громко мы иль споримъ горячо,
Незримый входишь ты и дружескую руку
Кому нибудь изъ насъ положишь на плечо.

И это тайное твое прикосновенье
Подавить звонкій смѣхъ, рѣчь тихо оборветъ,
Въ лицѣ нѣмой тоски проглянетъ выраженье,
И сдержанной слезой туманный взоръ блеснетъ.

Природа ли плѣнитъ насъ дивной красотой,
Поетъ ли нѣжную мелодію рояль,
Семейный праздникъ ли придетъ своей чредою,—
Со всякой радостью свита у насъ печаль...

Печаль, что нѣтъ тебя, тоска, что ты не съ нами,
Что жизнь прекрасная оборвана такъ вдругъ,
И ты на вѣки взята холодными волнами,
Нашъ милый сынъ, нашъ братъ, супругъ, отецъ и другъ...

Счастливыи, радостный, и юный, и здоровый,
Съ такою ласковой и чуткою душой,
Къ труду полезному для родины готовый,—
Исчезъ!.. Зачѣмъ?.. За что?.. Гдѣ жъ разумъ міровой?

„Нѣтъ! мы обмануты“ порой хочу сказать я:
„Неправды на землѣ не можетъ быть такой!
„Ты не погибъ! ты живъ! и скоро къ намъ въ объятья
„Вернешься снова ты, любимый, дорогій!“

ИНЖЕНЕРЪ - МЕХАНИКЪ.

Александръ Михайловичъ Плѣшковъ.

„Онъ былъ любимъ матросами ¹⁾ за его всегдашнее огромное присутствіе духа, непокидавшее его даже и въ самыя тяжелыя минуты и весьма ободрившее въ бою оробѣвшую было команду кочегарни“...

ПЛѢШКОВЪ, А. М., родился въ Москвѣ 16 августа 1880 г. Его родителей давно нѣтъ уже болѣе въ живыхъ. Въ семьѣ, среди многочисленнаго состава ея, А. М. пользовался общей любовью. Во время войны многія изъ сестеръ и братьевъ состояли съ нимъ въ непрерывной и живой перепискѣ. Всѣ они скорбѣли душою даже и о томъ временномъ, какъ тогда казалось, удаленіи Александра Михайловича изъ семьи. Нечего и говорить, во что обратилась эта скорбь, когда пришли извѣстія о катастрофѣ подъ Цусимой...

Подготовка А. М. къ школьной жизни происходила въ семьѣ и шла неособенно удачно. Съ одной стороны А. М. развивался довольно медленно, а съ другой и у самихъ руководителей не было въ этомъ трудномъ для нихъ дѣлѣ большого опыта.

Въ 1889 г. А. М. по экзамену поступилъ въ 1-й приготовительный классъ Александровскаго Коммерческаго Училища. Въ этомъ классѣ онъ застрялъ на два года. Но затѣмъ способности А. М. начали быстро развиваться; а при окончаніи курса онъ уже получилъ большую золотую медаль. Это было въ 1898 году. Въ томъ же году онъ держалъ конкурсные экзамены сразу и въ Московскомъ Инженерномъ Училищѣ, и въ Московск. Императ. Технич. Училищѣ. Готовился къ этимъ экзаменамъ А. М. вполне самостоятельно безъ посторонней помощи. Конкурсные экзамены были сданы имъ удачно въ обоихъ учрежденіяхъ, но А. М. предпочелъ И. Т. У-ще, гдѣ въ это время учился его старшій братъ.

А. М. былъ отличнымъ товарищемъ и сохранилъ по окончаніи школы дружескія отношенія со своими однокурсниками какъ по Алекс. Коммерч. Уч., такъ и по Техническому Училищу.

Вспоминая студенческіе годы жизни А. М. Плѣшкова, одинъ изъ его товарищей сообщилъ мнѣ слѣдующее:

„А. М. былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ друзей. Молчаливый, какъ бы ушедшій въ самого себя, онъ почти никогда не принималъ

¹⁾ Изъ письма машиниста Гашпира съ „Камчатки“.

участія въ нашихъ товарищескихъ разговорахъ о литературѣ, искусствѣ, театрѣ, и производилъ сначала впечатлѣніе большого нелюдима. Но когда мы ближе узнавали его, то приходили къ заключенію, что первое впечатлѣніе ошибочно. Для всѣхъ насъ, обращавшихся къ нему за какою-либо помощію,—касалось ли дѣло разъясненій по проектамъ или денежныхъ затрудненій, А. М. былъ настоящимъ и безкорыстнымъ помощникомъ и всегда проявлялъ къ намъ дѣятельное и сердечное отношеніе. Его работоспособности мы удивлялись не мало: неизмѣнно съ 8 час. утра, а иногда и раньше, онъ первымъ приходилъ въ чертежную, а уходилъ изъ нея послѣднимъ. Всего себя онъ отдавалъ только наукѣ; развлеченій для него какъ бы не существовало: его, бывало, не заманишь ни въ театръ, ни въ ресторанъ, хотя иногда намъ и хотѣлось бы это сдѣлать, чтобы развлечь заучившагося товарища, который и вечеромъ не давалъ себѣ отдыха. Если вопросъ касался науки, А. М. былъ неутомимымъ и могъ объяснять, производить расчеты и спорить сколько угодно. Когда началась война и начали приходить извѣстія о неудачахъ русскаго оружія, его это сильно волновало. Всегда молчаливый, тогда онъ съ негодованіемъ отвѣчалъ намъ на всѣ наши сужденія, неблагоприятныя для русскихъ. Поступить во флотъ его заставило искреннее желаніе принести ему и общему дѣлу посильную пользу“.

Другой нашъ товарищъ дополняетъ эту характеристику въ слѣдующихъ словахъ:

„А. М. представлялъ собою образецъ кроткаго, умнаго, благороднаго и занимавшагося науками студента. Послѣдній годъ пребыванія въ Т. У., когда надѣ было нелѣзъ на проекты, А. М. къ 9 ч. утра всегда былъ уже въ У-щѣ за чертежной доской и усердно работаль до 8 ч. вѣч. Завтракъ, прогулка на свѣжѣмъ воздухѣ и обѣдъ отнимали у него очень короткое время. Своей необыкновенной старательностію онъ невольно заставлялъ подтягиваться и сосѣдей. Всѣ работы А. М. въ у-щѣ по проектированію отличались серьезностію, выдержкой и обдуманностію. Въ мастерскихъ и лабораторіяхъ А. М. работаль также со свойственными ему аккуратностію и добросовѣстностію. Тамъ, гдѣ велись занятія въ группахъ, онъ былъ всегда однимъ изъ самыхъ надежныхъ участниковъ въ общей работѣ; за чужія спины онъ никогда не прятался и такихъ не долюбливалъ... И. Т. У. Александръ Михайловичъ очень любилъ и нерѣдко выражалъ намъ, что года, проведенные въ У-щѣ, онъ считаетъ и всегда будетъ считать лучшими годами своей жизни...“

До войны А. М., какъ и многіе другіе молодые люди, не обладающіе воинственнымъ настроеніемъ, не особенно расположенъ былъ къ отбыванію воинской повинности въ строю. Но когда началась война, А. М. и его товарищи-однокурсники пришли къ убѣжденію, что при такомъ положеніи дѣлъ всякое уклоненіе отъ военной службы было бы не честно. Затѣмъ мало-по-малу стало для всѣхъ очевидно, что исходъ войны въ ту или другую сторону можетъ выясниться только на морѣ. Тогда и А. М., и многіе товарищи его по выпуску рѣшили поступить во флотъ, гдѣ полученная ими техническая подготовка лучше всего могла быть использована.

Съ первыхъ же шаговъ на мѣстѣ своего служенія во флотъ А. М. былъ непріятно пораженъ: тамъ онъ совсѣмъ не встрѣтилъ той живой, сознательной работы, которую онъ надѣялся видѣть, которая могла бы увлечь его и заставить его отдать ей всего себя. Мало культурная и мало серьезная среда, въ которую онъ попалъ, съ ея мелкими, узень-

кими и подчасъ низменными интересами, съ ея интригами и происками, съ ея во многихъ случаяхъ только внѣшней, показной порядочностью,—такая среда сразу ошеломила его, еще не утратившаго свои нравственные идеалы, невольно заставила его брезгливо отойти отъ нея въ сторону и ограничиться только минимальнымъ, неизбежнымъ числомъ пунктовъ соприкосновенія съ нею. Это обстоятельство доставляло Александру Михайловичу, съ его чуткой, неиспорченной душой, неисчислимыя нравственныя страданія и обрекало его по временамъ на полное одиночество. Горько и тяжело читать письма А. М. въ его семью, гдѣ онъ касается этой неприглядной стороны его новой жизни...

Служба А. М. во флотѣ началась съ 22 іюня 1904 г., когда онъ былъ опредѣленъ сначала „вольнымъ механикомъ“ на крейсеръ „Аврора“. Ровно черезъ 2 мѣсяца послѣ этого состоялось зачисленіе его въ офицерскій корпусъ инженеръ-механиковъ. Въ водахъ внутренняго плаванія ему пришлось пробыть болѣе 3 мѣсяцевъ. Оторванный отъ семьи и лишенный всякаго культурнаго общенія съ людьми, А. М. сильно заскучалъ; въ это время его единственнымъ удовольствіемъ было поддерживать общеніе съ своими братьями и сестрами. Въ еженедѣльных письмахъ А. М. къ роднымъ содержится между прочимъ весьма много интереснаго фактическаго матеріала, обрисовывающаго физическое и моральное состояніе нашей эскадры какъ въ послѣдніе мѣсяцы ея сборовъ передъ отплытіемъ на войну, такъ и во время самаго плаванія. Всѣ эти письма любезно были предоставлены въ мое распоряженіе родными А. М., чтобы сдѣлать изъ нихъ выборки, представляющія болѣе общій интересъ.

Въ письмѣ отъ 27 іюня 1904 г., съ крейсера „Аврора“ содержится между прочимъ такіа данныя:

„Когда я сюда пріѣхалъ, на внѣшнемъ рейдѣ находились пока еще только крейсера „Дмитрій Донской“ да „Аврора“. Остальные же корабли все еще чинились и достраивались, кто въ гавани, кто—въ докахъ. Только 20 іюня появились рядомъ съ нами сначала „Бородино“, потомъ „Александръ III-й“; затѣмъ „Адм. Нахимовъ“ и „Наваринъ“...

Отъ 28 іюня 1904 г., съ „Авроры“:

„Для офицеровъ—здѣсь харчъ хорошій, обильный, нерѣдко съ деликатессами. Солдатъ же кормятъ не важно, но не потому, чтобы давали на нихъ мало... Одѣты матросы въ рабочее время бывають такъ скверно, что весьма напоминають собою арестантовъ. Нижніе чины все время проводятъ въ работѣ, шоднимая шлюпки, баркасы, занимаясь эквилибристикой по мачтамъ, трапамъ и т. п. Зуботычины въ это время идутъ своимъ чередомъ“...

Въ письмѣ отъ 3 іюля 1904 г., съ „Авроры“ читаемъ слѣдующее:

„Устроился довольно сносно. Попалъ на крейсеръ постройки Франко-русскаго завода. Онъ долженъ былъ бы ходить со скоростью до 23 узловъ, но больше 19 узловъ не получалось. Нашъ корабль поидетъ на Д. Востокъ, какъ развѣдочное судно; но оно не бронировано, а цѣли для вражескихъ снарядовъ на немъ много... Машины пускають въ ходъ чрезъ 4 сутокъ на пятны, когда выходятъ въ море для ночного дозора... Попалъ въ общество, довольно легкомысленное; никто ничего не читаетъ, даже газетъ; за исключеніемъ немногихъ женатыхъ, всѣ, не исключая „батьки“, говорятъ и думаютъ все объ одномъ и томъ же... Да оно и понятно: дѣла почти никакого, а кормятъ прямо, какъ на убой... Теперь появились на рейдѣ еще *Ослябя* и „Святлана“... „Вездѣ все что-нибудь да передѣлываютъ“...

Въ письмѣ отъ 8 іюля 1904 г.:

„Любопытно распредѣляется мое морское довольствіе—48 р.: изъ нихъ 40 р. приходится платить въ каютъ-компанію за столъ; прямо досадно платить такую большую сумму денегъ за одну ѣду; затѣмъ идутъ 1 р. 86 к.—вѣстовымъ, 5 р.—на содержаніе оркестра, 20 к.—за пользованіе ватеръ-клозетомъ (гальянщику); потомъ дѣлаютъ вычетъ на усиленіе флота и 20 к.—на церковь. Нѣсколько копеекъ, впрочемъ, выдается и на руки... Но это бы ничего. А вотъ скверно, что очутился въ средѣ людей, нравственный обликъ и пошибъ коихъ мнѣ

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота ²⁾

Александръ Михайловичъ Плѣшковъ.

† 14 мая 1905 года. †

такъ мало симпатиченъ. Живу только вашими письмами... Раньше много слыхалъ о молодцоватости матросовъ; но здѣсь былъ пораженъ арестантскимъ видомъ команды; одѣты почти всегда страшно грязно; лица блѣдныя, одутловатыя, нерѣдко прямо съ идиотскимъ выраже-

²⁾ Портретъ изображаетъ его въ студенческой тужуркѣ. Портрета въ морской формѣ, хорошо исполненнаго, у родныхъ не оказалось. П. Х.

ниемъ; работаютъ *минимумъ* съ 5 ч. утра до 8 ч. вечера; праздники мало отличаются отъ будней; не всегда бываютъ и церковныя службы; наоборотъ, иногда тутъ работаютъ еще больше. На пищу слышны жалобы.... На „бережишко“ ихъ спускаютъ рѣдко. Отъ лейтенантовъ и особенно мичмановъ слышна только ругань, кончая тяжеловѣсной извозчикъей бранью. Нѣкоторыхъ вахтенныхъ офицеровъ я не могу себѣ иначе представить, какъ только сплошь изрыгающими мерзкую ругань. Выраженіе идиотизма въ лицахъ у матросовъ я склоненъ объяснить забитостью команды... Нашей „подводной“, т.-е. машинной, командѣ живется лучше; тамъ отношенія къ нимъ не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ, если не лучше; но верхнее начальство часто самоуправствуетъ, вызываетъ ихъ еще и для своихъ работъ наверхъ, ставить на вахту къ орудіямъ и т. п. По роду своей службы мнѣ приходится все время контролировать работу. Въ силу своего характера я, конечно, ругаться не въ состояніи, и съ этой стороны чувствую себя совершенно неподготовленнымъ. Одинъ механикъ мнѣ прямо давалъ совѣтъ—зѣвающихъ и неисправныхъ „брать за шиворотъ и тыкать носомъ“, какъ это у нихъ принято... При попыткѣ ближе ознакомиться съ трубопроводами, механизмами, мнѣ дали еще совѣтъ, что напрасно это я дѣлаю, не убѣдившись, оставить меня или нѣтъ на „Аврорѣ“, гдѣ—уже полный комплектъ механиковъ“...

Въ письмѣ А. М. отъ 7 іюля 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„Личное мое желаніе—не ѣхать на „Аврорѣ“. Это значило бы идти подъ вѣрный разстрѣлъ: брони на ней нѣтъ никакой; машины и котлы „защищаются“ только углемъ по бортамъ; артиллерія слабая,—пулеметы и пушки въ 1½, и 3 дюйма; а 6-дюймовыя наши пушки (ихъ восемь) стрѣляли въ послѣдній разъ, кажется, въ прошломъ столѣтіи; а теперь изъ нихъ не было даже и холостыхъ выстрѣловъ. Все только чистятъ, моютъ, красятъ, прикрываютъ чехлами“...

Въ письмѣ отъ 8 іюля 1904 г.:

„По своимъ наклонностямъ публика для меня здѣсь совершенно неподходящая. Ближе другихъ сошелся съ „батькой“; да и то—больше потому, что не могъ сразу перейти къ состоянію душевнаго одиночества... На-дняхъ видѣлъ, какъ провели на буксирѣ подводную лодку „Protector“, купленную въ Америкѣ. Ее выводятъ въ море почти каждый день для упражненій съ нею“...

Въ письмѣ отъ 16 іюля 1904 г.:

„Вчера на „Свѣтланѣ“, стоящей рядомъ съ нами, упалъ съ борта одинъ матросъ и пошелъ ко дну; спускали водолазовъ, но упавшаго не нашли; произошло это во время мытья борта. Работа матросовъ, какъ поломоекъ, процвѣтаетъ лучше всего. При развитіи такихъ работъ офицерамъ и спокойно, и собачиться можно вволю“...

Въ письмѣ отъ 21 іюля 1904 г. съ „Авроры“.

„Гигіеническая обстановка не важная. Крейсеръ новый, а таракановъ-прусаковъ масса; ползаютъ они въ невѣроятномъ количествѣ по всему кораблю,—и въ каютахъ, и даже въ машинномъ отдѣленіи. Въ нѣкоторыхъ каютахъ развелись еще муравьи“...

Въ письмѣ отъ 25 іюля 1904 г.:

„Вчера въ 1-й разъ увидалъ на кораблѣ офицера съ книгой въ рукѣ, но и та оказалось... *Боккачіо*. Всѣ интересы офицерства сосредоточились въ узенькомъ-узенькомъ кругѣ: дамы, выпивка, сплетни, разносы („фитили“) отъ начальства, приказы первой очереди и вторныя... Котлы у насъ хорошіе, системы Бельвиля, а машины неважныя, стучать, грѣются, приходится постоянно охлаждать водой даже

и на короткихъ переходахъ... На „Орлѣ“ еще только заканчиваютъ ставить машины; а у насъ уже готовъ и беспроводный телеграфъ, и стрѣлы Темперлея для погрузки угольныхъ мѣшковъ; осталось устроить вентиляцію... А вотъ зачѣмъ зовутъ насъ броненоснымъ крейсеромъ, не знаю; брони у насъ никакой нѣтъ. Машины и котлы подъ защитой слоя каменнаго угля, и только средняя часть корабля отдѣлена отъ кормы перегородкой изъ тонкаго котельнаго желѣза“...

Въ письмѣ отъ 31 іюня 1904 г. изъ Кронштадта:

„Собирались уходить 2 августа чуть не къ Либавѣ, а теперь опять отложили... Будутъ ходить въ Бюрки, маленькій финляндскій городокъ, для минной и артиллерійской стрѣльбы... Со всѣхъ сторонъ слышу:—„Что вы за человекъ, разъ не пьете, не курите, не.....?“ Благодаря Бога, что у меня все-таки есть хоть одна слабая точка соприкосновенія со здѣшними обитателями; это—музыка“...

Въ письмѣ отъ 1 августа 1904 г. изъ Кронштадта:

„Наконецъ, сегодня Рождественскій поднялъ свой флагъ на „Князь Суворовъ“, но выходъ эскадры для ученія опять отложенъ дней на пять... Изъ каюты въ каюту меня переселяютъ уже въ 3-й разъ. Дѣлается это изъ-за прибывающихъ на корабль новыхъ мичмановъ. Какая все это зеленая молодежь, и какая у нихъ гордость, какое самомнѣніе! И вотъ въ этихъ-то рукахъ будетъ до нѣкоторой степени судьба нашего отечества!“

Въ письмѣ отъ 5 августа 1904 г. читаемъ слѣдующее:

...„Грозитъ отходъ эскадры, отходъ „куда-то“; всѣ наши офицеры ударились въ отчаянный пессимизмъ. Если пошлутъ теперь нашу эскадру, то пошлутъ ее на вѣрный убой... Относительно отхода эскадры—ничего опредѣленнаго,—только слухи, масса слуховъ, разнорѣчивыхъ и подчасъ нелѣпыхъ... Вчера вечеромъ нашъ судовой составъ обуяла паника. Дѣло вотъ въ чемъ. Рангоутное судно „Генералъ-Адмиралъ“, плавая у Балтійскаго порта, на-дняхъ ночью замѣтило 3 миноносца съ угольщикомъ-транспортомъ. Пробираясь по морю во тьмѣ ночной, вели они себя очень подозрительно и на опознавательные сигналы не отвѣчали, что и было занесено въ вахтенный журналъ „Г.-А.“. Подозрѣваютъ, что это японскіе суда. Поэтому сдѣлано распоряженіе—бдительно держать караулы, заряжать орудія на ночь боевыми снарядами, а не холостыми, какъ ранѣе. Все это показываетъ, какое у насъ царитъ здѣсь настроеніе... Сплю на крейсерѣ „Аврора“ надъ 80-ю пудами пироксилина“...

Отъ 6 и 7 августа 1904 г. съ крейсера „Аврора“:

„Все еще стоимъ въ Кронштадтѣ. По слухамъ скоро пойдемъ въ Ревель для артиллерійской и минной стрѣльбы. Это было бы очень полезно, а то здѣсь вздумали пострѣлять для практики въ прицѣлъ, и вышло прямо неудачно. Стрѣляли изъ пушекъ ружейными патронами и вкатили нѣсколько разъ въ одинъ изъ фортовъ, оттуда прислали жалобу, и пришлось это „ученіе“ прекратить... Еще вздумали пострѣлять минами съ парового катера; выпустили одну, а она взяла да и зарылась въ дно морское, — да такъ глубоко, что ее насилу вытащили водолазы... И все въ этомъ родѣ. То упустятъ что-нибудь въ море, а потомъ хороводятся цѣлый день съ водолазами, канатами и проч.; то шлюпки столкнутся одна съ другой, и обѣ ихъ посылаютъ чинить въ портъ и т. д... Читаемъ въ газетахъ, какъ нашихъ бьютъ на Д. Востокѣ,—особенно эскадру, и становится грустно. Настроеніе у всѣхъ офицеровъ теперь прескверное, такъ что мое да батъкино, пожалуй, будутъ еще самыя бодрья. Нашъ батъка меня

просто поражает своей воинственностью... ³⁾ Всѣхъ смущаетъ составъ нашей эскадры. Лучшую часть ея составляютъ 4 новыхъ броненосца и крейсеръ „Олего“. Но они, вѣдь, только что построены, въ настоящемъ плаваніи не испытаны, не говоря уже о томъ, что всѣ орудія у нихъ еще „дѣломудренны“. Остальная компанія... Но лучше о ней и не говорить“.

„Относительно команды мнѣнія своего я не измѣнилъ еще; она и до сихъ поръ производитъ на меня угнетающее впечатлѣніе своимъ видомъ. Ты ⁴⁾ пишешь, что видѣлъ нѣчто другое. Это другое бываетъ и у насъ. Пріѣзжай въ праздникъ часовъ въ 5 веч., когда все убрано, вычищено, и команда отдыхаетъ. Ты увидишь тогда поразительную идиллію: на средней части палубы играетъ оркестръ, двѣ-три пары матросиковъ „шерка съ машкой“ выплясываютъ польку, венгерку, па-де-катръ при общемъ хохотѣ собравшейся кругомъ толпы матросовъ. И я впервые также подумалъ, что весело тутъ живетъ. За два мѣсяца эту идиллію можно было однако наблюдать ровно два раза, не болѣе полтора часа каждый разъ. Но за это же время я успѣлъ уже видѣть одно наказаніе розгами; а поставить на 4 часа (подъ ружье или такъ),—это считается почти за ничто... На вѣду была заявлена командой уже нѣсколько разъ коллективная претензія командиру во время его обычнаго праздничнаго освѣдомленія у матросовъ:—„Нѣтъ ли претензій?“ Однимъ словомъ, не благоденствуетъ наша низшая команда. Батка утверждаетъ, что тутъ случилась просто описка, и что надо было бы читать „нищая команда“...

„Хотѣлось бы перебраться съ нашего „пассажирскаго парохода“ на другой корабль, болѣе надежный; ходилъ въ штабъ, но тамъ... нужна протекція, протекція и еще разъ протекція“.

Въ письмѣ отъ 14 и 15 августа 1904 г.:

„Вышли изъ Кронштадта 12 августа въ 5 час. утра „шаечкой“: 5 крейсеровъ, 5 броненосцевъ и 9 миноносцевъ; шли очень медленно, по дорогѣ дѣлали всякія перестроенія. Все бы сошло благополучно, только вотъ сконфузилась наша „Аврора“: въ машинѣ загорѣлся одинъ изъ двухъ главныхъ подшипниковъ; изъ двухъ машинъ пришлось идти на одной и очутиться ужъ не во главѣ всей компаніи, какъ вышли, а въ ея хвостѣ. Ночевали въ Біоркѣ. Ночью миноносцы и катеры открыли отчаянную пальбу по несчастнымъ чухонскимъ паруснымъ суднамъ, шедшимъ съ контрабандой; одни стрѣляли холостными зарядами, а другіе и настоящими; длилась эта пальба почти всю ночь... На другой день было ученіе съ минными катерами. Опять всѣ мины утопили и возжались съ водолазами. Пошли дальше 14 августа; 15 пришли къ Ревелю. На этомъ переходѣ мнѣ назначали въ завѣдываніе кормовую, рулевую и шпильную машины“...

Отъ 30 августа 1904 г. съ „Камчатки“.

„...Я переведенъ на транспортъ-мастерскую „Камчатка“. Состою здѣсь помощникомъ старшаго судового механика. Кромѣ меня, здѣсь еще есть два младшихъ механика: одинъ (лѣтъ 50 — 55) завѣдуетъ беспроволочно-телеграфнымъ дѣломъ на всей эскадрѣ, а другой—мастерскими. Дали мнѣ въ завѣдываніе машинное и котельное отдѣленіе, и опять я очутился въ Кронштадтѣ. При испытаніи одна маши-

³⁾ Его разстрѣляли потомъ подъ Гуллемъ за одно съ англійскими рыбаками.
П. Х.

⁴⁾ Обращеніе къ брату.

на сильно поломалась ⁵⁾. Когда ее починять, будетъ 2-я проба, а тамъ—и въ Ревель... На пробѣ „Камчатка“ дала 13,5 узловъ вмѣсто обѣщанныхъ 12; но и съ этимъ отъ Японца все равно не удерешь“...

„На этомъ транспортѣ-мастерской я назначенъ въ *заграничное плаваніе*. Подъ началомъ у меня будетъ 2 прапорщика запаса. Дали мнѣ уже отдѣльную каюту. Нашъ заводикъ пойдетъ въ походъ вмѣстѣ съ эскадрой; на немъ есть столярная мастерская, слесарная, литейная, кузнечная, паяльная и проч“.

„Камчатка“ строилась, какъ транспортъ для армейскихъ войскъ, который долженъ былъ свершать рейсы между Россією и портами Д. Востока. Съ такимъ именно расчетомъ корабль и былъ выстроенъ; но послѣ начала войны его рѣшили передѣлать въ транспортѣ-мастерскую для эскадры. Но и послѣ передѣлки „Камчатка“ продолжала оставаться больше транспортомъ, чѣмъ мастерской: здѣсь на-лицо громадныя помѣщенія для команды, масса каютъ и въ то же время скученныя, низкія помѣщенія для мастерской. Расположеніе станковъ пришлось сдѣлать совсѣмъ не такъ, какъ это слѣдовало бы, а соображаясь только съ размѣрами готоваго помѣщенія: большіе станки оказались поставленными довольно далеко отъ люковъ, и поэтому всѣ громоздкія вещи надо было туда и назадъ волочить по тѣсной и низкой мастерской“.

„Въ кузницѣ — небольшой паровой молотъ, вальцевый станокъ для выгиба котельнаго желѣза, паровыя ножницы для обрѣзки котельнаго и др. желѣза. Лучше другихъ все-таки слесарная мастерская; а литейная и кузнечная слишкомъ тѣсны, работать въ нихъ можно съ очень большою осторожностію только въ тихую погоду; а въ качку здѣсь будутъ одни только несчастія, — обжоги, обливаніе металломъ и т. п. На кораблѣ 150 вольнонаемныхъ рабочихъ, кромѣ 280 чел. матросовъ. Корабль „вооруженъ“ восемью 2-дюймовыми пушками; и въ бой, нужно думать, онъ не пойдетъ“...

Въ письмѣ отъ 3 сентября 1904 г.:

„Снялъ свою студенческую тужурку и надѣлъ морскую форму, но чувствую, что „морскимъ волкомъ“ никогда не буду“.

Изъ письма отъ 13 сентября 1904 г.:

„До чего отвратительно все сдѣлано. Прочности у всего хватаетъ ровно настолько, чтобы продержаться до осмотра комиссіей. Одна за другой начали лопаться паровыя трубы, а на-дняхъ отлетѣлъ кранъ у главнаго паропровода, и оттуда началъ хлестать паръ подъ полнымъ давленіемъ. Машины и котлы были сданы спѣшно, и теперь съ ними масса возни. Къ тому же и команда машинная и кочегарная очень неопытны. Недоразумѣній не оберешься. Вчера во время 8-часового перехода упускали уровень воды въ котлѣ два раза“.

Изъ писемъ отъ 16 и 20 сентября 1904 г.:

„Сейчасъ идутъ провода „Камчатки“. Масса гостей, и всѣ здорово „набодались“. Пьяное офицерство ведетъ отвратительныя сцены съ матросами. Какъ эти господа могутъ строго требовать съ людей работы, когда у нихъ же на виду они сами ровно ничего не дѣлаютъ; ночи кутать, а днемъ поправляются для новыхъ кутежей... Выяснилось, что буду получать во внутреннемъ плаваніи 141 р., а въ заграничномъ—240 р... Чѣмъ ближе знакомлюсь съ котлами и машинами, тѣмъ яснѣе вижу, что заводы, которые ихъ ставили, стреми-

⁵⁾ У поврежденной машины, оказывается, сильно погнули поршневой штокъ: въ котлѣ держали много воды, и она бросилась вмѣстѣ съ паромъ въ цилиндръ.

лись только поскорѣе отъ нихъ отдѣлаться. Устроено все „на живую руку“, и... въ концѣ концовъ все было принято. Въ каютъ-компаніи между тѣмъ появились вещи (идетъ перечень ихъ), купленные на деньги, которыя были получены въ видѣ „премій“ съ заводовъ-поставщиковъ. Я уже поднималъ вопросъ, чтобы эти деньги обращены были лучше на исправленія недостатковъ въ машинѣ и въ котлахъ; но всѣ какъ-то пропустили это мимо ушей... Начиная съ командира судна и кончая послѣднимъ гальянщикомъ, всѣ работаютъ на Царя-батюшку „спустя рукава“... Уходимъ въ Ревель 22-го“.

Изъ писемъ отъ 2 и 4 октября 1904 г.

„На переходѣ изъ Ревеля въ Либаву три котла изъ шести потекли настолько, что пришлось ихъ выключить; вода совсѣмъ въ нихъ не держалась и уходила... При малѣйшемъ волненіи насъ такъ и треплетъ. Въ 10¹/₂ ч. утра вышли изъ Либавы на Д. Востокъ. Насъ сопровождаетъ нѣмецъ-лоцманъ. Придется проходить чрезъ узкіе проливы. Нанято много коммерческихъ пароходовъ, крейсирующихъ вдоль береговъ этихъ проливовъ. Они ведутъ дозорную службу вмѣстѣ съ датскими миноносцами“.

Въ письмѣ отъ 15 октября 1904 г. изъ Танжера читаемъ слѣдующее:

„До Скагеррака шли благополучно. Здѣсь же подъ вечеръ 7 октября броненосецъ „Бородино“ вынужденъ былъ открыть огонь по тремъ лайбамъ ⁶⁾, которыя лѣзли на эскадру, не взирая на предупрежденіе. Снаряды перелетали какъ-разъ чрезъ нашу корму и особенно далеко отъ насъ падали въ воду. Ночью ждали нападеній и... вдругъ раздался страшный трескъ и грохотъ. Оказалось, что мы на всемъ ходу столкнулись съ лайбой и переѣхали ее, а она своими мачтами кое-что порвала и перепортила намъ. На слѣдующую ночь мы были атакованы со всѣхъ сторонъ миноносцами. Ночь была тихая, лунная; и всѣ, кто изъ насъ видѣлъ эти суда, говорятъ что это, несомнѣнно, были миноносцы. Мы шли въ компаніи съ „Авророй“ и „Донскимъ“, но отъ нихъ какъ-то отстали. Часовъ съ 8 веч. начали къ намъ приближаться какіе-то огни. Имъ дали сигналъ: „не приближаться“; они отвѣтили опознавательнымъ сигналомъ прошлой ночи и настойчиво продолжали къ намъ приближаться. „Камчатка“ дала полный ходъ и начала маневрировать. Подозрительные суда все тѣснѣе окружали насъ. Пробили „минную атаку“ и открыли огонь по миноносцамъ. Пришлось безвыходно пробыть въ кочегаркѣ часовъ 16. При первыхъ же выстрѣлахъ, когда я переходилъ изъ одной кочегарки въ другую, часть кочегаровъ перетрусилась и разбѣжалась. Тогда я поймалъ нѣсколько человѣкъ небоевой смѣны и заставилъ ихъ стоять, пока не найдутся сбѣжавшіе. Большая часть моей боевой кочегарной смѣны до того обалдѣла, что у нихъ опустелись руки, и они перестали подбрасывать уголь въ топки. Первые двѣ атаки миноносцевъ были между 8 и 12 час. ночи ⁷⁾, а третья—около 2 час. утра. Не взирая ни на что, паръ мы подавали исправно. При первыхъ же нашихъ выстрѣлахъ я сначала почувствовалъ себя скверно, но быстро оправился, считая предстоящую смерть неизбѣжной... Съ верхней палубы нѣсколько человѣкъ видѣли, какъ одинъ миноно-

⁶⁾ Рыбачьи судна.

⁷⁾ На крейсерахъ, сопровождавшихъ „Камчатку“, была получена отъ нея телеграмма—„меня окружаютъ 8 миноносцевъ, выпущены 4 мины, онѣ не попали“ (Изъ письма одного изъ нашихъ товарищей).

сецъ, увивавшійся за нами подъ кормой весьма близко, выпустилъ одинъ разъ мину изъ верхняго надводнаго аппарата намъ подъ корму, но удачное маневрированіе спасло „*Камчатку*“ отъ гибели. Съ нашего корабля было сдѣлано 296 выстрѣловъ, и подъ утро миноносцы оставили насъ въ покоѣ... Какъ мало цѣннать „*Камчатку*“, это обнаружилось въ 1-й же нашъ переходъ. По беспроводному телеграфу мы дали знать адмиралу, что мы окружены миноносцами, что мы вступили съ ними въ бой и находимся тамъ-то; но никто не потрудился придти къ намъ на помощь, а сопровождавшіе насъ раньше крейсера разыскали насъ *только черезъ сутки*“...

Въ письмѣ отъ 15 ноября 1904 г. изъ *Либервилля* (на зап. берегу Африки, 30' сѣв. широты отъ экватора) читаемъ слѣдующее:

„Отъ Нѣмецкаго моря до Танжера намъ приходилось пробавляться одной солониной, да и то не совсѣмъ доброкачественной... Въ Танжерѣ простояли цѣлую недѣлю, шель усиленный ремонтъ машинъ и котловъ, погрузка угля“.

Отъ 27 и 29 декабря 1904 г. изъ *Helle-Ville* на Мадагаскарѣ:

„Передъ мысомъ „*Доброй Надежды*“ трепало насъ отчаянно и долго. Боялись опрокидыванья „*Камчатки*“. Накренялась она много разъ до 35°, а ея предѣльнымъ креномъ считаютъ 42°. При такомъ кренѣ столы и вся мебель срывались съ мѣста изъ ячеекъ, въ которыхъ находятся ихъ пожки; пришлось укрѣпить ихъ канатами. Почти вся посуда у насъ перебилась, поломалась... Съ котлами опять возня. Хорошо еще, что съ командой поставилъ себя хорошо; взаимно довольны другъ другомъ“.

Изъ письма А. М. отъ 1 января 1905 г. изъ Нози-бея заимствую слѣдующія строки:

„Передъ самымъ Мадагаскаромъ у насъ вышла непріятность съ углемъ. Изъ угольныхъ ямъ пошелъ отвратительный уголь нѣмецкой доставки. Паръ сразу сѣлъ. Мы отстали отъ эскадры, а раньше все шли отъ самаго Танжера впереди даже адмирала. Пошла въ ходъ сигнализациа корабля съ адмираломъ. Нашъ командиръ попросилъ позволенія выбросить 150 *тн.* этого угля за бортъ, чтобы добраться до лучшаго. Въ отвѣтъ на это адмиралъ далъ сигналъ: „Не выбрасывать ни одной тонны угля, а выбросить за бортъ злоумышленника“. Кого онъ здѣсь разумѣлъ, неизвѣстно. Подобные казусы и сигналы случаются нерѣдко. Мое личное убѣжденіе, что мы идемъ подъ начальствомъ... больного человѣка... Англійскихъ газетъ читать невозможно; тамъ идетъ непристойное глумленіе подъ нашимъ адмираломъ. За разстрѣлъ рыбаковъ подъ Гуллемъ его называютъ прямо... (не хорошо). Рождество думали простоять на якорѣ, но не удалось; пришли тревожныя вѣсти; ждутъ нападенія адм. Камимуры... „*Сект-лана*“ съ 2 миноносцами гонялись за подозрительными судами и осматривали ихъ. Большинство изъ нихъ оказалось впрочемъ нашими же угольщиками, которые шли на нашу прежнюю стоянку... Въ праздникъ ѣли скудно, т. к. припасы у насъ вышли всѣ“...

Отъ 5 января 1905 г. изъ *Helle-Ville*:

„Мѣсто очень лихорадочное. Послѣ дождя воздухъ становится такъ влаженъ, что прямо душитъ, какъ паръ. Разслабляющая жара. Къ стыду нашему, долженъ констатировать фактъ бѣгства съ нашей эскадры на Мадагаскарѣ массы офицеровъ и команды, списывающихся якобы по болѣзни. Большинство изъ нихъ симулянты. У насъ, напр., списанъ одинъ лейтенантъ... *изъ-за морской болѣзни*!.. А плавать еще этотъ человѣкъ когда-то на миноносцѣ“.

Изъ писемъ отъ 22 и 24 января 1905 г. изъ *Helle-Ville*:

„На-дняхъ эскадра уходила въ море для эволюцій и стрѣльбы. Вдругъ у насъ улавливаютъ такую беспроволочную телеграмму съ адмиральскаго корабля: „*Донской*“, сообщите число раненыхъ и убитыхъ... Насъ это очень удивило тогда; а дня чрезъ два узнали, что во время стрѣльбы это „*Суворовъ*“ вкатилъ въ „*Донского*“ шестидюймовымъ снарядомъ, поранившимъ около 10 человекъ... Нашъ заводикъ приноситъ свою долю пользы. Съ самаго утра къ намъ начинаютъ подходить одна шлюпка за другой съ разными поврежденными частями машинъ, котловъ, трубопровода. Жаль только, что это иногда обращаетъ нашъ корабль въ какой-то постоянный дворъ. На-дняхъ такъ перепились, что *N* (высокаго ранга офицеръ) пустился плясать „русскую“, а затѣмъ заплетающимся голосомъ преподнесъ всѣмъ тостъ за адм. *Уриу!*..⁹⁾ Но всѣ были уже невмѣняемы, и это обошлось безъ послѣдствій“.

Письмо отъ 31 января 1905 г., — открытка съ видомъ бухты Нози-беа и величаваго силуэта горъ Мадагаскара. Приписка гласитъ: „Видъ хорошъ, но не глядѣли-бы мои глаза на него; мною начинается, кажется, овладѣвать тоска по родинѣ“...

Изъ письма А. М. къ его брату отъ 5 февраля 1905 г.:

„Не беспокойся, къ алкоголю меня совершенно не тянетъ, и подражать окружающимъ я не собираюсь... На-дняхъ былъ здѣсь нашъ техникъ *N*. Меня обижаетъ, что онъ не впритъ въ нападеніе неприятельскихъ миноносцевъ на нашу „*Камчатку*“ въ Нѣмецкомъ морѣ. Рыбачьи суда я видѣлъ и ранѣ, и на слѣдующую ночь; но совсѣмъ не то, что всѣ мы видѣли въ ночь съ 8 на 9 октября“.

Для лучшаго разъясненія этого послѣдняго вопроса во 2-мъ изданіи книги, мнѣ была доставлена засвидѣтельствованная копія съ письма, которое 2 ноября 1904 года г. изъ Дакара своимъ роднымъ было отправлено мичманомъ *А. В. Аристовымъ*, погибшимъ въ бою на транспортѣ „*Камчатка*“. Своимъ серьезнымъ служебнымъ отношеніемъ къ дѣлу этотъ мичманъ настолько выдѣлялся среди остального офицерскаго персонала транспорта, что командиръ даже и ночью вполнѣ спокойно оставлялъ его одного на вахтѣ, поручая только въ случаѣ серьезной надобности его разбудить. Такимъ довѣріемъ командира, кстати сказать, не пользовался на этомъ транспортѣ ни одинъ изъ гг. лейтенантовъ!.. Въ письмѣ этого мичмана содержатся между прочимъ слѣдующія строки:

„Въ туманѣ ночью въ Нѣмецкомъ морѣ мы потеряли изъ вида эскадру и шли одни. Въ эту ночь около насъ все время вертѣлись подозрительныя суда. Ходъ у нихъ былъ очень большой, такъ какъ они насъ обгоняли свободно. Ясно были намъ видны очертанія миноносца. Одинъ изъ нихъ забѣжалъ впередъ и затѣмъ пошелъ намъ навстрѣчу, желая повидимому, пройти какъ можно ближе къ намъ. По нему мы открыли огонь, а сами свернули въ сторону, чтобы имѣть его за кормой. Тогда онъ оказался отъ насъ въ очень близкомъ разстояніи и былъ хорошо освѣщенъ прожекторами. Ясно было видно, какъ нѣсколько нашихъ снарядовъ разорвались на этомъ миноносцѣ. По нему все время стрѣляли. Онъ круто повернулъ и ушелъ назадъ. Это было уже ночью; а передъ этимъ сейчасъ же послѣ захода солнца какой-то пароходъ нѣсколько разъ прошелъ мимо насъ, видимо осматривая. Послѣ этого, скрываясь за горизон-

⁹⁾ Командовалъ въ 1904 г. японскими крейсерскими отрядами.

томъ, онъ дѣлалъ какія-то вспышки своими фонарями. Потомъ воть появились эти миноносцы; ихъ подходило къ намъ два. Очертанія второго были менѣе ясны; но никто изъ насъ не сомнѣвался, что и второй былъ миноносецъ. Онъ летѣлъ на насъ полнымъ ходомъ, когда мы въ него стрѣляли; но потомъ однако не выдержалъ и повернулъ обратно“.

Изъ письма А. М. отъ 18 февраля 1905 г.:

„Началась очистка подводныхъ частей судовъ отъ ракушекъ и водорослей. На эту работу посылаютъ водолазовъ съ нашего транспорта съ однимъ изъ механиковъ. Черезъ 3 дня на 4-й намъ придется поочередно заниматься этой скучной работой; водолазы же охотно идутъ на нее, т.-к. за каждый спускъ, хотя бы меньше часа, они получаютъ рубль золотомъ; а за спускъ меньше 2 часовъ, хотя бы 1 ч. 5 м., имъ платятъ по 2 рубля золотомъ... На-дняхъ былъ на „Орлѣ“; посмотрѣлъ, какъ живутъ на броненосцахъ и не позавидовалъ. Всюду грязь, тѣснота, жаряща. Одно только утѣшеніе—это броня да башня. Вездѣ, гдѣ только можно, понапиханъ уголь въ мѣшкахъ. Въ сравненіи съ броненосцемъ у насъ палуба все равно, что Невскій проспектъ; у насъ есть гдѣ и погулять, и поѣздить на велосипедѣ. Только полубакъ у насъ заваленъ всякими трубами, балками, валами, шестернями, которые привозятъ къ намъ для исправленія. Здѣсь же стоятъ у насъ и горы, т. к. на стоянкѣ большинство мастеровыхъ выселились на палубу; тутъ они куютъ, паяютъ и т. д. Наши мастерскія буквально завалены работой“.

По поводу этого послѣдняго выраженія ко 2-му изданію книги наши товарищи доставили мнѣ еще слѣдующія дополнителныя данныя:

„Исправить какую-нибудь деталь самимъ или послать ее на „Камчатку“,—отвѣтъ на этотъ вопросъ зависѣлъ вовсе не отъ сложности работы, а просто отъ желанія или нежеланія даннаго старшаго инженеръ-механика возиться съ этимъ дѣломъ. Общаго руководящаго начала не было, т.-к. флагманскій инженеръ-механикъ слѣдилъ за этимъ только официально, бумажно; и потому съ однихъ кораблей присылали ему совершенно простыя, легкія работы, а другія суда, наоборотъ, старались все сдѣлать у себя, своими средствами, даже и сложныя работы, а къ помощи „Камчатки“ не обращались. Да тамъ и запасовъ было мало. На Мадагаскарѣ не хватило, напр., чугуна; и адмиралъ приказалъ судамъ доставить весь ломъ и даже колосники; а на отдѣльных судахъ были въ это время небольшіе запасы юзовскаго чугуна. Ощущался недостатокъ и въ мѣди прутовой, и въ сортовомъ желѣзѣ, и во многихъ другихъ матеріалахъ. Все это закупили въ Нози-беѣ. Цѣна олова тамъ была въ это время около пяти франковъ за килограммъ, но совѣтъ ревизоровъ установилъ цѣну въ двѣнадцать франковъ... И въ этомъ же родѣ соотвѣтственно на все другое. Инженеръ-технологъ, который завѣдывалъ мастерскими на „Камчаткѣ“ собралъ богатый матеріалъ по вопросу о ремонтѣ судовыхъ механизмовъ на пути къ Цусимѣ; но и весь этотъ матеріалъ, и самъ авторъ, къ сожалѣнію, погибли въ бою“.

Въ письмѣ А. М. отъ 22 февраля 1905 г. изъ Нози-бея содержатся между прочимъ слѣдующія строки:

„...Нашъ рефрижираторъ, поставленный передъ самымъ уходомъ изъ Россіи, совершенно никуда не годится. На переходѣ изъ Либавы до экватора выбросили изъ-за этого, должно быть, на цѣлую тысячу всякой провизіи, солонины, консервовъ... На дняхъ былъ на „Аврорѣ“. Кормили хорошо, было даже мороженое... Но тѣснота у нихъ нево-

образимая. Приняли около 700 *tn* лишняго угля; завалили имъ и каютъ-кампанію, и всю жилую палубу, и даже верхнюю палубу... Лѣзуть туда чрезъ мѣшки съ углемъ. Осматриваль пробоины отъ снарядовъ, которые съ нашей эскадры влѣпили въ нее подъ Гуллемъ. Снарядъ, убившій Аврорскаго батьку, описаль необыкновенно сложный путь; пробивши бортъ въ батькиной каютѣ, пролетѣвши надъ его койкой и оторвавши самому батькѣ руку, снарядъ пробилъ перегородку каюты; затѣмъ онъ прошелъ наискось чрезъ двѣ стѣнки машиннаго люка, „непроницаемую“ перегородку и ударился о стѣну въ командномъ помѣщеніи, гдѣ и упалъ, „не разорвавшись“.

Въ томъ же письмѣ читаемъ слѣдующее:

„Вчера (т.-е. 11 февраля 1905 г.) у насъ на „*Камчаткѣ*“ и на нѣкоторыхъ другихъ судахъ былъ „самъ баринъ“. Обѣзжать суда Рождественскій вздумаль въ 1-й разъ... Противъ обыкновенія адмираль „были милостивы, изволили шутить съ командой и мастеровыми“. „Приставанье“ шло на „вы“... Въ это время мы стояли во фронтѣ подъ такимъ дождемъ, что чрезъ нѣсколько минутъ промокли, какъ утопленники. По этому случаю насъ распустили сейчасъ, а „самъ“ отправился въ мастерскія на „*Камчаткѣ*“. Ихъ предупредили, и тамъ водворился адскій шумъ: о что ни попало колотили ручниками, ку-валдами. Впечатлѣніе получалось такое, что здѣсь работаютъ, работаютъ и работаютъ... Оглушенный адмираль могъ задавать только летучіе вопросы, въ родѣ того, напр.: — Какая здѣсь сейчасъ температура?“ — Ему отвѣтили: „45 градусовъ“ и т. д.

„Какіе же разнообразныя и противорѣчивыя слухи распускались на эскадрѣ послѣ визита адмирала на корабли! Одни говорили, что адмираль своимъ посѣщеніемъ хочеть ободрить весь составъ эскадры передъ ея уходомъ на Д. Востокъ ⁹⁾. Другіе утверждали, что онъ покидаеть эскадру и хочеть хоть въ послѣднее время оставить по себѣ хорошее впечатлѣніе; третьи упорно рассказывали, что адмираль поссорился съ „угольщиками“ и дѣлаеть ревизію остатковъ угля... Намъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, предстоитъ еще погрузка угля, т.-к. во время посѣщенія адмираль рѣшилъ, что у насъ еще мало мѣста завалено углемъ. И, дѣйствительно, лишнихъ противъ нормы у насъ принято только 150 *tn*; собираются добавить еще 200 *tn*. Начнется такая качка, какую одинъ разъ уже испытали мы передъ мысомъ Доброй Надежды, рискуя каждую минуту перекувыркнуться... Гребные винты все время тогда оголялись; машина, облегченная отъ отъ нагрузки, „бросалась“ и грозила „разносомъ“; приходилось неотлучно стоять надъ машинистами, что бы они не зазѣвались“.

„Корпуса броненосцевъ кончили уже очищать отъ наростовъ извнѣ. Сегодня водолазы начнутъ скоблить подводную часть „*Олега*“ и др. крейсеровъ. Никакъ не могу убѣдить — почистить также и нашу „*Камчатку*“...“

Изъ письма отъ 2 апрѣля 1905 г. изъ *Камрана*:

„Передъ уходомъ изъ Нози-бея чуть было мы сами не затопили „*Камчатку*“. Ни нашъ старшій механикъ, ни трюмный механикъ не знали устройства трубопроводовъ при холодильникѣ и расположенія на нихъ клапановъ; они вскрыли одну изъ клапанныхъ коробокъ; чтобы узнать, отчего холодильникъ отказался работать ¹⁰⁾, и въ ма-

⁹⁾ Эскадра снялась съ якоря у Мадагаскара 3 марта 1905 г. II. X.

¹⁰⁾ Очищая подводную часть транспорта отъ водорослей, водолазы сильно засорили одну изъ трубъ циркуляціонныхъ помпъ холодильника.

шинное отдѣленіе подъ сильнымъ давленіемъ вдругъ хлынула забортная вода. Шумъ поднялся адскій; смятеніе произошло невообразимое. Пробовали крышку клапанной коробки поставить обратно на ея мѣсто, но не удалось, такъ какъ чрезъ нѣсколько минутъ вода уже покрыла машинную площадку по колѣно и угрожала залить топку сосѣдней кочегарки; ее сперва задраили водонепроницаемой дверью, а затѣмъ понадобилось почему-то отдать противоположное приказаніе. Пустили въ ходъ центробѣжныя турбины, откачивающія до 500 *tn* воды въ часъ, подвели пластырь въ мѣстѣ нахожденія отливного клапана, и весь инцидентъ былъ исчерпанъ. Съемки съ якоря мы не задержали; адмиралу же „втерли очки“ и вышли благополучно сухими изъ воды“...

„Переходъ эскадры отъ Мадагаскара до Камраза свершился довольно благополучно. Чтобы отвлечь вниманіе японскихъ шпионовъ, въ пути мѣняли курсъ нѣсколько разъ и въ концѣ-концовъ, обогнувъ материкъ, прошли не узкими проливами, а самой торной дорогой, Малаккскимъ проливомъ. Изъ Сингапура выходилъ намъ навстрѣчу паровой катеръ съ французскимъ консуломъ; онъ передалъ адмиралу пакетъ съ депешами и сообщилъ ему, что за 3 недѣли передъ этимъ тамъ была японская эскадра; она ушла оттуда, раздѣлившись на отряды; отрядъ крейсеровъ и миноносцевъ въ послѣднее время видѣли въ 150 миляхъ отъ Сингапура близъ какихъ-то острововъ, а броненосцы и другіе крейсера ушли по направленію къ Явѣ. Выйдя изъ Малаккскаго пролива въ 8 час. веч., эскадра приготавилась къ отраженію минной атаки, послѣ которой ожидался и самый бой. У себя, въ кочегаркахъ, я приготовилъ брезенты, мѣшки и проч., чтобы можно было подступиться къ паропроводамъ на тотъ случай, если бы какой-нибудь шальной снарядъ повредилъ трубопроводъ... Однако ночь миновала благополучно, и на слѣдующее утро въ Южно-Китайскомъ морѣ мы сдѣлали остановку для погрузки угля... На вторыя сутки послѣ Сингапура мы были разбужены пушечными выстрѣлами. Оказалось, что это „Суворовъ“ отвѣчалъ салютомъ на привѣтствіе какого-то англійскаго крейсера, шедшаго намъ навстрѣчу“.

„Чрезъ полчаса встрѣтили еще другой англійскій крейсеръ, который велъ себя уже иначе. Крейсеру „Святланъ“, шедшему впереди, онъ поднялъ сигналъ:—„Не могу разобрать флага вашего адмирала; нужно ли салютовать?“... На это ему отвѣтили съ „Суворова“:—„Въ другой разъ“. И крейсеръ, поблагодаривъ за отвѣтъ, пошелъ своей дорогой“.

Въ письмѣ отъ 12 апрѣля 1905 г. изъ Камрана А. М. сообщалъ, какъ попросили удалиться нашу эскадру изъ этой бухты принадлежащей нашимъ союзникамъ, какъ эскадра была вынуждена долго слоняться вдоль береговъ трехъузловымъ ходомъ, и какъ ее заставили передвинуться въ сосѣднюю бухту Ванъ - Фонгъ, почти совершенно безлюдную.

„По ночамъ здѣсь начались холода, а днемъ адская, невыносимая жара и въ каютахъ, и всюду ниже верхней палубы“.

„Нашей мастерской подвалили столько работы, что не передѣлать ее и въ мѣсяца три. Работаютъ и по ночамъ. „Камчатка“, не взирая на несовершенство ея мастерскихъ, оказала эскадрѣ громадную пользу. Трудно и представить себѣ, что сдѣлала бы наша эскадра, не имѣя при себѣ такого транспорта-мастерской. Запасами матеріала мы снабжены въ достаточномъ количествѣ и болѣе или менѣе надлежащаго качества, хотя басню „Тришкинъ кафтанъ“ приходится вспоминать не-

редко. Подъ конецъ длиннаго плаванія мало осталось нѣкоторыхъ запасовъ, но и самое плаваніе подходитъ къ концу“.

„Начали ремонтъ котловъ. Облазили ихъ въ Страстную пятницу и увидали выпучины на одной изъ трубокъ. Одну изъ нихъ разорвало у насъ въ 1-й день Рождества, но благополучно; а на „Ослябя“ при подобныхъ же обстоятельствахъ сварило замертво кочегара. Во время ремонта изъ-за одной трубки приходится извлекать цѣлую батарею ихъ, вѣсомъ пудовъ 60, и держать всю эту массу на вѣсу. Ночью по ошибкѣ отняли совсѣмъ не ту трубку и удвоили себѣ работу“.

Опухшія трубки оказались изъ плохого матеріала. Сильно нагруженной запасами и углемъ „Камчатка“, чтобы не отставать, приходилось всегда имѣть подъ парами всѣ шесть котловъ. Неисправность въ одномъ изъ нихъ давала себя знать сейчасъ же. Осмотръ котловъ становился при такихъ условіяхъ тоже весьма затруднительнымъ. По-этому обращено особое вниманіе на фильтровку воды; ее дѣлали въ два фильтра, машинный и кочегарный. Такая „роскошь“ не вездѣ встрѣчалась у насъ даже и на самыхъ новыхъ броненосцахъ. Извести и соды также не жалѣли. При осмотрѣ внутренней поверхности кипяtilьныхъ трубокъ она всегда оказывалась чистой.

„Для церковной службы въ 1-й день Пасхи соорудили шатеръ, задрапировали все флажной матеріей разныхъ цвѣтовъ и по бокамъ поставили двѣ срубленныя на берегу роскошныя пальмы. Утромъ къ 8 час. ждали священника съ „Дмитрія Донскаго“. Но вдругъ въ 7½ час. утра къ борту подошелъ угольщикъ, и былъ объявленъ приказъ адмирала начать грузить уголь. До сихъ поръ не соблюдались у насъ ни воскресенья, ни другіе праздники, но мысль о пренебреженіи праздникомъ Пасхи даже и „въ силу военного времени“ всѣмъ намъ показалась чудовищной. Командиръ лично отправился къ адмиралу и упросилъ его отложить погрузку угля до 6 час. веч. Была отслужена заутреня и обѣдня; священникъ перехристосовался со всѣми 400 чловѣками, и началось разговѣнье; были приготовлены: изъ консервированнаго молока сносная пасха, куличъ, облитый чѣмъ-то краснымъ, очень соленая ветчина, крашенныя яйца и какіе-то паштеты. Большинство въ каютъ-компаніи при этомъ удобномъ случаѣ „набодалось“... Послѣ отдыха, въ 2 часа дня, началась раздача подарковъ командѣ и мастеровымъ по билетамъ, которые они вынимали на счастье. Для подарковъ былъ взятъ оставшійся въ судовой лавочкѣ не проданный товаръ: бѣлье, обувь, ножи, трубки, нитки и т. п. Раздача заняла около 3 час. времени и породила массу курьезовъ среди мастеровыхъ и команды, которые ухитрились къ этому времени тоже гдѣ-то и какъ-то нализаться... Эти подарки, оказывается, стоили въ общей сложности около 1000 руб.; и расходъ былъ покрытъ изъ такъ называемыхъ „экономическихъ“ средствъ. Въ 5 час. подошелъ къ намъ опять угольщикъ и начались приготовленія къ погрузкѣ; а съ 6 час. началась и самая угольная оргія. На этотъ разъ грузили довольно быстро,—по 28 *tn* въ часъ, и приняли всего 500 *tn*. Послѣ погрузки намъ было разрѣшено войти въ глубь бухты, такъ какъ адмиралу было доложено, что въ мастерскихъ „Камчатки“ невозможно работать по ночамъ при задраенныхъ иллюминаторахъ и запрещеніи имѣть какіе-либо огни. Хотя мы и стоимъ теперь на новомъ мѣстѣ, но приходится удивляться, зачѣмъ насъ сюда перевели, т. к. каждую ночь все-таки приказываютъ закрывать огни... Переходя на новое мѣсто, мы чуть не прободали госпитальное судно „Орель“, благодаря командиру, быв-

шему на-веселѣ и желавшему хвастнуть своей ловкостью передъ сестрами милосердія“.

Самое послѣднее письмо отъ Александра Михайловича было отъ 29 апрѣля. Въ немъ онъ сообщалъ о поимкѣ въ бухтѣ Ванъ - Фонгъ японскаго шпіона, которой съ китайской лайбы заносилъ себѣ въ записную книжку расположепіе судовъ эскадры на рейдѣ и названія ихъ.

Чтобы узнать, при какихъ обстоятельствахъ А. М. погибъ на „*Камчаткѣ*“ въ бою, его родные просили морской штабъ сообщить имъ адреса команды, работавшей на этомъ транспортѣ и оставшейся въ живыхъ. Изъ штаба былъ полученъ отвѣтъ съ указаніемъ 31 адреса кочегаровъ, машинистовъ и др. матросовъ; по этимъ адресамъ были разосланы письма съ конвертомъ и маркой на отвѣтъ и съ просьбой написать то, что каждый изъ нихъ знаетъ о гибели А. М. Обратное получено 22 отвѣта, изъ нихъ 8—отъ машинной команды. Определеннаго отвѣта изъ этихъ писемъ на интересовавшій семью вопросъ извлечь оказалось невозможнымъ: очевидно, не всѣ эти лица видѣли А. М. передъ самою его кончиною; но никому не хотѣлось сознаться въ томъ, что онъ этого не видалъ, или не знаетъ; оттого и показанія вышли довольно противорѣчивыми. Но эти письма подробно обрисовываютъ печальную картину напрасной гибели транспорта и его безпомощность въ бою. Въ нихъ обрисовывается также и характеръ отношеній А. М. къ своимъ подчиненнымъ.

Одинъ изъ машинистовъ съ „*Камчатки*“ сообщилъ, что Александръ Михайловичъ былъ „весьма любимъ матросами за его веселый нравъ, мягкій характеръ и за его всегдашнее огромное присутствіе духа, не покидавшее его даже въ самыя тяжелыя минуты и весьма ободрившее въ бою оробѣвшую было команду кочегарни“.

Въ самое послѣднее время одному изъ товарищей удалось получить слѣдующія свѣдѣнія объ А. М. Плѣшковѣ и судьбѣ транспорта отъ машиниста, работавшаго на „*Камчаткѣ*“ и вернувшагося на заводъ, съ котораго его взяли на корабль:

„А. М. былъ вторымъ младшимъ механикомъ изъ четверыхъ. Въ бою его мѣсто — въ кочегарномъ отдѣленіи. До 5 час. пополудни транспортъ былъ подъ защитой нашихъ судовъ. Но потомъ мы очутились окруженными шестью японскими крейсерами. Начался разстрѣлъ „*Камчатки*“. Первый снарядъ попалъ въ мачту, второй — въ каюту офицера, третій снарядъ, навѣсный, попалъ между машинами, никого не ранивши, четвертый снарядъ пробилъ бортъ, попалъ въ мастерскую и въ цилиндръ высокаго давленія. Обѣ машины встали. Минутъ чрезъ пять послѣ этого на транспортѣ, лишенномъ всякой дальнѣйшей возможности передвиженія, снарядъ попалъ въ кочегарное отдѣленіе, перешибъ паровую магистраль и др. паровыя трубы. Изъ людей, бывшихъ въ носовой кочегаркѣ цѣлыми вышли на палубу только двое, а изъ кормовой кочегарки никто не вышелъ, и выхода изъ нея уже не было“. Смерть застигла Александра Михайловича, очевидно, на мѣстѣ работы.

Получивши затѣмъ 3 подводныхъ пробоины, транспортъ началъ тонуть. Изъ 13 шлюпокъ уцѣлѣла къ этому времени только одна; покидая разбитый корабль, ею могли воспользоваться только около 40 чел., остальные бросались прямо въ воду; шлюпка также была осыпана градомъ японскихъ снарядовъ. Изъ всего персонала въ 400 человекъ остались въ живыхъ и попали въ плѣнъ 64 человека; изъ нихъ нѣкоторые были выловлены изъ воды въ безсознательномъ состояніи уже на третій день послѣ боя. Офицеры всѣ погибли.

Гибель несчастной „*Камчатки*“ очень многіе ставятъ въ вину исключительно одному адмиралу. Да, несомнѣнно, онъ виноватъ въ томъ, что и ее безъ надобности онъ взялъ съ собою въ бой; но вина за преждевременную гибель ея отчасти падаетъ также и на ея командира, обладавшаго большой инициативой, большой храбростью, которыхъ морской штабъ однако совершенно не использовалъ, вручивши въ его завѣдываніе совсѣмъ не боевое судно. Для освѣщенія этой стороны вопроса ко 2-му изданію книги отъ одного изъ нашихъ участвовавшихъ товарищей мною были получены слѣдующія строки:

„Въ арміи у насъ дѣло поставлено гораздо правильнѣе. Тамъ офицеръ, разъ избравшій себѣ родъ оружія, не мѣняетъ его затѣмъ и все время совершенствуется въ избранной имъ части. Офицера, все время служившаго въ крѣпостной артиллеріи, тамъ не назначаютъ командиромъ конно-артиллерійской батареи, такъ какъ онъ не будетъ подходить къ этой роли; точно также, какъ и смѣлаго, рѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ кавалериста тамъ не назначаютъ въ обозъ, гдѣ онъ только томился бы понапрасну. Во флотѣ же у насъ не всегда обращаютъ на это вниманіе. И вотъ, на грѣхъ, такъ и случилось, что командиромъ транспорта „*Камчатки*“, существовавшей при эскадрѣ совсѣмъ для мирныхъ цѣлей, неумѣло назначили челоуѣка въ высшей степени смѣлаго, храбраго, рѣшительнаго, всегда готоваго ринуться впередъ, въ самое опасное мѣсто. А результатъ отъ этого вышелъ вотъ какой: утомившись своимъ бездѣйствіемъ въ тылу, изстрадавшись при видѣ весьма печальной картины, какъ нѣкоторые наши крейсера въ срединѣ боя начали прятаться за транспорты, которые они сами должны были бы охранять, командиръ „*Камчатки*“ не выдержалъ и пожелалъ дать имъ примѣръ: „*Камчатка*“ вышла впередъ по направленію къ безпомощно пылавшему „*Суворову*“, гдѣ и была очень быстро разстрѣляна Японцами“...

Одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ А. М. по кораблю заканчиваетъ свое письмо такими словами:—„Вѣчная память Александру Михайловичу, пролившему свою кровь и положившему жизнь свою за Отечество, которое, можетъ быть, даже и не требовало такихъ напрасныхъ жертвъ, какъ гибель „*Камчатки*“, съ ея вольнонаемными рабочими; а вѣдь и ее тоже повели съ собою въ бой неизвѣстно зачѣмъ... Но кому было о нихъ подумать? Никто, вѣдь, не оказалъ „*Камчаткѣ*“ помощи даже и въ Нѣмецкомъ морѣ; некому было подумать объ ея участи и здѣсь. Да что „*Камчатка?*“. Объ участи *всей* эскадры, и объ этомъ передъ боемъ ничего не говорили, ничего не обсудили...

ИНЖЕНЕРЪ - МЕХАНИКЪ

Николай Егоровичъ Трубицынъ.

На немъ лежала вся надежда для семьи, воспитавшей его на свои послѣднія средства. Но подъ впечатлѣніемъ П.-Артурскихъ печальныхъ событій онъ нашелъ въ себѣ благородное мужество—поставить интересы Отечества выше интересовъ семьи.

ТРУБИЦЫНЪ, Н. Е., родился 7 января 1878 года. По своему происхожденію онъ—сынъ крестьянина Егора Федоровича Трубицына изъ деревни Трубицына, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи.

Отецъ нашего товарища съ 15 лѣтъ и по настоящее время (въ теченіе 39 лѣтъ) работалъ на паровыхъ мельницахъ. Благодаря трудолюбію и внимательному отношенію къ работѣ, ему удалось достичь званія мастера по крупчатно-мучному дѣлу. Мечтой его жизни было скопить небольшія средства, чтобы дать образованіе своему старшему сыну Николаю Егоровичу и получить отъ него поддержку для образованія всѣхъ другихъ членовъ семьи. „Онъ былъ—старшій изъ восьми нашихъ дѣтей“, пишетъ мнѣ убитый горемъ отецъ, „мы его учили на послѣднія средства, дабы отъ него для остальныхъ дѣтей была намъ поддержка; и онъ всегда утѣшалъ насъ надеждою—повести къ образованію и другихъ своихъ братьевъ, такъ какъ намъ хотѣлось, чтобы всѣ наши дѣти были просвѣщены“... И теперь эта надежда отнята у семьи.

По словамъ отца, Николай Егоровичъ въ дѣтствѣ былъ „молчаливый и тихій мальчикъ; съ восьми лѣтъ его начали обучать въ приходскомъ училищѣ, гдѣ онъ и кончилъ три класса съ похвальнымъ листомъ“. Среднее образованіе Н. Е. получилъ въ Воронежскомъ Реальномъ Училищѣ, оказавши въ общемъ удовлетворительные успѣхи. Въ 1897 г. онъ окончилъ тамъ курсъ, послѣ чего въ 1898 г. поступилъ по конкурсу въ Императорское Техническое Училище, „обожавшее насъ“ добавляетъ отецъ Н. Е.

Собирая матеріалы для біографіи своего сына, Егоръ Федоровичъ обратился съ просьбою дать характеристику, между прочимъ, и къ директору Воронежскаго реального училища. Отвѣтъ отъ него былъ полученъ уже послѣ выхода въ свѣтъ 1-го изданія этой работы. Закончивши перечисленіе официальныхъ датъ, касающихся поступленія въ училище и окончанія курса, директоръ прибавляетъ, что

Николай Егоровичъ „все время былъ безукоризненнаго поведенія, оставался въ V-мъ классѣ на второй годъ, съ виду хмурый, способностей среднихъ, прилеженъ въ высшей степени, на переменахъ всегда былъ съ книгою, въ играхъ никогда не участвовалъ“...

Полный курсъ И. Т. У-ща Н. Е. окончилъ въ шесть лѣтъ и получилъ званіе инженеръ-механика. Это былъ скромный, тихій, отзывчивый, деликатный, но нѣсколько болѣзненный, молодой человекъ, весь поглощенный своей учебной работой, выполнение которой давалось ему не легко. Учился онъ на средства отца и никогда не хлопоталъ ни о стипендіяхъ, ни объ освобожденіи отъ платы, не желая отнимать этихъ средствъ отъ другихъ своихъ товарищей, которыхъ онъ считалъ болѣе нуждающимися въ пособіи, чѣмъ онъ самъ.

Въ каникулярное время два лѣта Н. Е. работалъ на Моск.-Нижегор. ж. д., ѣздилъ на паровозѣ.

По окончаніи курса въ И. Т. У-щѣ Н. Е. поѣхалъ домой, чтобы постепенно подготовить своихъ родителей къ мысли о поступленіи его во флотъ. Они жалѣли отпускать его въ морскую службу, но ему удалось уговорить ихъ и урезонить словами, что „вотъ окончится война, и въ Россіи все опять будетъ хорошо“...

Въ половинѣ сентября 1904 г. онъ отправился въ СПб. хлопотать о поступленіи во флотъ. Въ это время всѣ комплекты были уже составлены; эскадра Рождественскаго готовилась не сегодня - завтра отплыть; и его зачислили вольнымъ механикомъ на престарѣлый крейсеръ III ранга „Азія“, районъ служебной работы котораго ограничивается короткими рейсами въ Финскомъ заливѣ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ это былъ недурной корабль американской постройки; но для перваго знакомства и это было недурно; а работу всегда можно было найти и здѣсь. Оказалось, что на крейсерѣ не было еще и чертежей съ расположеніемъ всѣхъ его запутанныхъ трубопроводовъ; Н. Е. занялся этимъ и составилъ такіе чертежи. „Командиръ остался очень доволенъ этой работой“, сообщаетъ онъ объ этомъ своимъ братьямъ, которымъ пишетъ очень часто и вникаетъ во всѣ ихъ текущія дѣла и нужды. Какъ работника, его быстро оцѣнили, и чрезъ два мѣсяца (22. XI. 04) онъ былъ уже опредѣленъ на службу младшимъ инженеръ-механикомъ на броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“.

Узнавши объ этомъ назначеніи, родители Н. Е. въ письмахъ къ нему выражали боязнь, какъ бы его не отправили на войну. Въ отвѣтъ на это онъ писалъ имъ: — „Я пріѣхалъ сюда работать, а не бояться. Есть много отцовъ и матерей, у которыхъ ушли на войну единственные сыновья; а Васъ дѣтми Богъ благословилъ. Надѣйтесь на Бога“...

Между тѣмъ „Ушаковъ“, дѣйствительно, былъ назначенъ въ отрядъ Небогатова, стоялъ въ докѣ, и на кораблѣ шелъ усиленный ремонтъ; работали и по воскресеньямъ, и всѣ дни рождественскихъ праздниковъ, кромѣ перваго дня. Николаю Егоровичу былъ порученъ присмотръ за ремонтомъ машинъ. Это давало ему возможность ближе ознакомиться съ ними, это его сильно радовало. Къ Новому году онъ былъ произведенъ въ поручики. Успѣхи Н. Е. въ работахъ и скорое полученіе имъ чина доставили всей семьѣ большое удовольствіе.

„Ушаковъ“ вмѣстѣ съ отрядомъ Небогатова ушелъ въ походъ 2. II. 05. Великій князь Алексій Александровичъ передъ этимъ дѣлалъ отряду смотръ. Утромъ 8. II отрядъ пришелъ въ Скагенъ и простоялъ

около суток; 20. II такая же остановка была въ Средиземномъ морѣ у острова Зафаринъ; оба раза спѣшно грузились углемъ съ иностранныхъ транспортовъ; а „въ пути не видали почти ничего, кромѣ неба да воды“. Короткая остановка для отряда была также близъ острова Крита. Греческая Королева Ольга Константиновна посѣтила отрядъ и сердечно напутствовала его. Если бы Рождественскій подождалъ на Мадагаскарѣ еще двѣ недѣли, Небогатовъ догналъ бы его тамъ, а

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота

Николай Егоровичъ Трубицынъ.

† 15 мая 1905 года. †

не въ водахъ Аннама. Но случилось какъ - то нескладно: Рождественскій не зналъ, гдѣ находится Небогатовъ, и наоборотъ. Каждый шелъ самостоятельно, и въ бухтѣ Ванъ - Фонгъ они наконецъ соединились 26. IV. 05.

Въ Цусимскомъ бою „Ушаковъ“ былъ поставленъ сначала на самое послѣднее, 12-е мѣсто, въ боевомъ отрядѣ; но черезъ полтора часа отъ начала боя его мѣсто въ отрядѣ было уже 9-е, а передъ гибелью „Бородино“ онъ занималъ 7-е мѣсто. Во время дневного боя

14 мая „Ушаковъ“ имѣлъ неоднократно пожары, но ходилъ исправно, изъ строя не выступалъ. Въ ночь съ 14 на 15 мая, какъ и другіе наши корабли, „Ушаковъ“ вынесъ на себѣ многочисленныя минныя атаки миноносцевъ и получилъ двѣ подводныхъ пробоины. Съ ними онъ справился, могъ держаться на водѣ; но ходъ броненосца сильно ослабъ, и онъ поэтому отсталъ. Въ числѣ кораблей отряда Небогатовъ, которые готовились къ сдачѣ Японцамъ, его не было; онъ подходилъ къ этому отряду, когда вопросъ о сдачѣ былъ уже рѣшенъ. Тогда онъ отошелъ въ сторону и сдѣлалъ попытку уйти во Владивостокъ. Но при его слабомъ ходѣ это была напрасная мечта. Въ 4 ч. пополудни 15 мая его догнали два японскихъ крейсера и предложили ему сдаться. Въ отвѣтъ на это предложеніе „Ушаковъ“ открылъ огонь; тогда Японцы начали его разстрѣливать 8-дюймовыми снарядами съ такого большого разстоянія, на которое снаряды броненосца вовсе не долетали. Черезъ полчаса доблестный броненосецъ „Адмиралъ Ушаковъ“ не существовалъ болѣе; были открыты кингстоны, и онъ началъ тонуть... Около 30 человѣкъ команды выбросились за бортъ, ухватившись за плавательные круги, но Японцы ихъ разстрѣливали ¹¹⁾, и большинство выбросившихся погибло. Часть экипажа была спасена подошедшими къ кораблю Японцами. Въ этомъ неравномъ и жестокомъ бою нѣкоторые отъ ужаса обезумѣли; съ большимъ трудомъ удалось ихъ привести потомъ въ сознаніе и успокоить: переодѣтые Японцами въ сухое платье и обогрѣтые, они безумно бѣгали по палубѣ, рвались къ трапамъ наверхъ, судорожно обхватывали руками какіе-нибудь предметы и не могли отъ нихъ оторваться ¹²⁾... Японцы успѣли спасти съ „Ушакова“ 342 человѣка, а погибло около 80 человѣкъ. Въ числѣ погибшихъ оказался и Николай Егоровичъ Трубицынъ.

Случайно спасся его товарищъ по работѣ, инженеръ-технологъ Желеповъ, поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота, который о послѣднихъ минутахъ „Ушакова“ разсказалъ одному изъ нашихъ товарищей-техниковъ слѣдующее:

Когда были открыты на „Ушаковѣ“ кингстоны, люди начали бросаться съ корабля въ воду; одни, обвязавшись койками, другіе, держась за спасательные круги. Въ числѣ бросившихся въ воду былъ и Н. Е. Трубицынъ. Японцы продолжали стрѣлять до тѣхъ поръ, пока „Ушаковъ“ окончательно не скрылся подъ водой; отъ ихъ огня поэтому пострадали очень многіе изъ бросившихся въ воду. По исчезновеніи „Ушакова“ японскіе крейсера подошли къ мѣсту его гибели, но плюпокъ не спускали, желая наказать русскихъ, не сдавшихся сразу и стрѣлявшихъ въ японскіе крейсера. Благодаря этому, нашимъ довольно далеко и долго приходилось плыть до крейсеровъ; вода была холодная, руки и ноги коченѣли, и многіе этого не выдерживали. Изъ 17 офицеровъ, бросившихся въ воду и продержавшихся на ней отъ полутора до двухъ часовъ, спаслось только 11 человѣкъ; Н. Е. Трубицына среди спасенныхъ уже не оказалось.

Поручикъ Желеповъ хвалилъ Николая Егоровича, какъ хорошаго товарища и работника.

Послѣ выхода въ свѣтъ 1-го изданія моей книги, гдѣ былъ напечатанъ адресъ Трубицына-отца, Желеповъ, произведенный въ

¹¹⁾ „Нов. Вр.“, 1905, № 10.595, разсказы уцѣлѣвшихъ матросовъ.

¹²⁾ „Морск. Сборн.“, 1905, № 10, стр. 239.

штабс-капитаны, весной 1907 г. сообщили ему, что за двѣ недѣли до Цусимскаго боя Николай Егоровичъ, въ присутствіи Джелепова, сдѣлалъ свой денежный взносъ въ 300 р. на имя своихъ двухъ маленькихъ братьевъ и сестры. Но въ копію кассовой книги, сохранявшуюся на госпитальномъ суднѣ „Кострома“, этотъ взносъ, сдѣланный при свидѣтеляхъ, почему-то не оказался перенесеннымъ. Трубицынъ-отецъ сносился по этому поводу съ отдѣломъ бухгалтеріи Главнаго Управленія Кораблестроенія и Снабженій; чрезъ два слишкомъ года послѣ Цусимскаго боя, казалось бы, можно было уже разобрать всѣ такого рода дѣла; но тамъ не спѣшатъ съ отвѣтами на запросы изъ провинціи...

Много горькихъ слезъ выпало на долю всей семьи Николая Егоровича, въ лицѣ его отца, его матери, его семерыхъ младшихъ братьевъ и сестеръ. Ко всѣмъ имъ покойный относился съ ласкою и вниманіемъ, писалъ имъ изъ похода отдѣльные письма, все время входилъ въ ихъ интересы, давалъ имъ свои совѣты и указанія. Много безотрадныхъ дней и часовъ тяжелой неизвѣстности пережила эта трудовая и многострадательная семья, пока для всѣхъ не сдѣлалось яснымъ, что любимый сынъ и братъ погибъ, что всѣ надежды семьи на него, какъ будущаго помощника, разбиты...

Исполненное скорби и печали письмо ко мнѣ отъ родителя безвременно погибшаго товарища нашего заканчивается слѣдующимъ сообщеніемъ:

„Второй сынъ у меня живетъ своимъ трудомъ, имѣетъ маленькую мельницу, третій сынъ учится въ юнкерскомъ училищѣ въ Казани. А остальные всѣ—на моихъ рукахъ; надо имъ дать образованіе. Пока есть силы, буду добиваться. А только года мои уходятъ, и что Богъ дастъ для остальныхъ, не знаю. Подаль 2-го сентября 1906 г. прошеніе на Высочайшее имя о благоволеніи ко мнѣ и о помощи для обученія остальныхъ дѣтей на казенный счетъ. Но отвѣта еще не получалъ“...

Отвѣтъ на это прошеніе былъ полученъ Е. Ф. Трубицынымъ въ апрѣлѣ 1907 г. Ходатайство просителя оставлено безъ удовлетворенія. Какъ оказалось, дѣло обстояло такъ: изъ Спб. оно перешло къ Тамбовскому губернатору, отъ котораго желали получить свѣдѣнія, „оказывалъ ли ему, Трубицыну, означенный его сынъ какую-либо матеріальную поддержку“; собраніе свѣдѣній бумажнымъ путемъ по нисходящимъ ступенямъ доходило до урядника, который и далъ свое мудрое заключеніе, что Е. Ф. Трубицынъ „существуетъ на доходъ, приносимый ему мукомольной мельницей и матеріальной поддержкой отъ умершаго сына (!) не пользовался, т. к. этотъ послѣдній, окончивъ курсъ Московскаго Техническаго Училища только въ маѣ 1904 г., въ сентябрѣ ушелъ съ эскадрою на Д. Востокъ“... Эта отписка, нимало не отражающая въ себѣ всей жизненной правды, въ С.-Пб. показалась удовлетворительной, желанной; и прошеніемъ Трубицына отца не стали утруждать вниманія Верховнаго Вождя флота. Оно до Него не дошло...

Но это ничуть не умаляетъ подвига Трубицына-сына. На немъ лежала въ будущемъ вся надежда его бѣдной и многочисленной семьи, съ трудомъ на свои послѣдніе средства воспитавшей его; но онъ былъ вѣрнымъ сыномъ своей Родины, и подъ впечатлѣніемъ П.-Артурскихъ печальныхъ событій онъ, честный, восторженный юноша, нашелъ въ себѣ благородное мужество—поставить интересы Отечества выше интересовъ своей семьи. Пусть его подвигъ не нашелъ

еще себѣ должной и справедливой оцѣнки; мы переживаемъ теперь время, когда скорбное эхо Цусимскаго боя заглушается уже „донесеніемъ“ урядника. Но русскій народъ искони вѣрить, что за Царемъ служба не пропадаетъ; и не напрасно вѣрить: рано или поздно жизненная правда, обильно орошенная и кровью Цусимскихъ героевъ, и слезами, которыми ихъ оплакиваютъ, дойдетъ и до Него.

Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ко мнѣ Трубицынъ-отецъ сообщаетъ, что онъ лишился мѣста на мельницѣ и не знаетъ, какъ ему дальше быть... А изъ бухгалтеріи морского вѣдомства отвѣта все нѣтъ и нѣтъ... Для желающихъ оказать ему помощь и содѣйствіе въ сношеніяхъ его съ морскимъ вѣдомствомъ сообщаю его новый адресъ: ст. Лутошкино, Ряз.-Уральск. ж. д., Егору Федоровичу Трубицыну.

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ.

Павель Степановичъ Федюшинъ.

Въ сношеніяхъ съ людьми Павель Степановичъ былъ врагомъ всякихъ насилій. Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ другу сердечно ¹⁾).

ФЕДЮШИНЪ, П. С., родился 28 іюня 1880 года. Онъ—сынъ статскаго совѣтника Степана Павловича Федюшина, который въ теченіе 28 лѣтъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка въ Елецкой гимназіи. Отецъ П. С. умеръ еще въ 1889 г.; и кончину нашего товарища-героя оплакиваютъ его мать Марія Николаевна, его братъ и двѣ его сестры.

Въ первые годы своей жизни П. С. былъ слабымъ ребенкомъ, и его здоровье окрѣпло, только благодаря правильному, заботливому лѣченію.

Ему было 9 лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Положеніе семьи, получавшей 75 р. пенсіи, сдѣлалось не легкимъ; четверымъ дѣтямъ надо было дать образованіе; старшимъ въ семьѣ былъ 13-лѣтній сынъ, братъ нашего товарища. Всѣ заботы о семьѣ выпали на долю матери. Трудомъ и энергіей ей удалось побороть трудности, связанныя съ воспитаніемъ и образованіемъ ея старшихъ дѣтей. Тяжелый циклъ заботъ для нея въ этой области въ 1904 г. близился уже къ концу; еще немного времени, и труды матери увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ; приобрѣтеніе этой семьей самостоятельнаго работника и помощника было уже не за горами, но начавшаяся война разрушила всѣ разсчеты ²⁾...

¹⁾ Изъ письма товарища-однокурсника съ П. С.

²⁾ Въ официальномъ отдѣлѣ журнала „*Морской Сборникъ*“, 1906 г. № 8, напечатанъ отчетъ эмеритальной кассы морского вѣдомства и списокъ лицъ, которымъ назначены пенсіи изъ этой кассы въ теченіе первой половины 1906 года. Любопытныя свѣдѣнія можно получить изъ этого документа, кому и на сколько лѣтъ впередъ назначаются пенсіи. Львиная доля,—пенсіи до 1800 р. ежегодно на сроки отъ 21 до 35 лѣтъ, назначена „звѣздамъ“ первой величины: двадцати семи вице-и контръ-адмираламъ, двадцати генераламъ, имѣющимъ военные и гражданскіе чины, прослужившимъ въ вѣдомствѣ отъ 27 до 35 лѣтъ. За исключеніемъ двоихъ, остальные изъ этихъ почтенныхъ пенсионеровъ не были участниками боя ни подъ Цусимой въ 1905 г., ни подъ Артуромъ въ 1904 г. Въмѣсто нихъ работали, жертвовали жизнью другіе; а

Десяти лѣтъ П. С. поступилъ въ 1-й классъ Елецкой классической гимназіи. Ученіе давалось ему легко. Съ перваго же года пребыванія въ гимназіи онъ обнаружилъ математическія способности и любовь къ занятіямъ математикой. Изученіе древнихъ языковъ его не увлекало. Съ самаго дѣтства любимыми книгами его были описанія путешествій, рассказы по естественной исторіи, въ частности— по зоологіи. Начиная съ 4-го класса гимназіи, онъ началъ давать уроки,—но никогда не заваливалъ себя ими, несмотря на множество предложеній.

Въ 1898 г. П. С. окончилъ курсъ гимназіи первымъ ученикомъ, съ золотой медалью. Радостное настроеніе его омрачается въ это время смертью дяди, который очень любилъ П. С. и былъ любимъ въ этой семьѣ, какъ родной отецъ.

Въ томъ же 1898 г. П. С. по конкурсу поступилъ въ И Т. У-ще.

Во вниманіе къ его успѣхамъ и къ необезпеченному матеріальному положенію его семьи, П. С. при переходѣ со 2-го курса на III-й былъ удостоенъ казенной стипендіи, которою и пользовался до самаго

пенсіи получать они, выслужившіе цензъ. На долю же вдовъ, дѣтей и вдовыхъ матерей, лишившихся въ бою своихъ кормильцевъ и работниковъ для семьи назначены въ этомъ спискѣ большею частію только жалкія крохи. Мать нашего товарища П. С. Федюшина очутилась въ такомъ положеніи: ея дѣти не всѣ еще закончили свое образованіе; Павелъ Степановичъ, какъ инженеръ, являлся бы теперь главной опорой и помощникомъ; событія подъ Цусимомъ отняли у матери эту опору, и ей „за службу сына, поручика корпуса инженеръ-механиковъ флота“, назначена пенсія въ размѣрѣ 63 р. 91 к. *каждогодно въ теченіе трехъ лѣтъ...* Уставъ эмеритальной кассы, можетъ быть, и удовлетворителенъ, пока его примѣняютъ въ обыкновенное мирное время для награжденія за выслугу лѣтъ. Но результаты примѣненія его въ такихъ экстренныхъ случаяхъ, какъ событіе 14 мая 1905 г., по отношенію ко многимъ пенсіонерамъ нельзя не признать совершенно неудовлетворительными. Экстренныя событія требуютъ экстренныхъ мѣръ и экстренныхъ ассигновокъ. Цусима—событіе чрезвычайное. Безъ боязни создать прецедентъ, безъ боязни обременить свой бюджетъ, морское вѣдомство должно было испросить на этотъ случай особую ассигновку и широко удовлетворить изъ нея запросы по удовлетворенію нужды въ обездоленныхъ и разбитыхъ семьяхъ. Величина ассигновки, приходящейся на долю отдѣльныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ должна быть прилична, не должна граничить съ такими суммами, которыя лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ этого дѣла, говорятъ скорѣе о насмѣшкѣ, объ издѣвательствѣ одной стороны надъ другой, чѣмъ о дѣйствительной помощи. Погибшія подъ Цусимомъ молодыя силы, столь дорогія для родины и для семьи, къ которой онѣ принадлежали, нельзя оцѣнить никакими суммами... Но исправленіе подсчетовъ эмеритальной кассы по отношенію ко многимъ семьямъ все-таки является настоятельной необходимостью. Вѣрность этихъ подсчетовъ, надо думать, неоспорима. Но въ этомъ дѣлѣ со стороны морского вѣдомства хотѣлось бы видѣть не только одну ариметику, а и сердечное, внимательное, довѣрчивое отношеніе ко всѣмъ потерпѣвшимъ, у которыхъ погибли въ бою не только дорогие для нихъ люди, но и радость, и всѣ надежды на какой-либо просвѣтъ душевнаго спокойствія въ будущемъ. Уже 3 года отдѣляютъ насъ отъ катастрофы подъ Цусимомъ, но морское вѣдомство еще ничѣмъ не проявило себя въ смыслѣ оказанія существенной помощи потерпѣвшимъ семьямъ Цусимскихъ героевъ. Въ такомъ именномъ положеніи находились и сейчасъ находятся семьи павшихъ товарищей Трубицына и Федюшина, особенно перваго. Не рассчитывая далѣе на вниманіе къ такимъ семьямъ со стороны морского вѣдомства по его собственной инициативѣ, этотъ вопросъ слѣдовало бы поднять и оживить г-мъ членамъ Государственной Думы, представителямъ понятія о высшей правдѣ и справедливости на землѣ русской. П. Х.

окончания курса въ 1904 году, продолжая заниматься весьма успѣшно. Въ семью онъ писалъ, что учебныя занятія поглощаютъ все его время, и сожалѣлъ, что, кромѣ учебниковъ, приходится читать очень немного.

Его друзья, съ которыми ему приходилось жить и работать въ это время, отмѣчаютъ преданность его наукѣ, честное благородное отношеніе къ своему долгу и къ людямъ, твердость и устойчивость сужденій и почти непрерывный трудъ.

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота
Павелъ Степановичъ Федюшинъ.

† 14 мая 1905 года. †

Одинъ изъ товарищей-однокурсниковъ П. С., знающій его ближе другихъ, въ дополненіе къ этому далъ мнѣ слѣдующую характеристику П. С.

„Мы близко познакомились другъ съ другомъ въ Т. У. довольно рано, еще на II курсѣ; П. С. привлекалъ насъ къ себѣ своей отзывчивостію на все хорошее, своей деликатностію, серьезнымъ вдумчивымъ отношеніемъ къ жизни. Въ Т. У. онъ пошелъ по личному желанію и занимался всѣми предметами очень серьезно и съ большимъ интересомъ. Въ сношеніяхъ съ людьми П. С. былъ врагомъ всякихъ насилій. Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ

другу сердечно. Поэтому при первых встречахъ съ людьми онъ за-мѣчалъ только ихъ хорошія стороны. По отношенію къ своимъ родственникамъ онъ былъ очень заботливъ и внимателенъ. Когда П. С. былъ въ Т. У. на II курсѣ, весной во время экзаменовъ серьезно заболѣлъ его старшій братъ, студентъ университета; П. С. бросилъ держать свои экзамены, сосредоточилъ все свое вниманіе на оказаніи помощи брату и остался поэтому на II курсѣ на 2-й годъ. Такая самоотверженность имѣетъ свою цѣнность, если взять во вниманіе, что П. С. учился тогда еще на свои средства“.

Каникулярное время своей студенческой жизни П. С. проводилъ на практикѣ: одно лѣто онъ работалъ въ качествѣ рабочаго-литейщика по чугуну на механическомъ заводѣ Московскаго Т-ва (въ Климовкѣ); второе лѣто онъ ѣздилъ на Брестской жел. дор. помощникомъ машиниста; а третье лѣто П. С. работалъ на Брянскомъ заводѣ. Въ письмахъ къ семьѣ относительно этой командировки онъ писалъ тогда, что матеріальный заработокъ она дала ему плохой, и что директоръ этого завода (изъ технологовъ) очень недружелюбно относился къ студентамъ-практикантамъ изъ Техническаго Училища. Товарищи-техники, съ которыми П. С. въ одно время работалъ на Брянскомъ заводѣ, отмѣчаютъ его необыкновенное трудолюбіе, способность быстро осваиваться въ незнакомой обстановкѣ завода, улавливать интересныя для техника подробности производства, составлять эскизы деталей различныхъ машинъ и т. п. „Изъ него вышелъ бы отличный, даровитый работникъ-инженеръ“, добавляютъ товарищи, „но на возможность проявленія какой-либо воинственности у него не было даже и намека“...

Передъ окончаніемъ курса въ И. Т. У.-щѣ П. С. задумалъ поступить во флотъ, чтобы тамъ отбывать воинскую повинность. Его влекло во флотъ желаніе послужить родинѣ своими техническими знаніями, а также привлекала и возможность осуществить мечту „о кругосвѣтномъ путешествіи“. Во что оно обратится еще на пути до Камрана, онъ, конечно, тогда не предвидѣлъ.

Въ мартѣ 1904 г. П. С. писалъ своей матери слѣдующія строки: „Положеніе дѣлъ на войнѣ весьма серьезно. Въ настоящее время нельзя и думать о собственномъ спокойствіи. Надо итти на войну... Мнѣ жаль тебя и сестеръ, но берутъ на службу моихъ товарищей, у которыхъ уже есть дѣти... Я отправилъ прошеніе въ морской штабъ о принятіи меня во флотъ“.

По окончаніи курса въ И. Т. У. съ званіемъ инженеръ-механика П. С. пріѣхалъ домой къ роднымъ *только на три дня*; и 1 іюня 1904 г. его уже провожали въ СПб., на службу во флотъ.

Пока разрѣшались различныя формальности о зачисленіи во флотъ, П. С., пріѣхавши въ СПб., осмотрѣлъ Эрмитажъ, музеи, учебныя учрежденія и т. п.

Начальникомъ морского штаба П. С. былъ назначенъ на броненосецъ „*Князь Суворовъ*“, гдѣ и началась его служба съ 9. VI 04.

Изъ Кронштадта отъ 21 и 27. VI. 04 П. С. писалъ между прочимъ слѣдующее:

„Потребовалось двѣ недѣли, чтобы выолнѣ ознакомиться и усвоить себѣ расположеніе всѣхъ частей на броненосцѣ. Первые дни я былъ, какъ въ лѣсу; хочу пройти въ одно помѣщеніе, попадаю въ другое. Въ настоящее время мы стоимъ все еще въ гавани; послѣ 15 іюля уйдемъ на большой рейдъ. Изъ новыхъ судовъ готовъ пока *только* броненосецъ „*Александръ III-й*“, который стоитъ уже на вѣш-

немъ рейдѣ... Черезъ мѣсяцъ я буду произведенъ въ инженеръ-механики флота и опредѣленъ на дѣйствительную службу; мое званіе будетъ соответствовать чину мичмана или поручика; жалованье буду получать 118 р. (вмѣсто 48 р., какъ теперь), а въ заграничномъ плаваніи 187 р. Тамъ увижу много интереснаго; побываю въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ до сихъ поръ приходилось такъ много читать... Жизнь на кораблѣ здѣсь довольно пріятна, если не обращать вниманія на постоянный стукъ, который не прекращается и днемъ и ночью; съ достройкой спѣшать, поэтому работа идетъ непрерывно. У меня своя каюта; къ моимъ услугамъ — вѣстовой; столъ великолѣпный: завтракъ изъ 2-хъ блюдъ, обѣдъ изъ 4-хъ. Окружающія меня офицеры народъ симпатичный. На „Суворовѣ“ сейчасъ семь инженеръ-механиковъ“.

Изъ письма отъ 4. VII. 04: „Командиръ пристроилъ меня къ приемкѣ угля. Послѣ погрузки 5000 пуд. изъ блондина я превратился въ брюнета. На-дняхъ предстоитъ погрузить 40.000 пуд., и тогда я превращусь, по всей вѣроятности, въ негра. На моей обязанности лежить только наблюденіе, изысканіе способовъ скорѣйшей погрузки. Потомъ мнѣ поручено составить схему парового отопленія, и оно впослѣдствіи должно перейти въ мое завѣдываніе. Кромѣ того, я буду завѣдывать паровыми катерами; ихъ у насъ четыре, два—минныхъ и два пассажирскихъ. Всѣ они, какъ игрушки, будутъ разставлены на верхней палубѣ... Я очень доволенъ, что поступилъ во флотъ. Другіе инженеры здѣшніе много плавали и рассказываютъ массу всего интереснаго объ Японіи, Артурѣ, китайскихъ портахъ. И все это я увижу!“...

Изъ письма отъ 20. VII. 04: „Работать приходится очень много. Поручили мнѣ погрузки угля еще и на транспортъ „Корея“; присутствую лично на погрузкѣ, т. к. боюсь за людей, много опасности для нихъ. Пока все обходилось благополучно... Познакомился съ вахтами на „Суворовѣ“, выходили въ море для пробы машины и орудій; во время хода въ машинномъ отдѣленіи вверху температура доходила до 55°R.; пробыть на вахтѣ 4 часа подрядъ—не легкое дѣло... На пробѣ узнали, что такое залпъ изъ 12-дюймоваго орудія. Одного мичмана уже оглушило. Зарядъ для такого выстрѣла стоитъ около 500 р. Интересная вещица тоже пулеметъ, дѣлающій 400 выстрѣловъ въ минуту. У насъ много всякаго вооруженія и между прочимъ 4 минныхъ аппарата. Каждая мина стоитъ 3.500 р. Весь нашъ броненосецъ обошелся 13½ миллионѣвъ рублей. Кромѣ того мы повеземъ съ собою разныхъ боевыхъ припасовъ на миллионы; и все это еще малая доля тѣхъ расходовъ, которые связаны съ войною“...

Изъ письма отъ 7. VIII. 04: „Съ 1 августа Рождественскій живетъ на нашемъ броненосцѣ. Это очень суровый и свирѣпый господинъ. Что ни день, то новый арестъ для кого-нибудь изъ офицеровъ и за самые ничтожные пустяки. Его зовутъ здѣсь... (не хорошо). Человѣкъ онъ очень нервный; когда говорить, сильно волнуется; 1-го августа онъ говорилъ рѣчь матросамъ такъ нервно, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекательно, что у всѣхъ на лицѣ была полная готовность умереть, если понадобится, за Царя и родину“...

Изъ Ревеля въ письмѣ отъ 21 сентября 1904 г. своей матери П. С. написалъ слѣдующія строки: „Мнѣ очень грустно, что ты такъ волнуешься за меня; я доволенъ своей участію; и я чувствовалъ бы себя гораздо бодрѣе, если бы зналъ, что твое огорченіе по поводу моего отъѣзда не такъ сильно“...

Изъ похода П. С. роднымъ писалъ не много и всегда очень осторожно. Въ письмахъ же къ товарищамъ онъ былъ откровеннѣе, и съ горечью писалъ онъ имъ объ окружающихъ его лицахъ на „Суворова“. Его, какъ человѣка съ благородной душой и честными взглядами, очень многое коробило и возмущало въ окружавшей его средѣ...

Въ первомъ письмѣ изъ похода П. С. описываетъ послѣдніе дни пребыванія эскадры въ Ревелѣ, посѣщеніе ея Государемъ и Государыней и эффектное зрѣлище, которое было имъ показано, — взрывъ сразу десяти минъ загражденія вдали отъ броненосца. Государыня посѣтила только два корабля — „Суворова“ и „А. III-й“.

Въ письмѣ отъ 27 октября 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„Вотъ уже пятая сутки, какъ мы вышли изъ Танжера. Пятая сутки кругомъ вода, берега не видно. Одинъ только разъ ласкали нашъ взоръ показавшіеся вдали на горизонтѣ силуэты горъ на Канарскихъ островахъ. Погода намъ благопріятствуетъ; океанъ спокоенъ. Сидя въ каютѣ нашего гиганта-броненосца, можно позабыть, пожалуй, что находишься на морѣ. Я до сихъ поръ еще не знаю, что такое морская качка. Настроение хорошее. Пріятно сознать, что приносишь пользу, хотя и незначительную, можетъ быть. Приходится, однако, сожалѣть, что не пускаютъ на берегъ. Хотѣлось бы побродить по чужимъ городамъ, ближе посмотрѣть жизнь, нравы. Но... пока довольствуемся осмотромъ городовъ въ бинокль. Прошли тропикъ Рака; идемъ въ Дакаръ. Сейчасъ здѣсь зима, но все-таки температура воды въ океанѣ 20°; всѣ — въ кителяхъ“.

Изъ Габуна отъ 13 ноября 1904 г.: „На берегу — роскошнѣйшая фауна, съ корабля виденъ чудный дѣвственный тропическій лѣсъ... Но пускать насъ на берегъ боятся: за мѣсяцъ передъ нашимъ приходомъ туземцы съѣли здѣсь четверыхъ европейцевъ... Послѣдній переходъ изъ Дакара въ Габунъ былъ очень тяжелъ для машинной команды и для насъ; въ машинныхъ помѣщеніяхъ наверху доходило до 61° Р. Выйдешь на палубу, и тамъ нѣтъ ни малѣйшей прохлады и облегченія... Передъ Габуномъ сплосовали наши штурманы; прежде чѣмъ попасть сюда, эскадра блуждала, и экваторъ намъ пришлось переходить три раза, т.-е. съ сѣвера на югъ, затѣмъ обратно, и еще разъ съ сѣвера на югъ“...

Изъ Нози-бей отъ 7 и 31 января 1905 г.: „Растительность здѣсь роскошная. Хотѣлось бы вѣчно имѣть ее передъ глазами. Громадныя, роскошныя кокосовыя пальмы, мангу... По воскресеньямъ гуляемъ на берегу. Мѣстечко — рай земной... Съ туземцами разговариваютъ на „французскомъ“ языкѣ; и я и туземцы изрядно его коверкаемъ, но другъ друга понимаемъ... Европейцевъ здѣсь всего полтора-два человѣка, а насъ на эскадрѣ около 15.000 ч. Здѣсь теперь собралась почти уже вся эскадра, кромѣ запоздавшихъ крейсеровъ „Олега“, „Изумруда“, „Рюна“, „Днѣпра“, двухъ миноносцевъ и транспорта „Иртыша“. На миноносцахъ мнѣ часто приходится быть въ охранной цѣпи; и оттуда издали вся эскадра, кажется цѣлымъ городомъ... Въ Нози-бей есть нѣсколько европейскихъ магазиновъ, торгующихъ удивительно разнообразными товарами: въ одномъ и томъ же магазинѣ желающій можетъ себѣ приобрести и бутылку шампанскаго и... китель; тутъ же продаются инструменты для слесарей, плотниковъ. Наши матросы говорятъ съ неграми по-русски, и тѣ хорошо начали привыкать къ нашему языку; многіе изъ нихъ вполнѣ правильно выговариваютъ русскія числительныя имена и скоро заговорятъ по-русски... На якорѣ служба механикамъ легче, хотя дѣлъ у нихъ не меньше, чѣмъ въ по-

ходѣ. Послѣ каждаго перехода нужно бываетъ осматрѣть машины, сдѣлать, гдѣ надо, исправленія... Я все-таки очень доволенъ, что пошелъ во флотъ. Моя служба здѣсь будетъ продолженіемъ моего техническаго образованія. Въ Техническомъ У-щѣ насъ долго учатъ, какъ надо проектировать машины; меньше времени тратится на обученіе, какъ надо строить машины, и совсѣмъ почти не учили насъ, какъ надо ухаживать за машиной построенной. Это — пробѣлъ, который здѣсь и приходится все время пополнять... Въ заграничномъ плаваніи я получаю 182 рубля. Если бы содержаніе на суднѣ стоило не такъ дорого, я былъ бы богатъ. Около ста рублей вычитается въ каютъ-кампанію. Но немногое, что остается, я кладу въ сберегательную кассу. На случай, если со мной что-нибудь приключится, составилъ завѣщаніе; всѣ мои взносы должны быть выданы тогда моей сестрѣ, А... Въ каютъ-кампаніи здѣсь только и разговору, что о плаваніяхъ, о цензѣ, о выслугѣ кампаній, объ орденахъ. Да, и не мудрено. Вся ихъ жизнь сводится къ тому. Выплавалъ цензъ и жди терпѣливо, когда получать производство старшіе, когда можно будетъ занять ихъ мѣсто. Есть тутъ у насъ одинъ мичманъ-кретинъ, такъ тотъ все вычисляетъ, насколько онъ продвинулся впередъ, благодаря войнѣ. Многіе очень напоминаютъ Скалозуба... Прибытіе корреспонденціи — событіе на эскадрѣ. Больше всего приходитъ писемъ на имя молодоженовъ. Получаются у насъ здѣсь свѣдѣнія и о безпорядкахъ въ Россіи. Мичманы съ глубокомысленномъ видомъ говорятъ: — „Это — студенты! Тутъ война, а они бунтуютъ!...“ Никакъ не могутъ сообразить, что война у насъ оттого и затянулась, что не внимали раньше студентамъ; а теперь принуждены прислушиваться къ болѣе настойчивымъ требованіямъ не студентовъ, а всего народа. Уже существуетъ въ Россіи и свобода печати. Наконецъ-то начнутъ раскрывать всѣ злоупотребленія, Дай-то Богъ! Пора, пора!..“

Въ походѣ жилось Павлу Степановичу совсѣмъ плохо, но онъ ни слова не писалъ объ этомъ никому изъ родныхъ, чтобы не тревожить ихъ. Одинъ только разъ вдругъ прорвалась и у него такая загадочная для нихъ фраза: — „Ну, и упекъ же я себя!..“

Одинъ изъ нашихъ товарищей въ письмѣ ко мнѣ передаетъ такую сцену: „Въ февралѣ 1905 г., въ Нози-бей очищали броненосцамъ ихъ подводныя части при помощи водолазовъ. Дошла очередь и до нашего корабля. Къ нему со всей броненосной эскадры пришли шлюпки съ водолазами; съ „Суворовскими“ пришелъ Федюшинъ. Въ Училищѣ у насъ было съ нимъ только шапочное знакомство, а здѣсь мы съ перваго же слова перешли на „ты“. Я позвалъ его въ мою каюту, которую занималъ вдвоемъ съ инж.-мех. Н.— „Вотъ счастливецъ! Какая у тебя каюта!“ сказалъ мнѣ Федюшинъ. — „Ну, какая же у меня обстановка“, говорю ему. — „Зато спать можно. А у насъ вѣдь штабъ; флагманскіе заняли не только всю верхнюю палубу, а и часть каютъ въ баттарейной. Живу я во внутренней каютѣ вмѣстѣ съ мичманомъ М. Вентилятора нѣтъ; какъ разъ надъ машинами; и днемъ, и ночью тамъ такая жара, что спать рѣшительно невозможно... И я тамъ не сплю. Приходится дожидаться, какъ разойдутся въ каютъ-кампаніи; ну, съ 12 часовъ и спишь до 5-6 утра. Отъ хроническаго недосыпанья чувствую себя совсѣмъ плохо“. — „Ну, а если у тебя ночная вахта?“ — Федюшинъ только молча развелъ руками...“

Писать неправду ему было очень тяжело, а потому, начиная съ половины пребыванія эскадры у Мадагаскара П. С. вдругъ какъ-то смолкъ...

Послѣднее письмо Павла Степановича изъ бухты Камранъ отъ 8 марта было получено уже въ концѣ мая 1905 г., послѣ катастрофы. Въ этомъ письмѣ онъ опровергаетъ только сообщенія о вымышленномъ газетами боѣ нашей эскадры съ японской близъ Аннамскихъ острововъ; а о себѣ пишетъ подозрительно кратко и въ такихъ общихъ выраженіяхъ, какъ „вполнѣ здоровъ, чувствую себя превосходно, настроеніе прекрасное“...

Въ бою „Суворовъ“, на которомъ работалъ П. С., очутился въ самомъ жалкомъ и безпомощномъ положеніи... Чрезъ три четверти часа отъ начала боя онъ вышелъ уже изъ строя и навсегда... Безъ руля, безъ всякихъ средствъ для сигнализации и съ единственной уцѣлѣвшей у него къ этому времени 12-дюймовой носовой башней, флагманскій броненосецъ очень быстро послѣ этого началъ представлять собою въ дальнѣйшемъ только мишень для японскихъ снарядовъ; вся его боевая мощь была уже исчерпана... Онъ держался на водѣ, дѣлалъ видъ, что кому-то угрожаетъ, кому-то помогаетъ, но самъ больше всѣхъ нуждался въ помощи...

Когда былъ раненъ адмиралъ и выведены были изъ строя на кораблѣ его главные орудія, сила и значеніе броненосца сразу выдохлись; штабу нечего было и пытаться демонстрировать на немъ „беззапятную храбрость и отвагу“, вызывая на чужой спина. Дальнѣйшее стремленіе этого корабля быть ближе къ мѣсту боя рѣшительно ничѣмъ не вызывалось, ничѣмъ не оправдывалось; боемъ онъ не руководилъ; нашимъ боевымъ силамъ онъ существенно не помогать, развѣ тѣмъ только, что былъ по временамъ тою мишенью, которая привлекала на себя всю силу непріятельскаго огня... Достойную вниманія цѣнность на кораблѣ представлялъ въ это время только личный составъ его. Боевую инициативу и энергію этого состава можно было использовать и ввести въ бой, пересадивши его на одинъ изъ самыхъ быстроходныхъ и сильныхъ крейсеровъ; а всѣхъ раненыхъ съ „Суворова“ надо было передать на другой болѣе надежный крейсеръ, готовый отойти съ ними въ одинъ изъ нейтральныхъ портовъ. Но помощи къ „Суворову“ однако не приходила ни откуда... Онъ не шелъ къ крейсерамъ; крейсера же, поглощенные охраною транспортовъ, не шли къ нему; а миноносцы „Бѣдовый“ и „Быстрый“ куда-то окончательно исчезли; по расписанію они должны были все время держаться на траверсѣ „Суворова“ и немедленно подойти къ нему, какъ только онъ выйдетъ изъ строя, чтобы снять адмирала со штабомъ и перевезти ихъ на другой исправный корабль... Лишенный возможности управлять своимъ ходомъ, пылающій флагманскій корабль, съ котораго все еще не былъ снятъ раненый адмиралъ, какимъ-то теченіемъ понесло потомъ къ цѣлому ряду новыхъ испытаній, къ совмѣстному разстрѣлу его японскимъ отрядомъ и... русскимъ: головная часть нашего боевого отряда не узнала „Суворова“, несомато со стороны Японцевъ... Прикомандированные къ флагману миноносцы такъ и не появились выручать его... Съ доживавшаго свои послѣдніе часы „Суворова“, были сняты только адмиралъ и его штабъ на случайно подошедшій миноносецъ „Буйный“, и безъ того обремененный большимъ грузомъ всей команды съ „Ослябя“, которую удалось ему подобрать въ самомъ началѣ боя. Пока адмиралъ и его штабъ оставались на давно уже потерявшемъ свою боевую мощь и значеніе броненосцѣ, между чинами штаба тамъ не происходило никакихъ дѣловыхъ совѣщаній, вызываемыхъ ходомъ событий, и не послѣдовало

никакихъ указаній и распоряженій для штаба со стороны адмирала. Пересѣсть ли адмиралу на другой боевой корабль, этотъ вопросъ въ первый разъ возникъ только послѣ перегрузки адмирала на миноносецъ „*Буйный*“... Но отвѣтъ на этотъ вопросъ получить сразу было нельзя: адмиралъ былъ въ это время безъ памяти... А время шло... „*Буйный*“ догналъ уходившіе на сѣверъ остатки нашей эскадры. Было отдано распоряженіе о томъ, что командованіе эскадрою передается Небогатову. Былъ найденъ наконецъ одинъ изъ бѣглыхъ миноносцевъ—„*Бѣдовый*“... Послѣ этого его будто бы вернули назадъ отъ уходившей на сѣверъ эскадры, чтобы онъ разыскалъ „*Суворова*“ и снялъ оставшихся на немъ людей³⁾... Мудрое и мудреное порученіе... „*Бѣдовый*“ не узнавалъ „*Суворова*“ и за нѣсколько часовъ раньше, когда онъ все-таки еще походилъ самъ на себя, а тутъ и этого не было; и надо было идти къ „*Суворову*“, вокругъ котораго въ это время носились стаи японскихъ миноносцевъ. Понятно, что „*Бѣдовый*“ его „не нашелъ“ и вернулся обратно къ главнымъ нашимъ силамъ, уходившимъ на сѣверъ... „*Суворову*“ могли бы во время боя оказать помощь наши крейсера, но... это не входило въ ихъ задачу; онъ, страдающій, ихъ не интересовалъ и въ началѣ боя; ничѣмъ не помогши ему, еще сильнѣе страдавшему, и въ срединѣ боя; совсѣмъ не интересовалъ онъ ихъ и въ концѣ боя, когда вся оставшаяся у насъ боевая сила эскадры двинулась на сѣверъ... „*Суворовъ*“ былъ въ это время уже одинъ среди чужихъ... Спасать людей съ добываемаго Японцами корабля было некому... Черезъ два часа отъ начала боя русскіе броненосцы начали принимать „*Суворова*“ за чужой корабль, а Японцы до конца боя узнавали его; всѣ они сознательно, непрерывно и ожесточенно нападали на него. Сначала на немъ было сосредоточено вниманіе всей боевой мощи японской эскадры, потомъ стало довольно обстрѣливать его легкими крейсерами, и наконецъ къ нему можно было подступить и съ одними миноносцами... Но потопить его оказалось не такъ-то легко. Руль у него давно уже не дѣйствовалъ, но машины были, очевидно, въ исправности. Корабль все еще дѣлалъ какія-то предсмертныя эволюціи, все еще ускользалъ отъ вражескихъ минъ... Машины на кораблѣ продолжали работать, но минуты ихъ дѣйствія были сочтены... И наконецъ „*Суворова*“ не стало...

Въ числѣ другихъ, работавшихъ до послѣдняго своего вздоха на этомъ кораблѣ, мученическая кончина выпала также на долю и Павла Степановича...

„Онъ вѣрилъ, что люди и должны и могутъ относиться другъ къ другу сердечно“... При столкновеніи съ жизнію его вѣра въ благородство человѣческой души, какъ мы видимъ, не оправдалась, разбилась о некультурность окружавшихъ его людей. Оставленный еще въ началѣ боя безъ всякой помощи флагманскій броненосецъ съ погибающими на немъ людьми, не снятыми съ него въ то время, когда это можно было сдѣлать и надо было сдѣлать, во что бы то ни стало, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о некультурности нашей морской среды. Этотъ и подобные ему инциденты подѣ Цусимой показали, насколько мало усвоены нами вѣковыя традиціи культуры, и сколько остается еще Россіи поработать надъ собою въ этомъ направленіи.

³⁾ Кап. Семеновъ—*Цусимскій бой*, стран. 115.

Горе матери Павла Степановича безгранично. Потревоживъ ее, чтобы получить отъ нея свѣдѣнія объ ея сынѣ, я былъ невольнымъ виновникомъ и свидѣтелемъ такихъ слезъ ея, при воспоминаніи о которыхъ мнѣ каждый разъ приходятъ въ голову мѣткія слова нашего поэта-народолюбца:

„Средь лицемѣрныхъ нашихъ дѣлъ и всякой пошлости и прозы, однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ святыя, искреннія слезы,—то слезы бѣдныхъ матерей! Имъ не забыть своихъ дѣтей, погибшихъ на кровавой нивѣ“...

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКЪ

Александръ Николаевичъ Михайловъ.

На всѣ соблазны и увѣренія, что онъ имѣетъ право пользоваться жизнію и своей молодостью, не принося жертвъ, Александръ Николаевичъ, сознавая долгъ гражданина, скромно отвѣчалъ всѣмъ, что тому, кто обязанъ служить, „неудобно сидѣть дома во время войны“...

МИХАЙЛОВЪ, А. Н., родился въ гор. Казани 1 марта 1880 года. Онъ сынъ потомственного почетнаго гражданина Николая Ивановича Михайлова. Своей матери А. Н. лишился, когда ему не было еще и двухъ лѣтъ.

Среднее образованіе А. Н. получилъ въ реальномъ училищѣ, до III класса—въ Перми, куда съ 1888 г. переселился его отецъ для управленія дѣлами одного крупнаго торгово-промышленнаго предпріятія, а съ III класса—въ Казани. Живой, впечатлительный мальчикъ обладалъ хорошими способностями и большой любовью къ математикѣ. Курсъ реального училища онъ окончилъ однимъ изъ первыхъ учениковъ.

Въ И. Т. У-ще А. Н. по конкурсу поступилъ въ 1899 г., а окончилъ полный курсъ съ званіемъ инженеръ-механика въ 1904 г. Благодаря хорошимъ способностямъ, при прохожденіи курса въ Техническомъ У-щѣ все обошлось „безъ запинки“; даже переходъ со II на III курсъ, камень преткновенія для многихъ, былъ сдѣланъ имъ безъ переэкзаменовокъ.

А. Н. въ И. Т. У-щѣ былъ любимъ товарищами за прямой характеръ и никогда не покидавшіе его юморъ и веселость. Ученіе давалось ему легко; хорошая память и быстрая сообразительность позволяли ему овладѣвать предметомъ безъ большихъ усилій; А. Н. могъ похвалиться энциклопедичностью своихъ знаній: ни одинъ предметъ не овладѣвалъ его вниманіемъ въ ущербъ прочимъ. Ближе всего ему было желѣзнодорожное дѣло; онъ изучалъ его практически въ теченіе нѣсколькихъ школьныхъ вакацій на Пермь-Котласской жел. дор. Послѣднюю изъ вакацій онъ работалъ уже машинистомъ.

Благодаря своему общительному живому характеру, А. Н. съ удовольствіемъ посѣщалъ бывавшія у его знакомыхъ вечеринки, принимая живое участіе также и въ танцахъ; но самое большое удовольствіе всѣмъ доставляли его юморъ, его необыкновенное умѣнье рассказывать „въ лицахъ“. На этотъ случай у него всегда былъ наготовѣ неисчерпаемый запасъ новыхъ рассказовъ „страшныхъ“, „смѣшныхъ“ и проч. На этихъ маленькихъ собраніяхъ А. Н. являлся душою общества, всегда желаннымъ гостемъ.

Здоровье его было не изъ крѣпкихъ. Въ 1904 г. ему пришлось много выстрадать отъ длительной тяжелой болѣзни. Искѣленіе отъ нея, благодаря счастливой операціи, онъ получилъ незадолго лишь до наступленія своего въ походъ.

Воинскую повинность А. Н. пожелалъ отбывать по жребію. Душою онъ рвался во флотъ, на корабли, отбывающіе на театръ военныхъ дѣйствій. Большого труда стоило удержать его въ И. Т. У-щѣ до полного окончанія курса и сдачи всѣхъ работъ. Онъ готовъ былъ оставить Училище передъ самымъ выпускнымъ экзаменомъ: такъ великъ былъ его страхъ, что „эскадра Рождественскаго уйдетъ безъ него“... Крѣпка еще была въ то время вѣра наша въ силу и могущество русскаго флота!..

И въ Москвѣ, и въ Спб. очень многіе совѣтовали Александру Николаевичу не идти на войну, ставили ему на видъ, что „Русско-Японская война—не идея, не пользуется популярностью въ обществѣ, и что послѣ тяжелыхъ учебныхъ лѣтъ онъ имѣетъ право на отдыхъ“... Никакія заманчивыя перспективы въ этомъ направленіи не поколебали рѣшимости А. Н. На всѣ соблазны и увѣренія, что онъ имѣетъ право пользоваться жизнію и своей молодостію, не принося жертвъ, А. Н., сознавая долгъ гражданина, скромно отвѣчалъ всѣмъ, что тому, кто обязанъ служить, „неудобно сидѣть дома во время войны“...

Кромѣ того, интересуясь механическимъ дѣломъ, А. Н. желалъ использовать представлявшійся ему случай пополнить свои знанія путемъ ознакомленія себя съ судовыми машинами и механизмами. Опасности онъ не боялся, говоря, что будетъ всегда около машинъ,—такъ сказать, въ сердцѣ корабля, защищенномъ болѣе другихъ частей его.

Зачисленный младшимъ механикомъ на броненосецъ „Наваринъ“, А. Н. почувствовалъ сильный приступъ своей хронической болѣзни, которою онъ страдалъ съ дѣтскаго возраста и которая неоднократно посѣщала его и во времена студенчества.

По воинскому уставу, какъ страдавшій аппендицитомъ, А. Н. могъ быть всегда освобожденъ отъ обязанностей по отбыванію воинской повинности; но онъ не пожелалъ воспользоваться этимъ правомъ, взялъ только отпускъ, необходимый для выполненія операціи; а по выздоровленіи тотчасъ же вернулся на мѣсто своего служенія во флотъ.

На броненосцѣ „Наваринъ“, очевидно, не ожидали, что А. Н. скоро вернется туда послѣ своей тяжелой болѣзни, и весь штатъ механиковъ былъ уже снова заполненъ ко времени его возвращенія. Поэтому кому-нибудь надо было уходить, перевестись на другіе корабли, остающіеся въ водахъ внутренняго плаванія. Уходя съ броненосца по жребію выпалъ на долю Александра Николаевича, который однако стремился къ этому менѣе всего и былъ очень сильно огорченъ выпавшимъ ему на долю жребіемъ. Только благодаря содѣйствію командира броненосца, оцѣнившаго порывъ и стремленія

нашего товарища, ему удалось остаться на своемъ мѣстѣ и пойти въ походъ... Судьба указывала ему его роковой путь.

Въ письмѣ его къ одному изъ нашихъ товарищей отъ 20 іюня 1904 г. читаемъ слѣдующее:

„Зачисленъ я на одинъ изъ самыхъ старыхъ броненосцевъ „Наваринъ“... На-дняхъ налетѣлъ на насъ броненосный корабль „Не тронь меня“ и таранилъ намъ корму; появилась течь, придется чиниться... Затонула въ Кронштадтѣ подводная лодка „Дельфинъ“. Шли съ от-

Поручикъ корпуса инженеръ-механиковъ флота.
Александръ Николаевичъ Михайловъ.

† 15 мая 1905 года. †

крытымъ люкомъ; захотѣли немного опуститься въ воду, открыли кингстоны для впуска воды, а люкъ закрыть забыли... Подъ коммерческимъ флагомъ вмѣстѣ съ эскадрою пойдетъ одинъ корабль (слѣдуетъ названіе). На немъ будутъ поселены наши соплавательницы; онѣ будутъ значиться по спискамъ сестрами милосердія... Комплектъ въ 400 человекъ уже весь сформированъ“.

Въ письмѣ его отъ 28 іюня 1904 г., читаемъ: „Недавно былъ такой случай: одинъ изъ крейсеровъ арестовалъ въ морѣ судно подозрительнаго вида, шедшее подъ норвежскимъ флагомъ; оказалось, что это подводная лодка „Protector“, проданная американцами русскому

правительству... Теперь и насъ посылають въ море осматривать подозрительныя суда въ виду „маловѣроятной, но возможной минной атаки противника“, какъ было сказано въ приказѣ“.

Изъ письма отъ 13 августа 1904 г.: „Броненосецъ „Орелъ“ все еще не готовъ; приходится намъ его ждать. Судя по всему, на немъ завелись какіе-то измѣнники. Весною вытащили пробки и онъ затонулъ. Теперь онъ былъ готовъ и хотѣлъ уже идти на пробу машинъ, но во-время замѣтили, что во всѣ подшипники гребного вала были насыпаны наждакъ и мѣдныя опилки, чтобы заставить расплавиться вкладыши и ободратъ валь. Теперь перебирають у него подшипники“...

Далѣе въ томъ же письмѣ слѣдуетъ подробное описаніе „поведенія“ священника, который былъ прикомандированъ къ броненосцу и оказался совершенно не на высотѣ своего сана и своего призванія ¹⁾.

Изъ письма отъ 3 сентября 1904 г.: „Ходили въ Біоркъ. Стояли 2 дня. Ночью была тревога. На ночь были высланы 8 катеровъ охранять входъ въ гавань; на каждомъ было по пушкѣ. На случай нападенія Японцевъ расположились цѣпью, ограждающею входъ въ гавань. Былъ отданъ приказъ—въ гавань никого не пускать. Часы въ 2 ночи на 4-мъ катерѣ замѣтили лайбу подъ парусами; катеръ выстрѣломъ потребовалъ остановки ея. Лайба пустилась на утекъ. Катеръ погнался за ней и началъ по ней палить разрывными снарядами. Темнота и вѣтеръ помогли лайбѣ удрать въ море. Послѣ этого она рассчитывала пробраться въ гавань по берегу, но нарвалась на катеръ № 8; и тотъ началъ по ней палить. Лайба хотѣла опять удрать, но „Д. Донской“ освѣтилъ ее прожекторомъ; и тогда всѣ катеры бросились на нее, окружили и открыли огонь со всѣхъ сторонъ, рискуя попасть въ своихъ. Оказалось, что это—лайба котрабандистовъ. Когда всѣ катеры бросились на лайбу, то Японцы, если бы они были здѣсь на своихъ миноносцахъ, могли смѣло войти въ гавань и надѣлать

¹⁾ Этотъ случай не единственный. То же самое сообщалъ въ своихъ письмахъ нашъ погибшій подъ Цусимую товарищъ А. М. Плѣшковъ о другомъ священникѣ, съ которымъ ему пришлось служить вмѣстѣ на крейсере „Аврора“.

Для 2-го изданія книги одинъ изъ нашихъ товарищей по этому поводу писалъ мнѣ слѣдующее: „Въ такомъ же родѣ былъ священникъ и на „Ослябя“; да и на многихъ другихъ корабляхъ эскадры это дѣло стояло не лучше. Морское министерство придумало очень простую, и въ денежномъ отношеніи не безвыгодную для себя, комбинацію. Оно приглашало къ себѣ на службу монаховъ, нерѣдко малограмотныхъ, въ общемъ довольно грубыхъ, или „сѣрыхъ“, какъ ихъ мѣтко звали во флотѣ. Ихъ приглашали только на время кампаніи, платили имъ рублей 50 въ мѣсяцъ; а кормиться они должны были за счетъ каютъ-кампаніи офицеровъ. Въ своемъ дикомъ разгулѣ и разнузданности нравовъ нѣкоторые изъ этихъ монаховъ шли впереди самыхъ отпѣтыхъ экземпляровъ изъ числа своихъ кормильцевъ и поильцевъ... Счастье—имѣть священника изъ бѣлаго духовенства выпадало на долю только очень немногихъ кораблей; такимъ священникамъ министерству приходилось платить какъ морское довольствіе, такъ и жалованье наравнѣ съ офицерами; монаховъ же по окончаніи кампаніи министерство отсылало обратно въ монастыри. Оттуда при первой возможности они рвались, конечно, опять „на гастроли“ во флотъ. Нѣкоторые изъ этихъ опытныхъ „гастролеровъ“ не стыдились даже устанавливать таксу за требы, скрывая это однако отъ старшаго офицера корабля: за исповѣдь матросовъ за границей они требовали съ нихъ, напр., уплату одного франка по таксѣ и т. п. Нечего и говорить, какое деморализующее воздѣйствіе на команду оказывали такіе „дешевые“ представители духовенства“... П. Х.

бѣдъ. За такой промахъ молодые и неопытные офицеры на катерахъ получили отъ адмирала по фитилю“...

Изъ письма отъ 7 сентября 1904 г.: „Старшій офицеръ сообщилъ намъ сегодня въ каютъ-компаніи, что крейсеръ „Донъ“ пришелъ въ Либаву пораженный миной Уайтхеда въ Балтійскомъ морѣ. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ Японцы поджидаютъ здѣсь нашу эскадру“...

Изъ письма отъ 16 сентября 1904 г.: „Дѣло оказалось проще, Крейсеръ „Донъ“ самъ напоролся на камни... Ходъ у него 20 узловъ: онъ слабѣе другихъ изъ его компаніи, приобрѣтенной у Нѣмцевъ. По общему мнѣнію, эти вспомогательные крейсеры все-таки лучше, чѣмъ наши „Изумрудъ“, „Святлана“ и др. одно только не хорошо, много на нихъ дерева, въ бою надо ждать на нихъ пожаровъ“...

Изъ письма отъ 21 сентября 1904 г., изъ Ревеля:

„Въ моемъ вѣдѣніи находятся между прочимъ ледодѣлательныя машины. Разобрался въ нихъ не сразу; спасибо, помогъ старшій механикъ... Составъ команды у насъ весьма плохъ; такъ и норовятъ какъ бы кого обмануть, какъ бы что стащить, соврать и проч. Не такъ давно двое изъ команды нашего броненосца обругали офицера. Ихъ присудили къ четыремъ годамъ каторги. На судѣ они съ наглостью грубо заявили, что приговоромъ суда они очень довольны, „тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ на войну не идти“... Тогда состоялось новое постановленіе суда, и приговоръ былъ измѣненъ на безсрочную каторгу. Напивки и ленточку съ фуражки у нихъ срывали передъ всѣмъ фронтомъ“...

Въ письмѣ отъ 28 сентября 1904 г. изъ Ревеля читаемъ слѣдующее: „Съ 17-го началось посѣщеніе эскадры Высочайшими особами. Сначала прїѣзжала Государыня-мать Марія Теодоровна, съ нею вмѣстѣ Ксенія Александровна и королева греческая Ольга Константиновна; а 26 былъ смотръ эскадры Государемъ. У насъ на броненосцѣ Онъ милостиво разговаривалъ съ каждымъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и со мной; а затѣмъ Государь обратился къ командѣ съ рѣчью, въ которой выразилъ увѣренность, что наша эскадра сумѣетъ постоять за Отечество и за Него, что наша эскадра будетъ столь же доблестна, какъ и Артурская, и добавилъ, что непременно нужно сломить дерзкаго врага, который первый началъ войну“...

Изъ Па-де-Кале отъ 10 октября 1904 г.: „Плывемъ нельзя сказать, чтобы благополучно... Наканунъ выхода изъ Либавы купеческій пароходъ таранилъ Наваринскій катеръ, разбилъ ему бортъ, и катеръ затонулъ. При переходѣ къ Лангеланду миноносецъ наскочилъ на „Сисоя Великаго“, помялъ себѣ бортъ, но продолжаетъ идти съ нами. Во время стоянки у Лангеланда катеръ у „Жемчуга“ оборвался со шлюпъ-балки и затонулъ. Въ Скагенѣ адмиралъ стрѣлялъ по ледоколу „Ермакъ“ за то, что онъ не сразу отвѣчалъ на сигналъ адмирала... Изъ Скагена вышли спѣшно: вдали были замѣчены 2 воздушныхъ шара, и узнали, что изъ Норвежскихъ бухтъ вышли якобы японскіе миноносцы. Нашъ отрядъ вышелъ первымъ, а на довольно значительномъ разстояніи шли другіе 2 отряда. Черезъ сутки, когда мы были уже уже въ Нѣмецкомъ морѣ, около полуночи „Наваринъ“ поймалъ безпроводнымъ телеграфомъ такую депешу: „Камчатку преслѣдуютъ 8 миноносцевъ“. Всѣ приготовились къ отраженію минной атаки. Вдругъ слышимъ вдали канонаду во 2-мъ отрядѣ; гдѣ-то на горизонтѣ мелькаютъ огни. Черезъ нѣсколько времени аппаратъ поймалъ такую депешу: „Аврора“ получила 4 пробойны; двѣ отъ 47-миллиметровыхъ снарядовъ, одну отъ 75-миллиметрового снаряда, и найдены

осколки 6-дюймового снаряда; раненъ легко комендоръ, и у священника оторвало руку". Выходить, что своя своихъ не познаша, и „Суворовъ“ зальпиль 4-жды въ „Аврору“. Отчего такъ вышло, не знаю, ибо мы все плывемъ и ни съ кѣмъ не сообщаемся“.

Изъ Канеи отъ 6 ноября 1904 года: „Въ Средиземномъ морѣ плыли благополучно и безъ скандаловъ. Когда же пришли въ Суду, то команду съ „Наварина“ гоняли грузить уголь на другіе суда. Матросамъ это казалось весьма обиднымъ; и однажды, когда одинъ прапорщикъ запаса обругалъ ихъ за нерасторопность при погрузкѣ, они отвѣтили ему тѣмъ же. Обиженный такимъ образомъ прапорщикъ донесъ нашему командиру, что его команда отказывается грузить уголь. Команду всю вызвали во фронтъ, и командиръ началъ переписывать тѣхъ, которые якобы отказались грузить уголь. Поднялся всеобщій ропотъ. Командиръ держалъ рѣчь и замѣтилъ одного разговаривающаго матроса. Этимъ обстоятельствомъ командиръ особенно возмутился, вытащилъ матроса впередъ и ударилъ его по уху. Поднялся форменный бунтъ, и въ командира было брошено два камня довольно солидныхъ размѣровъ; но оба пролетѣли мимо. Пробили боевую тревогу, и караулу были выданы боевые патроны и винтовки. Командѣ же было приказано встать всѣмъ по своимъ мѣстамъ. Она медленно расходилась, хотя и кричала, чтобы не расходиться. Когда всѣ встали по мѣстамъ, командиръ обошелъ весь броненосецъ, спрашивая претензіи и разыскивая недовольныхъ. Понятно, такихъ не нашлось“...

Изъ писемъ 20 и 27 ноября 1904 г. изъ Джибути:

„Большіе броненосцы съ Рождественскимъ пошли вокругъ Африки, а нашъ „Наваринъ“ присоединили къ отряду легкихъ крейсеровъ, идущихъ чрезъ Суэцъ.—Стоимъ здѣсь уже болѣе недѣли. „Наваринъ“ вчера устроилъ балъ, на который изъ Джибути были приглашены всѣ французы съ женами и дочерьми (человѣкъ полтораго, среди нихъ около 20 дамъ). Истратили на этотъ балъ около 5000 франковъ... Простоймъ неизвѣстно сколько!“...

„Отъ Крита плывемъ благополучно, и никакихъ недоразумѣній не было, если не считать того, что на о. Критѣ пускали команду на берегъ; упившись виномъ, она вступила въ драку другъ съ другомъ. Какъ разъ въ это время отъ туберкулеза мозга умеръ матросъ „Наварина“, и его хоронили. Въ иностранныхъ газетахъ писали по этому поводу, что пьяная команда русскихъ кораблей безобразничала и передралась, и что одинъ матросъ былъ даже убитъ... Суэцкимъ каналомъ шли все время съ музыкой“...

Изъ Нози-бей отъ 22 декабря 1905 г.: „Рождество придется встрѣтить въ морѣ во время похода; послѣ завтра снимается съ якоря и уходимъ на соединеніе съ Рождественскимъ. Пока онъ огибалъ Африку, мы плыли не торопясь, дѣлая продолжительныя остановки и направляясь къ Діего-Суарецу, какъ того хотѣлъ Рождественскій. Но въ Джибути командующій нашимъ отрядомъ адмиралъ Фелькерзамъ получилъ приказъ отъ Штаба изъ С.-Петербурга, чтобы мы шли на Нози-бей, гдѣ мы и очутились. Между тѣмъ Рождественскій, обогнувши Африку, пришель въ Антонгиль. Думая, что мы въ Діего-Суарецѣ, онъ послалъ туда за нами крейсеръ „Кубань“; но насъ тамъ не было. Наконецъ мы получили отъ Рождественскаго телеграмму: „Идти немедленно въ Антонгиль“. Но это „немедленно“ исполнить было нельзя; уходя пришлось отложить на 4 дня, ибо у многихъ кораблей ремонтировались машины, и нужно было ихъ собрать. Но съ другой сто-

роны, какъ слышно, Японцы приближаются къ намъ во главѣ съ адмираломъ *Того*, и терять времени нельзя. Мѣстное населеніе ожидаетъ боя у береговъ Мадагаскара. Адмиралъ *Того* можетъ напасть на нашъ слабый отрядъ именно въ то время, когда мы пойдемъ, чтобы соединиться съ Рождественскимъ. Что-то будетъ?.. Затѣмъ мы не знаемъ, гдѣ находятся наши крейсера „*Олеги*“ и „*Изумруды*“ съ 8-ю миноносцами. Предполагаемъ, что они идутъ отъ Джибути къ Мадагаскару. Они тоже могутъ нарваться на эскадру *Того*. И все это въ Питерѣ мудрятъ и подводятъ насъ“...

„На Мадагаскарѣ страшная жара. Страдаемъ отъ тропической сыпи на тѣлѣ. Днемъ печетъ, ночью—гроза и дождь проливной. Многіе европейцы заражаются здѣсь лихорадкой, которая уноситъ чело-вѣка въ могилу въ нѣсколько дней. Въ предупрежденіе зараженія принимаемъ ежедневно хину. Изъ насъ пока никто еще не болѣлъ. Капитанъ же французскаго крейсера „*Каприкорнъ*“ умеръ отъ нея въ 4 дня. Растительность здѣсь роскошная. Но при такой богатой фаунѣ островъ буквально кишитъ крокодилами, змѣями, и вообще пресмыкающимися. Ходили гулять въ лѣсъ, и многіе изъ ружей и палками убивали змѣй солидныхъ размѣровъ. При погрузкѣ пива съ берега въ соломѣ навезли на корабль скорпионовъ, но ихъ скоро пере-ловили и перебили“...

Изъ письма отъ 28 и 29 декабря 1904 г. изъ Нози-бэй къ нашимъ товарищамъ: „Офицеры съ „*Авроры*“, „*Донского*“ и „*Нахимова*“ рассказывали про ихъ плаваніе вокругъ Африки. Рождественскій былъ строгъ и требователенъ невообразимо..., но зато и привелъ свою эскадру въ надлежащій примѣрный видъ. Недавно былъ такой случай: съ „*Наварина*“ былъ посланъ катеръ съ порученіями; былъ свѣжій вѣтеръ и приливъ; катеръ занесло на рифы; нашъ командиръ, наблюдавшій за нимъ съ корабля въ бинокль, думалъ, что онъ попалъ на камни, и поэтому поднялъ сигналъ — „прислать паровые катеры на помощь“. Корабли отряда Фелькерзама долго еще разбирали сигналъ, а съ кораблей отряда Рождественскаго въ это время уже успѣли ихъ прислать“...

„Соединеніе отрядовъ на Мадагаскарѣ произошло не безъ инцидентовъ. Фелькерзамъ прошелъ прямо въ Нози-бей, какъ и слѣдовало по маршруту изъ СПб.; а Рождественскій остановился сначала у острова *St.-Mary*, и все ждалъ, что Ф. придетъ къ нему на соединеніе: но тотъ не шелъ. Озлобленіе Рождественскаго было неописуемо. Когда это съ нимъ бываетъ, онъ „выскакиваетъ на палубу, и сперва изъ груди его, какъ у звѣря, вырываются дикіе звуки: У-у-у-у-у!!... или О-о-о-о!!... Присутствующимъ кажется, что этотъ ревъ долженъ быть слышенъ на всей эскадрѣ. А затѣмъ начинается отборная ругань“. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Послали крейсера отыскивать Фелькерзама; тѣ долго его искали и наконецъ нашли спокойнѣе стоящимъ въ Нози-бей, куда и намъ слѣдовало идти. Когда сообщили объ этомъ Р., что тутъ только было... Вцѣпилъ себя руками въ волосы и оралъ грому подобно.....(фразы, неудобныя въ печати)... А все-таки ему надо было идти въ Нози-бей“... Официальная встрѣча адмираловъ была самая умилительная, даже лобызались“...

„Рождественскій за все время плаванія до Мадагаскара не разрѣшалъ сообщенія съ берегомъ. Не пускалъ на берегъ даже ревизора, чтобы размѣнять деньги, такъ что они съ выхода изъ Россіи не получали жалованья. Не пускалъ на берегъ, чтобы купить свѣжей провизіи; и его эскадра два мѣсяца шла на солонинѣ... Сообщеніе съ

кораблями разрѣшалось на стоянкахъ только съ двѣнадцати до часу дня. И вся публика валила тогда на „корабль Иксъ“ (слѣдуетъ названіе) къ сестрамъ милосердія... А то былъ и такой случай. Одна изъ сестеръ милосердія утромъ пріѣхала на „Донской“ завтракать; но пробыла на этомъ кораблѣ не до часу дня, а до часу ночи. Думали незамѣтно перевезти ее потомъ на „корабль Иксъ“ ночью, пока не взошла еще луна, чтобы не увидалъ Рождественскій. Послѣ спуска флага ни одна шлюпка не смѣетъ показать носа безъ разрѣшенія адмирала и безъ особо уважительной причины. У Рождественскаго выбраны сигнальщики съ такимъ удивительно острымъ зрѣніемъ, что въ какую-угодно темную ночь они видятъ все, что дѣлается на эскадрѣ... Ну, и попались молодцы! Не успѣли они пристать къ трапу „корабля Иксъ“, какъ уже тамъ былъ полученъ съ „Суворова“ сигналъ: „арестовать паровой катеръ съ „Донского“ и прислать его ко мнѣ со всѣми, кто тамъ находится“... А было тамъ три офицера: одинъ изъ нихъ сынъ извѣстнаго адмирала... Рождественскій разжаловалъ ихъ въ матросы, отдалъ подъ судъ; и для отбыванія наказанія они будутъ отосланы въ Россію. На другой день командиръ съ „Донского“ пріѣхалъ просить прощенія за своихъ офицеровъ; но адмиралъ его не принималъ. Потомъ поѣхалъ адмиралъ Энkvистъ, который плаваетъ на „Донскомъ“, и добился аудіенціи: по его ходатайству Рождественскій смягчилъ участь провинившихся, удалилъ ихъ со службы безъ мундира и пенсіи; дали имъ денегъ на дорогу на билетъ II класса, но безъ продовольствія“...

„Кто не скоро разбираетъ сигналы въ его отрядѣ, вахтеннаго офицера Рождественскій сажаетъ подъ арестъ на четверо сутокъ. Для броненосцевъ у него свои названія: одного онъ называетъ „идиотомъ“, другого — „горничной“, третьяго — „женщиной легкаго поведения“ и т. д. Такъ и приказы отдаетъ: „поднять сигналъ—прибавить ходу такой-то особѣ“...

„Къ главному морскому штабу у адмирала тоже очень своеобразныя отношенія. Оттуда приходятъ иногда несуразные приказы. Прочитавши одинъ изъ нихъ, адмиралъ изрекъ „словечко“, а отвѣта никакого не далъ. Флагъ-офицеръ приходитъ 2-й разъ за отвѣтомъ. Адмиралъ вторично говоритъ, чтобы отвѣтили тѣмъ же „словечкомъ“, что и ранѣе. Разумѣется, такого отвѣта не посылали. Штабъ шесть разъ спрашивалъ объ одномъ и томъ же, но отвѣта такъ и не получилъ“...

Изъ Нози-бея въ письмѣ къ родителямъ отъ 21 января 1905 г. Александръ Николаевичъ сообщилъ имъ, что онъ только что теперь наконецъ получилъ *первое письмо* отъ нихъ.

„Въ свободное время занимаюсь изученіемъ французскаго языка и электротехники. На-дняхъ свободно сдѣлалъ переводъ интересной статьи изъ газеты „*Matin*“; въ ней описана обстановка засѣданія Совѣта Министровъ, состоявшагося въ Царскомъ Селѣ 15 декабря 1904 г. подъ предсѣдательствомъ Государя, и подробно передано содержаніе всѣхъ рѣчей, которыя были произнесены *за* и *противъ* манифеста, якобы заготовленнаго ко дню рожденія Государя и поставленнаго въ тѣсную связь съ охватившимъ Россію движеніемъ“...

„Рождественскій продолжаетъ подтягивать всѣхъ на эскадрѣ. Въ минуты его наивысшей свирѣпости на рейдѣ все притихаетъ, и слышенъ лишь одинъ властный голосъ адмирала“...

„На-дняхъ ходили въ море на стрѣльбу. Въ машинномъ помѣщеніи было слишкомъ 40°Р; воздухъ пропитанъ былъ парами горѣлаго масла и пылью угля до такой степени, что я, стоя на вахтѣ въ

машинѣ, чуть было не потерялъ сознание. Мнѣ казалось, что нечѣмъ было дышать“...

Изъ Нози-бея отъ 28 января 1905 г.: „Адмиралъ началъ производить маневры. Шли кильватерной колонной; данъ былъ сигналъ— повернуть на 8 румбовъ вправо, и получилось такое безобразіе, что теперь Рождественскій началъ ходить на ученье чуть не ежедневно и добился болѣе или менѣе хорошихъ результатовъ. Рождественскій, все-таки человѣкъ рѣшительный и умный; а вотъ если онъ погибнетъ въ бою съ Японцами, тогда мы останемся безъ руководителя, ибо два другихъ адмирала посланы не изъ-за боевыхъ способностей... Не повторилось бы того же самого, что было послѣ смерти Витгефта... Капитану Кладу на эскадрѣ всѣ сочувствуютъ и посылаютъ ему привѣтственные телеграммы... На „Нахимовѣ“ повторилась исторія въ родѣ той, какая у насъ была въ Судѣ. Только результатъ другой: у насъ все дѣло предали забвенію, и здѣсь двоихъ арестовали и приговорили къ разстрѣлу... Сегодня адмиралъ арестовалъ весь броненосецъ „Бородино“ за то, что на маневрахъ тотъ отказался дать ходъ болѣе 11-ти узловъ. А откуда онъ ихъ возьметъ?.. Этого не хочетъ понять нашъ „большой баринъ“...

Изъ Гельвиля отъ 2 марта 1905 года: „Завтра мы уходимъ въ походъ, и въ морѣ пробудемъ 36 дней, какъ объ этомъ сегодня объявилъ намъ командиръ. Куда идемъ—неизвѣстно. Знаемъ только, что къ Японіи... Лихорадками на эскадрѣ переболѣли почти всѣ офицеры, за небольшимъ исключеніемъ; я не болѣлъ, и вообще послѣ операціи аппендицита всѣ болѣзни какъ рукой сняло“.

Изъ бухты Ванъ-Фонгъ отъ 10 апрѣля 1905 г.: „Христосъ Воскресе! Вотъ уже 3 недѣли какъ мы пришли въ Китайское море и мычемся по нему подобно летучему Голландцу; заходимъ по временамъ во французскія гавани; гдѣ простоишь нѣсколько дней, туда является французскій крейсеръ или миноносецъ и предъявляетъ намъ требование, чтобы въ силу нейтралитета мы уходили оттуда; мы идемъ въ сосѣднюю бухту и т. д. Противъ такого образа дѣйствій Французы ничего не имѣютъ“...

„По выходѣ съ Мадагаскара совершили походъ большой трудности, такъ какъ грузиться углемъ приходилось въ открытомъ морѣ при волнѣ. Кромѣ того, мы шесть мѣсяцевъ имѣли солнце въ зенитѣ; по тѣлу у всѣхъ пошла тропическая сыпь; теперь начали страдать ею почти всѣ поголовно... Рождественскій у насъ безъ особыхъ затрудненій и быстро устраняетъ всѣ недоразумѣнія на эскадрѣ. Надняхъ команда одного броненосца попробовала было выразить неудовольствіе; но Рождественскій сумѣлъ всѣхъ ихъ такъ осадить, начиная съ матросовъ и кончая командиромъ, что болѣе такихъ случаевъ не повторялось; и порядокъ теперь на эскадрѣ примѣрный. Все исполняется быстро и хорошо. Кромѣ того, онъ внушилъ всѣмъ намъ, что мы разобьемъ Японцевъ... У насъ занемогъ одинъ инженеръ-механикъ, его отвезли на госпитальное судно. Почти вся его часть перешла въ вѣдѣніе ко мнѣ; работы на много прибавилось, чему я весьма радъ. Одно лишь не особенно пріятно—это изъ кочегарки, гдѣ я буду во время боя, всѣ выходы задраиваются желѣзными дверями и запираются снаружи“.

Послѣднее письмо Александра Николаевича къ родителямъ—безъ даты; оно все покрыто налетомъ каменноугольной пыли:

„Ваши письма отъ 20 и 30 января получили 29 апрѣля. Ихъ привезла эскадра Небогатова. Но отослать отвѣтъ представляется слу-

чай только теперь. Мы находимся сейчасъ близъ острова Формоза и грузимся въ морѣ съ транспортовъ углемъ; послѣ этого транспорты отправятъ въ Шанхай, и вотъ это письмо я отдамъ на одинъ изъ нихъ... Существуетъ предположеніе, что пройдемъ во Владивостокъ безъ боя, такъ какъ Японцы будто бы не хотятъ его... Но адмиралъ утверждаетъ, что бой будетъ! До сего дня никакихъ столкновеній не было... Отъ Мадагаскара переходъ былъ очень трудный. Изводили насъ главнымъ образомъ погрузка угля въ открытомъ морѣ и тропическая жара... Пасхальную ночь провели на якорѣ во французской бухтѣ Ванъ-Фонгъ; оттуда насъ вышибъ французскій адмиралъ, пришедшій на крейсерѣ, ибо Японцы чуть ли не ультиматумъ поставили Французамъ—или насъ вышибить или за нихъ заступится по договору Англія. Мы тогда ушли въ другую бухту посѣвернѣе, но чрезъ три дня и оттуда насъ вышибли. Мы ушли въ море, поболтались дня два около берега; а потомъ, когда французскій крейсеръ ушелъ, мы опять вошли въ бухту и встали на якорь. Теперь, соединившись съ Небогатовымъ, пошли во Владивостокъ. Письмо грязное отъ того, что идетъ погрузка угля и на кораблѣ нѣтъ мѣста, на которое не сыпала бы угольная пыль“...

Это было послѣднее письмо Александра Николаевича, написанное всего за нѣсколько дней передъ Цусимскимъ боемъ, но полученное отцомъ его уже спустя два мѣсяца послѣ этого злосчастнаго сраженія.

Справка, которая была выдана изъ главнаго морского штаба только 4-го іюля 1905 г., гласила слѣдующее:

„Корпуса Инженеръ-Механиковъ поручикъ Александръ Михайловъ считается погибшимъ вмѣстѣ со всѣмъ личнымъ составомъ броненосца „Наваринъ“.

Краткія извѣстія о послѣднемъ днѣ жизни Александра Николаевича удалось получить его родителямъ отъ матроса Сѣдова, работавшаго на „Наваринѣ“ и выловленнаго Японцами изъ воды 15 мая въ единственномъ числѣ... Въ этомъ письмѣ Сѣдовъ выражаетъ, что „отношенія Александра Николаевича къ нижнимъ чинамъ были самыя безукоризненныя; онъ велъ себя просто, не заносился, старался сблизиться со своими подчиненными и за это пользовался отъ всѣхъ матросовъ общимъ уваженіемъ и любовію“...

Отправленный на войну съ плохими котлами, престарѣлый броненосецъ „Наваринъ“, на которомъ работалъ А. Н., въ бою 14 мая шелъ все-таки не хуже другихъ тихоходовъ. Въ началѣ боя ему было дано 7-е мѣсто, чрезъ 2 часа ему пришлось идти уже на 4-мѣ мѣстѣ, а въ началѣ седьмого часа вечера передъ гибелью „Бородино“ онъ занималъ 3-е мѣсто, т.-е. шелъ сейчасъ же за „Орломъ“; изъ строя не выходилъ, броня пробита у него не была.

Къ великому несчастію, передъ ночью у „Наварина“ лопнула паровая труба и Японцы разбили ему дымовую трубу; пришлось вывести изъ строя три котла; ходъ убавился. „Наваринъ“ быстро началъ отставать, остался одинъ и былъ атакованъ цѣлымъ отрядомъ миноносцевъ; 1-я мина попала ему въ корму, но онъ все продолжалъ еще идти. До 2 час. ночи онъ успѣлъ получить еще три мины, положеніе его сдѣлалось совершенно безнадежнымъ; и весь личный составъ корабля переживалъ тяжелыя минуты сознанія, что корабль сейчасъ долженъ погибнуть. Командиръ и старшій артиллерійскій офицеръ были серьезно ранены. Передъ разставаньемъ вся семья собралась, чтобы проститься и приготовиться къ мученической кончинѣ за

Царя и родину, такъ какъ спасательныхъ средствъ никакихъ уже не было; все или сгорѣло, или было испорчено... Офицеры братски перецѣловались съ выстроившейся командой... Корабль между тѣмъ неудержимо погружался въ воду. Спасался, кто могъ и какъ могъ. Команда начала бросаться въ воду. Во мракѣ ночи раздавались голоса погибавшихъ... За одну деревянную крышку ящика изъ-подъ талей ухватилось восемь человѣкъ; но скоро ихъ стало уже шестеро потомъ четверо; а къ утру осталось только двое, остальные ослабли и отпали... Этихъ двоихъ подобралъ англійскій корабль и доставилъ въ Шанхай. Ночью же Японцы разстрѣливали всѣхъ, кто съ „Наварина“ бросался въ воду и, держась на ней, голосомъ обнаруживалъ свое мѣстонахождение²⁾.

Съ броненосца „Наваринъ“ чудомъ спаслось всего трое матросовъ; весь же остальной персоналъ погибъ. Среди этихъ погибшихъ былъ и Александръ Николаевичъ...

Убитый горемъ отецъ нашего товарища заканчиваетъ свое послѣднее письмо ко мнѣ слѣдующими словами:

„Вѣчная память погибшимъ... Итакъ, свершилось... Свершилось безпримѣрное, неслыханное, ужаснѣйшее событіе. Прокатилось оно по всей Россіи широкой волной слезъ и горя. Пали невинныя жертвы чужой вины. Гдѣ же безсердечные виновники гибели этихъ невинныхъ жертвъ? Они до сихъ поръ остаются безнаказанными. Они, можетъ быть, благодушествуютъ и не чувствуютъ угрызений давно потерянной ими совѣсти. Но ихъ знаетъ русскій народъ. Онъ заклеить ихъ своимъ презрѣніемъ на вѣчныя времена. А героевъ, сложившихъ свои головы за родную страну, онъ увѣковѣчитъ въ своихъ пѣсняхъ; и долго-долго на Руси баяны будутъ воспѣвать ихъ доблестныя подвиги“...

Приведемъ здѣсь одну изъ весьма многочисленныхъ этихъ пѣсенъ³⁾.

Вкругъ Африки мрачной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты,
Окрашены въ цвѣтъ боевой,
И жерлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно безмолвны они, какъ гробницы:
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижныѣ статуи угрюмые люди
Стоять у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...
— „Погибель вѣрна впереди,
И тѣ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,—
Безъ сердца въ желѣзной груди!“...
„Мы—жертвы... Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ“...
Но бѣгъ искупленія часъ—

²⁾ „Нов. Вр.“, 1905, №№ 10.560 и 10.619.

³⁾ Она принадлежитъ Якубовичу (Меньшину) и была напечатана въ журналѣ „Русское Богатство“, 1905 г., № 6, подъ названіемъ „Послѣдняя жертва“.

И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
„О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,
Но если такъ нужно, возьми наши жизни...
Впередъ, на гибель, впередъ!“...
И вотъ зашумѣли восточныя воды.
Сѣдой буревѣстникъ кричить.....
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ.....
„Не флотъ ли Артура?.. Взгляни: *Петропавловскъ,*
Полтава, Побѣда, Баянъ...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ навстрѣчу,
Салютъ отдаетъ „*Ретвизанъ*“...“

Безумная грѣза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ;
Въ развалинахъ дымящихъ, кровавою раной
Зияетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
— Смѣлѣе жъ направо! Впередъ
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы,
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!
— „Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь Свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится—
Врага поразимъ мы въ бою!“—

Свершилось!.. На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленіи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули.....
Ни стопа, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...
Но бурю вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна—
И кличемъ могучимъ: „Довольно!“ отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ.... Она у порога—
Свобода родимой земли!.....“

Добавленія,

сдѣланныя во время печатанія 2-го изданія книги.

Часть матеріала, освѣщающаго дѣйствіе личнаго состава флота и дѣятелей морского вѣдомства передъ войною, мнѣ удалось получить уже тогда только, когда значительная часть книги во 2-мъ ея изданіи была отпечатана. Не желая откладывать этотъ матеріалъ до 3-го изданія, кромѣ тѣхъ добавленій, которыя заблаговременно были введены мною при 2-мъ изданіи книги во всѣ ея отдѣлы и главы, я печатаю теперь же и это особое добавленіе, указывая мѣстами тѣ страницы предыдущаго текста, къ которымъ эти добавленія ближе всего относятся.

О личномъ составѣ флота довольно интересный матеріалъ былъ собранъ генераломъ И. И. Филипенко. Въ сыромъ видѣ этотъ матеріалъ въ видѣ ряда отдѣльныхъ газетныхъ статей былъ напечатанъ въ „Крымскомъ Вѣстникѣ“ въ концѣ 1904 г. и въ началѣ 1905 г., т.-е. въ самый разгаръ нашей морской войны съ Японіей. Затѣмъ всѣ эти статьи были собраны воедино и безъ переработки были выпущены въ свѣтъ въ видѣ двухъ небольшихъ брошюръ подъ названіемъ „Къ вопросу организаціи корпуса флотскихъ инженеровъ“. Кромѣ матеріала, позаимствованнаго мною изъ этихъ брошюръ, въ составъ этой дополнительной главы входятъ у меня и другія данныя, которыя по времени ихъ поступленія ко мнѣ было уже поздно включать въ основной текстъ книги 2-го изданія.

И. И. Филипенко въ своихъ замѣткахъ о личномъ составѣ флота приводитъ между прочимъ въ большемъ числѣ выписки изъ цѣлаго ряда приказовъ по Черноморскому флоту, отданныхъ главнымъ командиромъ флота послѣ его морскихъ маневровъ. Каждый такой приказъ является какъ бы въ родѣ экзаменнаго листа для отдѣльныхъ кораблей и группъ ихъ. Эти экзаменные листы наглядно показываютъ, какъ шло обученіе, и въ чемъ были его недостатки. А т. к. эти приказы относятся ко времени начала нашей морской войны съ Японіей, поэтому они отлично характеризуютъ тогдашнее состояніе нашего флота. Отмѣченное здѣсь въ кавычкахъ—подлинныя слова приказовъ.

Изъ приказа № 852 въ 1904 году:—„Ежели мы, военные моряки, не будемъ вносить въ свое дѣло любовь и душу, то обратимся въ простую морскую милицію, которая, конечно, никоимъ образомъ не будетъ въ состояніи бороться съ врагомъ, одухотворившимъ свое обученіе духомъ боевой жажды и желаніемъ довести его до совершенства“...

„Вѣдь до командованія даже самымъ малымъ судномъ офицеръ стоитъ вахты—не менѣе 12—15 лѣтъ; сколько же онъ долженъ пере-
видѣть за это время, какъ долженъ обогатиться опытомъ. Между тѣмъ
въ первые дни маневровъ большинство судовъ управлялось совер-
шенно неудовлетворительно“...

„Въ теченіе трехнедѣльнаго маневрированія въ морѣ, а также
при постановкахъ на якорь, при постановкѣ сторожевыхъ цѣпей и
прочихъ дѣйствій флота нельзя было не усмотрѣть, что не у всего
личнаго состава инициатива и самостоятельность, основанная на хоро-
шемъ опытѣ, развита въ должной мѣрѣ. На все требуются подроб-
ныя инструкціи, указанія до мельчайшихъ подробностей. Исполняется
все по столько, по сколько было указано, да и то по формѣ только,
а не въ блестящемъ выполненіи; исполняется какъ бы примѣрно, какъ
прежде производились примѣрные заряженія орудій. Между тѣмъ
всякій же долженъ знать, что на войнѣ не будетъ ни расписаній, въ
какой моментъ что дѣлать, ни диспозицій непріятеля или своихъ,
заблаговременно составленныхъ. Далѣе обнаружилось, что флотъ,
состоявшій изъ 40 судовъ, не обнаружилъ въ общей совокупности
стройности въ движеніяхъ“...

„Очень многихъ совершенно не смущало, что ихъ суда вмѣсто
строга изображали толпу; а эскадренные броненосцы однажды изобразили
какой-то хороводъ, уйдя отъ своего мѣста въ сторону по крайней
мѣрѣ на милю при пяти узлахъ хода; на ночь суда флота растяну-
лись на три мили вмѣсто строя всего на одну милю длины... Мино-
носецъ № 273 за ночь скрылся отъ флота; пришлось посылать крей-
серъ искать его; а онъ оказался въ гавани въ Ялтѣ; ему не попра-
вилось ночью въ свѣжую погоду держаться съ флотомъ на морѣ...
Два другіе миноносца тоже самовольно ушли въ Ялту послѣ атаки
флота, не дождавшись распоряженій своего флагмана; ему пришлось
ихъ искать, а они оказались спокойно стоящими въ гавани“...

Въ одномъ изъ приказовъ по Черноморскому флоту главный ко-
мандиръ отмѣчалъ, что въ продолженіе годичнаго пребыванія, за гра-
ницей молодые офицеры не занимались штурманскою частью по по-
ложенію и что командиръ судна объяснялъ это „особыми личными
отношеніями офицеровъ къ старшему штурману“...

А въ другомъ приказѣ (№ 1202 за 1904 г.) было отмѣчено, что
существующая отчетность по приему и сдачѣ огнестрѣльнаго оружія
допускала возможность злоупотребленій и притомъ такихъ, что „не-
возможно въ иныхъ случаяхъ открыть злоупотребленія“...

Въ приказѣ № 1193 за 1904 годъ содержались такія данныя:

На броненосцѣ были поставлены резиновыя прокладки на всѣ
водонепроницаемые люки, двери, горловины и пр. Когда броненосецъ
былъ изготовленъ къ плаванію, резина оказалась частію попорченной,
частію пропавшей. Было возбуждено слѣдствіе; на немъ корабельный
инженеръ адмиралтейства заявилъ, что по окончаніи своего дѣла
онъ не считаетъ себя отвѣтственнымъ за пропажу резины, т. к. у бро-
неносца имѣется начальство, отвѣтственное за сохранность имущества
на броненосцѣ. Командиръ же броненосца въ свою очередь оправды-
вался тѣмъ, что резина формально не была передана въ вѣдѣніе его.
Главный командиръ по этому случаю замѣчаетъ въ приказѣ:—„При-
ходится первый разъ слышать, что командиръ судна не считаетъ се-
бя отвѣтственнымъ за сохранность имущества, хотя въ то же время
у него въ вѣдѣніи находятся всѣ органы управленія имъ: содержа-

тели, офицеры и команда, при чемъ они получаютъ специальную прибавку къ жалованью за сохраненіе“...

Не буду приводить здѣсь всѣхъ другихъ курьезныхъ приказовъ по флоту, собранныхъ и опубликованныхъ генераломъ Филипенко; ограничусь только сообщеніемъ вывода, который онъ дѣлаетъ на основаніи этого матеріала, „подтверждающаго съ полной ясностью, что въ нашемъ флотѣ не только не имѣлось достаточныхъ и широко распространенныхъ знаній технического свойства, но, — что еще болѣе изумительно, въ плотъ и кровь личнаго состава флота не вошли даже и самыя элементарныя требованія вообще военной службы, чего никогда не замѣчалось въ прежнемъ парусномъ флотѣ“...

Добавленіе къ началу стран. 8.—Нашъ флотъ представлялъ собою какую-то Калифорнію, изъ которой неизсякаемо струилось золото: тамъ можно было найти оклады офицерскимъ чинамъ, особенно старшихъ ранговъ, нигдѣ больше невиданные; тамъ въ изобиліи были и должности, представлявшія собою покойную и доходную синекуру безъ всякихъ хлопотъ и обязанностей; тамъ были и адмиралы, жившіе у себя въ порту совершенно такъ, какъ помѣщики въ своей вотчинѣ; тамъ существовали колоссальной стоимости магазины и склады съ имуществомъ, то сгорающимъ, по приходящимъ въ негодность... (см. „Нов. Вр.“ 1906 г., № 10.923).

Добавленіе къ той же стран. 8—по поводу специальныхъ учебныхъ заведеній морского вѣдомства.—Относительно необходимости реформъ морского образованія еще въ 1900 г. была подана въ морское министерство подробная записка А. И. Пароменскаго; но она была удостоена только надписи—„хранить при дѣлахъ штаба“... (Заявлено въ засѣданіи Имп. Рус. Тх. О-ва, см. „Нов. Вр.“, 1905 г. № 10.430).

Добавленіе къ стран. 10, къ сноскѣ 3-й. Еще въ 1902 г. баронъ von Brüggen за границей писалъ о Россіи, что на Д. Востокѣ она работаетъ не для себя, а для другихъ—Китайцевъ, Японцевъ, Корейцевъ, Американцевъ, и что эта политика обходится Россіи до 60 милліоновъ въ годъ (см. „Русск. Богат“, 1905, № 9, письма изъ Англіи).

Добавленіе къ стран. 14-й передъ словами—„Оккупация Манчжурии...—За послѣднюю четверть вѣка передъ войной съ Японіей на флотъ было израсходовано въ Россіи болѣе полтора милліарда рублей, но израсходовано безъ опредѣленнаго плана, который оправдывался бы жизненными задачами государства. Съ 80-хъ годовъ по 1895 г. нашей задачей было достиженіе господства въ Балтійскомъ морѣ, обезпеченіе защиты своихъ береговъ; а когда это было достигнуто, тогда у насъ искусственно была выдвинута на первый планъ новая задача—образованіе Тихо-океанской эскадры и созданіе морского владычества Россіи на Д. Востокѣ. Съ 1895 г. начали смотрѣть у насъ на Балтійскій флотъ, какъ на простой резервъ для Тихо-океанской эскадры, и оставляли иногда въ Балтійскомъ морѣ такой слабый составъ современныхъ боевыхъ судовъ, котораго было бы недостаточно для защиты нашихъ береговъ въ случаѣ войны не только съ Германіей, но даже и со Швеціей... На Черномъ морѣ у насъ также еще нѣтъ и до сихъ поръ планомѣрно законченнаго судостроительства. Программы морского судостроенія въ Россіи передъ войною все время мѣнялись, напоминая собою извѣстную погоню „за двумя зайцами“; мы сдѣлали усовершенствованіе, только увеличивши число „зайцевъ“... Создавая

свой военный флотъ, страна была вынуждена нести на себѣ рѣшительно непосильное ей бремя, а для самозащиты ей приходилось довольствоваться главнымъ образомъ содѣйствіемъ дипломатіи...

Добавленіе къ стран. 17. Эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ“ былъ спущенъ на воду въ 1901 г., строился въ Тулонѣ; водоизмѣщеніе 13.000 *tn*; постройка и вооруженіе обошлись болѣе 12.600.000 р.

Эскадренный броненосецъ „Ретвизанъ“ былъ спущенъ въ 1900 г., строился въ Финляндіи; водоизмѣщеніе 13.000 *tn*; постройка и вооруженіе обошлись около 11 милліоновъ рублей.

Крейсеръ I ранга „Паллада“ строился казеннымъ адмиралтействомъ, былъ спущенъ въ 1899 г.; водоизмѣщеніе 6730 *tn*; постройка и вооруженіе обошлись болѣе 5.726.000 руб.

Добавленіе къ стран. 19.—Крейсеръ II ранга „Новикъ“ былъ построенъ въ 1900 году заводомъ Шихау; водоизмѣщеніе 3080 *tn*; вооруженіе изъ 6 пушекъ по 120 мм.; стоимость постройки и вооруженія 3.150.000 руб.

Дополненіе къ сноскѣ 29-й по стран. 23. По поводу „цензовыхъ гастролей“ личнаго состава И. И. Филипенко сообщаетъ, что морской цензъ былъ введенъ у насъ адм. Чихачевымъ, бывшимъ морскимъ министромъ, который продолжаетъ получать жалованье по этой должности и по нынѣ. А передъ этимъ „можно было дослуживаться до морскихъ капитановъ и даже адмираловъ, плавая не по морямъ, а по сухопутью, въ разныхъ канцеляріяхъ, комитетахъ и въ профессурѣ“... Не велико благополучіе, если теперь при существованіи ценза по прежнему можно не знать кораблей, не знать морского дѣла во всей его совокупности. Для страны существенная разница выходитъ въ томъ только, что это нѣвѣстнее незнаніе является для нея дорого оплаченнымъ подъемными, суточными, морскимъ довольствіемъ и т. д.

Добавленіе къ сноскѣ 45-й на стран. 27. Если ремонтъ судового механизма долженъ быть произведенъ механическими средствами русскаго порта, въ такомъ случаѣ это дѣло бываетъ обставлено весьма любопытной бумажной волокитой. Она происходитъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ (см. журналъ *Море и его жизнь*, 1904 г., № 2, стр. 93):

1. Старшій механикъ подаетъ рапортъ о поврежденіяхъ командиру судна.

2. Командиръ судна, буде найдетъ исправленіе поврежденій необходимымъ, передаетъ рапортъ командиру порта.

3. Отъ командира порта этотъ рапортъ идетъ „для отзѣва“ къ портовому инженеръ-механику.

4. Получивши этотъ „отзѣвъ“, рапортъ возвращается обратно къ командиру порта.

5. Отсюда рапортъ пересылается въ „нарядный столъ“ къ технику для отдачи нарядовъ.

6. Техникъ составляетъ наряды и отсылаетъ ихъ въ канцелярію къ портовому инженеръ-механику.

7. Просмотрѣвъ и утвердивъ наряды, портовой инженеръ-механикъ, разсылаетъ талоны въ отдѣльныя мастерскія.

Только послѣ продѣлки всей этой канители портъ имѣетъ право приступить къ работамъ по исправленію поврежденій. На языкѣ чиновниковъ это называется „нарядъ выходитъ“, хотя правильнѣе было

бы выражаться, „нарядъ выползаетъ“, медленно выползаетъ, задерживаясь въ каждомъ „входящемъ“ столѣ, въ каждомъ „исходящемъ“ и на пути между ними. Вся эта канитель съ перепиской длится *нерѣдко недѣли двѣ*, когда послѣ этого на исправленіе самого поврежденія потребуется, можетъ быть, не больше *двухъ дней*...

Кого можно увѣрить, что вся эта канцелярщина, все это бумажное дѣло ведется для соблюденія пресловутой „экономіи“, для предупрежденія, а не для разведенія злоупотребленій. Прочитавши переданную выше исторію „выползанія наряда“, можно подумать, что военные суда у насъ заведены для поддержанія дѣятельности портовъ, въ жизни которыхъ бумажная дѣятельность играетъ всегда такую видную роль. По смыслу учредителя эта роль должна была бы быть контролирующей, направляющей и упорядочивающей дѣло, а въ рукахъ бездарныхъ и нерадивыхъ людей легко можетъ произойти искаженіе этой роли и обращеніе ея въ задерживающую дѣло, его запутывающую, позволяющую гнѣздиться въ этихъ извилинахъ разнаго рода злоупотребленіямъ, нигдѣ и никогда не ведущихъ къ экономіи.

Остается добавить къ этому, что командиромъ порта, главную часть котораго составляетъ, конечно, не канцелярія, а громадный механическій, а иногда и судостроительный заводъ, является обыкновенно *адмиралъ*, а не инженеръ. Можно представить себѣ компетенцію такого командира порта при рѣшеніи техническихъ вопросовъ, касающихся новѣйшихъ судовыхъ механизмовъ на современныхъ военныхъ судахъ, механизмовъ, съ которыми, легко можетъ случиться, онъ совершенно не знакомъ и вовсе не можетъ оцѣнить всей важности производства основательнаго и своевременнаго ремонта.

Техническая подготовка личнаго персонала во флотѣ должна быть доведена въ будущемъ до такой высокой степени, чтобы адмиралы и командиры могли проявлять обоснованную самостоятельность въ своихъ техническихъ сужденіяхъ, чтобы они могли быть внѣ зависимости при постройкахъ и заказахъ отъ разныхъ комитетскихъ специалистовъ и механиковъ частныхъ заводовъ.

Дополненіе къ стран. 30-й по вопросу о томъ, что Россія была совсѣмъ не морской державой.—Это глубоко вѣрно. Въ современномъ военномъ флотѣ обязательно самое полное и всестороннее использование всѣхъ новостей въ области примѣненія пара, электричества, сжатого воздуха, оптики, технологии взрывныхъ веществъ и т. п. Поэтому *личный составъ флота обязательно долженъ быть отборнымъ и въ умственномъ отношеніи, и въ физическомъ*; а у насъ была допущена и кастовая организація личнаго состава флота, и широкое пополненіе его отбросами касты, по протекціи и подъ давленіемъ бюрократическихъ сферъ. Пока это не будетъ окончательно уничтожено, никакія реформы въ нашемъ морскомъ вѣдомствѣ, никакія его мѣропріятія не дадутъ государству такого флота, на который можно было бы твердо опереться, когда это будетъ нужно для страны. А затѣмъ когда будетъ уничтожена кастовая организація, на высшія должности надо продвигать такія рабочія силы, которыя обладаютъ наибольшей суммой теоретическихъ и практическихъ знаній и не по одной специальности, а по возможно большому числу ихъ, не исключая и механическаго дѣла вообще. Эта разносторонность личнаго опыта вызывается нынѣ особыми условіями современнаго боя, когда требуется примѣненіе самой широкой возможности замѣны одного специалиста дру-

гимъ, хотя бы работавшимъ временно и въ другой области. Развивая эту мысль въ своемъ докладѣ IV-му Отд. Импер. Рус. Тѣх. О-ва, генералъ И. И. Филипенко въ 1905 г. высказалъ слѣдующія основныя положенія: 1) надо широко открыть доступъ въ офицеры флота изъ всѣхъ сословій, широко использовавши для этого питомцевъ нашихъ высшихъ техническихъ школъ; 2) надо ввести единство морской офицерской службы безъ раздѣленія ея на специальности (артиллеристовъ, минёровъ, штурмановъ, механиковъ); 3) надо уничтожить обособленіе механиковъ по правамъ, мундиру и преимуществамъ, такъ какъ это обособленіе и вредно для службы, и несправедливо съ точки зрѣнія всей совокупности фактовъ, которые выяснила послѣдняя морская война.

Относительно кастовой организаціи въ морскомъ вѣдомствѣ И. И. Филипенко дѣлаетъ замѣчаніе, что славныя имена въ русскомъ военномъ флотѣ не всегда принадлежали дворянамъ по происхожденію; такъ, напр., адмиралъ *Григорій Бутаковъ* былъ изъ финляндцевъ, вице-адмиралъ *Шанцъ* вышелъ изъ финскихъ шкиперовъ; славныя адмиралы наши *Лазаревъ* и *Макаровъ* происходили также не изъ дворянскихъ фамилій, морской артиллерійскій генералъ *Пестичъ*—также.

Дополненіе къ стр. 48-й.—Въ культурныхъ странахъ при разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ первой важности, въ томъ числѣ и вопроса объ ассигнованіи средствъ на флотъ, всегда принимаетъ участіе почти вся просвѣщенная часть населенія, обсуждая эти вопросы въ прессѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и т. п.; тогда правительство получаетъ въ свое распоряженіе всѣ свѣдѣнія, всесторонне освѣщенныя свѣдующими людьми, въ дополненіе къ донесеніямъ канцелярій и комитетовъ. Японіи понадобилось сначала 30-лѣтняя предварительная работа, чтобы привести страну въ культурный видъ, пересадить въ нее плоды европейскаго просвѣщенія и передѣлать основы ея государственнаго устройства на европейскій ладъ. А выполнивши все это, Японія въ короткій сравнительно срокъ блестяще затѣмъ осуществила и созданіе своего сильнаго военнаго флота при весьма экономномъ расходованіи народныхъ средствъ. Точно также и въ З. Европѣ, гдѣ существуетъ и свобода печати, и фактический контроль надъ расходованіемъ ассигнуемыхъ государствомъ суммъ, всѣ траты на флотъ ведутся болѣе производительно. Тамъ невозможно было бы, напр., то полнѣйшее незнакомство моряковъ съ практическими способами приѣмки каменнаго угля и съ научными способами изслѣдованія его, которое выяснилось во время знаменитаго угольнаго процесса въ Севастополѣ при главномъ командирѣ адм. Копытовѣ; тамъ невозможно было бы также выступленіе лицъ, вовсе не свѣдующихъ въ техническомъ дѣлѣ, въ роли начальниковъ и помощниковъ ихъ, стоящихъ во главѣ адмиралтействъ, во главѣ различныхъ комиссій техническаго характера и т. п.

Дополненіе къ сноскѣ 2-й на стр. 53. — Усиленно создавая флотилію изъ крейсеровъ, Россія ставила себѣ тогда задачу—крейсерскими операціями имѣть возможность при случаѣ подорвать морское могущество Англіи и ея торговлю. Для этой цѣли на протяженіи почти двухъ десятилѣтій у насъ строились крейсера, которые могли бы носить на себѣ большіе запасы угля и свободно уходить отъ преслѣдованія англійскихъ броненосцевъ. Но пока мы осуществляли эту фантастическую программу, скорость хода у англійскихъ броненосцевъ

была сильно повышена, и тѣмъ самымъ всѣ эти наши затѣи были парализованы навсегда.

Выше на стр. 61, 109 и друг. упоминается о плохомъ состояніи котловъ на нѣкоторыхъ нашихъ броненосцахъ. Здѣсь надо отмѣтить, что стоимость всей котельной установки на современномъ эскадренномъ броненосцѣ доходитъ до милліона рублей и болѣе, и заботы объ исправности котловъ на кораблѣ *должны были бы* стоять на первомъ планѣ; но дѣйствительность у насъ часто не оправдывала этихъ ожиданій. На коммерческихъ судахъ паровые котлы служатъ до 15 и болѣе лѣтъ при непрерывной работѣ въ теченіе цѣлаго года; а въ военномъ флотѣ до капитальнаго ремонта котлы нерѣдко служатъ только какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ при работѣ ихъ только въ теченіе лѣтнихъ 4-хъ мѣсяцевъ, когда подъ нормальнымъ давленіемъ пара имъ приходится быть въ общей сложности около 10 полныхъ сутокъ. За то бывали у насъ и такіе примѣры, что всѣ котлы на броненосцѣ сжигались въ одинъ рейсъ, благодаря особенно нелѣпнымъ притязаніямъ на развитіе скорости, которыя для своего удовольствія представлялись командиру высоко поставленнымъ лицомъ, плававшимъ на кораблѣ...

Добавленіе къ стр. 86. — Стоимость одного современного 12-дюймоваго орудія съ его установкою доходитъ до 100,000 рубл., а стоимость одного выстрѣла изъ него—до 1000 рублей.

По поводу несчастія съ матросомъ, описаннаго нашимъ товарищемъ (см. стр. 111), надо здѣсь добавить слѣдующее: приказъ № 1043 за 1904 г. по Черноморскому флоту ясно указываетъ, что тамъ не существовало тогда правилъ, какъ поступать кораблю, когда человекъ упалъ съ него въ воду (Сообщеніе ген. И. И. Филипенко).

Дополненіе къ стр. 31 и 139 по вопросу о хищеніяхъ во флотѣ. — Въ газ. „Новости“ (въ августѣ 1905 г.) была напечатана корреспонденція, которая обрисовывала цѣлый рядъ злоупотребленій въ петербургскомъ порту непосредственно передъ войной и во время войны въ теченіе четырехъ-лѣтняго періода; въ этой статьѣ названы фамиліи злоупотреблявшихъ лицъ, впослѣдствіи уволенныхъ со службы „съ пенсіей и мундиромъ“ послѣ разслѣдованія дѣла особой комиссіей. Злоупотребленія заключались въ томъ, что портовыми рабочими *за счетъ казны* производились многія работы для частныхъ надобностей,—построены три роскошныхъ дачи въ Павловкѣ, оцѣниваемыя въ 200,000 р., построено заново пять частныхъ пароходовъ, широко производился ремонтъ частныхъ пароходовъ, продавались на сторону цѣнные заготовки изъ дерева, приобреталась и обновлялась домашняя обстановка у начальствующихъ лицъ и т. п.

Добавленіе къ стр. 132 — по вопросу о томъ, какъ непозволительно гг. командиры военныхъ судовъ относятся къ механизмамъ, въ „Крымск. Вѣстн.“ за 1904 г. помѣщено письмо г-на М. Р. къ генералу Филипенко, возбудившему тамъ этотъ вопросъ. Авторъ письма служилъ во флотѣ около 20 лѣтъ и знакомъ со всѣми приемами раздѣргиванія машинъ лихими маневрами командировъ, отдающихъ приказанія въ родѣ слѣдующихъ: „съ *полнаго передняго хода на полный задній*“, „*поль-оборота винта впередъ* (или назадъ)“. Автору этого письма лѣтъ за 10 до войны пришлось служить на крейсерахъ съ однимъ командиромъ, который

при входѣ въ Пирей, при совершенномъ штилѣ и при отсутствіи другихъ судовъ въ портѣ, заставилъ перемѣнить ходъ машины 467 разъ (!); пришлось все это продѣлать, но золотниковые приводы пришли отъ этого въ полную негодность... А какъ Вамъ нравится требованіе, чтобы не выпускался паръ изъ главныхъ котловъ по прибытіи въ портъ, когда о скоромъ наступленіи этого прибытія ни кто Васъ не предупреждаетъ?.. Не малую роль въ неудачахъ нашего флота на Д. Восто-кѣ сыграло невѣдѣніе машиннаго дѣла флотскими офицерами, хотя всѣмъ было извѣстно на этотъ счетъ компетентное мнѣніе покойнаго адм. Макарова, который совѣтовалъ въ курсъ упражненій для мичмановъ ввести обязательное изученіе ими машины и пріемовъ слесарнаго дѣла подъ руководствомъ старшихъ судовыхъ механиковъ. Но развѣ это возможно было осуществить, чтобы „низъ“ поучалъ „верхъ“?..

Добавленіе къ концу главы о разборѣ дѣла Небогатова на судѣ. Въ № 302 „Рус. Вѣд.“ за 1906 г. была помѣщена слѣдующая статья: „Вся атмосфера, изъ которой возникло дѣло Небогатова, была пропитана легкомысліемъ, халатностью, распущенностью и, какъ ни страшно это слово, преступленіемъ. Мы говоримъ не о томъ преступленіи, за которое судился адм. Небогатовъ и за которое онъ номинально приговоренъ къ смерти, какъ номинально были приговорены къ ней спутники адм. Роженственскаго, отдѣлавшіеся очень легкимъ наказаніемъ. Мы говоримъ о всей обстановкѣ отправленія эскадръ Роженственскаго и Небогатова отъ Либавы до Цусимы, о томъ, что предшествовало отправленію и сопровождало его. Если бы надо было еще доказывать, что режимъ мрака и молчанія неизбежно вырабатываетъ ложь, преступность и не создаетъ почвы для проявленія душевнаго величія, достаточно было бы для этого взять въ качествѣ одного изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ Небогатовское дѣло. Въ какомъ состояніи были наши военныя суда, наши орудія, наша морская служба и умѣлость обращаться съ орудіями передъ отправленіемъ въ воды Тихаго океана, объ этомъ достаточно рассказали и подсудимые, и свидѣтели; объ этомъ ярко свидѣтельствуетъ и напечатанное въ газетахъ письмо адм. Бирилева. Гдѣ кончалось легкомысліе, съ какого пункта начиналось преступленіе?.. И въ полномъ соотвѣтствіи съ добросовѣстностью и обдуманностью строившихъ, снаряжавшихъ, отправлявшихъ было отношеніе къ дѣлу и у самихъ отправляемыхъ. Корабли негодны,—ясно; орудія стары,—это бросается въ глаза; снарядовъ недостаточно и для обученія, и для боя съ непріятелемъ,—этого не надо доказывать. И тѣмъ не менѣе идутъ въ бой... Въ этомъ можно бы видѣть своеобразное пониманіе долга, своего рода величіе духа, готовность погибнуть въ виду очевидной негодности того строя, для котораго служилъ и въ силу котораго вѣрилъ. Но негодный строй, опирающійся на легкомысліе, ложь, хищеніе, не можетъ создать въ начальникахъ даже такого величія духа. Намъ незначѣмъ вспоминать цусимскую исторію, не только позорную страницу въ исторіи нашего флота, но и печальное свидѣтельство о томъ, какого рода слугъ отечества создаетъ старый порядокъ. Они связаны съ нимъ нерасторжимыми узами, и нельзя осудить однихъ, не призвавши къ суду всего создаваемаго ихъ строя. Виноваты не отдѣльныя лица, виновата вся система; и если бы адм. Небогатовъ былъ приговоренъ къ смерти не номинально только, едва ли нашлись бы люди, которые признали бы подобный приговоръ справедливымъ... Цусим-

ская эпопея пришла къ концу. О ней можно было бы не вспоминать больше, если бы этотъ финалъ былъ концомъ старыхъ злоупотребленій и стараго порядка. Но на перегнившей почвѣ уже поднимаются новые крѣпкіе отростки прежнихъ сорныхъ растений. Мы видимъ уже ясно очертившіяся фигуры новыхъ крупныхъ хищниковъ, но не видимъ мѣръ, направленныхъ къ уничтоженію стараго; и надъ будущимъ Россіи снова поднимаются силуэты прежнихъ темныхъ силъ, которыя привели насъ къ Цусимѣ“...

6 марта 1908 г. изъ краткихъ газетныхъ сообщеній стало извѣстнымъ, что комиссія государственной обороны при III-й Государственной Думѣ отказала морскому вѣдомству въ кредитахъ на постройку броненосцевъ, не находя возможнымъ приступить къ возсозданію нашего боевого флота безъ предварительной коренной реорганизациі всего морского вѣдомства. Въ финансовой комиссіи Государственнаго Совѣта вопросъ объ этихъ ассигновкахъ нашель себѣ также серьезныхъ противниковъ; въ пользу этихъ ассигновокъ горячо говорили адмиралы Бирилевъ и Чихачевъ, бывшіе морскіе министры.

Указанія на всѣ измѣненія, дополненія и разъясненія, которыя слѣдовало бы ввести при печатаніи 3-го изданія этой книги, будутъ приняты мною съ благодарностію

III, 1908.

П. К. Худяковъ,
Профессоръ Императ. Технич. Уч—ща.